3 1761 08114605 2

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p10russkaiamy36mosk

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

ОКТЯБРЬ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ
1915

Продолжается подписка на 1915 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОГНЕЦВѢТЪ. Сказка въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ.—**Поликсены Соловьевой** 1

II. УЛЬСТЕРЕЦЪ. Современная повѣсть **Франкфорта Мура**. (The Ulsterman. A Story of to day by *Frankfort Moore.*) Съ англійскаго.—Перев. **З. І. Зеньковичъ**. *Продолженіе* 37

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ѳедора Сологуба** 72

IV. БОГОЛЮБСКАЯ. Разсказъ.—**В. А. Мартовскаго** 73

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Сандро Канчели** 93

VI. НА ЧУЖБИНѢ. Разсказъ.—**Анастасіи Чеботаревской** 95

VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Георгія Фонвизина** 102

VIII. СВОБОДНЫЯ ГОРЫ.—**Николая Морозова** 103

IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Андрея Глобы** 141

X. ЧАЙНИЧЕКЪ. Разсказъ.—**Алексѣя Ремизова** 143

XI. ТАЙНА ОРУЖІЯ. Романъ **Эрнеста Психари**. (*Ernest Psichari.* L'Appel des armes.) 164

XII. О ДУХОВНОЙ СУЩНОСТИ ГЕРМАНІИ.—**С. Л. Франка** 1

XIII. НАЦІОНАЛЬНОЕ И МІРОВОЕ ГОСУДАРСТВО.—**М. И. Ростовцева** . 19

XIV. ШАРЛЬ ПЕГИ.—**Г. Селибера** 32

XV. ПАМЯТИ МИХАИЛА ЮЛЬЕВИЧА ГОЛЬДШТЕЙНА.—**Н. С. Дрентельна** 53

XVI. РЕЛИГІЯ НА ВОЙНѢ. По впечатлѣніямъ.—**А. Н.** 60

XVII. КЪ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕРЕВНИ.—**Л. В. Дашкевича** 78

XVIII. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. Къ воспоминаніямъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣсковѣ. Письма **Н. С. Лѣскова** къ Л. Б. Бертенсону.—**Льва Бертенсона** 89

XIX. МОСКОВСКІЕ РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.—**А. А. Кизеветтера** 96

XX. РУБЕЖЪ.—**Михаила Стаховича** 125

XXI. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗВАННЫЯ ВОЙНОЙ.—**Я. М. Букшпана** 130

XXII. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Задачи нашей торговой политики. I. **М. Кулишера.**—2. Анна Павловна Философова.—**А. С. Изгоева.**—3. Изъ германскихъ „программъ войны". **И. О. Левина.**—4. Изъ исторіи балканскаго союза. **С. Лозинскаго. II. Литература и искусство.** 1. С. М. Соловьевъ. **Петра Струве.** — 2. Культура рѣчи. **Н. В. Недоброво.**—3. † К. Е. Маковскій. **А. А. Ростиславова** . 1

XXIII. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ.** I. Книги: Исторія литературы и литературная критика. — Исторія. — Философія.—Правовѣдѣніе.—Политика и публицистика.—Педагогика и народное образованіе. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 сентября по 1 октября 1915 г. 1

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Продолжается подписка на 1915 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.**

2. **Въ Россіи и за границей.** (Обзоры и замѣтки.) Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. **Критическое Обозрѣніе** (Библіографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.**

Въ этомъ году „Русская Мысль" удѣляетъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **75** „	**8** „ **50** „	**4** „ **50** „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи . **1** р. **50** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ **Петроградѣ**, въ главной конторѣ журнала: **Лѣсной просп.** (бывш. **Нюстадская**), **д. 6** (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Петроградъ, Лѣсной пр. (бывш. Нюстадская), 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора „Введеніе въ метафизику". Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ*. Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный перев. съ франц. *В. Флеровой*. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна **1** р. **75** к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ*. Подъ ред. *С. В. Лурье*. Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка*. Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка*. Стр. 256. Цѣна **1** р. **80** к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна **3** рубля.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна **1** р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **50** к.

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна **15** к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). **Русская литература по ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г. — декабрь 1912 г.). **Библіографическій обзоръ.** Стр. 55. Цѣна **60** к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.) Стр. 56. Цѣна **60** коп. Вып. третій (декабрь 1913 г.—декабрь 1914 г.) Стр. 50. Цѣна **60** коп.

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Стр. 40. Цѣна **60** к.

ПЕТРЪ СТРУВЕ. Гр. С. Ю. Витте. Опытъ исторической характеристики. Отд. оттискъ изъ *Русской Мысли*. Цѣна **25** коп.

А. Н. МАНДЕЛЬШТАМЪ. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. Стр. 68. Цѣна 75 коп.

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна **1** р. **75** к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развиваемыхъ въ нихъ мыслей... Я старалась уяснить себѣ основы эстетики".

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—**Красота и свобода.**—**Цвѣты и кристаллы.**—**Искусство вожатый.**—**Тишина.**—**О воздушныхъ мостахъ критики.**—**Путь и цѣль въ искусствѣ.**—**Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна **1** р. **75** к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (перевела) **Объ Окассенѣ и Николетъ.** Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатается:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга*.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Лѣсной просп. [бывш. Нюстадская], 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

Петръ Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв.

Содержаніе: I. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. II. Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. III. Крѣпостная статистика. IV. Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустройства. V. Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II. VI. Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. VII. Два отзыва (о книгѣ В. Г. Бажаева и И. И. Игнатовичъ). Стр. 340 съ тремя таблицами и діаграммой. **Цѣна 2 руб.**

Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ. Москва, Тверской бульваръ, 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый національно-прогрессивный, общественно-политическій еженедѣльникъ съ ежемѣсячнымъ литературно-научнымъ приложеніемъ

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

Въ ежеиедѣльникѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. К. И. Арабажинъ, А. А. Башмаковъ, С. В. Богдановичъ, В. В. Брусянинъ, П. Е. Васильковскій, Б. Б. Глинскій, П. П. Гнѣдичъ, А. И. Гучковъ, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремовъ, чл. Гос. Совѣта А. С. Ермоловъ, Е. И. Игнатьевъ, проф. А. А. Исаевъ, А. А. Измайловъ, чл. Гос. Думы М. А. Карауловъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Клочковъ, чл. Гос. Думы И. С. Клюжевъ, чл. Гос. Думы Е. П. Ковалевскій, академикъ Н. П. Кондаковъ, А. И. Ксюнинъ, П. В. Лавровъ, Д. М. Левшинъ, проф. А. І. Малеинъ, С. К. Литвинъ, чл. Гос. Думы кн. С. П. Мансыревъ, К. П. Медвѣдскій, І. В. Никаноровъ, О. А. Новикова (Кирѣева), В. П. Опочининъ, А. М. Оссендовскій, А. А. Папковъ, А. М. Ренниковъ, П. А. Россіевъ, Н. Ф. Савельевъ, В. И. Семеновъ, Е. П. Семеновъ, В. Г. Сенатовъ, М. И. Сизовъ, А. П. Скугаревскій, М. Слобожанинъ, С. Д. Смирновъ, Б. А. Суворинъ, М. А. Суворинъ, чл. Гос. Думы Н. В. Титовъ, Н. А. Томинъ, А. П. Тупинъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, А. И. Фаресовъ, Н. Н. Фирсовъ (Рускинъ), В. П. Цемовичъ, Е. С. Шумигорскій, И. П. Ювачевъ и др.

Въ ежемѣсячномъ приложеніи будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Подписная цѣна до конца года 3 р. 50 к. вмѣстѣ съ приложеніемъ. Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника 25 к. Въ отдѣльной продажѣ цѣна № ежемѣсячнаго приложенія 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русской Будущности" (Преображенская, 13, кв. 8), а также въ книжномъ магазинѣ т-ва „Новаго Времени" (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени" въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостиный дворъ, Суконная линія, 19) и при конторѣ „Вечерняго Времени" (Невскій, 52).

Адресъ редакціи: Петроградъ, Преображенская, 13, кв. 8; тел. 612—86.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга (изданіе Д. Е. Жуковскаго):

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 гг.). Стр. 619.

Въ этомъ сборникѣ помѣщена статья „Великая Россія", а также рядъ другихъ статей, посвященныхъ вопросамъ внѣшней политики. Въ сборникъ „Patriotica" кромѣ того вошли статьи: „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія", „Интеллигенція и революція", „Интеллигенція и національное лицо", „Герценъ", „Левъ Толстой" и „17 октября 1909 г." (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова).

Цѣна 3 руб.

Книгоиздательство В. П. РЯБУШИНСКАГО.

Москва, Кудринская Садовая, д. 6.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:

Выпускъ третій Изслѣдованій и работъ по политической экономіи и общественнымъ знаніямъ, издаваемыхъ подъ редакц. П. Б. Струве.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе. Отдѣлъ I. Хозяйство и общество. Отдѣлъ II. Цѣна-цѣнность. Стр. XXXV + 358. Ц. 3 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. „распредѣленія". Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Новости, поступившія на складъ.

Введеніе въ экспериментальную психологію. Г. Челпанова, проф., директора психологич. института имени Л. Г. Щукиной при И. М. У. Съ 167 рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

Руководство по рисованію карандашомъ съ натуры. Пособіе для учащихся. Н. К. Евлампіева. Текстъ и атласъ 102 таблицы. Ц. 2 р.

Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ 1862—1910 гг. Изд. 2-е, исправлен. и дополненное. Стр. 604. Ц. 2 р.

Стихотворенія Влад. Соловьева. Изд. 6-е, значительно дополненное, съ варіантами, библіографическими примѣчаніями, біографіей, факсимиле и 2-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

„Война и культура". Серія брошюръ, посвященныхъ войнѣ и различнымъ связаннымъ съ нею вопросамъ, издаваемая подъ редакціей Исторической комиссіи при Учебномъ отдѣлѣ о-ва распр. техн. знаній.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ:

Политическій строй Германіи. Ц. 10 к.
Политическій строй Англіи и Франціи. Ц. 10 к.
Красный крестъ. Ц. 10 к.
Россія и Турція. Ц. 15 к.
Отмѣна капитуляцій въ Турціи. Ц. 8 к.
Голландія. Ц. 12 к.
Англія. Ц. 10 к.
Англія наканунѣ войны. Ц. 12 к.
Польша. Ц. 12 к.
Поляки подъ германскимъ владычествомъ. Ц. 15 к.
Галиція въ ея прошл. и настоящ. Ц. 15 к.
Румынія. Ц. 12 к.
Борьба за колоніи. Ц. 15 к.
Что такое международное право. Ц. 10 к.
Англія и Германія. Ц. 15 к.
Имперія Франца Іосифа. Ц. 10 к.
Германія. Ц. 15 к.
Евреи въ Россіи. Ц. 10 к.
Желѣзный канцлеръ Бисмаркъ, творецъ германской имперіи. Ц. 18 к.
Прибалтійскій край. Ц. 15 к.
Россія и Германія. Ц. 15 к.
Тройственный союзъ и тройственное согласіе. Ц. 15 к.
Франція и Россія. Ц. 10 к.
Фельдмаршалъ Мольтке. Ц. 18 к.
Земство и всероссійскій земскій союзъ. Ц. 12 к.
Кавказъ и закавказье. Ц. 18 к.
Политическая жизнь Германіи. Ц. 10 к.
Магометъ и магометанство. Ц. 15 к.
Вильгельмъ II. Ц. 15 к.
Россія и Австрія. Ц. 15 к.
Война и крестьянское хозяйство. Ц. 8 к.
Воздухоплаваніе и война. Ц. 15 к.
Италія. Ц. 10 к.
Балканскія войны и ихъ результаты. Ц. 10 к.
Бельгія. Ц. 15 к.
Сербія. Ц. 18 к.
Черногорія. Ц. 10 к.
Болгарія. Ц. 15 к.
Славяне. Ихъ прошл. и настоящ. Ц. 18 к.
Соединенные Штаты. Ц. 10 к.
Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны. Ц. 20 к.
Чехія. Ц. 15 к.
Египетъ. Ц. 15 к.
Константинополь. Ц. 18 к.
Франція. Ц. 15 к.
Турція. Ц. 15 к.
Нѣмецкая культура и война. Ц. 18 к.

Послѣдующіе выпуски частью готовятся къ печати, частью печатаются.

„Подробная карманная карта военныхъ дѣйствій (складная)". Въ 5 красокъ, въ масштабѣ 1:2,500,000. Цѣна въ папкѣ 60 к.

Карта военныхъ дѣйствій въ Закавказьѣ и Азіатской Россіи. Размѣръ 15×24, на плотной бумагѣ, въ 5 красокъ. Масштабъ 1:1,000,000. Цѣна 50 к.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Женскій сборникъ въ пользу Ялтинскаго попечител. о пріѣзжихъ больныхъ и больныхъ туберкулезомъ изъ дѣйствующей арміи. Съ участіемъ: А. Авиловой, Х. Алчевской, Христины Алчевской, М. Ассъ, В. Базеловской, О. Балхиной, О. Бѣляевской, З. Гиппіусъ, В. Микуличъ, Е. Мравиной, С. Лаврентьевой, М. Савиной, П. Соловьевой (Allegro), А. Сэдъ, С. Татариновой, М. Толмачевой, А. Стернъ, Т. Сухотиной-Толстой, Т. Щепкиной-Куперникъ, Е. Экъ, Энде и др. Ц. 1 р.

Москва. Путеводитель. Историческая комиссія учебнаго отдѣла общ. распр. технич. знаній. Подъ редакціей Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленскаго, М. С. Сергѣева и К. В. Сивкова. Съ 54 иллюстраціями, 6 планами и 4 діаграммами. 702 стр. Ц. въ мягк. коленкор. перепл. съ рис. худ. П. Афанасьева 2 р. 50 к.

Руководство прикладной тактики. (Пособіе для офицеровъ.) Состав. ген.-м. А. Безруковъ. Свыше 550 стр. текста и 61 схема. Ц. 3 р. 50 к.

Русская военная сила. А. Н. Петрова. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени, съ рисунками одеждъ и вооруженій, картами, планами сраженій и укрѣпленій. Изд. 2-е. 2 тома. Ц. 5 р.

Четыре войны. П. Алабина. Походн. записки въ 1849, 53, 54—56, 1877—78 годахъ. Ч. I. Венгерская война 1849 г. Ц. 2 руб. Тоже, ч. II. Восточная война 1853—54 гг. Ц. 3 р. Тоже, ч. III. Защита Севастополя 1854—56 гг. Ц. 4 р.

„Одинокій". Король Людвигъ II Баварскій и его замки. С. И. Лаврентьевой. Съ рисунками и портретами. Ц. 1 р. 50 к.

По Азіатской и Европейской Турціи. Гроте Гуго. Перев. О. Романовой, подъ редакц. С. Григорьева. Со многими рисунк. и картой. Ц. 1 р.

Балканскій полуостровъ. С. Меча. Греція, Критъ, Турція, Черногорія, Сербія, Болгарія и Румынія. Ц. 50 к.

Чехія и чехи. В. И. М. Очеркъ. Съ картой и рисунками. Ц. 40 к.

Англія, Уэльсъ и Ирландія. Е. Астори. Изъ личныхъ замѣтокъ и наблюденій. Ц. 60 к.

Очерки современной Италіи. М. Осоргина. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣчный городъ. (Итоги пережитаго.) П. Д. Боборынина. Ц. 1 р.

Путеводители-сборники изданія „Образовательныхъ экскурсій". **Парижъ.** 286 стр., съ 49 иллюстр. на мѣлов. бум. **Италія.** 222 стр., съ 51 иллюстр. на мѣлов. бум. **Римъ.** 256 стр., съ 36 иллюстр. на мѣлов. бум. **Швейцарія.** 193 стр., съ 48 иллюстр. на мѣлов. бум. Ц. каждой книги въ полукож. перепл. 1 р. 50 к.

Римъ. Справочникъ-путеводитель. Б. Грифцова. 154 стр. съ планомъ города и музеевъ. Изд. „Образовательныя экскурсіи". Ц. 75 к.

Города. К. Гассерта. Географическій этюдъ. Въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго, съ добавлен. Л. Д. Синицкаго. Съ 31 иллюстр. Ц. 75 к.

Элементы общаго землевѣдѣнія. Е. М. Чепурковскаго. Со многими рисунками и картами въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.

Начальный курсъ физической географіи. А. Кронеберга. Съ рисунк. и цвѣтными картами въ текстѣ. Руководство для средн. учебн. заведен. Ц. 75 к.

Картины по физической географіи. Составили преподаватели: С. В. Агаповъ, Б. П. Кащенко, М. К. Цвѣтаева и В. А. Шереметевскій. Рисовалъ художникъ В. Ватагинъ. Серія I (6 картинъ): 1) Приливъ. 2) Отливъ. 3) Горная цѣпь. 4) Горная рѣка. 5) Ледникъ (общій видъ). 6) Ледяная гора. Размѣръ картины безъ полей 52×70 с/м., съ полями—76×96 с/м. Пояснительный текстъ къ картинамъ составленъ Б. П. Кащенко. Цѣна I-ой серіи (6 картинъ)—6 р. Цѣна текста—30 к.

Первые шаги въ наукѣ о землѣ. Проф. I. Вальтера. Общедост. введеніе и наставленіе къ производ. наблюденій. Съ 102 рисунк. и 123 задачами. Перев. А. К. Носкова. Изд. 2-е подъ ред. А. А. Черпова и проф. Д. Н. Анучина. Ц. 70 к.

Руководство общей хирургіи. Г. Тильманса, проф. Общая оперативная техника и общая техника повязокъ. Общая патологія и терапія. Съ 784 рисунками въ текстѣ, изъ нихъ нѣкоторыми въ краскахъ. Переводъ съ 10-го изданія проф. А. Л. Введенскаго. Ц. 7 р., въ переплетѣ 8 р.

Антисептика и асептика. Д-ра мед. Н. З. Иванова. Необходимыя свѣдѣнія для акушерокъ и фельдшерицъ. Съ 23 рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Ц. 1 р.

Медицинская бактеріологія. Г. Габричевскаго, прив.-доц., завѣд. бактеріологич. инстит. Императ. московск. университета. 4-е посмертное дополн. изданіе. Съ 63 рис., 5 таблиц. и портретомъ автора. Ц. 4 р.

Руководство къ клинической микроскопіи для врачей и студентовъ. В. Е. Предтеченскаго, прив.-доц. Импер. московск. университета. 4-е, исправл. и дополн., изд. 19 хромолитографированныхъ таблицъ, съ 101 рис. Ц. 3 р. 50 к.

Атласъ по анатоміи человѣка, въ 3-хъ частяхъ. В. Шпальтегольца, проф. анатоміи лейпцигск. университ. Переводъ Н. А. Батуева, проф. анатоміи въ новороссійск. университ. Часть 1-я. Кости, суставы, связки. Изд. 3-е. Ц. 4 р. 50 к. Часть 2-я. Области, мускулы, фасціи, сердце, кровеносные сосуды. Изд. 3-е, исправл., и дополн. Ц. 4 р. 50 к. Часть 3-я, вып. 1-й. Внутренности. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к. Часть 3-я, вып. 2-й. Нервная система и органы чувствъ. Изд. 2-е. Ц. 4 р. 25 к.

Анатомія для художниковъ. М. Дюваля. Полный перев. съ новѣйшей терминологіей. Съ 76 рис. въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

Головной и спинной мозгъ. Руководство къ изученію морфологіи и хода волоконъ. Д-ра мед. E. Villiger'a, прив.-доц. неврологіи Базел. унив. Пер. съ 3-го нѣм. дополн. изд. студ.-медик. М. Аникина и А. Мокроусова подъ ред. заслужен. ординарн. проф. Московск. универ. И. Ф. Огнева и д-ра Э. В. Шмидтъ. Съ 232 рисунками, отчасти въ краскахъ. Ц. 3 р. 75 к., въ коленкор. переп. 4 р. 20 к.

Очерки изъ жизни растеній. О. Шмейля. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 443 стр., съ 40 цвѣтными таблицами и многочислен. рис. въ текстѣ художн. В. Гейбаха. 2-е переработ. изд. Ц. 3 р., въ изящномъ, тиснен. въ нѣск. красокъ перепл. 3 р. 75 к.

Растительный міръ. Гастона Боннье, члена института, проф. въ Сорбоннѣ. Съ 230 фигурами въ текстѣ. Пер. Н. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Страсбургера, Э., д-ра, Нолль, Ф., д-ра, Карстена, Г., д-ра, Шенка, Г., д-ра, и Шимпера, д-ра. Перев. съ 9-го нѣмец. изд. М. И. Голенкина и В. А. Дейнеги. Изд. 3-е, полное, съ 802 рисунками, отчасти въ краскахъ. Ц. 4 р.

Руководство къ зоологіи. Т. Д. Паркера и В. А. Гасвелль. Переводъ съ англ. М. А. Мензбира. Томъ I, первая половина. Съ 317 рисунками. Ц. 3 р. Т. I, вторая половина. Съ 346 рисунками. Ц. 3 р.

Сравнительная анатомія позвоночныхъ животныхъ. Д. С. Кингсли, проф. біологіи въ коллегіи Тафта, Массач. Перев. съ англійск. М. А. Мензбира, б. проф. зоологіи и сравнител. анатоміи въ Имп. московск. универс. и М. М. Новикова, проф. сравнител. анатоміи въ Московск. коммерческ. истит. Съ 346 рис. Ц. 3 р. 50 к.

Рѣшеніе „Сборника алгебраическихъ задачъ В. М. Ипатова". П. А. Ситковскаго и В. В. Черневскаго. Ц. 1 р.

Сборникъ геометрическихъ задачъ на вращеніе различныхъ фигуръ. В. Полидорова. Ц. 25 к.

Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Г. Лемэра. Задачи на построеніе. 211 фигуръ въ текстѣ. Перев. съ франц. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Н. Н. Маракуева. Задачи на вычисленіе. Ц. 2 р.

Основной курсъ начертательной геометріи. Д. Н. Головнина, адъюнктъ-проф. Пособіе для учащихся и для самообразованія. Часть I. Точка. Прямая. Плоскость. Съ атласомъ изъ 154 чертежей. Ц. 2 р. 25 к. Часть II. Кривыя поверхности. Съ атласомъ изъ 84 чертежей. Ц. 2 р.

Руководство высшей геометріи. М. Шаль (M. Challes). Переводъ съ послѣдняго (2-го) французск. изд. А. Безрукова. Съ 198 чертежами. Ц. 5 р. 50 к.

Элементы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. В. Гренвиля. Для инженеровъ, техниковъ и для изученія безъ помощи учителя. Перев. съ англійск. Н. Н. Маракуева. Съ 236 чертежами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Введеніе въ теорію функцій съ одной перемѣнною. Жюля Таннери. Перев. съ франц. А. Безруковъ. Томъ. I. Изд. 2-е. Ц. 5 р. Томъ. II. Изд. 2-е. Съ замѣткою Гадамара. Ц. 5 р.

Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика.) Э. Дебо. Съ приложеніемъ главы: „Опыты безъ приборовъ". 505 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р.

Популярная физика. В. Натансона, проф. Перев. съ польск. А. Р—аго. Съ 140 рисунк. въ текстѣ. Ц. 85 к.

Ученіе о свѣтѣ. Э. Эдзера. Перев. съ англ. Н. Маракуева. Съ 306 фигур. въ текстѣ, 2 цвѣтными таблицами и 1 черной таблицей солнечн. спектра. Ц. 4 р.

Рѣчи и статьи. Д. К. Максуэлля. (О дѣйствіи на разстояніи. Молекулы. Атомъ. Притяженіе. Эѳиръ.) Переводъ Н. Н. Маракуева. Ц. 80 к.

Элементарные уроки по электричеству и магнетизму. Ф. Сильвануса Томпсона. Перев. Н. Н Маракуева съ послѣдняго 35-го изданія. Съ прибавленіями переводчика: 1) О явленіи Зеемана. 2) О токахъ Тесла. 3) О телеграфѣ Маркони. 4) О телефонографѣ Поульсена. Съ 294 фигурами въ текстѣ и 2 магнитными картами. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Н. Н. Маракуева. Курсъ средней школы. 956 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями и съ 284 фиг. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Пособіе къ практическ. занятіямъ по неорганической химіи. С. Жуковскаго. Съ предисл. Ив. Каблукова. Изд. 3-е, подъ ред. В. Ниленде́ра. Ц. 80 к.

Краткій повторител. курсъ (Repetitorium) органической химіи по Булыгинскому, Реформатскому и Тамману. И. Бѣлозерова. Ц. 1 р.

Критическая исторія общихъ принциповъ механики, съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Е. Дюринга. Перев. съ нѣмецк. Н. Маракуева. Ц. 4 р.

Руководство теоретической (раціональной) механики. П. Аппелль (Paul Appell), члена института, декана факультета наукъ въ Парижѣ. Т. I. **Статика. Динамика точки.** Пер. съ послѣдн. (3-го) франц. изд. 1909 г. А. Безруковъ. Ц. 6 к. Т. II. **Динамика системъ. Аналитическая механика.** Ц. 5 р. 50 к. Т. III. **Равновѣсіе и движеніе сплошныхъ срединъ.** Съ замѣткою Э. и Ф. Коссера объ Евклидовскомъ дѣйствіи. Ц. 6 р.

Электротехника въ задачахъ и примѣрахъ. Г. Генселя, инж. Вып. I: Постоянный токъ. Теорія, расчеты, схемы и 500 задачъ и примѣровъ. Руководство для учащихся и для самообученія. Изд. 5-е, вновь пересмотрѣнное. Ц. 2 р. Вып. II: Перемѣнные токи. Изд. 3-е. Съ 80 фиг. въ текстѣ. Ц. 1 р. 75 к.

Популярный курсъ электротехники сильныхъ токовъ. Постоянный и перемѣнные токи. Его же. Съ 224 фигур. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц 1 р. 85 к.

Учебникъ электротехники для технич. школъ и практики. М. Кролля, проф. правител. промышл. учил. въ Пильзенѣ. Перев. съ нѣм. инж.-механ. Е. А. Туликова и Л. Ю. Сегалова. Подъ ред. д-ра-инж., ад.-проф. Императ. технич. училища Б. И. Угримова. Съ 595 фигур. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Основы техники сильныхъ токовъ. Б. Угримова, д-ра-инжер., ад.-проф. Император. техническ. учил., препод. Коммерч. инст., и Г. Генселя, инж., препод. Александ. техн. ж.-д. учил. и первыхъ электротехнич. курсовъ. Томъ I. Постоянный токъ. Пособіе для инженеровъ, архитекторовъ, техниковъ и учащихся. Съ 601 фигурами въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 4 р. Томъ II. Перемѣнные токи. 2-е пересмотр. и дополн. изданіе съ приложеніемъ статьи „Коллекторные двигатели" препод. И. т. уч-а К. П. Шенферъ. Съ 586 фигурами въ текстѣ и 3 таблиц. Ц. 5 р.

Техника сильныхъ токовъ. Б. Угримова, препод. Импер. техн. учил. Т. II. Перемѣнные токи. Вращающіяся магнитн. поля. Трансформаторы. Изд. 3-е, со 189 фигурами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Построеніе и примѣненіе номограммъ. Дж. Б. Педля. Разрѣшенный авторомъ перев. съ англійск. Е. П. Куколевской, подъ ред. преподават. Императорск. московск. технич. училища Р. В. Полякова. Съ 58 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Машиностроительное черченіе и скицированіе. Н. К. Пафнутьева, инж.-механ., преподав. Императ. московск. технич. училища. Пособіе для начинающихъ техниковъ и учащихся. Съ 116 фигур. въ текстѣ и двумя таблицами. Ц. 1 р. 35 к.

Детали машинъ. П. К. Худякова и А. И. Сидорова, проф. Импер. москов. технич. училища. Ч. I. Изд. 3-е. Ц. 2 р. Ч. II. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Атласъ конструктивныхъ чертежей деталей машинъ. Ихъ же. Ч. I. Изд. 4-е. Ц. 6 р. Ч. II. Изд. 4-е. Ц. 6 р.

Задачи по деталямъ машинъ (со включеніемъ задачъ на переводъ формулъ въ другія мѣры). А. И. Сидорова, проф. Императ. москов. технич. училища. Серія I. Съ 227 чертеж. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Трубы и ихъ соединенія. А. И. Сидорова, проф. императорск. техническ. учил. Большой томъ въ 491 стр., съ 400 чертеж. Ц. 8 р.

Противъ „Капитала" К. Маркса. Ученіе о технической рентѣ. А. И. Трофимова, инженера-техволога. Ц. 2 р.

Новый взглядъ на природу и причины богатства народовъ. Его же. Попытка обращенія къ сужденію здравомыслящихъ людей изъ народа. Ц. 20 к.

Техническая рента какъ источникъ прибыли (къ кризису интеллигенціи). Его же. Ц. 50 к.

Теорія прибавочной стоимости К. Маркса съ технической точки зрѣнія. Его же. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Матеріалистическое пониманіе исторіи. Что такое интеллигенція? Его же. На основѣ закона технической ренты. Цѣна предметовъ рѣдкихъ къ вопросу о голодѣ. Ц. 20 к.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

НОЯ 1915

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

БИБЛІОТЕКА

КНИГА X

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

AP
50
R8
9.36
10.10

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1915.

1915

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ОГНЕЦВѢТЪ. Сказка въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ.—**Поликсены Соловьевой**	1
II.	УЛЬСТЕРЕЦЪ. Современная повѣсть **Франкфорта Мура.** (The Ulsterman. A Story of to day by *Frankfort Moore.*) Съ англійскаго.—Перев. **З. Зеньковичъ.** *Продолженіе*	37
III.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ѳедора Сологуба**	72
IV.	БОГОЛЮБСКАЯ. Разсказъ.—**В. А. Мартовскаго**	73
V.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Сандро Канчели**	93
VI.	НА ЧУЖБИНѢ. Разсказъ.—**Анастасіи Чеботаревской**	95
VII.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Георгія Фонвизина**	102
VIII.	СВОБОДНЫЯ ГОРЫ.—**Николая Морозова**	103
IX.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Андрея Глобы**	141
X.	ЧАЙНИЧЕКЪ. Разсказъ.—**Алексѣя Ремизова**	143
XI.	ТАЙНА ОРУЖІЯ. Романъ **Эрнеста Псикари.** (*Ernest Psichari.* L'Appel des armes.) Съ французскаго	164
XII.	О ДУХОВНОЙ СУЩНОСТИ ГЕРМАНІИ.—**С. Л. Франка**	1
XIII.	НАЦІОНАЛЬНОЕ И МІРОВОЕ ГОСУДАРСТВО.—**М. И. Ростовцева**	19
XIV.	ШАРЛЬ ПЕГИ.—**Г. Селибера**	32
XV.	ПАМЯТИ МИХАИЛА ЮЛЬЕВИЧА ГОЛЬДШТЕЙНА.—**Н. С. Дрентельна**	53
XVI.	РЕЛИГІЯ НА ВОЙНѢ. По впечатлѣніямъ.—**А. Н.**	60
XVII.	КЪ ОРГАНИЗАЦІИ ДЕРЕВНИ.—**Л. В. Дашкевича**	78
XVIII.	МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. Къ воспоминаніямъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣсковѣ. Письма **Н. С. Лѣскова** къ Л. Б. Бертенсону.—**Льва Бертенсона**	89
XIX.	МОСКОВСКІЕ РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.—**А. А. Кизеветтера**	96
XX.	РУБЕЖЪ.—**Михаила Стаховича**	125

Стр.

XXI. ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗВАННЫЯ ВОЙНОЙ.—**Я. М. Букшпана** 130

XXII. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Задачи нашей торговой политики. **I. М. Кулишера.**—2. Анна Павловна Философова. **А. С. Изгоева.** — 3. Изъ германскихъ „программъ войны". **И. О. Левина.** — 4. Изъ исторіи балканскаго союза. **С. Лозинскаго.** II. **Литература и искусство.** 1. С. М. Соловьевъ. **Петра Струве.** — 2. Культура рѣчи. **Н. В. Недоброво.** — 3. † К. Е. Маковскій. **А. А. Ростиславова** 1

XXIII. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Исторія литературы и литературная критика.—Исторія.—Философія.—Правовѣдѣніе.—Политика и публицистика.—Педагогика и народное образованіе. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 сентября по 1 октября 1915 г.** 1

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по **понедѣльникамъ** отъ 2—5 ч.

Секретарь — по **четвергамъ** отъ 3 — 5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

ОГНЕЦВѢТЪ.

Сказка въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Трофимъ—мужикъ.
Матрена—его жена.
Акимка—14 лѣтъ.
Грунька—12 лѣтъ.
Терешка—10 лѣтъ.
Ѳеклушка—9 лѣтъ.
Матрешка—8 лѣтъ.
Тишка—7 лѣтъ.
Лушка—6 лѣтъ.
} ихъ дѣти.

Геранька
Паранька
} 8-ми лѣтъ, сироты-близнецы, пріемыши Трофима и Матрены.

Дѣдъ
Бабка
} родители Матрены.

Странникъ-старецъ.
Старый бѣсъ.

Долгорогъ
Брыкъ
Трахъ
Фукъ
} бѣсенята.

Проклянъ
Мерзокъ
Тьфу
} бѣсенята.

Огнецвѣтъ.
Ручейница.
Лѣсовикъ.
Старый дубъ.
Ель.
Береза.
Лѣсной вѣтеръ.
Моховикъ.

1-й
2-й
3-й
4-й
} мертвые листья.

1-й
2-й
3-й
4-й
} бояре.

Дьякъ.

Стольники, чашники, рынды, народъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ внутренность курной избы. Прямо входная дверь. Налѣво печь. На задней стѣнѣ два окошечка. Подъ нимъ лавки. Передъ лавками столъ. На печи лежатъ дѣдъ и бабка. Трофимъ сидитъ въ углу на лавкѣ. Входитъ Матрена.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Трофимъ, Матрена, дѣдъ и бабка.

Матрена.—Обошла я всѣ дворы,
Нашей нѣтъ нигдѣ Чернухи.

Бабы баютъ: чай, отъ мухи
Въ лѣсъ ушла, аль отъ жары.
Лѣшій тамъ и закрутилъ.

Трофимъ.—Слухай больше: бабьи толки!
Коль Петруха въ лѣсъ пустилъ,
Можетъ, тамъ заѣли волки.

Матрена.—Охъ, типунъ тѣ на языкъ!
Вишь ты: волки на Купалу!

Дѣдъ.—Не дослышалъ я, старикъ:
Съ полки, что ли, что упало?

(Вбѣгаетъ Терешка.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Терешка.

Терешка.—Мамка! Хлѣбца съ молокомъ'

Матрена.—А откелева возьмемъ?

Терешка.—Я видалъ: пригнали стадо.

Матрена.—Намъ чужихъ коровъ не надо.
А Чернуха не пришла.

(Вбѣгаетъ Акимка.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Акимка.

Акимка.—Молока то мать дала?

Матрена.—Вотъ вамъ хлѣбца полъ-краюхи.

(Входятъ Ѳеклушка, Матрешка, Тишка, Лушка, Геранька и Паранька. Они окружаютъ Матрену, которая раздаетъ имъ кусочки хлѣба.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Ѳеклушка, Матрешка, Тишка, Лушка, Геранька и Паранька.

Терешка.—Что-то корки больно су́хи

Тишка.—Я свою—сосалъ, сосалъ!

Матрена (мужу).—Молочка хотятъ, слыхалъ?

Трофимъ.—Мнѣ ребятъ и самому
Жаль, да гдѣ-жъ теперь возьму?

Матрена.—Гдѣ возьму! Ищи Чернуху.
Поспрошай поди Петруху.
Я въ работѣ цѣльный день,
А ему подняться лѣнь!
Дѣлать что—все я, да я:
Мой, вари, бѣли холстину.

Чать, не малая семья,
День денской натрудишь спину.

(Вбѣгаетъ Грунька.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Грунька.

Грунька.—Ждутъ дѣвчонки, вмѣстѣ нà рѣку итти.
Я домой-то забѣжала по пути
Молочка испить...
Акимка— Чернуха не пришла
Мамка сказывала.
Грунька.— Что ты? Ну, дѣла!
Паранька.—Дѣдъ, я на рѣку съ дѣвчонками пойду.
Геранька.—Ты услышишь, какъ хвачу я во дуду!
Грунька.—Почитай, что вся деревня у рѣки.
Ѳеклушка—Завиваютъ всѣ большущіе вѣнки.

(За сценой слышна пѣсня.)

Пѣсня.

Наберу я во лугу
Цвѣтиковъ не мало.
Гой, ты, Купало,
Веселый Купало!
Соплету я съ василькомъ
Маки, маки алы.
Гой ты, Купало,
Веселый Купало!
Ты плыви, плыви, вѣнокъ,
Чтобъ на дно не пало.
Гой ты, Купало,
Веселый Купало!

Матрешка.—Бабка, выйди поглядѣть-то на костры.
Бабка.—Прыгать станете?
Терешка.— Я первый, да съ горы!
Тишка, прыгнешь?
Тишка.— Больно мнѣ поѣсть охота.
Матрена.—Праздникъ всѣмъ, а мнѣ съ коровою забота!

(Мужу.)

Поглядѣлъ бы на Ивана, на сосѣда:
Чать, ребятъ онъ не оставитъ безъ обѣда.
А жена сидитъ въ углу, сложимши руки.
Развѣ сѣмячекъ пощелкаетъ отъ скуки.

Поучился-бъ, непутевый ты, у свата.
Самъ хозяинъ тамъ въ работѣ, и богато
Какъ живутъ: полтины носитъ, не полушки.

Лушка.—Молочка мнѣ!...

Матрена.— А не хочешь колотушки?
Силы нѣту, надоѣла, въ самомъ дѣлѣ!

Лушка.—Гдѣ Чернушка?

Акимка.— Въ лѣсъ ушла, тамъ волки съѣли.

(Лушка реветъ.)

Грунька.—Что ты дразнишься? (Лушкѣ.) Чернуху жалко стало?
Не реви! Забыла: нонѣ, чай, Купало.
Нешто умный кто реветъ въ такіе дни?

Акимка (Тишкѣ).—Подпояскою животъ-то подтяни,
Коли голоденъ. Слыхалъ я, помогаетъ.

Ѳеклушка (глянувъ въ окно).—Ой, сестрицы! Дѣвки пѣсни запѣваютъ!

(За сценой слышна пѣсня.)

Пѣсня.

Я двѣнадцать травъ
Соберу, соберу
По лугамъ, полямъ,
Во бору, во бору.
Колокольчикъ, макъ,
Васильки, васильки,
Разноцвѣтъ, ушко,
Ноготки, ноготки,
Девясилъ, колунъ,
Сонъ-траву, сонъ-траву,
Излюдинъ, купырь
Я сорву, я сорву.
Я завью вѣнокъ
Со дремо̀й, со дремо̀й,
По рѣкѣ пущу,
Милый мой, милый мой!
А сама пойду
Бережкомъ, бережкомъ
За твоимъ да своимъ
За вѣнкомъ, за вѣнкомъ.

Матрешка.—Гляньте, гляньте-ка, идутъ съ вѣнками всѣ!

Грунька.—Чуръ! На утро искупаемся въ росѣ!

Матрешка.—Ой, и любо! Пѣсни, цвѣтики, рѣка!

Терешка.—Ничего, что не достали молока.
Матрена.—Грунька, слышь, тамъ больно долго не сиди.
Какъ зажгутъ костры, ребятъ домой веди.
Геранька.—Дѣдъ, прислушайся: какъ гряну я въ дуду!
Бабка.—Побѣжали... вишь, забыли про бѣду.

(Ребята убѣгаютъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же безъ ребятъ.

Матрена.—Вотъ, набѣгаются тамъ, придутъ домой,
Животы имъ подведетъ—поднимутъ вой.
Трофимъ.—Какъ же быть-то, мать? Ребятъ мнѣ больно жалко.
Матрена.—Такъ иди искать Чернуху. Аль русалка
Защекочетъ? Али лѣшій заведетъ?
Трофимъ.—Ну, пустое! Такъ болтаетъ зря народъ.
Матрена.—А болтаетъ зря, такъ ты иди скорѣе.
Трофимъ.—На ночь глядя-то! Ужо, вотъ, на зарѣ я...
Матрена.—На зарѣ пойдешь, а дѣти голодай.
Я на всѣхъ одна работай-поспѣвай.
Безъ коровы пропадемъ мы: на печи
Дѣдъ да бабка протираютъ кирпичи.
Больно стары, не отъ нихъ мнѣ ждать подмоги:
Плохо слышатъ, плохо видятъ, слабы ноги.
Шутка-ль: семеро ребятъ рты разѣваютъ,
Рвутъ да пачкаютъ...
Трофимъ.— Акимка помогаетъ
Съ Грунькой...
Матрена.— Въ тягость намъ, въ обузу лишній ротъ,
А Трофимъ Ильичъ набралъ еще сиротъ.
Благодѣтель хочешь быть—такъ встань поранѣ,
Поработай на Гераньку да Параню.
Ничего, чать, сиротамъ-то не припасъ.
Что сидишь сычомъ? Аль правда колетъ глазъ?
Въ лѣсъ ступай!
Трофимъ.— Охъ, баба! Ѣшь, какъ ржа желѣзо.
Отвяжись! Въ лѣсъ на Купалу не полѣзу.
Матрена.—Коль добромъ ты не пойдешь...
Трофимъ.— Нѣтъ, не пойду.
Бабка.—Задудѣлъ никакъ Геранька нашъ въ дуду.

(Доносится музыка. Когда она смолкаетъ, слышенъ стукъ въ окно.)

Матрена.—Кто тамъ?

Странникъ (за сценой).—Страннаго впустите
Отдохнуть и накормите.
Матрена.—Ѣсть намъ нечего самимъ,
Что-жъ мы странному дадимъ?
Трофимъ.—Отдохнуть онъ проситъ, мать!
Какъ усталаго прогнать?
Матрена.—Охъ, ужъ милостивъ ты больно:
Безъ него хлопотъ довольно
На селѣ есть богачи,
Странный къ нимъ и постучи,
А почто стучаться къ намъ?
Всѣхъ бѣднѣй мы—видитъ самъ.

(Стукъ въ окно.)

Бабка (слѣзая съ печи).—Дѣдъ, стучатъ. Нагника-ка ухо.
Дѣдъ.— Слышу, слышу я, старуха! (Слѣзая съ печи.)
Кто стучится, дочка, къ намъ?
Матрена.—Странникъ. Что ему я дамъ?
Бабка.—Что ему дадимъ, сыночекъ?
Нешто хлѣбушка кусочекъ?
Трофимъ.—Охъ, да что тутъ слушать бабъ!
Человѣкъ усталъ, ослабъ...

(Идетъ и отворяетъ дверь. Входитъ странникъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и странникъ.

Трофимъ.—Просимъ милости, прохожій!
Вижу, человѣкъ ты Божій,
Такъ ужъ насъ не обезсудь.
Коли хочешь отдохнуть,
Отдохни, а въ печкѣ пусто:
Не варили и капусты.
Больно мы бѣдно живемъ.
Нонѣ хлѣбъ сухой жуемъ.
Не вернулась, вишь, корова,
Молочка и нѣтъ парного.
Заплуталась, знать, въ лѣсу...
Дай, я торбу донесу.
Странникъ.—Богъ спаси за милость вашу,
Коли нѣтъ ни щей, ни каши,
Такъ и корки хороши
Для спасенія души.

Дѣдъ.—На груди, видать мнѣ, крестъ:
Изъ святыхъ, знать, старецъ мѣстъ?
Странникъ.—По святымъ хожу мѣстамъ,
Много ихъ и здѣсь, и тамъ.
Съ Іордани со рѣки
Пробираюсь въ Соловки.

(Садится въ углу на лавку. Входятъ: Матрешка, Геранька, Паранька, Терешка, Грунька. Послѣдняя ведетъ за руки Тишку и Лушку.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Матрешка, Терешка, Геранька, Паранька, Грунька, Тишка, Лушка.

Грунька.—Охъ, съ ребятами бѣда:
На умѣ—одна ѣда.
Оба въ ревъ: „Дай, Грунька, ѣсть!“
Ни пойти мнѣ, ни присѣсть.
Ужъ дѣвчонки говорятъ:
„Уводи своихъ ребятъ!“
Лушка.—Молочка хочу... Чернушка... (Реветъ.)
Тишка.—Ужъ и рева эта Лушка!
Терешка.—Самъ ты, Тишка, все ревѣлъ.
Тишка.—Чать, я цѣльный день не ѣлъ. (Реветъ.)
Бабка.—Дочка, Мотря, ты послухай:
Кто же сходитъ за Чернухой?
Вѣдь семья-то велика.
Какъ прожить безъ молока?
Старый пьетъ его и малый.
И безъ мяса и безъ сала
Почитай что круглый годъ
Всѣ живемъ мы безъ хлопотъ.
И ребята всѣ здоровы,
А коль ежель безъ коровы...
Дѣдъ.—Не прожить намъ николи.
Матрена.—Ты Трофима въ лѣсъ пошли.
Бабка.—Правда, ты-бъ сходилъ сыночекъ!
Трофимъ.—Что топтаться середь кочекъ:
Соберусь, пойду зарей.
Матрена.—Да, пошелъ одинъ такой.
Лушка.—Кто сидитъ въ углу-то, глянь-ка,
Что за дѣдушка, Паранька?
Тишка.—Это кто же тамъ такой?
Дѣдъ... а крестикъ-то какой! (Ребята собираются вокругъ старца.)

Странникъ.—Подь-ка, дѣвонька, послушь-ка,
Какъ те звать?
Лушка.— Меня-то? Лушка.
Странникъ.—Чтобъ Господь тебя берегъ,
Дай надѣну образокъ. (Вынимаетъ изъ торбы образокъ и надѣваетъ на шею Лушкѣ. Тишкѣ:)
Чать, сбираешься въ подпаски? (Даетъ ему поясокъ.)
Вотъ тебѣ для подпояски.
Дамъ я дѣвонькѣ-сироткѣ
Съ краснымъ черненькія чётки. (Даетъ чётки Паранькѣ.)
Это кто же? Братъ твой, что-ль?..
Хочешь крестикъ? На, изволь. (Даетъ Геранькѣ крестикъ.)
А тебѣ я, синь глазокъ,
Дамъ съ рѣзьбою образокъ. (Даетъ образокъ Грунькѣ.)
Звать тебя, кажись, Матрешка?
Вотъ тебѣ съ узоромъ ложка. (Даетъ ложку Матрешкѣ.)
Для тебя я, паренекъ,
Вотъ сулейку приберегъ.
Въ ней водица. Не простая:
Съ Іордань рѣки, святая. (Даетъ Терешкѣ сулейку.)
Лушка.—Нонѣ праздникъ, дѣдъ, Купало,
А Чернуха и пропала.
Паранька.—Дѣвки баютъ: бѣсъ рогатый
Въ лѣсъ заводитъ... вотъ бѣда-то!
Геранька.—Парни баютъ: волки съѣли.
Врутъ, поди, аль въ самомъ дѣлѣ?
Бабка (разсматривая подарки).—Всѣхъ-то старецъ одѣлилъ.
Матрена.—Ты бы, дѣдъ, хоть закусилъ. (Даетъ ему хлѣба.)
Странникъ.—Ты ужъ, мать, не хлопочи:
Не прибавилось въ печи.
Я вотъ корку погложу
Да на лавкѣ полежу.

(Входятъ Акимка и Ѳеклушка.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Акимка съ Ѳеклушкой.

Ѳеклушка.—Ну, и прыгаетъ Ѳедюха!..
Акимка.—Не пришла еще Чернуха?
Грунька, а?
Грунька.— Все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Акимка (замѣтивъ старца).—Этъ кто-жъ? Здорово, дѣдъ!
Грунька.—Странный.
Ѳеклушка.— Дѣдушка, здорово!

А Емельку-то косого
Засмѣяли у рѣки...

СТРАННИКЪ (достаетъ изъ торбы два образка).—Вотъ, ребятки, образки.
Вы надѣньте въ добрый часъ,
Пусть отъ бѣдъ спасаютъ васъ. (Даетъ образки Акимкѣ и Ѳеклушкѣ.)

АКИМКА и ѲЕКЛУШКА.—Богъ спаси.

ТЕРЕШКА.— Мнѣ далъ сулейку.
Не простая...

ЛУШКА.— Мнѣ на шейку
Образочекъ самъ надѣлъ.

ѲЕКЛУШКА.—А тебѣ?.. Куда-жъ ты дѣлъ?

ГЕРАНЬКА.—Крестикъ, во!

ПАРАНЬКА.— Мнѣ корольки.

ТЕРЕШКА.—Съ Іордани со рѣки.

МАТРЕШКА.—Ложка... крестикъ и рука.
Зачерпнула-бъ молока!

ГРУНЬКА.—Какъ и жить безъ коровенки!

ТЕРЕШКА.—Ну, разахались дѣвчонки!

ГРУНЬКА.—Какъ не ахать: не пришла.

АКИМКА.—Ночь-то мѣсячна, свѣтла:
Въ лѣсъ схожу я...

ГРУНЬКА.— Что ты, малый!
Это въ ночь-то на Купалу?

АКИМКА.—Я крестомъ огорожусь.
Ну, Терешка.

ТЕРЕШКА.— Я боюсь.

АКИМКА.—Баба ты! Геранька, Тишка!

ТРОФИМЪ.—Помолчите, ребятишки!
Самъ я въ лѣсъ сейчасъ пойду.

ГЕРАНЬКА.—Тятька, хочешь, дамъ дуду?
Ты по лѣсу-то иди
Да дуди себѣ, дуди.

МАТРЕНА.—Вотъ колпакъ твой. Слава Богу,
Собрался онъ въ путь-дорогу.

ГЕРАНЬКА.—За Чернухой батька въ лѣсъ.

ДѢДЪ.—Вотъ, вотъ ухо. Ась? Кто влѣзъ?

МАТРЕНА.—Палку на, возьми краюху.

ТЕРЕШКА.—Батька въ лѣсъ идетъ, Чернуху
Тамъ поищетъ.

ДѢДЪ.— Въ добрый часъ!

БАБКА.—Пожалѣлъ, родимый, насъ.

Трофимъ.—Ну, пойду.
Матрена.— Иди ужъ съ Богомъ.
Трофимъ.—Обойду Медвѣжьимъ логомъ,
Да на просѣку, кругомъ...
Лушка (задремывая).—Хлѣбца съ теплымъ молочкомъ...
Акимка.—Мы проводимъ до опушки.
Трофимъ (Лушкѣ).—На кусочекъ отъ краюшки.
(Тишкѣ.)
Вотъ, бери и ты, пострѣлъ!
Говоришь: весь день не ѣлъ.
Бью челомъ, человѣкъ Божій!
Странникъ.—За тобой я слѣдомъ тоже.
Въ добрый часъ, и вѣрь ты слову:
Не потеряна корова.
Трофимъ (отворяетъ дверь. Мѣсячная ночь. Вдали костры. Издали пѣніе).
Ѳеклушка.—Во! Костры-то какъ горятъ!
Геранька.—Перепрыгаю ребятъ!
(Пѣніе приближается. Можно разслышать слова.)

Пѣсня.

Запалю я костеръ на горѣ
Искупаюсь въ росѣ на зарѣ.
А теперь я надѣну вѣнокъ,
Да тайкомъ, да другимъ невдомекъ,
Въ лѣсъ пойду. Тамъ найду, либо нѣтъ
Свѣтоогненный папороть-цвѣтъ.
Подъ землей клады многи лежатъ.
Цвѣтъ найду—станетъ мой каждый кладъ.
Бѣднякомъ я пойду, а назадъ
Ворочусь и силенъ, и богатъ.
И ни въ чемъ-то запрета мнѣ нѣтъ,
Коль найду огнецвѣтъ, огнецвѣтъ.

Бабка.—Кто поетъ, а кто въ дуду.
(Трофимъ, Акимка, Грунька, Геранька, Паранька, Матрешка, Ѳеклушка и Терешка уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же безъ Трофима, Акимки, Груньки, Гераньки, Параньки, Матрешки, Ѳеклушки и Терешки.

Странникъ.—Ну, простите, я пойду.
Матрена.—Ты куда же? Поздній часъ.
Странникъ.—Отдохнулъ я здѣсь у васъ

И теперь по холодку
Въ путь-дорожку потеку. (Низко кланяется и идетъ къ двери. Матрена слѣдуетъ за нимъ.)

Матрена.—Вишь, заводятъ хороводъ.
Странникъ.—Утѣшается народъ.
Матрена.—Мѣсяцъ всталъ, свѣтло итти.
Странникъ.—Да, свѣтло. Прощай!
Матрена.— Прости!

(Странникъ уходитъ. Издали доносится пѣсня.)

Пѣсня.

Иванъ да Марья
На горѣ купались.
Гдѣ Иванъ купался,
Берегъ колыхался.
Гдѣ Марья купалась,
Трава разстилалась.

(Матрена стоитъ у двери, смотритъ вслѣдъ страннику и задумчиво слушаетъ пѣсню.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсная чаща. Ночь. Мѣсячный свѣтъ проникаетъ сквозь вѣтви.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣсовикъ, Огнецвѣтъ, Дубъ, Ель, Береза, Ручейница, Лѣсной вѣтеръ, Моховикъ, Мертвые листья.

Лѣсовикъ.—Чародѣйная ночь наступила
И, какъ древле, бѣсовская сила
Разсыпается въ чащѣ лѣсной
И вступаетъ въ боренье со мной.
Въ эту ночу, годъ изъ года, отъ вѣка
Огнецвѣтъ манитъ въ лѣсъ человѣка,
Въ полночь пламенемъ алымъ горитъ,
Всѣ свершенія щедро сулитъ.
Но вокругъ Огнецвѣта блуждаютъ
Силы зла. Въ сердцѣ алчность рождаютъ,
Волю, мысль искажаютъ и тьмятъ,
Шепчутъ слово безумное: кладъ.
И подъ темною волей земною
Не свершается чудо лѣсное,
Тайна лѣса молчанье хранитъ,
Кладъ разрытый печали сулитъ.

Огнецвѣтъ.—Земля всего, что было,
Безмѣрная могила,
И я—могильный цвѣтъ.
Поднявъ на часъ единый
Средь листьевъ стебель длинный,
Зажгу мой алый свѣтъ.
Всю радость, всѣ страданья,
Добра и зла познанье—
Я все въ себя приму.
Всѣ вѣковыя дленья,
Какъ малыя мгновенья,
Въ единый часъ сожму.
Приди, царевичъ смѣлый,
Въ кольчугѣ сребробѣлой,
Найди меня, сорви.
Тогда я надъ вселенной
Зажгу пожаръ нетлѣнный
Безсмертья и любви.
Но тщетно жду я годы.
Гнетутъ лѣсные своды.
Царевича все нѣтъ.
И лишь на часъ единый
Подъемлетъ стебель длинный
И вспыхнетъ Огнецвѣтъ.

Дубъ.—Царевичъ родится не скоро,
И чуду родимаго бора
Свершиться еще не дано.
Лишь темные люди приходятъ
Искать Огнецвѣтъ и находятъ,
Но скучно, уныло, бѣдно
Все то, что ихъ сердце желаетъ,
И вновь Огнецвѣтъ угасаетъ
Рубиномъ, упавшимъ на дно.

Ручейница.—По камешкамъ журчу
И серебромъ черчу
Я бѣгъ свой прихотливый,
Прискоки да извивы.
Мелькаетъ бережокъ.
Буль-буль, прыгъ-скокъ, пликъ-плёкъ!
Ко мнѣ въ пріютъ лѣсной
Спѣшатъ на водопой
Букашки, звѣри, птицы.

Я всѣмъ даю напиться,
Кто жаждетъ, изнемогъ.
Буль-буль, прыгъ-скокъ, пликъ-плёкъ!
Бѣгу я ночью, днемъ
Съ мечтою объ одномъ:
Какъ встрѣчусь я съ сестрою
Широкою рѣкою,
И, слившись, какъ вдвоемъ,
Мы къ морю поплывемъ.
Мой путь еще далекъ.
Буль-буль, прыгъ-скокъ, пликъ-плёкъ!

Лѣсной вѣтеръ.—Прямо, лѣвѣе, правѣе
Тихо брожу я и вѣю,
Вѣтви чуть слышно качаю,
Въ листьяхъ, забывшись, мечтаю,
Въ травы склоняюсь и таю.

Моховикъ.—Ползу я по землѣ
Въ сырой зеленой мглѣ.
Что на пути встрѣчаю,
Все мохомъ облачаю.
Ползу я ночи, дни.
Я крою корни, пни
Зеленымъ аксамитомъ,
Узорами расшитымъ.
Люблю я тьму и лѣсъ,
А тамъ, гдѣ онъ исчезъ,
Стелю я на болота
Ковры мои безъ счета,
И клюква, что рубины,
Краснѝтъ мои сѣдины.

Но порою въ туманѣ мнѣ снится,
Что великое чудо свершится:
Тамъ, далеко, у райской тропинки,
Всѣ ничтожныя, малыя мшинки
Вверхъ поднимутъ кудрявые лики.
Всѣ призёмные станутъ велѝки.
Вижу новую землю и твердь я.
Сны земные—лишь тѣни безсмертья.

1-й мертвый листъ.—Въ родимой землѣ истлѣваемъ.
2-й мертвый листъ.—Оплаканы тихимъ дождемъ...
3-й мертвый листъ.—Но вѣримъ и ждемъ...
4-й мертвый листъ.—Но вѣримъ и знаемъ,

Что въ царствѣ Отца...

1-й листъ
2-й листъ
3-й листъ
4-й листъ } (вмѣстѣ).—Нѣтъ смерти, и жизнь безъ конца.

1-й мертвый листъ.—Нашъ прахъ, наше смертное тлѣнье...
2-й мертвый листъ.—Подъ снѣгомъ, въ увлаженной мглѣ...
3-й мертвый листъ.—Родимой землѣ...
4-й мертвый листъ.—Даетъ возрожденье
По волѣ Отца.

1-й листъ
2-й листъ
3-й листъ
4-й листъ } (вмѣстѣ).—Нѣтъ смерти, и жизнь безъ конца.

(Входитъ бѣсъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Бѣсъ.

Бѣсъ.—Всѣ ваши лепеты, какъ азбуку, я знаю.
Отъ запаховъ лѣсныхъ и морщусь, и чихаю.
По-дѣтски вы чувствительны—смѣшно!
Пора быть взрослыми, пора, пора давно. (Выходитъ на авансцену.)
Въ природѣ сонной нѣтъ грѣха.
Въ ней даже есть стремленье къ раю,
Но я ее не покидаю:
Себѣ тропинки пролагаю
Среди деревъ, въ щетинѣ мха.
Природѣ чуждъ веселый смѣхъ:
Даны ей слезы и улыбки,
Какъ малышу грудному въ зыбкѣ,
И я, увертливый и зыбкій,
Я въ ней смѣюсь одинъ изъ всѣхъ.
Смѣшонъ мнѣ этотъ Огнецвѣтъ:
Онъ всѣ возможности имѣетъ,
Но ждетъ кого-то и не смѣетъ,
Средь листьевъ жалкимъ углемъ рдѣетъ,
А минулъ часъ—его ужъ нѣтъ.
И на людей коль брошу взглядъ,
Смѣшны они: я имъ изъ ада
Внушенье шлю: „Желайте клада!“
И, какъ послушливое стадо,
Изъ года въ годъ всѣ ищутъ кладъ.

А между тѣмъ, какую власть
Даетъ цвѣтокъ имъ златоалый:
Сокрыто вѣчности въ немъ жало,
И все, что въ мірѣ зло стяжало,
Могло-бъ въ единый мигъ пропасть.
Могло бы,—но еще живетъ
И будетъ жить и дни, и годы,
Средь засыпающей природы;
И будутъ жалкіе народы
Рыть землю, какъ ползучій кротъ.
Вотъ мнѣ сорвать бы Огнецвѣтъ!
Не сталъ бы сдерживать желаній
И міръ, средь воплей и стенаній,
Весь содрогнулся-бъ отъ страданій,
Какихъ еще въ природѣ нѣтъ.
А какъ сорву? „Меня не тронь!“
Мнѣ шепчетъ папороть унылый.
Владѣетъ онъ чудесной силой,
И, какъ лампада надъ могилой,
Нездѣшній теплится огонь.
Но каждый годъ я въ эту ночь
Брожу вкругъ рдянаго цвѣтенья,
Считаю краткія мгновенья
И дурней жду я изъ селенья:
Они вѣдь могутъ мнѣ помочь.
Луна блѣдна и высока,
Осталось времени не много.
Дѣтей я скличу на подмогу:
Тьфу, Брыка, Траха, Долгорога,
Прокляна, Фука и Мерзка.
На зовъ отца откликнитесь, сыны!
Вы мнѣ нужны.
Сулитъ мгновенье
Волшебной ночи—зла свершенье,
И вы отцу помочь должны.
Явитесь, милые сыны!

(Вбѣгаетъ Трахъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Трахъ.

Трахъ.—Я пришелъ, сынокъ твой Трахъ.
Много было мнѣ работы:

Я скусилъ на всѣхъ кустахъ
Почки новыя безъ счета.
Насажалъ и здѣсь, и тамъ
Тлю и пятна по листамъ.

(Вбѣгаетъ Брыкъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Брыкъ.

Брыкъ.—Я второй сынокъ твой, Брыкъ.
Всѣмъ въ лѣсу вредить привыкъ:
Въ гнѣздахъ птенчиковъ душилъ,
Всѣхъ жуковъ передавилъ.

(Вбѣгаетъ Долгорогъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Долгорогъ.

Долгорогъ.—Сынъ твой старшій Долгорогъ.
Я зайчишекъ подстерегъ,
Тихимъ шипомъ ихъ встревожилъ,
Жуткимъ страхомъ обезножилъ
И, поднявши вой и гамъ,
Разорвалъ всѣхъ пополамъ.

(Вбѣгаетъ Мерзо̀къ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Мерзо̀къ.

Мерзо̀къ.—Твой любимый сынъ, Мерзо̀къ.
Я у галокъ, у сорокъ
Перья выдралъ, отточилъ
И такія начертилъ
На корѣ березъ слова,
Что расплакалась сова.

(Вбѣгаетъ Проклянъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Проклянъ.

Проклянъ.—Предпослѣдній сынъ, Проклянъ.
Надъ болотами туманъ
Я развѣсилъ. Тощи, гадки
Въ немъ засѣли лихорадки.
Холодятъ, ломаютъ, жгутъ
И крапиву съ мятой въ жгутъ

Свили, чтобъ прохожихъ сѣчь,
Коль удастся подстеречь.

(Вбѣгаетъ Тьфу.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Тьфу.

Тьфу.—Тьфу, твой младшенькій сынокъ.
Бѣлены я выжалъ сокъ,
Со слюной смѣшаю змѣя
И превкусненькій квасокъ
Сдѣлать я изъ нихъ сумѣю.
Коли люди въ лѣсъ зайдутъ,
Угощу ихъ, пусть попьютъ.

(Вбѣгаетъ Фукъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Фукъ.

Фукъ.—Средній твой сыночекъ, Фукъ.
Не жалѣя вовсе рукъ,
Перерылъ въ лѣсу тропы я.
Коготки совсѣмъ тупые.
Ночь-то больно дорога!
Въ ходъ пустилъ еще рога,
Зубы востры да копытце.
Ну, зато могу хвалиться:
По тропамъ кто ни пойдетъ,
Носъ на клюкву расшибетъ.
Бѣсъ.—Въ природѣ сонной нѣтъ грѣха,
Да мы-то живы—ха-ха-ха!...
Вы всѣ на вѣрную дорогу
Вступили дѣти. На подмогу
Я скликалъ васъ и для совѣта:
Какъ намъ добиться Огнецвѣта?
Онъ власть даетъ, та власть безмѣрна,
Но вотъ для насъ что очень скверно:
Вѣдь Огнецвѣтъ одной мечтою
Живетъ, безумный, но святою.
А тамъ, гдѣ святость—намъ бѣда.
Меня вы поняли?
Бѣсенята.— Да, да!
Бѣсъ.—Такъ помогите мнѣ совѣтомъ.

Долгорогъ.—Пусть овладѣетъ огнецвѣтомъ
Ничтожный смертный.
Бѣсъ.— Ты уменъ.
Проклянъ.—А мы пугнемъ со всѣхъ сторонъ.
Фукъ.—Ухъ, я пугать людей гораздъ!
Брыкъ.—Онъ Огнецвѣтъ намъ и отдастъ.
Бѣсъ.—Такихъ дѣтей имѣть—отрада.
Теперь намъ человѣка надо.
Мерзо̀къ.—Заманить людишекъ въ лѣсъ
Нынче я задумалъ рано.
На опушку и залѣзъ.
Передъ лѣсомъ тамъ поляна.
Стадо ходитъ. Я преловко
И загналъ одну коровку:
Бродитъ черная въ кустахъ,
А хозяинъ скажетъ: „Ахъ,
Гдѣ же, гдѣ же коровенка?“
И пошлетъ за ней мальчонку
Или самъ сюда придетъ.
Здѣсь и папороть найдетъ.
Бѣсъ.—Мудро, сынъ мой, одобряю!
И надежды не теряю
Огнецвѣтъ перехитрить,
Человѣка уловить
И сыграть такую шутку,
Чтобы лѣсу стало жутко.
Становитесь-ка въ кружокъ:
Человѣкъ ужъ недалекъ.
Старый дубъ.—Вы, отъ жолудя рожденные
И росой небесъ крещеные,
Внуки-правнуки дубки!
Козни бѣса велики,
Но ему мы непокорные
Ввысь подъемлемъ вѣтви черныя.
Молимъ, вѣримъ, что съ небесъ
Чуда ждетъ родимый лѣсъ.
Ель, сестра мнѣ нареченная!
Вѣтвь, смолой отягощенную
Подними, какъ черный крестъ:
Зло бѣжитъ отъ нашихъ мѣстъ.
Ель.—Древній братъ! Тебѣ я внемлю
И вѣтвистый крестъ подъемлю,

Но сильнѣе темнота,
И не видно въ ней креста.

Старый дубъ.—Бѣлоствoлочка-березка!
Ты, какъ лунная полоска,
Серебришься въ тьмѣ ночной.
Вѣтеръ, братецъ нашъ лѣсной,
Пусть сплетаетъ вѣтви-плети.
Бѣсенята все же дѣти
И, завидя жесткій жгутъ,
Запищатъ и убѣгутъ.

Береза.—Мы послушны, милый дубъ!
Но бѣсенокъ золъ и грубъ:
Надо мною же смѣется
И, отпрянувъ, остается.

(Входитъ Трофимъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Трофимъ.

Трофимъ.—Ну, Трофимъ, сядь, отдохни ты.

(Садится на пень.)

Хлѣбца, что ли, пососу.
Всѣ тропинки перерыты.
Кто старался тутъ, въ лѣсу?
Проклятущаго-бъ повѣсить!
Растянулся я разъ десять,
Ажно кости всѣ болятъ.
Нѣтъ коровы, а назадъ
Какъ итти—и самъ не знаю.
Мнѣ-бъ держаться было краю
Да направо тропкой взять,
Тамъ и домъ, рукой подать.
Спалъ бы я въ избенкѣ съ Богомъ,
Да поперъ налѣво, логомъ.
Бѣсъ меня и заплуталъ.
Охъ, нѣтъ силушки—усталъ.
Даромъ шелъ я, вотъ обидно!
Что-то мѣсяца не видно.
Не найдешь дороги—тьма.
Вотъ, подъ елку здѣсь прилягу.
Не пойду, хоть дай сотнягу:
Такъ и клонитъ сонъ-дрема.
Мохъ-то мягкій, что подушка.

Что-то Тишка мой да Лушка?
Обревѣлись, чай, да спятъ.
Охъ! И жалко мнѣ ребятъ.

(Закрываетъ глаза.)

Лѣсовикъ.—Вы мнѣ, слабые, не нужны.
Ваша жизнь—мнѣ скучный сонъ,
Но придетъ ко мнѣ недужный,
А уходитъ исцѣленъ.
Но придетъ ко мнѣ усталый,
И въ зеленой я тиши
Утомленья злое жало
Вынимаю изъ души.
Человѣкъ—мой гость случайный,
Чуждъ ему лѣсной завѣтъ.
Я ему не выдамъ тайны,
Заключенной въ Огнецвѣтъ.

Ручейница.—Ты ложись-ка на бочокъ.
Бурль-бурль, пликъ-плёкъ!
Ты засни-ка, мужичокъ!
Бурль-бурль, пликъ-плёкъ!
Пѣснь спою тебѣ, Ручейница,
И бѣгунья, и затѣйница.
Я по камешкамъ бѣгу,
Сладкій сонъ оберегу,
А со мною—вѣтерокъ.
Бурль-бурль, пликъ-плёкъ!

Лѣсной вѣтеръ.—Я брожу между деревъ.
Чуждъ мнѣ бури темный гнѣвъ:
Не пугаю,
А ласкаю
И роняю
Колыбельный мой напѣвъ.

(Трофимъ открываетъ глаза.)

Трофимъ.—На яву, аль это снится?
Слышу рѣчи да слова.
То ли булькаетъ водица?
То ли шепчутъ дерева?

(Закрываетъ глаза и засыпаетъ.)

Проклянъ (подкрадывается).—Кошелку онъ принесъ, а въ ней лежитъ краюха.
Отъ хлѣбнаго меня стошнило духа:

И зерна сѣяли съ крестомъ,
Крестили, какъ пекли, потомъ.

Брыкъ (подкрадывается съ другой стороны). — Рябиновый я вижу посошокъ.
Рябину любишь ты, Мерзо̀къ?

Мерзо̀къ.—Охъ, не дразни! Мнѣ отъ рябины худо.
Я лучше убѣгу отсюда.

Тьфу.—Отцу пожалуюсь, не смѣй!

Долгорогъ.—Я чую, любитъ онъ дѣтей,
Самъ простъ, и мало въ немъ грѣха.
Пожива будетъ намъ плоха.

Бѣсъ.—По̀лночь близится, вниманье!
Роковой подходитъ срокъ.
Зацвѣтаетъ огнецвѣтъ.
Приложите всѣ старанья,
Чтобы мнѣ достать цвѣтокъ.
Въ тьму тогда низвергну свѣтъ.

(Слышны двѣнадцать ударовъ лѣсного колокола. Звонкій трескъ. На мѣстѣ Огнецвѣта загорается огненный цвѣтокъ.)

Бѣсъ.—Волей, мыслью, дѣти,
Разставляйте сѣти.
Человѣкъ пусть съ головой
Въ нихъ нырнетъ.
Онъ проснулся, онъ встаетъ.
Поднимайте визгъ и вой.

(Бѣсенята съ визгомъ и воемъ носятся среди деревъ вокругъ Трофима.)

Трофимъ (просыпаясь и вскакивая).—Слышалъ я церковный звонъ.
На яву, аль это сонъ?

(Оглядывается.)

Задрожалъ весь лѣсъ отъ воя.
Кто тамъ носится такое?
И съ рогами, и съ хвостами...
Буди крестна сила съ нами!

Хоръ бѣсенятъ.—Сорви цвѣтокъ,
Онъ недалекъ.
Огнемъ цвѣтетъ.
Онъ здѣсь, онъ вотъ.

(Визжатъ, воютъ и кувыркаются.)

Трофимъ.—Мать-покойница учила:
„Коль захочетъ злая сила
Овладѣть тобой, Трофимъ,

Осѣнись крестомъ святымъ.
Онъ души твоей спасенье,
Дастъ и тѣлу одолѣнье—
Отъ всего онъ оберегъ.
Молви: да воскреснетъ Богъ!
И налѣво, и направо,
И отступится лукавый"

(Широко крестится.)

Долгорогъ.—Нѣтъ, къ нему не подступиться.
Проклянъ.—Ишь вѣдь, началъ какъ креститься!
Крестъ-то жжется, что огонь.
Фукъ.—Лучше ты его не тронь!

(Проклянъ подбѣгаетъ къ Трофиму. Трофимъ, отступая отъ него, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ Огнецвѣту.)

Старый дубъ.—Отступите, дѣти тьмы.
Онъ невиненъ, какъ и мы.
Нѣту въ немъ грѣховной страсти:
Онъ не будетъ въ вашей власти.

(Трофимъ поднимаетъ голову къ вѣтвямъ дуба и не замѣчаетъ Огнецвѣта.)

Бѣсъ.—По верхамъ дуракъ глазѣетъ
И не видитъ, что алѣетъ
Огнецвѣтъ у самыхъ ногъ.
Тьфу.—Ты бы, Трахъ, ему помогъ.
Трахъ.—Самъ ты, Тьфу, его толкни.
Тьфу.—Нѣтъ, кресты-то, что огни:
Не могу толкнуть, нѣтъ силы.
Брыкъ.—Мнѣ всю морду опалило.
Мерзокъ.—Объ него притупишь рогъ.
Я и самъ весь изнемогъ:
Къ аду такъ и тянетъ внизъ,
Хвостъ, что вялый кнутъ, повисъ.
Проклянъ.—Вотъ, что я придумалъ, братцы:
Намъ не надо и касаться
Человѣка самого:
Палку брошу я въ него.

(Бросаетъ въ Трофима палку, которая попадаетъ ему въ колѣно. Трофимъ дѣлаетъ движеніе ногой и, самъ того не замѣчая, сшибаетъ Огнецвѣтъ. Огнецвѣтъ падаетъ, попадаетъ Трофиму въ лапоть и тамъ гаснетъ.)

Долгорогъ.—Огнецвѣтъ упалъ!
Брыкъ.— Упалъ.
Бѣсъ.—Дурню въ лапоть онъ попалъ.
Фукъ.—Да, я видѣлъ.

Трахъ.— Въ лапоть.
Тьфу.— Въ лапоть.
Долгорогъ.—Какъ же намъ его зацапать?
Бѣсъ.—Лишь приложите всѣ старанья,
Чтобъ онъ не произнесъ желанья!
Ель.—Забудь о скоротечномъ,
Мечтай о вѣчномъ, вѣчномъ,
О счастьѣ всѣхъ людей—
И станешь чародѣй.
Дубъ.—Любить умѣешь ты, хотя душой и простъ,
Любовь къ познанью свѣтлый мостъ.
Береза.—Скорѣй желанье назови:
Желай безсмертья и любви!
Ручейница.—Все чародѣйный дастъ цвѣтокъ.
Приблизь сліянья дальній срокъ.
Моховикъ.—Желай, чтобы приземная
Въ рай поднялась дорога,
Чтобъ малые и темные
Узрѣли Бога.
Лѣсной вѣтеръ.—Желай, чтобъ чудо, пламенѣя,
Сожгло истлѣвшій прахъ земли.
1-й мертвый листъ
2-й „ „
3-й „ „
4-й „ „
(вмѣстѣ).—Желай еще, желай сильнѣе,
Повелѣвая, повели!
Бѣсъ.—Даютъ опасные совѣты,
И въ темной головѣ зажечься могутъ свѣты.
Намъ заглушить внушенья лѣса надо.
Старайтесь, дѣти: ждетъ награда.

(Бѣсенята визжатъ и воютъ.)

Трофимъ.—Что со мною приключилось?
Въ головѣ вдругъ освѣтилось,
И хватаетъ голова
Всѣ мудреныя слова.
Непонятно прежде было,
Нынѣ огненная сила
Ярымъ окомъ смотритъ въ тьму.
Я пойму, сейчасъ пойму!
Бѣсъ.—Поскорѣе окружите,
Мысль и волю затемните,
Завивая въ черный клубъ.
Нѣтъ, избы тяжелый срубъ

Не возстанетъ стройнымъ храмомъ.
Заглушите адскимъ гамомъ
Лѣса тихія слова.

(Бѣсенята воютъ, кричатъ и топаютъ все сильнѣе.)

Трофимъ (хватаясь за голову).—Замутилась голова!
Бѣсъ.—Покорись своей судьбѣ:
Даръ познанья—не тебѣ.
Ключъ познанья у меня,
Горячѣе онъ огня,
Холоднѣе зимней стужи.
Подойди, дотронься, друже!

Лѣсовикъ.—Онъ въ любви идетъ къ познанью,
И напрасны всѣ старанья
И твои, и бѣсенятъ:
Огнецвѣтъ не будетъ взятъ.

Бѣсъ.—Не достать намъ Огнецвѣтъ.
Мы пытали—толку нѣтъ.
Вотъ, въ чемъ можетъ быть успѣхъ:
Человѣка надо въ грѣхъ
Вамъ ввести.

Долгорогъ.— Введемъ!
Проклянъ.— Введемъ!
Тьфу.—Всемеромъ.
Фукъ.— Да.
Брыкъ.— Всемеромъ.
Бѣсъ.—Добродѣтель въ немъ смиренье
И покорность волѣ Бога.
Повнимательнѣй немного
Будьте. Пріумножьте рвенье.
Окружите всемеромъ.
Пусть желаетъ быть царемъ.

Трахъ.—Вновь поднимемъ вой и лай!
Брыкъ (завывая).—Быть царемъ желай!
Фукъ.— Желай!
Долгорогъ.—Не смиряйся!
Проклянъ.— Не смирись!
Мерзо̀къ.—Возмущайся!
Тьфу.— Возмутись!
Долгорогъ.—Нашей волѣ покорись!
Трофимъ.—Охъ, ты доля, моя доля!
Я покоренъ Божьей волѣ,

А понять—нѣтъ, не пойму.
Отчего не въ терему
Царскомъ я, Трофимъ, рожденъ?
Отчего не обреченъ
Царь въ избѣ съ женою жить,
Семерыхъ ребятъ кормить,
Дѣда съ бабкой, двухъ сиротъ?
У царя, чай, нѣтъ заботъ.
Не пойдетъ искать коровы.
Чуть что спроситъ—все готово.
А коровъ-то—полонъ дворъ.
За коровами—надзоръ.
И парного молока-то
Вдоволь пьютъ его ребята.
Да и самъ съ царицей пьетъ
Молоко онъ круглый годъ.
То попьетъ, то погуляетъ.
Дровъ къ зимѣ не запасаетъ.
Я же вѣкъ свой хлопочу.
Нѣтъ, царемъ я быть хочу.

(Сцена сразу мѣняется. Бѣсъ съ бѣсенятами и всѣ Лѣсные исчезаютъ. Свѣтлѣетъ. Деревья рѣдѣютъ. Вдали появляется городъ, изъ котораго доносится колокольный звонъ. По дорогѣ изъ города движется съ криками огромная толпа народа. Впереди бояре и дьяки. Они подходятъ и земно кланяются Трофиму.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Трофимъ.—Что такое? Звонъ да крики?
Говоръ толпы.—Царь великій! Царь великій!
1-й вояринъ.—Бьетъ челомъ царю народъ.
Снизойди: все царство ждетъ.
Трофимъ.—Невдомекъ мнѣ эта рѣчь.
То ли встать мнѣ, то ли лечь?

(Ложится ничкомъ на землю.)

2-й вояринъ.—Государь-свѣтъ утомился
И челомъ къ землѣ склонился.
Вы, подъ ручки взявъ, бояре,
Поведите государя.
Рынды, ратники, впередъ!
Пусть разступится народъ.

(Бояре подхватываютъ Трофима и ведутъ. Онъ слегка упирается.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Столовый покой въ царскомъ дворцѣ. Накрытый столъ. Посреди, предъ столомъ, царскій престолъ. Толпа народа. Входятъ бояре и дьяки. Они ведутъ подъ руки Трофима. Впереди выступаютъ рынды.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Трофимъ, бояре, дьяки, рынды, народъ, стольники, чашники.

Рында.—Разступитесь, эй, народъ!
Говоръ въ толпѣ.—Царь идетъ! Самъ царь идетъ!
1-й бояринъ.—Царь великій, сдѣлай честь!
2-й бояринъ.—На престолъ изволь возсѣсть.
Трофимъ.—На престолъ? Мнѣ? Гдѣ самъ царь?
3-й бояринъ.—Да, великій государь!
4-й бояринъ.—Дѣти мы, ты—нашъ отецъ.
2-й бояринъ.—Слово молвишь—и конецъ.
1-й бояринъ.—Царской лишь махни рукой,
Въ прахъ падемъ передъ тобой.
3-й бояринъ.—И какой ни дашь приказъ,
Все исполнимъ въ тотъ же часъ.

(Усаживаютъ Трофима на престолъ.)

1-й бояринъ.—Царь великій! Ждемъ приказа.
Трофимъ.—Ну, для перваго-то раза,
Коли будетъ милость ваша,
Я поѣлъ бы щецъ да каши.
Стольникъ (открывая блюда).—Каша гречневая, щи,
Стерлядь, окуни, лещи,
Студень, заяцъ и свинина,
Ветчина и осетрина,
Сельдь, разсольникъ, потроха,
Щучьи головы, уха.
Пироги, вотъ, слоеваты,
Медъ и квасъ съ изюмомъ, съ мятой,
Сочни, пиво да икра.
Трофимъ.—Что добра-то, что добра!
Чашникъ.—Что прикажешь напередъ:
Пиво, квасъ, вино, аль медъ?
Трофимъ.—У меня губа не дура:
Съѣлъ полъ-верченой я куры,
А теперь запью медкомъ.
Мы наслышаны о немъ.

(Пьетъ и крякаетъ.)

Ну, и медъ!... Еще подлей!
(Пьетъ).
Ночь не спамши,—нѣтъ подлѣй:
Словно мельница въ башкѣ.
А пошелъ я налегкѣ.
Баба мнѣ дала краюшку,
Да ужъ больно жалко Лушку.
Ей всего седьмой годокъ
Съ травня... Ну, братъ, и медокъ!
Не течетъ онъ по усамъ,
Такъ и льется въ горло самъ.
Лей еще, куда ни шло...
По поджилкамъ потекло!
Зашатался столъ немножко,
Знать, одна короче ножка...
Больно что-то мнѣ чудно̀:
Черти, лѣсъ, кругомъ темно...
Какъ попалъ-то въ эту дверь я?

1-й БОЯРИНЪ.—Дьяки! Приготовьте перья.
Какъ въ водѣ озеръ заря
Повторяется, горя,
Такъ и вы ту рѣчь цареву
Всю отъ слова и до слова
На ярлыкъ чтобъ занесли
Въ поученье всей земли.
Мы приложимъ къ ней печать.
Пусть прочтутъ князья, вся знать.
На колѣни павъ, народъ
Слово царское прочтетъ.

2-й БОЯРИНЪ.—Дьяки! Что же?

ДЬЯКЪ.— Все готово.

ТРОФИМЪ.—Въ лѣсъ зашла у насъ корова...

1-й БОЯРИНЪ.—Записали? Точно?

ДЬЯКЪ.— Да.

ТРОФИМЪ.—Безъ коровы намъ бѣда.

2-й БОЯРИНЪ.—Записали?

ДЬЯКЪ.— Записали.

ТРОФИМЪ.—Дѣти всѣ оголодали...
Девять душъ у насъ ребятъ...
Ну, и перья: вотъ скрипятъ!...
А жена—извѣстно, баба—
Помолчать-то ужъ могла бы,

Такъ куда! „Иди, ищи!“...
А важнецкіе лещи!

1-й БОЯРИНЪ.—Записали, дьяки?

ДЬЯКЪ.— Да.

ТРОФИМЪ.—Что писать-то, борода?
Перья за уши заткните,
Руки къ чаркамъ протяните.
Гдѣ тутъ эвтотъ самый медъ?
Чашникъ, эй! Онъ вамъ нальетъ.
Не видалъ такихъ палатъ я.
Да, живете вы богато!
Коль, къ примѣру, пугву взять
Да купцу ее продать,
Такъ мужикъ на это годъ
И съ семьею проживетъ...
Девять душъ. Ѣсть надо имъ:
Аграфена да Акимъ,
Да Терентій, да Ѳеклушка,
Да Матрешка, Тишка, Лушка.
Что съ ребятами хлопотъ!
Ну, а какъ не взять сиротъ?
Параскева да Герасимъ.
И на нихъ капусту квасимъ,
И на нихъ еще работай.
Дастъ Богъ, будутъ доброхоты.
А покелева, ей-ей,
Не хватаетъ всѣмъ лаптей.
И свои я оттопталъ,
По корягамъ-то шагалъ.
Мнѣ бы...

1-й БОЯРИНЪ.—Милостивый царь!
Что прикажешь, государь?

ТРОФИМЪ.—Много я просить не стану:
Сапоги-бъ мнѣ изъ сафьяна.
(Бояринъ дѣлаетъ знакъ, стольникъ подаетъ сапоги.)
Что за диво сапоги-то!
Мягки, золотомъ расшиты,
Самоцвѣты, жемчугъ вдоль...

1-й БОЯРИНЪ.—Ножку царскую позволь.
(Стаскиваетъ съ Трофима лапоть. Изъ него выпадаютъ почернѣвшіе лепестки Огнецвѣта.)
Что такое? Какъ ты смѣлъ?

На престолъ какъ царскій сѣлъ?
Люди, эй! Вы какъ впустили?

Трофимъ.—Вы же сами посадили.

(Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ и съ ужасомъ смотрятъ на Трофима.)

1-й бояринъ.—На такое смѣлъ ты мѣсто!...

2-й бояринъ.—Да откуда къ намъ залѣзъ-то?

1-й бояринъ.—Весь въ заплатахъ, грязный, рваный...

Трофимъ.—Ты считай свои изъяны.
Мнѣ богатства не далъ Богъ.
Бѣдность, милый, не порокъ.
Кто богатъ одной казною...

1-й бояринъ.—Смѣешь спорить ты со мною!

Трофимъ.—Самъ велѣлъ ты, голова,
Записать мои слова.

(Указываетъ на дьяковъ.)

1-й бояринъ.—Аль вы разумъ потеряли?

2-й бояринъ.—Что вы тамъ понаписали?

Дьякъ.—Все отъ слова и до слова:

(Читаетъ):

„Въ лѣсъ зашла у насъ корова.
Безъ коровы намъ бѣда“.

3-й бояринъ.—Провалюсь я со стыда!

4-й бояринъ.—Дальше тоже записали?

Дьякъ (читаетъ).—„Дѣти всѣ оголодали.
Девять душъ у насъ ребятъ.
Ну, и перья: вотъ скрипятъ!“

1-й бояринъ.—Бѣлены объѣлись, что ли?

Дьякъ.—Мы, твоей покорны волѣ,
Записали отъ руки
Всѣ слова на ярлыки.

(Читаетъ.)

„А жена—извѣстно, баба—
Помолчать-то ужъ могла бы.
Такъ куда! Иди, ищи!
А важнецкіе лещи!“

1-й бояринъ (дьякамъ).—Прочь! И слушать нѣту силы! (Трофиму.)
Ахъ, суконное ты рыло!
Смѣлъ залѣзть въ калачный рядъ.
Убирайся, говорятъ!...

2-й бояринъ.—На почестный пиръ къ царю!

1-й бояринъ.—Брысь! Тебѣ я говорю.

Трофимъ.—Не кричи! Хоть я и бѣдный,
— За душою грошикъ мѣдный—
А сказать тебѣ посмѣю...
2-й бояринъ (рындамъ).—Вонъ его! Гоните въ шею!
3-й бояринъ.—Прекратить немедля звонъ
И шишимору—вонъ, вонъ!

(Рынды стаскиваютъ Трофима съ престола и пинками выгоняютъ его изъ покоя. Народъ гогочетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сцена та же, что въ первомъ дѣйствіи. За столомъ сидятъ всѣ ребятишки. Передъ ними большая чашка съ молокомъ. Дѣдъ и бабка на печи. У печи стоитъ Матрена.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Матрена, дѣдъ, бабка, Акимка, Грунька, Матрешка, Ѳеклушка, Геранька, Паранька, Терешка, Тишка и Лушка.

Матрена.—Охъ, почто Трофима въ лѣсъ
Погнала я за коровой?
Онъ въ трущобу, чать, залѣзъ,
Али въ боръ забрелъ сосновый.
Тамъ-то, видно, на него
Звѣри лютые напали
И родимаго всего
Искусали, разодрали!
Дѣдъ.—Такъ сама пришла Чернуха?
Матрена.—Какъ пришла-то, ты послухай:
Я проснулась на зарѣ,
Вышла, лобъ перекрестила,
Гляну—съ нами крестна сила!—
Вѣдь корова во дворѣ.
А на шеѣ подпояска,
Что у старца на подряскѣ
Я примѣтила вчерась.
Бабка.—Онъ за корочку едину
И пригналъ тебѣ скотину.
Дѣдъ.—А Трофима нѣту? Ась?
Матрена.—О Трофимѣ вся забота. (Ребятамъ.)
Что-жъ, хлебайте молоко-то!
Грунька.—Можетъ, тятька подойдетъ.

Ѳеклушка.—Охъ, родименькаго жалко!
Матрешка.—Лѣшій тамъ въ лѣсу, русалка...
Терешка.—Помнишь, дядя-то Ѳедотъ?
Геранька.—Безъ родимаго...
Паранька.— Тошнехонько!
Геранька.—Да вѣдь лѣсъ вотъ онъ, близехонько.
Нешто долго намъ? Акимка!
Мы съ тобою побѣжимъ-ка
Батьку по̀ лѣсу искать.
Позахватимъ-ка дубинки
Да въ трущобу, безъ тропинки...
Акимка.—Что-жъ, пойдемъ, коль пуститъ мать.
Матрена.—Что придумалъ-то, Геранька!
Вонъ гляди—реветъ Паранька.
Паранька.—Въ лѣсъ пойду съ тобой сама-а-а...
Матрена.—Всѣхъ дѣвченокъ на подмогу
Заберите да въ дорогу.
Видно, не далъ Богъ ума.
Ужъ и такъ-то дворъ весь брошенъ...
Ну, хлебайте, хлѣбъ покрошенъ,
Не на землю выливать. (Лушкѣ.)
Ишь раскрыла ротъ, что галка.
Лушка.—Мамка, тятьку больно жалко!
Матрешка.—Какъ бы тятьку намъ сыскать?
Ѳеклушка.—Охъ! Родимый не вернется.
Грунька.—И не ѣстся, и не пьется.
Терешка.—Ужъ не надо-бъ и коровы.
Тишка.—Тятька!...
Лушка.— Тятька!...
(Оба ревутъ.)
Матрена.— Ишь вѣдь рёвы!
Бабка.—Чать, на тятькѣ вашемъ крестъ.
Дѣдъ.—Богъ не выдастъ—волкъ не съѣстъ.
(Оба слѣзаютъ съ печи.)
Матрена.—Хлѣба нѐ взялъ и краюшки:
Отдалъ Тишкѣ все да Лушкѣ.
Охъ, оголодалъ, ослабъ...
И почто онъ слушалъ бабъ?
И почто я посылала!...
Акимка.—Ребятишекъ жалко стало.
Матрена.—Ты чего, Акимка, лѣзъ?
„Побѣгу, молъ, тятька, въ лѣсъ!“

Отыскался смѣлый тоже!
Вотъ, держать бы васъ построже...

Акимка.—Я же, мамка...

Матрена.— Цыцъ! Нишкни!
Вотъ, останетесь одни
Безъ отца, тогда узнаешь.

Дѣдъ.—Что ты парня зря ругаешь?
Онъ помочь хотѣлъ отцу...

Ѳеклушка (заглянувъ въ окно).—Ой, сестрицы, кто къ крыльцу
Подошелъ-то!...

Матрешка.— Глянь-ка, глянька,
Тишка, Грунюшка, Паранька!
Вы, Акимушка, Терешка,
Гляньте, гляньте-ка въ окошко!

Грунька.—Ой, никакъ отецъ идетъ!

Терешка (бросаясь къ двери).—Первый я!

Матрешка (стараясь проскользнуть первой).—Нѣтъ, я впередъ!

(Всѣ ребята бѣгутъ къ двери.)

Матрена.—Тише! Дѣда съ ногъ сшибете!

Бабка.—Молоко все разольете!

Тегешка.—Ой! Запнулся о порогъ!

Тишка.—Лушку, Лушку сшибли съ ногъ!

Геранька.—Тишка! Ногу отдавилъ!

(Входитъ Трофимъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Трофимъ.

Матрена.—Богъ тебя намъ воротилъ!

Лушка.—Тятька!

Ѳеклушка.— Родненькій!

Трофимъ.— Здорово!

Тишка.—Тятька!...

Матрена.— Дайте молвить слово.

Лушка.—Тятька, волки те не съѣли?

Бабка.—Что галчата, загалдѣли.

Матрешка.—Глянь-ка, Грунюшка, скорѣй!
Вишь ты: тятька безъ лаптей?

Трофимъ.—Да, обтопточки-лаптишки
Потерялъ я, ребятишки!
Уберечь ихъ не сумѣлъ.

Матрена.—Хорошо, что самъ-то цѣлъ.

Трофимъ (садится).—Подъ собой не чую ногъ.
Спасъ меня единый Богъ,
Мужичонка я лядащій...
Дѣдъ.—Это, значитъ, въ самой чащѣ?
Трофимъ.—Наглядѣлся я чертей:
Такъ и рыщутъ межъ вѣтвей.
Заскакали, затрещали,
Словно жарятъ изъ пищали,
А надъ самой головой
Визгъ да хохотъ, лай да вой.
И откуда что берется:
То ли плачетъ, то-ль смѣется.
Шепчутъ будто дерева
Непонятныя слова,
А кругомъ земля дрожитъ
Отъ бѣсовскихъ отъ копытъ.
Бабка.—Чай, душа отъ страха въ пятки?
Дѣдъ.—Убѣжалъ бы безъ оглядки.
Трофимъ.—Гдѣ бѣжать: сдавило грудь,
Ни те крикнуть, ни шагнуть.
Какъ я живъ—и самъ не знаю.
„Да воскреснетъ Богъ“ читаю,
А опомнился—гляжу:
Въ царскомъ теремѣ сижу.
Есть на что тамъ подивиться:
По стѣнамъ узоры, птицы.
На столѣ что блюдъ, ковшей!
Самъ-то столъ съ версту, ей-ей!
Звонъ малиновый гудётъ,
А кругомъ—народъ, народъ
Разодѣты всѣ богато:
Шапки во каки—горлаты.
Что ни пугва—самоцвѣтъ,
А простыхъ и вовсе нѣтъ.
Кафтаны изъ аксамита,
Златомъ-сѐребромъ расшиты.
А перстней что на рукахъ!
А камней на кушакахъ!
У сапогъ носки загнуты.
Поглядѣлъ я—фу-ты, ну-ты!
А меня за столъ ведутъ.
Матрена.—И въ лѣсу-то страхъ, и тутъ.

Трофимъ.—Окажи, молъ, просятъ, честь.
Матрена.—Ну, а ты?
Трофимъ.— Чего-жъ не сѣсть.
Бабка.—Сытно, стало, накормили?
Трофимъ.—Я и съѣсть все былъ не въ силѣ.
Сто охотниковъ пойдутъ,
Столько птицъ не принесутъ.
Что баранины, свинины
Да лещей, да осетрины...
А ужъ медъ, вотъ это медъ:
Самъ такъ въ горло и течетъ.
Дѣдъ.—Ну, и выпито, чай, было?
Трофимъ.—Сразу въ голову вступило.
Пить я сроду не привыкъ:
Развязало мнѣ языкъ.
Дѣдъ.—Да, отъ меда залопочешь.
Трофимъ.—А они ко мнѣ: „Что хочешь?
Отдавай скорѣй приказъ,
Все исполнимъ въ тотъ же часъ".
Ну, я думаю, какъ быть
Да умнѣй что попросить?
Всѣ въ парчѣ, а я въ сермягѣ
Да и лапти о коряги
Обтопталъ, не уберегъ.
Не начать ли мнѣ съ сапогъ?
Чуть сказалъ, какъ притащили,
Сразу лапти мнѣ стащили
Да какъ вдругъ поднимутъ крикъ:
„Какъ ты смѣлъ здѣсь сѣсть, мужикъ?"
Шумъ такой со всѣхъ сторонъ:
„Дать по шеѣ! Выгнать вонъ!"
Матрена.—Охъ, и больно, чай, побили?
Трофимъ.—Сами кланялись, просили.
И за что вдругъ стали гнать,
Вовсе даже не понять.
Я бѣжалъ, давай Богъ ноги!
За ворота, безъ дороги,
Черезъ кочки, прямо въ лѣсъ.
Городъ, словно сонъ, исчезъ.
Я на землю палъ ничкомъ
И заснулъ глубокимъ сномъ.
Долго спалъ, а какъ проснулся,

Надо мной, гляжу, нагнулся
Странникъ тотъ, что былъ у насъ.
Молвилъ: „Встань да въ добрый часъ
Въ домъ иди, не медли тутъ,
Тамъ тебя все утро ждутъ.
Не тужи: жива, здорова
Ваша черная корова.
Я нашелъ ее въ лѣсной
Чащѣ и послалъ домой“.
Тутъ я старцу по порядку
Разсказалъ про всѣ загадки,
Что со мной случились въ ночь,
Какъ, вотъ, вамъ сейчасъ, точь въ точь.
— Что за чудо? Дай отвѣтъ,
Молвилъ я. „Да огнецвѣтъ
Въ лапоть, знать, тебѣ попалъ“.
Такъ мнѣ старецъ отвѣчалъ.
„Въ эту ночь всѣ ищутъ клада,
А тебѣ его не надо.
Кладъ одинъ на свѣтѣ есть.
Ни разграбить, ни унесть
Никому тотъ кладъ нельзя,
И одна къ нему стезя.
Въ сердцѣ кладъ, другого нѣтъ.
Тамъ ищите Огнецвѣтъ“.

Матрена.—И мудреныя-жъ слова!
У меня-то голова
Бабья, гдѣ ужъ мнѣ понять!

Трофимъ.—Я и самъ не понялъ, мать.

Бавка.—Заговорное то слово,
И вернулась къ намъ корова.

Трофимъ.—И еще онъ что сказалъ:
„Коли вспыхнетъ цвѣтикъ алъ
Сразу да во всѣхъ сердцахъ,
Такъ и сгинетъ темный страхъ.
И тогда царевичъ смѣлый
Весь въ кольчугѣ сребробѣлой
Въ часъ полночный въ лѣсъ придетъ
Огнецвѣтъ для всѣхъ сорветъ“.

Лушка.—Это сказочка, аль что?

Трофимъ.—Вотъ, и я спросилъ про то.
Старецъ глянулъ, усмѣхнулся,

Не отвѣтилъ, повернулся,
Молвилъ: „Ну, иди домой!“
Да и скрылся за сосной.

Бабка.—Угодилъ, знать, старецъ Богу
И указывать дорогу
Можетъ людямъ и скотамъ.

Дѣдъ.—А мудренымъ-то словамъ
Научился изъ Писаній.

Бабка.—Дочка, часъ-то ужъ не ранній,
А Трофимъ не ѣлъ съ утра.
Закусить ему пора.

Матрена.—Мнѣ сосѣдъ прислалъ мучки.
Хоть не царски пирожки,
На столѣ-то все-жъ не пусто.
Ты отвѣдай-ка: съ капустой.

Паранька.—Тятька, а когда случится,
Что царевичъ народится?

Акимка.—И найдетъ онъ, либо нѣтъ
Златоалый Огнецвѣтъ?

(Занавѣсъ.)

Поликсена Соловьева.

БИБЛІОТЕКА

УЛЬСТЕРЕЦЪ[1].

Современная повѣсть **Франкфорта Мура.**

The Ulsterman. A Story of to day by *Frankfort Moore.*

Съ англійскаго.

IX.

М-ръ Кинганъ остался въ Ардреа выпить чаю и воспользовался случаемъ осмотрѣть садъ подъ руководствомъ Эленъ. Садъ былъ, какъ большинство садовъ въ этой части Ирландіи. Масса однолѣтнихъ растеній, разсаженныхъ по красивымъ клумбамъ, представляли пріятное сочетаніе цвѣтовъ, хотя и не были подобраны по тонамъ. Особенно великолѣпны были розы. Ардерри лежитъ въ центрѣ округа, который ежегодно выращиваетъ всѣ сорта розъ, какіе только появляются въ каталогахъ на соблазнъ любителямъ.

По просьбѣ Вилли Эленъ сорвала для него прелестный бутонъ. Они бродили по саду, болтая о предметахъ, одинаково ихъ обоихъ занимавшихъ, время отъ времени возвращаясь къ общимъ знакомымъ. Вилли спрашивалъ себя, не попытается ли она сказать что-нибудь въ защиту своихъ родителей. Многія изъ образованныхъ (если и не очень тонко воспитанныхъ!) мѣстныхъ барышень попытались бы найти извиненіе провинціализмамъ родителей, но Эленъ даже не намекнула на ихъ мѣстный говоръ, и Вилли готовъ былъ аплодировать ея такту или отсутствію безтактности.

Когда они подошли къ садовой скамейкѣ у клумбы, молодая дѣвушка понизила голосъ до степени дружескаго полушопота и, приглашая Кингана сѣсть, проговорила:

— Присядемъ, я хочу вамъ кое-что сказать, а, пожалуй, другого случая не будетъ.

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. IX.

Она опустилась на скамью, и онъ сѣлъ возлѣ нея. Произнесенныя вполголоса слова звучали таинственно, и Кинганъ насторожился, какъ подобало ульстерцу.

— Вы увѣрены, миссъ Александеръ, что именно мнѣ желаете довѣриться?—спросилъ онъ.

— Совершенно увѣрена. Когда я услышала, что вы придете къ намъ завтракать, т.-е. обѣдать, я очень обрадовалась, потому что такія вещи гораздо лучше говорить, чѣмъ писать.

— Гораздо лучше. Позвольте мнѣ дать вамъ одинъ совѣтъ, миссъ Александеръ: никогда не беритесь за перо, если можно этого избѣжать.

— Да я никому и не стала бы писать въ этомъ случаѣ, кромѣ васъ. Вы единственный человѣкъ, съ чьимъ мнѣніемъ я посчиталась бы.

— Я польщенъ.

— Развѣ вы не знаете, какіе люди меня окружаютъ? Чьимъ мнѣніемъ тутъ можно дорожить? Всѣ полны предразсудковъ, невѣжественны...

— Я не совсѣмъ согласенъ съ этимъ. По сосѣдству можно найти дальновидныхъ, наблюдательныхъ людей. Но не будемъ спорить. Я здѣсь и къ вашимъ услугамъ.

— Дѣло въ томъ, м-ръ Кинганъ, что — я боюсь — мой братъ Эдуардъ ставитъ себя въ нелѣпое положеніе.

— Серьезно? Я всегда считалъ его неглупымъ малымъ. Это связано съ фабрикой—его считаютъ самымъ дѣльнымъ инженеромъ въ округѣ—не изобрѣлъ ли онъ чего-нибудь?

— Нѣтъ, фабрика не при чемъ,—это касается барышни.

— О!

— Да; вы вѣрно слышали о миссъ Пауэръ изъ Дерри Рэшъ?

— Да, я видѣлъ ее, но мы не знакомы; хорошенькая дѣвушка. Пауэръ—католики.

— Въ этомъ-то и суть. Они католики, но не фанатики, что однако не мѣняетъ дѣла. Если Эдуардъ женится на католичкѣ, отецъ прогонитъ его изъ дома. Если бы вы слышали, какъ онъ говоритъ о Пауэръ.

— Они единственные католики и сторонники гомруля по сосѣдству. Михаэль Пауэръ считается своего рода достопримѣчательностью. Можно годами жить въ Ульстерѣ и не видѣть ни одного сторонника гомруля. Пожалуй, до пріѣзда въ Дублинъ я не встрѣчался ни съ однимъ. Господи, какъ это непріятно! Онъ не можетъ на ней жениться, но ея родные не позволятъ и ей выйти за него. А вы увѣрены, что тутъ кроется нѣчто серьез-

ное? Она—хорошенькая барышня, и, можетъ быть, онъ увлекся ею, и они безобидно флиртуютъ. Онъ долженъ понимать — они оба должны видѣть, что въ серьезномъ случаѣ ихъ ждетъ разочарованіе и несчастье.

— Я увѣрена, что это не простой флиртъ. Но, можетъ быть, если захватить во̀-время...

Она остановилась. Онъ улыбнулся.

— Вы думаете, это, какъ остальныя болѣзни, поддается лѣченію?—спросилъ онъ.

— Да, и я хочу спросить у васъ, какой методъ лѣченія долженъ быть здѣсь примѣненъ. Вы знаете оранжистскіе принципы отца, онъ того же требуетъ и отъ насъ.

— Онъ, какъ и всѣ благомыслящіе люди, убѣжденъ, что гомруль грозитъ намъ гибелью. Я съ нимъ вполнѣ согласенъ. Джемсъ былъ вчера на демонстраціи, а Недъ отсутствовалъ.

— Онъ поѣхалъ на мотоциклетѣ, вернулся только къ чаю и разсказалъ длинную исторію о томъ, какъ онъ сломался. Весь день онъ провелъ въ Деррирэшъ—и это Двѣнадцатое! Вообразить только: сынъ Джемса Александера въ католическомъ домѣ двѣнадцатаго іюля!

М-ръ Кинганъ серьезно покачалъ головой.

— Какой былъ бы ударъ отцу.

— Онъ просто выгонитъ Неда и откажется отъ него,—сказала Эленъ. — Я знаю это, потому-то мнѣ и нужно было съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, съ настоящимъ другомъ, на котораго я могла бы положиться. Я чувствую, что вамъ я могу довѣриться — мы всѣ можемъ разсчитывать, что вы захотите подать намъ добрый совѣтъ.

— Конечно, вы можете вѣрить, что я все готовъ сдѣлать для васъ. Эдуардъ, вѣрно, и не подозрѣваетъ, что вамъ кое-что извѣстно.

— Я намекнула ему. Но, вы знаете, здѣсь трудно что-нибудь скрыть. Люди здѣсь словно шпіоны, а говорить имъ не о чемъ, кромѣ гомруля; они ничего не читаютъ, не интересуются ни музыкой, ни картинами, ничѣмъ, что интересуетъ публику въ Дублинѣ или въ Лондонѣ. Я провела въ Дублинѣ мѣсяцъ весною у Роувандовъ, и за все это время ни разу не слышала — иначе какъ въ шутку слово „гомруль“. И опера, церковные концерты, театръ на Аббей-Стритъ съ пьесами, которыя въ Лондонѣ считаются типичнымъ отраженіемъ ирландской жизни... какъ все это непохоже на Бельфастъ! Какъ божественно хорошъ былъ этотъ мѣсяцъ въ Дублинѣ!

Она нѣсколько отклонилась отъ предложеннаго вопроса. Онъ просто спросилъ: предполагаетъ ли братъ, что она нѣчто подозрѣваетъ объ его склонности къ Кэтъ Пауэръ,—а она увлеклась сравненіемъ Дублина и Бельфаста. Онъ вернулся къ своему вопросу:

— Если бы вы намекнули пространнѣе,—какъ вы думаете,—онъ остерегся бы?—спросилъ онъ.

Эленъ задумалась.

— Право, не знаю,—отвѣтила она, помолчавъ.—Пожалуй, онъ посовѣтовалъ бы мнѣ заниматься своими дѣлами. Здѣсь народъ не отличается дублинской деликатностью.

— Вѣжливость никогда не была нашимъ недостаткомъ,—подтвердилъ Вилли.—Но если онъ отвѣтилъ бы такъ вамъ, своей сестрѣ, что же сказалъ бы онъ мнѣ, вздумай я вмѣшаться?

— О, я отнюдь не подразумѣвала, что вы приметесь его убѣждать! — воскликнула она.—Я просто хотѣла спросить васъ,—не предотвращу ли я катастрофу, если поговорю съ отцомъ или съ матерью? Мнѣ казалось, будетъ лучше для всѣхъ насъ, если покончить съ этимъ, пока дѣло не зашло слишкомъ далеко.

— Конечно, но въ томъ-то и вопросъ, можно ли это пресѣчь безъ семейной драмы. Я думаю, лучше всего вамъ пока воздержаться. Недъ достаточно взрослый, чтобы самому справляться со своими дѣлами. Вы сами говорите, что его визиты къ Пауэрамъ не могутъ долго оставаться тайной, о нихъ заговорятъ, и толки дойдутъ до отца.

— Онъ выгонитъ Неда изъ дома.

— Не выгонитъ. Онъ ограничится тѣмъ, что запретитъ ему бывать у Пауэровъ и пригрозитъ выгнать, если онъ не уймется.

— Вы полагаете, Недъ подчинится?

— Полагаю,—во всякомъ случаѣ, спустя нѣкоторое время.

— А если онъ серьезно любитъ Кэтъ Пауэръ?

— Не думаю. А если онъ и любитъ ее, онъ сочтетъ болѣе благоразумнымъ отказаться отъ нея, нежели отъ всего, чего онъ можетъ ожидать отъ отца. Онъ не захочетъ лишаться своей доли въ завѣщаніи отца, не захочетъ уйти изъ отцовскаго дома.

— Конечно, нѣтъ; но развѣ мужчины всегда считаются съ благоразуміемъ въ вопросахъ любви?

— Не всегда и не всѣ. Но я полагаю, въ Ульстерѣ большинство мужчинъ слишкомъ благоразумны, чтобы дѣлать глупости изъ-за любви. Большинство смотрятъ на вещи прямо и сознаютъ, что подходящая партія—все, а неравный бракъ граничитъ съ несчастьемъ. Недъ прекрасно понимаетъ, что женитьба на миссъ

Пауэръ для него равносильна гибели—и въ смыслѣ общественномъ, и въ смыслѣ финансовомъ. Онъ ничего не получитъ отъ отца и потеряетъ друзей. Пауэръ не вращается въ одномъ съ вами кругѣ.

Эленъ помолчала и поднялась.

— Благодарю васъ. Поговоривъ съ вами, я чувствую значительное облегченіе. Я этого ждала. Здѣсь нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы говорить такъ откровенно. Вы такъ не похожи на нашихъ сосѣдей. Вы были въ Оксфордѣ?

— Оксфордъ еще не все, миссъ Александеръ.

— О, для джентльмена это очень много значитъ. Я встрѣчала въ Дублинѣ очень милыхъ джентльменовъ, окончившихъ только Trinity College, но только Оксфордъ даетъ настоящій тонъ. Еще разъ благодарю. Я напишу вамъ, какъ все будетъ; вы, конечно, захотите помочь мнѣ своимъ совѣтомъ, если я окажусь въ затрудненіи.

— Я почту себя счастливымъ, если вы найдете, что я могу быть вамъ полезенъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы вамъ надоѣсть, у васъ есть о чемъ подумать. Говорятъ, вы дѣлаете карьеру; безъ сомнѣнія, вы пройдете на ближайшихъ выборахъ.

— Я былъ бы дѣйствительно страшно занятъ, если бы у меня не нашлось времени для такого друга, какъ вы!

Внезапнымъ порывомъ миссъ Эленъ молча протянула ему руку. Онъ пожалъ ее и проговорилъ, улыбаясь:

— Договоръ заключенъ. Если моя скромная служба вамъ можетъ быть полезна, я—въ вашемъ распоряженіи.

— Вы сняли такую тяжесть съ меня! Я чувствую себя одинокой.

Все это она проговорила очень мило, серьезнымъ полушопотомъ. Вилли находилъ, что она очень мила, и ему было пріятно быть съ ней на дружеской ногѣ. Онъ долженъ еще увидѣться съ нею до отъѣзда въ Дублинъ. Онъ былъ убѣжденъ, что она получитъ двадцать—двадцать пять тысячъ фунтовъ по смерти отца, а можетъ быть, и при выходѣ замужъ. Симпатичныя барышни, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Дублинѣ не ждали наслѣдствъ. Въ Ульстерѣ можно найти деньги, а деньги полезны.

Однако ужинать онъ не остался, какъ ни уговаривала его м-съ Александеръ, соблазняя скромнымъ меню, причемъ, перечисляя его блюда, не преминула замѣтить, что языкъ почти цѣлый. М-ръ Александеръ намекнулъ на бутылку шампанскаго со льдомъ, чтобы смазать яства. Эленъ передернуло. Въ аристокра-

тической школѣ въ Бельфастѣ ей внушили, что провинціализмы обличаютъ дурной тонъ, даже если они ульстерскаго происхожденія.

Однако братъ Недъ, подозрѣвая, что̀ было темой разговора сестры съ гостемъ, въ отместку ей замѣтилъ, какъ только Кинганъ вышелъ:

— Куда это онъ покатилъ ужинать? Вѣрно, къ Торнтонамъ.

— Не наше дѣло,—замѣтила мать.—Занимайтесь лучше своими дѣлами и не ломайте голову надъ чужими.

— Я просто такъ сказалъ; а вчера я охотно съѣлъ бы кусокъ-другой языка,—сказалъ онъ.

— О чемъ ты съ нимъ разговаривала въ саду, когда мнѣ нужно было поговорить съ нимъ о дѣлѣ?—спросилъ м-ръ Александеръ.

— Дѣла, дѣла даже въ воскресенье!—воскликнула она.—Право, довольно съ него было „дѣлъ“ за обѣдомъ: вы говорили все время о политикѣ, о противномъ гомрулѣ и ни одного новаго слова съ начала до конца—все старыя, избитыя фразы, которыя ему, вѣроятно, такъ же пріѣлись, какъ мнѣ.

Она говорила вполоборота, направляясь къ двери и вышла, прежде чѣмъ отецъ успѣлъ опомниться отъ неожиданности.

— Какова дѣвчонка! Безстыжая дѣвчонка! Я научу ее разговаривать. Видѣли, Сузанна?

— Видѣла. Почему онъ ушелъ безъ ужина?—проговорила она.

— Да что вы болтаете?—недоумѣвающе спросилъ м-ръ Александеръ.—Я говорю о ней и ея непристойномъ поведеніи.

— И я тоже—отозвалась жена.—Но онъ долженъ былъ поужинать... Почти полная луна, а садъ такъ хорошъ при лунѣ.

Плетеный стулъ скрипнулъ отъ нетерпѣливаго движенія хозяина. Онъ съ недоумѣніемъ воззрился на жену, челюсть у него упала.

— Я усталъ, промолвилъ онъ, зѣвая.

X.

Миссъ Александеръ была совершенно права: луна достигла почти полнаго круга, и садъ Ардрэа тонулъ въ розоватомъ свѣтѣ, хотя въ общемъ имѣлъ мало романтическихъ чертъ. Терраса, на которой сидѣлъ м-ръ Александеръ, была достаточно высока и открывала видъ на далекое озеро, мерцавшее на горизонтѣ, словно плавно текущая рѣка. Невысокія горы, вспаханныя почти до вершины, были залиты багрянцемъ, кромѣ тѣхъ неровныхъ мѣстъ, гдѣ колосья блестѣли на свѣту, а Ратулагская долина тонула въ таин-

ственной мглѣ. Прядильныя фабрики Ардерри и Бриней лежали въ разстояніи мили, скрытыя деревьями усадьбы Дрента. Но м-ръ Александеръ смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ онѣ лежали. Единственный минусъ прекрасной ночи заключался въ томъ, что нельзя было увидѣть фабрикъ, напримѣръ, его собственной бринейской. Однако онъ понималъ, что нельзя соединить всѣ выгоды мѣстоположенія. А жаль, что не видно семидесятифутовыхъ трубъ! Но на крыльяхъ воображенія онъ перенесся подъ густолиственными деревьями усадьбы Дрента и спустился на крышу фабричнаго корпуса. Онъ задумчиво посмотрѣлъ на остовъ трубы (онъ всю недѣлю только о ней и думалъ вперемежку съ гомрулемъ) и прошепталъ:

— Не знаю, поставятъ ли они котелъ ко вторнику.

Фабриканты въ Ульстерѣ обычно пользуются іюльскими праздниками для ремонта, благо въ ихъ распоряженіи имѣются два свободныхъ дня. Бываютъ случаи, когда этого срока нехватаетъ. М-ръ Александеръ, зная недочеты одного изъ котловъ, сомнѣвался, будетъ ли возможно возобновить работу во вторникъ.

— Не знаю,—успѣютъ ли они все наладить ко вторнику.

Было одиннадцать часовъ, и всѣ въ домѣ уже спали. Постепенно огни погасли, и осталась только одна лампа въ подъѣздѣ. Онъ слышалъ, какъ дочь подняла жалузи и погасила огонь,— какъ кухарка опустила крюкъ на черной лѣстницѣ, затѣмъ наступила тишина, и ничто не нарушало его мыслей, по крайней мѣрѣ, съ полчаса. Едва ли онъ слышалъ хриплый лай собаки, доносившійся съ далекой фермы, не слышалъ и пѣнія на дорогѣ у озера: очевидно, какой-то добрый человѣкъ желалъ продлить праздникъ и закрывалъ уже третій трактиръ.

Надтреснутыя басовыя ноты чередовались съ слабымъ фальцетомъ и понемногу замерли. Опустилась теплая, тихая лѣтняя ночь...

Когда, послѣ нѣсколькихъ минутъ дремоты, м-ръ Александеръ открылъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собою человѣка. Собственно говоря, онъ уже и раньше почувствовалъ его присутствіе и неподвижно уставился въ освѣщенное луной лицо... Руки его впились въ ручки кресла, глаза широко раскрылись, челюсть отвисла. Человѣкъ не шевелился и нѣсколько минутъ не сводилъ съ него глазъ, потомъ странно разсмѣялся.

— Здорово, Джэмсъ! Едва ли вы соображаете, кто передъ вами,—проговорилъ пришелецъ.—Стоитъ мнѣ уйти, и вы утромъ станете разсказывать, что видѣли духа!

Говоръ былъ ульстерскій, только, видимо, говорившій давно не жилъ въ Ульстерѣ, и углы его рѣчи пообтерлись. Однако даже

привычный родной акцентъ не могъ вернуть самообладанія Джэмсу Александеру; прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ глубоко перевелъ духъ и слабо пролепеталъ:

— Дикъ, Дикъ! Значитъ я осужденъ?

— Конечно, Джэмсъ; и это вамъ извѣстно лучше, чѣмъ кому бы то ни было. Вы положительно осуждены и вы приняли меня за духа, который явился извѣстить васъ объ этомъ. Но вы, Джэмсъ, знаете это съ тѣхъ поръ, какъ обманомъ захватили мою собственность и меня отправили къ чорту. Меня не удивляетъ, что вы посматриваете, не открыто ли гдѣ-нибудь въ домѣ окно; вы не очень бы желали, чтобы кто-нибудь услышалъ нашу пріятную бесѣду.

Однако м-ръ Александеръ всетаки оправился. Искаженныя черты понемногу приняли свой нормальный видъ, ротъ закрылся, и гость могъ удостовѣриться, что онъ хитро и самодовольно улыбается.

— Вы—лжецъ!—были его первыя слова.—А теперь скажите, какимъ образомъ вы очутились тутъ послѣ съ лишкомъ тридцатилѣтняго отсутствія. Не вознамѣрились ли вы сполна заплатить своимъ кредиторамъ?

— Будь у меня такое намѣреніе, не долженъ ли бы я былъ вынуть изъ кармана револьверъ и прикончить васъ, потомъ запалить этотъ домъ? Скажите-ка. Такимъ путемъ я воздалъ бы вамъ сполна за все, чѣмъ вамъ обязанъ. Клянусь—всѣ эти годы я недоумѣвалъ, что удержало мою руку въ тотъ день, когда я пришелъ къ вамъ со словами: весьма вамъ благодаренъ Джэмсъ, теперь я готовъ вступить во владѣніе собственнымъ имуществомъ. Вы холодно повернулись и замѣтили:—О чемъ вы толкуете, добрый человѣкъ? Кому фабрика принадлежитъ, кромѣ меня? Полно, мнѣ некогда шутить!—Я не шучу,—отвѣтили вы,—вы скоро убѣдитесь въ своей ошибкѣ! И я, вмѣсто того чтобы пришибить васъ, заковылялъ куда глаза глядятъ, будто ничего не случилось!

— А я вамъ объясню, мой милый, въ чемъ тутъ дѣло. Вѣдь вы не сумасшедшій и вовсе не желали подставлять свои руки полицейскому, чтобы вамъ надѣли кандалы.

Гость помолчалъ. Потомъ заговорилъ, покачавъ головою:

— Это превосходитъ все, Джэмсъ. Съ вами самъ дьяволъ заодно! Я явился безъ предупрежденія, словно съ того свѣта, словно призракъ брата, котораго вы давно считали умершимъ. Мало ли что могло случиться въ теченіе тридцати лѣтъ!... Вы видите меня передъ собою, очнувшись отъ дремоты, и вы не удивлены.

Ей-Богу это—выдержка! Она превосходитъ все! Я полагаю, въ каждомъ человѣкѣ есть кое-что отъ дьявола,—но въ васъ слишкомъ много. Я сдаюсь, я побѣжденъ, Джэмсъ.

— Ну, вотъ теперь вы говорите дѣло, братъ Дикъ. Чудесная ночь, Дикъ. Быть можетъ, вы не откажетесь пройтись со мною по саду. Какъ хорошо пахнутъ розы тамъ внизу.

— Я слышу ихъ запахъ и отсюда,—возразилъ Дикъ, когда братъ поднялся со стула.—Запахъ очень хорошъ, но васъ заботитъ, не слышны ли наши голоса въ домѣ. Идемъ, мой дорогой! Я на этотъ разъ готовъ сыграть вамъ въ руку. А славный домъ вы построили, Джэмсъ! И садъ недурной. А изрядно темно въ этомъ туннелѣ,—они подошли къ концу аллеи и Дикъ показалъ назадъ:—самое подходящее мѣсто для сведенія старыхъ счетовъ...

— Садитесь, Дикъ, и разскажите, что и какъ было за это время,—сказалъ м-ръ Александеръ, приглашая брата сѣсть на ту самую скамейку, гдѣ недавно сидѣла Эленъ съ Кинганомъ. Онъ просто игнорировалъ намекъ брата и даже не желалъ принять его за шутку.—Садитесь; можно подумать, что мы не видались всего годъ-два.—Гдѣ вы были и, прежде всего, сколотили ли вы капиталецъ, чтобы возстановить утраченное по собственной безпечности?

— Безпечность? Вы считаете легкомысліемъ передачу вамъ фабрики безъ формальнаго условія?—запальчиво спросилъ Дикъ, шаря въ карманѣ. Джэмсъ внимательно наблюдалъ зъ нимъ. Онъ отнюдь не трусилъ, хотя никогда не видывалъ, чтобы люди тутъ держали трубку. Тѣмъ не менѣе появилась именно трубка, а за нею и табакъ. Да къ чему бы въ данномъ случаѣ послужилъ договоръ? Онъ только крѣпче связалъ бы меня. Есть у у васъ спички, Джэмсъ?

Джэмсъ протянулъ брату коробокъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ онъ.—Такъ вы, значитъ, подозрѣвали кое-что, Дикъ.

— Да, кое-что мнѣ было извѣстно, но я считалъ, что долженъ вамъ вѣрить, и рѣшилъ рискнуть.

— А я съ самаго начала смотрѣлъ на это, какъ на сдѣлку. Я рисковалъ не меньше васъ, потому что нетрудно было установить, что я съ вами заодно обставляю вашихъ кредиторовъ. Но къ такимъ вещамъ нужно относиться дѣловымъ образомъ. Чувство, совѣсть—одно, а дѣло есть дѣло. Надѣюсь, вы тоже кое-что успѣли за это время, Дикъ?

— Не безпокойтесь, я не собираюсь у васъ просить взаймы,

Джэмсъ. Если бы мнѣ и попадобилось, къ вамъ я не обратился бы, не имѣя обезпеченія.

— Я увѣренъ. А гдѣ вы были все это время? Голова у васъ всегда была на плечахъ...

— Я побывалъ во многихъ мѣстахъ, но всего дольше жилъ въ Австраліи. Мнѣ говорили, что въ Австраліи трудно пробиться: слишкомъ много ульстерцевъ, съ ними трудно тягаться. Вотъ что мнѣ говорили.

— Готовъ побожиться, — такъ говорятъ націоналисты. Они всегда готовы чернить насъ за то, что мы не хотимъ имъ подчиняться. Паписты, я согласенъ, около насъ не поживятся, но ульстерецъ, если у него есть смекалка, очень хорошо можетъ устроиться съ земляками, если, конечно, онъ выберетъ вѣрный путь. Вы, конечно, воспользовались урокомъ, Дикъ, и пошли по настоящей дорогѣ?

— О, да, вы меня научили.

— Очень радъ убѣдиться въ вашей признательности. Я моложе васъ, но я видѣлъ, въ чемъ ваша слабость: вы были черезчуръ довѣрчивы. А такъ дѣла не дѣлаются. Я зналъ, что вы не пробьетесь, если не воспользуетесь первымъ урокомъ, который выпадаетъ на долю каждаго. Не довѣряй даже родному брату, пока онъ не дастъ расписку и ты не засвидѣтельствуешь его подпись въ ближней нотаріальной конторѣ: это создаетъ чувство особой увѣренности.

— Вы научили меня, и я весьма вамъ благодаренъ. Я не забылъ этого опыта. Повѣрьте, вамъ не удалось бы меня обставить вторично, Джэми.

— Я и не собираюсь пробовать. Итакъ, вы сумѣли устроиться. Ну, мы поговоримъ завтра, а сегодня ужъ поздно, не правда ли? Надѣюсь, вы не собираетесь платить своимъ кредиторамъ? Изъ этого никогда ничего путнаго не выходитъ. Банкротство— обычный торговый рискъ; и рискъ этотъ, его цѣнность падаетъ, когда человѣкъ, пройдя черезъ судъ, пожелаетъ платить по двадцать шиллинговъ за фунтъ да еще проценты въ теченіе двадцати лѣтъ.

— Такіе случаи въ Ульстерѣ нечасты. Я помню единственный случай въ Лисбёрнѣ, люди эти никогда ужъ не могли оправиться съ той поры. Не безпокойтесь, у меня ничего подобнаго и въ мысляхъ не было.

— И вы правы. Такія вещи только будятъ подозрѣнія. Вы женаты, Ричардъ?

— Да.

— Надѣюсь, у нея кое-что было?

— О, да, и признаюсь, ея приданое насъ выручило.

— Правильно. И семейство есть?

— Одинъ сынъ. Ну, а какъ ваши дѣла?

— Недурно. Но почему вы не написали, чтобы предупредить? Не по-братски отпускать васъ, но въ отдѣльной комнатѣ нѣтъ постели. Вы остановились у Вернера Армъ?

— Да. Видите ли, я былъ въ Бельфастѣ и захотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

— И сдѣлали.

— Я разсчитывалъ иначе...

— Ну, будетъ вамъ, мой милый. Приходите завтра.

— Хорошо, тамъ увидимъ. Я бываю въ Бельфастѣ.

— Комната будетъ васъ ждать, Дикъ. Право, повѣяло стариной, когда я увидѣлъ васъ. Чортъ возьми, вы лучше, чѣмъ были. Войдемъ и пропустимъ по рюмочкѣ, и я провожу васъ немного.

— Не откажусь,—отвѣтилъ Дикъ, слѣдуя за братомъ, направившимся въ столовую. Ни словомъ не обнаруживъ вниманія къ размѣрамъ столовой, онъ просто выпилъ виски, налитое братомъ.

— Есть у васъ спички?—спросилъ онъ, прощаясь, когда они дошли до выхода на дорогу, бѣжавшую черезъ самое сердце Ульстера.

XI.

Джэмсъ Александеръ недалеко проводилъ брата, но когда онъ вернулся въ Ардрэа, было уже далеко за полночь. Однако онъ и тутъ не сразу легъ спать. Ему было о чемъ подумать, а думать лучше, шагая на открытомъ воздухѣ, чѣмъ ворочаясь въ постели. Никогда даже собственному брату онъ не показалъ бы виду, что взволнованъ его визитомъ: не въ обычаѣ ульстерскихъ дѣльцовъ обнаруживать то, что можно скрыть, хотя бы и отъ брата. Всякая откровенность, по ихъ мнѣнію,—слабость, которая, при случаѣ можетъ быть использована другими. Поэтому они создали себѣ репутацію скрытныхъ людей и дѣйствительно очень замкнуты. Однако не много на свѣтѣ людей, которые умѣютъ быть скрытными сами передъ собой. Бываетъ, что человѣкъ увѣряетъ себя въ невозмутимомъ спокойствіи, а у самого на лбу капли пота.

Братъ явился передъ нимъ, какъ онъ самъ сказалъ, словно, съ того свѣта; правда, онъ, Джэмсъ, довольно быстро оправился отъ неожиданности и владѣлъ собою при братѣ, но, очутившись снова одинъ на террасѣ, онъ почувствовалъ себя точно послѣ

страшнаго сна съ привидѣніемъ, послѣ кошмара съ душившимъ его мертвецомъ.

Онъ давно ужъ считалъ Дика умершимъ. Прошло больше тридцати лѣтъ со времени его отъѣзда, и за это время онъ ничего о немъ не слышалъ. Сначала онъ думалъ (изрѣдка вспоминая о немъ), что онъ живъ, затѣмъ сталъ сомнѣваться въ томъ, и наконецъ пересталъ допускать и мысль объ его существованіи. И вдругъ часъ тому назадъ, когда онъ спокойно дремалъ въ камышевомъ креслѣ и вдругъ раскрылъ глаза, онъ увидѣлъ при свѣтѣ луны этого самаго брата.

Онъ не сразу узналъ своего гостя, но когда Дикъ заговорилъ, онъ узналъ его голосъ и нѣкоторое время готовъ былъ думать, что слышитъ его изъ-за могилы. И теперь еще онъ не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ дѣйствительности всего происшедшаго и не могъ отрѣшиться отъ ощущенія кошмара.

Войдя въ домъ, онъ прошелъ въ столовую. Онъ зналъ, что̀ ему нужно, но былъ изумленъ, когда горлышко графина стукнуло о рюмку: ему стало стыдно передъ самимъ собою. Изъ-за чего онъ такъ волнуется? Развѣ и въ этотъ разъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, верхъ не остался за нимъ? Онъ понялъ, что Дикъ явился, чтобы „разсчитаться“ съ нимъ за прошлое; но благодаря тактичности его, Джэмса, онъ не привелъ въ исполненіе этого намѣренія; вмѣсто того чтобы осыпать его упреками, онъ ограничился тѣмъ, что назвалъ его воромъ, но даже и это обвиненіе Джэмсъ сумѣлъ отклонить, и они разстались самымъ дружескимъ образомъ.

И тѣмъ не менѣе у него дрожатъ руки, когда онъ наливаетъ виски! Неудивительно, что ему стыдно себя самого. Онъ хлебнулъ виски и тихо опустился въ кресло.

„Бѣдный Дикъ! Бѣдный старый другъ! Лучше бы ему не пробовать тягаться со мною! Хорошъ—духъ! Бѣдняга! Чего онъ ждалъ? Неужто онъ воображалъ, что я паду къ его ногамъ и буду молить о пощадѣ? Случай ему благопріятствовалъ: я, кажется, задремалъ и, очнувшись, увидѣлъ его передъ собою черезъ тридцать лѣтъ! Какъ не взволноваться! Но я сумѣлъ дать ему понять, что онъ ошибся, и онъ признался. „Однако и выдержка у васъ!“—сказалъ онъ, и въ голосѣ его звучало уваженіе: онъ чувствовалъ мое превосходство. Бѣдный Дикъ!... Подумать только, черезъ тридцать, стой, тридцать два года! Господи, подумать только!“

Джэмсъ просидѣлъ около часа, погруженный въ мысли и воспоминанія.

Онъ вспоминалъ, какъ братъ Ричардъ ночью пришелъ къ нему въ его маленькій коттэджъ (онъ былъ еще мастеромъ) и разсказалъ о предстоящемъ банкротствѣ. Банкротство можно было оттянуть на годъ, на два, а тѣмъ временемъ можно все обставить самымъ законнымъ образомъ. Планъ Ричарда сводился къ тому, чтобы фиктивно передать Джэмсу маленькую прядильную фабрику: онъ долженъ былъ вести ее до окончанія процедуры съ банкротствомъ, а затѣмъ обѣленный банкротъ снова вступитъ во владѣніе ею, уплативъ Джэмсу сто фунтовъ за содѣйствіе.

Планъ понравился Джэмсу. Правда, предстояло нагрѣть десятка два кредиторовъ, но Дикъ подчеркнулъ, что всегда старался имѣть дѣло съ крупными фирмами, которымъ нечувствительна потеря нѣсколькихъ сотенъ; онѣ не станутъ швырять деньги на преслѣдованіе банкротовъ, несостоятельность коихъ подтверждена присягой. Надоѣдливы мелкіе кредиторы—Дикъ, повидимому, серьезно изучилъ предметъ. Крупныя фирмы не станутъ возиться съ отсрочками, потому что имъ знакома практика медицинскихъ свидѣтельствъ: очевидно, банкротство постигаетъ наиболѣе чувствительныхъ людей: они заболѣваютъ при одной мысли о появленіи въ судѣ. О, Дикъ подробно, такъ сказать, до четырехзначныхъ десятичныхъ дробей, обдумалъ свой планъ: цифры послѣ запятой означали крупныхъ кредиторовъ, а мелкіе были низведены на еще низшую степень. Дикъ все обдумалъ и предусмотрѣлъ, опустивъ только одну мелочь, и она оказалась важнѣе всего. Онъ предположилъ, что братъ его *честно* поможетъ ему провести его мошенническій планъ. Джэмсъ мрачно согласился: онъ былъ увѣренъ, что этотъ пріемъ не возбудитъ подозрѣній со стороны брата. Результатъ оправдалъ расчеты Дика. Онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, а когда кредиторы захотѣли завладѣть маленькой фабрикой, двери ея оказались заперты, и свидѣтели подтвердили, что она принадлежитъ не банкроту, а его младшему брату.

Конечно, не обошлось безъ шумихи, даже наличности присяги; нашлись люди, которые прямо говорили, правда шопотомъ, что братья—мошенники, но братья не огорчились бы даже въ томъ случаѣ, если бы кто-нибудь, подобно муэдзину съ минарета, съ фабричной трубы прокричалъ то же самое. Потерпѣвшіе кредиторы, конечно, роптали, но огрызались, преимущественно, дворняжки (Дикъ такъ называлъ ихъ не потому, что сердился на нихъ, а потому, что прозвище подходило). Крупныя фирмы, Дикъ не ошибся, отнеслись къ факту великодушно, пожали

плечами и записали цифру въ издержки. Банкротство сошло необычайно гладко для банкрота. Такъ Ричардъ думалъ, пока, мѣсяца черезъ два, не пришелъ къ брату.

— А тонко мы провели дѣло, Джэмсъ; я думаю, что въ понедѣльникъ я начну, но вы можете остаться въ качествѣ управляющаго.

— Что вы говорите, милый Ричардъ?—переспросилъ Джэмсъ съ ничего не выражающей миной.

— Что *вы* хотите сказать, мой другъ? Я ясно сказалъ, что снова вступлю во владѣніе своей фабрикой.

— О чемъ вы говорите, любезный? *Ваша* фабрика? О какой фабрикѣ идетъ рѣчь?

— Бросьте, не время дурачиться!

— Да я какъ нельзя болѣе серьезенъ, Дикъ. Время дурачества миновало. Довольно вы подурачились съ кредиторами, меня вамъ не придется одурачить. Фабрика моя, Дикъ, — понимаете? Моя—въ силу подтвержденныхъ присягою показаній, принятыхъ судомъ. Я еще разъ повторяю: фабрика—моя, но вы, если желаете, можете поступить ко мнѣ управляющимъ; нечего стоять и глазѣть на меня, меня ждетъ дѣло.

Джэмсъ Александеръ, сидя въ креслѣ съ зажатымъ въ рукѣ стаканомъ, изъ котораго только что пилъ виски, ясно видѣлъ передъ собою сцену, разыгравшуюся между нимъ и братомъ тридцать два года назадъ. Онъ отчетливо помнилъ каждое слово, сказанное кѣмъ-нибудь изъ нихъ, вплоть до проклятія, съ которымъ братъ удалился.

— Ладно, Джэмсъ Александеръ,—сказалъ онъ.—Вы загнали меня въ щель, но не думайте, что вамъ ваше мошенничество пойдетъ впрокъ. Оно будетъ проклятіемъ вамъ и дѣтямъ вашимъ, если только на небѣ есть Богъ!

Это было нехорошо со стороны Дика, но братъ не сердился на него, наоборотъ, онъ одобрялъ его за чисто проведенное дѣло... Онъ неоднократно недоумѣвалъ, почему Дикъ тогда не поколотилъ его; тотъ и самъ только что признался, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могъ объяснить себѣ этого. Конечно, проклятіе прозвучало очень сурово, но оно явилось лишь слабой замѣной удара и за эти годы не создало ему ни одного непріятнаго момента. Онъ не вѣрилъ въ то, что проклятіе можетъ неблагопріятно отразиться на ходѣ фабрики. Онъ слыхивалъ о „проклятіи“, тяготѣющемъ надъ старыми родами: иногда оно облечено даже въ стихотворную форму, но никогда не слыхивалъ, чтобы энергичный мясникъ, булочникъ или прядильщикъ стали

жертвой проклятія, которымъ заклеймили ихъ ремесло. Стихотворныя проклятія дѣйствительны только для графскихъ родовъ, они безсильны, когда наталкиваются на упорство и опредѣленное желаніе добиться успѣха какой бы то ни было цѣной. А этими качествами онъ, Джэмсъ, обладалъ въ полной мѣрѣ. Онъ рѣшилъ пробиться и пробился. Его энергіей маленькая фабрика выросла въ большую, и самъ онъ сталъ величиной въ своей округѣ. Конечно, много неудачъ было и у него, но онъ зналъ, что въ погонѣ за деньгами къ неудачамъ нужно приготовиться заранѣе, онѣ—залогъ успѣха. Онъ пробился и гордъ своимъ успѣхомъ. Братъ его тоже вышелъ на дорогу. Онъ не завидуетъ его благосостоянію, напротивъ, онъ радъ ему, оно избавляетъ его отъ тяжкой необходимости отказать въ денежной помощи. Онъ можетъ быть великодушнымъ, небо—свидѣтель, онъ не завидуетъ Дику.

Проглотивъ еще стаканъ виски съ содовой водой, онъ сталъ думать, что Дикъ ему обязанъ своимъ благосостояніемъ: завладѣвъ его фабрикой, онъ тѣмъ самымъ понудилъ его уѣхать за море, гдѣ наживаются всѣ, надѣленные отъ природы качествами ульстерцевъ, людей дѣла по преимуществу. Дикъ въ значительной мѣрѣ обязанъ ему; онъ ужъ высказалъ это ему, когда они сидѣли на скамейкѣ въ саду, но теперь онъ самъ проникся этимъ сознаніемъ: онъ создалъ благосостояніе брата! Дикъ призналъ, что онъ научилъ его не довѣрять даже родному брату.

Онъ былъ доволенъ собою и налилъ себѣ третій стаканчикъ (первые два онъ выпилъ для бодрости) и выпилъ въ знакъ удовлетворенія,—за собственное здоровье, привѣтствуя въ своемъ лицѣ хорошаго товарища, добраго патріота и хорошаго брата. Его размышленія приняли форму хвалебнаго спича въ честь собственной персоны. Предсѣдатель поднялся съ мѣста при звонѣ бокаловъ и восторженномъ шарканьѣ ногъ, и онъ разслышалъ красивый мотивъ:

„Онъ славный веселый малый“ и т. д.

Необходимо было отвѣтить. Джэмсъ оперся на столъ, чтобы встать: трудно было. Поднявшись, онъ сталъ искать глазами предсѣдателя, но стѣны комнаты и мебель плясали вокругъ... Фигура въ красномъ въ дверяхъ—едва ли предсѣдатель... Кой же чортъ это можетъ быть?...

„Джэмсъ Александеръ. Неужели вамъ не стыдно?—проговорило видѣніе.—Половина второго ночи съ воскресенья на понедѣльникъ и домъ давно ужъ спитъ! Посмотрите на графинъ! Послѣ ужина онъ былъ почти полонъ, а теперь въ немъ едва ли

осталось съ рюмку! Вотъ что у васъ называется посидѣть на свѣжемъ воздухѣ! Стыдитесь! Снимайте сапоги и ложитесь спать! Нельзя же перебудить весь домъ... Вы выпили цѣлую бутылку виски, не считая того, что выпито за обѣдомъ и послѣ".

— Сузанна,—съ достоинствомъ, держась за столъ, проговорилъ Джемсъ Александеръ.—Я имѣю право. Кто, думаете вы, былъ здѣсь, въ этой комнатѣ и въ саду? Мой братъ, милый Ричардъ Александеръ, не кто иной. Онъ возвратился черезъ тридцать два года, здоровый, бодрый, и ушелъ вполнѣ довольный тѣмъ, что я для него сдѣлалъ. Онъ такъ и сказалъ: „Вы научили меня, Джэмсъ", и разсказалъ, какъ онъ устроился. Онъ отнюдь не питаетъ ко мнѣ злобы, Сузанна.

— Ну, будетъ, Джэмсъ. Пойдемъ въ постель. Садитесь, я сниму съ васъ сапоги.

— Почему я самъ не могу ихъ снять?—воскликнулъ онъ, хватаясь за спинку стула.—Вы воображаете, что я пьянъ. Нѣтъ, я не пьянъ. Неужели вы не видите разницы между человѣкомъ, который выпилъ, и тѣмъ, кто обрѣлъ давно утраченнаго брата?

— Сядьте, я сейчасъ сниму. Не срамитесь, не поднимайте весь домъ.

Ей удалось-таки его уговорить. Опустившись на колѣни, она сняла съ него обувь, и, когда разбудила, послѣ этой операціи онъ оказался гораздо податливѣе. Придя въ спальню, онъ, едва добравшись до подушки, заплакалъ счастливыми слезами, лепеча о томъ, что создалъ благополучіе брата.

Добрая жена не волновалась: она имѣла достаточный опытъ, но недоумѣвала, почему ему взбрело говорить о братѣ. Кончилось тѣмъ, что она пришла къ заключенію, что онъ слишкомъ долго сидѣлъ на лунномъ свѣтѣ: она вѣрила въ дѣйствіе луны и слышала, что лунатизмъ опаснѣй солнечнаго удара.

Виски ее не тревожило: о немъ не стоило думать. Такіе инциденты никого въ Ульстерѣ не пугаютъ.

XII.

Эдуардъ Александеръ задѣлъ сестру за живое, предположивъ, что Вилли Кинганъ „покатилъ" къ Торнтонамъ. Этотъ уколъ вызвалъ у Эленъ вспышку противъ отца, завладѣвшаго вниманіемъ гостя за обѣдомъ и послѣ. Она считала вѣроятнымъ предположеніе брата и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла себѣ контрастъ, который ожидаетъ Вилли, послѣ ихъ дома, въ домѣ Торнтона.

Она не ошиблась. Когда Вилли увидѣлъ полковника Торнтона

съ дочерью на террасѣ ихъ дома среди безмятежнаго покоя, (покой—единственное настоящее слово, покой первой Субботы, когда Творецъ почилъ отъ дѣлъ своихъ, найдя, что все „зѣло добро“), когда Кинганъ увидѣлъ ихъ, онъ ощутилъ этотъ контрастъ.

Съ минуту онъ стоялъ между деревьями и издали созерцалъ двѣ фигуры. Старикъ курилъ сигару, молодая дѣвушка сидѣла съ нераскрытой книгой на колѣняхъ. Они наслаждались покоемъ. Глядя на нихъ, Вилли недоумѣвалъ, почему люди (себя онъ не исключалъ изъ ихъ числа) ищутъ радости въ жизненной борьбѣ, когда счастье вотъ здѣсь. Всѣ его честолюбивыя мечты вдругъ стали пошлы, крикливы.

Передъ нимъ—все, къ чему человѣкъ долженъ стремиться. Онъ вздохнулъ и направился къ террасѣ. Онъ сознавалъ, что не можетъ отбросить всѣ надежды, стремленія, мечты о широкомъ поприщѣ и борьбѣ, хотя и чувствовалъ, что способенъ подчиниться болѣе утонченнымъ вліяніямъ. Въ немъ не было достаточно силъ, чтобы отвернуться отъ цѣли, къ которой онъ стремился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ради иной, болѣе цѣнной.

Пройдя еще шаговъ десять, онъ снова остановился, и у него мелькнула смутная мысль:

„Она, только одна она могла бы это! Если она скажетъ, я повинуюсь!“

Онъ быстро зашагалъ по образцовому саду, съ клумбами, со старымъ фонтаномъ, съ вьющимися розами. Не успѣлъ Вилли взойти на двѣнадцать каменныхъ ступеней террасы, какъ она увидѣла его и поднялась ему навстрѣчу.

Ему казалось, что только она одна могла гармонировать съ этой обстановкой, съ этимъ міромъ цвѣтовъ. Граціозная, какъ цвѣтокъ, она казалась цвѣткомъ, колеблемымъ вѣтромъ.

Онъ думалъ это, а онъ былъ воплощеніемъ прозы!

Минна Торнтонъ считалась высокой среди маленькихъ барышень. Въ сущности она была не особенно высока. Брюнетки считали ее бѣлокурой, но она была не особенно свѣтлая. Ея волосы могли быть синонимомъ осени, красноватые съ золотистымъ отливомъ, глаза, „сѣрые среди голубыхъ, голубые среди сѣрыхъ“, напоминали широко раскрытые удивленные глаза ребенка, довѣрчивые въ своемъ невѣдѣніи. Прелестная дѣвушка, которая заставляетъ прозаически настроенныхъ людей вспоминать забытые стихи юности.

Обрывки многочисленныхъ стиховъ замелькали въ памяти Вилли, гармонически переплетаясь, какъ пѣніе птичекъ въ лѣсу весенней порой. Каждая встрѣча открывала ему новыя стороны,

никогда имъ не виданныя, то новый жестъ, то новый наклонъ головы. Сегодня его поразила ея рука, лежавшая на краю каменной вазы. Розовато-бѣлая, она казалась лепесткомъ цвѣтка, не розы, а иного, болѣе рѣдкаго, словно воскового, но вмѣстѣ съ тѣмъ живого, не увядающаго съ лѣтомъ цвѣтка.

И подумать, что онъ только что держалъ эту руку въ своей!

— Чудесно,—проговорилъ онъ, подразумѣвая красоту вечера.— Что можетъ сравниться съ прелестью прогулки подъ вашими буками въ іюльскій вечеръ! Солнце не слишкомъ низко... О, Минна, я ничего подобнаго нигдѣ не видѣлъ, и въ концѣ пути—вы!

— Хорошо, что вы надумали прійти; отцу очень хочется поговорить съ вами, и мнѣ тоже. Вы являетесь къ намъ, какъ подобаетъ жителю столицы, какъ бывало полтораста лѣтъ тому назадъ приходили сюда горожане, съ разсказами о напряженной городской жизни... Мы вамъ благодарны, Вилли...

Тутъ къ нимъ подошелъ ея отецъ: благодаря ранѣ, полученной тридцать лѣтъ тому назадъ въ Египтѣ, онъ ходилъ, слегка прихрамывая.

— Радъ, что вы выбрались,—сказалъ онъ,—мы васъ не видѣли съ Рождества. Мы могли бы за это время оказаться во власти нѣмцевъ, ирландцевъ или иной какой державы, а вы все развлекались бы пикниками, вечерами и прочими прелестями лѣтняго сезона. Господи! Что дѣлалось въ замкахъ въ дни Аберкорновъ и Лондондерри!

— Дорогой папа, не удивительно, что режимъ этотъ рушится, вѣдь онъ близокъ къ концу,—замѣтила дочь.

— Да, словно домъ, который не поддается ремонту.

— Во всякомъ случаѣ герцоги Эбердинъ сдѣлали кое-что для ирландской промышленности,—съ улыбкой вставилъ Вилли.

— Они воскресили вязанье крючкомъ и подняли на него моду, назвавъ его „кружевомъ“.

— Не знаю, много ли они сдѣлали для тончайшихъ вышивокъ по полотну на Сѣверѣ, — возразилъ полковникъ. — Въ дни моей юности вышиваніе было кустарной промышленностью, распространенной чуть не по всему Ульстеру. Въ лѣтніе вечера всюду можно было видѣть молодыхъ дѣвушекъ, располагавшихся съ работой на крыльцѣ; иглы и ножницы мелькали надъ полотномъ, натянутымъ на маленькіе пяльцы. Прозрачная гладь была удивительно прочна и красива.

— Да, тогда умѣли стирать, — возразила Минна, — теперь ничто не устоитъ противъ разрушительнаго дѣйствія прачечной гигіены!

— Кажется, мы попали на ирландскій вопросъ,—сказалъ Вилли.—Пожалуйста, довольно. Довольно съ меня было вчера и сегодня; хотѣлось бы передохнуть.

— Въ Ульстерѣ нѣтъ ирландскаго вопроса! Ульстеръ давно на него отвѣтилъ! — воскликнулъ полковникъ, стукнувъ палкой о плиту террасы.—Но гдѣ мы возьмемъ тему для разговора, если исключимъ вопросъ о будущемъ Ульстера?

— Сегодня воскресенье и первый хорошій вечеръ съ самаго мая,—съ упрекомъ замѣтила Минна.

— Спроси у м-ра Джиффорда, запрещено ли благочестивымъ людямъ обсуждать свое будущее по воскресеньямъ, какъ въ хорошую, такъ и въ плохую погоду,—возразилъ отецъ.—Не лишай насъ, дитя, нашей религіи. Неужели моя дочь перешла на сторону враговъ?

— Милый Вилли, вы—буревѣстникъ и неминуемо несете бурю. Повѣрьте, до вашего появленія мой отецъ ни разу не упомянулъ о гомрулѣ. А вотъ не успѣли вы сѣсть, онъ ужъ началъ... Садитесь и скажите, почему вы въ этомъ году не приняли участія въ кингстонскихъ гонкахъ?

Вилли опять улыбнулся и сѣлъ на одну изъ кожаныхъ подушекъ на старомъ каменномъ диванѣ.

— Вотъ это называется перемѣнить тему!—воскликнулъ онъ.—Мнѣ кажется, никакое воображеніе не установитъ хотя бы малѣйшей связи между гомрулемъ и кингстонскими гонками. Какъ вы думаете, полковникъ?

— Можетъ быть, вопросъ расоваго соперничества, вѣдь гомруль въ сущности—вопросъ расовой борьбы. Впрочемъ, я не настаиваю на этомъ. Дайте отчетъ, почему вы пренебрегли яхтой?

— Кажется, я могу оправдаться,—отвѣтилъ Вилли.—Дѣло въ томъ, что Джорджъ Гриръ, чьей яхтой я правилъ, когда не было лучшаго рулевого, нынче продалъ ее Эдди Сеймуру, а никто другой меня не пригласилъ.

— Я замѣтилъ, что „Воронъ“ не появлялся въ этомъ году ни въ Дублинѣ, ни въ Бонгорѣ, — сказалъ полковникъ.—Но почему Гриръ вздумалъ продать такое хорошее судно? Оно взяло три первыхъ приза и одинъ второй въ прошломъ году, если не ошибаюсь.

— Онъ продалъ ее по той же причинѣ, по какой большинство у насъ стремится продать все, что можно, и даже что нельзя. Угроза гомруля слишкомъ велика.

— Ну вотъ, мы опять на томъ же мѣстѣ, какъ ни былъ невиненъ мой вопросъ! — воскликнула Минна.—Я сдѣлала для васъ, Вилли, все, что могла, теперь я умываю руки.

— Вы сдѣлали благородное усиліе, чтобы совершить невозможное, и это зачтется вамъ,—сказалъ Вилли.—Но если бы Гриръ удержалъ яхту за собою, и я принялъ бы участіе въ гонкахъ, я не увѣренъ, что это зачлось бы мнѣ на предстоящихъ выборахъ. Меня намѣчаютъ кандидатомъ на освобождающееся мѣсто въ одномъ изъ округовъ, скажемъ, въ нашемъ, и, пожалуй, я могу лучше использовать свои силы въ виду кризиса, къ которому мы несемся на всѣхъ парахъ съ дюжиной редмондистовъ, наваливающихся на рычагъ предохранительнаго клапана, чтобы сдвинуть его.

— Очень радъ, что вы были на демонстраціи,—замѣтилъ Торнтонъ. — Правду сказать, имѣй Ульстеръ лучшихъ представителей, дѣла не шли бы такъ, какъ это было за послѣдніе три-четыре года. Нужно признать, что тактика всегда была лучше у націоналистовъ.

— Но мы еще не побѣждены, — возразилъ Вилли, — сраженіе еще только должно начаться.

— А я начинаю терять довѣріе къ Англіи,—сказалъ полковникъ.—Подумайте о подвигахъ націоналистовъ. Вспомните годы обидъ, убійствъ, калѣченія скота, варварства, не уступающія тому, что творится на Балканахъ,—все дѣла рукъ націоналистовъ! А лидеры ихъ выходятъ сухи изъ воды. Они „обѣлены". Помните поэму Киплинга?

— Сама истина!—воскликнулъ Вилли.—Гомруль—возвратъ къ насилію и варварству. Націоналисты подали факелъ—въ буквальномъ смыслѣ факелъ!—суфражеткамъ. „Мы указываемъ вамъ путь, которымъ вы можете всего добиться отъ Англіи,—сказали они,—ваша вина, если вы не сумѣете!" Если націоналисты могутъ доказать свою правоту, суфражетокъ нельзя обвинять...

— Само собою разумѣется,—подхватилъ Торнтонъ.—Потому-то я стыжусь за Англію: подчиняться сброду, который всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ торжествовалъ каждое наше пораженіе въ Южной Африкѣ! Они дѣлали это открыто, на глазахъ чуть не всѣхъ членовъ современнаго кабинета. По-моему, вы говорили вполнѣ справедливо. Безъ ухищреній они не прошли бы и въ самыхъ радикальныхъ округахъ. Политика гладстоновскаго кабинета была политикой прыгающей кошки: они выжидали, пока кошка прыгнетъ, теперешній кабинетъ держится у власти только вербовкой красной селедки. [1])

---

[1]) Англійскіе солдаты—по краснымъ пакидкамъ.

— Ну, теперь мы пришли къ полному соглашенію и, полагаю, можемъ передохнуть,—сказала Минна.

— Нѣтъ, дорогая, это было бы неестественно, — возразилъ отецъ.—Въ вѣрноподданномъ Ульстерѣ нѣтъ иной темы, она въ воздухѣ, мы ее вдыхаемъ, она проникла намъ въ плоть и кровь, отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ наша жизнь и жизнь всего, что есть добраго въ Ирландіи. Мы не можемъ отказаться отъ обсужденія гомруля, какъ живущіе по склону дѣйствующаго вулкана не могутъ игнорировать подземный гулъ или сѣрные пары надъ кратеромъ. Когда мы были заперты въ Лэдисмисѣ съ ульстерцемъ, который держалъ въ своихъ рукахъ престижъ всей Англіи, нашлись люди, которые сочли моментъ благопріятнымъ для открытія философскаго общества. Во время перваго же собранія надъ головами философовъ разорвалась бомба, засыпавъ ихъ тонной земли, прежде чѣмъ они успѣли вынести первую резолюцію. Было рѣшено отсрочить обсужденіе системъ Канта и Декарта до тѣхъ поръ, пока у буровъ истощатся снаряды! О чемъ могутъ говорить пассажиры тонущаго судна?

— Объ остроуміи Маркони,—предположила Минна.

— Совершенно вѣрно. Едва ли они будутъ интересоваться картинами королевской академіи или вымученными остротами Бернарда Шоу.

— И потому мы должны весь вечеръ преподносить Вилли вещи, которыя онъ самъ разъ двадцать говорилъ съ двадцати платформъ. Нѣтъ, милый папа, я отказываюсь подчиниться! Я хочу услышать кое-что другое.

Отецъ засмѣялся.

— Я просилъ бы еще позволенія сказать нѣсколько словъ о папистахъ. Не забудьте, къ ужину придутъ Монгомери, и не будетъ ужъ случая.

— Прекрасно,—изощряйтесь и собирайте всѣ проклятія на ихъ головы,—и вы тоже, Вилли; но въ присутствіи м-съ Монгомери я запрещаю бранить католиковъ.

— Я лично никогда не склоненъ злословить и менѣе всего по адресу м-съ Монгомери. Если нельзя быть *только* въ вашемъ обществѣ, я буду очень радъ сидѣть за столомъ съ Монгомери. Она очаровательная женщина; съ трудомъ вѣрится, что она католичка.

— Ульстерецъ до мозга костей!—воскликнула Минна.—Онъ не можетъ допустить, чтобы католикъ обладалъ хоть незначи-

тельнымъ достоинствомъ. Истинный ульстерецъ! Надѣюсь,—ваши шансы не пострадаютъ, если пройдетъ молва, что вы на другой день послѣ двѣнадцатаго ужинали вмѣстѣ съ католиками.

— Я предпочту не доводить объ этомъ до свѣдѣнія моихъ избирателей,—замѣтилъ Кинганъ.

— Политика—плохой совѣтникъ,—вставилъ Торитонъ.—Я не желалъ бы, чтобы на мою долю выпало убѣждать кого-нибудь,—скажемъ, напримѣръ, нашего пріятеля м-ра Александеръ,—въ томъ, что англійскіе католики — наши союзники въ настоящемъ кризисѣ. Тутъ никого не убѣдишь, что англійскіе католики чуть не всѣ на нашей сторонѣ.

— Если вы попробуете имъ это сказать, они заявятъ, что католики—іезуиты и прикидываются консерваторами, чтобы шпіонить за нами,—добавила Минна.

— Я считаю за лучшее никогда на публичныхъ собраніяхъ не касаться англійскихъ католиковъ,—сказалъ Вилли.—Этимъ ничего не добьешься, люди только ощетиниваются и говорятъ оскорбительныя вещи по поводу нечестиваго союза.

— Вы положительно были бы великолѣпнымъ представителемъ Ульстера,—замѣтила Минна.

Нельзя было не признать, что м-ръ Кинганъ, несмотря на свое англійское воспитаніе и жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Дублинѣ, остался настоящимъ ульстерцемъ. Онъ унаслѣдовалъ всѣ характерныя черты своихъ земляковъ и зналъ, что онѣ, обычно, присущи сильнымъ, способнымъ людямъ, хотя не всегда пріятнымъ для общежитія, и далеко не похожимъ на настоящихъ ирландцевъ. Впрочемъ, люди, поставившіе себѣ цѣлью наживу, рѣдко бываютъ пріятны. Ульстерцы и не гонятся за этимъ и относятся подозрительно ко всякой любезности. Тактъ, деликатность, личное обаяніе—въ ихъ глазахъ орудіе обмана.

Протестантскій Ульстеръ, пожалуй, самая сильная и жизнеспособная община въ мірѣ, и если вы скажете ульстерцамъ, что среди нихъ не очень пріятно жить, они отвѣтятъ, что никто васъ и не принуждаетъ. Они проникнуты волей къ достиженію, силой и благочестіемъ. Они чтутъ небо, которое всегда приходитъ на помощь тому, кто самъ себѣ помогаетъ, и среди нихъ нѣтъ атеистовъ.

Вилли не сразу оцѣнилъ комплиментъ Минны, но, подумавъ минуты двѣ, пришелъ къ заключенію, что бо́льшаго комплимента она не могла ему сказать.

— Все, что я могу пожелать, это быть представителемъ того, что создало силу сегодняшняго Ульстера,—сказалъ онъ.

— Или вчерашняго—вчера было ваше Двѣнадцатое,—улыбаясь, поправила Минна.—Ульстеръ великъ Двѣнадцатымъ, не правда ли, Вилли?

— И по праву!—воскликнулъ отецъ.—Помню, въ дѣтствѣ я считалъ Двѣнадцатое пренесноснымъ днемъ, въ виду его барабанной трескотни и свиста дудокъ; но впослѣдствіи, ознакомившись съ положеніемъ дѣла въ Ирландіи, я пришелъ къ заключенію, что демонстраціи даютъ выходъ инстинкту смѣлаго народа, подозрительно относящагося ко всѣмъ остальнымъ, полагающагося только на свои силы для охраны завоеванныхъ правъ. Событія, имѣвшія мѣсто тридцать лѣтъ тому назадъ, оправдали празднованіе Двѣнадцатаго.

— Боюсь, что Минна равнодушна,—съ подчеркнутой серьезностью сказалъ Вилли, но Минна знала, что въ глубинѣ души онъ искренно былъ огорченъ.

— Возможно,—отозвалась она—и причиной, вѣроятно, плохая музыка. Это по-женски—скажете вы: не видѣть огромности движенія за слабостью „Бойне Уотеръ", какъ музыкальнаго произведенія. Но, Вилли, необходимо создать оранжистскую марсельезу! „The Wearing of the Green" положительно великолѣпна по сравненію съ „Boyne Water".

— Музыка—пустяки,—рѣшительно произнесъ Вилли.—Какіе нескладные вирши вдохновляли нашихъ предковъ, шотландскихъ пресвитеріанъ, въ ихъ походахъ?..

— Но я рада, что никогда не имѣла случая встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ великихъ предковъ. Они были великимъ народомъ, но грубы, ужасно грубы!

На этомъ споръ (если это былъ споръ) и закончился. Послышался шумъ автомобиля, и Минна поспѣшила навстрѣчу своимъ друзьямъ Монгомери, которые обѣщали пріѣхать къ ужину. М-съ Монгомери была близкой пріятельницей Минны, а мужъ ея былъ въ юности сосѣдомъ Торнтона, когда тотъ жилъ въ другомъ округѣ Ульстера. Съ Кинганомъ они тоже были хороши и онъ всегда съ удовольствіемъ бывалъ въ ихъ прелестномъ домѣ подъ Бельфастомъ, гдѣ у м-ра Монгомери было дѣло. Кинганъ очень любилъ ихъ обоихъ, но въ этотъ вечеръ предпочелъ бы ихъ не видѣть въ Лиснабринѣ: онъ боялся, что ему не удастся поговорить съ Минной наединѣ, о чемъ онъ мечталъ во время торжествъ годовщины.

Минну онъ зналъ съ дѣтства и не помнитъ времени, когда они не называли другъ друга—„Минна" и „Вилли". У него всегда было о чемъ съ ней поговорить, но кое-что онъ всегда прибере-

галъ для нея одной. Онъ положительно не огорчился бы, если бы моторъ Монгомери сломался на полдорогѣ.

Возможно, что Минна иначе отнеслась бы къ такому происшествію. Она была наблюдательна и, несмотря на то, что Вилли былъ какъ будто и поглощенъ ульстерскимъ вопросомъ, подмѣтила въ его взглядѣ нѣкоторую озабоченность. Она была хороша, ей было двадцать три года, и она имѣла случай неоднократно убѣдиться въ значеніи подобнаго выраженія. Она ужъ прочла его однажды на лицѣ Вилли и отъ него самого узнала, предвѣстникомъ чего оно бываетъ. Въ виду всего этого она постаралась ни на минуту не оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ и устроила такъ, что Монгомери предложили ему довезти его домой: они жили въ разстояніи одной мили.

— Вашему Тимми не нужно будетъ выѣзжать за вами,—пояснила Минна, и Кинган оставалось только благодарить.

Однако онъ тоже не былъ лишенъ наблюдательности и по-своему объяснилъ ея заботливость, при этомъ онъ не могъ не почувствовать, что ни одинъ изъ своихъ визитовъ не можетъ счесть удачнымъ.

Вилли Кинганъ былъ страстнымъ сторонникомъ юніонистовъ, которые рѣшили отнюдь не подчиняться постановленію, проведенному большинствомъ палаты общинъ, вѣдь оно было равносильно подчиненію ульстерскихъ колонистовъ-протестантовъ ирландскимъ папистамъ! Онъ присоединился къ декларацiи полумилліона ульстерцевъ, готовыхъ мечомъ защищать права Англіи въ Ирландіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно большинству его друзей, не вѣрилъ въ возможность гражданской войны. Однако нѣсколько словъ Монгомери поколебали его увѣренность.

— Я не думалъ, что націоналисты съ юга пойдутъ на насъ,— сказалъ Гаральдъ Монгомери.

— А ульстерскихъ націоналистовъ мы живо сократимъ,—замѣтилъ Вилли.

— Вы думаете?—быстро отозвался Монгомери.—Я не такъ въ этомъ увѣренъ: стоитъ вспомнить бельфастское возстаніе 1886 г., когда былъ отвергнутъ первый гладстоновскій билль о гомрулѣ. Тогда едва ли двѣ тысячи принимали активное участіе въ этихъ выступленіяхъ, а между тѣмъ тысяча полицейскихъ и солдатъ— пѣхоты и кавалеріи, двѣ недѣли не могли возстановить порядокъ. Первымъ слѣдствіемъ гомруля, если билль пройдетъ, будетъ бунтъ въ Бельфастѣ, даже не бунтъ, а рѣзня. Полъ-города будетъ пылать; тоже будетъ въ Дерри, въ Баллимена, въ Баллиманей, по всему Ульстеру, и число мятежниковъ будетъ уже не

двѣ тысячи, а сорокъ тысячъ. Вспомните верфи, заводы, фабрики... Что могутъ сдѣлать военныя власти? Стрѣлять по мятежникамъ?.. Но какъ, уважая личность, они могутъ разстрѣливать юніонистовъ? Но предположимъ, что столкновеніе произошло: среди убитыхъ, конечно, будутъ и націоналисты, и юніонисты... Неужели вы думаете, что южане останутся равнодушными, когда узнаютъ, что, по приказу радикальнаго кабинета, перебиты сотни ихъ единомышленниковъ? Всякій, кто знаетъ Ирландію, не усомнится, что отвѣтомъ будетъ рѣзня протестантовъ въ Дублинѣ, въ Коркѣ,—всюду. И что же, полиція и военныя власти начнутъ разстрѣливать бунтовщиковъ-націоналистовъ?.. „Вотъ каково освященіе гомруля?"—раздается крикъ со всѣхъ сторонъ. Этою цѣною мы расплачиваемся за радикальный кабинетъ съ его бюджетомъ въ 200.000,000 ф. ст.?! Что будетъ потомъ,—Богу извѣстно; быть можетъ, всеобщіе выборы, не знаю. Но знаю, что въ прошлую пятницу я распорядился, чтобы мой маклеръ продалъ на 40,000 ф. ст. британскихъ бумагъ и купилъ бы американскихъ акцій... И многіе у насъ въ Бельфастѣ дѣлаютъ то же самое изо дня въ день.

— И наше ученье и гимнастика не ускорятъ кризиса?—спросилъ Вилли.

— Нѣтъ, никоимъ образомъ. Такого рода взрывы не сопровождаются объявленіемъ войны и торжественными выступленіями гражданъ съ оружіемъ въ рукахъ. Гражданская война начинается явочнымъ порядкомъ, достаточно появиться десятку парней съ камнями въ рукахъ... Недаромъ же Бельфастъ, Дерри, цѣлая провинція, какъ Ульстеръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ живутъ въ состояніи сильнѣйшаго напряженія. Если зажженная спичка упадетъ на улицѣ, ее затопчутъ и конецъ, но бѣда, если она попадетъ въ пороховой складъ!

— Совершенно справедливо,—подтвердилъ полковникъ.—Примѣровъ достаточно. Когда граждане вооружаются палками, камнями или ружьями, безразлично, ихъ называютъ мятежниками; но гражданскій мятежъ, это—гражданская война въ миніатюрѣ. Въ 64 г. и въ 86 г. полиція и военныя власти не могли подавить мятежъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а тогда всякій порядочный человѣкъ стремился къ поддержанію порядка. А что же будетъ теперь, когда сотни тысячъ лучшихъ гражданъ приняли на себя обязательство воевать?

Припоминая этотъ разговоръ по возвращеніи домой, представивъ себѣ реально неизбѣжную катастрофу, Вилли Кинганъ

почувствовалъ себя болтуномъ, измѣнникомъ дѣлу, которому клялся служить: онъ могъ огорчаться тѣмъ, что ему не удалось побыть нѣсколько минутъ наединѣ съ миссъ Торнтонъ, или тѣмъ, что просидѣлъ три четверти часа съ Эленъ Александеръ!..

Онъ не скоро заснулъ.

XIV.

На другой день послѣ Двѣнадцатаго въ деревнѣ Скарва въ графствѣ Арма разыгрывается примѣрная битва. Активная роль принадлежитъ живущимъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ военныхъ дѣйствій, но совершается все это ради торжественности подъ покровомъ Оранжистской лиги и въ присутствіи представителей различныхъ ея отдѣловъ. Число зрителей бываетъ иной разъ такъ велико, точно это самое выдающееся событіе въ календарѣ оранжистовъ.

Каждаго непредубѣжденнаго зрителя прежде всего поражаетъ страшная серьезность. На военныхъ смотрахъ лица солдатъ отличаются полнымъ безразличіемъ ко всему, что происходитъ, и это признакъ дисциплины. Пѣхота пріучается смотрѣть на себя, какъ на скорострѣльное орудіе, кавалерія должна дѣйствовать, какъ снарядъ. Войска въ Скарвѣ совсѣмъ другого характера. Примѣрное сраженіе—единственное по важности событіе въ году для общины, значитъ, чуть не на земномъ шарѣ. Потому и для участниковъ, и для зрителей неприлично смѣяться въ этотъ день. Женщины, щеголяющія пестрыми юбками, завороченными на голову на случай дождя, — и шляпами съ экзотическими перьями, не уступаютъ въ торжественности настроенія мужчинамъ.

Въ прежніе годы все сводилось къ большому фарсу. Люди сходились и, насупившись, дрались, кто и какъ хотѣлъ. Теперь провинція увлекается военной выправкой, и все идетъ на военный ладъ. Поле битвы между приверженцами Якова (историческая правда заставляетъ представить эту сторону, хотя добрымъ протестантамъ и обидно брать на себя эту роль!) и сторонниками принца Оранскаго обставляется съ извѣстной военной пышностью. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ склоны холмовъ тонутъ въ пороховомъ дыму, почти скрывающемъ перипетіи боя: атаки, контръ-атаки, героическое сопротивленіе англичанъ, мелькающія знамена, торжествующіе возгласы: „Да здравствуетъ король Вильямъ!“ и пр., пока самъ король Вильямъ не отдаетъ приказъ памятными словами Веллингтона при Ватерлоо: „Впередъ по всей

линіи!“ Раздается взрывъ ура, залпы, и ирландцевъ волокутъ въ волны воображаемой Бойне, а барабаны выбиваютъ „Boyne Water“, національный гимнъ „Rule Britannia!“ Далѣе слѣдуетъ стрѣльба въ потѣ лица и выпивка. Планъ сраженія былъ заимствованъ у герцога Веллингтона, и не безъ успѣха, но теперь все измѣнилось! Какой-то антикварій открылъ, что битва при Бойне существенно отличалась отъ битвы при Ватерлоо, но результатъ одинаково великолѣпенъ и непреложенъ. Здѣсь ульстерцы воскрешаютъ старую вражду своихъ предковъ съ ирландцами: ихъ настроеніе не измѣнилось и триста лѣтъ не обратили ихъ въ ирландцевъ. Болѣе ранніе переселенцы на югѣ слились съ ирландцами и „стали больше ирландцами, чѣмъ сами ирландцы“: то были протестантскіе солдаты Кромвеля, женившіеся на католичкахъ, принявшіе ихъ религію и основавшіе наиболѣе видные ирландскіе роды.

Но Ульстеръ остается Ульстеромъ и ежегодно побѣждаетъ ирландцевъ въ битвѣ при Скарвѣ!

Джэмсъ Александеръ съ дѣтства почти никогда не пропускалъ этой битвы. Въ прежніе годы, когда онъ работалъ на фабрикѣ Мегарри, онъ сражался со своимъ шомпольнымъ ружьемъ въ обоихъ лагеряхъ; впослѣдствіи присутствовалъ въ качествѣ зрителя и представителя своего отдѣла. Онъ собирался и въ этомъ году въ Скарву, но его смущалъ вопросъ установки котла: другимъ онъ не довѣрялъ и опасался, что безъ него работа не будетъ закончена ко вторнику. Битва состоится въ его отсутствіе, какъ совершалась въ теченіе ста лѣтъ до его рожденія, а вотъ паровой котелъ... Къ тому же онъ далъ соотвѣтственныя инструкціи сыновьямъ: они должны были замѣстить его и объяснить его отсутствіе.

Младшій сынъ сперва призадумался—точно эта поѣздка нарушала его собственные планы, однако не успѣлъ отецъ закончить наставленія,—лицо его прояснилось: онъ поѣдетъ на своемъ мотоциклетѣ!

Отецъ сперва запротестовалъ и хотѣлъ уже оставить его наблюдать за установкой котла.

Тутъ въ комнату вошелъ Джэмсъ, и отецъ и ему приказалъ тоже ѣхать въ Скарву...

А онъ собирался навѣстить замужнюю сестру въ Бельфастѣ! Къ тому же поѣздъ тринадцатаго всегда опаздываетъ... Брату Неду хорошо,—онъ можетъ поѣхать на своемъ мотоциклетѣ.

Отецъ призадумался, и ему представилось, что появленіе виднаго стройнаго юноши на мотоциклетѣ обратитъ на себя внима-

ніе, вызоветъ вопросы, разговоры, а мотоциклистъ окажется сыномъ его, Джэмса Александеръ, владѣльца Бриннейской фабрики!

Онъ далъ Неду свое согласіе, но предупредилъ, что „не потерпитъ, чтобы машина одурачила его вторично...“

Джэмсъ на велосипедѣ поѣхалъ на станцію, чтобы успѣть на поѣздъ. Недъ поблагодарилъ брата за содѣйствіе въ вопросѣ о мотоциклетѣ, но въ сущности не понималъ, „въ чемъ тутъ игра“...

XV.

Джэмсъ Александеръ былъ очень доволенъ, что отправилъ сыновей. Котелъ удачно избавлялъ его отъ необходимости лгать или хотя бы поступаться правдой. Ему нужно было заняться котломъ и братомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ имѣть представителей въ Скарвѣ. Онъ умолчалъ однако о возможности знакомства съ дядей, о которомъ онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ рѣдко вспоминалъ...

Не безъ труда удалось ему убѣдить жену въ томъ, что исторія съ братомъ—не плодъ воображенія, подогрѣтаго излишкомъ виски. За двадцать девять лѣтъ замужества м-съ Александеръ имѣла достаточный опытъ и потому ее трудно порицать за недовѣріе. Только послѣ того какъ мужъ объяснилъ, что братъ разбогатѣлъ, женился и имѣетъ только одного ребенка, она согласилась на то, чтобы приготовить комнату, хотя въ душѣ все еще сомнѣвалась: слишкомъ ужъ странный случай. Тѣмъ не менѣе она согласилась съ мужемъ, что сыновей лучше отправить. Эленъ—дѣвушка и къ тому же не очень интересуется родней своихъ родителей...

Къ десяти часамъ утра Джэмсъ Александеръ и самъ сталъ нѣсколько сомнѣваться,—братъ что-то не появлялся!

Около одиннадцати, когда м-ръ Александеръ „почти“ слышалъ удары молотовъ на своей фабрикѣ и слышалъ разговоры рабочихъ, дѣлившихся впечатлѣніями Двѣнадцатаго, въ ворота Ардрэа въѣхала телѣжка; въ ней сидѣлъ его братъ Ричардъ съ двумя большими дорожными свертками.

Такимъ образомъ его репутація благоразумнаго пьяницы была возстановлена, не говоря о томъ, что въ собственномъ мнѣніи она еще болѣе упрочилась.

— Кто это?—спросила Эленъ у матери, когда телѣжка проѣхала мимо оконъ столовой, гдѣ они надписывали банки съ вареньемъ.

— Господи Боже! Однако это оказалось правдой!—воскликнула

мать, вскакивая съ мѣста. — Я просто глазамъ не повѣрила. Подумай, вѣдь я не велѣла Дженъ стлать покрывало...

— Да кто онъ?

— Тише, услышитъ. Это твой дядя, Ричардъ Александеръ.

— Мой дядя? Да откуда онъ взялся? Отчего вы не сказали, что ожидаете его?... Онъ останется здѣсь?

— Я и сама ничего не знаю. Отецъ разсказалъ мнѣ цѣлую исторію, когда я ночью пришла, чтобы отвести его въ постель.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и упорнаго торга съ извозчикомъ братья вошли въ комнату. Эленъ сразу узнала, что пріѣзжій—братъ ея отца, только года на два старше.

— Вѣдь я никогда еще не видѣлъ ихъ, Джимми!—воскликнулъ Ричардъ, кивая на дамъ.—Скажи, кто изъ нихъ мать и кто дочь?—продолжалъ онъ, прежде чѣмъ братъ успѣлъ его представить.

— Бросьте, Ричардъ Александеръ!—воскликнула мать шутя, но энергично хлопнувъ его по плечу.—У васъ тамъ, вѣрно, всѣ такіе льстецы! Ну, что бы вамъ было предупредить!

— Съ вами я не желаю разговаривать, тетенька, а вотъ эту родственницу я не прочь обнять,—заявилъ онъ, направляясь къ Эленъ.—Онъ съ минуту задержалъ руку молодой дѣвушки и, критически наморщивъ лобъ, разглядывалъ ее.—А эти глаза, вѣрно, многимъ тутъ кружатъ голову. Откуда она, Джимъ? На васъ она ничуть непохожа.

— Придержи языкъ, любезный; всякій видитъ, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на свою мать,—возразилъ Джэмсъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы изъ нея вышла такая красивая женщина,—замѣтилъ Ричардъ, подмигивая Эленъ, чтобъ дать ей понять, что онъ хочетъ только потушить ревность въ душѣ матери.

— Что за человѣкъ вашъ братъ, Джэмсъ! — воскликнула м-съ Александеръ.—Я ужъ не знаю, выпроводить ли мнѣ васъ, или пригласить остаться; но если вы останетесь, я научу васъ, какъ себя держать. Намъ здѣсь не нужно льстецовъ, не правда ли, Эленъ?

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста, но я сказалъ, что думалъ,—воскликнулъ Ричардъ.—А у васъ все тотъ же кокетливый взглядъ, хотя у васъ уже взрослая хорошенькая дочка, м-съ Александеръ!

— Гдѣ слыхано, чтобы говорили такимъ тономъ! — возмутилась лэди, обращаясь къ мужу.

— Онъ старается, чтобы его угостили рюмочкой послѣ переѣзда,—пояснилъ Джэмсъ.

— А я думаю, что вы стараетесь для себя, м-ръ Александеръ,—замѣтила Сузанна.—Ну, здѣсь въ эту пору дня рюмочекъ не подносятъ. Уходите и не мѣшайте намъ работать.

— По-моему, рюмка-другая не повредитъ. Что скажете вы, Дикъ?

— Предоставимъ ей рѣшить: не такъ ужъ она жестокосерда! А я такъ высохъ, что если меня начать выколачивать, такъ изо рта пыль пойдетъ!

— Хорошо, дѣлайте, какъ хотите,—заявила хозяйка, направляясь къ буфету изъ краснаго дерева и доставая полный графинъ виски.—На буфетѣ стоялъ графинъ съ водою и сифонъ съ содой.

— Такъ-то уютнѣе!—замѣтилъ хозяинъ.—А то что же за пріемъ послѣ тридцатилѣтней разлуки: даже глотокъ виски пожалѣли!.. За ваше, братъ Ричардъ!

— За ваше и за вашихъ, Джэмсъ; Миссъ—не знаю, смѣю ли назвать по имени такую важную барышню — да гдѣ же она? — спросилъ Ричардъ.

— Она удрала, когда я сталъ наливать виски, — отвѣтилъ отецъ.—Она три года пробыла въ лучшей бельфастской школѣ и насъ считаетъ неотесанными, простыми мужиками.

— И права,—сказала жена.—Ужъ чего проще... Каковъ въ колыбельку...

— Да, мы никуда и не лѣземъ, — продолжалъ Джэмсъ. — Въ Ульстерѣ нѣтъ предразсудковъ. Чѣмъ больше я вижу вашихъ спесивыхъ господъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что мы не хуже ихъ. И право не думаю, что я дѣлаю больше ошибокъ въ разговорѣ, чѣмъ они. Мы говоримъ достаточно хорошо, и всякій знаетъ, что только въ Ульстерѣ и говорятъ правильно. Мы только и стараемся, какъ бы наши дѣти не лѣзли въ господа. Нынче всѣ куда-то торопятся.

— Ну, что вы говорите, Джэмсъ! — возразила м-съ Александеръ,—развѣ не естественно для нихъ желать стать господами?

— Я ничего не говорю,—оправдался мужъ,—я полагаю, что дѣтямъ порядочныхъ протестантовъ, какъ мы, вполнѣ естественно желать этого; а вотъ что сказать насчетъ Пауэровъ, которые спятъ и во снѣ видятъ сдѣлать своихъ дѣтей господами. Паписты, а туда же лѣзутъ, хотятъ равняться съ нами!

— Это вы о Михаэлѣ Пауэрѣ?—спросилъ Ричардъ.

— Да. Мукомолъ онъ, папистъ до мозга костей. Говорятъ, онъ изъ собственнаго кармана оплачиваетъ церковные расходы. И имѣетъ наглость воображать, что мы позволимъ Эленъ водиться съ ними! Нѣтъ, такихъ господъ нужно держать на разстояніи!

— Можетъ быть! Гдѣ живутъ теперь Пауэры? Я хорошо помню Микки. Мы вѣдь хорошо были знакомы, и мнѣ хотѣлось бы вспомнить съ нимъ старину,—сказалъ Ричардъ.

Джэмсъ быстро обернулся.

— Для чего вамъ это понадобилось? Мало здѣсь развѣ нашего народу, чтобы знаться съ папистами?

— Не слушайте его! — дружески замѣтила хозяйка. — Отчего вамъ не повидаться съ Микки, если хочется?

— Да вѣдь онъ заядлый папистъ! — выпалилъ мужъ.

— Подождите, я скажу, почему я хочу его видѣть. Микки былъ одинъ изъ послѣднихъ, съ кѣмъ я видѣлся передъ отъѣздомъ, тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ меня убѣждалъ не уѣзжать, увѣряя, что на родинѣ, при желаніи, дѣла хватитъ. Теперь мнѣ хотѣлось бы повидаться съ нимъ и сказать ему, что у меня капиталъ въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ и дѣло въ Мельбурнѣ, дающее около двухъ тысячъ годового дохода,—вотъ что значитъ уѣхать! И спрошу его, что сдѣлалъ онъ дома?

Джэмсъ стукнулъ правымъ кулакомъ по лѣвой ладони:

— Вотъ это по-моему! Подразните его, сдѣлайте изъ пятидесяти семьдесятъ тысячъ, — три тысячи годового дохода. Потрясите передъ нимъ мошной и скажите, что все это пойдетъ на борьбу съ націоналистами. Я готовъ подвезти васъ, кстати мнѣ нужно заглянуть на фабрику. Подразните его хорошенько!

Джэмсъ вышелъ распорядиться закладкой шарабана въ одну лошадь, вмѣщавшаго шестерыхъ пассажировъ и кучера.

— Чѣмъ ему досаждаютъ Пауэры?

— Тѣмъ только, что они католики—развѣ этого мало?—замѣтила м-съ Александеръ.

— Чортъ возьми! Здѣсь попрежнему кисло глядятъ на папистовъ?—спросилъ Ричардъ.

— Кисло? А я скажу, что это—пахтанье, стоявшее цѣлую недѣлю,—поправила она.

XVI.

Недаромъ они оба были ульстерцы; они отнюдь не чувствовали комизма положенія: человѣкъ, ограбившій своего брата, отправившій его въ изгнаніе на цѣлыхъ тридцать лѣтъ, ѣхалъ вмѣстѣ съ этимъ братомъ къ его же имѣнію... Оба они относились или дѣлали видъ, что относятся къ положенію, какъ къ вполнѣ естественному. Но, будучи ульстерцами, они думали про себя, не высказывая своихъ мыслей.

Поговорить имъ и безъ того было о чемъ: они ѣхали по мѣстамъ, обоимъ знакомымъ съ дѣтства, и Джэмсъ указывалъ брату на перемѣны, происшедшія за тридцать лѣтъ его отсутствія.

Старшее поколѣніе вымерло въ большей части; выросло новое

поколѣніе, и къ нему возвратившійся изгнанникъ отнесъ свое замѣчаніе:

— Отцы пошли ни съ чѣмъ, а дѣти стали господами.

Были, конечно, и крахи, были люди, унаслѣдовавшіе отъ шотландскихъ предковъ непреодолимое тяготѣніе къ пьянству и передавшіе эту слабость своимъ сыновьямъ и дочерямъ. Джэмсъ Александеръ приводилъ примѣры, отнюдь не морализируя на тему пьянства и трезвости, онъ былъ просто лѣтописцемъ.

Замокъ былъ въ арендѣ у сэра Самюэля Дрисколя, бельфастскаго судовладѣльца, получившаго передъ смертью титулъ баронета. Онъ сумѣлъ сколотить копейку, хотя въ юности ходилъ безъ сапогъ. А сынъ его перехитрилъ самого отца. Про него разсказываютъ, что однажды онъ на нѣсколько дней исчезъ изъ конторы отца. Возвратившись, онъ усѣлся на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало. На вопросъ отца, гдѣ онъ провелъ это время, Джонни отвѣтилъ, что, пользуясь затишьемъ, рѣшилъ съѣздить въ Глезго, о которомъ много слышалъ.—Такъ, ну что же ты скажешь?—Ничего особеннаго, большой городъ.—И только?—Былъ я въ докахъ—тамъ много судовъ.—Для судовъ они и предназначены. И все?—Тамъ я увидѣлъ судно, оно шло за дешевую цѣну, и я купилъ его за восемнадцать тысячъ.—Серьезно? Такъ тебѣ придется платить за него изъ собственнаго кармана,—замѣтилъ отецъ,—у насъ достаточно пароходовъ, а фрахтъ стоитъ такъ низко.—Суденышко было такое хорошенькое и совсѣмъ задешево,—твердитъ Джонни.—Тѣмъ лучше для тебя. Но фирма платить за него не будетъ.—И не нужно—я перепродалъ его въ тотъ же день за двадцать двѣ тысячи.—Отецъ помолчалъ и потомъ только замѣтилъ, что сынъ его „сдѣлалъ глупость, продавъ судно такъ дешево“. Джонни согласился.

Ричардъ припомнилъ въ свою очередь много разныхъ анекдотовъ о старомъ поколѣніи; братъ приводилъ факты, говорящіе о томъ, что и въ младшемъ поколѣніи нѣтъ недостатка въ дѣловой жилкѣ...

Наконецъ, шарабанъ остановился на перекресткѣ.

— Теперь можете добираться сами. Видите большой кедръ? Я не могу позорить протестантскую лошадь, заставляя ее итти къ папистскимъ воротамъ. Слѣзайте.

— А возвращаться мнѣ придется пѣшкомъ?

— Да, конечно. До свиданья.

Ричардъ не безъ восхищенія смотрѣлъ вслѣдъ отъѣхавшему шарабану.

— Чортъ возьми! И характеръ же у этого человѣка! Гдѣ же съ нимъ тягаться!

Ричардъ направился къ сѣрому дому, полузаслоненному отъ дороги огромнымъ кедромъ. Домъ былъ средней величины и не больше претендовалъ на архитектурныя достоинства, нежели кирпичное зданіе въ трехстахъ шагахъ отъ него. Это и была мукомольная мельница Микаэля Пауэра. Ричардъ помнилъ ее, и ждалъ, что она выросла за эти годы, какъ и все остальное: такъ казалось возвратившемуся изгнаннику. Но мельница не измѣнилась. Въ былыя времена она могла создавать капиталы, когда сосѣдніе фермеры сѣяли хлѣбъ и сажали ленъ; теперь обогащаются другія страны, снабжающія мукой Ирландію.

Ричардъ заглянулъ черезъ плетень и увидѣлъ опрятный садъ. Всюду, гдѣ не было тѣни кедра, были яркія розы... Пока онъ стоялъ у плетня, растворилась калитка въ оградѣ, и показался человѣкъ, приблизительно его лѣтъ, съ граблями въ рукахъ, направился къ клумбѣ подлѣ забора и сталъ разрыхлять землю. Онъ работалъ, не обращая вниманія на стоящаго за заборомъ незнакомца, хотя и замѣтилъ его.

— А садъ совсѣмъ протестантскаго вида, м-ръ Пауэръ,—промолвилъ Ричардъ.

(Въ большинствѣ мѣстностей католической Ирландіи чистота и опрятность приписываются протестантамъ; въ Ульстерѣ католики идутъ дальше—про красиваго человѣка говорятъ, что у него лицо протестанта.)

Человѣкъ обернулся и съ удивленіемъ воззрился на говорившаго.

— Очень радъ, что онъ вамъ понравился, но скажите ваше имя, и вашъ комплиментъ будетъ мнѣ еще пріятнѣе.

— Угадайте, Микаэль,—предложилъ Ричардъ.

Пауэръ подошелъ къ плетню и долго всматривался въ его лицо, но долженъ былъ признаться, что не помнитъ его, хоть голосъ какъ будто знакомъ.

— А помните, какъ васъ жестоко побилъ старый Реви, когда засталъ насъ обоихъ на своихъ сливахъ? Я-то успѣлъ улизнуть...

— Неужели это вы, Дикъ Александеръ? Неужели и я такъ состарился?

— Да, хоть вы и не странствовали по свѣту въ теченіе тридцати лѣтъ. Увы! и святой водой не остановишь времени.

— Заходите же сюда! Надѣюсь, вы еще что-нибудь разскажете.

Ричардъ направился къ калиткѣ. Пауэръ шелъ съ нимъ рядомъ по ту сторону плетня и старики, разставшіеся тридцать два года тому назадъ, пожали другъ другу руки, словно не видѣлись со вчерашняго дня.

— Войдемъ въ домъ и разскажите мнѣ о себѣ. Вы не старше своихъ лѣтъ, однако. Вамъ шестьдесятъ два, если не ошибаюсь.

— Совершенно вѣрно. Но меня можетъ хватить еще на двадцать: мой отецъ спился лишь къ восьмидесяти семи.

— Повидимому, вы хорошо устроились, Дикъ, а я-то отговаривалъ васъ уѣзжать въ Австралію!

— Помню, но не такъ я глупъ, чтобы слушать совѣты...

Войдя въ домъ, они сѣли къ столу, и Пауэръ поставилъ на столъ графинъ виски и стаканы.

Они выпили залпомъ за здоровье другъ друга и обтерли себѣ рты.

— Да, не думалъ я, что мнѣ суждено съ вами увидѣться,— сказалъ Пауэръ.—Хотя скорѣе увидѣлись бы мы съ вами, чѣмъ съ вашимъ братомъ.

— Было между вами что-нибудь, кромѣ его болтовни о папистахъ? Мнѣ ужъ онъ успѣлъ этимъ надоѣсть, хотя мы провели вмѣстѣ не больше двухъ часовъ.

— О, оставимъ его! Онъ меня никогда не оскорблялъ,—замѣтилъ Пауэръ.

— Однако могу завѣрить, это не зависитъ отъ недостатка желанія!... Право, Микаэль, я полагаю, что Ульстеръ—единственное мѣсто во владѣніяхъ его величества, гдѣ живетъ еще вражда между нами и вами. Въ Австраліи я отвыкъ отъ всего этого, но, услышавъ въ субботу въ Бельфастѣ барабанъ, увидѣвъ оранжистскія тріумфальныя арки, я вспомнилъ все.

— И положеніе все ухудшается. Если гомруль пройдетъ и станетъ закономъ, мнѣ съ дѣтьми не будетъ здѣсь житья. Плохо придется католикамъ на сѣверѣ.

— Это всякому дураку ясно,—подтвердилъ Дикъ.—Разскажите лучше о себѣ, о своихъ дѣлахъ. — Помню, когда я уѣзжалъ, у васъ въ люлькѣ качался мальчуганъ.

— Данни, онъ женился и хорошо устроился въ Канадѣ. Есть у меня и еще сынъ, Джэкъ. Я устроилъ его въ Бельфастѣ, но изъ этого ничего не вышло, католикамъ въ Бельфастѣ не даютъ хода. Онъ дома, хотя трудно знать льняное производство лучше его.

— Постойте, я долженъ посмотрѣть его. Я устроился и, можетъ быть, сумѣю помочь вамъ. У меня въ Мельбурнѣ большой магазинъ и трое управляющихъ. Я, конечно, не могу заранѣе обѣщать, вѣдь не покупаютъ свинью въ мѣшкѣ, но я *готовъ* сдѣлать. Только не заикайтесь ему объ этомъ. У васъ только двое?

— Есть еще дочь, Кэтъ. Вотъ она идетъ.

Ричардъ обернулся къ окну.

— Славная дѣвушка и славный юноша съ ней, это и есть братъ?

— Ну, что вы! Хорошъ дядя,—не знаетъ собственнаго племянника, сына брата! Это—Недъ, Александеръ младшій.

— Гуляетъ съ вашей дочерью?...

— Я не способствовалъ этому, но не буду и препятствовать. Я считаю за лучшее не закрывать передъ нимъ дверей и не запрещать дочери разговаривать съ нимъ только потому, что его отецъ ярый оранжистъ, а я католикъ. Если это будетъ имѣть какія-нибудь послѣдствія, я не буду считать себя достойнымъ порицанія. Я довольно молодежи видѣлъ на своемъ вѣку, чтобы знать, что всѣ всегда идутъ своимъ путемъ, не считаясь съ родителями, будь они оранжисты или католики.

— А вы не боитесь Джэмса?

— Отнюдь. Я не хуже его оттого, что я католикъ.

— Хорошо! Выпьемъ еще!

Они поднялись и выпили, заключивъ такимъ образомъ договоръ, какъ принято въ Ульстерѣ; пожалуй, оно лучше и во всякомъ случаѣ гигіеничнѣе цѣлованія мечей.

М-ръ Пауэръ распахнулъ окно и позвалъ Эдуарда „познакомиться съ дядей“.

Юноша выразилъ сперва недоумѣніе, потомъ разсмѣялся и сказалъ нѣсколько словъ хорошенькой дѣвушкѣ, съ которой сидѣлъ на скамейкѣ подъ кедромъ. Они вмѣстѣ подошли къ окну.

— Такъ вотъ какой Эдуардъ?—проговорилъ Ричардъ.—Вы никогда случайно не слышали объ утраченномъ братѣ? Нѣтъ? Такъ вотъ я, братъ вашего отца, о которомъ онъ никогда не говорилъ. Я пріѣхалъ къ нему нѣсколько часовъ тому назадъ, а онъ подвезъ меня сюда, пока ему позволила его оранжистская совѣсть. Домой мнѣ придется шагать; можетъ быть, вы составите мнѣ компанію?

— Если вы говорите серьезно, я могу предложить вамъ помѣститься за мною на моемъ мотоциклетѣ.

— Но, можетъ быть, тѣмъ временемъ вы меня представите барышнѣ? Здравствуйте, миссъ. Вы можете на слѣдствіи засвидѣтельствовать, что я, уѣзжая, былъ трезвъ; кромѣ того, можете до конца дней своихъ хвастать, что вы послѣдняя женщина, съ которой Дикъ Александеръ говорилъ.

Перевела **З. Зеньковичъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

За оградой гасли маки,
Ночь была легка, легка.
Гдѣ-то лаяли собаки,
Чуя насъ издалека.

Наша лошадь не спѣшила,
Нашъ извозчикъ былъ не рьянъ,
Изъ широкаго кадила
Еле-зримый плылъ туманъ.

Колыхая мглу ночную,
Травки стали на поля,
Землю темную, родную
Небу свѣтлому хваля.

Ѳедоръ Сологубъ.

9 іюля 1914 г.

БИБЛІОТЕКА
Тамбовская Губернская Ученая Архивная Комиссія

БОГОЛЮБСКАЯ.

Разсказъ.

I.

Солнце спустилось за церковь. Длинная, густая тѣнь отъ нея тянется до гостиницы, окна которой тоже въ тѣни, и только слуховое горитъ золотымъ пожаромъ. Стайки стрижей съ пронзительнымъ пискомъ носятся вкругъ церкви, галки вьются надъ куполами, кто-то ѣдетъ на парѣ сивыхъ лошадей по пыльной дорогѣ за оврагомъ. Монастырь новый, построенный всего лѣтъ двадцать назадъ; кругомъ не каменная стѣна, какъ у старинныхъ монастырей, а деревянный заборъ, выкрашенный свѣтло-желтой краской. На восточной сторонѣ храма, у алтаря, усыпальница игуменій,—маленькая часовенка подъ желѣзной крышей, вся изъ рамъ съ разноцвѣтными стеклами. Похоронена только одна игуменья, для двухъ другихъ приготовлены мѣста. Около усыпальницы толпа богомольцевъ, въ большинствѣ простыхъ людей, мужиковъ и бабъ изъ окрестныхъ деревень и селъ; мелькаютъ типичныя фигуры профессіональныхъ странниковъ и странницъ.

— Матушка, Владычица! Страсть-то какая,—нараспѣвъ тянетъ еще не старая баба съ плотно обвязанной темнымъ платкомъ головой. Она зашла въ усыпальницу и смотритъ на небо въ красное стекло.

— Иди-кось, Марька, погляди, какъ въ останный-те день будетъ... Ровно кровь вездѣ,—приглашаетъ баба нерѣшительно стоящую у входа въ усыпальницу беременную молодку. Марька пугливо озирается по сторонамъ, нерѣшительно переступаетъ порогъ усыпальницы и припадаетъ къ стеклу. Снаружи виденъ красный расплющенный носъ и два испуганныхъ глаза. Марька нѣсколько секундъ смотритъ въ красное стекло, потомъ въ со-

сѣднее—синее, потомъ повыше—въ зеленое, тяжело вздыхаетъ и выходитъ изъ усыпальницы, вытирая рукавомъ не то глаза, не то носъ.

— Страшно? — спрашиваетъ круглолицая, веселая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

— Не... такъ,—лѣниво тянетъ Марька.

— Ишь, какая непугливая! Вотъ, погоди, останный-то день придетъ, такъ спужаешься небось,—сердито тараторитъ старуха-странница.—Посмотрите, православные, посмотрите... Ей не страшно, безстрашная больно, а вы посмотрите-ка сами-то...

Въ усыпальницу идетъ высокій, прямой старикъ въ растрепанныхъ, словно расцвѣтшихъ лаптяхъ. За нимъ угрюмый, горбатый мужикъ, потомъ гурьбой двигаются бабы.

— Вы не сразу, а помаленьку. Нельзя сразу-то...—равнодушно уговариваетъ стоящая въ сторонкѣ молоденькая послушница, совсѣмъ еще дѣвочка. Она давно стоитъ тутъ. Лицо блѣдное, болѣзненное, незамѣтное, тонкія, блѣдныя губы плотно сжаты, темно-каріе, большіе, миндалевидной формы, глаза смотрятъ печально и пытливо въ даль ржаного поля, раскинувшагося по ту сторону оврага, за узкой лентой дороги. Дѣвушка худенькая, некрасивая, только глаза притягиваютъ. Они кажутся еще больше на маленькомъ личикѣ и свѣтятся внутреннимъ огнемъ; посмотришь въ эти глаза, и покажется, что дѣвушка горитъ вся, горитъ и не сгораетъ, какъ неопалимая купина...

Густой ударъ колокола падаетъ съ колокольни, и медленно, торжественно гудитъ предвечерній, уже теряющій знойность воздухъ. Богомольцы крестятся, мелькаютъ руки, а колоколъ, словно убѣдившись въ красотѣ и силѣ своего голоса, все чаще и чаще посылаетъ другъ за другомъ гулкіе удары, и въ отвѣтъ имъ торжественно гудятъ безбрежныя поля за оврагомъ, стоголосымъ эхомъ откликается лѣсъ, съ трехъ сторонъ окружившій монастырь зеленой, таинственно шумящей ратью.

Въ промежутокъ между двумя ударами большого колокола вплелись задорные переливы маленькихъ колокольчиковъ. Изъ гостиницы стали выходить богомольцы, прошелъ, откашливаясь, молодой, румяный священникъ. Изъ садика выплыла бѣлолицая дородная монахиня въ клобукѣ; длинный черный шлейфъ платья волочился за ней, поднимая прозрачную сѣрую пыль; встрѣчныя монахини кланялись ей въ поясъ.

— Это что,—игуменья, что ли?—шопотомъ спросили въ толпѣ.

— Нѣтъ, казначея...

Молоденькая послушница подошла къ казначеѣ подъ благо-

словеніе и, цѣлуя бѣлую, пухлую руку, спросила тихимъ, съ болѣзненной хрипотой, голосомъ:

— Говорили матушкѣ? Что сказала она?

— Не говорила еще, забыла совсѣмъ... Да куда ты торопишься? Ну-ну, перестань кукситься-то! Скажу, можетъ, сегодня за всенощной, скажу...

Потрепала послушницу по блѣдной щекѣ и пошла въ церковь, медленно перебирая четки. Не торопясь, пошли въ церковь и богомольцы. Колокола вскрикнули всѣ вразъ и смолкли. Изъ лѣса долетѣлъ стонущій голосъ кукушки, въ кустахъ по склону оврага защелкалъ соловей, гдѣ-то далеко-далеко, среди полей, залаяла собака.

Въ церкви было тѣсно и жарко, въ отворенныя окна и двери струился посвѣжѣвшій ароматный воздухъ, но въ глубь не проникалъ онъ, и въ церкви пахло пôтомъ, горѣлымъ деревяннымъ масломъ и ладаномъ. Въ центрѣ, какъ разъ подъ Богомъ Саваоѳомъ, смотрѣвшимъ съ купола на молящихся, стоялъ кіотъ съ чудотворной иконой Владимирской Божіей Матери. Темный ликъ иконы едва виднѣлся среди всевозможныхъ украшеній, ярко сверкала вызолоченная риза, бѣлѣли расшитыя шелками полотенца. Передъ иконой стоялъ массивный подсвѣчникъ съ пудовой свѣчой и множествомъ маленькихъ свѣчъ, огни которыхъ казались тусклыми въ яркомъ свѣтѣ косыхъ лучей заходящаго солнца, упиравшихся прямо въ икону. Пожилая плоскогрудая монахиня то и дѣло тушила едва обгорѣвшія свѣчи и ставила новыя. На ступенькахъ у кіота лежала большая груда ждавшихъ очереди свѣчей, а богомольцы подавали все новыя и новыя.

Пѣлъ хоръ монахинь. Мягкіе женскіе басы тонули въ мелодичныхъ волнахъ альтовъ и дискантовъ. Молодой румяный священникъ ходилъ медленно и плавно; косматый, тучный дьяконъ произносилъ ектеніи негнущимся, тяжелымъ басомъ.

Въ передней части церкви, тотчасъ за клиросами, были устроены два возвышенія съ балдахинами,—направо мѣсто игуменьи, налѣво—казначеи. Монахини, проходя по церкви, каждый разъ кланялись въ поясъ игуменьѣ, потомъ казначеѣ. Игуменья, маленькая, сухая женщина, истово молилась, не спуская глазъ съ иконостаса; казначея часто озиралась по сторонамъ. Когда звонкоголосая послушница начала читать шестопсалміе, казначея медленно сошла съ возвышенія и направилась къ мѣсту игуменьи. Игуменья пошла къ ней навстрѣчу и отошла отъ сво-

его возвышенія какъ разъ на длину шлейфа. Монахини сошлись и, склонившись другъ къ другу, начали шептаться; черные шлейфы растянулись почти во всю ширину церкви, и оправлявшимъ свѣчи монахинямъ приходилось обходить ихъ около самаго возвышенія съ мѣстомъ казначеи.

Пошептавшіяся матушки разошлись. Казначея, придя на свое мѣсто, обернулась, поискала въ рядахъ монахинь молоденькую послушницу и, найдя, улыбнулась ей, потомъ поманила пальцемъ проходившую мимо монахиню съ пукомъ обгорѣлыхъ свѣчей и что-то шепнула ей.

— Завтра послѣ обѣдни—къ матушкѣ,—сказала монахиня, поровнявшись съ молодой послушницей. Та вздрогнула и поглядѣла испуганно на черную, прямую фигуру игуменьи, потомъ перевела глаза на казначею и, встрѣтивъ ея ласковый, ободряющій взглядъ, успокоилась.

Всенощная кончилась поздно, на западѣ горѣла уже поблѣднѣвшая заря, рѣдкія звѣзды блистали въ поблекшей вышинѣ, въ кустахъ на оврагѣ пѣли соловьи. Послушница прошла въ дальній конецъ монастыря, къ водокачкѣ, и сѣла тутъ на грудѣ свѣжихъ, пахнувшихъ смолой бревенъ. За водокачкой былъ обширный пустырь, только этой весной огороженный заборомъ. Чернѣли пни недавно срубленныхъ деревьевъ, смутными призраками стояли забытыя топоромъ дровосѣка березки, пахло смолой и цвѣтами. Тихо было кругомъ, тихо и на водокачкѣ,—ночью работа не производилась, а днемъ безпрерывно слышался жалобный скрипъ огромнаго колеса, которое вертѣла, устало переступая по его поверхности, старая гнѣдая лошадь. За высокимъ, утыканнымъ гвоздями заборомъ сомкнутыми рядами стояли деревья; слабые шорохи, стуки и писки долетали оттуда.

Печальный, стонущій звукъ маленькаго колокола мелодичными переливами покатился по лѣсу и заглушилъ робкіе звуки лѣсной жизни. Звонили къ трапезѣ. Послушница машинально встала и хотѣла итти, но, поколебавшись, махнула рукой и сѣла опять на старое мѣсто.

— Пусть ихъ ругаются,—прошептала она, подняла мягко блестѣвшіе въ полумракѣ большіе глаза къ потемнѣвшему небу и такъ застыла, словно искала чего-то въ звѣздной вышинѣ...

II.

Послѣ обѣдни игуменья и казначея пили чай со свѣжимъ земляничнымъ вареньемъ. Въ открытыя окна струился сладкій запахъ жасмина, канарейка въ высокой желтой клѣткѣ опьянѣла

отъ яркаго свѣта и, казалось, вотъ-вотъ исчезнетъ, растворится вся въ звонкихъ серебристыхъ треляхъ; маятникъ старинныхъ часовъ выстукивалъ медленно и солидно.

— Почему же она именно Боголюбскую хочетъ писать?—спрашивала игуменья, наливая густой, душистый чай въ маленькія бѣлыя чашки.

— А это чтобы во весь ростъ... На чердакѣ она была и большую доску тамъ увидала, одна и есть у насъ такая-то доска, вотъ и задумала... И еще говоритъ, что Царица Небесная во снѣ является ей, приказываетъ икону написать. Вотъ послѣ одного сна стала она образцы смотрѣть и тутъ узнала, что Боголюбская ей снится...

— Она вѣдь ничего еще не писала,—не справится, пожалуй?—замѣтила игуменья.

— Не писала—это вѣрно, однако сестра Александра говоритъ, что способности у Зины большія. До сихъ поръ она краски составляла, фонъ накладывала, ризы писала и другое, а карандашомъ она хорошо рисуетъ, я сама видѣла. Если и не напишетъ она иконы, то всетаки писать научится скорѣе, монастырю же вѣдь небольшой убытокъ, только и всего, что краски пропадутъ...

Разговаривали онѣ почти часъ. Сначала игуменья и слышать не хотѣла о разрѣшеніи шестнадцатилѣтней ученицѣ писать самостоятельно большую икону, но казначея настойчиво ходатайствовала за свою любимицу, и настоятельница поколебалась.

— Что, Зина пришла?—громко спросила казначея, когда убѣдилась, что упорство игуменьи сломлено окончательно.

— Пришла, матушка, давно сидитъ въ передней,—почтительно произнесла появившаяся въ дверяхъ послушница игуменьи.

— Ну, позови ее, Марьюшка,—приказала игуменья.

Робко вошла Зина, помолилась въ передній уголъ, увѣшанный большими образами, въ поясъ поклонилась отдѣльно игуменьѣ и отдѣльно казначеѣ, потомъ приняла отъ нихъ благословеніе и встала, потупившись, у стола.

Нѣсколько секундъ игуменья внимательно осматривала послушницу, потомъ отхлебнула изъ чашки, поставила ее на блюдечко и спросила:

— Икону хочешь писать?

— Да, матушка, благословите,—тихо произнесла Зина.

— Боголюбскую?

— Да, матушка...

— Справишься ли, смотри?

— Царица Небесная поможетъ... Благословите, матушка, исто-

сковалась я.—Зина взглянула на игуменью. Та отвернулась, не выдержавъ взгляда глубокихъ, влажныхъ глазъ послушницы, и взялась за чашку.

— Краски, смотри, зря не порть, старайся,—заговорила казначея,—я просила за тебя матушку, такъ ты не конфузь меня...

— Постараюсь, матушка,—прошептала Зина.

— Ну, хорошо, пиши. Я скажу сестрѣ Нимфодорѣ, чтобы дала тебѣ красокъ и большую доску,—не глядя на послушницу, произнесла игуменья. Въ большихъ, печальныхъ глазахъ Зины сверкнулъ радостный огонекъ.

Отъ игуменьи Зина словно по воздуху летѣла. Осуществлялась ея мечта, завтра она станетъ писать икону... Ей хотѣлось сейчасъ же, сію минуту бѣжать въ живописную и стать за мольбертъ, а приходилось ждать цѣлый длинный-длинный день и ночь. Зина мѣста себѣ не находила отъ нетерпѣнія, бродила по монастырю, выходила въ лѣсъ, побывала на лѣсномъ хуторѣ въ двухъ верстахъ отъ монастыря, слазила на самое дно оврага, гдѣ струился крохотный свѣтлый ручеекъ. Встрѣчныя монахини провожали ее удивленными взглядами, пораженныя необычнымъ выраженіемъ счастья на ея лицѣ, рѣдко появлявшейся улыбкой. Ночь Зина не спала, металась на узкой, жесткой койкѣ въ душной келейкѣ живописнаго корпуса, смѣялась и плакала, представляя свою будущую икону. Встала съ зарей; сѣла на послѣдней ступенькѣ широкой лѣстницы у дверей въ мастерскія во второмъ этажѣ живописнаго корпуса и ждала прихода сестры Нимфодоры и другихъ сестеръ-живописецъ. Только что взошедшее солнце черезъ большое венеціанское окно въ концѣ коридора ласково пригрѣвало спину, томная теплота разливалась по тѣлу, глаза слипались.

Пришедшія раньше всѣхъ дѣвочки-послушницы разбудили Зину и смѣялись надъ тѣмъ, что никакъ не можетъ она очнуться. Пришли сестры-живописицы, сходили къ Нимфодорѣ за ключомъ и отперли мастерскія. Сама Нимфодора пришла черезъ часъ и на просьбу Зины выдать ей доску и краски заявила, что ничего отъ игуменьи объ этомъ не слышала. Обойдя мастерскія, Нимфодора пошла къ игуменьѣ спрашивать относительно Зины—и пропала. Всѣ глаза проглядѣла Зина, поджидая Нимфодору, но до трапезы она такъ и не пришла.

Послѣ трапезы Нимфодора легла отдыхать и вышла изъ кельи прямо къ вечернѣ. Зина ничего не ѣла весь день и едва держалась на ногахъ отъ волненія и слабости. За вечерней казначея

обратила вниманіе на блѣдность Зины и, узнавъ, въ чемъ дѣло, переговорила съ Нимфодорой.

Послѣ вечерни двѣ послушницы внесли большую доску и поставили ее на мольбертъ въ дальнемъ углу запасной мастерской. Выдавая Зинѣ краски и кисти, сердитая Нимфодора ругалась себѣ подъ носъ, называя Зину „наушницей“, но та не обратила на это никакого вниманія, схватила краски и побѣжала къ мольберту. Ей сейчасъ же хотѣлось начать писать икону, но приходилось уходить, такъ какъ мастерскія уже запирали.

Зина постояла на крыльцѣ живописнаго корпуса и пошла за водокачку, навстрѣчу нежаркимъ лучамъ заходящаго солнца. На полдорогѣ вспомнила, что нужно поблагодарить казначею, и, тяжело вздохнувъ, пошла къ ней. Не любила она ходить къ казначеѣ, а та часто зазывала ее къ себѣ и была съ ней очень ласкова, но именно излишняя-то ласковость казначеи и была непріятна Зинѣ. Казначея не была исключеніемъ,—многія монахини питали особую нѣжность къ молоденькимъ послушницамъ, въ монастырѣ ихъ звали „усердными“.

„Усердныя“ дарили своимъ симпатіямъ тонкія батистовыя рубашки, отдѣланныя кружевами и прошивками, носовые платки съ замысловатой строчкой, расшитыя полотенца, четки и т. д., кормили ихъ сластями, поили чаемъ съ вареньемъ. Многія послушницы охотно шли навстрѣчу ласкамъ „усердныхъ“, но именно такихъ меньше всего любили тѣ. Зина избѣгала „усердныхъ“, заманить ее въ келью было трудно, и потому къ ней больше всѣхъ приставали. Нѣкоторыя проявляли изумительное постоянство своихъ симпатій къ ней, но большинство послѣ первыхъ же неудачъ возненавидѣло недотрогу. Въ числѣ послѣднихъ была и старшая живописной, сестра Нимфодора, женщина рослая, грубая, съ мужскими манерами.

Ночь Зина спала тревожно. Снилась будущая икона, а подъ утро—послушникъ Михаилъ, кудрявый, красивый юноша, съ глубокимъ груднымъ голосомъ, въ свѣтломъ стихарѣ, похожій на ангела. Онъ подошелъ къ Зинѣ и сталъ нѣжно гладить ея волосы. Отъ чувства глубокой, нѣжной благодарности къ Михаилу за его неожиданную ласку и проснулась Зина, проснулась въ слезахъ.

Видѣла Зина Михаила прошедшей зимой, когда пріѣзжалъ въ монастырь на два дня архіерей. Двухъ словъ не сказала съ Михаиломъ, видѣла только въ церкви, а полюбила всей душой, и казался онъ такимъ близкимъ, дорогимъ, желаннымъ, словно знала его много-много лѣтъ, всю жизнь прожила съ нимъ.

Ранней весной, когда душа тосковала въ одиночествѣ, когда безпокойное желаніе убѣжать куда-то, гдѣ ждетъ ее любовь и ласка, не давало спать Зинѣ, она изобразила Михаила архангеломъ, грозящимъ огненнымъ мечомъ убѣгающимъ бѣсамъ, фигуры которыхъ нечаянно вышли похожими на фигуры казначеи, Нимфодоры и другихъ „усердныхъ". Зина изорвала рисунокъ, но тогда же явилась у нея мысль написать икону. Сначала хотѣла написать архангела Михаила, но потомъ приснилась Богоматерь, и столько было въ глазахъ Предвѣчной Матери любви и свѣтлой скорби, что Зинѣ захотѣлось умереть у Ея ногъ, и она рѣшила написать Богоматерь такой, какой Она явилась ей во снѣ, а потомъ уже Михаила архангела...

Едва отперли мастерскія, Зина принялась за работу и не отрывалась до трапезы. Работала она въ запасной мастерской, заставленной банками, старыми иконами, мольбертами, работала одна, изрѣдка приходили только послушницы взять что-нибудь или пошептаться въ уголкѣ. Въ сосѣдней большой мастерской и на другомъ концѣ ея, въ малой, работало много сестеръ, шли разговоры, слышался смѣхъ, пѣли молитвы. Нимфодора нарочно помѣстила Зину въ запасной мастерской, чтобы досадить ей, но Зина была очень довольна своимъ мѣстомъ, гдѣ никто не мѣшалъ ей работать.

III.

Работа не спорилась, нѣсколько разъ Зина замазывала написанное и принималась писать снова. Нимфодора допекала ее язвительными замѣчаніями и жаловалась игуменьѣ, но казначея горячо защищала Зину, и ей поневолѣ приходилось ходить къ той.

Лѣто проходило. Въ воскресенье, гуляя въ лѣсу, Зина поражалась, какъ все измѣнилось за недѣлю, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ рѣзче были эти измѣненія. Желтѣли и падали листья, рѣдѣли зеленыя чащи, въ голубой, похолодѣвшей вышинѣ летѣли на югъ журавли и гуси, ласточки сбивались въ хлопотливыя, шумныя стаи; ярко краснѣли гроздья рябины, появились стаи дроздовъ и чижей.

Въ октябрѣ, когда уже лежалъ въ поблекломъ полѣ бѣлыми пятнами снѣгъ, Зина соскоблила съ доски не только послѣдній набросокъ иконы, но и весь грунтъ, а потомъ цѣлую недѣлю терла доску наждачной бумагой; доска стала гладкой и дѣвственно-чистой, какъ въ началѣ работы. Пришла Нимфодора. Она съ мѣсяцъ уже не заглядывала къ Зинѣ, такъ какъ къ величайшей

досадѣ ея послѣдній набросокъ иконы очень удался. Взглянувъ на чистую доску, Нимфодора ахнула, всплеснула руками и побѣжала съ докладомъ къ игуменьѣ.

Черезъ часъ она вернулась и, стараясь казаться равнодушной, скрывая злобную радость, сверкавшую въ сѣрыхъ, колючихъ глазахъ, звучавшую въ голосѣ, сказала Зинѣ:

— Матушка приказала отобрать отъ тебя краски и доску и опять поставить ученицей къ сестрѣ Александрѣ.

Зина страшно поблѣднѣла, положила палитру и обернулась. Хотѣла сказать что-то, но только крикнула „Михаилъ“ и упала на полъ. Съ ней начался припадокъ падучей.

Вечеромъ Зина пошла къ казначеѣ, униженно просила ее выхлопотать разрѣшеніе опять писать икону, горько плакала и цѣловала руки.

— Да зачѣмъ же ты соскоблила-то все?—недоумѣвала казначея.—Вѣдь почти всѣ иконы у тебя хорошо выходили, а ты все недовольна. Только первая не понравилась мнѣ, а остальныя совсѣмъ хорошо были написаны, особенно послѣдняя...

— Непохожи онѣ, матушка...

— На что непохожи? Опомнись, что ты говоришь...

— Непохожи на ту Богородицу, которая мнѣ во снѣ являлась...

— А!... Ну, хорошо, выхлопочу я какъ-нибудь, но только, чтобы въ послѣдній разъ, и то ужъ Нимфодора на меня бѣда какъ злится... А теперь перестань плакать-то, кофейку сейчасъ попьемъ. Горюша ты моя, исхудала-то какъ...

Казначея обняла Зину, плотно прижалась къ ней всѣмъ своимъ пышнымъ тѣломъ и жарко дышала въ лицо. У Зины закружилась голова, и сердце заныло, какъ давеча, передъ припадкомъ...

Только черезъ мѣсяцъ удалось казначеѣ уговорить игуменью, и то лишь благодаря тому, что казначея заплатила монастырю за безполезно истраченныя Зиной краски. Все время, пока тянулись нудные переговоры, Зина ходила, какъ помѣшанная, каждый вечеръ приходила къ казначеѣ справиться о результатахъ, и казалось ей иногда, что казначея нарочно затягиваетъ переговоры.

Получивъ разрѣшеніе, Зина „прилипла къ доскѣ“, какъ говорили монахини, но въ первый день ничего не могла дѣлать,— такъ дрожали у нея отъ волненія руки. Начала работать медленно, осторожно, обдумывая каждый мазокъ, и всетаки нѣсколько разъ пришлось заново передѣлывать лицо Богоматери, въ осо-

бенности глаза. Окончательно разобидѣвшаяся Нимфодора совсѣмъ не заглядывала къ Зинѣ, перестала ходить и казначея, не желавшая встрѣчаться съ Нимфодорой. Сестры-живописицы сначала ходили, но потомъ перестали, отчасти потому, что нечего было смотрѣть,—такъ медленно подвигалась работа у Зины, а главное, чтобы не сердить Нимфодору. Приходили въ запасную мастерскую только дѣвочки-послушницы, но на работу Зины онѣ не обращали никакого вниманія.

Монастырь занесло сугробами, богомольцы появлялись рѣдко, и только теперь, глубокой зимой, монастырь, дѣйствительно, можно было назвать „тихой обителью"; жизнь попряталась въ тѣсныя, жарко натопленныя кельи, замеръ въ морозномъ снѣ окрестный лѣсъ. Особенно полной была тишина въ морозныя ночи; только гулкій хохотъ филина да отвѣтный лай монастырскихъ собакъ нарушали ее, и казалось въ такія минуты, что вымеръ монастырь давнымъ-давно, много лѣтъ тому назадъ.

Всѣми забытая Зина успокоилась и вся ушла въ работу; иногда забывала пойти къ трапезѣ, а однажды заснула сидя, не слыхала звонка, извѣщавшаго объ окончаніи работъ, и ее заперли въ мастерскихъ на ночь.

Проснулась среди ночи и долго не могла сообразить, гдѣ она, потомъ удивилась, что такъ темно и тихо въ мастерскихъ, встала и пошла въ большую мастерскую. Остановилась на порогѣ, пораженная фантастической картиной.

Полная луна заливала огромную комнату яркимъ голубоватымъ свѣтомъ, рѣзко чернѣли на полу тѣни мольбертовъ, длиннымъ рядомъ стоявшихъ вдоль оконъ; сдѣланный изъ воска Серафимъ Саровскій, кормившій сухарями чучело медвѣдя, казалось, шевелился и собирался поглядѣть, кто это стоитъ въ дверяхъ въ такой неурочный часъ. Въ гулкой тишинѣ отчетливо раздавались всѣ звуки, что-то скрипѣло, слышался дробный топотъ и пискъ...

Замирая отъ страха, стояла на порогѣ Зина, боялась глядѣть на Серафима и не могла оторвать словно прикованныхъ къ нему глазъ. И вотъ Серафимъ обернулся, глянулъ на Зину своими мертвыми, восковыми глазами, зашевелились иконы на мольбертахъ... Зина дико вскрикнула и бросилась въ запасную мастерскую. Стоголосымъ замирающимъ эхомъ откликнулась ей звонкая пустота; когтистый топотъ послышался въ залѣ,—должно быть, медвѣдь по приказанію святого бѣжалъ за ней...

Въ углу, около своего мольберта, Зина пришла въ себя, сѣла на грудѣ рваной бумаги, поджала ноги и куталась въ тонкій пла-

токъ, пытаясь спастись отъ царившаго въ мастерскихъ холода. Въ окнѣ смутно бѣлѣло мертвое снѣжное поле, едва замѣтными пологими волнами убѣгавшее въ даль, туда, гдѣ все тонуло въ дымчатомъ блескѣ луны. Это свѣтлое марево медленно, но неуклонно приближалось къ окну, словно полая вода заливала темную землю...

Что-то случилось съ Зиной,—не то задремала она, не то глубоко задумалась, но, когда очнулась, все за окномъ ярко сверкало въ лунномъ сіяніи, только въ мастерской было еще темно. Поразительно быстро катилась луна. Вотъ заблестѣли стекла окна, узкая голубая полоска протянулась въ дальній уголъ мастерской, расплывчатыя свѣтлыя пятна задрожали на потолкѣ, и вдругъ выглянуло изъ-за угла искривленное лицо луны; она словно искала нарушительницу ночного покоя мастерскихъ и теперь, найдя, торжествующе-злобно усмѣхалась...

Зина отвернулась къ стѣнѣ и закутала голову платкомъ, чтобы не видѣть и не слышать ничего. Чудилось ей, ходятъ за спиной, перешептываются, смѣются, почти касаются руками ея головы. Зина плотнѣй закутывается платкомъ, дрожитъ отъ холода и страха и до боли въ скулахъ сжимаетъ зубы, чтобы удержать готовый вырваться изъ груди безумный, пронзительный вопль...

На другой день за всенощной у Зины былъ сильный припадокъ падучей, черезъ недѣлю припадокъ повторился. Румяный батюшка отчитывалъ Зину, монахини мазали ее масломъ изъ неугасимой лампады отъ мощей Сергія Радонежскаго, поили крещенской водой, но припадки случались все чаще, и послѣ нихъ Зина дня два бывала странной,—глаза становились неподвижными и до того печальными, что жутко было смотрѣть въ нихъ; дѣвушка не слышала, что говорятъ ей, и часто начинала говорить что-то совсѣмъ непонятное, заговаривалась. Нимфодора не разъ говорила, что нужно отобрать у Зины краски, но игуменья только руками махала на нее,—боялась она теперь трогать Зину.

Зима упорно сопротивлялась первымъ приступамъ весны и ночью, послѣ солнечнаго дня съ волнующимъ шорохомъ капелей, съ веселымъ чириканьемъ воробьевъ, словно раненый звѣрь, грохотала и выла метелью; но весна одолѣвала, и съ каждымъ днемъ все труднѣй становилось зимѣ стирать слѣды ея теплыхъ поцѣлуевъ. Зина работала неровно: то цѣлые дни проводила за мольбертомъ, то по два, по три дня не прикасалась къ кистямъ и словно тѣнь бродила по монастырю. Безпокойная тоска сосала

сердце дѣвушки, и казалось все, что ждетъ Зину кто-то любимый и любящій, плачетъ и тоскуетъ по ней, настойчиво зоветъ ее. Особенно сильна была тоска послѣ припадковъ.

IV.

Снѣгъ растаялъ. Надъ грязно-желтымъ полемъ звенѣли жаворонки, въ оврагѣ весело бурлилъ ручей, надувались и лопались почки на деревьяхъ, острыя иглы новой зелени дружно пробивались сквозь прошлогоднюю траву; разноголосый, радостный шумъ пробудившейся жизни не смолкалъ, а только слабѣлъ душистой бархатной ночью. Тоска Зины усилилась, стихала немного только за работой, но подошла Пасха, на двѣ недѣли прекратились работы въ живописной, и Зина совсѣмъ затосковала; ходила по монастырю до полнаго изнеможенія, часто засыпала на бревнахъ за водокачкой.

Однажды, послѣ вечерни, вышла Зина за ограду монастыря, повернула за гостиницу для богомольцевъ и углубилась въ лѣсъ. Подъ ногами мягко шуршали прошлогодніе листья, пахло березовыми почками; короткія незатѣйливыя трели зябликовъ звенѣли, переливались въ чащахъ; хрупкіе, быстро вянущіе подснѣжники пестрѣли на полянкахъ, кое-гдѣ въ тѣни бѣлѣлъ снѣгъ. Зина шла и думала о своей матери, вспоминала ея фигуру, взглядъ, улыбку.

Мать была сельской учительницей, отца Зина не помнила,— умеръ онъ рано. Жили въ деревнѣ, въ двухъ верстахъ отъ монастыря. Зина часто бѣгала лѣтомъ въ монастырь вмѣстѣ съ деревенскими ребятишками, монахини знали ее, кормили вареньемъ и просфорами. Мать часто кашляла, хваталась за грудь и плакала. Когда Зинѣ минуло девять лѣтъ, мать стала готовить ее въ гимназію. Разсказывала о губернскомъ городѣ, о пароходахъ, чугункѣ, трамваѣ, но больше всего—о гимназіи, гдѣ учится многомного дѣвочекъ. Зина съ нетерпѣніемъ ждала, когда поѣдутъ въ губернскій городъ, и она будетъ учиться вмѣстѣ съ другими дѣвочками въ гимназіи, комнаты въ которой такія же большія, какъ въ живописномъ корпусѣ, въ монастырѣ. Но весной мать слегла. Пріѣхалъ докторъ, прописалъ порошки и дурно пахнувшія капли; когда уѣзжалъ, погладилъ Зину по головѣ и приказалъ старостѣ о чемъ-то написать ему.

Расцвѣла черемуха. Зина нарвала большой букетъ и въ банкѣ изъ-подъ варенья поставила на столикъ у постели матери. Мать поглядѣла на черемуху, понюхала ее и заплакала. Ночью мать разбудила Зину, подозвала къ кровати, положила ея руку на свою

грудь, въ которой что-то булькало и хрипѣло, и стала гладить ее своими горячими, сухими руками. Зинѣ хотѣлось спать, глаза слипались, а мать не отпускала ея, держала за руку...

Утромъ Зину разбудили голоса чужихъ людей. Сторожиха школы и бабушка-повитуха Матвѣвна мыли на полу совсѣмъ нагую мать. Зина испугалась, одѣлась кое-какъ и убѣжала въ монастырь, и не хотѣла итти домой. Мать похоронили на сельскомъ кладбищѣ. Послѣ похоронъ Зина опять ушла въ монастырь да такъ и осталась въ немъ.

Первое время въ монастырѣ было весело. Зина бѣгала на колокольню звонить вмѣстѣ съ звонаршами Варварой и Матреной, доставала изъ гнѣздъ воробьятъ и галчатъ, гуляла въ лѣсу съ деревенскими дѣвочками, ходила съ ними въ деревню. Обѣдала вмѣстѣ съ большими въ трапезной. За длинными столами чинно сидѣли монахини, говорили шопотомъ, нагибаясь къ самому уху собесѣдницы. Посрединѣ стоялъ аналой, за которымъ протяжно читала толстую книгу монахиня, читала все время, пока обѣдали; всѣ ѣли, а она читала. Это очень смѣшило Зину, и она фыркала, брызгая супомъ, а монахини ругались.

Зимой опредѣлили Зину въ живописный корпусъ ученицей. Здѣсь тоже было весело. Интересовало, какъ изъ двухъ разныхъ красокъ получалась новая, не похожая ни на одну изъ прежнихъ; какъ на темно-голубомъ фонѣ доски появлялся носъ, глаза, лобъ... Въ первый же день Зина попробовала дорисовать неконченную сестрой Александрой икону; выбрала самую большую кисть, поводила ей по палитрѣ и мазнула тамъ, гдѣ нужно было нарисовать ухо. Краска получилась совсѣмъ необыкновенная, — вродѣ радуги, только еще пестрѣй. Зина мазнула еще и, увлекшись, начала мазать вдоль и поперекъ, изрѣдка отходя отъ иконы, какъ дѣлали это сестры, и любуясь своей работой...

За эту продѣлку Зину заставили вымыть лѣстницу въ живописномъ корпусѣ и цѣлую всенощную простоять на колѣняхъ.

Съ четырнадцати лѣтъ къ Зинѣ стали приставать „усердныя". Сначала ей нравилось это, такъ какъ усердныя дарили различныя вещи, кормили сластями, но потомъ она стала тяготиться ихъ ласками, особенно послѣ того какъ увидѣла Михаила...

Зина вздрогнула и замерла. Показалось ей, что яркій свѣтъ сверкнулъ въ темной чащѣ. Вотъ сейчасъ выйдетъ на поляну Божія Матерь, а передъ ней съ огненнымъ мечомъ — Михаилъ...

Блѣдныя звѣзды сверкали на небѣ, тонкій серпъ луны путался въ густыхъ вѣтвяхъ высокой сосны, что-то мелодично и тихо журчало, словно играли глубоко подъ землей музыканты.

Зина опомнилась. Она въ лѣсу ночью, одна, монастырь уже заперли. Быстро побѣжала назадъ, но дорогу преградилъ глубокій, страшный оврагъ, на днѣ его глухо бурлилъ ручей. Зина заплакала и побѣжала вдоль оврага. Кто-то заливисто гоготалъ въ лѣсу. То не былъ филинъ,—Зина знала, какъ кричитъ филинъ, а этотъ гоготалъ совсѣмъ по человѣчьи...

Вышла на большую поляну, тутъ было свѣтлѣе и не такъ страшно. Низкія, курчавыя сосенки разсыпались по бугристой полянѣ, стояли по двѣ, по три, по одной. Зина выбрала сосенку погуще и сѣла подъ ней, съежившись, сколько могла. Далеко ли была эта поляна отъ монастыря, Зина не знала, никто не говорилъ объ этой полянѣ, и лѣсъ кругомъ былъ совсѣмъ особенный; должно быть, зашла Зина ужасно далеко, въ тотъ край лѣса, гдѣ живутъ разбойники. Придутъ они, убьютъ Зину, а то возьмутъ себѣ въ жены, и никто не узнаетъ объ этомъ... Иногда слышался дробный, гулкій топотъ, и Зинѣ казалось, что это скачетъ верхомъ на лошади разбойникъ...

Подъ утро задремала Зина. Разбудилъ ее громкій, зловѣщій свистъ. Дѣвушка едва духъ переводила отъ ужаса, а тотъ снова свистнулъ, совсѣмъ близко, въ лощинкѣ, за густымъ кустомъ ракитника; у опушки откликнулся другой, потомъ словно захлопалъ въ ладоши и засвистѣлъ протяжно и громко. Тотъ, въ лощинкѣ, откликнулся и вдругъ заурчалъ, какъ голубь.

— Тетерева это,—обрадовалась Зина.

Побѣлѣло въ лѣсу, чуть замѣтнымъ серебристымъ туманомъ курилась земля, нѣжно-розовая полоска зари виднѣлась межъ деревьевъ. Тетерева сошлись у ракитоваго куста и стали драться, черныя и бѣлыя перья летѣли изъ нихъ, а на поляну прилетали новые тетерева, протяжно свистѣли, урчали, бѣгали другъ за дружкой, распушивъ хвосты, сердито трясли головами съ яркокрасными надглазниками. Прилетѣла сѣрая тетерка, сѣла на сосну и закокала, еще громче заурчали тетерева. Одинъ подбѣжалъ близко къ Зинѣ, нѣсколько мгновеній разсматривалъ черную неподвижную фигуру, потомъ шумно взлетѣлъ и сѣлъ на сосну. Стали улетать и другіе, надъ дальней опушкой поднялось солнце. Зина встала и пошла въ ту сторону, гдѣ по ея расчетамъ долженъ былъ быть монастырь...

Утромъ хватились Зины, обыскали весь монастырь, спрашивали, не видалъ ли кто ее. Многіе видѣли Зину бродившей по монастырю, но никто не могъ понять, куда могла дѣться она. Сходили на хуторъ, но и тамъ ничего не узнали. Вечеромъ одна изъ

скотницъ, придурковатая старуха, сказала, что видѣла, какъ Зина пошла въ лѣсъ.

Только на третій день нашлась Зина,—сама пришла изъ лѣсу, измученная, полуживая, въ изорванномъ платьѣ. Какъ ни пытались узнать, гдѣ была она, ничего не добились. Зина упорно молчала, пугливо смотрѣла на всѣхъ большими, печальными глазами и молчала. Думали, что разскажетъ все потомъ, когда оправится, но Зина какъ будто совсѣмъ разучилась говорить, мычала только и объяснялась знаками. Цѣлые дни бродила она по монастырю и все что-то искала; въ мастерскія не заглядывала,—должно быть, совсѣмъ забыла объ иконѣ.

Нимфодора предлагала соскоблить написанное Зиной и поручить которой-нибудь изъ мастерицъ написать на доскѣ новую икону, но казначея запротестовала и пошла посмотрѣть работу Зины. Увидавъ икону, казначея пришла въ восторгъ и заявила, что никогда ничего подобнаго не видѣла. Пришла игуменья. Икону вынесли въ большую мастерскую и поставили лицомъ къ окнамъ. Богородица была, какъ живая, и казалось, вотъ-вотъ сойдетъ Она съ доски и поплыветъ по воздуху туда, въ безконечную даль, куда устремлены были Ея нечеловѣчески-скорбные, полные любви глаза. Икона была не закончена,—не было нарисовано монастыря на заднемъ планѣ и колѣнопреклоненнаго князя Андрея Боголюбскаго, а свитокъ въ рукѣ Богоматери былъ только едва намѣченъ.

— Поразительно,—не отрываясь отъ иконы, произнесла игуменья,—прямо, не вѣрится, чтобы Зина могла написать такъ...

— Не по уставу написано, матушка,—замѣтила Нимфодора,—лицо совсѣмъ человѣческое и глаза очень велики, а въ самой фигурѣ торопливость какая-то, нѣтъ величественности и строгости...

— Не по уставу—это вѣрно, а хорошо... И не кончена... Что же намъ дѣлать-то съ ней?

— Велите поставить ее въ церкви на хуторѣ, — предложила казначея,—церковь-то во имя мученика Леонтія,—память его въ одинъ день съ Боголюбской празднуется.

— И то! Такъ и сдѣлаемъ,—обрадовалась игуменья и, уходя, прибавила:—жалко Зину-то, совсѣмъ дурочкой стала...

Прошло шесть лѣтъ. Монастырь измѣнился,—на мѣстѣ деревяннаго забора появилась высокая кирпичная стѣна съ башенками, за водокачкой строили новую церковь, выстроили большую, трехъэтажную гостиницу, но жизнь не измѣнилась, попрежнему

текла она монотонно и медленно-медленно. Постарѣли монахини, возмужали послушницы, подруги Зины, но на ней прошедшіе годы совсѣмъ не отразились,—все такая же она была худенькая, блѣдная и даже не выросла нисколько, только мелкія морщинки появились около глазъ и съ каждымъ годомъ становились глубже. Способность рѣчи такъ и не возвратилась къ Зинѣ; объяснялась она знаками, иногда лепетала что-то, но понять ее было невозможно. Ходила по монастырю и все искала чего-то, копала ямки, осенью разворачивала сметенные въ кучи листья. Лѣтомъ цѣлыми днями пропадала Зина въ лѣсу, иногда и ночевала тамъ. Среди монахинь „изъ простыхъ“ царило убѣжденіе, что Зину любитъ лѣшій. Помаленьку начали обращаться къ Зинѣ богомольцы, имъ чудились какіе-то намеки въ ея невнятномъ лепетѣ. Ходили бабы, приносили пряниковъ, конфетъ, сдобныхъ лепешекъ. Зина сидѣла на травѣ и ѣла, бабы стояли кругомъ, умиленно вздыхали и терпѣливо ждали. Поѣвши, Зина начинала лепетать, бабы слушали, затаивъ дыханіе, многія плакали. Особенно хорошимъ признакомъ считалась улыбка Зины, но рѣдко улыбалась она...

И не однѣ бабы находили утѣшеніе у Зины. Вдовая купчиха Анна Павловна Похлебова, ѣздившая въ монастырь третье лѣто и щедро жертвовавшая на украшеніе храма и другія монастырскія нужды, много времени проводила съ Зиной, поила ее чаемъ, ходила съ ней гулять въ лѣсъ и все старалась понять ея лепетъ, но поняла только, что Зина потеряла что-то и никакъ не можетъ найти...

На третье лѣто Похлебова пріѣхала въ концѣ мая и собиралась прожить до Петрова дня; ѣздила она по монастырямъ въ надеждѣ найти исцѣленіе отъ своей болѣзни, отъ которой не могла вылѣчиться, сколько ни лѣчилась. Болѣзнь была странная,—доктора не находили никакой болѣзни, считали Анну Павловну здоровой, а между тѣмъ она покою не знала отъ тоски,—словно піявка впилась въ сердце купчихи, отпуститъ ненадолго и опять сосетъ; особенно донимала тоска въ безсонныя ночи. Доктора совѣтовали больше гулять и соблюдать діэту, но это не помогало. Вотъ и стала Похлебова ѣздить по монастырямъ, мѣсяцами дома не бывала.

Семнадцатаго іюня спросила Анна Павловна казначею, куда собирается она ѣхать, и, узнавъ, что въ церковь на лѣсномъ хуторѣ, гдѣ служба бываетъ только разъ въ годъ, поѣхала съ ней. Церковь на хуторѣ была деревянная, маленькая, скорѣе часовня; построилъ ее въ честь своего ангела купецъ Леонтій Савельичъ Пряхинъ, на томъ самомъ мѣстѣ построилъ, гдѣ хватилъ его ударъ, отъ котораго онъ оправился.

Всенощную служилъ старенькій священникъ, отецъ Памфилъ. Въ монастырѣ было два штатныхъ священника, оба еще молодые, а отецъ Памфилъ былъ сверхштатнымъ, служилъ рѣдко и жилъ въ монастырскомъ домикѣ за оградой вродѣ какъ изъ милости. Молящихся было совсѣмъ мало, но и тѣ едва помѣщались въ церковкѣ,—такъ тѣсна была она. Похлебова не могла оторвать глазъ отъ иконы Боголюбской Божьей Матери. На обратномъ пути казначея разсказала Аннѣ Павловнѣ исторію иконы.

На другой день Похлебова всю обѣдню простояла на колѣняхъ передъ Боголюбской, а послѣ обѣдни заказала молебенъ съ акаѳистомъ. И вотъ послѣ того, какъ помолилась Анна Павловна передъ Боголюбской, исчезла ея тоска, совсѣмъ исчезла, словно и не было ея никогда.

Зимой исцѣлившаяся купчиха привезла массивный подсвѣчникъ съ пудовой свѣчой и серебряную лампаду. Въ церковкѣ было нестерпимо холодно, такъ какъ печи въ ней не было, молебенъ батюшка служилъ въ шубѣ, надѣтой подъ ризу. Послѣ молебна зажгли передъ иконой неугасимую лампаду.

Купчиха Похлебова всѣмъ, кто хотѣлъ слушать, охотно и многословно разсказывала о своемъ исцѣленіи. Слава Боголюбской росла съ каждымъ годомъ, все больше и больше приходило богомольцевъ въ маленькую церковку, отецъ Памфилъ совсѣмъ переселился на хуторъ, такъ какъ лѣтомъ молебны приходилось служить каждый день.

Черезъ три года послѣ исцѣленія Похлебовой уже пять неугасимыхъ лампадъ горѣли передъ новоявленной иконой, хотя офиціально ее и не признали еще чудотворной, хлопотали только объ этомъ. На Боголюбскую, 18-го іюня, въ монастырь собиралось богомольцевъ гораздо больше, чѣмъ на Владимирскую. Во время богослуженій около церковки на полянѣ стояла тысячная толпа молящихся, всю ночь непрерывной вереницей шли въ церковь желавшіе приложиться къ Богородицѣ, всю ночь монахини попеременно читали акаѳистъ.

На совѣщаніи у игуменьи рѣшено было поставить Боголюбскую въ новомъ храмѣ, который будетъ готовъ года черезъ три, а пока—устраивать 17-го іюня крестный ходъ на хуторъ, приносить икону въ монастырь и оставлять здѣсь до 24-го іюня. Нимфодора предложила поправить и закончить икону, но всѣ монахини въ одинъ голосъ признали недопустимымъ дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ иконѣ теперь, когда внѣшній видъ ея извѣстенъ тысячамъ богомольцевъ.

VI.

Уже съ утра 16-го іюня начинали прибывать богомольцы. Къ утру 17-го и новая и старая монастырскія гостиницы были набиты биткомъ, а богомольцы все прибывали; женщины размѣщались въ монастырѣ, мужчины—въ лѣсной сторожкѣ, въ кирпичныхъ сараяхъ и прямо подъ открытымъ небомъ. Зинѣ покою не давали бабы, разыскивали ее въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ, куда убѣгала она, окружали плотнымъ кольцомъ, монотонно разсказывали свои поразительно одинаковыя у всѣхъ печали и горести и спрашивали совѣта, внимательно слушали невнятное, скорбное лепетанье юродивой.

Послѣ обѣдни огромная толпа богомольцевъ пошла слѣдомъ за духовенствомъ и монахинями на хуторъ за Боголюбской. Ярко блестѣли на солнцѣ хоругви, мягко катилось по зеленымъ чащамъ пѣніе монастырскаго хора, все глуше и глуше звонили колокола.

Въ церковкѣ помѣстилось меньше половины монахинь; на особомъ, почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ игуменьей и казначеей, стояла Анна Павловна Похлебова. Служили молебенъ; богомольцы, плотной толпой стоявшіе на полянѣ, ничего не слышали, но молились усердно. Гдѣ-то, далеко-далеко, слабо громыхалъ громъ, въ лѣсу куковала кукушка, чернымъ крестомъ висѣлъ надъ поляной ястребъ.

Кончился молебенъ, попарно выходили изъ церковки монахини, закачались, звякая металлическими подвѣсками, хоругви на паперти, глухое пѣніе хора становилось слышнѣе, по мѣрѣ того какъ подвигались къ выходу поющія, отчетливо зазвенѣли нѣжные голоса послушницъ на паперти, въ дверяхъ загудѣли басы, и, вырвавшись изъ тѣсной церкви, пѣніе побѣдной волной разлилось по полянѣ.

...„Надѣющіеся на Тя да не погибнемъ, но да избавимся Тобою отъ бѣдъ“...

Высоко надъ толпой показалась икона. Она была безъ всякихъ украшеній, словно только что сняли ее съ мольберта. Говорили, что икона не принимаетъ украшеній,—пожертвованная однимъ изъ исцѣлившихся золотая кованая риза исчезла на глазахъ у всѣхъ,—превратилась въ дымъ и улетѣла. Такая же участь постигла и ризу, изготовленную на монастырскія деньги. Такъ и пришлось оставить икону безъ украшеній...

— „Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души“...

проникновенно пѣли мелодичные голоса. Словно вѣтромъ прибило къ землѣ толпу богомольцевъ, пронзительно завопила кликуша, жидко зазвонили маленькіе колокола на игрушечной колоколенкѣ...

На полверсты растянулось шествіе по широкой просѣкѣ. Непрерывной черной вереницей стояли на землѣ согбенныя фигуры, и медленно плыла надъ ними большая икона, такая необычная въ своей дѣвственной простотѣ, поражавшая и умилявшая этой простотой своей дѣтскія, наивно-вѣрующія сердца. Чуть слышно звонили монастырскіе колокола, густой, трепетный гулъ отъ топота тысячъ ногъ медленно разливался по лѣсу, неся на своихъ волнахъ стройное пѣніе хора:

— „Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды“...

Въ церкви богомольцы стояли такъ плотно, что нельзя было молиться, окна и двери были открыты, но духота была такая, что свѣчи гасли отъ недостатка кислорода. Вышедшая подышать свѣжимъ воздухомъ Похлебова замѣтила прижавшуюся въ уголкѣ Зину и повела ее въ церковь боковыми дверями противъ мѣста игуменьи, гдѣ было сравнительно просторно, такъ какъ богомольцевъ этими дверями не пускали. Пришли къ началу акаѳиста. Глухо звучалъ голосъ священника:

— „Взбранной Воеводѣ, боголюбивой Царицѣ, превыше всякаго созданія, Дѣвѣ и Матери Христа Бога похвальная воспишуемъ Ти раби Твои, Богородице“...

Вдругъ пронзительный вопль раздался въ церкви. Всѣ обернулись къ плотному кольцу монахинь, окружавшему икону. Сквозь это кольцо старалась прорваться Зина. Она протягивала къ иконѣ дрожавшія руки, плакала и страннымъ, жуткимъ голосомъ кричала:—Моя! моя!!

Блѣдная Похлебова тянула Зину назадъ, двѣ монахини держали ее за руки, но Зина съ нечеловѣческой силой вырвалась отъ нихъ, разорвала кольцо монахинь и очутилась передъ иконой. Здѣсь она зашаталась и упала, гулко стукнувшись головой о каменный полъ. Двѣ монахини подхватили ее подъ руки, третья взяла за ноги; толпа пугливо жалась, очищая узкій проходъ къ дверямъ.

Громкій шопотъ катился отъ иконы въ дальніе углы церкви, перескакивалъ отъ богомольца къ богомольцу: „Чудо... Нѣмая заговорила... Чудо“...

Голосъ священника, возобновившаго прерванное чтеніе акаѳиста, прозвучалъ въ мертвой тишинѣ:

...„да зовемъ Ти: Радуйся, боголюбивая Царице, надежда и прибѣжище наше!“

И хоръ монахинь пропѣлъ нестройно и взволнованно:

— „Радуйся, боголюбивая Царице, надежда и прибѣжище наше!“

У дверей завопила кликуша, словъ священника не было слышно, и только послѣдній возгласъ вырвался изъ объятій затихавшаго вопля:

...„Изъ глубины души благодаримъ Тя, нашу дивную Заступницу, воспѣвающе Богу аллилуія!“

— Аллилуія!—уже стройнѣй грянулъ хоръ.

Акаѳистъ продолжался. Тысячи глазъ съ надеждой и страхомъ смотрѣли на возвышавшуюся среди церкви Богоматерь, а Она, казалось, плыла въ кадильномъ дымѣ надъ головами молящихся и смотрѣла нечеловѣчески скорбными, полными нездѣшней любви глазами куда-то въ безконечную даль, какъ будто искала тамъ кого-то...

В. Мартовскій.

Послѣдняя лезгинка.

Травъ, цвѣточковъ ароматы
Насъ пьянятъ сильнѣй вина...
Мы вошли гурьбой въ палаты,
Гдѣ каштаны и луна.

Потолокъ намъ—звѣзды неба,
А столы—коверъ цвѣтовъ,
И на немъ такъ много хлѣба,
Шашлыки, вино и пловъ.

Тостъ за тостомъ! Пламенѣя,
Льется желтое вино,
И забыли мы, пьянѣя,
Трезвый міръ уже давно...

Теплый ночи воздухъ пряный
Прорѣзаетъ звукъ зурны,
И лезгинку пляшетъ пьяный...
Всѣ мы, впрочемъ, недурны...

Забряцалъ саазъ тоскливый,
Бубенъ гулко застоналъ,
Отрокъ стройный и красивый
Подъ каштаномъ заплясалъ...

Лязгъ кинжаловъ... И сверкаютъ
Лезвея надъ головой,
То въ рукахъ они мелькаютъ,
То въ зубахъ горятъ луной.

Вотъ вонзились оба въ землю,
И кружитъ, кружитъ плясунъ...

Я гляжу... гляжу и внемлю,
Этой ночью снова юнъ.

Въ тактъ ладоши... Ночь простерла
Серебристый мечъ въ листву...
Вдругъ кинжалъ сверкнулъ у горла,
И плясунъ упалъ въ траву...

Травъ кровавыхъ ароматы
Насъ пьянятъ сильнѣй вина...
Смерть вошла, вошла въ палаты,
Гдѣ каштаны и луна.

Сандро Канчели.

Квишхети.

НА ЧУЖБИНѢ.

Разсказъ.

Съ самаго утра шелъ дождь, безшумный и теплый. День, тихій, сѣренькій, не обѣщалъ ни радостей, ни печали. Озеро, небо, горы закрылись бѣловатою дымкою, призрачною, туманною.

Евгенія Сергѣевна уже цѣлый мѣсяцъ любовалась ясною синевою неба, яркимъ блескомъ солнца, и теперь все это ее томило. Радостны стали ей теперь и шелестъ легкаго дождя, и блѣдная окраска неба.

Но туда, къ далекому, призрачному туману, ее, больную, слабую, не пустили,—уложили передъ раскрытымъ окномъ, за которымъ синѣютъ гребни горъ и желтая дорога убѣгаетъ далеко, далеко.

„Сестра"—молоденькая, съ тихими движеніями и мелодичнымъ голосомъ—нашла ее сегодня „sehr schön". Одѣла ее въ свѣтлый батистовый пеньюаръ, расчесала и заплела на прямой проборъ волнистыя, тонкія косы. Осторожно уложила на кушетку передъ окномъ и пошла внизъ за завтракомъ.

Евгенію Сергѣевну всегда утомляетъ одѣванье. Она тихо лежитъ на спинѣ, тонкая, прямая, закрывъ глаза и вытянувъ руки.

Жить здѣсь сносно. Хозяйка—тихая, деликатная. „Сестра"—умѣлая и милая. Сосновыя стѣны уютнаго дома сладко пахнутъ ароматною смолою. Въ рамкѣ полупрозрачной кисеи синѣютъ гребни далекихъ туманныхъ горъ. Балконъ свѣшивается надъ сіяющимъ лазурью озеромъ. Надъ синими горными гребнями, надъ голубыми водами, надъ сосновыми стѣнами — тишина, задумчивая, беззвучная.

Дни ритмично текутъ, однообразно смѣняя другъ друга. Доктора и сестра,—больше никого Евгенія Сергѣевна не видитъ. Изрѣдка хозяйка, съ неизмѣнною улыбкою на неподвижномъ лицѣ,

приноситъ ей букетъ блѣдныхъ розъ; или почтальонъ, вбѣжавъ на лѣстницу въ подкованныхъ сапогахъ, просовываетъ подъ дверь письмо въ дорожномъ конвертѣ.

Вся жизнь здѣсь—мирный, тѣсно сомкнутый кругъ. И кажется, что другая жизнь—большая и мятежная, дремлетъ гдѣ-то поодаль, за стѣною синихъ горъ, за рамкою голубыхъ озеръ, за кольцомъ дороги, убѣгающей куда-то далеко, далеко.

Евгенію Сергѣевну убаюкиваетъ эта тишина. Лежать такъ часами, безъ мыслей, безъ думъ... Смотрѣть на вѣчно туманныя горы, на вѣчно сіяющее озеро, на вѣчно безмятежное небо. Только смотрѣть!

Только смотрѣть! Вѣдь все это—чужое, „нейтральное", мирно устроенное чьими-то чужими руками. Не зоветъ, не требуетъ. А тамъ—тоска, тревога, милая, родная, своя.

Дремотно ползутъ долгіе часы послѣ полудня. Весь домъ затихъ,—это часъ отдыха. Слышенъ только мѣрный стукъ маятника по стѣнѣ, взадъ—впередъ. И онъ не докучаетъ. Чужой, не свой,—пусть!

Евгенія Сергѣевна лежитъ задумчиво, сложивъ на худенькой груди тонкія, исхудалыя руки, такія маленькія и невинныя, какъ руки послушнаго ребенка. Блѣдное лицо ея слишкомъ спокойно. Нѣжныя губы, привыкшія къ молчанію горькихъ улыбокъ, безмяжно сомкнуты. Надъ матовымъ лбомъ бѣлѣетъ проборъ, чуть золотятся каштановыя косы. Если бы не эта блѣдность, не эта успокоенность рукъ и тѣла, можно было бы ее принять за молодую дѣвушку,—такъ чистъ овалъ ея лица, такъ круглы плечи. Ея движенія безпомощны, ея улыбка трогательна, и вся она, тонкая, свѣтлая, кажется здѣсь хрупкимъ, блѣднымъ цвѣткомъ на фонѣ ярко раскрашенной олеографіи. Странно,—зачѣмъ она здѣсь, въ этой грубо-спокойной, красивой, яркой странѣ, среди этихъ спокойныхъ, тяжеловѣсныхъ, увѣренныхъ людей. И хочется взять ее на руки и унести далеко, далеко,—туда, гдѣ небо вѣчно хмуро, гдѣ поля печальны, гдѣ дороги задумчивы, гдѣ люди не умѣютъ быть счастливы, куда летятъ теперь всѣ ея думы и мечты...

На тѣ дорожки милыя, между росистыми по зарѣ кустами въ родной сторонѣ, надъ рѣкою, гдѣ такъ сладко, такъ звонко пѣлъ соловей. На ту террасу передъ старымъ милымъ домомъ. На поляну лѣсную, изумрудную...

За стѣною сосѣдка Евгеніи Сергѣевны, больная, одинокая, запѣваетъ грустный романсъ, чуть-чуть подыгрывая себѣ на піанино. Словъ не разобрать, но мелодія знакома,—тоска, безнадежность, призывъ. Оттого, что поетъ больная, одинокая, некрасивая

дѣвушка, такъ же какъ и она застрявшая на чужбинѣ, и самыя слова призыва звучатъ такъ безнадежно-печально, и безумная, ноющая жалость сжимаетъ сердце. Кажется, надъ чьею-то жгучею тоскою, надъ чьимъ-то беззавѣтнымъ чувствомъ кто-то жестоко насмѣялся,—заставилъ повѣрить Богъ вѣсть какимъ безумнымъ снамъ, несбыточнымъ, обольстительнымъ надеждамъ.

Вотъ такъ повѣришь иногда сну золотому, — и что же? Гдѣ же ты, милый сонъ? Нѣтъ милымъ снамъ воплощенія...

Горы о чемъ-то задумались, озеро лѣниво дремлетъ, люди спятъ мирнымъ сномъ.

Не спитъ одна Евгенія Сергѣевна,—не даетъ ей заснуть печаль мелодіи, такой знакомой, такъ вкрадчиво льющейся въ душу. Чередой нахлынули старыя думы. Воспоминанія...

Жизнь—словно блѣдный, призрачный сонъ. Томленія юности, — одиночество и мечты. Замужество, безъ радостей, безъ любви,—тоже одиночество, вдвоемъ. Потомъ болѣзнь; утомленная, обезсиленная, она приняла эту болѣзнь, какъ неизбѣжное. Тѣлесныя муки притупили тоску, помирили съ обманувшимъ, несбыточнымъ, оправдали томленія печали.

Любила ли она? Любили ли ее, нѣжную, хрупкую, словно созданную для словъ любви, для трепетныхъ признаній? Теперь въ долгіе томительные часы послѣ полудня, лежа со сложенными на груди блѣдными руками, Евгенія Сергѣевна думаетъ, вспоминаетъ.

Такая робкая повѣсть ея любви! Такъ непохожая на тѣ зажигательныя встрѣчи, о которыхъ она столько читала, столько мечтала!

Тамъ, гдѣ свѣтлый лучъ пронизываетъ тьму и все зажигается волшебнымъ блескомъ счастья, у нея... два-три яркихъ мгновенья, мимолетныя встрѣчи, и слова... ахъ, какія безсильныя, бѣдныя, человѣческія слова... Слова, въ которыя хотѣлось вѣрить, но не было вѣры...

Радость мгновеній тонула въ глубинахъ страданій. Блѣдные лучи ея не разсѣяли тучъ сомнѣній...

Всю жизнь правили ею съ дѣтства внушенныя ей правила морали, не позволившей ей въ послѣднюю минуту, когда все было поставлено на карту, „перешагнуть, осмѣлиться“. Ну вотъ и прожита жизнь,—и на совѣсти нѣтъ ни одного пятна, ни одного заслуженнаго упрека...

Но и счастья борьбы, и ликованья побѣды не знала она въ жизни...

Встрѣчи ихъ бывали рѣдки, странны... Осенними вечерами въ

заброшенномъ паркѣ, у круглаго пруда, когда листья падали на влажную землю, желтые, мертвые, когда вѣтеръ тоскливо тянулъ однозвучную пѣсню печали на раннемъ, странно-яркомъ закатѣ.

Вспоминается одинъ такой вечеръ. На темной отъ пролившагося дождя дорожкѣ встрѣтились они для послѣдняго рѣшенія. Но взглядъ его былъ печаленъ, робокъ, а слова все тѣ же,—бѣдныя, безсильныя слова.

Сидѣли на побурѣвшей отъ дождя скамейкѣ, въ холодномъ сумракѣ недолгаго августовскаго дня.

— Какъ же его здоровье?

— Онъ умираетъ...

Тотъ помолчалъ, взволнованный серьезностью момента.

— Минуты печали пройдутъ. Мы будемъ счастливы...

Такъ неувѣренно, точно спрашивалъ.

Сказала тихо:

— Счастья не будетъ. Слишкомъ долго мы ждали, слишкомъ страдали.

— Нѣтъ, будетъ счастье, будетъ!

Такъ робко, такъ неувѣренно звучали его слова. Точно испуганный жизнью старался увѣрить себя самого, что не боится.

— Онъ между нами, всегда, навѣки...

Смотрѣла испуганно. Ждала чего-то. Чего? Словъ пламенныхъ, побѣдительныхъ, небывалыхъ, которыя разрушили бы невѣріе, встали бы надъ смертью, надъ жизнью...

Ну, что же, онъ уговаривалъ!

— Это—временное настроеніе... Я понимаю,—теперь вы не способны принять во вниманіе...

Принять во вниманіе! Но гдѣ же, гдѣ другія, властныя слова и дерзкіе огни всепобѣждающей, всемогущей страсти?!

И всетаки тогда, въ холодномъ сумракѣ осенняго предвечера, на потемнѣвшей скамейкѣ у мокрой травы, какъ дорогъ былъ онъ ей! Такъ единственно милы были именно эти печальные сѣрые глаза, растерянно искавшіе ея взгляда, эта русая прядь волосъ на утомленномъ уже лбу, эти руки, блѣдныя, неувѣренныя, все время стискивавшія ручку дождевого зонтика!

— Мнѣ кажется, я не имѣю права отрывать васъ отъ того, который...

Ахъ, бѣдныя людскія слова! Ахъ, бѣдное безсилье человѣка!

Умеръ мужъ, но печаль не умерла, не выпустила ея изъ цѣпкихъ своихъ объятій. Болѣзнь, давно таившаяся въ тоскующемъ тѣлѣ, вдругъ вырвалась наружу, подхватила, закрутила всю ее. И сразу потускнѣли, отлетѣли куда-то мечты о возможномъ, о

несбыточномъ. Равнодушіе охватило, тупое, странное, и тихая, незнакомая усталость,—до того ли, гдѣ ужъ! Еле хватило силъ дотащиться сюда, въ эту чуждую глушь, гдѣ все равно было,—жить или умереть. А тамъ грянуло Нежданное—и выѣхать больной, обреченной, уже не удалось.

И здѣсь одна, среди чужихъ, равнодушныхъ, Евгенія Сергѣевна сначала забилась, заметалась, какъ раненая на-смерть, а потомъ вдругъ какъ-то сразу успокоилась, затихла. Солнце всходило, звѣзды зажигались, озеро улыбалось, — жизнь текла обычнымъ мирно-сомкнутымъ кругомъ,—не все ли равно ей было! Она знала, что не дожить ей до весны, не вернуться больше туда, не увидать его, умереть здѣсь, одной, на чужбинѣ... Но почему же теперь она здѣсь, одна? Почему въ этотъ послѣдній, злой часъ не съ нею онъ, — онъ, который когда-то клялся не пережить ея?

Да не сама ли она сказала, разорвавъ въ одну безсонную мучительную ночь свое бѣдное, уже ничему не вѣрившее сердце:

— Прощайте! Счастье не для насъ...

А онъ говорилъ робко и тоже, кажется, безъ вѣры:

— Но я не теряю надежды...

Уѣхала. Заставила себя забыть, замерла... А онъ,—Богъ вѣсть гдѣ онъ, и что съ нимъ?

Да что же съ нимъ? Вѣрно, такъ же служитъ, такъ же ходитъ по тихимъ улицамъ, такъ же щуритъ близорукіе глаза,—милый, слабый! А можетъ тамъ—полетѣлъ туда, куда другіе... Недаромъ говорилъ въ минуты раздумій: хотя бы громъ грянулъ... Если бы пришлось хоть умереть за родину...

Вечерѣло. Дождь пересталъ. Стосковавшіеся лучи солнца вырвались изъ плѣна тучъ и засверкали, празднуя свое освобожденіе. Евгеніи Сергѣевнѣ захотѣлось на воздухъ. „Сестра“ измѣрила температуру и, осторожно закутавъ Евгенію Сергѣевну въ пледъ, вынесла ее на балконъ, какъ ребенка.

Слегка закружилась голова, сладко и томно. Свѣтло слишкомъ и ярко...

Внизу озеро сіяло, просвѣтленное, ясное. Повсюду горѣли, искрились, переливались въ лучахъ солнца бриллiанты дождя; откуда-то изъ-за горъ рѣзвый и вольный вѣтеръ принесъ жуткій ароматъ доцвѣтающихъ розъ.

Нарядно, красиво было все вокругъ, но, ахъ, какъ тяжело, какъ тоскливо!

За стѣною снова зазвучала одинокая печальная пѣсня, и мелодія тоски, безнадежности и призыва снова звенѣла настойчи-

во, но неувѣренно, и рояль плакалъ, увѣряя, что правды нѣтъ, что всѣ слова лгутъ, что всѣ клятвы нарушаются.

Евгеніи Сергѣевнѣ вдругъ стало безпокойно и жутко. Голубое, улыбающееся небо, безоблачное, безмятежное, горы молчаливыя и равнодушныя,—все это чужое нарядное великолѣпіе, на что оно ей? Близкая, родная ей лишь эта тоскующая, рыдающая пѣсня да дорога, убѣгающая далеко за озеро, за горы.

Полетѣть бы туда, разсѣчь бы крыльями воздухъ и облака, побѣдить бы моря и пространства, взглянуть бы еще хоть разъ на хмурыя, печальныя поля, на потемнѣвшія отъ дождя дороги, на скамейку, на прудъ. Закричать бы, забиться, застонать отъ боли и отъ ужаса... Или нѣтъ,—сжаться, замереть въ предсмертной судорогѣ послѣдней щемящей тоски...

Солнце заходило надъ озеромъ. Догорающіе лучи его, окунаясь въ воду, брызнули багряною кровью на бѣлые хлопья облаковъ, столпившихся на горизонтѣ. Поперекъ воды легли, засверкали атласныя серебристыя полосы. И сладко было, какъ послѣ жаркой молитвы, и тяжело, какъ передъ долгою разлукою. И казалось, что кто-то идетъ къ ней,—уже близко, уже за порогомъ.

Въ дверь постучали. Хозяйка вошла съ неизмѣнною улыбкою на неподвижномъ лицѣ, съ бѣлѣющимъ письмомъ въ рукахъ.

Евгенія Сергѣевна не торопясь раскрыла конвертъ, — прочитала. Не вскрикнула, не шевельнулась.—Онъ умеръ далеко тамъ, какъ мечталъ,—сынъ своей страны, съ ея именемъ на устахъ...

Евгенія Сергѣевна вздохнула, перекрестилась. Сразу легко, свѣтло стало на душѣ.

Теперь она знала,—надо спѣшить,—и тихо, неспѣша стала собираться. Услыхала зовъ его, тихій, но настойчивый, радостно взволновалась.

Вотъ и всему конецъ, и нѣтъ печали, и близокъ онъ, глаза котораго видѣли тайну. Онъ, вѣчный, освобождающій.

Передъ нею алѣлъ закатъ, догорая... Послѣднее облачко на небѣ пылало, отдавъ охватившему его пожару всю свою нѣжность и любовь... Да, отдать такъ все, отдать послѣднее, какъ отдалъ онъ...

Евгенія Сергѣевна тихо приподнялась и стала любовно прощаться съ озеромъ, съ горами, съ облаками. Она знала, что сейчасъ уйдетъ отъ нихъ, но не жаль ей было всего этого земного великолѣпія. Душа ея ликовала, разорвавъ земныя тяжкія цѣпи, и не было печали, тоска, сомнѣнія отлетѣли...

Успокоенная, тихая, спѣшила она туда, гдѣ, — вѣрила, — откроется ей смыслъ всѣхъ земныхъ нашихъ страданій. Тихое,

увѣренное довольство, почти блаженство, разлилось у нея внутри, согрѣло изметавшуюся душу.

Больная, одинокая дѣвушка все пѣла за стѣною, отчетливо выговаривая слова тоски и страсти. Евгенія Сергѣевна вдругъ вспомнила, что она останется здѣсь одна, и пожалѣла ее искренно и нѣжно.

Земная, земная печаль, ахъ, сколько ея здѣсь!

Почему-то вдругъ вспомнила себя подросткомъ-гимназисткою вечеромъ въ саду. Луна свѣтитъ, бѣлый цвѣтъ левкоя благоухаетъ, и она на качеляхъ далеко унеслась въ мечтахъ. Куда только не унесутъ крылья юной сладостной мечты!

Милый, милый, ты ждешь... Иду къ тебѣ...

Что-то вдругъ толкнуло, словно разбудило Евгенію Сергѣевну отъ сна.

— Сейчасъ,—сказала она радостно.

Судорожно схватилась за образокъ, висѣвшій на шеѣ.

Изъ-за края неба, подернутаго розовою паутиною, выглянулъ молодой бѣлый мѣсяцъ, заглядѣлся и замеръ на мѣстѣ. На него упалъ ея послѣдній взглядъ.

Закатъ погасъ. Облачко растаяло. Вверху кто-то тихо ходилъ, и неторопливо, безшумно зажигалъ звѣздныя лампады. И кто-то, тихій и нѣжный, закрылъ тоскующіе глаза поцѣлуемъ, прохладнымъ и долгимъ, какъ вѣчность.

Анастасія Чеботаревская.

Изъ Рабиндраната Тагора.

Брось свои четки скорѣе, брось о грѣхѣ воздыханья!
Гимны и пѣсни напрасны въ мракѣ таинственномъ храма:
Благости вѣчной не нужно звучнаго хора рыданья,
Жреческой пышной одежды, волнъ голубыхъ ѳиміама.
Очи открой, близорукій,—и не увидишь ты бога
Въ сумрачной роскоши пагодъ, плотно гдѣ двери закрыты...
Вотъ, посмотри,—передъ храмомъ горняя вьется дорога,
Каменщикъ дробитъ тамъ скалы, пылью кремнистой покрытый;
Около—твердую землю пахарь вздымаетъ сохою:
Свиткомъ терпѣнія длиннымъ тянется жизнь трудовая.
Въ свиткѣ томъ—правды премудрость вписана божьей рукою,
Въ свиткѣ томъ духа свобода—сила и гордость людская!

Брось же скорѣй свои гимны, брось о грѣхѣ воздыханья.
Выйди въ тернистое поле съ тѣми, чья участь убога:
Только тогда ты познаешь смыслъ бытія и страданья,
Только тогда ты узрѣешь ликъ лучезарнаго бога.

Георгій Фонвизинъ.

СВОБОДНЫЯ ГОРЫ.

I.

Передъ подножьемъ Альпійскихъ горъ.

Какъ гирлянда бѣлыхъ кучевыхъ облаковъ, выплывающихъ изъ-за отдаленнаго горизонта, показались подъ яснымъ утреннимъ небомъ снѣжныя вершины горъ.

— Die Alpen, die Alpen (Альпы, Альпы)!—послышались около меня въ вагонѣ нѣмецкіе голоса.

Мой товарищъ по тайному обществу пропаганды новыхъ общественныхъ идей въ народѣ, Саблинъ, и нашъ спутникъ Грибоѣдовъ, огромнаго роста добродушный человѣкъ, еще мирно спали, откинувшись на спинки своихъ нѣмецкихъ вагонныхъ сидѣній, не приспособленныхъ къ ночлегу. А я уже давно не спалъ.

Я не могъ спать отъ восторга передъ открывавшимися передо мною новыми странами и новымъ горизонтомъ въ жизни.

Итакъ, я тоже эмигрантъ, какъ Герценъ, какъ Бакунинъ, какъ Огаревъ, какъ Лавровъ! Я тоже изгнанникъ изъ своей родины за гражданскую свободу, за республику, какъ былъ когда-то изгнанникомъ и Гарибальди, несмотря на то, что мнѣ лишь недавно минуло двадцать лѣтъ.

Вотъ и я перебрался черезъ нѣмецко-русскую границу, и какъ романтично: переодѣтый еврейской дѣвушкой! А спутники мои были тогда переодѣты евреями. И какой типично-еврейскій видъ получили они, чистокровные русскіе, когда на нихъ надѣли лапсердаки и прицѣпили пейсы!

Мнѣ вспоминались мои недавнія скитанія въ народѣ, они закончились лишь три недѣли тому назадъ, но какими далекими-далекими они казались мнѣ теперь! Ничто кругомъ меня не напоминало о нихъ. Тамъ, гдѣ я ходилъ по деревнямъ, стоитъ полная зима. Тамъ, безпріютный, разыскиваемый полиціей три недѣ-

ли тому назадъ, я проводилъ ночи въ сугробахъ снѣга, подъ стогами сѣна въ поляхъ Ярославской губерніи и подъ качающимися отъ зимней вьюги вершинами хвойныхъ деревьевъ. Три недѣли тому назадъ я скакалъ верхомъ, подготовляя попытку освобожденія заточеннаго товарища, на невыѣзженной лошади по улицамъ Москвы въ снѣжномъ вихрѣ, вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, приводя въ страхъ прохожихъ, да и въ самомъ Петербургѣ вслѣдъ за этимъ была еще настоящая зима.

Но затѣмъ все пошло въ полномъ противорѣчіи съ нормальнымъ теченіемъ четырехъ временъ года.

Благодаря тому, что товарищи по обществу неожиданно назначили меня редакторомъ заграничнаго журнала для народа, я вдругъ былъ отправленъ въ Женеву и на русской границѣ выѣхалъ изъ зимы въ царство ея предшественницы—поздней осени. Затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія по Германіи къ западу, а затѣмъ и къ югу, я выѣхалъ изъ поздней осени въ раннюю. И вотъ теперь, въ это теплое солнечное утро, когда передъ моими глазами только что показались отдаленныя вершины швейцарскихъ горъ, я какъ бы снова въѣхалъ въ лѣто, хотя и позднее, но все же настоящее лѣто. Кругомъ были зеленѣющіе луга съ еще сохранившимися на нихъ кое-гдѣ послѣдними осенними цвѣтками, а деревья еще наполовину сохранили свою листву.

Высунувшись въ отворенное окно вагона, я съ упоеніемъ смотрѣлъ впередъ, въ розовомъ свѣтѣ ранняго утра, на эти гигантскія волны послѣдней земной коры, на этихъ скалистыхъ великановъ, однѣ головы которыхъ выглядывали пока на меня изъ-за кривизны земного шара.

Цѣлый рядъ мыслей зароился въ моей головѣ.

Я мечталъ, высунувшись въ открытое окно и наблюдая все болѣе и болѣе вырисовывающіяся передо мною вершины снѣжныхъ горъ. Я такъ увлекся, что даже и не замѣтилъ, какъ проснулись мои товарищи.

Вдругъ Саблинъ дернулъ меня сзади за рукавъ.

Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Въ одинъ мигъ всѣ голоса, разговаривавшіе во мнѣ, улетѣли куда-то вдаль, какъ вспугнутыя птицы, какъ мимолетныя тѣни, и реальная жизнь предъявила на меня свои права.

— Любуешься природой?—спросилъ меня, зѣвая, Саблинъ.

— Да,—отвѣтилъ я, чувствуя, что ни за что въ мірѣ я не разсказалъ бы ему о своихъ фантазіяхъ, изъ опасенія, что онъ приметъ ихъ за признакъ моей умственной незрѣлости.

Только я одинъ,—думалось мнѣ,—способенъ терять время на

пустячныя мечты, когда впереди предстоитъ такая важная задача, какъ редактированіе революціоннаго журнала для рабочихъ.

Я искренно конфузился такой непреодолимой склонности своей мысли перебрасываться въ одинъ мигъ на всевозможные предметы. Но иначе я не могъ. Моей головѣ всегда была нужна какая-нибудь работа. Я все могъ выносить тогда, кромѣ бездѣйствія. Если я сговаривался съ кѣмъ-нибудь что-нибудь сдѣлать, даже сущій пустякъ, напримѣръ, пойти на прогулку, и товарищъ говорилъ мнѣ: подожди! то у меня черезъ десять минутъ начиналась настоящая лихорадка, и меня охватывала смертельная тоска. Мнѣ всегда нужны были или усиленная физическая дѣятельность, опасности, приключенія или жадное глотанье всевозможныхъ книгъ и размышленія по ихъ поводу. Если ни одного изъ этихъ выходовъ у меня не было, то послѣ недолгаго ожиданія и тоски у меня сейчасъ же начинала работать фантазія и увлекала въ свой сказочный міръ необычайнаго или во всевозможныя теоретическія соображенія.

II.

Первыя впечатлѣнія Швейцаріи.

Снѣжныя вершины горъ, лазуревыя озера, хвойные и лиственные лѣса на склонахъ, темные подземные тоннели—какъ все это было ново, какъ привлекательно для меня! Забывъ все окружающее, я не отрывался отъ окна своего вагона почти во всю нашу дорогу отъ Базеля до Берна. Вотъ мы пріѣхали и въ Бернъ, гдѣ оба мои спутника рѣшили совсѣмъ остановиться на жительство, а я долженъ былъ одинъ отправляться далѣе, но рѣшилъ провести съ ними еще одинъ, послѣдній день.

— Пойдемте, пока мы еще не разстались, побродимъ по городу!—сказалъ я своимъ товарищамъ, едва носильщикъ, провожавшій насъ пѣшкомъ съ вокзала, съ нашими чемоданами на своей тачкѣ, довелъ насъ до гостиницы и мы заняли въ ней двѣ комнаты: одну одиночную — я, другую въ двѣ кровати — мои спутники.

— Не спѣши!—отвѣтилъ мнѣ Грибоѣдовъ.—Прежде всего намъ надо позавтракать, а потомъ дойти къ моей двоюродной сестрѣ, здѣшней студенткѣ,—она знаетъ городъ и все намъ покажетъ. Намъ подали кофе съ молокомъ, медомъ, сливочнымъ масломъ и маленькими круглыми хлѣбиками, и мы, насытившись, отправились въ путь. Встрѣчный прохожій указалъ намъ дорогу до

улицы, гдѣ жила родственница Грибоѣдова, и мы беззаботно шли туда, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа.

— А какъ же называется наша гостиница?—спросилъ вдругъ Саблинъ Грибоѣдова.

Тотъ остановился въ недоумѣніи.

— Совершенно не помню ни улицы, ни названія,—сказалъ онъ, наконецъ, смущенно.

— Можетъ быть, ты помнишь?—обратился онъ ко мнѣ.

— Мнѣ даже и въ голову не пришло!—откровенно заявилъ я.

— Но какъ же намъ теперь быть? Кто помнитъ дорогу назадъ?

— Не помню!—отвѣчалъ я.

— И я не обратилъ вниманія!—замѣтилъ Саблинъ.

— Вотъ тебѣ и разъ!—развелъ руками Грибоѣдовъ.

— Да, отличились! — философски замѣтилъ Саблинъ. — Придется разыскивать самихъ себя черезъ полицію.

— Но можетъ быть, какъ-нибудь найдемъ и сами?—нерѣшительно замѣтилъ я.

— Пойдемте назадъ!—сказалъ Грибоѣдовъ,—посмотримъ. Только я чувствую, что едва ли что-нибудь изъ этого выйдетъ. Я, по крайней мѣрѣ, ничего не помню, такъ какъ все время разговаривалъ съ Саблинымъ.

Дѣйствительно, они оба были очень словоохотливы и всю дорогу перебрасывались другъ съ другомъ остротами, какъ двѣ трещетки. Я же по обыкновенію больше слушалъ ихъ разговоръ и размышлялъ по его поводу и потому кое-что примѣтилъ и на дорогѣ. Подвигаясь такимъ образомъ шагъ за шагомъ и руководясь всевозможными мелкими признаками, подобно тому, какъ человѣкъ, играющій въ жмурки, оріентируется по маленькимъ просвѣтамъ около своего носа, мы добрались, наконецъ, заглядывая по пути во всѣ боковые переулки, до темнаго зданія съ надписью „Hôtel de la Gare“.

— Повидимому, здѣсь!—замѣтилъ Грибоѣдовъ.

— Не останавливались ли у васъ недавно три дурака, похожіе на насъ?—спросилъ Саблинъ по-французски у полногрудой француженки-консьержки, выглянувшей на насъ изъ-за своей конторки.

Къ нашей великой радости мы сейчасъ же получили отъ нея утвердительный отвѣтъ и были отведены гарсономъ въ наши собственныя комнаты, номера которыхъ мы тоже забыли.

Убѣдившись по своимъ чемоданамъ, что здѣсь именно мы и живемъ, мы вторично отправились въ нашъ путь уже съ облегченнымъ сердцемъ и съ сознаніемъ, что очень счастливо выпу-

тались изъ чрезвычайно неудобнаго положенія остаться на улицѣ въ совершенно незнакомомъ городѣ, тѣмъ болѣе что и двоюродная сестра Грибоѣдова оказалась уѣхавшей куда-то, а другихъ знакомыхъ у насъ здѣсь не было.

Не найдя никого, мы одни обошли весь городъ. Мы попали, прежде всего, къ широкой, какъ арена цирка, круглой ямѣ посреди площади, съ ободраннымъ деревомъ въ ея центрѣ, гдѣ живетъ семейство бернскихъ медвѣдей, считающихся, какъ шутилъ Саблинъ, полноправными гражданами города, потому что имѣютъ собственный домъ. Потомъ мы начали разспрашивать о памятникѣ Вильгельму Теллю, но никто намъ его не могъ указать, а вмѣсто того направили насъ къ памятнику „Основателя города". На немъ оказалась латинская надпись „Conditor urbis Baernae", которую Саблинъ тотчасъ же перевелъ намъ со своимъ всегдашнимъ юморомъ: „Кондитеръ города Берна"!

Разсмѣявшись, мы возвратились къ вечеру домой, раздѣлили на три равныя части всѣ деньги, данныя намъ тайнымъ обществомъ на дорогу, и, въ результатѣ, на первое прожитіе досталось каждому изъ насъ по 600 франковъ. Я получилъ свою долю и поздно ночью распростился съ моими спутниками. Мой поѣздъ уходилъ въ Женеву въ 6 часовъ утра, и гарсонъ гостиницы получилъ распоряженіе разбудить меня въ половинѣ шестого.

Такъ началась моя самостоятельная жизнь за границей. Первые шаги ея были сдѣланы мною раннимъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ. Сонный мальчикъ постучалъ въ мою дверь и сказалъ:

— Il est temps de partir (время отправляться)—и ушелъ снова спать.

Я быстро одѣлся, взялъ свой ручной сакъ,—у меня не было никакихъ чемодановъ послѣ раздачи всего имущества товарищамъ передъ отправленіемъ въ походъ—и вышелъ на полутемную еще улицу города. Мальчикъ отворилъ мнѣ дверь, показалъ направо, и я пошелъ въ этомъ направленіи. Какъ одиноко чувствовалъ я теперь себя въ пустынной улицѣ далекаго города, въ чужой далекой странѣ, гдѣ я никого не зналъ и даже плохо разбиралъ быстро произносимыя мнѣ французскія фразы отвѣтовъ на мои вопросы. Съ трудомъ я отыскалъ вокзалъ. Кассиръ на вокзалѣ тотчасъ же меня понялъ и далъ требуемый мною билетъ третьяго класса до Женевы. Потомъ, несмотря на цѣлый рядъ поѣздовъ, проходящихъ здѣсь въ разныя стороны, и на невнятные выкрики кондукторовъ, я благополучно водворился въ надлежащій поѣздъ и доѣхалъ до Лозанны, гдѣ впервые увидѣлъ лазурную гладь Женевскаго озера съ окаймляющими его

съ юга горами. Оказалось, что поѣздъ по какой-то причинѣ долженъ былъ простоять здѣсь цѣлый часъ, и я этимъ временемъ рѣшилъ осмотрѣть этотъ небольшой городокъ. Я вышелъ на его узкія кривыя улицы, прошелъ по нимъ нѣкоторое разстояніе и, выйдя на небольшую площадь, увидѣлъ неожиданно памятникъ Вильгельму Теллю. Прямо передо мною было величественное зданіе, съ широкимъ порталомъ, со сводчатыми окнами и колоннами, на вершинѣ котораго стояла статуя Богини Правосудія, а передъ нимъ на площади возвышалась на каменныхъ плитахъ круглая колонна-пьедесталъ, гдѣ на вершинѣ скалы стоялъ со своимъ лукомъ и стрѣлами герой моего дѣтства, вольный стрѣлокъ Вильгельмъ Телль! Я подошелъ къ нему съ правой стороны, такъ что голова его смотрѣла прямо на меня, а его правая рука какъ бы указывала мнѣ на лукъ, который онъ держалъ въ лѣвой.

Зданіе республиканскаго трибунала и передъ нимъ вольный стрѣлокъ, поразившій угнетателя своей страны!

— Здравствуй, Вильгельмъ Телль! Ты первый встрѣчаешь меня, оставшагося одинокимъ, въ твоей свободной странѣ!—мысленно говорилъ я ему, совершенно растроганный.

„Пока стоятъ горы на своихъ основаніяхъ, не забудутъ стрѣлка Телля!“—вспомнилось мнѣ выраженіе поэмы.

Я не хотѣлъ уже никуда итти дальше этого памятника и, постоявъ передъ нимъ съ благоговѣніемъ съ полчаса, возвратился обратно на вокзалъ и, сѣвъ въ указанный мнѣ вагонъ, поѣхалъ среди восхитительныхъ ландшафтовъ по берегу Женевскаго озера.

III.

Поразительная парочка.

Я вышелъ въ Женевѣ на платформу съ своимъ небольшимъ саквояжемъ въ одной рукѣ и съ подушкой и одѣяломъ, затянутыми въ ремняхъ, въ другой, не зная, куда мнѣ далѣе направиться.

— Où voulez vous partir, monsieur (куда хотите итти)?—спросилъ меня, прикладывая руку къ козырьку, носильщикъ.

— A l'hôtel du Nord (въ Сѣверный отель)!—отвѣтилъ я ему, такъ какъ одинъ изъ моихъ товарищей, Мышкинъ, передъ отъѣздомъ изъ Россіи рекомендовалъ мнѣ эту гостиницу, какъ недорогую и въ которой притомъ же живетъ извѣстный писатель-критикъ Ткачевъ, тоже принужденный эмигрировать изъ Россіи.

— Багажъ есть?—спросилъ меня носильщикъ.

— Нѣтъ. Все мое со мной!

Онъ взялъ у меня сакъ и связку въ ремняхъ и, выйдя изъ вокзала на площадь, повелъ меня потомъ по удивительнѣйшему мосту черезъ Рону при самомъ ея выходѣ изъ Женевскаго озера. Несмотря на всѣ заботы, на одиночество и неизвѣстность предстоящаго мнѣ, я не могъ не заглядѣться на открывающуюся предо мною съ этого моста дивную картину. Лазурная ширь озера простиралась налѣво до самаго горизонта, а направо среди быстро мчащихся изумрудныхъ струй прозрачной, какъ хрусталь, рѣки виднѣлся островокъ Руссо со своими плакучими ивами. Темная громада горы Салевъ какъ стѣна нависала впереди надъ Женевой, раскинувшейся у ея подножія. Это была красивѣйшая картина, какую только мнѣ приходилось видѣть до тѣхъ поръ въ жизни. И красота ея еще увеличивалась темными золотистыми красками облаковъ, охватившихъ всю западную часть небосклона, гдѣ опускалось къ закату солнце.

Почти сейчасъ же за мостомъ оказался и мой Сѣверный отель. Носильщихъ дернулъ звонокъ, поставилъ въ подъѣздѣ мои вещи и, получивъ свои деньги, удалился раньше, чѣмъ кто-нибудь вышелъ. Наконецъ, показался мальчикъ лѣтъ пятнадцати, во фракѣ.

— Что вамъ угодно, мосьё?—обратился онъ ко мнѣ по-французски.

— Здѣсь живетъ мосьё Ткачевъ?

— Numero quatorze (четырнадцатый номеръ), — отвѣтилъ онъ и показалъ дверь вверху надъ лѣстницей.

Потомъ самымъ серьезнымъ тономъ онъ вдругъ заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ: кóшка и катіата.

Я остановился въ полномъ недоумѣніи.

— Вы говорите по-русски?—спрашиваю его на своемъ родномъ языкѣ.

— Нэ панимàй!—отвѣчалъ онъ.

— А какъ же вы сейчасъ сказали русскую фразу?—спрашиваю я его уже по-французски.

— Je connais seulement les avertissements russes les plus communes (я знаю только самыя обычныя русскія привѣтствія),— скромно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Я догадался, что кто-нибудь изъ здѣшнихъ русскихъ злоупотребилъ любознательностью этого мальчика и научилъ его различнымъ русскимъ фразамъ по своему вкусу. Онъ подвелъ меня къ номеру четырнадцатому и тотчасъ же убѣжалъ внизъ по лѣстницѣ на раздавшійся звонокъ.

Я постучалъ въ дверь.

— Entrez (войдите),—раздалось изнутри.

Я отворилъ дверь.

— Monsieur Tkatcheff loge ici? (Ткачевъ живетъ здѣсь)?—спрашиваю я поднявшагося мнѣ навстрѣчу высокаго бѣлокураго молодого человѣка.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ мнѣ по-русски.—Но здѣсь живу я, Рождественскій! Садитесь, пожалуйста! Вы изъ Россіи?

По слову *но* въ его отвѣтѣ я заключилъ, что между нимъ и Ткачевымъ существуетъ какое-то отношеніе. Я присѣлъ на подставленный мнѣ стулъ и все откровенно разсказалъ ему о себѣ. Да и чего мнѣ было скрываться? Вѣдь здѣсь не Россія и нѣтъ никакихъ засадъ! Онъ съ живымъ интересомъ выслушалъ мой короткій разсказъ и сообщилъ мнѣ въ свою очередь, что онъ—студентъ женевскаго университета, перебравшійся изъ Юрьевскаго, гдѣ имѣлъ дуэль, и тутъ же съ удовольствіемъ показалъ мнѣ свою мягкую шляпу, пробитую пулей, которую хранилъ на память.

— Ткачевъ,—сказалъ онъ, наконецъ, на мой новый вопросъ,—переѣхалъ отсюда на Террассьерку, это очень недалеко отсюда, и я васъ провожу къ нему. А пока вы лучше всего поселитесь въ комнатѣ рядомъ съ моей. Она совершенно свободна. Тамъ и жилъ раньше Ткачевъ.

Онъ позвонилъ, и на его зовъ шелъ вновь уже знакомый мнѣ мальчикъ.

— Этотъ господинъ—мой знакомый. Отведите ему комнату рядомъ. Онъ будетъ здѣсь, какъ и я, на полномъ пансіонѣ, и за табльдотомъ сажайте насъ рядомъ.

— Кукишъ! — отвѣтилъ почтительно мальчикъ и, взявъ мой сакъ, тутъ же понесъ его въ сосѣднюю комнату.

— Это вы обучаете его подобному русскому языку?—спросилъ я Рождественскаго.

— Я!—самодовольно отвѣтилъ мнѣ онъ.

Напоивъ меня чаемъ, Рождественскій повелъ меня къ Ткачеву на Террассьерку (такъ называлась главная эмигрантская улица въ Женевѣ La Terrassière), но, доведя меня до дому, онъ, очевидно, не рѣшился туда войти со мной, какъ предполагалъ сначала, пока я сидѣлъ у него. Онъ остановился на минуту въ раздумьѣ, потомъ сказалъ нерѣшительно:

— Идите одни. Я забылъ, что мнѣ нужно еще попасть въ другое мѣсто. Во второмъ этажѣ направо! И, быстро простившись, онъ пошелъ обратно,—очевидно, къ себѣ домой.

„Значитъ, онъ не очень близокъ съ Ткачевымъ“,—сообразилъ я и поднялся по указанному пути.

Была уже полная ночь.

При тускломъ свѣтѣ лампы на узкой, какъ во всѣхъ французскихъ жилыхъ домахъ, лѣстницѣ я увидѣлъ указанную мнѣ дверь и постучалъ въ нее.

— Entrez (войдите)!—раздался уже привычный мнѣ французскій возгласъ изъ глубины, и я отворилъ дверь. Навстрѣчу мнѣ выбѣжали длинная, очень худощавая брюнетка и такой же длинный и очень худощавый брюнетъ съ небольшой каштановаго цвѣта бородкой.

— Вы изъ Россіи?—оба разомъ, въ одинъ голосъ, порывисто спросили меня.

— Изъ Россіи. Здѣсь живетъ Ткачевъ?

— Да! Да!—отвѣчали они мнѣ оба разомъ.

— Раздѣвайтесь!—восклицала она.

— Садитесь!—вторилъ онъ.

Совсѣмъ я не ожидалъ, что Ткачевъ и его жена такіе стремительные!—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Вотъ вамъ рекомендательное письмо отъ Мышкина,—сказалъ я ему, протягивая сложенную бумажку.

— Потомъ! Потомъ!—воскликнули они, а теперь садитесь, напейтесь прежде чаю.

— Вотъ сюда, сюда! На диванъ!—быстро говорила она.

— Да! Сюда, сюда! Тутъ вамъ будетъ удобнѣе.

Они были такъ заняты мною, что на записку отъ Мышкина не обратили даже вниманія, и она такъ и осталась лежать на столѣ, куда я ее положилъ, видя, что ни тотъ, ни другой даже не замѣчаютъ ея въ моей протянутой рукѣ.

— Вы изъ народа?—спросила она, садясь на диванъ по правую мою сторону.

— Вы изъ народа?—повторилъ онъ, садясь по лѣвую сторону отъ меня.

Я, какъ въ тискахъ, оказался заключеннымъ между ними посрединѣ дивана.

— И мы тоже недавно изъ народа!—воскликнула она.—Какъ весь народъ поразительно воспріимчивъ къ соціалистической пропагандѣ!

— Какъ весь народъ готовъ къ революціи!—перебилъ онъ ее.—Какой огр...

— Какой огромный,—въ свою очередь перебила она его,—успѣхъ мы имѣли.

— Огромное вліяніе!—говорилъ онъ.—Цѣлыя тысячи.

— Цѣлыя тысячи народа готовы были подняться,—перебила она еще быстрѣе,—по одному нашему...

— По одному нашему слову,—окончилъ онъ ея мысль.

Они говорили такъ быстро, что я успѣвалъ только перебрасывать свою голову отъ одного къ другому. Вставить хоть одно простое восклицаніе было совершенно немыслимо среди нихъ.

Совсѣмъ я не такимъ представлялъ себѣ Ткачева, — снова мелькнуло у меня въ головѣ.

— А вы знаете, что здѣсь затѣвается?—начала она громко въ мое правое ухо.

— Затѣвается, — окончилъ онъ, крича мнѣ въ лѣвое ухо,— журналъ для рабочихъ подъ названіемъ *Работникъ*.

— Какъ же, какъ же! Все уже готово,—живо говорила она,— и мы будемъ редактировать его!

— Я тоже присланъ редактировать его, — поспѣшилъ вставить я.—И очень радъ, что придется работать вмѣстѣ съ такимъ опытнымъ писателемъ, какъ вашъ мужъ.

Дѣйствительно, я очень обрадовался открывшейся передо мною перспективѣ работать вмѣстѣ съ Ткачевымъ. Когда я ѣхалъ сюда, я думалъ, что вся отвѣтственность редактированія падетъ на меня одного, и боялся, что не выполню достаточно хорошо возложенной на меня нашимъ тайнымъ обществомъ задачи, и теперь вдругъ обнаружилось, что редакція будетъ коллективная.

Всѣ заботы сразу спали съ моей души.

Мнѣ такъ пріятно было раздѣлить выпавшую мнѣ почетную обязанность съ товарищами по изгнанію и въ особенности съ Ткачевымъ, котораго я считалъ въ легальной литературѣ прямымъ преемникомъ знаменитаго Писарева, идола молодежи въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ! Но онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на мой комплиментъ.

— Мы вмѣстѣ уже написали...—началъ онъ.

— Мы уже написали, — окончила она, — для новаго журнала одну прозаическую статью о нашей работѣ въ народѣ.

— И одно стихотвореніе,—перебилъ онъ ее,—которое производило поразительное впечатлѣніе...

— Поразительное впечатлѣніе въ народѣ, — окончила она.— Оно тоже будетъ помѣщено въ первомъ номерѣ *Работника*, и уже...

— Да, да, уже приготовлено къ набору,—перебилъ онъ.—Хотите, мы вамъ сейчасъ же его прочтемъ?

— Да, да, сейчасъ же вамъ прочтемъ,—снова перебила она и, схвативъ со стола бумажку, начала читать.

Овцы и волки.

Посбѣжались волки злые,
Держатъ всѣ совѣтъ большой:
Овцы больно умны стали,
Что подѣлать имъ съ собой?
Вотъ такъ-такъ! Вотъ такъ-такъ!
Видно котъ нашъ не дуракъ!

— Не правда ли,—перебилъ онъ ее,—какой неожиданный переходъ? Это мы вмѣстѣ...

— Это мы вмѣстѣ придумали, и каждый новый куплетъ оканчивается такъ!—докончила она.

— И это-то самое и произвело поразительное впечатлѣніе,—перебила она.—Понимаете, такой неожиданный переходъ къ самой сути дѣла.

И они начали наперебой читать мнѣ остальные двадцать пять куплетовъ этого коллективнаго стихотворенія. Всѣ они были совершенно въ томъ же духѣ, какъ и первый. Содержаніе состояло въ томъ, что одна овца подслушала волковъ, сговаривающихся на этомъ своемъ совѣтѣ ихъ растерзать, и побѣжала разсказать другимъ овцамъ, говоря, что ихъ, овецъ, много, и что у нихъ есть копыта для защиты. А оканчивается стихотвореніе такъ:

Тутъ всѣ овцы заблеяли:
Вѣдь въ волкахъ вся наша суть!
Всѣ мы, овцы, будемъ братья
И волковъ пора намъ пхнуть!
Вотъ такъ-такъ! Вотъ такъ-такъ!
Видно котъ нашъ не дуракъ!

У меня волосы стали шевелиться на головѣ отъ одной мысли напечатать въ журналѣ подобное стихотвореніе. Обязанности редактора стали представляться мнѣ далеко не усѣянными лаврами.

„Какъ теперь мнѣ быть?—думалъ я.—Вѣдь я долженъ буду оказать противодѣйствіе напечатанію стихотворенія, написаннаго извѣстнымъ литераторомъ Ткачевымъ! Это поразительно! Превосходный критикъ и публицистъ, съ прекраснымъ прозаическимъ слогомъ, онъ—совсѣмъ жалкій поэтъ! И еще придаетъ своимъ стихамъ такое большое значеніе!“

— Ну, какъ вамъ нравится?—живо спрашиваетъ онъ меня въ лѣвое ухо.—Въ народѣ...

— Въ народѣ,—оканчиваетъ она въ лѣвое,—оно произвело поразительное, поражающее впечатлѣніе!

Мнѣ хотѣлось отвѣтить искренно, что и на меня стихи эти производятъ поражающее впечатлѣніе, но, пользуясь тѣмъ, что они продолжали перебивать другъ друга, дополняя на каждой фразѣ одинъ другого, я благополучно избавился отъ необходимости дать отвѣтъ. Перескочивъ на что-то другое, они уже сами забыли черезъ минуту, что я имъ ничего не отвѣтилъ, или вообразили, что я вполнѣ согласился съ ихъ собственными похвалами себѣ.

Почувствовавъ сильное разочарованіе въ знаменитомъ писателѣ и его супругѣ и опредѣливъ ихъ, къ своему собственному недоумѣнію, какъ отчаянныхъ болтуновъ, я захотѣлъ поскорѣе уйти отъ этой супружеской четы. Мнѣ захотѣлось въ этотъ же вечеръ увидѣться съ завѣдующимъ нашей женевской типографіей, эмигрантомъ Гольденбергомъ. Вынувъ изъ кармана свой кошелекъ, я раскрылъ его, чтобы достать на бумажкѣ его адресъ, и кучка золотыхъ двадцатифранковыхъ монетъ засверкала въ немъ.

— Сколько у васъ денегъ!—воскликнулъ онъ.

— Около шестисотъ франковъ!—отвѣчалъ я.

— Вамъ не нужно будетъ сразу такой суммы,—началъ онъ.

— Да, вамъ не нужно будетъ такой суммы!—перебила она.— А у насъ какъ разъ...

— А у насъ какъ разъ на двѣ недѣли недохватъ. Дайте намъ въ долгъ...

— Дайте намъ въ долгъ,—перебила она,—только на двѣ недѣли, пятьсотъ франковъ. Мы непремѣнно, непремѣнно возвратимъ вамъ ровно черезъ двѣ недѣли.

— Да, непремѣнно ровно черезъ двѣ недѣли!—повторилъ онъ.— Какъ разъ къ этому времени намъ вышлютъ наши деньги!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я, вынимая желаемую ими сумму.

Онъ съ живостью взялъ ихъ у меня, а она у него и, вскочивъ, заперла въ шкафикѣ напротивъ насъ.

— Спасибо вамъ! Спасибо вамъ! — говорилъ онъ, пожимая мнѣ руки.

— Спасибо вамъ! Спасибо вамъ!—вторила она, возвратившись на свое мѣсто и пожимая тоже мнѣ руки съ другой стороны.

— Такъ непремѣнно, непремѣнно возвратимъ вамъ ровно черезъ двѣ недѣли.

— Ровно, ровно черезъ двѣ недѣли!—повторила она.—Все, все сразу отдадимъ тогда.

Въ этотъ самый моментъ, безъ обычнаго заграничнаго стука

въ дверь, къ намъ въ комнату вошелъ невысокаго роста крѣпкій шатенъ, лѣтъ тридцати пяти, съ интеллигентными чертами лица и умными наблюдательными глазами.

— А вотъ и Ткачевъ!—воскликнула моя собесѣдница справа.

— А вотъ и Ткачевъ!—повторилъ мой собесѣдникъ слѣва, указывая рукою на вошедшаго.

Я всталъ въ полномъ изумленіи и пожалъ протянутую мнѣ Ткачевымъ руку.

— А я все думалъ, что Ткачевъ это—вы,—обратился я къ моему сосѣду.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Я Николай Шебунъ, а это моя жена, Зинаида. Развѣ мы вамъ не сказали съ самаго начала?

— Развѣ съ самаго же начала мы не сказали вамъ?—перебила его она.

— Но это все равно,—перебилъ онъ ее,—вы можете быть спокойны...

— Пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ!—замѣтилъ я, чувствуя неловкость.

Ткачевъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ прочесть нѣсколько строкъ очень лестной для меня рекомендаціи Мышкина, безцеремонно перебилъ коллективный разговоръ обоихъ супруговъ, сказавъ имъ:

— Я съ вами еще успѣю потолковать завтра, а теперь надо переговорить съ нимъ. Пойдемте въ мою квартиру,—обратился онъ ко мнѣ и сразу направился къ выходу, очевидно, чувствуя полную безнадежность дождаться конца взаимно поддерживающейся рѣчи Шебуновъ.

Я пошелъ за нимъ, сильно сконфуженный за себя. Ну, какъ я могъ принять ихъ стихотворное маранье за произведеніе самого Ткачева? Какъ я могъ сразу же не понять, что такая болтливая, искусственно подогрѣвающая себя чета не можетъ представлять изъ себя серьезнаго писателя съ его женой? Но вѣдь квартира Шебуновъ была мнѣ указана, какъ его квартира, и они не разубѣждали меня, когда я протянулъ имъ рекомендацію Мышкина, адресованную Ткачеву, а только оставили ее нетронутой на столѣ.

— Вы, очевидно, ошиблись квартирой!—сказалъ мнѣ Ткачевъ, какъ только затворилась за нами дверь.

— Нѣтъ, мнѣ указалъ ее Рождественскій.

— А, Рождественскій!—сказалъ онъ равнодушно.—Теперь понимаю! Мы съ нимъ встрѣчались только за табльдотомъ въ отель дю Норъ, и онъ ни разу не былъ здѣсь у меня. Но все же ему слѣдовало бы лично провести васъ ко мнѣ.

— Мнѣ показалось, что онъ стѣсняется.

— Совершенно напрасно. Изъ-за его стѣсненія, какъ я вижу, вамъ пришлось выдержать цѣлую баню, да еще, повидимому, претерпѣть и заемъ денегъ, если я не ошибаюсь, судя по ихъ послѣднимъ словамъ.

— Пустяки! Деньги они обѣщали отдать черезъ двѣ недѣли, а просидѣлъ я между ними дѣйствительно цѣлыхъ два часа, и теперь у меня болитъ шея отъ постояннаго поворачиванія головы отъ одного къ другому. Еще ни разу въ жизни не видалъ я такихъ удивительныхъ супруговъ. Они какъ будто срослись вмѣстѣ и даже мыслятъ коллективно.

— Да, они все дѣлаютъ вмѣстѣ, даже стихи. Вѣрно, они читали уже вамъ своихъ знаменитыхъ „Волковъ и овецъ"?

— Какъ же!—отвѣтилъ я, весь покраснѣвъ отъ ожиданія, что вотъ сейчасъ онъ меня спроситъ: и неужели вы повѣрили, что это мои?

Но онъ, повидимому, даже и не подумалъ сдѣлать такое сопоставленіе. Мы съ нимъ поднялись этажомъ выше въ его квартиру, гдѣ вышла къ намъ навстрѣчу очень красивая и довольно высокая, полная блондинка съ длинной висящей косой. Въ ней было что-то необыкновенно привлекательное и дѣвичье. Взглянувъ на нее, вы сейчасъ же подумали бы: какая славная дѣвушка; вамъ и въ голову не пришло бы, что она замужняя женщина. Это именно и была жена Ткачева, урожденная Дементьева.

У нихъ все было противоположно тому, что я видѣлъ у Шебуновъ. Привѣтливо горѣли угли въ каминѣ небольшой комнаты, слабо освѣщенной лишь лампою съ зеленымъ абажуромъ, стоящей на столѣ въ противоположномъ углу. Все здѣсь было такъ уютно, по-домашнему. Мы втроемъ сѣли передъ каминомъ.

— Я очень обезпокоенъ,—сказалъ Ткачевъ, обращаясь къ своей женѣ,—что Шебуны успѣли уже занять у него денегъ. Они, конечно, никогда ему не отдадутъ. А самое неловкое для меня это то, что онъ далъ имъ, думая, что Николай Шебунъ это—я.

— Ахъ, какъ это неловко!—съ явнымъ огорченіемъ сказала его жена.—Ты бы сбѣгалъ сейчасъ же и взялъ у нихъ обратно.

— Но они не отдадутъ, если я пойду одинъ! Можетъ быть, мы пойдемъ вмѣстѣ?—обратился онъ ко мнѣ,—и вы имъ скажете, что давали мнѣ, а ихъ совсѣмъ не знаете. Тогда я настою на томъ, чтобы отдали.

— Но развѣ они такіе дурные люди?

— Не дурные,—отвѣчалъ онъ,—а хуже этого—безалаберные. Я увѣренъ, что и теперь они взяли у васъ съ увѣренностью, что

когда-нибудь отдадутъ, но на дѣлѣ никогда этого не исполнятъ, а когда они получатъ изъ Россіи деньги, то прежде всего употребятъ ихъ на себя, а вамъ будутъ обѣщать возвратъ до конца своей жизни. Такъ пойдемте къ нимъ взять обратно? При мнѣ они не рѣшатся вамъ отказать!

— Да нѣтъ, нѣтъ, мнѣ теперь эти деньги даже и не нужны,— запротестовалъ я.—Потомъ, когда понадобятся!..

— Тогда ужъ поздно будетъ, и они вамъ скажутъ: рады бы отдать, да у самихъ ничего нѣтъ. А сейчасъ они не могутъ сказать этого! Пойдемте лучше.

Мнѣ стало очень неловко. Деньги были даны мнѣ нашимъ обществомъ пропагандистовъ въ Петербургѣ на мое собственное прожитіе, и я думалъ поступить на нихъ въ женевскій университетъ. Я зналъ, кромѣ того, что они не были бы никогда ассигнованы на простую субсидію Шебунамъ, о которыхъ мои товарищи не имѣли даже и представленія. Значитъ, теперь я просто растратилъ ихъ.

Однако мысль пойти и взять обратно разъ данное мною была совершенно невыносима. Какъ же я взгляну имъ въ глаза? Нѣтъ! Лучше ужъ я сокращу до крайняго минимума свои собственныя траты. Притомъ же зачѣмъ думать о людяхъ дурно?

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ я ему.—Я рѣшительно отказываюсь отъ вашего предложенія. То, что я далъ, я не беру обратно. Виноватъ только я одинъ. Вы тутъ не при чемъ.

Ткачевъ внимательно взглянулъ на меня.

— Хорошо,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Не будемъ больше говорить объ этомъ! Разскажите лучше о себѣ и о Россіи. Мышкинъ пишетъ, что вы много ходили въ народъ. Какіе ваши выводы?

— Главный выводъ тотъ, что никакая широкая идейная дѣятельность на благо народа немыслима въ Россіи, пока въ ней нѣтъ свободы слова и печати, и что гражданской свободы у насъ не будетъ при теперешнихъ порядкахъ.

Его глаза радостно заблистали.

— Я тоже давно такъ думаю и даже мечталъ издавать журналъ по этой программѣ. Значитъ, вы думаете, что теперь ходить въ народъ не нужно?

— Наоборотъ! Нужно! Это прежде всего очень интересно. Никто не можетъ сказать, что знаетъ народъ, пока самъ не побывалъ въ немъ. А затѣмъ, ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ абсолютной необходимости гражданской свободы, какъ по-

пытки пропаганды новыхъ идей въ народѣ и среди рабочихъ при противодѣйствіи правительства.

— Понимаю, — сказалъ онъ, — хожденіе въ народъ представляется вамъ первой стадіей подготовки заговорщика-республиканца?

— Да, именно. Вотъ почему я всей душой и сочувствую теперешнему лозунгу: въ народъ.

— Вы,—сказалъ онъ,—единственный здѣсь въ Женевѣ, смотрящій на дѣло съ такой точки зрѣнія. Впрочемъ, нѣтъ, я второй. Я тоже стою за хожденіе въ народъ, видя въ этомъ лучшую школу для революціоннаго движенія. Но другіе всѣ дѣлаютъ изъ средства цѣль и даже говорятъ: забудьте все, чему васъ учили, опрощайтесь умственно и морально. А по-моему, наоборотъ, интеллигенція должна поднимать полуграмотную массу до себя, а не опускаться до нея.

— Я тоже съ самаго начала движенія говорилъ, что пропаганда республиканскихъ идей нужна не среди однихъ крестьянъ, а и во всѣхъ слояхъ общества.

— Да, конечно,—согласился онъ,—и прежде всего въ интеллигенціи! И пусть всякій, кто любитъ народъ, сейчасъ же идетъ въ него. Пусть всѣ убѣдятся своими глазами, а не съ чужого голоса, какъ онъ нуждается въ сочувствіи и какъ безпомощенъ онъ, предоставленный самому себѣ. Такой человѣкъ вернется изъ народа черезъ нѣсколько времени убѣжденнымъ заговорщикомъ, а ихъ-то теперь и надо для Россіи.

Такъ мы говорили у камина до поздняго вечера. Я возвратился въ свой отель въ полномъ восторгѣ отъ этого талантливаго человѣка.

IV.

Первыя впечатлѣнія эмигрантской жизни.

Всю ночь я промечталъ на своей постели въ отелѣ дю Норъ и въ слѣдующее утро, едва напившись кофе съ Рождественскимъ въ табльдотѣ, прежде всего отправился въ русскую типографію, адресъ которой мнѣ далъ вчера Ткачевъ, говоря, что тамъ я могу найти нужнаго мнѣ Гольденберга скорѣе, чѣмъ на его собственной квартирѣ. Добравшись до желаемаго дома по указаніямъ встрѣчныхъ, я вошелъ, во второмъ его этажѣ, въ небольшую квартирку съ голыми стѣнами безъ обоевъ и всякой мебели. У окна и около стѣнъ стояли высокія некрашенныя конторки съ

верхами, раздѣленными на нѣсколько рядовъ клѣточекъ, и я понялъ, что это были наборныя кассы, въ клѣточкахъ которыхъ находился шрифтъ. Въ углу у дверей лежала цѣлая груда отпечатанныхъ уже большихъ листовъ бумаги, но почти всѣ они были помяты и лежали въ безпорядкѣ.

Какъ полагается въ подобныхъ случаяхъ, я кашлянулъ нѣсколько разъ, но никто не вышелъ ко мнѣ изъ сосѣдней комнаты, хотя дверь въ нее и была отперта настежь и тамъ я слышалъ легкій шорохъ человѣка. Я нерѣшительно направился туда и, подойдя къ дверямъ, увидѣлъ за ними вторую, совершенно такую же комнату, съ такими же кассами и съ еще большей кучей мятой бумаги въ углу.

Но тутъ были и прибавки: у стѣны стояли три табурета, небольшой деревянный столикъ, а на немъ чайникъ надъ спиртовой лампочкой, три стакана и свертокъ желтой бумаги съ какими-то съѣстными припасами. Около одной изъ кассъ, въ профиль ко мнѣ, стоялъ человѣкъ средняго роста и средняго возраста, въ сюртукѣ, съ круглой головой, въ круглыхъ очкахъ и съ шапкой черныхъ курчавыхъ волосъ на головѣ.

Онъ, очевидно, весь былъ поглощенъ корректурой страницы набора, лежащаго передъ нимъ на дощечкѣ на одной изъ кассъ. Онъ вытаскивалъ изъ нихъ щипчиками свинцовые столбики-буквы и, выбрасывая ихъ въ различныя отдѣленія кассы, замѣнялъ новыми изъ другихъ клѣточекъ. Видъ у него былъ сосредоточенный на своемъ дѣлѣ и разсѣянный по отношенію ко всему окружающему. Онъ совершенно не замѣчалъ меня.

„Очевидно, очень идейный человѣкъ!—пришло мнѣ въ голову.—Живетъ своимъ внутреннимъ міромъ“.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я, наконецъ,—не вы ли Гольденбергъ?

Онъ быстро повернулъ ко мнѣ голову, какъ будто разбуженный отъ сна, и, посмотрѣвъ на меня черезъ очки своими, видимо, близорукими глазами, отвѣтилъ:

— Я!

— А я изъ Петербурга,—сказалъ я ему, протягивая рекомендательную записку.

— Знаю, знаю!—воскликнулъ онъ радостно.—Мнѣ уже писали о васъ,—и онъ крѣпко пожалъ мою руку, а потомъ заключилъ въ объятія и расцѣловалъ.

Я былъ очень растроганъ и обрадованъ такимъ пріемомъ. Я ѣхалъ, какъ мнѣ казалось, куда-то въ невѣдомую даль, къ чужимъ, суровымъ людямъ, и вдругъ сразу же встрѣтилъ и со

стороны Ткачева и здѣсь такой пріемъ, какъ будто мы были давнишними друзьями.

Гольденбергъ тѣмъ временемъ прочелъ мою рекомендательную записку, держа ее у самыхъ глазъ, потомъ обернулся снова ко мнѣ и, осмотрѣвъ меня внимательно, сказалъ:

— А я васъ представлялъ совсѣмъ въ другомъ видѣ!

Я улыбнулся, сразу догадавшись.

— Вѣрно, считали меня много старше?

— Да!—отвѣтилъ онъ откровенно.—Но это ничего не значитъ! Быть моложе лучше! Больше свѣжихъ силъ, еще не помятыхъ жизнью!

Это было мнѣ страшно пріятно слышать. Я тоже привыкъ считать свою молодость самымъ слабымъ своимъ мѣстомъ.

— И неужели вы уже столько ходили въ народѣ?—продолжалъ онъ.—Когда у насъ затѣвался рабочій журналъ, то главное затрудненіе было въ томъ, что никто изъ насъ не жилъ въ народѣ и не умѣлъ выражаться его языкомъ. Изъ Петербурга обѣщали прислать намъ васъ. Говорили, что вы исходили половину Россіи и притомъ во всевозможныхъ видахъ.

— Какая же половина Россіи? Все это легенды. Былъ только въ пяти губерніяхъ, да и то не подолгу. Но по-народному выражаться все же умѣю.

— Вотъ этого-то намъ и недоставало до сихъ поръ!—убѣжденнымъ тономъ замѣтилъ онъ.

Затѣмъ, усадивъ меня на одинъ изъ табуретовъ, онъ началъ разспрашивать меня о Россіи, о новыхъ кружкахъ и настроеніяхъ, о нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ и о моихъ приключеніяхъ въ народѣ. Я вкратцѣ сообщилъ ему, какъ и вчера Ткачеву, все, что со мною было и что зналъ объ остальныхъ, ходившихъ въ народъ и теперь почти поголовно арестованныхъ.

— Да,—сказалъ онъ,—честь и слава ихъ почину. Теперь движеніе въ народъ и внутри самого народа уже не остановится. На смѣну погибшимъ пойдутъ другіе со свѣжими силами. Много отсюда молодежи уже уѣхало передъ самымъ вашимъ пріѣздомъ! Если бы вы задержались немного въ Москвѣ, вы встрѣтили бы тамъ десятка два замѣчательно хорошихъ бернскихъ студентокъ, отправившихся въ Россію для того, чтобы замѣнить арестованныхъ въ этомъ году.

Это для меня было совершенно ново.

„Значитъ,—подумалъ я,—готовится новый штурмъ въ этомъ самомъ направленіи!“

— Онѣ тоже хотятъ итти въ деревню какъ крестьянки?—спро-

силъ я, думая, какъ будетъ трудно для нашихъ чистенькихъ студентокъ приспособиться къ условіямъ крестьянской жизни, и инстинктивно почесывая у себя въ головѣ, гдѣ еще кусали меня остатки бѣлаго населенія, пріобрѣтеннаго мною въ деревняхъ.

— Да! Именно!

— Въ деревняхъ имъ будетъ очень трудно, и едва ли онѣ тамъ долго останутся. Жить тамъ можно только намъ, мужчинамъ, а имъ я посовѣтовалъ бы лучше заняться съ рабочими, поступать на фабрики и заводы, живя на собственныхъ квартирахъ. Но и это я считаю лишь подготовкой для предстоящей намъ теперь самимъ огромной борьбы съ тѣмъ строемъ, который, пока существуетъ, будетъ ставить всѣ препятствія къ движенію интеллигенціи въ народъ или ея сліянію съ народомъ.

— Нашъ простой народъ по природѣ анархиченъ,—отвѣтилъ онъ.—Ему надо все или ничего, онъ не понимаетъ никакихъ компромиссовъ. Онъ не понимаетъ частнаго землевладѣнія. Для народа земля есть Божій даръ и потому принадлежитъ лишь тому, кто ее обрабатываетъ своими собственными руками, и только до тѣхъ поръ, пока онъ обрабатываетъ ее. Кто пересталъ, долженъ отдать ее другому, желающему на ней работать. Поэтому, если мы желаемъ, чтобъ крестьянинъ насъ слушалъ, нужно говорить ему больше о землѣ. А рабочимъ надо прежде всего говорить о томъ, что фабрики и заводы должны принадлежать тѣмъ, кто на нихъ работаетъ собственными руками.

Итакъ, пришло мнѣ въ голову, слушая его, люди вездѣ одинаковы: и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и за границей! Все то, что говорили мнѣ Кравчинскій и Алексѣева, говорится и здѣсь.

— Въ Женевѣ теперь,—продолжалъ онъ,—живутъ изъ русскихъ эмигрантовъ главнымъ образомъ федералисты, придерживающіеся анархическихъ воззрѣній. Лавристы переѣхали съ Лавровымъ въ Лондонъ, а бакунисты живутъ главнымъ образомъ въ Цюрихѣ, хотя самъ Бакунинъ поселился въ Локарно, на границѣ Италіи, въ имѣніи, предоставленномъ ему однимъ молодымъ итальянскимъ графомъ Кафьеро, горячимъ его сторонникомъ. Оттуда они, кажется, затѣваютъ поднять въ Италіи возстаніе.

— Да вѣдь Бакунинъ тоже анархистъ-федералистъ?

— Да, но наши женевскіе съ нимъ въ личной ссорѣ. Говорятъ, что онъ велъ себя съ ними не по-товарищески, скрывая отъ нихъ свое знакомство съ Кафьеро.

— Но какъ же можно изъ-за личныхъ отношеній раскалываться на двѣ партіи?—съ изумленіемъ воскликнулъ я.—Вѣдь отъ этого вредъ всему дѣлу.

Онъ взглянулъ на меня исподлобья своими выпуклыми, близорукими глазами и сказалъ:

— Правдивое, искреннее дѣло можетъ создаваться прочно только правдивыми, искренними людьми. Скрывать отъ товарищей что-либо значитъ оскорблять ихъ.

— Съ первымъ вашимъ положеніемъ я согласенъ,—отвѣтилъ я,—но со вторымъ нѣтъ. Вѣдь всякій секретъ есть тягость на душѣ хранящаго его. Передать его другому не значитъ ли перенести тяжесть на другую душу, даже не облегчивъ своей? Поэтому, если мнѣ довѣренъ чей-нибудь секретъ, я долженъ самъ и хранить его! Если же я не сохранилъ его, а потихоньку передалъ другому, и тотъ въ свою очередь получилъ право потихоньку передать его третьему. Третій передастъ четвертому, и въ концѣ-концовъ секретъ дойдетъ и до самого того, отъ кого его предполагалось хранить. И кого же тогда обвинить за провалъ дѣла?

— Конечно, послѣдняго!—сказалъ Гольденбергъ, подумавъ.

— А я въ этомъ случаѣ всегда виню перваго. Это онъ разболталъ. Остальные менѣе виноваты, потому что они разболтали уже разболтанное.

Я вынулъ ему свою записную книжку и показалъ тамъ зашифрованные адреса.

— Вотъ тутъ адреса, которые я долженъ хранить. Никто не знаетъ ихъ шифра, кромѣ меня. Развѣ это признакъ моего недовѣрія къ друзьямъ?

— Вотъ, вотъ!—воскликнулъ радостно Гольденбергъ.—Именно такъ и поступалъ Бакунинъ и въ результатѣ растерялъ всѣхъ своихъ друзей! Это же будетъ и съ вами! Я вамъ заранѣе предсказываю: вы здѣсь сразу пріобрѣтете массу друзей, а потомъ черезъ полгода, при такихъ вашихъ правилахъ, всѣхъ растеряете!

— Значитъ, здѣсь у всѣхъ разбитыя души?—спросилъ я.

— А чего же вы хотите другого?—сказалъ онъ.—Здѣсь собрались люди, бѣжавшіе изъ Россіи, а бѣжали они, конечно, не потому, что осуществились ихъ лучшія надежды, не потому, что они достигали всего, къ чему стремились. Бѣгутъ лишь отчаявшіеся въ возможности своей личной побѣды, и чѣмъ больше они вѣрили въ нее, тѣмъ сильнѣе были разбиты ихъ сердца, передъ тѣмъ какъ они съ отчаяніемъ рѣшились покинуть родину. Вы въ другомъ положеніи. Васъ сюда прислали товарищи и, насколько я могу судить по первому впечатлѣнію, вы не долго здѣсь останетесь. Но, насколько возможно, вы должны встрѣчать здѣсь всѣхъ съ открытымъ забраломъ, не тая отъ друзей какихъ-нибудь своихъ замысловъ.

Гольденбергъ мнѣ очень понравился своею искренностью. Онъ внимательно и не перебивая выслушивалъ всѣ мои доводы и отвѣчалъ на нихъ обдуманно, а не какъ попало, подобно профессіональнымъ спорщикамъ.

„Мнѣ надо,—думалъ я,—стараться смягчать всякія противорѣчія и мелкія разногласія между заграничными революціонными дѣятелями, никогда не путаться въ ихъ полемики, отмѣчать имъ не пункты ихъ разногласія со мною и между собою, а наоборотъ, пункты согласія; однимъ словомъ, скрѣплять связь всѣхъ для общаго дѣла, а не расшатывать ее“...

Я уже видѣлъ изъ словъ Гольденберга и впечатлѣній у Шебуна и Ткачева, что это здѣсь было особенно нужно.

„Буду же хорошъ со всѣми,—продолжалъ я думать, пока Гольденбергъ, посмотрѣвъ на свои часы, попросилъ у меня позволенія окончить страницу корректуры и вновь началъ вынимать буквы изъ набора своими щипчиками.—Буду помогать всѣмъ во всемъ хорошемъ, что они задумаютъ, не считаясь съ личными отношеніями“. Гольденбергъ, окончившій въ это время корректированіе, вновь посмотрѣлъ на свои часы.

— Уже больше двѣнадцати!—замѣтилъ онъ.—Мы опоздали къ обычному обѣду, но намъ дадутъ особо. Сейчасъ пойдемъ въ Кафе-Грессо, тамъ въ это время мы найдемъ почти всю нашу компанію. Ресторанъ этотъ служитъ мѣстомъ нашихъ ежедневныхъ свиданій. Тамъ вы обратите вниманіе прежде всего на Жуковскаго, старѣйшаго изъ здѣшнихъ эмигрантовъ, потомъ на Ралли и Эльснитца. Они люди съ литературными дарованіями. Они будутъ главными писателями *Работника* и составятъ вмѣстѣ съ вами редакціонный комитетъ. Вѣдь вы будете рѣшать всѣ вопросы коллективно, по-товарищески?

— Конечно.

— Я это такъ и зналъ и потому еще раньше вашего пріѣзда говорилъ съ ними объ этомъ, иначе они не согласились бы.

— Очень хорошо!—обрадовался я, окончательно почувствовавъ, что дѣло для меня будетъ не такъ трудно, какъ я себѣ представлялъ, уѣзжая за границу, на основаніи словъ Кравчинскаго, не сказавшаго мнѣ, что дѣло уже наполовину налажено переговорами Гольденберга съ женевскими эмигрантами.

— А вы сами,—спросилъ я,—примете участіе въ редакціи?

— Я не писатель,—я буду ея секретаремъ и типографщикомъ.

Мы пошли по грязнымъ отъ ненастнаго дня женевскимъ улицамъ на знакомую уже мнѣ „Террассьерку“ и въ самомъ ея на-

чалѣ вошли въ небольшой ресторанъ, надъ дверями котораго золотыми буквами было написано „Café Gressôt. Тамъ общій обѣдъ уже кончился и происходила по какому-то случаю маленькая послѣобѣденная выпивка въ задней комнатѣ, въ которую вела отворенная дверь изъ главной, гдѣ мы теперь были. Оживленные русскіе голоса кричали тамъ:

— Жуковскій! Жуковскій! Запѣвайте карманьолу.

Подойдя къ двери, мы съ Гольденбергомъ увидѣли на срединѣ комнаты длинный столъ, на которомъ стоялъ боченокъ краснаго вина, а кругомъ него, съ полунаполненными стаканами, въ разныхъ позахъ сидѣло человѣкъ пятнадцать эмигрантовъ, исключительно мужчины различныхъ возрастовъ.

Никто изъ нихъ не обратилъ на насъ вниманія, очевидно зная лично Гольденберга и считая меня за какого-либо случайно зашедшаго сюда пообѣдать женевскаго студента.

Изъ-за средины стола всталъ, выпрямившись во весь ростъ и закинувъ вверхъ голову, сухой, жилистый смуглый человѣкъ съ черными сверкающими глазами и впавшими щеками. Сильно жестикулируя руками, онъ запѣлъ историческую крестьянскую пѣсню французской великой революціи:

Dansons la carmagnole—vive le son, vive le son—
Dansons la carmagnole—vive le son du canon!
Que faut-il aux républiquains?
Que faut-il aux républiquains?

Всѣ присутствовавшіе подхватили хоромъ:

La liberté du genre humain!
La liberté du genre humain!

Смуглый человѣкъ вновь запѣлъ одинъ свой прежній вопросъ:

Que faut-il aux républiquains?
Que faut-il aux républiquains?

А остальные, какъ прежде, хоромъ отвѣчали:

L'égalité du genre humain!
L'égalité du genre humain!

Смуглый человѣкъ—это и былъ Жуковскій—энергичнымъ голосомъ запѣлъ вновь свой вопросъ:

Que faut-il aux républiquains?
Que faut-il aux républiquains?

И вся компанія загремѣла ему въ отвѣтъ:

Fraternité du genre humain!
Fraternité du genre humain!

Все это для меня, выросшаго среди русскихъ порядковъ, было чрезвычайно ново и интересно. „Вотъ она,—думалъ я,—истинная свобода слова! Вотъ она, страна Вильгельма Телля! Здѣсь нѣтъ никакой узды на человѣческую мысль, здѣсь не боятся человѣческаго голоса! Говори и пой все, что тебѣ нравится!“ Боже мой, какъ хорошо стало у меня на душѣ! Вся она ликовала.

„Привѣтъ тебѣ, Вильгельмъ Телль, вольный стрѣлокъ!—говорилъ я внутренно.—И пусть твои духовныя дѣти придутъ скорѣе и въ другія страны и выведутъ ихъ, какъ ты свою Швейцарію, къ свѣту и свободѣ!“

Эта небольшая особая комнатка типическаго французскаго кафе была для меня живымъ образчикомъ минувшихъ якобинскихъ собраній почти сто лѣтъ тому назадъ, а Жуковскій, съ такимъ жаромъ пѣвшій тогдашнюю народную пѣсню, напоминалъ мнѣ якобинскаго предводителя французскихъ санкюлотовъ, засѣдающихъ въ своемъ кабарэ. Это пронеслось у меня въ воображеніи въ то время, когда еще не окончилось пѣніе и я стоялъ, незамѣченный никѣмъ изъ поющихъ, въ дверяхъ ихъ комнаты.

Но вотъ послѣдніе звуки замерли, и взглядъ Жуковскаго, пробѣжавъ по всей группѣ собесѣдниковъ, сразу остановился на мнѣ, еще незнакомомъ ему человѣкѣ. И, какъ это всегда бываетъ, всѣ остальные глаза невольно направились въ ту же самую сторону, и всѣ головы повернулись ко мнѣ.

— Господа!—сказалъ имъ мой спутникъ, Гольденбергъ,—вотъ новый нашъ товарищъ, только что пріѣхавшій изъ Россіи, прямо изъ народа, исходивъ подъ видомъ крестьянина нѣсколько губерній.

Я поздоровался со всѣми за руки, обойдя кругомъ столъ. Всѣ назвали мнѣ свои фамиліи, а я сейчасъ же растерялъ ихъ изъ своей головы, кромѣ фамиліи высокаго, худого и чрезвычайно нервнаго блондина, Ралли, и невысокаго человѣка съ серьезными чертами лица, назвавшагося Эльснитцемъ. Я ихъ невольно отмѣтилъ среди остальныхъ, такъ какъ уже зналъ ранѣе, что это мои будущіе соредакторы.

Всѣ хоромъ принялись разспрашивать меня о народѣ и о моихъ впечатлѣніяхъ въ немъ, а я просто удивился самому себѣ! Такъ легко мнѣ было теперь все разсказывать, послѣ того какъ уже нѣсколько разъ сдѣлалъ это передъ всѣми другими новыми знакомыми! Отъ практики выработалась какая-то опредѣленная

послѣдовательность образовъ, какъ будто какой-то внутренній суфлеръ подсказывалъ мнѣ за нѣсколько секундъ ранѣе каждую фразу, которую мнѣ было нужно произнести.

У слушателей получалось впечатлѣніе, какъ будто я говорю это первый разъ и обладаю очень гладкимъ и находчивымъ языкомъ. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, это было не вѣрно. Я никогда не былъ ораторомъ по призванію. На разсказъ о моихъ приключеніяхъ меня можно было вызвать только прямымъ вопросомъ, и если я видѣлъ, что собесѣдника занимаетъ то, что я говорю, я увлекался самъ и продолжалъ охотно разсказъ. Но стоило только мнѣ замѣтить, что собесѣдникъ въ глубинѣ души равнодушенъ, я сейчасъ же умолкалъ, окончивъ начатое какъ можно поскорѣе и покороче.

Но здѣсь всѣ слушали меня съ величайшимъ интересомъ. Къ моему изумленію, я, думавшій быть послѣднимъ среди этихъ ветерановъ революціи, оказался теперь центромъ ихъ общаго вниманія. А что мнѣ представлялось всего удивительнѣе, такъ это то, что никто здѣсь не ставилъ мнѣ въ недостатокъ мою полную безбородость! Здѣсь этого какъ будто совсѣмъ не замѣчали. Всѣ тащили меня къ себѣ на квартиры, и весь день я бѣгалъ отъ одного къ другому.

Ощущеніе, что я здѣсь считаюсь общепризнаннымъ взрослымъ наполняло мою душу новымъ, незнакомымъ мнѣ ранѣе чувствомъ удовлетворенія. Казалось, и въ своихъ собственныхъ глазахъ я теперь достигъ совершеннолѣтія. Я словно вдругъ расцвѣлъ. Я сталъ менѣе замкнутъ въ своихъ мысляхъ.

Я въ первые же дни совершенно вошелъ въ общую колею эмигрантской жизни и перезнакомился со всѣми. Самъ радостно встрѣчая всѣхъ и каждаго, я тоже былъ радостно встрѣчаемъ всѣми и каждымъ. Я, казалось мнѣ, дѣйствительно, становился тѣмъ не выдвигающимся напоказъ сознательнымъ звеномъ, о какомъ я мечталъ въ первый день пріѣзда сюда.

VI.

Тягости редакторскаго званія.

Прошло недѣли три. Я уже давно зналъ хорошо всѣ главныя улицы Женевы и бѣгалъ по ней вездѣ, какъ по знакомому городу, безъ всякихъ разспросовъ у прохожихъ. Особенно понравился мнѣ здѣсь небольшой уединенный островокъ Руссо посрединѣ изумрудныхъ, прозрачныхъ водъ быстро катящейся Роны.

Къ нему велъ узкій пѣшеходный мостикъ. Тамъ подъ навѣсомъ высокихъ плакучихъ ивъ и пирамидальныхъ тополей скрывался въ тѣни памятникъ великому писателю XVIII вѣка. Руссо былъ изваянъ на немъ во весь ростъ и, какъ живой, сидѣлъ задумчиво на грудѣ своихъ книгъ. Кругомъ островка всегда плавали бѣлые лебеди, для которыхъ выстроено было помѣщеніе, а у подножія памятника находилась одинокая скамья, гдѣ по утрамъ, когда всѣ товарищи-эмигранты были заняты своими дѣлами, я сидѣлъ почти каждый день часа по три или четыре, читая книги изъ русской эмигрантской библіотеки. Здѣсь я прочелъ всего Герцена, все, что еще не читалъ изъ Бакунина, и почти всю наличную въ Женевѣ заграничную литературу.

Мы уже проредактировали первый номеръ журнала *Работникъ*, и онъ былъ набранъ въ нашей типографіи, причемъ я принялъ дѣятельное участіе въ наборѣ. Я очень желалъ поскорѣе обучиться этому важному для насъ дѣлу, на случай устройства тайной типографіи въ неприступныхъ ущельяхъ Кавказскихъ горъ, какъ я мечталъ со своими знакомыми, закавказскими студентами, въ Петербургѣ.

Моими товарищами по редакціи оказались Жуковскій, Эльснитцъ и Ралли, да Гольденбергъ, присутствовавшій всегда, какъ секретарь редакціи и главный типографъ, на равноправныхъ съ остальными основаніяхъ. Шебуны же только похвастались мнѣ при первомъ свиданіи, что и они приглашены редактировать *Работникъ*. У нихъ только приняли, еще до моего пріѣзда, статью о ихъ пропагандѣ въ народѣ и уже упомянутое стихотвореніе, производившее, по ихъ словамъ, ошеломляющее впечатлѣніе въ народѣ. Когда на первомъ же редакціонномъ собраніи я узналъ, что это стихотвореніе уже набрано раньше моего пріѣзда, я пришелъ въ настоящій ужасъ.

— Да неужели вы не видите, что помѣстить его значитъ сразу же погубить весь журналъ?—взмолился я.—Неужели вы не видите, что тутъ нѣтъ ни риѳмы, ни смысла?

— Мы всѣ прозаики,—отвѣтилъ Гольденбергъ,—стиховъ писать не умѣемъ и не понимаемъ тонкостей стихосложенія. Но дѣло въ томъ, что стихи эти уже провѣрены опытомъ. Шибуны ихъ читали крестьянамъ, и тѣ очень хвалили, и кромѣ того они страшно обидятся, если мы забракуемъ ихъ стихи.

— Но крестьяне васъ похвалятъ, что вы имъ ни показали бы, если знаютъ, что вы и есть авторъ,—протестовалъ я.—Такая похвала ровно ничего не значитъ. Да вѣдь, кромѣ крестьянъ, журналъ нашъ прочтутъ и товарищи, и что они скажутъ?

— Но кто же сообщитъ Шебунамъ, что ихъ стихи забракованы? Я не согласенъ!—сказалъ Гольденбергъ.

— Если хотите, то я самъ сдѣлаю это,—отвѣтилъ я.—Только, чтобъ ихъ не обидѣть, я пойду и поговорю съ ними мягко и наединѣ и уговорю ихъ взять назадъ.

— Ну это вамъ не удастся! Они опять нападутъ на васъ справа и слѣва,—сказалъ Жуковскій,—и не дадутъ выговорить ни слова.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Эльснитцъ.—Лучше оставимъ наборъ ихъ стиховъ лежать въ цѣлости и скажемъ, что въ первомъ номерѣ нехватило мѣста.

— Присоединяюсь къ этому мнѣнію, какъ къ самому благоразумному,—сказалъ Гольденбергъ.

Въ это время Ралли, котораго, какъ я замѣтилъ, всего передернуло, когда Гольденбергъ сказалъ, что никто изъ нихъ не понимаетъ тонкостей стихосложенія, взялъ корректуру этихъ стиховъ и, прочитавъ ее еще разъ, сказалъ:

— Я прежде изъявилъ на нихъ согласіе Шебунамъ только потому, что при устномъ чтеніи ихъ шероховатости сглаживались, а теперь прямо заявляю: въ печатномъ видѣ они прямо никуда не годны!

— Я думаю,—замѣтилъ я,—лучше прямо сказать Шебунамъ правду, потому что если мы будемъ говорить, что стихи ихъ хороши и только откладываются по недостатку мѣста, то они будутъ терять даромъ время, чтобъ писать и другіе въ томъ же родѣ.

— Но тогда они уже навѣрно не возвратятъ вамъ взятыхъ у васъ денегъ!—замѣтилъ, нервно улыбаясь, Ралли.

— Не возвратятъ и безъ того!—сказалъ Жуковскій.—Онъ давно уже зналъ объ этомъ займѣ у меня, такъ какъ Ткачевъ уже всѣмъ разсказалъ къ тому времени о моемъ приключеніи у Шебуновъ. Самъ же я не разсказывалъ объ этомъ никому.

— Все равно, возвратятъ или нѣтъ. Мнѣ только не хочется быть неискреннимъ съ людьми, относительно которыхъ я не знаю ничего дурного.

— Въ такомъ случаѣ скажите, что всѣ мы коллективно находимъ стихи неподходящими,—замѣтилъ Жуковскій,—исключительно потому, что нашъ журналъ будетъ читать и интеллигенція, а не одни крестьяне.

Я побѣжалъ къ Шебунамъ въ тотъ же вечеръ, такъ какъ еще въ гимназіи теоретически пришелъ къ заключенію, котораго потомъ держался и всю жизнь, что если необходимо сдѣлать

что-нибудь тяжелое, трудное, непріятное, чего никакъ не можешь избѣжать, то надо дѣлать это какъ можно скорѣе, чтобъ потомъ было легче на душѣ. Притомъ же я зналъ уже, какъ плохо здѣсь держатся секреты, и боялся, что кто-нибудь сообщитъ имъ ранѣе меня самого, что я былъ противъ ихъ стиховъ, и тогда выйдетъ для меня много хуже.

Шебуны по обыкновенію зажужжали въ оба мои уха, и, по крайней мѣрѣ, цѣлый томительный часъ прошелъ для меня, прежде чѣмъ я могъ найти моментъ, чтобъ перейти къ дѣлу.

— Сейчасъ было редакціонное собраніе *Работника,* — началъ я.

— Редакціонное собраніе?!—воскликнула *она* съ изумленіемъ и негодованіемъ.

— Редакціонное собраніе?!—воскликнулъ *онъ*.—Почему же не пригласили насъ?

— Почему же не пригласили насъ?—повторила *она*.—Тутъ же и наша статья!...

— Тутъ же наши стихи!—окончилъ *онъ*.—Что же тутъ, буржуазные порядки, что ли, будутъ? Мы, когда давали свои статьи, думали, что всѣ сотрудники будутъ на одинаковыхъ правахъ!

— Что каждый будетъ редактировать свою собственную статью!—перебила *она* его.

— Но позвольте,—сказалъ, наконецъ, я,—вѣдь это же петербургское общество пропаганды дало средства на изданіе и распространеніе журнала и назначило его редакторовъ...

— Какое намъ дѣло до петербургскаго общества пропаганды?—перебила она меня.—Мы желаемъ знать, почему редактируютъ какіе-то Эльснитцы, Жуковскіе и Ралли, никогда не бывавшіе въ народѣ, а мы, опытные пропагандисты...

— А мы опытные пропагандисты,—перебилъ ее онъ,—выброшены за бортъ?

Такимъ образомъ раньше, чѣмъ я успѣлъ заговорить объ ихнемъ стихотвореніи, я уже попалъ въ баню.

Я не буду приводить всего, что они говорили. Читатель можетъ объ этомъ догадаться по приведенному мною началу, изъ котораго я сразу же почувствовалъ, что оба уже знали о томъ, изъ кого состоитъ редакція, и негодовали „на свинское къ себѣ отношеніе“, можетъ быть, уже нѣсколько дней. И все это негодованіе выливалось теперь на меня, единственнаго редактора, противъ котораго они не возражали, такъ какъ я былъ прямо изъ Россіи, что здѣсь очень цѣнилось, и притомъ прямо „изъ народа“.

Но если такъ произошло раньше, чѣмъ я заговорилъ о непринятіи ихъ стихотворенія, то пусть же представитъ себѣ самъ читатель, что̀ случилось, когда я произнесъ искренно-огорченнымъ голосомъ роковыя слова:

— Ваша статья очень понравилась и будетъ помѣщена въ первомъ же номерѣ, но стихи не понравились...

Въ началѣ этой фразы я противъ воли сказалъ неправду, такъ какъ и статья ихъ была посредственна и, повидимому, не очень правдива, судя по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ о народѣ, но я не былъ въ состояніи сказать иначе,—такъ горько и неловко было мнѣ передать имъ о судьбѣ ихъ стихотворенія. Но, несмотря на мой комплиментъ, они оба сразу вскочили со своихъ мѣстъ при моемъ послѣднемъ словѣ.

— Какъ! Стихи *испытанные, испытанные* уже въ народѣ!—кричалъ онъ...

— *Испытанные, испытанные* на опытѣ, въ народѣ!—кричала она...—здѣсь, въ Женевѣ, забраковываются людьми, ничего не смыслящими въ пропагандѣ!...

Оба, отскочивъ отъ меня, даже онѣмѣли отъ изумленія и негодованія, и въ первый разъ стояли передо мною молча, какъ два изваянія укора.

— Но зачѣмъ вамъ ихъ печатать непремѣнно въ *Работникѣ*?—возражаю имъ ласково я.—Оттисните ихъ отдѣльнымъ изданіемъ...

— И оттиснемъ, и оттиснемъ!—съ паѳосомъ закричала *она*.

— И напечатаемъ,—съ паѳосомъ закричалъ онъ.—И очень сожалѣемъ, что связались съ такимъ изданіемъ, ни на что негоднымъ, кромѣ какъ...! Никогда больше не дадимъ въ него никакой...

— Не дадимъ никакой статьи,—закончила она, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на не совсѣмъ вѣжливое употребленіе, которое онъ предложилъ для нашего изданія.—Я знаю, чьи это интриги! Это все іезуитъ Ралли да тихоня Эльснитцъ!

— Но нѣтъ же, нѣтъ же!—восклицалъ я, чувствуя, что необходимо объяснить дѣло начистоту.—Это я первый замѣтилъ въ немъ недостатокъ отдѣлки; помните, я вамъ первымъ указывалъ, что нѣкоторыя риѳмы неправильны, что нужна дополнительная отдѣлка...

— Какая тутъ еще новая отдѣлка, когда мы вдвоемъ обрабатывали въ немъ каждую фразу! Вы тогда говорили глупости.

Я вышелъ отъ нихъ черезъ четыре часа, весь красный, какъ изъ бани. Я говорилъ на каждую ихъ тысячу словъ одну или

двѣ фразы, которыхъ притомъ же не успѣвалъ докончить, и, наконецъ, уже не возражалъ совсѣмъ, чтобы дать имъ возможность высказаться.

Внѣшняя словесная побѣда надо мной, повидимому, нѣсколько облегчила ихъ наболѣвшія души, и мы дѣйствительно напечатали имъ на свой счетъ ихъ стихи отдѣльнымъ изданіемъ, а они ихъ куда-то послали, но все же не могли никогда простить намъ такого „чернаго дѣла". Здѣсь я въ первый разъ почувствовалъ всѣ терніи редакторскаго званія.

„Сколько обидъ, сколько огорченій,—думалъ я, идя домой по пустымъ женевскимъ улицамъ въ три часа ночи,—приходится редакторамъ причинять пишущимъ стихи, сколько разговоровъ даже съ прозаиками объ элементарныхъ правилахъ грамматики! Вотъ я пробылъ у нихъ цѣлыхъ шесть часовъ, и все же ничего не вышло, кромѣ горькой обиды на меня!"

Такъ началось изданіе журнала *Работникъ*.

Чтобы не перебивать моего повѣствованія, я разскажу сейчасъ же и о его дальнѣйшей судьбѣ, такъ какъ исторія его мнѣ кажется очень поучительной во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего обнаружилась полная наша оторванность отъ Россіи и отсутствіе изъ нея какихъ-либо корреспонденцій о мѣстной жизни и дѣятельности, а между тѣмъ для журнала это было крайне необходимо. Приходилось писать корреспонденціи большею частью по воспоминаніямъ или разсказамъ пріѣзжихъ здѣсь же на мѣстѣ. Для перваго номера матеріалъ далъ разсказъ Шебуновъ о ихъ недавней дѣятельности въ народѣ, гдѣ они говорили о себѣ въ третьемъ лицѣ, такъ что выходило, какъ будто о нихъ пишетъ кто-нибудь другой, а не они сами. Съ перваго поверхностнаго взгляда мнѣ это показалось какъ-то неестественнымъ, неискреннимъ. Однако вслѣдъ затѣмъ, когда и мнѣ самому пришлось писать о пропагандѣ въ деревнѣ Потаповѣ, гдѣ надо было говорить о Писаревѣ, о Клеменцѣ и о самомъ себѣ, когда я бѣжалъ изъ своей кузницы въ уединенныя мѣстныя трущобы, я увидѣлъ, что при анонимности статей, которая была принята какъ правило во всѣхъ тогдашнихъ сочиненіяхъ, писать о себѣ иначе, чѣмъ въ третьемъ лицѣ, какъ у Шебуновъ, было совершенно невозможно.

Такимъ образомъ, сама система всеобщей анонимности, принятая тогда во имя коллективизма съ цѣлью не выдвигать впередъ отдѣльныхъ личностей, приводила въ нашей революціонной литературѣ къ замаскированной неестественности, потому что въ нашемъ движеніи дѣйствовала не толпа, а отдѣльныя лица, каждое

на свой собственный страхъ и по своимъ собственнымъ указаніямъ.

Въ результатѣ анонимности появлялись въ тогдашнихъ журналахъ и неизбѣжныя протоворѣчія въ отдѣльныхъ мѣстахъ и номерахъ, такъ какъ разные авторы, конечно, приходили въ деталяхъ своихъ мнѣній къ различнымъ выводамъ. При подписяхъ это было бы ясно: такой-то пришелъ къ этому выводу, а другой къ другому. Но представьте, что подписей нѣтъ, что весь журналъ представляетъ собою какъ бы одну книгу, какъ бы написанъ цѣликомъ однимъ лицомъ? Разнорѣчія становятся тогда въ высшей степени непріятными для читателя.

Редакціи приходится отшлифовывать всѣ статьи по своей собственной мѣркѣ, исключать изъ нихъ все оригинальное, яркое, самобытное.

Такимъ образомъ, крайнее увлеченіе коллективизмомъ приводило въ заграничной литературѣ къ идейной диктатурѣ редакціи надъ сотрудниками. Посягнуть на этотъ принципъ осмѣлились лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемаго мною времени. И вотъ, благодаря такому принципу, и мнѣ самому, какъ я уже сказалъ, пришлось писать о себѣ не такъ, какъ побуждалъ меня мой внутренній инстинктъ правдивости и естественности, не такъ, какъ мнѣ самому хотѣлось бы выражаться, а по навязанной мнѣ извнѣ шаблонной формѣ. Вмѣсто простодушнаго „я пошелъ“, „я увидѣлъ“, мнѣ пришлось въ своихъ статьяхъ выражаться манерно: „кузнецъ Морозовъ пошелъ“, „кузнецъ Морозовъ увидѣлъ“, причемъ слово „кузнецъ“ я прибавлялъ, какъ свою главную профессію въ народѣ, что было одобрено и всѣми моими соредакторами.

— Пора уже каждому изъ насъ, народниковъ,—сказалъ Жуковскій, когда я прочелъ въ собраніи свое изложеніе,—причислить себя къ какому-нибудь ремеслу и опредѣлять себя прежде всего по нему, а не то, что называть себя какими-то писателями, профессорами, инженерами, докторами и тому подобными буржуазными званіями.

— Но вѣдь такія профессіи останутся и въ будущемъ соціалистическомъ и въ анархическомъ строѣ,—возразилъ я.—Вѣдь тамъ тоже будутъ учителя, профессора, инженеры!

— Нѣтъ! Никогда!—воскликнулъ Жуковскій со своимъ обычнымъ драматическимъ воодушевленіемъ.—Тогда всѣ должны заниматься прежде всего какимъ-нибудь физическимъ трудомъ, а только потомъ, когда онъ окончитъ, можно будетъ посвящать избытокъ времени умственной работѣ. У всѣхъ должны быть руки

въ мозоляхъ! Когда начнется соціальная революція, и я пойду въ толпѣ возставшаго народа по городскимъ улицамъ, я прежде всего потребую, чтобъ останавливали каждаго и заставляли его показывать свои ладони.—Въ мозоляхъ ладони?—Иди съ миромъ своей дорогой!—Безъ мозолей?—Au mûr! (т.-е. къ стѣнѣ на разстрѣлъ).

И онъ театрально показалъ руками на нашу стѣну, воображая ее уличной.

Лукавая мысль промелькнула у меня въ головѣ.

— Покажи-ка, Жукъ, твою руку!—сказалъ я ему съ такимъ видомъ, какъ будто замѣтилъ на ней что-то особенное. (Мы въ это время уже были на „ты".)

— Что такое?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, разсматривая ее самъ и въ то же время протягивая мнѣ.

Я посмотрѣлъ на ея ладонь и тѣмъ же, какъ онъ, патетическимъ тономъ и такъ же протянувъ въ пространство свою лѣвую руку воскликнулъ:

— Нѣтъ мозолей! Au mûr! (къ стѣнѣ!)

Всѣ расхохотались. Жуковскій въ первое мгновеніе совершенно растерялся, но черезъ нѣсколько минутъ оправился и воскликнулъ также патетически и качая грустно своей головой:

— Да! къ стѣнѣ! Меня перваго! Къ стѣнѣ стараго Жука, у котораго тоже нѣтъ мозолей на рукахъ!

Но, несмотря на такой выходъ изъ труднаго положенія, онъ весь этотъ вечеръ оставался опечаленнымъ и смущеннымъ; фраза о мозоляхъ на рукахъ была давно однимъ изъ его самыхъ эфектныхъ козырей въ разговорѣ и теперь приходилось съ нею разстаться. Онъ чувствовалъ, что какъ только онъ ее скажетъ въ будущемъ, всѣ теперь будутъ требовать у него того же, что и я, и драматическое обратится въ комическое.

Однако онъ нисколько не разсердился на меня. Какъ всѣ люди, слишкомъ грозные въ теоріи, онъ былъ очень добродушенъ на дѣлѣ и, конечно, въ случаѣ возстанія никого бы не растрѣлялъ.

VII.

Радости и тревоги первой печатной статьи.

Еще прежде чѣмъ вышелъ первый номеръ *Работника*, я втайнѣ отъ всѣхъ живущихъ на земномъ шарѣ написалъ большую статью подъ названіемъ „Даниловское дѣло" и послалъ ее въ главный изъ тогдашнихъ заграничныхъ соціалистическихъ

журналовъ *Впередъ*, издававшійся въ Лондонѣ дважды въ мѣсяцъ подъ редакціей Лаврова.

Не сказалъ я объ этомъ никому, такъ какъ никогда ничего еще не печаталъ и очень боялся, что моя статья будетъ забракована, какъ ни на что негодная. Причина такой боязни у меня была совершенно понятна. Когда я читалъ какую-нибудь чужую статью, я узнавалъ изъ нея всегда что-нибудь новое для себя, и потому она казалась мнѣ важной и интересной. Когда я читалъ свою только что написанную статью, въ ней никогда не заключалось для меня рѣшительно ничего неизвѣстнаго, и потому субъективно она казалась мнѣ никому ненужной, т.-е. хуже всякой самой плохой чужой. Профессіональные писатели казались мнѣ такими глубокомысленными, что мои собственныя литературныя попытки, думалъ я, должны показаться имъ прямо дѣтскими. Редакторамъ стыдно будетъ помѣстить ихъ въ свой журналъ...

„Но вѣдь здѣсь,—думалось мнѣ, съ другой стороны,—въ изложеніи пропаганды въ Даниловскомъ уѣздѣ я описываю не одни свои собственныя приключенія и мысли, а также и дѣятельность другихъ, которая дѣйствительно очень важна и интересна. Поэтому Лавровъ, хоть и очень ученый человѣкъ, не можетъ слишкомъ удивиться тому, что я ему посылаю такую мало интересную статью. А кромѣ того, вдругъ и мои собственныя мысли покажутся ему заслуживающими тисненія?

И вотъ, съ замираніемъ сердца, раннимъ утромъ, чтобъ никто не видѣлъ и не спросилъ, я отнесъ свою рукопись на почту, вложивъ въ нее коротенькое письмо къ Лаврову. „О себѣ я пишу здѣсь отъ своего лица,—извѣщалъ я его,—но если при анонимности всѣхъ статей это неудобно, то прошу замѣнить вездѣ слово „я“ моей фамиліей“.

Если они оставятъ мою статью ненапечатанной и незаслуживающей даже отвѣта, думалъ я, то я никому не скажу объ этомъ. Это останется моей тайной на всю жизнь. Но во мнѣ все же таилась надежда.

Новый номеръ *Впередъ* дошелъ до Женевы черезъ четыре дня послѣ моей посылки, и въ немъ, конечно, не могли ее помѣстить. Мнѣ предстояли еще двѣ томительныя недѣли до полученія слѣдующаго номера.

Въ это время я попрежнему бѣгалъ по женевскимъ эмигрантамъ, разговаривалъ съ ними обо всемъ, набралъ въ типографіи для *Работника* свою собственную статью и съ великимъ наслажденіемъ прочелъ ее въ корректурѣ. Въ печатномъ видѣ она по-

казалась мнѣ куда лучше,—совсѣмъ настоящей статьей, какъ и всѣ другія, а не то, что въ рукописи, когда она была какъ простое письмо, которое умѣетъ написать всякій. Но нашъ *Работникъ* казался мнѣ не то, что *Впередъ*, о которомъ знаетъ вся интеллигентная Россія. Статья тамъ совсѣмъ другое дѣло, и потому понятно было и мое внутреннее волненіе. Помѣстятъ или не помѣстятъ? Буду я настоящимъ писателемъ или не буду? Чѣмъ болѣе приближался ожидаемый день, тѣмъ томительнѣе становились минуты, когда я вспоминалъ о своей посылкѣ.

Но я все же ни разу не пожалѣлъ о сдѣланномъ: по крайней мѣрѣ, я узнаю свою судьбу.

И вдругъ, о горе! На четырнадцатый день *Впередъ* совсѣмъ не пришелъ въ нашу эмигрантскую библіотеку! Неужели онъ прекратился? Но это мало вѣроятно. У „лавристовъ", говорятъ, достаточно денегъ!

Такъ въ разочарованіи провелъ я весь этотъ день до вечера. Въ семь часовъ по обыкновенію иду въ „Кафе Грессо", зная, что тамъ въ задней комнатѣ встрѣчу почти всю эмиграцію.

— Читали, читали твою статью во *Впередъ*!—воскликнулъ Жуковскій, едва я показался.

— Развѣ помѣщена?—спрашиваю я съ такъ искусно сдѣланнымъ равнодушіемъ, что никто даже и заподозрѣть не могъ бы, что вся моя душа такъ и прыгнула отъ радости.

— Ну, конечно!—отвѣчалъ Жуковскій.—Они рады! Только что же ты измѣняешь своимъ? Ты написалъ для нихъ, чужихъ, много больше и лучше, чѣмъ для насъ, своихъ! Почему ты раньше не показалъ своей статьи намъ? Мы бы ее ни въ какомъ случаѣ не уступили для *Впередъ*!

Я сразу вспомнилъ, какъ при окончаніи этой моей статьи мнѣ именно пришло въ голову дать ее имъ для поправокъ, какъ моимъ болѣе опытнымъ друзьямъ, но какой-то внутренній инстинктъ подсказалъ мнѣ: ни за что не дѣлай этого! они хорошо поправятъ тебѣ все, но только запретятъ тебѣ сотрудничать во *Впередъ* подъ страхомъ ссоры съ ними, потому что они сами туда не пишутъ, считая его чужимъ органомъ! А когда ты все сдѣлаешь, они поймутъ, что упреки уже ничему не помогутъ, и потому не будутъ угрожать ссорой. Какъ инстинктъ не обманулъ меня!

— Только напрасно, — сказалъ Ралли, какъ бы подчеркивая справедливость моихъ мыслей,—ты путаешься съ лавристами, это не настоящіе соціалисты, они признаютъ государство.

— Да,—отвѣтилъ я,—но они признаютъ республиканскую соціалистическую демократію.

— Республика для насъ хуже монархіи, — желчно отвѣтилъ Ралли.—Вотъ здѣсь, въ Швейцаріи—республика, а въ ней для соціалистовъ хуже, чѣмъ въ Россіи. Буржуазія здѣсь такъ втерла очки въ глаза народу своей призрачной „гражданской свободой“ и такъ одурачила его всеобщимъ избирательнымъ правомъ, что швейцарскіе крестьяне и рабочіе менѣе, чѣмъ кто бы то ни было въ остальномъ мірѣ, сочувствуютъ идеаламъ соціализма! Избави Богъ Россію отъ парламента или республики! Нѣтъ, пусть лучше остается абсолютная монархія!

Мнѣ вдругъ захотѣлось почесать свою спину, на которой еще, казалось, сидѣла всей своей тяжестью эта абсолютная монархія, но я уже зналъ, что спорить объ этомъ съ моими здѣшними друзьями можно было лишь съ цѣлью дать упражненіе своимъ голосовымъ органамъ, такъ какъ они все равно остались бы при своемъ мнѣніи.

А теперь мнѣ менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, хотѣлось спорить. Меня охватило страстное желаніе прочесть свою статью во *Впередъ*, и я весь былъ, кромѣ того, полонъ радости оттого, что ожидаемая баня за ея помѣщеніе въ „чужомъ органѣ“ оказалась не такъ горяча, какъ я боялся. Номеръ *Впередъ* лежалъ тутъ же на столѣ, очевидно лишь сейчасъ прочитанный.

Какъ-то напечатана въ немъ моя статья? Можетъ быть, въ самомъ концѣ, мелкимъ шрифтомъ? Можетъ быть, только цитирована въ извлеченіи въ хроникѣ?

Для человѣка, печатающагося впервые, все кажется такимъ важнымъ, такимъ существеннымъ, вплоть до того, красивыми ли крупными буквами напечатано заглавіе или простыми, тонкими.

Я развернулъ номеръ и—о восторгъ! Она была напечатана вслѣдъ за руководящими статьями редакціи въ самой срединѣ журнала, и заголовокъ *Даниловское дѣло* ясно вырисовывался вверху страницы. Я сразу увидѣлъ, что она была помѣщена анонимно, какъ и всѣ остальныя статьи, что слово „я“ замѣнено въ ней моей фамиліей и все, что я говорилъ о себѣ лично, поставлено въ третьемъ лицѣ.

Я выдержалъ характеръ и, бѣгло взглянувъ на номеръ, сейчасъ же присоединился къ общему разговору, какъ будто считая его несравненно важнѣе и интереснѣе, чѣмъ моя статья. Но думаю, что глаза мои все же блестѣли отъ удовольствія и я весь сгоралъ отъ нетерпѣнія скорѣе остаться одному.

Отъ послѣдовавшихъ затѣмъ дополнительныхъ упрековъ своихъ друзей я защитился тѣмъ, что, молъ, не придавалъ этой статьѣ большого значенія, что помѣстилъ ее во *Впередъ* только потому,

что нѣтъ другого революціоннаго журнала для интеллегенціи, а мнѣ хотѣлось ознакомить товарищей въ Россіи со всѣми обстоятельствами арестовъ и обысковъ въ Даниловскомъ уѣздѣ, такъ какъ *Впередъ* въ Россіи всѣ читаютъ.

Нѣсколько успокоивъ своимъ притворнымъ равнодушіемъ ревность своихъ товарищей (потому что я ничѣмъ другимъ не могъ объяснить эмиграптскую нетерпимость и фракціонность, какъ этимъ чувствомъ), я посидѣлъ съ ними еще томительныхъ полчаса, переведя разговоръ на принципіальные предметы. Воспользовавшись затѣмъ моментомъ ихъ горячаго спора, когда никто не обращалъ на меня болѣе вниманія, я побѣжалъ къ себѣ въ отель дю Норъ, захвативъ потихоньку и лежавшій номеръ, чтобъ прочитать въ немъ наединѣ мою статью и вдоволь налюбоваться ея печатнымъ видомъ.

Но и въ отелѣ ожидала меня помѣха.

Едва я влетѣлъ на его первую лѣстницу, какъ меня абордировалъ мой первый знакомый въ Женевѣ, студентъ Рождественскій, тотъ самый, который такъ оригинально обучалъ здѣшняго французика-гарсона русскому языку. Мальчикъ былъ воспріимчивъ и сдѣлалъ къ этому времени такіе успѣхи, что его совсѣмъ невозможно стало слушать. Рождественскій подхватилъ меня передъ самыми дверями залы табльдота, въ которой былъ уже сервированъ вечерній столъ.

— Идемте, идемте скорѣе! Сюда пріѣхала на недѣлю жена какого-то петербургскаго генерала съ двумя очень милыми барышнями-дочками.

Въ отель дю Норъ, какъ и во всякомъ среднемъ, не особенно дорогомъ отелѣ, гдѣ нѣтъ чванства, было обыкновеніе тотчасъ же знакомиться всѣмъ со всѣми въ табльдотѣ, за общимъ завтракомъ и обѣдомъ, и говорить обо всемъ, какъ будто бы были давно знакомы. Здѣсь при разговорахъ сосѣдей, часто соотечественниковъ другъ друга, слышались всѣ европейскіе языки, хотя при болѣе или менѣе общихъ разговорахъ сейчасъ же переходили на французскій всѣ, кто его зналъ.

Дамы, отпивъ полстакана своихъ пишолетокъ (полубутылокъ) обычнаго бѣлаго или краснаго вина, подставляли ихъ тому изъ мужчинъ, кто имъ въ данный день особенно нравился, а нѣкоторыя дамы всегда оказывали постоянное предпочтеніе тому или другому. Такъ, у Рождественскаго были двѣ пріятельницы, у меня же четыре, и благодаря этому приборъ мой къ концу обѣда оказывался обставленнымъ по крайней мѣрѣ пятью бутылками, словно я былъ завзятый пьяница. Гарсоны и мадмуазель держались съ

пріѣзжими почтительно, но безъ подобострастія, и если кто-нибудь имъ нравился, то во время обѣда становились у него за стуломъ и въ отсутствіе общаго разговора, въ который никогда не вмѣшивались, сообщали ему ту или другую новость.

Все это было очень мило, но въ данномъ случаѣ отъ такой фамильярности вдругъ появилось большое неудобство для Рождественскаго. Едва лишь генеральша со своими дочками-институтками, раскланявшись съ публикой, сѣла на свое мѣсто, какъ горсонъ, желая похвастаться передъ русскими барышнями своимъ знаніемъ русскаго языка, сталъ за стуломъ Рождественскаго и отчетливо среди наступившаго молчанія сказалъ ему съ самымъ почтительнымъ видомъ:

— Поносъ!

Барышни и ихъ мамаша словно по командѣ разомъ вскинули на него глаза, но сейчасъ же, вспыхнувъ, опустили ихъ въ свои тарелки.

Рождественскій мгновенно покраснѣлъ, какъ ракъ, до самыхъ ушей, и, не зная, что сдѣлать, чтобы перевести разговоръ на другой предметъ, попросилъ гарсона разсказать объ уличномъ столкновеніи между старо-католиками и ново-католиками, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Гарсонъ обрадовался приглашенію вступить въ общій разговоръ и сейчасъ же началъ разсказывать, какъ только что появившіеся въ Женевѣ ново-католики хотѣли крестить младенца по своему новому обряду, а мѣстный патеръ распространилъ между своими старо-католиками слухъ, что во время крещенія выскочитъ изъ-подъ земли сатана и унесетъ младенца съ грохотомъ въ преисподнюю. Жадные до такихъ зрѣлищъ старо-католики сбѣжались толпами въ церковь и на площадь кругомъ нея, чтобы посмотрѣть на сатану, но сатана не явился, и старо-католики разсердились на младенца и его родныхъ за напрасно причиненное имъ ожиданіе, начали швырять въ ихъ уѣзжающую карету камнями и побили въ ней стекла, вслѣдствіе чего произошла общая свалка, въ которой гарсона побила и та и другая сторона за то, что онъ не зналъ, къ которой ему надо присоединиться. Все это было очень интересно и комически разсказано, но пересыпано въ промежуткахъ между французскими фразами всѣми его русскими словами, съ которыми онъ, въ видѣ „общепринятыхъ въ Россіи формъ русской вѣжливости“, обращался то къ барышнямъ, то ко мнѣ, но чаще всего къ самому Рождественскому и закончилъ все восклицаніемъ: „О клистирная трубка!“ Для сидѣвшихъ здѣсь иностранцевъ весь его русскій репертуаръ, конечно, пропалъ даромъ, но для насъ вставки выходили по вре-

менамъ такъ неожиданно эфектны, что мы готовы были лопнуть отъ смѣха, и даже барышни съ мамашей, уже на половинѣ разсказа догадавшіяся, въ чемъ дѣло, искусали себѣ до крови губы и ерзали на своихъ стульяхъ, какъ будто въ нихъ торчали гвозди. Такъ мы и разошлись въ этотъ вечеръ съ большой сенсаціей. Рождественскій, совсѣмъ сконфуженный, не зналъ, что дѣлать, и обратился ко мнѣ за совѣтомъ.

— Да разскажите же скорѣе сами гарсону, что вы надъ нимъ подшутили, говорю я ему.

— Какъ же я разскажу? Мальчикъ совсѣмъ обидится на меня.

— Но еще больше обидится, если его предупредитъ эта дама.

Давно, въ нетерпѣніи прочесть поскорѣе свою первую печатную статью, для которой, какъ будто сговорясь, окружающіе не давали мнѣ въ этотъ вечеръ ни минуты времени, я хотѣлъ бросить Рождественскаго и итти къ себѣ въ номеръ, но онъ отъ меня не отставалъ, чувствуя, что попалъ совсѣмъ въ безвыходное положеніе, и вошелъ вслѣдъ за мной. Онъ былъ такъ жалокъ, что пришлось придумывать съ нимъ способы наилучшаго выхода, хотя мои ноги все время конвульсивно перестанавливались подъ столомъ съ мѣста на мѣсто отъ нервнаго нетерпѣнія. Но узелъ тотчасъ развязался самъ собой. Въ мою комнату вошелъ, постучавшись, самъ гарсонъ, чтобы приготовить на ночь мою постель, но тоже весь сконфуженный и чуть не плачущій. Увидѣвъ у меня Рождественскаго, онъ отвернулъ отъ него голову и сталъ молча убирать кровать.

— Что вамъ сказали?—спрашиваю я его, сразу догадавшись.

— Г. Рождественскій все время насмѣхался надо мной.

Рождественскій началъ оправдываться, но обиженный гарсонъ не отвѣчали, отвернувъ одѣяло у моей постели, сейчасъ же пошелъ вонъ. Рождественскій поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ, и я, наконецъ, остался одинъ, свободный прочесть свое произведеніе въ печати.

Каждая моя фраза, казалось мнѣ, приняла теперь какой-то новый, болѣе глубокій смыслъ. Словно это писалъ и не я, а кто-то другой, несравненно болѣе умный. Но вотъ пропущена вся моя бытовая характеристика народа въ этой мѣстности. Все мое очарованіе сразу пропало. Мнѣ показалось, что между предыдущимъ и послѣдующимъ потерялась необходимая связь, и всякій долженъ это замѣтить. Статья моя испорчена, искалѣчена. Тутъ пропущено почти столько же, сколько напечатано. Статья сократилась вдвое. Я началъ читать ее снова, желая стать на точку зрѣнія посторонняго читателя, который совсѣмъ не знаетъ, что

здѣсь у меня пропущенъ начальный столбецъ. Но нѣтъ! я не могъ войти въ положеніе читателя, ничего не знающаго о данномъ мѣстѣ. Недостатокъ связи мнѣ казался очевиднымъ. На слѣдующій же день, чтобы провѣрить свое впечатлѣніе, я обратился къ тому же Жуковскому, какъ, несомнѣнно, обладающему литературнымъ вкусомъ.

— Скажи, Жукъ, тебѣ не казалось при чтеніи, что въ срединѣ моей статьи чего-то недостаетъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ.—А что? Выбросили что-нибудь? Это они всегда! Гдѣ выпустили и что?

— Опредѣли!—сказалъ я ему.

Онъ взялъ изъ моихъ рукъ номеръ, пробѣжалъ глазами статью разъ, потомъ еще и, наконецъ, сказалъ:

— Не знаю, мнѣ кажется все сказано.

— Ну, а не лучше ли вышла бы статья, если-бъ вотъ тутъ дана была характеристика этой мѣстности и ея народа? И я разсказалъ ему содержаніе выпущеннаго.

— Да, пожалуй,—отвѣтилъ онъ равнодушнымъ тономъ.—Не помѣшало бы, но это, дѣйствительно, несущественно.

И я совершенно утѣшился, и когда въ тотъ день въ пятый или седьмой разъ перечитывалъ свою статью, мнѣ и самому стало казаться, что она вообще ничего особенно не потеряла и только стала короче...

Николай Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

БИБЛІОТЕКА
Тамбовскаго Историческаго Общества

Газэла.

Златоснѣжный изъ жасмина мой вѣнокъ садамъ Шираза.
Розы, пламеннѣй рубина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Тамъ священный прахъ Гафиза въ медѣ пчелъ и въ хмельныхъ лозахъ
И земля воннѣе тмина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Запыленными устами восхвалю Аллаха въ пѣснѣ,
Звонкой пѣснѣ муэдзина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Похвала, сады Шираза, вамъ, смоковница и персикъ,
Апельсинъ, гранатъ, маслина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Каждый камень стѣнъ Шираза не устану вѣчно славить,
Въ звукахъ флейтъ и тамбурина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Каждый взмахъ меча да будетъ въ честь Шираза, что для вѣрныхъ
Святъ, какъ Мекка и Медина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Женъ Шираза огнелонныхъ голоса нѣжнѣе лютни,
Златозвоннѣе цехина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Вина пламенны Шираза и рождаютъ пѣсню въ сердцѣ—
Свѣтъ волшебный Аладина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Но краснѣй кармина губы дѣвъ Шираза и лобзанья
Жгутъ сердца, пьянятъ, какъ вина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Кто не чтитъ Коранъ священный, тотъ намъ врагъ и врагъ Гафизу
Какъ избранникъ гашишина,—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Чей стаканъ до края полонъ, тотъ намъ другъ и другъ Гафизу,
Не умретъ на цвѣтѣ крина мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Да хранитъ рука святая Солеймана-Бенъ-Дауда,
Насъ отъ шутки злого джина!—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Да пребудетъ миръ и слава, гдѣ горитъ свѣча Пророка!
Въ золотое дно кувшина—мой вѣнокъ садамъ Шираза.

Андрей Глоба.

ЧАЙНИЧЕКЪ.

Разсказъ.

1.

На Бассейной дворникъ купалъ собаку.

Дворникъ выкатилъ со двора кишку на тротуаръ, привинтилъ кишку, открылъ кранъ и пустилъ поливать камни. Тутъ подвернулась собака—брызнуло въ собаку, другая бы убѣжала, а эта хапнула ртомъ и стала. Дворникъ еще надбавилъ, а она опять ловитъ: должно быть, здорово пропарилась, бѣдняга, и пить очень хотѣлось. Камнямъ тоже попить хотѣлось...

Дворникъ купалъ собаку.

Прохожіе щерились, облизывались, вытирали потъ,—одобряли собаку: наставитъ дворникъ кишку да холоднымъ какъ пуститъ, а она—хапъ!—знай себѣ, ловитъ. Распаренные и очумѣлые, высовывались изъ трамваевъ, кивали и подмигивали собакѣ, и было очень весело, глядя на собаку.

Павелъ Герасимовичъ Воробушкинъ, проходя по Бассейной, засталъ не мало всякихъ любопытныхъ.

Собака тѣмъ временемъ насытилась и не прочь была убѣжать куда на солнышко. Да, конечно!—пора было отпустить собаку и приняться за мостовую—за камни, которымъ тоже попить хотѣлось, но ужъ ее, голубушку, держали.

Дворникъ купалъ собаку.

Дворникъ сердился—собака рвалась: вотъ вырвется и, пронятая до кости, всѣхъ перекусаетъ.

Никто не понималъ, да и мудрено было понять, какъ это такъ возможно въ такую жару и отъ холодной воды отбиваться, и всѣ были на сторонѣ дворника, лютѣвшаго на собаку.

Воробушкинъ, по душѣ жалостливый, хоть и пожалѣлъ собаку,—ну, что бы такое было, если бы такъ съ человѣкомъ муд-

ровали!—но своя неутоленная жажда и духота мостовая такъ и его одолѣвали, что не могъ онъ, и жалѣя, не сочувствовать дворнику—доля промокшей до кости собаки была завиднѣе и его доли и доли дворника, ярившагося не отъ чего, какъ отъ этой жары невозможной.

А ужъ дворникъ расплевался съ собакой—чортъ съ ней, съ собакой!—перемѣнилъ руку, да какъ пуститъ, только носомъ зашмыргали.

Съ тѣмъ Воробушкинъ и пошелъ къ себѣ на Дегтярную чай пить.

Павелъ Герасимовичъ Воробушкинъ человѣкъ одинокій и служба его маленькая и самъ онъ такой, что такому и въ добровольцы откажутъ. Служба Воробушкина маленькая и по нынѣшнимъ временамъ жизнь трудная: сами знаете, розанчикъ вчерашній къ утреннему чаю себѣ положишь на конфорку, а онъ и проваливается! Служба маленькая—мѣсто незначительное, а связи не малыя—большіе заправилы и все пріятели Павла Герасимовича! Какъ сказать, свинѣетъ что ли человѣкъ, коли посчастливится ему, или по природѣ своей такъ ужъ человѣкъ и родится со свинячьей склонностью, проявляющейся въ жизни человѣка при благопріятныхъ обстоятельствахъ,—вѣдь, какіе пріятели: и душа нараспашку и совѣтъ твой выслушаетъ, а то, что вчерашній вотъ розанчикъ разогрѣвать на конфоркѣ приходится, этого какъ-то никто не замѣчаетъ, или и замѣчаютъ, да толку-то отъ замѣчаній нѣтъ; и на службѣ Воробушкинъ который годъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ: понижать не понижаютъ, но и повышенія не полагается.

Съ начала войны,—когда взяли Воробушкина квартирнаго хозяина—прапорщика, и хозяйка докторша „Савлъ“, гнавшая всю жизнь мужнину лампадку, затеплила ее въ углу, неугасимую—война поглотила все его существо: на службѣ и дома, въ комнатенкѣ своей на Дегтярной, онъ только и держалъ въ памяти то страшное человѣческое, не по человѣческому заваренное, дѣло, къ которому ни человѣку, ни звѣрю немыслимо привыкнуть.

Приходило время отпуска, а Павелъ Герасимовичъ и думать боялся объ отъѣздѣ, какъ будто съ Дегтярной онъ только и можетъ слѣдить за событіями, поутру передвигая флажки по стѣнной марксовой картѣ, и не сегодня-завтра выпадетъ ему на долю защищать самое Дегтярную. Но какъ тамъ, на Бассейной, пожалѣвъ собаку, надъ которой мудровали ошалѣлые отъ жары прохожіе съ дворникомъ во главѣ, позавидовалъ онъ ей, до кости

пронятой, такъ и тутъ, въ комнатенкѣ своей подкрышной, прокуренной, не представляя себѣ другой жизни, кромѣ своей зимней съ газетами утренними и вечерними, онъ завидовалъ всѣмъ отъѣзжавшимъ на волю, хотя бы въ Озерки.

Слышалъ онъ, что никогда такъ не цвѣли поля, какъ въ этотъ, помутнѣлый отъ крови и горя, жестокій, роковой годъ, а на Москвѣ такой чудесный липовый цвѣтъ, вся Москва цвѣтетъ,—всполошились пчелы подмосковныя, не знай, куда и летѣть, и на Ивана Великаго рой сѣлъ.

Кто живалъ по нуждѣ лѣто въ Петроградѣ, тотъ хорошо знаетъ, что́ за удовольствія вечерами нетемными въ полуопустѣлыхъ каменныхъ домахъ. Окна раскрыты и на весь дворъ граммофонъ и съ сосѣдняго двора граммофонъ и какъ-то такъ безъ всякой отдышки, а тутъ еще какой любитель на скрипкѣ упражняется, либо пѣвецъ поетъ, и тоже, ну, хоть бы разокъ передохнулъ. А утихнетъ граммофонъ, оборвется скрипачъ, уймется пѣвецъ, другое пойдетъ ужъ обязательно, и это изъ вечера въ вечеръ и куда заполночь, ужъ кого-то щекочутъ—должно быть, что щекочутъ!—и тотъ оретъ, а чуть свѣтъ—молоткомъ по желѣзу, и звенитъ день-деньской на постройкахъ.

Въ ту ночь особенно было шумливо.

Въ большую квартиру съ забѣленными окнами съ вечера набрался народъ: съ дачи ли сами пріѣхали, либо пріятелей своихъ пустили переночевать—окна, конечно, настежь, и видно, не простой пріѣздъ, добра всякаго спиртного столъ уставленъ. Сперваначала-то все шло ничего, пили и кричали ура, потомъ на рояли играли, хорошо играли, а ужъ потомъ—совсѣмъ нехорошо!—хоррмъ пѣть принялись и вѣдь какъ пѣли,—такъ и нарочно не сговоришься, такъ врозь.

Воробушкинъ пробовалъ заснуть, и такъ приладится и этакъ, и только что заведетъ глаза и вдругъ, словно надъ ухомъ, какъ харкнетъ... Вставалъ Павелъ Герасимовичъ, закуривалъ папироску, заглядывалъ въ окно: и ночь, а теплынь, что днемъ, и тамъ, въ третьемъ этажѣ, внизу среди пирующихъ какой-то огромный одинъ волосатый легкости ради обнажился и, неловко продвигаясь среди дамъ, показывалъ пальцемъ,—дамы визжали.

Былъ у Воробушкина пріятель Щелинъ Михаилъ Петровичъ, вмѣстѣ учились, замѣчательный человѣкъ... впрочемъ, можетъ, это неправда, а только такая шла замѣчательная молва, будто какъ-то лѣтомъ за ужиномъ на сонъ грядущій Щелинъ въ варенцѣ жука проглотилъ, и, сами понимаете, жука имѣя во чревѣ, былъ будто бы по этой самой причинѣ, какъ жукъ, жудливъ

вечерами и особенно къ теплой погодѣ. Объ этомъ пріятелѣ своемъ, о Щелинѣ жудливомъ, въ душной тоскѣ своей вдругъ вспомнилъ Павелъ Герасимовичъ, вспомнилъ полученное отъ него письмо, и уцѣпился, какъ за свое единственное спасеніе, и въ безсонный подутренній часъ рѣшилъ про себя, воспользовавшись отпускомъ, бросить Дегтярную да въ Качаны къ Щелину.

„Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ мы здѣсь, и такъ хорошо, что и въ войну перестали вѣрить...“—выговаривалось письмо щелинское, заманивая въ Качаны, гдѣ никогда еще такъ не цвѣли поля, какъ въ этомъ году.

И, рѣшившись ѣхать, Воробушкинъ повѣрилъ пріятелю и не только въ цвѣтъ полевой, но и въ безмятежіе житія качановскаго.

„Нашелся-таки уголокъ, — думалъ Павелъ Герасимовичъ,— есть мѣсто и среди пожара нашего, гдѣ про войну забыли!“

А потомъ спохватился:

„Да не шутитъ ли Михаилъ-то Петровичъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, есть ли на русской землѣ хоть одинъ человѣкъ, который о войнѣ не помнитъ, и есть ли такое мѣсто на землѣ, гдѣ о войнѣ не слышно, развѣ что на кладбищѣ?“

И отчаявшись въ снѣ, подъ звонъ желѣза, досадовалъ:

„Ишь, куда заманиваетъ!“

Но скоро и передосадовалъ.

Щелинъ, кромѣ того, что жундѣлъ, т.-е. былъ невообразимо говорливъ, Щелинъ еще и чудилъ: вѣдь это онъ построилъ у себя, въ качановскомъ саду, капканъ вродѣ такой калитки вертящейся—какъ попадешь, а попадешь непремѣнно, потому что ужъ очень у заманчиваго мѣста въ уединеніи воздвигнута была эта самая калитка, и ужъ сколько ни бейся, а безъ посторонней помощи, а стало быть, и огласки, ни по чемъ не выскочишь! Конечно, чудакъ, и обижаться, досадовать—просто грѣшно.

И, передосадовавъ, на краткій часъ забылся Павелъ Герасимовичъ, и снилось ему, будто сидитъ онъ съ Щелиными въ Качанахъ—съ Михаиломъ Петровичемъ и Марьей Сергѣевной и ѣдятъ раковъ: у него двѣ раковыя шейки въ рукахъ, а Щелины рачьи ножки сосутъ. И отдалъ онъ свои раковыя шейки по шейкѣ каждому—одну Михаилу Петровичу, другую Марьѣ Сергѣевнѣ, и остался у него рыбій хвостъ, и вдругъ пришла прачка и принесла узелъ съ грязнымъ бѣльемъ обратно. Съ тѣмъ и проснулся.

На слѣдующій день Воробушкинъ, за день окончательно рѣшившись покинуть свою Дегтярную, взялъ билетъ и сталъ понемногу укладываться. Еще черезъ день далъ телеграмму въ

Качаны. А въ субботу вечеромъ, Господи благослови, пустился въ путь.

Неужто-жъ черезъ какія сутки—и это правда!—попадетъ онъ въ такое мѣсто, на такую землю земли русской, гдѣ такъ хорошо, что и въ войну перестали вѣрить?

2.

Раннимъ утромъ Воробушкинъ проснулся. Поѣздъ стоялъ, ревѣли быки. Осторожно спустившись съ верха, гдѣ безъ подушки—по военному времени подушки не полагалось—проспалъ мирно трясучую ночь, вышелъ онъ на площадку, закурилъ и ему самому захотѣлось помычать—утро было такое свѣжее, такое ясное и какія-то птички пѣли, а онъ только и умѣлъ, что птичку представлять да мычать.

Конечно, быки мычали, быки ревѣли не отъ удовольствія, не этому утру свѣжему и ясному,—чуяли быки свою скорую смертушку, а помирать кому же хочется, и вотъ вопіяли, обреченные, наперекоръ утру ясному: одинъ быкъ начиналъ, а въ его ревъ врывались другіе.

И когда застучалъ тяжелый бычій поѣздъ и всѣ быки заревѣли разомъ, пошелъ и человѣческій поѣздъ, а долго еще слышался ревъ, словно ура кричали.

Тутъ солнце поднялось надъ лѣскомъ такое яркое, въ глазахъ зарябило, и Воробушкинъ вернулся въ вагонъ и съ бокового порожняго мѣста, чуть пріотворивъ занавѣску—сосѣди еще мирно почивали,—глядѣлъ черезъ запыленное окно на пролетавшіе поля и лѣса, и рѣки и рѣчки, на просторъ нашъ русскій земли родимой, которую охватилъ пожаръ наперекоръ цвѣтамъ полевымъ, полямъ цвѣтущимъ, какъ никогда еще.

На скучной пересадкѣ, гдѣ приходилось поджидать не одинъ часъ, Воробушкинъ, напившись чаю, слонялся по платформѣ отъ вокзальной кухни—по случаю воскреснаго дня повара что-то очень вкусное стряпали—и дальше мимо телеграфа съ засматривающими изъ окна телеграфистками, до тесовой, выкрашенной въ желтое, лавочки для воинскихъ чиновъ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса и стояли бутылки съ квасомъ.

У жандармской комнаты прямо на запыленной затоптанной травѣ лежала молодая баба съ груднымъ ребенкомъ, тутъ же и чайничекъ стоялъ. Говорили, что солдатка: проводила мужа, очень убивалась и теперь домой поѣдетъ.

На другой сторонѣ путей изъ церковки степенно выходили

мѣстныя барышни погулять по платформѣ. Въ церковкѣ звонили къ „Достойно“. А по путямъ взадъ и впередъ ходилъ закопченный паровозъ съ чернымъ закопченнымъ машинистомъ. Потомъ этотъ черный паровозъ пошелъ ходко—увели его за водокачку къ мосту, отзвонили къ „Достойно“, и къ станціи подошелъ товарный.

Три середнихъ вагона раскрыли, и какъ-то сразу, наваломъ, перелѣзая черезъ перегородку, а другіе подлѣзая, высыпали молодые парни—послѣдній наборъ, налегкѣ, больше босикомъ въ пестрыхъ рубахахъ, и, перепрыгивая черезъ рельсы, бросились кто къ лавочкѣ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса, кто за кипяткомъ на станцію.

Воробушкинъ стоялъ со старухами, болѣзнующими, глазѣя на ребятъ.

Воробушкинъ вглядывался, сравнивая себя, и ему показалось, что были и такіе ему подъ стать рядомъ съ крѣпышами и рослыми.

Какой-то въ зеленой рубахѣ, пожалуй, всѣхъ крѣпче, игралъ на гармоньѣ и такъ игралъ—заливался, не подымая глазъ съ ладовъ. И въ вагонѣ, за перегородкой въ кучкѣ оставшихся въ вагонѣ, игралъ какой-то. И не въ ладъ играли двѣ гармоньи, но такъ, задержись поѣздъ на сутки, и такъ же бы играли.

— У, бѣдные!—прошамкала старуха.

Какой-то коричневый, вывернувшись изъ толпы, заложа руку за голову, вытоптывалъ тяжелымъ сапогомъ около гармоньи и топалъ, и такъ безповоротно, топать ему такъ, пока тотъ зеленый не выронитъ гармоньи.

— У, бѣдные!—качала головой старуха.

Звонка для товарнаго поѣзда не полагалось, безъ звонка по чьей-то окличкѣ бросились парни назадъ въ вагоны, и зеленый гармонистъ, оборвавъ игру, перескочилъ черезъ рельсы, но ужъ безъ гармоньи,—гармонью кто-то отнялъ у него по дорогѣ. И теперь въ вагонахъ другіе играли, было много гармоній, играли безъ ладу, но такъ, какъ на платформѣ зеленый.

Старуха безсловесно качала головою.

А когда пошелъ поѣздъ, изъ закрытыхъ вагоновъ, заглушая гармонью, закричали ура.

Воробушкинъ снялъ шляпу и было жалко ему чего-то—гармониста, у котораго отняли гармонью, или того, что вытоптывалъ сапогомъ у гармоньи,—ему жалко было и горько. Съ горькимъ чувствомъ смутнымъ о Россіи, о родинѣ нашей, о землѣ родимой, согнувшись, пошелъ онъ по старой дорожкѣ слоняться отъ кухни до лавочки и обратно.

Изъ кухни чѣмъ-то очень вкусно пахло, повара стряпали, старались для воскресенья.

„Капуста любитъ сметану, а масла не спрашиваетъ!“

Въ тесовой лавочкѣ, выкрашенной въ желтое, надъ розовыми пряниками висѣла колбаса.

„По установленнымъ цѣнамъ!“—читалъ Воробушкинъ.

Женщина съ ребенкомъ лежала въ пыли на затоптанной травѣ у жандармской комнаты, какъ лежала, тутъ же и чайничекъ стоялъ.

„Проводила, сердешная, мужа!“

Приходилъ часъ обѣда, а поѣздъ опаздывалъ. Истощалось терпѣніе.

И когда, наконецъ, нагруженный дальними пассажирами, подошелъ къ станціи поѣздъ, и Воробушкинъ, не совсѣмъ-то благополучно протиснувшись, занялъ себѣ мѣстечко, стоялъ ужъ жаркій лѣтній день и въ вагонахъ, какъ у плиты, пыхало.

Послѣ провѣрки билетовъ, не желая стѣснять сосѣдей, Воробушкинъ перешелъ на площадку.

На площадкѣ рядушкомъ тянулась къ окну такая востренькая съ двумя короткими косками и красной ленточкой Анюшка Богданова. Съ Анюшкой Воробушкинъ живо подружился, и всю остальную дорогу до самаго вечера занимала она его своими разсказами.

Анюшкѣ двѣнадцать годковъ, перешла она нынче весной въ пятый классъ, умница, а ѣдетъ она отъ отца съ войны, отецъ ея кондукторъ въ командировкѣ, а ѣздила она отца провѣдать, возила говядины ему, да напрасно: у нихъ теперь тамъ этого всего вдоволь! Анюшка самая старшая и за ней еще пятеро, и на рукахъ ея хлопотъ куда полдома!—и матери она помогаетъ, и младшихъ братишекъ няньчитъ, и за коровой ходитъ. А встаетъ Анюшка поутру вмѣстѣ съ солнышкомъ, и оттого личико у нея такое загорѣлое и такая у ней во всемъ озабоченность. А ѣдетъ теперь Анюшка въ Москву къ дѣдушкѣ, тоже на желѣзной дорогѣ служитъ и дѣдушка, живетъ дѣдушка въ Сокольникахъ, и хоть впервой Анюшкѣ на Москвѣ быть, да такая не потеряется—до Сухаревой башни на восьмомъ номерѣ доѣдетъ съ вокзала, а тамъ спроситъ, добьется,—смѣтливая, ловкая дѣвочка. А къ отцу она въ третій разъ на войну ѣздитъ.

Слушая спутницу свою щебетунью-умницу, думалъ Воробушкинъ о Россіи, о новой...

„Вотъ она, Россія хозяйственная и заботливая, эта Анюшка Богданова—Россія хозяйка! Съ годами подвырастетъ, выравняется,

всѣмъ обзаведется, хорошо поведетъ свой домъ и такъ не отдастъ добро, расчетливая, и къ себѣ, въ свой домъ, не пуститъ хозяйничать, вотъ она, Россія, молодая еще, Россія хозяйственная,—такую не проведешь, надъ такой не помыкаешься, хоть чѣмъ хочешь будь, хоть самимъ папой римскимъ, дай только Богъ, дай подрастетъ, Россія крѣпкая, непришибленная, умница, Анюшка Богданова!"

На войнѣ Анюшка много чего видѣла и о многомъ слышала, да ни въ какіе страхи она не вѣритъ и никакихъ слуховъ не боится, только боится Анюшка тумановъ удушливыхъ.

— Аеропланъ, — разсказывала Анюшка, — туманы пускаетъ: поднимется высоко-высоко и пуститъ, и оттого на пятнадцать верстъ народъ мретъ.

Анюшка шила въ школѣ повязки, батюшка заставлялъ, она знаетъ про удушливые туманы и плѣнныхъ она знаетъ: у нихъ душъ двѣсти живетъ, и хорошо живутъ—на работахъ.

— Идутъ съ обѣда,—разсказывала Анюшка,—пѣсни поютъ, хорошо какъ поютъ! Бабы спрашивали у плѣнныхъ: „А какъ у васъ нашимъ живется?"—„А хорошо, говорятъ, имъ живется, пообѣдаютъ и тоже идутъ, пѣсни поютъ!"

Удушливыхъ тумановъ боялась Анюшка, а плѣнныхъ нисколько.

— А мира не будетъ!—вдругъ сказала Анюшка и такъ настойчиво это сказала: „не будетъ!"

Потянулъ холодокъ, туча нашла, много маленькихъ тучекъ теплыхъ,—тамъ гдѣ-то дождикъ пошелъ, и воздухъ такой сталъ легкій.

На послѣдней большой остановкѣ—поѣздъ почтовый—на маленькой станціи было необыкновенно людно.

Отъ дороги, усаженной березками, подходили къ станціи бабы, нарядныя по-воскресному, въ бѣлыхъ платкахъ. Жандармъ прогонялъ бабъ, и онѣ, помалкивая, уходили, но по бѣлымъ платкамъ видно было, какъ упорно собирались опять, только съ другого конца.

И только одну молодую бабу съ тремя ребятишками не погналъ жандармъ,—она ему что-то сказала, показавъ на ребятъ: маленькаго сама на рукахъ держала, другой голопузъ сбоку за юбку цапался, а старшій въ картузѣ впереди стоялъ съ прутикомъ,—ну, жандармъ и смиловался.

И когда тронулся поѣздъ, опять, какъ тамъ, на пересадкѣ, и въ почтовомъ поѣздѣ, только въ самомъ хвостѣ, закричали ура,—заколебались бѣлые платки, а старики обнажили головы.

Это новобранцевъ провожалъ народъ всѣмъ народомъ.

Воробушкинъ, высунувшись въ окно, долго смотрѣлъ туда, къ дорогѣ съ березками, и долго видѣлись ему бѣлыя колеблющіеся платки и сѣдыя обнаженныя головы.

Это Россія всѣмъ народомъ провожала меньшихъ сыновъ своихъ, и какая скорбь чуялась въ ея молчаніи, и скорбь и покорность передъ судомъ Божіимъ.

Не жандармъ, прогонявшій бабъ,—голосить еще примутся!—не прапорщикъ, распоряжавшійся вагономъ—какой-нибудь сослуживецъ того же Воробушкина!—не они отнимали отъ родной земли молодую силу, чтобы тамъ, на бранномъ полѣ, совершивъ страшное человѣческое, не по-человѣческому заваренное дѣло, кровью своей покрыть землю, шелъ судъ Божій, и оттого въ молчаніи покорномъ среди колеблющихся бѣлыхъ платковъ и сѣдыхъ головъ такая скорбь чуялась.

3.

На станціи ждали щелинскія лошади.

И хоть Воробушкинъ своевременно телеграммой извѣстилъ пріятеля, точно высчитавъ день и часъ своего пріѣзда, лошадей, какъ оказалось, гоняли на станцію во второй разъ.

— Утромъ баринъ говоритъ: „Поѣзжай, Филиппъ, можетъ, пріѣхали, кто его знаетъ!“ Я и ѣздилъ,—объяснилъ качановскій кучеръ Филиппъ.

Воробушкина въ Качанахъ, какъ видно, ждали.

Только что прошелъ дождикъ, и вечеръ былъ такой чудесный, не надышишься, и ѣхать было легко по прибитой дождемъ дорогѣ.

Изъ разспросовъ узналъ Воробушкинъ отъ Филиппа, что гостей понаѣхало въ Качаны многое множество: всякій день наѣзжаютъ новые, и весь домъ и флигеля заняты.

Переѣхали рѣчку, а за рѣчкой начался лѣсъ щелинскій.

По позднему вечеру затеплились двѣ звѣздочки, двѣ серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши, звѣзды небесныя.

А проѣхавъ лѣсъ, поднялись на горку. И справа надъ садомъ забѣлѣли двѣ колокольни качановскія, вотъ и до́ма!

Гостя поджидалъ самъ хозяинъ. Михаилъ Петровичъ былъ очень доволенъ и привѣтливъ и, не давъ оправиться, потащилъ гостя прямо къ столу. По столу со всякими приставками съ конца до конца просторной столовой Воробушкинъ убѣдился, что гостей понаѣхало, дѣйствительно, не мало, и ему стало отчего-то грустно, но чай съ дороги разсѣялъ грусть.

Воробушкинъ пилъ чай и разсказывалъ пріятелю о своихъ дорожныхъ встрѣчахъ, о молодой Россіи, которая идетъ умирать за родину, и о Россіи молчаливой и скорбной, покорной передъ судомъ Божіимъ, Россіи въ бѣлыхъ платкахъ и о новой подрастающей хозяйственной Россіи, непришибленной и крѣпкой, объ Анюшкѣ Богдановой.

— А мы тутъ и въ войну перестали вѣрить!—перебилъ хозяинъ.

Жукъ ли къ хорошей погодѣ встрепенулся въ щелинскомъ чревѣ, либо разговоры Воробушкина такъ раздразнили, Михаилъ Петровичъ, прервавъ гостя, захлебываясь, понесся разсказывать о всякомъ: и о войнѣ, и о пріятностяхъ и безмятежіи качановской жизни, и, давъ гостю насытиться и чаемъ и разговоромъ, повелъ въ маленькій домикъ—отъ дома рукой подать черезъ дорогу за флигелями.

И теперь по волѣ тѣ двѣ звѣзды и третья съ ними налились серебромъ чистымъ и мерцали въ ночи, серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши, звѣзды небесныя.

За флигелями у дороги, весь открытый на солнцепекѣ, стоялъ домикъ, со стороны дороги въ розахъ и жасминѣ, тутъ, въ этомъ домикѣ, и поселится Воробушкинъ и найдетъ полное забвеніе и отдыхъ, а прислуживать ему будетъ пани Марія.

— Пани Марія, бѣженка изъ Калиша!—повторялъ Михаилъ Петровичъ, не по русскому сложенное, коверканное и какое-то для насъ, русскихъ, дурацкое газетное слово, которымъ обогатила жестокая роковая война нашъ ладный великій русскій языкъ,—бѣженка изъ Калиша!

И эта польская бѣженка, по настойчивому отзыву хозяина, не просто, а съ особой радостью будетъ служить гостю.

— Мы много ей помогали,—пояснилъ Михаилъ Петровичъ,—понимаете, вы понимаете, какъ она будетъ рада хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить. Не стѣсняйтесь, пожалуйста!

Домикъ, въ которомъ расположился Воробушкинъ на полное забвеніе и отдыхъ, представлялъ собой одну большую низкую комнату, вдоль раздѣленную на двѣ половины тоненькой, не доходящей до потолка перегородкой, а большая русская печь еще поперекъ дѣлила эти половины, по печкѣ поставлена была другая поперечная переборка, и получалось въ домикѣ не одна, а цѣлыхъ четыре комнаты, и въ каждой комнатѣ было, какъ въ одной: чаю отхлебнешь—слышно, чихнешь—слышно, почешешься—слышно. Переднюю половину съ параднымъ крылечкомъ,

теплой печкой и ходомъ на балконъ занялъ Воробушкинъ, задняя же половина съ кухней, сѣнями и чуланчикомъ досталась пани Маріи съ ребятами: совсѣмъ маленькимъ и подросткомъ. Пани Марія жила во всемъ домикѣ и только для Воробушкина перебралась съ ребятишками въ заднюю половину,—и это было такъ понятно и просто: пани Марія въ благодарность за всю ту помощь, какую ей оказали Щелины, конечно, съ радостью должна была потѣсниться для щелинскаго гостя!

Кровать поставили Воробушкину у печки и, хоть тепло было и даже очень—пани Марія въ этой печкѣ на своей половинѣ кушанье себѣ днемъ стряпала и пекла хлѣбы—спалъ Воробушкинъ въ первую ночь, какъ убитый. И лишь сквозь сонъ слышалъ, какъ ночью жалобно плакалъ ребенокъ, а подъ утро водовозъ привезъ воду,—или ужъ самъ качановскій благодатный воздухъ, которымъ съ вечера такъ полно надышался, нагналъ на него въ ту первую ночь сонъ крѣпкій, и плачъ и стукъ ведерный не смутилъ его.

На утро, когда къ нему вошла пани Марія, еще совсѣмъ молодая, такая измученная и несчастная, и безъ улыбки, съ живою на измученномъ лицѣ скорбью принялась за уборку, Воробушкину, глядя на нее, даже неловко стало, и онъ бросился помогать ей, и не могъ не замѣтить, что особой радости, о которой вчера ему разсказывалъ хозяинъ, прислуживаніе это у нея не вызываетъ.

Утренній чай пилъ Воробушкинъ въ домикѣ—послѣ уборки пани Марія поставила самоваръ, что заняло времени довольно: труба для самовара была прямая, на волѣ—ничего, тянетъ, а въ кухнѣ—не очень способно.

Обѣдалъ Воробушкинъ въ домѣ со всѣми—и вправду, какъ въ стародавнія времена либо нынче, когда не больно разъѣздишься, въ любой и самой неустроенной санаторіи, такой былъ съѣздъ въ Качанахъ, душъ тридцать гостей гостило! И какъ это у Михаила Петровича при всей его добротѣ душевной и хлѣбосольствѣ терпѣнія хватало—душъ тридцать гостей гостило!—а у Марьи Сергѣевны запасовъ?

Послѣ обѣда Воробушкинъ пилъ чай опять одинъ въ домикѣ.

Тутъ онъ еще пристальнѣе разглядѣлъ свою сосѣдку и еще большую почувствовалъ неловкость: не только ни о какой радости не могло быть и рѣчи, онъ ясно видѣлъ, что ухаживаніе за нимъ было ей въ тягость.

Пани Марія, приготовляя къ самовару, задержалась въ его половинѣ и разсказала всѣ свои бѣды—весь свой калишскій ужасъ.

Пани Марія жила въ Калишѣ, мужъ ея техникъ служилъ тамъ на заводѣ. Скопили они деньжонокъ и купили домъ, думали, жить имъ поживать въ ихъ новомъ домѣ, да и дѣтямъ останется. А когда началась война, нѣмцы вошли въ Калишъ, первымъ попался ихъ домъ, его и сожгли,—домъ ихъ стоялъ около казармъ какъ разъ на углу. Такъ кончилась счастливая мирная жизнь. Бездомные, уходили они изъ Калиша трижды и трижды возвращались,—надѣялись, придутъ русскіе, отобьютъ его у нѣмцевъ! А хоронились они въ погребѣ, и это было самое тяжкое время: мальчикъ кричитъ, плачетъ, вотъ ихъ откроютъ, и ужъ никому не будетъ пощады. Безпощадно расправлялись съ такими въ тѣ дни, и много погибло и дѣтей и женщинъ. А надрожавшись въ погребѣ, когда стало ясно, что надѣяться не на что, имъ оставалось одно, бездомнымъ, бросить и родную землю и итти, куда глаза глядятъ. Со старшимъ мальчикомъ пошла пани Марія, а младшаго—младшему и семи мѣсяцевъ не было—взялъ мужъ на руки. Ее пропустили—ничего, и старшаго мальчика пропустили, а мужа не хотятъ, не пропускаетъ часовой.

— Смотрю,—разсказывала пани Марія,—ужъ цѣлится, а мужъ стоитъ, поднялъ руку и мальчика поднялъ: „Не стрѣляй, молъ, или и ребенка не пощадишь?“ Ну, видно, у того свои были дѣти, вспомнилъ и опустилъ ружье. Такъ и спаслись.

Такъ и спаслись—сохранилъ ихъ Богъ, и хоть съ пустыми руками, бездомные, а вышли изъ бѣды сами-то цѣлы.

Пани Марія разсказывала горячо, съ какой-то изступленной клятвой поминая Пана Іезуса и Матерь Божію. И только коснувшись уличныхъ ужасовъ, пожаровъ, убійствъ и насилій всякихъ надъ дѣтьми и взрослыми, надъ старикомъ ксендзомъ, котораго волочили по улицамъ, только коснувшись непремѣнныхъ подробностей того страшнаго человѣческаго, не по человѣческому заваренного, дѣла, передавая случай, какъ на улицѣ убили отца и мать, а бывшую съ ними ихъ дѣвочку, дочь маленькую, оставили, и какъ эта самая дѣвочка, очутившись на мостовой между убитыми, не понимая ужасной участи матери и отца, безпомощная, обращалась къ нимъ, какъ къ живымъ,—папа! мама!—и, не получая отвѣта, теребила ручонками то одного, то другого, все повторяя: папа! мама!—голосъ пани Маріи вдругъ зазвучалъ подѣтски безпомощно, будто сама она и была этимъ покинутымъ среди убитыхъ на мостовой ребенкомъ, которому ни отецъ, ни мать не отвѣтятъ, и, какъ ни тереби, не помогутъ, и, какъ ни плачь—мама! папа!—не сохранятъ отъ бѣды, и она заплакала.

Пани Марія стояла у раскрытой двери въ ту заднюю полови-

ну, куда ее загнали ради Воробушкина, и плакала, и видно было и чуялось въ слезахъ ея горькихъ, что не дѣвочку ту безпомощную такъ жаль ей и не по ней она такъ горько плачетъ, а себя ей жалко, домъ свой новый сгорѣвшій, хозяйство свое, добро нажитое, свою покинутую разграбленную землю, свое сиротство на нашей русской землѣ...

И зачѣмъ они домъ купили? положить бы имъ скопленныя деньги въ банкъ, цѣлы были бы, и теперь на чужой землѣ съ такими деньгами не пришлось бы просить, и ее никто не потѣснилъ бы, она нашла бы себѣ свой уголъ и тутъ, вдали отъ родной земли!

Не скоро успокоилась—пани Марія все плакала—а когда высохли слезы, ужъ не такъ, не тѣмъ голосомъ, только жалобно, разсказала она Воробушкину, какъ Щелины нашли ее въ Москвѣ и поселили у себя въ Качанахъ, пріютили въ этомъ самомъ домикѣ, старшаго мальчика обѣщалъ Михаилъ Петровичъ устроить съ осени въ городское училище, мужу на станціи мѣсто выхлопоталъ, тамъ и живетъ онъ на мѣстѣ, и какъ не оставляютъ ея: Марья Сергѣевна даетъ ей муки, молока и картофелю, мужъ получаетъ на станціи маленькое жалованье и безъ поддержки съ ребятами никакъ невозможно!—и какъ Марья Сергѣевна выходила зимой ея младшаго мальчика—простуженный, безъ ея помощи не выжилъ бы мальчикъ!—и какъ за все это она благодарна Щелинымъ: и Михаилу Петровичу и Марьѣ Сергѣевнѣ.

Самоваръ погасъ за разговорами, пришлось раздувать заново и долго еще дожидаться запоздалаго послѣобѣденнаго чаю.

Ужиналъ Воробушкинъ въ домѣ со всѣми.

Послѣ ужина жукъ во чревѣ щелиномъ былъ особенно игривъ и проказливъ, и обычно Михаилъ Петровичъ, поймавъ какого-нибудь неискушеннаго гостя, отправлялся на прогулку, занимая гостя своимъ неистощимымъ разговоромъ жуку въ угоду. Если же спутника не случалось, остервенѣлый, ходилъ онъ съ высунутымъ языкомъ, который у него за отсутствіемъ собесѣдника просто болтался: жукъ начиналъ играть во чревѣ, слова лѣзли на языкъ, а говорить не съ кѣмъ, и оттого языкъ болтался.

Воробушкинъ, само собой, попалъ въ спутники къ Михаилу Петровичу и, улучивъ минуту, разспросилъ о пани Маріи, и разсказанное ею все подтвердилось.

— Она рада чѣмъ-нибудь отблагодарить насъ и съ радостью вамъ будетъ прислуживать. Не стѣсняйтесь, пожалуйста!—повторялъ Михаилъ Петровичъ.

Послѣ прогулки ждали чаю на сонъ грядущій.

Изъ щелинскихъ гостей, проводившихъ въ Качанахъ дни свои въ полномъ забвеніи и отдыхѣ, оказалось не мало замѣчательныхъ стратеговъ, которые, начитавшись газетъ и принимая всякіе изустные, часто вздорные, подчасъ и корыстные, слухи за истинную правду, ловко обсуждали ходъ военныхъ дѣйствій и предсказывали событія.

Въ этотъ вечеръ всѣхъ занимало московское извѣстіе о пчелиномъ роѣ, сѣвшемъ на Ивана Великаго: что все сіе значитъ?

А старая тетушка въ большомъ возрастѣ съ сѣдыми позеленѣвшими завитками, прислушиваясь къ разговорамъ, все недоумѣвала.

— Да почему же,—удивлялась она,—не соберутся державы и не перестрѣляютъ всѣхъ нѣмцевъ?

4.

Съ каждымъ днемъ Воробушкинъ убѣждался, что не только какого забвенія, но и самаго простого отдыха, о которомъ такъ много толковалъ и сулилъ ему въ Качанахъ Михаилъ Петровичъ, не было и быть не могло.

Пани Марію, въ этомъ онъ окончательно убѣдился, тяготило прислуживаніе—и самовары и уборка. Пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у ней обрывалась.

Какой ужъ тутъ отдыхъ, какое забвеніе!

Ночью плохо спалось—очень было душно и жарко отъ печки, и особенно въ тѣ и безъ того жаркіе дни, когда пани Марія пекла хлѣбы, а мальчикъ, котораго выходила Марія Сергѣевна, не очень-то здоровый, по ночамъ кричалъ и плакалъ.

Справится Воробушкинъ съ горячей печкой, кое-какъ приладится, кажется, забудетъ всякую печку, и вдругъ проснется: ребенокъ кричитъ! Пани Марія утѣшаетъ, а онъ все кричитъ—можетъ, поѣлъ чего, можетъ, и ему жарко, а можетъ, растетъ, и пани Марія, переговоривъ всѣ ласковыя слова, которыхъ такъ много знаетъ польскій языкъ, начинаетъ ужъ съ мальчикомъ, какъ съ взрослымъ, начинаетъ укорять его, не говорящаго еще и самыхъ простыхъ словъ, пеняетъ ему, что покоя съ нимъ нѣтъ, совсѣмъ измучилъ, что и такъ она несчастная, загнанная она на чужой землѣ, а еще и онъ ее разстраиваетъ. А ребенокъ все кричитъ и кричитъ. И тогда ужъ безъ словъ, безъ укора раздаются сухіе шлепки, а въ отвѣтъ такой подымается крикъ, отъ котораго въ ушахъ звенитъ,—куда звонъ желѣза на стройкахъ!—и падаетъ сердце.

Успокоится мальчикъ—всему есть пора: и слезамъ, и крику, такому дѣтскому крику, о которомъ не выскажешь, дѣтскому,—затихнетъ мальчикъ, и пани Марія успокоится, приладится и Воробушкинъ, кажется, забудетъ всякій крикъ, и вотъ, словно не проходитъ и минуты, опять проснется: водовозъ пріѣхалъ, воду привезъ—стучитъ ведрами, льетъ воду.

Послѣ такой ночи, когда входила пани Марія, такая вся несчастная, у Воробушкина языкъ не повертывался о чемъ-нибудь попросить, онъ старался дѣлать все, что возможно, самъ, и если заговаривалъ, а ужъ, значитъ, надо было заговорить по необходимости, пани Марія, вся измученная, смотрѣла на него не только непривѣтливо, но даже и враждебно: да и какъ ей по-другому смотрѣть—вѣдь всю-то ночь... повозись-ка ночь съ ребенкомъ, а тутъ еще самовары, да и не привыкла она, она никогда не прислуживала и прислугой не собиралась быть! И, прибравъ кое-какъ комнату, пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у нея обрывалась.

По близости случился пожаръ.

Пожаръ увидала пани Марія и сказала Воробушкину.

А какъ она вся, какъ листъ, дрожала и въ глазахъ ея горѣло—это горѣлъ домъ ея тамъ, на землѣ покинутой, ея земля горѣла и все то̀ счастье и миръ, котораго она съ мужемъ добилась, ея счастье горѣло!

Воробушкинъ бѣгалъ смотрѣть на пожаръ: къ пожару всегда тянетъ. Пожаръ былъ неподступный—горѣлъ льняной заводъ съ керосиномъ и нефтью, и по вѣтру огненныя стружки отъ стройки, какъ огненныя птицы, летѣли. Но не въ этомъ, не въ пожарѣ было грозно и страшно, а страшно было, когда побѣжалъ народъ всѣмъ народомъ тушить пожаръ,—заводъ принадлежалъ крестьянамъ, товариществу. И надолго осталось въ памяти, какъ тащили огромные черные багры, и видѣлась Воробушкину Россія—пожаръ, и бѣжитъ народъ и, какъ послѣднее, тащатъ эти огромные черные багры.

„А что если поджогъ?“—подумалось тогда, и увидѣлъ онъ въ глазахъ бѣжавшаго народа тотъ же самый вопросъ.

И было грозно и страшно.

Глаза искали: кто поджегъ? гдѣ поджигатель?

И онъ видѣлъ Россію—пожаръ, и бѣжитъ народъ и, какъ послѣднее, тащатъ эти огромные черные багры не тушить пожаръ неподступный, такого та̀къ не затушить — воля Божья! — а бѣжитъ народъ расправляться съ тѣми, съ тѣмъ, на кого скажетъ, не крикнетъ, а только скажетъ тотъ вонъ рыжій всклоко-

ченный мужикъ, прибѣжавшій за много верстъ изъ дальней деревни.

Михаилъ Петровичъ съ ногъ сбился, онъ и самъ тушилъ, а больше распоряжался. Слава Богу, заводомъ и кончилось, а то долго-ль до бѣды—при такомъ вѣтрѣ да всѣ Качаны какъ слизнуло-бъ!

Въ домѣ разговоръ на время перешелъ только къ пожару: надо было хоть какъ-нибудь возстановить добро, а кромѣ того, дѣлились свѣжими впечатлѣніями. Михаилъ Петровичъ собралъ крестьянъ и съ ними всякое толковалъ. И жукъ въ щелиномъ чревѣ затаился, какъ и вовсе не было. А черезъ день все было рѣшено и подписано: въ городъ посланы прошенія о ссудахъ и льготахъ и положенъ началъ новой стройки. И опять все пошло по-старому.

Тутъ только замѣтилъ Михаилъ Петровичъ перемѣну въ гостѣ: Воробушкинъ пріѣхалъ куда веселѣе, а за эти нѣсколько дней совсѣмъ захудалъ и бродилъ скучный.

Послѣ ужина, прогулявшись на пожарище, куда по привычкѣ стали ходить вмѣсто прогулки, Михаилъ Петровичъ зашелъ въ домикъ къ пріятелю.

— Да не стѣсняетъ ли васъ пани Марія?—спросилъ Михаилъ Петровичъ.

Воробушкинъ признался.

Воробушкинъ признался, что ему не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать. И только. Всего же, о чемъ передумалъ онъ за эти нѣсколько дней въ свои безсонныя ночи и готовился сказать, не сказалъ и не могъ сказать.

Ну, какъ это скажешь?

По добротѣ душевной и хлѣбосольству Михаилъ Петровичъ напригласилъ къ себѣ гостей полонъ домъ... зачѣмъ же было заманивать еще и Воробушкина, когда мѣста нѣтъ, да еще и сулить ему полное забвеніе и отдыхъ? Воробушкина помѣстили въ домикѣ къ пани Маріи за перегородку и въ сущности въ одной комнатѣ съ пани Маріей. А этого никакъ нельзя было дѣлать ни для него, ни для нея,—для нихъ обоихъ.

Это вѣрно—бываетъ такъ, что человѣкъ, которому оказана услуга, съ радостью въ благодарность за услугу готовъ чѣмъ-нибудь отслужить. Михаилъ Петровичъ, судя главнымъ образомъ по себѣ, нисколько не ошибался, предполагая, что и пани Марія рада будетъ отблагодарить и его, и Марью Сергѣевну. Пани Марія и вправду рада была отблагодарить Щелиныхъ! И въ одномъ

Михаилъ Петровичъ ошибся, онъ совсѣмъ не подумалъ, какъ и чѣмъ можетъ и хотѣла бы ихъ отблагодарить пани Марія. Михаилъ Петровичъ вмѣсто того, чтобы, какъ это полагалось бы по правдѣ, оказавъ человѣку услугу, особенно зорко слѣдить за поступками своими по отношенію къ этому обязанному человѣку и нечаянно какъ не напомнить ему объ услугѣ и тѣмъ самымъ не вызвать у него тягостнаго чувства должника, которому во что бы то ни стало надо расквитываться съ благодѣтелемъ, Михаилъ Петровичъ безъ всякой осторожности, нисколько не подумавъ о пани Маріи, а вспомнивъ лишь свою оказанную ей услугу, выбралъ такое дѣло, которое ему самому предоставляло удобства, и это дѣло въ сущности навязалъ исполнить пани Маріи за оказанную ей услугу. Ему надо было дѣвать куда-нибудь гостя, пріятеля своего, а мѣста въ домѣ не было, и вотъ хорошій случай для пани Маріи: пани Марія потѣснится, пуститъ къ себѣ въ домикъ щелинскаго гостя и будетъ прислуживать ему. Мало того, что не подумавъ о пани Маріи, Михаилъ Петровичъ навязалъ ей дѣло, лишь себѣ удобное, а и увѣрился, будто и для пани Маріи это дѣло удобное, а потому съ радостью будетъ она исполнять его.

Пани Марія никогда не забывала оказаннаго ей Щелиными добраго дѣла и рада была отблагодарить Щелиныхъ, и возможно, что, была бы рада ухаживать и все дѣлать для Марьи Сергѣевны, даже въ сѣни съ ребятами перебраться для Марьи Сергѣевны, но прислуживать щелинскому гостю она совсѣмъ была не рада, и если на предложеніе Михаила Петровича помѣстить у себя въ домикѣ Воробушкина и прислуживать Воробушкину дала таки согласіе и потѣснилась и кое-какъ прислуживаетъ, ставитъ самовары и полъ моетъ, то единственно и только по нуждѣ своей, по бѣдѣ своей, отъ несчастья своего. Ну, какъ же ей было отказать Щелинымъ, которые сдѣлали ей доброе дѣло, пріютили ее и поддерживаютъ и безъ которыхъ ей съ ребятами хоть по міру иди!

Ну, какъ это скажешь?

И сказать всего этого Воробушкинъ не могъ потому, что пріятель, заманивъ его въ Качаны, какъ разъ именно ради него, Воробушкина, и поступилъ такъ, и упрекать Михаила Петровича совсѣмъ не годилось, хоть и поступилъ онъ совсѣмъ необдуманно, поставивъ въ самое дурацкое положеніе прежде всего его же самого, которому обѣщалъ забвеніе и отдыхъ, и огорчивъ и безъ того огорченную, судьбой обиженную, несчастную пани Марію. А кромѣ того, зная хорошо Михаила Петровича, было не безо-

пасно признаваться ему во всемъ по правдѣ: сгоряча Михаилъ Петровичъ можетъ, Богъ знаетъ, чего натворить—вѣдь Михаилъ Петровичъ никакъ не могъ понять, какъ это такъ пани Марія, обязанная всѣмъ ему и Марьѣ Сергѣевнѣ, не рада ихъ отблагодарить прислуживаніемъ Воробушкину! Михаилъ Петровичъ могъ сказать что-нибудь очень обидное пани Маріи и, наконецъ, вгорячахъ же просто пригрозить выгнать ее изъ домика.

— Да, мнѣ не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать!—повторилъ Воробушкинъ.

И вотъ отъ несказанныхъ ли признаній, смутно проникшихъ въ душу, или отъ собственной догадки о той правдѣ, которую скрылъ Воробушкинъ, не желая упрекать пріятеля, и которую не допускалъ Михаилъ Петровичъ, Михаилъ Петровичъ вдругъ словно ощетинился.

— Я знаю, какъ васъ избавить отъ этой пани Маріи! Завтра же вамъ будетъ прислуживать кучерова дѣвочка Тая...

И, не дожидаясь отвѣта, Михаилъ Петровичъ прошелъ на половину пани Маріи—пани Марія во дворикѣ сидѣла съ ребятишками—и вернулся съ самоваромъ и трубой.

— А чайникъ у васъ есть?

Воробушкинъ оглядѣлъ столикъ—темно ужъ было,—на столикѣ, на подносѣ стоялъ одинъ стаканъ.

— Нѣтъ, нѣту!—сказалъ Воробушкинъ упавшимъ голосомъ, самъ не зная, чему испугавшись.

Михаилъ Петровичъ опять вышелъ и что-то долго шарилъ тамъ по полкамъ и принесъ чайникъ.

— Вотъ вамъ и чайникъ!

И, наложивъ крючокъ на дверь къ пани Маріи, подергалъ: крѣпко-ль? И также рѣшительно вышелъ онъ изъ домика черезъ балконную дверь. И скоро вернулся и не одинъ, а съ Таей, кучеровой дѣвочкой, очень похожей на Анюшку Богданову, въ красненькомъ платьицѣ: она поутру постучитъ въ балконную дверь, разбудитъ Воробушкина, будетъ носить ему воду, прибирать комнату и ставить самоваръ.

Тая побѣжала за углями. Михаилъ Петровичъ присѣлъ къ столу: какой-то онъ сталъ грустный такой.

— А этотъ чайникъ не пани Маріи?—робко спросилъ Воробушкинъ: ему показалось, словно бы раньше, всѣ эти дни, онъ пилъ не изъ такого.

Михаилъ Петровичъ рѣзко отвѣтилъ:

— Я далъ, я могу и назадъ взять. Никакого чайника у пани Маріи не было!

5.

Ночью прошелъ дождь.

Какъ спится подъ дождь сладко!

Воробушкинъ долго ворочался, и снилось ему что-то запутанное: и тащили его куда-то, и онъ тащилъ кого-то, потомъ очутился онъ въ какой-то комнатѣ, а въ сосѣдней комнатѣ лампа горитъ и очень отъ нея жарко, и вдругъ всѣ встали и ушли, и видитъ онъ, одинъ остался Михаилъ Петровичъ, голый Михаилъ Петровичъ моетъ полъ подъ лампой и у него рыбій хвостъ, и опять потащили, а Тая—Анюшка Богданова—въ красненькомъ платьицѣ стучитъ въ балконную дверь, а онъ и слышитъ, а встать не можетъ.

— Чайничекъ забрали!—услышалъ онъ ясно и съ болью открылъ глаза.

Еще чуть только свѣтъ, и тихо за окномъ.

— Чайничекъ забрали!—повторила пани Марія.

Старшій мальчикъ что-то со сна отвѣтилъ ей ворчливо.

И послышался одинъ долгій вздохъ, какъ только вздыхала пани Марія.

Воробушкинъ лежалъ съ открытыми глазами, сна ужъ не было.

— Чайничекъ забрали!—повторялось за перегородкой.

Пани Марія жаловалась Богу на обиду, какъ ее обидѣли: у нея домъ сожгли, загнали ее на чужую землю и теперь съ несчастной все, что угодно, могутъ сдѣлать.

— Чайничекъ забрали!—жаловалась пани Марія Богу, словно въ этой послѣдней обидѣ, въ этомъ чайничкѣ собралась вся ея обида, бѣда, все ея горе, она нашла имя бѣдѣ своей, назвала ее по имени и повторяла, обращаясь къ Богу.

Воробушкинъ лежалъ съ открытыми глазами, проникнутый этой душу надрывающей жалобой, и почему-то вспомнилась ему та молодая баба съ ребенкомъ, проводившая мужа, та баба, которая лежала въ пыли у жандармской комнаты на затоптанной травѣ, и голосъ пани Маріи слился съ ея голосомъ.

Пріѣхалъ водовозъ. Водовозъ долго громыхалъ ведрами. Пани Марія и ему разсказала о своей обидѣ и ужъ съ какою-то радостью заключила словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе.

— Чайничекъ забрали!

А на вопросъ водовоза, куда наливать барину воду и гдѣ ведра, одно отвѣчала потерянная въ своей обидѣ, какъ тотъ въ бѣдѣ, у кого впереди одна бѣда.

— Ничего не знаю! Ничего не знаю!

Да и такъ, откуда ей знать: дверь на половину Воробушкина на крючкѣ, и ей нельзя пройти.

— Чайничекъ забрали!—опять съ какою-то радостью заключила она словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе.

За водовозомъ постучала въ балконную дверь Тая, она постучала куда раньше, чѣмъ ей полагалось, но теперь Воробушкину все равно: раньше или позже. Тутъ ужъ и Тая не поможетъ!

Тая вынесла самоваръ на балконъ. А оставленные на балконѣ угли за ночь отсырѣли. Побѣжала за углями. И дай Богъ черезъ часъ самоваръ поспѣетъ!

Воробушкинъ заглянулъ въ окно къ черному ходу: тамъ на крылечкѣ сидѣлъ старшій мальчикъ и въ стаканѣ разминалъ чайники. Жалко ему стало. И зачѣмъ это онъ вчера затѣялъ разговоръ съ Михаиломъ Петровичемъ? Ну, взять бы ему тихо, смирно и уѣхать изъ Качановъ, и никто бы Богу не жаловался. Ну остался бы хозяинъ недоволенъ, конечно, посердился бы на него, но это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то!

Пани Марія за перегородкой вздохнула, какъ вздыхала только пани Марія.

И опять начала она къ Богу свою жалобу о бѣдѣ и обидѣ, и о горѣ своемъ.

— Чайничекъ забрали!

Самоваръ поспѣлъ. Ловко и проворно внесла его Тая. Воробушкинъ заварилъ чай и ходилъ около стола, гдѣ стоялъ чайникъ. И такой маленькій представлялся онъ ему огромнымъ чугуномъ, пышущумъ, жаркимъ, какъ та жаркая лампа, заполнявшимъ собою всю комнату—и не приступишься!—чайничекъ заполнялъ всю половину домика, весь домикъ.

Часъ и другой претерпѣлъ Воробушкинъ, собирая свои вещи и укладываясь, чтобы немедля ѣхать домой, въ Петроградъ, на Дегтярную.

Чайничекъ, заполнивъ весь домикъ, заполнялъ щелинскіе Качаны съ домомъ, флигелями, полемъ и лѣсомъ, вездѣ онъ одинъ былъ и маленькій, а такой непомѣрный, такой пышущій, жаркій, какъ та жаркая лампа, подъ которой Михаилъ Петровичъ съ рыбьимъ хвостомъ голый полъ мылъ, и ничего другого не оставалось, какъ бѣжать.

„Оттолкнусь, какъ шестомъ отъ берега и забуду!“—хватался Воробушкинъ за единственную спасительную мысль свою — бѣжать безъ оглядки.

Михаилъ Петровичъ на заявленіе гостя объ отъѣздѣ остался очень недоволенъ: какъ же это такъ, развѣ не нашелъ Воробушкинъ въ Качанахъ отдыхъ или не доволенъ, что много гостей, но вѣдь кто же этого не знаетъ, что среди лѣта въ деревнѣ всегда много гостей, и притомъ же онъ достаточно ясно предупреждалъ его въ письмѣ, говоря русскимъ языкомъ, что „постарается устроить покойно и удобно", не сказалъ, что „устроитъ", а „постарается устроить"!

— Я же вамъ писалъ, что у насъ все занято—и домъ, и флигеля!—сердился Михаилъ Петровичъ, городя небывалое.

Воробушкинъ не возражалъ, Воробушкинъ старался какъ-нибудь оправдаться, ссылался на всякія тревоги, которыя его одолѣваютъ, и что безъ Дегтярной онъ не можетъ. Но выходило не очень-то убѣдительно. Воробушкину никто не вѣрилъ, и онъ видѣлъ въ глазахъ одно осужденіе.

— Просто привередничаетъ!—говорили про него.

— Конечно, привередничаетъ! Какой чудесный, уютный домикъ, какія подъ окнами розы цвѣтутъ и жасминъ! А если съ пани Маріей не поладилъ,—находились-таки догадливые,—стоитъ ли на это обращать вниманіе!

А щелинскій кучеръ Филиппъ ужъ прилаживался на облучкѣ, по невеселому, по сѣрому деньку весело чтобы везти барина по прибитой дождемъ дорогѣ назадъ на станцію.

Алексѣй Ремизовъ.

ТАЙНА ОРУЖІЯ.

Романъ Эрнеста Псикари [1]).

Ernest Psichari. L'Appel des armes. G. Oudin et C-ie, éditeurs. Paris.

Тому, чей духъ сопровождалъ меня въ пустыняхъ Африки, иному отшельнику, въ комъ живетъ сейчасъ душа Франціи, чьи труды исполнили благоговѣйною любовью нашу юность, учителю *Шарлю Пеги,* эту книгу нашего величія и нашей нищеты

посвящаетъ *Э. П.* [2]).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Не мало восхитительныхъ пейзажей видѣлъ на своемъ вѣку капитанъ Нанжесъ, но всего болѣе любилъ онъ тотъ крошечный уголокъ Бри, гдѣ вблизи мирнаго Креси, посреди блѣдныхъ луговъ, осѣненный прибрежными кустами и плакучими ивами, течетъ извилистый Гранъ-Моренъ. Сюда привыкъ онъ пріѣзжать

---

[1]) „Когда авторъ этого повѣствованія во Франціи вступилъ въ военную службу, то ему показалось, что онъ начинаетъ совершенно новую жизнь. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, почувствовалъ, что оставилъ за собою все безобразіе современной жизни и вступилъ въ первую стадію того пути, который приведетъ его къ болѣе чистому величію.

Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя терпѣливому изученію области, въ которую проникъ, и укрѣпленію себя въ тѣхъ правилахъ, съ помощью которыхъ ему придется по ней направляться.

Изъ этихъ юношескихъ размышленій составилась эта книга, начатая въ пылу двадцать шестого года, и законченная въ африканской пустынѣ, въ палаткѣ, въ долгіе часы прекраснаго изгнанія".

[2]) Въ настоящую минуту ни автора книги,—Эрнеста Псикари, ни мыслителя Шарля Пеги, которому посвящена книга, написанная въ періодѣ 1910—1912 гг.,—нѣтъ въ живыхъ. Оба пали славною смертью въ бояхъ противъ германцевъ. Э. Псикари былъ убитъ 22-го августа 1914 г. на бельгійской границѣ, выполняя тяжелую задачу прикрытія отступавшихъ отъ Шарлеруа войскъ. Задача была геройски выполнена его батареей, вплоть до послѣдняго снаряда. Юный поручикъ погибъ, отстрѣливаясь изъ револьвера, у своихъ приведенныхъ въ негодность орудій.

Переводч.

на отдыхъ послѣ трудныхъ походовъ, здѣсь научился любоваться вновь кроткою красотою французской природы. Нигдѣ не удавалось ему среди такой тишины завершать мечты, зародившіяся среди шумныхъ степей Африки или среди тоскливыхъ азіатскихъ плоскогорій, нигдѣ не удавалось придать этимъ мечтамъ такую задушевную, такую серьезную форму.

Въ этомъ уголкѣ Иль-де-Франса поднимается со дна души и охватываетъ васъ одно настроеніе, настроеніе благоговѣнія и любви. По вечерамъ, когда солнце загораживаетъ темно-фіолетовою полосою тяжелыя нивы на горизонтѣ, сквозь нѣжный ночной шелестъ буковъ на васъ набѣгаютъ волны любви и той тихой сладости, какая пробуждается въ душѣ при видѣ счастливаго семейнаго очага. По выбитымъ дорогамъ, кое-гдѣ осѣненнымъ свѣсившеюся яблоней, попадаются навстрѣчу мужчины и дѣти, разливаются широкіе звуки вечерней молитвы. Влажные ароматы поднимаются надъ долинами. Холмы, съ нѣжными очертаніями, дышатъ ночью глубокимъ покоемъ...

Округъ Мо, подземныя пещеры Жуарры, колокольни маленькихъ общинъ, приходскія колокольни Креси, Виллье, Вуланжи... Часы бѣгутъ, свѣтлые и легкіе, напоенные не сладострастіемъ, а нѣжностью...

Не мало было говорено о красотѣ, о нѣжной гармоніи, о благородномъ изяществѣ этой кроткой природы. Но не за этимъ пріѣзжалъ въ эти мѣста Тимотэ Нанжесъ, когда, останавливаясь среди своей мятежной жизни, онъ искалъ какого-то постоянства, какой-то логики. Въ этомъ уголкѣ онъ цѣнилъ его величавость, его напряженность и серьезность, вполнѣ между тѣмъ понятныя и ясныя.

Люди живутъ здѣсь въ согласіи съ природою, серьезные, какъ она, пылкіе безъ легкомыслія, безъ лишняго изящества. Красота чисто внутренняя, духовная. Въ иные вечера здѣсь припоминается Паскаль, съ такимъ глубокимъ пониманіемъ французской души сказавшій: „Постоянство... слезы радости“. Но здѣсь больше молодости, больше здоровыхъ соковъ.

Въ этихъ мѣстахъ Тимотэ переставалъ восхищаться. Онъ былъ дома, у себя. Здѣсь говорила душа, на образы не обращалось вниманія. Онъ бывалъ именно радъ, когда можно было не восхищаться, и тогда онъ понималъ сладость жизни. Въ другихъ мѣстахъ повсюду онъ будетъ восторгаться или критиковать. Здѣсь— нисколько. Онъ дышалъ легко среди чудесной природы, постоянной, прочной, удобной, гдѣ ему было хорошо, уютно, гдѣ онъ чувствовалъ себя естественнымъ, простосердечнымъ, вполнѣ къ ней примѣнившимся.

Близился октябрь; Нанжесъ покинулъ гарнизонъ въ Шербургѣ и пріѣхалъ въ Креси пострѣлять куропатокъ и насладиться чарами поздней осени. Онъ охотился, одѣтый въ крестьянское платье, обутый въ грубые башмаки, съ трубкою въ зубахъ. Онъ любилъ здоровыя радости жизни, статныхъ лошадей, охоту, движеніе. Въ сорокъ лѣтъ у него не было иного желанія, какъ сохранить свою изумительную физическую силу; еще хотѣлъ онъ, чтобы дни его жизни были прекрасны и просты, какъ прямой полетъ большихъ морскихъ птицъ. Привыкнувъ къ одиночеству, онъ не былъ незнакомъ съ волненіями пылкой, тревожной совѣсти, съ тонкою чувствительностью, всегда готовой отдаться впечатлѣніямъ минуты. Но, быть можетъ, въ силу именно этого, Нанжесъ и ощущалъ потребность строить жизнь на нѣсколькихъ простыхъ реальностяхъ, а молодость души, которую онъ сохранилъ, только прочнѣе укрѣпляла и глубже обосновывала эти реальности. Онъ жилъ въ какомъ-то суровомъ и сосредоточенномъ блаженствѣ.

Счастье его проистекало, главнымъ образомъ, отъ его страстнаго отношенія къ своему дѣлу, въ которое онъ вносилъ своеобразный мистицизмъ, и отъ той пылкости, съ которою онъ старался уловить многообразные и измѣнчивые лики жизни. Онъ былъ вмѣстѣ и воиномъ старыхъ временъ, котораго коробила всякая современная мысль, и человѣкомъ, глубоко связаннымъ со своимъ вѣкомъ, въ томъ смыслѣ, что онъ былъ зараженъ всѣми его тревогами, всѣми волненіями, всею его темною мукою. Нанжесъ обладалъ богатствами, но, слишкомъ сосредоточенный въ себѣ, слишкомъ внутренній, онъ не умѣлъ извлекать изъ нихъ радостей. У него было прекрасное прошлое въ Суданѣ, но онъ никогда не ждалъ за него наградъ. Такіе люди еще существуютъ.

Вмѣстѣ съ Тимотэ на охоту ходилъ юноша, который ему чрезвычайно нравился. Звали его Морисъ Венсанъ. Онъ былъ сыномъ мѣстнаго сельскаго учителя. Капитанъ Нанжесъ любилъ его взглядъ, знакомившійся съ жизнью, любилъ его нетерпѣніе и былъ счастливъ бродить съ нимъ по привычнымъ, знакомымъ мѣстамъ.

Они вязли въ теплой землѣ. Тишина была восхитительная, таинственная, словно сотканная изъ далекихъ, неслышныхъ звуковъ. Время отъ времени то одинъ, то другой подзывали свистомъ стараго сеттера Брике...

Въ послѣдній день, въ день отъѣзда Нанжеса въ Шербургскій гарнизонъ, они вышли рано на охоту. Моросилъ мелкій дождь. Оба молчали. Капитанъ былъ не изъ говорливыхъ. Они шли около часу, когда онъ вдругъ сказалъ:

— Погода не плоха. Длинныя ночи и дожди помогутъ землѣ хранить запахъ дичи. Гончимъ будетъ работа...

— Да, г. Нанжесъ, вы уѣзжаете въ неблагопріятную минуту. Скоро бекасы прилетятъ...

Оба любили природу и знали ее, но не какъ художники и поэты, а основательно; знали не лиризмъ ея, а ея повседневную жизнь; любили ее не поэтически, а смиренно, по-братски. Оба, хотя и въ разной степени, были хорошо подготовлены. Отецъ Мориса, туманный и многорѣчивый теоретикъ, не лишенный честолюбія, отослалъ сына въ раннемъ дѣтствѣ въ гимназію въ Мо. Опередивъ элементарное развитіе г. Венсана, мальчикъ въ коллежѣ пристрастился къ хорошимъ книгамъ, къ изящной словесности, къ красотѣ языка, къ идеямъ. Но въ немъ не пропала и дѣтская любовь къ природѣ. Онъ чувствовалъ себя лучше въ поляхъ, окропленныхъ осеннею росою, чѣмъ въ учебной комнатѣ. Спертый воздухъ классныхъ преслѣдовалъ его. То было какъ бы смутное предчувствіе, что въ родной долинѣ онъ будетъ въ большей безопасности, чѣмъ въ сумрачныхъ академіяхъ современныхъ педагоговъ. Въ этомъ онъ сходился съ капитаномъ Нанжесомъ, вступившимъ на ту же дорогу, но болѣе сознательно, изъ ненависти къ тому, что̀ въ настоящее время зовется интеллектуализмомъ, въ противоположность, разумѣется, просто разуму.

Охотники шли по широкому плоскогорью, мокрый вѣтеръ наполнялъ все кругомъ тоскою. Капитанъ подстрѣлилъ четырехъ ржанокъ, заблудившихся въ жнивьѣ; было поздно, и они направились завтракать въ знакомый трактиръ.

Охваченный волненіемъ, которое онъ старался сдерживать, опьяненный вѣтромъ и запахами, капитанъ вспоминалъ за завтракомъ свои охоты въ далекомъ Суданѣ, походъ въ Африкѣ, былые труды и тяготы. Юношѣ рисовались суровыя равнины, солнце, люди, передвигающіеся съ трудомъ. Но онъ былъ сынъ учителя Венсана и никогда раньше не слыхивалъ подобныхъ разсказовъ. Можно вообразить, какое волненіе вызывали въ душѣ его эти новые для него отзвуки.

Французъ вѣчно разсуждаетъ и ищетъ доказательствъ. Морисъ, слушая разсказы капитана, хотѣлъ взвѣсить и оцѣнить испытываемое волненіе. На вѣру онъ не хотѣлъ принять ни воинственныхъ картинъ, рисовавшихся его воображенію, ни вообще этихъ далекихъ красивыхъ отзвуковъ. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые идутъ добровольно на извѣстную двойственность: пусть сердце тронуто, а разумъ молчитъ. Каково же было положеніе Мориса относительно капитана Нанжеса?

Морисъ горѣлъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ пылъ, который считалъ давно угасшимъ, ибо наставники научили его сладкимъ мелодіямъ человѣчности. Онъ дрожалъ при шелестѣ широкихъ крыльевъ Славы; развѣ онъ не внималъ героической эпопеѣ? Но онъ тотчасъ спохватывался, негодовалъ на движеніе сердца и, въ качествѣ примѣрнаго ученика, проклиналъ войну.

Чтобы лучше уяснить себѣ этотъ маленькій внутренній поединокъ, надо припомнить, что дѣло происходило въ минуту торжества пасифистовъ. Отвергалось всякое примѣненіе, всякое проявленіе силы. Надо было—въ кругу Мориса это вмѣнялось въ обязанность—унижать армію, и особенно, когда она выполняла военную задачу, дѣйствуя въ колоніяхъ. Надо было ненавидѣть ружья, и особенно, когда они служатъ для стрѣльбы. Это была главная тема эпохи, ея лейтъ-мотивъ и какъ бы одна изъ общественныхъ задачъ момента. Допускались, правда, нѣкоторыя измѣненія. Одни люди—къ числу ихъ принадлежалъ отецъ Мориса—проклинали солдатъ и военное знамя. Другіе мечтали объ арміи, которая была бы продолженіемъ свѣтской обязательной начальной школы, послѣшкольнымъ дѣломъ, по любимому выраженію той эпохи; словомъ, въ силу какого-то страннаго противорѣчія, армія должна была стать орудіемъ самого пасифизма. Въ народѣ, какъ и въ буржуазіи, многіе находили устарѣвшими и недостойными нашего времени старыя воинскія народныя доблести и жаждали покоя, которымъ такъ дорожатъ честныя и робкія души. Можетъ ли молодой человѣкъ отколоться отъ эпохи и не исповѣдовать столь высокихъ чувствъ? Но пусть на его пути встрѣтится прохожій, разскажетъ ему о далекомъ походѣ, вызоветъ въ его воображеніи картину степи, съ высокою травою, въ которой ползутъ солдаты, съ ружьемъ въ рукѣ, грохотъ осады въ трепетномъ свѣтѣ южнаго дня,—и старыя дрожжи поднимаются. То, что спало, пробуждается, и если юноша искрененъ, то онъ ставитъ все на карту.

Въ сельскомъ трактирѣ въ Бри, въ то время какъ охотники отдыхали, попивая новое легкое аваллонское вино, разыгрывалась маленькая драма.

Въ волненіи молодой человѣкъ думалъ, но не смѣлъ высказать:

— Армія—прекрасна, и злословить ее, какъ то дѣлаетъ отецъ, нехорошо, я это чувствую. Но къ чему всѣ эти побѣды, всѣ эти злоупотребленія неправой силой, нездоровымъ хмелемъ которой, я вижу, уже опьяненъ капитанъ Нанжесъ? Я не хочу растрогиваться передъ доблестными поступками,—они внушаютъ мнѣ гро-

мадное преклоненіе передъ тѣмъ, кто ихъ совершаетъ, но они отдаютъ средневѣковьемъ. Быть можетъ, армія достигла бы болѣе трезвой, болѣе современной красоты, если бы захотѣла стать скромной воспитательницей націи и отказаться отъ дорого стоящихъ и сомнительныхъ военныхъ забавъ. Ибо, если...

Но то была уже уступка. А развѣ не захватывалъ этотъ споръ, вовлекавшій въ дѣло столько противоположныхъ и равныхъ силъ, въ безразсудномъ согласіи которыхъ и заключалась именно болѣзнь вѣка? Въ сущности Морисъ Венсанъ не желалъ этого согласія, этого примиренія. „Надо бороться,—говоритъ Паскаль.— Это не добровольно, человѣкъ принужденъ къ этому". Морисъ былъ честенъ. Онъ не хотѣлъ испытывать пріятныя душевныя волненія, слушая разсказы Нанжеса, и въ то же время не слѣдовать за нимъ туда, куда тотъ хотѣлъ его увлечь; не хотѣлъ брать все и не давать ничего. Онъ понималъ, что въ подобномъ спорѣ дѣло не въ томъ, чтобы быть до извѣстной степени *за*, или до извѣстной степени *противъ*. Невозможно, чтобы сердце проводило свою границу, а разсудокъ свою, чтобы и воображеніе и чистая теорія были одинаково заинтересованы. Между этими крайностями колебаться было невозможно. Надо было рѣшать.

Это и высказалъ капитанъ Нанжесъ, когда, расплатившись съ хозяйкой, они очутились снова на Мелюнской дорогѣ.

— Всѣ эти волненія—онъ говорилъ объ африканскомъ походѣ—ничто безъ осмысливающей ихъ идеи. Не слишкомъ большая доблесть, дорогой Морисъ, умереть отъ жажды въ пустынѣ. Но большая доблесть—имѣть идею или,—если хочешь употребить гонимое слово,—имѣть вѣру. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы— сила прошлаго. Это вѣрно. Съ нами невозможны никакія соглашенія, никакія сдѣлки. Солдатъ — человѣкъ изумительной простоты. Наша настольная книга заключаетъ въ себѣ всего нѣсколько теоремъ, которыхъ достаточно для нашихъ потребностей. Но зато изъ нея ничего уже не выкинешь, ничего къ ней не прибавишь. Если выкинуть или прибавить, какъ бы мало ни было, то уничтожается все. Ничтожнѣйшее добавленіе или пропускъ ведутъ къ полному извращенію. Я не требую...

Сколько силы было въ этой искренности, и именно въ искренности! Капитанъ не часто говорилъ такъ. Но надо сказать, что во время долгихъ прогулокъ за послѣдніе дни Морисъ Венсанъ страшно заинтересовалъ его. Дѣло не въ томъ, что они, какъ мы уже говорили, обмѣнялись большимъ количествомъ словъ. Но Морисъ казался ему человѣкомъ значительнымъ или, по Эмерсону, однимъ изъ „представителей человѣчества".

Юноша обладалъ лучшими качествами своей расы, богатымъ духомъ латинскихъ народовъ, но духомъ, не оторваннымъ отъ земли, отъ почвы. Онъ былъ превосходный охотникъ и проявлялъ на охотѣ всего себя, свою смѣлость, рѣшительность, изобрѣтательность, здравый смыслъ и тонкость. Охота во Франціи является менѣе спортомъ большихъ баръ, нежели занятіемъ людей, принадлежащихъ къ классу Венсана: богатыхъ крестьянъ, мелкихъ дворянъ, чиновниковъ, небогатыхъ помѣщиковъ. Морисъ Венсанъ, въ бархатныхъ панталонахъ, въ сѣрыхъ полотняныхъ гетрахъ, въ грубой шерстяной фуфайкѣ, надѣтой подъ куртку, съ разсудительнымъ видомъ и медленною рѣчью, типиченъ для этого класса. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, явленіе значительное, которое въ обстановкѣ Иль-де-Франса можетъ проявить всю свою цѣнность. Нанжесъ во время прогулокъ съ нимъ подмѣтилъ въ немъ серьезность, извѣстный возвышенный тонъ, потребность въ системѣ, въ порядкѣ, вмѣстѣ съ наивною самостоятельностью.

— Я не требую,—продолжалъ Нанжесъ,—чтобы ты соглашался со всѣмъ, что я говорю. Многіе солдаты даже—увы!—не принимаютъ этого. Люди возстаютъ противъ мелочей. Даже тѣ, кто не порицаетъ общаго, порицаютъ отдѣльные факты, грубость капраловъ, безполезность нѣкоторыхъ „притѣсненій“ или тяжелыхъ работъ, налагаемыхъ безъ видимой причины, часто встрѣчаемое въ казармѣ презрѣніе къ „баккалаврамъ“, къ „интеллигентамъ“, ту или иную суровость, оскорбляющую индивида. На болѣе высокой ступени тѣ, кто не порицаютъ принципа, порицаютъ его приложеніе, его случайное примѣненіе, и тогда уже имѣютъ въ виду завоевательную армію. Всѣ неправы. Надо выбирать. Это непреложное цѣлое: каждая вещь имѣетъ въ немъ свое мѣсто, или оно—ничто. „Тотъ, кто не за меня,—противъ меня“. Ты много читалъ, дитя, и слова твоихъ учителей привили тебѣ тревогу современной совѣсти. Но въ томъ, что меня занимаетъ въ настоящее время, чтеніе—второстепенная вещь. Армія—предметъ вѣры. Если даже ты и послѣдуешь за мною, то я не требую, чтобы ты остался въ арміи всю жизнь. Я желалъ бы только, чтобы, поступая на военную службу, ты думалъ заранѣе, что найдешь тамъ все хорошимъ. Напомню тебѣ нашего великаго Паскаля. Онъ требовалъ, чтобы человѣкъ выполнялъ религіозные обряды раньше, чѣмъ начиналъ вѣрить, и онъ пишетъ знаменитыя слова: „Естественно, это заставитъ васъ вѣрить и поможетъ вамъ поглупѣть.— Но этого-то я и боюсь.—А почему? Что вы потеряете?“ Я, съ своей стороны, не боюсь этихъ крайностей.

Быть можетъ, въ данномъ случаѣ Нанжесъ заходилъ через-

чуръ далеко. Но оказалось, что онъ говорилъ именно то, что нужно было. Его рѣчи были полезнымъ отвѣтомъ на уроки г. Венсана.

Раздираемый между двумя лагерями, Морисъ долженъ былъ слушаться своего сердца. Онъ сознавалъ опасность. Пойти за деревенскимъ учителемъ значило потерять все,—и настоящее познаніе самого себя, и примѣненіе своихъ здоровыхъ силъ. Его прирожденныя добродѣтели уже не найдутъ себѣ приложенія.

Нанжесъ былъ гордъ, что нанесъ ударъ, могущій погубить или спасти молодого человѣка. Или Морисъ обрѣтетъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ найдетъ свою настоящую дорогу, или, наоборотъ, онъ испугается силъ прошлаго и, подобно многимъ другимъ, пойдетъ на лицемѣріе, согласится на двойную игру, возмущающую его теперь. Въ самомъ дѣлѣ, въ ту минуту, когда онъ замѣтилъ, что увлеченъ страстными разсказами капитана, развѣ онъ уже не отбросилъ это лицемѣріе? Все это такъ спутано, что онъ не рѣшается итти дальше. Онъ желаетъ только вѣрить въ жизнь.

Когда капитанъ и онъ поровнялись съ первыми домами Вуланжи и нѣсколько успокоились послѣ глубокихъ экскурсовъ внутрь себя, они увидѣли на тропинкѣ, шедшей черезъ поле, красивую, свѣжую молодую дѣвушку, почти ребенка, за которою бѣжала убранная лентами козочка.

— Ахъ, г. Тимотэ,—весело сказалъ юноша,—вы еще не знакомы съ моею молоденькою пріятельницей. Ее зовутъ Клэръ Монестье. Не правда ли, она мила?

Подойдя къ дѣвушкѣ, онъ взялъ ее за руку и съ дѣтскою гордостью сказалъ, что представляетъ ей Нанжеса, капитана колоніальной артиллеріи.

Тонъ, которымъ было сдѣлано представленіе, не ускользнулъ отъ Тимотэ. То было новымъ указаніемъ. Когда они пошли дальше, направляясь къ дилижансу Креси, Морисъ сказалъ:

— Мы еще не женихъ и невѣста. Но когда-нибудь поженимся.

Эта любовная простота привела въ восторгъ капитана. Онъ видѣлъ въ ней не страсть, а нѣжное, тонкое, хорошее, прочное чувство. Ни малѣйшаго любовнаго любопытства, ни малѣйшаго нетерпѣнія. Ничего, кромѣ прямого, яснаго взгляда, въ которомъ свѣтилась воля.

II.

Вотъ, что вспоминалось капитану Нанжесу однажды зимнимъ утромъ, нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія въ Шербургъ.

Онъ только что покинулъ постель, на которой еще спала его любовница, и съ печалью думалъ о юношеской, идиллической любви.

Едва свѣтало. Нанжесъ перешелъ въ уборную, взялъ душъ, выбрился и спѣшно одѣлся. Затѣмъ, съ чувствомъ удовлетворенія подвилъ себѣ усы и вернулся въ спальню. Ему хотѣлось поскорѣе очутиться на дворѣ, на сырости, подъ холодными каплями дождя, принесеннаго морскими вѣтрами. Отъ тяжелаго аромата въ спальнѣ кружилась голова. То былъ знакомый ароматъ любовныхъ ночей, ароматъ простынь, влажныхъ отъ пота и ядовитой вервены, ароматъ желаній и ночи. Жизнь окутана тьмою. Кажется, будто человѣкъ прожилъ годы въ темницѣ, и ни разу лучъ свѣта не проникалъ туда. Хочется свѣта, чистоты.

Нанжесъ нащупалъ какія-то ткани, опрокинулъ какой-то флаконъ. Его охватило нетерпѣніе. Наконецъ, онъ отыскалъ хлыстъ съ тяжелымъ золотымъ набалдашникомъ и перчатки.

Едва очутился онъ на улицѣ, какъ почувствовалъ, что силы его удесятерились. Онъ былъ пьянъ своею вѣчною молодостью. На пустынной площади Наполеона мокъ подъ дождемъ одинокій морской офицеръ. Нанжесъ позабылъ свое отвращеніе къ любви съ ея нищетою. Въ туманѣ неяснымъ силуэтомъ вставала конная статуя императора. На какія огненныя мысли наводило все это: арсеналъ, дома, передъ нимъ безпредѣльная сѣрая зыбь, вдали—бетонная глыба острова Пеле, мечта, изваянная изъ камня.

Вѣстовой подвелъ лошадь. То было красивое животное, сильное и мускулистое, стройное и легкое; Нанжесъ купилъ его недавно на ярмаркѣ въ Нормандіи, такъ какъ ему наскучили полковыя лошади; объ этой онъ нѣжно и любовно заботился.

Нанжесъ легко вскочилъ въ сѣдло. Шагомъ проѣхалъ вдоль коммерческаго порта, надъ которымъ, на обрывистыхъ скалахъ, высится фортъ Руль. Онъ любилъ читать въ порту названія угольщиковъ и транспортныхъ судовъ: Спеццiя, Мельбурнъ, Багія,— дальнія имена, легкіе звуки, съ южнымъ, экзотическимъ оттѣнкомъ, будившіе въ немъ тоску.

На Валонской дорогѣ, прямой и пустынной, Нанжесъ пустилъ лошадь рысью. Чудесная вещь послѣ любовной ночи! Сейчасъ онъ думалъ о своей кобылѣ, а не о красавицѣ Валери, утомленной поцѣлуями и спавшей еще въ постели. Вѣрнѣе, если онъ и думалъ объ этой женщинѣ, то гдѣ-то въ глубинѣ, въ какомъ-то нижнемъ этажѣ своего сознанія; онъ испытывалъ радость отъ того, что онъ не наединѣ съ нею, не бокъ-о-бокъ, что движенія его свободны и радостны, что онъ избавленъ отъ смертельной скуки, которую испытывалъ въ объятіяхъ любовницъ. Онъ

отдавался простой прелести зимней природы, прислушиваясь къ каждому мигу ея жизни, словно то былъ лучшій изъ всѣхъ миговъ.

Съ холма Тимотэ увидѣлъ море между двумя скалистыми, покрытыми мохомъ возвышенностями. Море походило на прозрачный кубокъ, съ широкими краями, на прекрасный кратеръ, въ которомъ дремала сѣроватая влага. Онъ хорошо зналъ это мѣсто. Онъ зналъ, что за нимъ находятся зданія стараго арсенала, низкія мачты броненосцевъ, лабиринтъ амбаровъ и доковъ, бассейны для починки судовъ, мастерскія, груды металла, черные клубы дыма. Онъ остановился и повернулъ къ городу. Онъ захотѣлъ снова увидѣть это зрѣлище: это напоминало ему въѣздъ въ Лондонъ черезъ Чарингъ-Кроссъ ночью. Онъ находилъ какое-то странное успокоеніе въ томъ, что нормандскія степи господствовали надъ грубою силой вооруженій и оснастокъ вдали.

Счастливый, простой, рѣшительный человѣкъ, сотканный изъ мгновенныхъ переживаній, Нанжесъ позабылъ уже о юношѣ изъ Креси.

Его мысль идетъ, распространяясь не по поверхности, а вглубь, погружаясь неожиданно и внезапно.

Скромный видъ нормандскихъ холмовъ, зрѣлище города, напоминающаго какой-то очагъ алхиміи, помогъ ему забыть,—какъ не заставило бы ни одно счастливое воспоминаніе,—и посредственный уровень гарнизона, и крушеніе его былой мечты о мощной, гордой и непримиримой арміи. Онъ лишь живо ощущалъ эту сгущенную механическую, металлургическую и промышленную силу, готовую къ укрощенію рока.

Бываютъ такія утра, когда намъ кажется, что мы касаемся чистѣйшей красоты вселенной. Среди наихудшей обыденщины мы остаемся чисты и чувствуемъ, какъ ни одна капля изъ того, что прекрасно, не пропадетъ въ насъ. Въ такія минуты одиночество возвышаетъ; оно заставляетъ забыть все дурное, что мы видѣли въ жизни. Таковъ былъ Тимотэ. По утрамъ, пьяный силою своихъ мускуловъ, онъ готовъ былъ ринуться на завоеваніе звѣздъ, а въ иные вечера изнывалъ, тоскуя, что столько силы оставалось въ немъ неизрасходованной къ концу дня.

Нанжесъ, немолодой уже человѣкъ, напѣвалъ, подъѣзжая къ артиллерійскому кварталу. Ему казалось, что онъ мало цѣнилъ до сихъ поръ эту строгую, древнюю, военную красоту, которая здѣсь бросается въ глаза на каждомъ шагу, начиная съ подъемнаго моста старой крѣпости и кончая артиллерійской казармой.

Его поѣздка въ Вуланжи была еще слишкомъ свѣжа, чтобы

превратиться въ воспоминаніе. Межъ тѣмъ, безъ его вѣдома, она господствовала надъ его жизнью и наполняла ее тысячью еле уловимыхъ звуковъ, составлявшихъ какую-то неясную гармонію. Достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы Нанжесъ перенесся туда мыслью. Случай принудилъ его высказать тамъ нѣкоторыя сокровенныя мысли, такъ что теперь онъ старался вглядываться пристальнѣе, провѣряя себя самого. Работа столь же безсознательная, какъ работа кристалловъ, соединяющихся, слѣдуя геометрическому закону.

У воротъ казармы Нанжеса привѣтствовали сухія, четкія движенія часового, отдававшаго честь. Лицо солдата, стоявшаго подъ ружьемъ, заинтересовало капитана. То былъ молодой человѣкъ съ гордымъ взглядомъ, со скромною, благородною осанкою.

„Итакъ,—подумалъ Нанжесъ,—нѣжный цвѣтъ свободы, гордая лилія Франціи, желающей жить, растетъ повсюду. Вотъ она поднимается, хрупкая, но сильная, у покрытыхъ газономъ бастіоновъ нашей древней крѣпости“.

Нанжесъ въѣхалъ въ казармы. У гауптвахты артиллеристы встали.

„Голову держать высоко, свободно, смотрѣть прямо передъ собою,—подумалъ Нанжесъ.—Какой иной уставъ, кромѣ французскаго, могъ сказать это? Въ этой фразѣ—вся наша сила!“

Онъ повернулъ вправо и очутился передъ конюшнями. Подбѣжалъ вѣстовой; Нанжесъ спрыгнулъ съ лошади и оглядѣлся. Вдругъ онъ очутился вдали отъ всего міра. То было мгновенное, но неодолимое ощущеніе.

Дѣйствительно, шумъ города совсѣмъ не доносился въ тотъ особый военный городъ, который въ Шербургѣ зовется Арсеналомъ. Тамъ не видишь ничего современнаго, и поэтому человѣкъ можетъ почувствовать себя тамъ очень далекимъ во времени и очень одинокимъ въ пространствѣ. Торжественная тишина царила во дворикѣ. Одна лошадь, убѣжавъ изъ конюшни, била копытомъ о землю. Все дремало въ тяжеломъ свинцовомъ свѣтѣ сѣвернаго моря. Одинокій, далекій отъ всѣхъ, Нанжесъ почувствовалъ, какую глубокую правду онъ высказалъ въ Вуланжи нѣсколько дней тому назадъ.

„Ничего иного и нѣтъ,—подумалъ онъ.—Мы, солдаты, не современные, не новые люди; а эти тяжелыя зданія, защищенныя откосами, эти пустыри военной зоны—хорошій пріютъ для насъ“.

Онъ чувствовалъ, что представляетъ собою огромную силу прошлаго, единственную, на-ряду съ церковью, которая осталась чистой, не загрязненной, не обезцвѣченной распутствомъ совре-

менности. Воины—не люди прогресса. Не измѣнилась въ нихъ душа, не измѣнились и правила, и ученіе. Эту первобытную простоту и чистоту, составлявшую ихъ достояніе, Нанжесъ находилъ снова здѣсь, отлично предохраненную отъ всякаго оскверненія. Прогрессъ—одинъ изъ видовъ американизма, американизмъ же вызывалъ въ немъ отвращеніе.

— Прогрессъ, вещь нетрудная,—говаривалъ онъ.—Трудно, наоборотъ, остаться вѣрнымъ самому себѣ, быть утесомъ, на который обрушиваются всѣ бури, а онъ стоитъ, и никакіе ураганы не могутъ его поколебать.

Прекрасно, что въ арміи одинокое раздумье можетъ быть лишь суровымъ и пламеннымъ. Въ это утро изъ нѣкоторыхъ сопоставленій Нанжесъ видѣлъ, какимъ должно быть воспитаніе солдата. Среди этой суровой обстановки онъ не боялся, что влилъ слишкомъ крѣпкую жидкость въ душу юнаго Венсана.

Чего ему въ это время недоставало, такъ это католической мысли. Но не настроенія Fioretti. Онъ шелъ къ Паскалю, къ Ж. де Мэстру. Онъ естественно обращался къ этимъ прекраснымъ, прямымъ стволамъ, безъ случайныхъ развѣтвленій, безъ узловатыхъ сучковъ,—стволамъ, въ которыхъ всѣ соки идутъ прямо къ небу, бьютъ вертикально отъ земли къ зениту. Вотъ единственная красота, которую онъ принималъ. Подобно тому какъ причастіе, которое получали наши предки, есть именно то причастіе, которое получаемъ мы, подобно тому какъ ихъ исповѣдь—наша исповѣдь, а ихъ молитвы—наши молитвы, такъ же точно неизмѣнными остались нравы и обычаи солдатъ, и для рыцаря попрежнему существуетъ лишь одинъ способъ получить шпоры. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ передъ собою два непоколебимыхъ порядка, на которые ничто не въ состояніи посягнуть, даже внутреннія измѣны. Двойная непрерывность, изъ которыхъ одна, быть можетъ, не менѣе примѣчательна, чѣмъ другая. Но онѣ идутъ рядомъ, онѣ сопряжены.

— Армія и церковь не заключаютъ сдѣлокъ,—говаривалъ Нанжесъ;—въ этомъ наша сила и сила церкви. У насъ одна слава и одна сила. Мы изъ чистаго металла.

Нанжесъ не шелъ путемъ благодати. Но онъ любилъ все, что имѣетъ чистый звукъ, хрустальный колокольный звонъ сельской церкви и рѣзкій сигналъ трубы. Не мало есть солдатъ, которые привыкли чаще глядѣть въ небо, чѣмъ на землю.

Два дня тому назадъ онъ счелъ душу Мориса достаточно хорошо закаленной, чтобы вынести свѣтъ тѣхъ великихъ истинъ, которыя онъ ему открылъ. Онъ стыдился бы предложить ему

вылинявшую истину. Къ тому же онъ слишкомъ вѣрилъ въ молодое поколѣніе, вложилъ въ него слишкомъ много надеждъ, черезчуръ высоко почиталъ его, чтобы считать его лишеннымъ огня.

Капитанъ снова вышелъ на большой дворъ. Докладъ былъ оконченъ, и офицеры разошлись. Оставался только поручикъ Лабастьеръ. Артиллеристы проходили мимо, неся котлы. Вдали, словно воздушныя башни, виднѣлись металлическія мачты военныхъ кораблей.

Лабастьеръ подошелъ къ Нанжесу. То былъ маленькій человѣкъ съ восковымъ цвѣтомъ лица. Глаза его мигали за стеклами пенснэ. Онъ томился во Франціи и подалъ прошеніе о назначеніи его въ Африку. Не могъ примириться со своимъ бездѣйствіемъ.

— Я выхожу въ отставку, капитанъ,—сказалъ онъ Нанжесу.— Мое прошеніе не уважено. Вотъ уже три года, какъ я въ Шербургѣ! Если дѣла пойдутъ тѣмъ же ходомъ, намъ только и остается, что перейти въ „войну“!

Такъ въ арміи обозначаютъ войска метрополіи въ отличіе отъ колоніальныхъ войскъ.

— Лучше разстаться съ мечтами,— прибавилъ онъ,—чѣмъ вѣчно носиться съ ними.

Нанжесъ на частномъ случаѣ еще разъ столкнулся съ огромною драмой современной арміи. Части, къ которой онъ принадлежалъ, приходилось послѣдней страдать отъ этого кризиса. Въ это время ощущались его первые предвѣстники. Столько мощи, столько неиспользованной силы и такъ мало дѣйствія, столько обѣщаній и такъ много безплодія, столько плановъ и такъ мало реальнаго,—все это вело къ нарушенію равновѣсія. Существовало огромное несоотвѣтствіе между тѣмъ, сколько можно было использовать энергіи, и тѣмъ, сколько дѣйствительно было использовано, между матеріаломъ, подлежавшимъ употребленію, и дѣйствительнымъ употребленіемъ. Эти мысли были знакомы Нанжесу. Но онъ ограничился тѣмъ, что предостерегъ молодого человѣка отъ пессимизма.

— Ваше нетерпѣніе,—сказалъ онъ,—дѣлаетъ вамъ честь. Но неужели же вы думаете, что въ насъ такъ и не будутъ нуждаться для тѣхъ дѣлъ, которыхъ вы жаждете? Я хотѣлъ бы, чтобы у васъ было болѣе вѣры, Лабастьеръ. И, знаете, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я не подалъ бы прошенія. Такого рода поспѣшность ведетъ обычно къ незначительнымъ результатамъ, и я не разъ замѣчалъ, что нѣкоторая безпечность и фатализмъ въ

жизни оказывали намъ большія услуги. Наше достоинство заключается въ терпѣливомъ и суровомъ пріятіи. Въ молчаніи и смиреніи должны мы его добиваться.

Исходя отъ Нанжеса, слова эти для человѣка, знавшаго его жизнь, имѣли огромную силу.

Они медленно вышли изъ казармъ. Прошли вдоль позеленѣвшихъ стѣнъ Арсенала. Вправо поднимались откосы, покрытые зеленымъ газономъ; между ними и старыми зданіями казармъ тянулась аллея или проспектъ, по которому ѣхали артиллерійскія повозки, всадники, солдаты. Во всемъ была какая-то прямолинейная строгость, какъ отпечатокъ великаго вѣка, какая-то гармонія, созданная эпохой и традиціей. Въ этихъ цитаделяхъ прошлаго, въ этихъ окопахъ, въ этихъ реданахъ человѣкъ быстро получаетъ отвращеніе къ остальному міру за ихъ предѣлами. Нанжесъ удивилъ спутника, когда, погруженный въ свои мысли, вдругъ сказалъ:

— Мы довольны нашимъ благородствомъ. Никто у насъ не сможетъ отнять его. Были попытки. Говорили одно время о сліяніи съ націей. Морально мы остаемся выше. Нація не похожа на насъ: она безостановочно стремится по пути прогресса. Наша роль заключается въ томъ, чтобы сохранить извѣстное моральное достояніе въ томъ видѣ, въ какомъ мы его получили.

Лабастьеру будущее представлялось въ болѣе мрачномъ свѣтѣ:

— Мы едва занимаемъ мѣсто въ жизни, а черезъ нѣсколько времени мы совсѣмъ его утратимъ. Все эволюціонируетъ, и, принимая во вниманіе ходъ вещей, мы скоро будемъ снесены бурей. Намъ надо или умереть или пріобрѣсти чувство современной реальности.

Лабастьеръ былъ, если можно такъ выразиться, „модернистомъ“. Въ арміи также есть свой модернизмъ. Модернизмъ является великимъ испытаніемъ церкви. Онъ—испытаніе также и для арміи. Но Нанжесъ думалъ, что и та и другая обезпечены побѣдой. У Лабастьера вырвалось горькое замѣчаніе, отъ котораго у Нанжеса сжалось сердце:

— Тѣмъ временемъ мы готовимъ себѣ годы, пустые въ смыслѣ исторіи, и—это особенно страшно—совершенно пустые. Думаете ли вы о томъ, что скажутъ о насъ впослѣдствіи историки? Наши дѣти прочтутъ въ своихъ учебникахъ: „Отъ 1880 г. до 19... торговля и промышленность процвѣтали“. Надо же глядѣть впередъ. Для чего мы нужны, если не для того, чтобы дѣлать исторію, и если мы не дѣлаемъ ея, то кто же будетъ ее дѣлать?

Наступило молчаніе, которое было прервано поручикомъ. Онъ говорилъ вполголоса, словно съ самимъ собою, но Нанжесъ ясно разслышалъ:

— Вотъ до чего можетъ довести забвеніе родной земли.

Этотъ мрачный разговоръ оборвался тогда, когда оба офицера подошли къ памятнику моряковъ, павшихъ въ колоніяхъ. Наступила минута молчанія. Нанжесъ и поручикъ, передъ тѣмъ чтобы разстаться, стояли молча, какъ бы удивленные этими суровыми мыслями, то и дѣло врывавшимися въ повседневный обиходъ ихъ службы. Нанжесъ колебался.

Поручикъ шелъ играть въ бриджъ. Но Тимотэ не пойдетъ. Онъ слишкомъ взволнованъ. Ему надо остаться одному, сосредоточиться. Онъ предпочитаетъ вернуться домой и провести долгіе сѣрые послѣполуденные часы, ничего не дѣлая, словно вернувшись послѣ неудачнаго крестоваго похода.

Согласно желанію своего повелителя, прекрасная Валери покинула домъ на площади Наполеона, гдѣ она получала теперь лишь ночное гостепріимство, межъ тѣмъ какъ раньше царила здѣсь почти въ качествѣ хозяйки дома. То была старая любовь, и она длилась, тянулась, подогрѣвалась своимъ пепломъ, жила скукою и усталостью.

Комната, въ которую вошелъ Тимотэ, была отдѣлана богато, въ старинномъ вкусѣ. Мебели въ ней было не много, но она была совершенна по стилю. Напрасно было бы искать здѣсь слѣдовъ экзотизма. У Нанжеса не было ни китайскихъ вазъ, ни японскихъ эстамповъ, ни африканскихъ рѣдкостей. У него были только изумительные ковры, среди которыхъ онъ любилъ отдыхать отъ утомленія своей бродячей жизни. На высокомъ каминѣ одиноко стояла бронзовая репродукція *Gattamelata* въ Падуѣ.

Въ комнатѣ пахло еще духами молодой женщины. Этотъ ароматъ раздражалъ Нанжеса, обуреваемаго мрачными мыслями. Онъ поднялся въ крошечную, свѣтлую, выбѣленную известью, пустую комнатку, во второмъ этажѣ. Въ эту келью онъ приходилъ часто курить, мечтать и обдумывать математическое сочиненіе.

На столѣ валялась карта. Онъ машинально взглянулъ на нее и вдругъ впалъ въ экстазъ. Тутъ были и Африка, и Азія, и Океанія, и обѣ Америки. Онъ читалъ названія, отъ которыхъ по его тѣлу пробѣгалъ трепетъ желанія и тайны: Шетланскіе острова, Небраска, Алеутскіе острова,—далеко, среди ледяной, полярной тьмы.

Рисуя въ своемъ воображеніи морскія бездны, черныя скалы съ вѣчно кружащими надъ ними бакланами, архипелаги розо-

ваго коралла среди сверкающей лазури Тихаго океана, Нанжесъ забылъ и постылую улыбку любовницы, и мрачныя рѣчи Лабастьера.

III.

Морисъ скучалъ въ Вуланжи. Мы хотимъ сказать, что онъ не столько изнывалъ отъ скуки и бездѣлья, сколько отъ внутреннихъ заботъ, отъ неясной душевной боли.

Этотъ голубоглазый юноша съ бурями двадцатилѣтняго возраста соединялъ ту простоту сердца, которая спасала его отъ смертельныхъ забавъ ума. Уяснивъ себѣ, что̀ такое образованіе, прочитавъ немало книгъ, которыя онъ имѣлъ счастье выбирать довольно удачно, Морисъ оставался сельскимъ жителемъ, и слово „интеллигентъ“ шло къ нему всего меньше. Примѣръ рѣдкій, участь, достойная зависти, но въ то же время и сожалѣнія. Ибо Морисъ не сознавалъ ясно своего мѣста въ современномъ обществѣ.

Всего лучше зналъ онъ,—и въ этомъ у него не было соперниковъ—безграничные виды Иль-де-Франса, порою пустынные и всегда залитые серебристо-пепельнымъ свѣтомъ. Въ Вуланжи, напримѣръ, онъ наслаждался, какъ никогда не сможетъ наслаждаться туристъ, красотою широкой равнины, когда послѣ тѣнистыхъ поворотовъ дороги, ведущей изъ Креси, покинувъ романтическіе изгибы Морена и кривыя улицы городка, миновавъ всѣ очаровательныя излучины, бухты и другія красоты, достигаешь, наконецъ, равнины (которая есть и плоскогорье), а дорога идетъ все прямо, между двумя рядами тощихъ деревьевъ, идетъ вдаль, уже королевская, римская, къ Мелюну. Здѣсь есть рѣзкій переходъ отъ романтизма къ классицизму, который дѣйствуетъ на нервы, на чувства, есть какое-то очищеніе, облегченіе отъ основанія до вершины, до этой чистой и обнаженной сущности. Здѣсь пережилъ Морисъ свои первыя юношескія горести. Здѣсь впервые онъ испугался, видя передъ собою развертывавшуюся перспективу жизни, походившую на эту долину, и такую же пустынную и обнаженную.

Ему знакомы были длинные переходы по этой равнинѣ, по пахотной землѣ или по пару; умѣлъ онъ также выслѣдить сѣрую куропатку и дрофу. Охота была его единственнымъ спортомъ. Въ этой забавѣ, самой древней, самой первобытной и самой сельской изъ всѣхъ забавъ, нашелъ онъ достойное примѣненіе своей накопленной энергіи. Онъ замѣтилъ, бродя однажды по полямъ, вблизи деревушки Ла-Шапель, что въ охотѣ участвуютъ всегда двое: съ одной стороны, дичь, звѣри, вообще природа, которая и

является въ данномъ случаѣ настоящимъ товарищемъ, а съ другой стороны, охотникъ. То было единственное общество, въ которомъ этотъ дикарь чувствовалъ себя хорошо. Всякое иное вызвало бы въ немъ отвращеніе, какъ пошлость. Итакъ, въ забавахъ его проглядывали, во-первыхъ, извѣстный оттѣнокъ дикости, которая впослѣдствіи превратилась въ немъ въ стремленіе развиваться внѣ всякихъ соціальныхъ условностей, внѣ всякой „карьеры", а затѣмъ стремленіе строить свою жизнь согласно особой гармоніи, установить которую, не безъ помѣхъ и затрудненій, онъ старался.

Главною темою его безпорядочныхъ думъ былъ выборъ профессіи и то, на чемъ основать этотъ выборъ. Долженъ ли онъ положить въ основу своей карьеры честолюбіе? Будетъ ли онъ добиваться славы, или, выражаясь скромнѣе, извѣстности? Или, наоборотъ, уйдетъ въ себя, согласно смутной внутренней потребности, согласно закону нравственнаго совершенствованія, на которомъ онъ окончательно остановится? Какая наивность! Но ему не было и двадцати лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ подобныя размышленія позволительны. Развѣ однажды въ Шелль у него не явилось желанія пойти въ монахи? Въ иныя минуты, временно увлеченный теоріями Венсана старшаго, онъ хотѣлъ сдѣлаться выдающимся агитаторомъ, волновать народныя массы и вести ихъ, куда захочетъ.

Межъ тѣмъ онъ принялъ серьезное рѣшеніе, которое для мятежнаго юноши являлось и самымъ благоразумнымъ. Морисъ Венсанъ избралъ книжное поприще: хотѣлъ стать типографомъ или книгопродавцемъ. Это рѣшеніе какъ нельзя лучше согласовалось съ тою общественною необходимостью, которой онъ былъ подчиненъ, и, сверхъ того, это нравилось Венсану старшему, такъ какъ корпорація типографовъ всегда казалась ему наиболѣе пылкой въ той славной борьбѣ, однимъ изъ предводителей которой былъ онъ самъ. Что касается Мориса, то онъ видѣлъ нѣчто иное, угадывалъ другой смыслъ въ работѣ на этомъ благородномъ поприщѣ. У него было живое чувство того, что интеллектуализму пришелъ конецъ, и онъ спрашивалъ себя, не будутъ ли вскорѣ типографы послѣдними представителями французской культуры, подобно тому какъ первыми ея представителями являлись Альды и Этьенны.

Таково было настроеніе Мориса Венсана, когда ему довелось услышать рѣчи капитана Нанжеса. На него онѣ произвели необычайное впечатлѣніе. Нанжесъ говорилъ не съ цѣлью вызвать какой-либо живописный эфектъ. Ни одинъ образъ сомнительнаго

экзотизма не портилъ отвлеченнаго мистицизма его рѣчей. Благодаря этому капитанъ показался молодому человѣку еще значительнѣе. Эти бесѣды во время охоты ввели нетерпѣливаго юношу въ новый міръ. Въ сущности, онъ не разсуждалъ, да и кто въ жизни разсуждаетъ, кромѣ философовъ и моралистовъ? Развѣ не смутныя ощущенія, не темные трепеты, не едва примѣтныя движенія опредѣляютъ и разрушаютъ наши дни, завязываютъ и разрѣшаютъ наши поступки?

Изъ словъ капитана Нанжеса въ памяти Мориса остались не теоріи. Въ него до боли внѣдрилось опредѣленное впечатлѣніе. Онъ понималъ лишь одно. А именно, что нѣкоторыя движенія сердца въ устройствѣ нашей жизни оказываются сильнѣе, чѣмъ всѣ общественные или семейные доводы. Отсюда до признанія, что все въ немъ побуждаетъ его слѣдовать до конца за судьбою капитана Нанжеса,—былъ всего одинъ шагъ.

Слушая Нанжеса, Морисъ понималъ не все. Но у него было такое же ощущеніе, какъ у путника, входящаго въ прохладную пещеру послѣ накаленной солнцемъ дороги, или какъ у странника, нашедшаго тепло и уютъ домашняго очага послѣ снѣжной бури; то была рѣзкая перемѣна, переходъ отъ одного порядка вещей къ другому. Все это внушало ему и страхъ, и необъяснимое безпокойство, какъ то жестокое и въ то же время божественно сладостное явленіе, которое есть приближеніе благодати.

Но когда случайная прогулка забросила его въ Шампиньи, то онъ признался себѣ, что судьба когда-нибудь роковымъ образомъ приведетъ его къ Нанжесу. Въ этотъ день онъ не испытывалъ, какъ въ первый разъ, рѣзкаго перелома. Напротивъ, въ немъ, помимо его воли, происходило какое-то устроеніе. Онъ связывалъ свои ощущенія съ другими ощущеніями, испытанными имъ раньше; они оставили въ немъ болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ онъ подозрѣвалъ. Онъ припомнилъ, напримѣръ, впечатлѣніе, произведенное на него нѣкоторыми военными разсказами, которые онъ читалъ съ увлеченіемъ.

Когда въ это октябрьское утро Морисъ увидѣлъ Шампиньи, то онъ не былъ охваченъ шовинизмомъ при видѣ этихъ домовъ, гдѣ французы, передъ лицомъ врага, оказывали такое изумительное сопротивленіе. Онъ только особенно сильно переживалъ поэзію поля битвы. Сцена, запечатлѣнная въ распространенной картинѣ, возникла въ его памяти и не покидала его. Она зовется „Утро послѣ битвы въ Шампиньи“. Это—простая хромолитографія. На ней изображена мерзлая, грязная, усѣянная трупами улица. Солдаты лежатъ на носилкахъ. На первомъ планѣ свя-

щенникъ склоняется надъ раненымъ, котораго поддерживаютъ два ужасныхъ существа съ забинтованными головами. Позади—домикъ, съ разбитыми ставнями, съ матрацами, загромождающими окна, и повозка, надъ которой развѣвается флагъ Краснаго Креста. Вотъ что видѣлось Морису въ Шампиньи. Онъ не искалъ здѣсь воинственнаго вдохновенія, волненія патріотическаго порядка. Тысячи фактовъ, извѣстныхъ ему по роковымъ датамъ тридцатаго ноября, перваго и второго декабря, могли бы прійти ему на память. Но нѣтъ. Между нимъ и этимъ веселымъ торговымъ мѣстечкомъ всталъ живой образъ. Вотъ смутныя связи, возникающія въ душѣ Венсана. Онъ замѣчаетъ, что видѣніе это занимаетъ его, преслѣдуетъ, что, помимо его сознанія, оно захватываетъ мѣсто въ томъ мірѣ, куда ввелъ его Нанжесъ. Морисъ въ немъ уже не чужестранецъ. Онъ тамъ—дома.

Весь во власти этихъ мыслей, Морисъ забылъ и родительскій домъ, и молодую дѣвушку, избранницу своего сердца. Онъ испытывалъ приступы восторга, хотѣлъ плакать отъ радости. Онъ дошелъ до той степени нервности, которая обезпокоила бы всякого, кто не знакомъ съ красотою этихъ юношескихъ порывовъ. Его чувствительность достигла высшаго напряженія. Однажды, когда онъ находился въ состояніи ученика, ждущаго чудесъ, когда все окружающее казалось ему удивительнымъ, онъ бродилъ вокругъ школьнаго дома. Въ ту минуту, какъ онъ собирался подняться къ себѣ, онъ услышалъ дѣтскіе голоса, произносившіе хоромъ звуки алфавита. Воздухъ былъ легкій, тихій. Дѣтскіе голоса заполняли всю тишину, а время отъ времени раздавался стукъ линейки по каѳедрѣ,—учитель поправлялъ учениковъ. Голоса были необыкновенно чистые, хрустальные, тѣмъ болѣе, что юноша ничего не видѣлъ и могъ принять это за какой-то концертъ въ воздухѣ, и Морису показалось, что въ эту минуту онъ проникаетъ въ душу родной деревни, что это—интимная, повседневная сцена, относящаяся къ деревенскому коллективу, и онъ былъ увѣренъ, что это впечатлѣніе неизгладимо.

Его переполнялъ избытокъ чувствъ, и нѣсколько минутъ спустя онъ хотѣлъ бѣжать къ любимой дѣвушкѣ. Къ Клэръ Монестье онъ испытывалъ въ иныя минуты страстное чувство. Онъ ничего такъ не желалъ, какъ того дня, когда нѣжныя узы соединятъ его съ этимъ очаровательнымъ существомъ и обезпечатъ навсегда его счастье.

Они поссорились изъ-за платья, которое онъ требовалъ, чтобы она надѣла.

— Съ тѣхъ поръ какъ вы ходите на охоту съ капитанами,— сказала она,—вы стали необыкновенно горды и требовательны.

На языкѣ французской деревни слово „гордый“ звучитъ, какъ тяжкое оскорбленіе.

Правда, Морисъ сталъ инымъ. Но любовь никогда не могла заполнить собою этой страстной души и удовлетворить всѣ ея богатые запросы. А съ нѣкоторыхъ поръ меньше, чѣмъ когда-либо. Обычно порывы влюбленнаго сердца удовлетворяютъ потребность юноши въ общеніи и въ поэзіи. Но въ душѣ Мориса горѣлъ такой пламень, что лихорадка любви казалась ему приторной и искусственной, а также слишкомъ элементарной, передъ лицомъ столькихъ тайнъ, которыя звали его. Какъ знать, не влекло ли его нѣчто болѣе прочное, чѣмъ любовь,—то, чѣмъ люди живутъ, когда любовь въ концѣ-концовъ уходитъ.

Перечислить всѣ трепетныя движенія этой избранной души невозможно. Быть можетъ, иногда Морисъ мечталъ не о славѣ, а о томъ одинокомъ тайномъ счастьѣ, которое идетъ вслѣдъ за хорошимъ поступкомъ; не о славѣ, которую даритъ міръ, а о славѣ, которую даритъ себѣ самъ человѣкъ и которая есть довольство, и болѣе того, довольство въ аспектѣ вѣчности. Быть можетъ, мечталъ онъ, наивный ребенокъ, о славѣ, въ прямомъ смыслѣ... Какими ничтожными казались ему тогда его мелкія сантиментальныя шалости, которыми онъ хотѣлъ обмануть самого себя!

Клэръ Монестье была нетронутый ребенокъ, простой и смѣшливый, безъ всякаго романтизма, но съ вѣрною душой. Она, казалось, упивалась острою прелестью окружающаго. Самая упорная неврастенія нашла бы въ ея близости полное исцѣленіе. Сверхъ того, она обладала необычайнымъ для своего возраста практическимъ смысломъ, ненавидѣла то, что звала „осложненіями“, и, одѣтая въ короткія платьица, разсуждала уже, какъ женщина.

Она ничуть не огорчилась настроеніемъ, которое обнаруживалъ ея женихъ. Она сказала себѣ только, что „мужчины таковы“, и рѣшила посвятить себя его исцѣленію. Они совершили вмѣстѣ нѣсколько прогулокъ.

Однажды Клэръ зашла рано за нимъ въ школьный домъ. Морисъ сошелъ, заспанный, глаза его щурились отъ свѣта, волосы были всклокочены.

— Я жду васъ, лѣнтяй. Мы поѣдемъ въ лодкѣ до мельницы. Мнѣ хочется срисовать церковь Ла-Шапель.

Въ рукахъ у нея былъ ящикъ съ красками, а на головѣ со-

ломенная шляпа, которую поддерживалъ длинный шарфъ, завязанный подъ подбородкомъ. Ящикъ съ красками разсердилъ Мориса.

„Недостаетъ только, чтобы она еще пиликала на роялѣ,—подумалъ онъ, поднимаясь наверхъ, чтобы одѣться.—Тогда все было бы вполнѣ закончено“.

Но когда онъ очутился въ лодкѣ, на веслахъ, и смотрѣлъ на нее, сидѣвшую на носу, опустивъ руку въ воду, по которой расходились круги, и щуря глаза отъ удовольствія, то вмѣстѣ со старою любовью онъ ощутилъ смертельную тревогу. Неужели онъ разобьетъ свою жизнь, потеряетъ необходимую ему подругу, пойдетъ навстрѣчу неизвѣстности, когда извѣстное таитъ въ себѣ столько очарованія?

Онъ смотрѣлъ на нее съ тоскою, отъ которой у него сильно билось сердце. Онъ чувствовалъ, что совершитъ вещи роковыя, написанныя ему на роду, противъ которыхъ онъ итти не можетъ, и уже видѣлъ Клэръ гдѣ-то вдали, истаявшую, призрачную.

Разговоръ коснулся аббатства Жуарръ, котораго Клэръ не знала. Она попросила своего друга свезти ее туда.

— Охотно,—сказалъ Морисъ, улыбаясь,—но съ условіемъ, что вы разстанетесь съ вашею коробкой красокъ.

Монестье-отецъ колебался дать разрѣшеніе. Но онъ былъ добръ, артистъ и богема, и отпустилъ ребятъ вдвоемъ.

Древнее аббатство Жуарръ составляетъ одну изъ границъ,—больше моральную, чѣмъ политическую или естественную—той области, гдѣ человѣкъ дышитъ особымъ воздухомъ. На западѣ граница этой области ясно обозначена монастыремъ Шелль, основаннымъ въ 660 г. св. Батильдой, и гдѣ были убиты нѣсколько Хильпериковъ или Меровинговъ. На сѣверѣ чувствуется переходъ къ Мо, которому трудно сдѣлаться „округомъ“, и онъ навсегда останется „епархіей“. Далѣе къ сѣверу Уаза, другой край, болѣе промышленный; прямо на сѣверъ—Понъ Сенъ-Максансъ; на сѣверо-западѣ снова совсѣмъ иной край, Меру. На югѣ этого древняго меровингскаго островка естественною границею является рѣчонка Іеръ. Едва перейдя за Іеръ, очутишься въ Компьенѣ-Провенѣ: исторически совсѣмъ иной край, совсѣмъ иное историческое прошлое. Эта область, этотъ островокъ и есть родина Мориса Венсана. Жуарръ—одна изъ ея твердынь, самая волнующая.

Молодые люди съ изумительнаго плоскогорья Жуарръ восхищались сначала развертывавшейся передъ ними долиной рѣки Пети-Моренъ, которая неподалеку, на западѣ сливается съ Марной. Они долго любовались милыми изгибами рѣки, вплоть до покры-

таго легкими облачками горизонта, прислушивались въ хрустальномъ воздухѣ къ шумамъ и звукамъ, доносившимся изъ долины, къ лаю собакъ, пѣнію пѣтуховъ, слѣдили взоромъ за тяжелыми гребными судами, казавшимися издали маленькими, словно дѣтскія игрушки. Морисъ называлъ пріятельницѣ деревни по именамъ. Онъ любилъ этотъ край, какъ хозяинъ, и не уставалъ перечислять его сокровища, а Клэръ, въ своемъ миломъ невѣжествѣ, внимала тайнѣ и неизвѣстному.

Разсматривая маленькую церковь Жуарръ, островерхая колокольня которой казалась шпилемъ, воткнутымъ въ землю, вслѣдствіе волнистости почвы въ этомъ мѣстѣ, онъ сказалъ:

— Надо изумляться, какое превосходное стратегическое положеніе сумѣли занять эти монахи. Я представляю себѣ ихъ монастырь въ видѣ особаго рода крѣпости, откуда взоры могли охватывать громадный, кругообразный горизонтъ христіанскаго населенія.

Клэръ первая предложила пойти „осмотрѣть развалины". Они разыскали понамаря, у котораго хранились ключи, и проникли въ подземелье, гдѣ можно до сихъ поръ видѣть надгробные камни надъ могилами нѣсколькихъ почтенныхъ аббатовъ. Клэръ была разочарована. Нѣсколько романскихъ капителей, нѣсколько обломковъ, разрушенныхъ временемъ, но благоговѣйно собранныхъ и составляющихъ нѣчто вродѣ музея,—вотъ все, что осталось отъ аббатства Жуарръ.

А между тѣмъ глубокое чувство оживляетъ до сей поры эти мертвые камни. Морисъ ощутилъ это, какъ легкое дуновеніе. Душа его была полна благодарности, умиленія передъ прошлымъ и благоговѣнія.

Когда они шли лугомъ, онъ поцѣловалъ въ губы подругу: поцѣловалъ цѣломудренно и вмѣстѣ страстно, какъ цѣлуются женихъ и невѣста. Естественно поцѣловать любимую женщину среди благородныхъ развалинъ своей родины. Для любви нѣтъ большей сладости, чѣмъ эти развалины или кладбища.

Межъ тѣмъ Морисъ, направляясь вечеромъ къ маленькой станціи, старался связать впечатлѣнія этого дня съ тѣми, что онъ пережилъ нѣсколько времени тому назадъ съ Нанжесомъ. Связь не была ясна, примиреніе было не легко. Но Морису хотѣлось, чтобы именно капитанъ разъяснилъ ему когда-нибудь истую причину его волненія при видѣ этихъ католическихъ развалинъ.

IV.

Случайно Тимотэ Нанжесъ вспомнилъ этого юношу, однажды, когда покоился въ объятіяхъ своей любовницы, которая была хо-

рошо сложена и привлекательна. Ему было пріятно представлять себѣ ласки этихъ двухъ существъ, одинаково молодыхъ, одинаково сродныхъ любви и одинаково очаровательныхъ. Онъ почти желалъ, чтобы случай соединилъ эти два молодыя существа, и чтобы онъ этого не зналъ, а только испытывалъ смутное и пріятное подозрѣніе. Онъ повѣдалъ любовницѣ свои странныя мысли.

— Я знаю молодого человѣка,—сказалъ онъ,—въ котораго я хотѣлъ бы, чтобы вы влюбились. Я все время представляю его себѣ въ вашихъ объятіяхъ, и долженъ признаться, что нахожу необычайную прелесть въ этомъ образѣ.

Прекрасная Валери встрѣтила это признаніе глупѣйшимъ смѣхомъ, какой только можно себѣ вообразить. Нанжесъ сдѣлался грустенъ, такъ какъ задумался о своемъ возрастѣ, и такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище молодого человѣка, вступающаго въ жизнь, нагоняетъ печаль на сорокалѣтняго. Онъ припоминалъ лихорадочныя стремленія своей юности и, измѣривъ ихъ тщету, былъ готовъ почти презирать человѣчество.

Любовныя воспоминанія связывали его до сихъ поръ съ родиною Мориса. Туда онъ нѣкогда привезъ любовницу, которая умирала отъ чахотки. Тамъ расточилъ онъ сокровища нѣжности, накопленныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ одинокой жизни въ Суданѣ. Теперь образъ жизни заслонилъ образъ смерти, но Тимотэ не безъ страннаго удовольствія видѣлъ, какъ изъ знакомой почвы, къ которой онъ привыкъ питать лишь страстныя чувства, возникъ этотъ юный Фабрицій-дель-Донго, чьимъ наставникомъ отчасти онъ, повидимому, становился. Когда человѣкъ взрослый и сильный пріобрѣтаетъ власть надъ юнымъ существомъ, то онъ испытываетъ весьма сложныя чувства, смѣсь отеческой нѣжности, тщеславія, пріятнаго довольства самимъ собою, сладкой надежды на успѣхъ и въ то же время боязни слишкомъ полнаго успѣха.

Нанжесъ боялся вырвать Мориса Венсана изъ его естественной обстановки, заставить его оторваться отъ его среды,—словомъ, произвести маленькій соціальный переворотъ, послѣдствія котораго для будущаго были весьма смутны. Онъ боялся, чтобы посѣянное имъ зерно не взошло черезчуръ скоро и слишкомъ быстро не превратилось бы въ живучее растеніе. Ибо если Фабрицій-дель-Донго, которому было шестнадцать лѣтъ, могъ получить свои первые уроки при Ватерлоо, то Нанжесъ не могъ надѣяться, чтобы подобная судьба выпала на долю Мориса Венсана. Есть, повидимому, опасность въ перенесеніи слишкомъ романтическихъ мечтаній, вродѣ мечтаній Стендаля, въ демократію.

Капитанъ осторожно написалъ объ этомъ Морису въ отвѣтъ на письмо, отъ котораго не могъ удержаться юноша, описавъ ему свое посѣщеніе Жуарра.

Время межъ тѣмъ шло, и мысли молодого человѣка часто обращались къ Нанжесу, внезапно, благодаря разнымъ повседневнымъ случайностямъ, цѣпляясь за тысячу размышленій, составлявшихъ повседневную канву его жизни.

Однажды въ Парижѣ Нанжесъ отправился навѣстить одного изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Грандье, капитана конной артиллеріи при военной школѣ. Онъ засталъ его во дворѣ осматривающимъ полукровку, которую держалъ въ поводу артиллеристъ. Былъ часъ чистки лошадей. Могучіе парни, съ обнаженными мускулистыми руками, проводили скребницей по высокимъ лоснящимся спинамъ лошадей. Другіе энергично скребли ихъ щетками. И животныя, и люди производили впечатлѣніе устойчивости, надежности, если можно такъ выразиться.

— Твоя рать,—сказалъ Нанжесъ,—производитъ отличное впечатлѣніе.

— Почти все—рудокопы съ сѣвера,—сказалъ Грандье.

Много значитъ обстановка. Старыя военныя зданія, между которыми перекликаются трубы, прерываемыя пронзительными звуками рожковъ, зданія, снабженныя нумерами, по правиламъ инженерной науки, но тѣмъ не менѣе хранящія печать того времени, когда зданія еще не занумеровывались, упорядоченная дѣятельность, царящая повсюду, пчелиный улей: артиллеристы, кирасиры, хрупкая аристократическая національная гвардія,—все это вызываетъ представленіе о громадныхъ военныхъ операціяхъ, о продовольствованіи арміи, обозахъ, тыловыхъ частяхъ. Самое точное отраженіе войны—это картина войскъ, напримѣръ, во время маневровъ, тяжелыя повозки, которыя тащатся по грязнымъ дорогамъ, безпорядочныя группы раненыхъ, лазаретные фургоны, походные госпитали, телѣги съ провіантомъ, походныя кухни, почтовыя повозки, все, что обслуживаетъ армію, вся огромная машина, исполинская организація, именуемая однимъ словомъ: тылъ. Далѣе у всѣхъ дверей, у всѣхъ рѣшетокъ, само собою занумерованныхъ, часовые съ ружьями или съ саблей въ рукѣ, а за ними всѣ эти старинныя военныя зданія и всѣ виды военной дѣятельности; эта декорація, внушительная сама по себѣ, являлась достойною рамкой для мощныхъ солдатъ и дородныхъ лошадей Грандье.

— Да,—сказалъ онъ,—почти все—рудокопы съ сѣвера или изъ Па-де-Кале. Взгляни на этого бригадира съ четырехугольнымъ лицомъ, короткимъ, прямымъ носомъ и горящими глазами. Это одинъ

изъ моихъ лучшихъ нижнихъ чиновъ. Этотъ изъ Куррьера. Онъ разсказывалъ мнѣ свою исторію. А какъ эти молодцы умѣютъ разсказывать! Мы никогда такъ не разскажемъ, какъ они... Всѣ родные его погибли въ шахтѣ. Онъ самъ былъ въ числѣ спасавшихъ. Двѣ недѣли рылъ подъ землею въ развалинахъ. Нашелъ голову отца, руку брата. Наконецъ, вышелъ изъ шахты. Наверху, подъ свѣтомъ солнца—стачка. И вотъ для него начинается жизнь партизана. Онъ захватываетъ жандармскій патруль на поворотѣ дороги, убиваетъ жандарма. Въ Куррьерѣ бросаетъ камнями въ солдатъ... Но всего изумительнѣе въ этихъ разсказахъ тонъ разсказчика, голосъ напряженный, отрывистый, глуховатый, съ ежеминутными паузами. Эти люди съ изумительною легкостью осваиваются съ трагедіей. И какъ все это далеко отъ нравовъ Юга... Это одинъ изъ лучшихъ солдатъ въ моей батареѣ и одинъ изъ лучшихъ людей, какого я когда-либо зналъ. Я спросилъ его, какъ примиряетъ онъ свое прошлое и свое настоящее поведеніе. И вотъ буквально, что̀ онъ мнѣ сказалъ: „Когда я служилъ синдикату, я боролся за синдикатъ. Теперь я служу въ арміи, и буду сражаться за армію“.

— Съ такими людьми не трудно поддерживать дисциплину,— добавилъ Грандье.

Нанжесъ думалъ то же. Свѣтъ, пролитый Грандье, окно, открытое имъ, страннымъ образомъ освѣщали и случай съ его юнымъ ученикомъ. Уголъ паденія и уголъ отраженія,—они равны.

„Таковы французы“, подумалъ онъ.

Онъ отправился по дѣламъ и забылъ свою бесѣду съ Грандье. Около десяти часовъ вечера онъ очутился въ редакціи газеты, гдѣ у его пріятеля, знаменитаго Серва, были политическіе друзья. Когда онъ стоялъ, барабаня по стеклу, въ ожиданіи, пока Серва окончитъ свою статью, онъ вдругъ услышалъ, что говорятъ про рѣчь, произнесенную не такъ давно однимъ французскимъ сенаторомъ въ Берлинѣ. Этотъ человѣкъ увѣрялъ нѣмцевъ, что французы ихъ не ненавидятъ, что они даже ихъ любятъ и рады обнять ихъ. Этотъ человѣкъ, носившій почтенное имя, державшійся умѣренныхъ взглядовъ, могшій показаться берлинцамъ весьма достойнымъ представителемъ французской совѣсти, не бывшій ни сектантомъ, ни демагогомъ, а человѣкомъ благоразумнымъ, представлявшимъ собою умѣренное общественное мнѣніе, этотъ человѣкъ сѣлъ въ поѣздъ, совершилъ въ общемъ утомительное для сенатора путешествіе, пожилой, видный человѣкъ, человѣкъ съ вѣсомъ, побезпокоился, чтобы увѣрять нѣмцевъ, что на самомъ дѣлѣ мы на нихъ не сердимся, а напротивъ, будемъ теперь весьма

благоразумны и скорѣе подставимъ другую щеку, нежели... Вотъ о чемъ французскій сенаторъ поѣхалъ говорить берлинской публикѣ.

Секретарь редакціи положилъ на столъ свой лорнетъ.

— Человѣкъ, который видѣлъ осаду,—сказалъ онъ, подымая руки къ потолку,—который, по всей вѣроятности, пережилъ ее или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ о ней слышать!

Нанжесъ былъ наивенъ и мало освѣдомленъ. Газеты онъ читалъ рѣдко. Онъ удивился. Когда Серва взялъ его подъ руку и увлекъ на бульваръ, онъ былъ радъ тому, что могъ кому-либо повѣдать свое изумленіе.

— Странно,—сказалъ онъ старику,—нѣкоторые люди не чувствуютъ, что такое пораженіе...

— Это оттого...—сказалъ Серва.

И высказалъ глубокомысленное замѣчаніе. Эту странную нечувствительность онъ приписывалъ тому, что въ наше время люди утратили чувство исторіи; въ историкахъ, несомнѣнно, недостатка нѣтъ, но уже, собственно говоря, нѣтъ исторіи.

— Въ этомъ,—добавилъ онъ,—одинъ изъ изумительнѣйшихъ признаковъ нашего варварства.

Они шли по очаровательному бульвару, гдѣ можно чувствовать себя такимъ одинокимъ... Ходили взадъ и впередъ, словно были совершенно одни; больше того, ощущали легкое возбужденіе, обычное въ толпѣ, но гдѣ каждый, тѣмъ не менѣе, остается самимъ собою.

— А за партіями,—продолжалъ Серва,—за отдѣльными личностями, за нашими философами стоитъ Франція, неподвижная, радостная, храбрая, отважная... Взгляните на нее, дорогой Нанжесъ... Франція. Старшая дочь Славы. (Правда, также и церкви). Да, старшая, любимая дочь Славы. Вѣчно воинственная, вѣчно готовая на приключенія... (Тимотэ вспомнилъ въ эту минуту бригадира изъ военной школы.) Вѣчно готовая броситься въ какую-нибудь авантюру, даже не великодушную, даже въ худшее изъ безразсудствъ, если только тамъ пахнетъ славой... Взгляните, мой милый, на полкъ, проходящій по парижскимъ улицамъ, взгляните на пріѣздъ въ нашъ добрый городъ короля какой-нибудь Арауканіи. Взгляните на толпу, если вы умѣете смотрѣть. И скажите, развѣ духъ народа не непоколебимъ?... Не прошло и пятидесяти лѣтъ съ итальянскаго похода, который былъ популяренъ, замѣтьте, и не потому, что мы выиграли благодаря ему Савойю и Ниццу. Не въ пятьдесятъ лѣтъ мѣняется духъ народа. Не мѣняется онъ и въ сто лѣтъ,—ни въ какое человѣческое протяже-

ніе времени не можетъ измѣниться божественное въ расѣ. Это никогда не умираетъ.

Такъ говорилъ старый Серва. То былъ голосъ сердца, и разуму приходилось за нимъ слѣдовать; для него критика, научный аппаратъ, система имѣли весьма малое значеніе, казались забавой, времепровожденіемъ мнимыхъ представителей науки. Однимъ взглядомъ охватывалъ онъ длинный рядъ годовъ, однимъ усиліемъ, однимъ синтезомъ доходилъ до самой сущности, до того, что есть безсмертнаго въ завѣтахъ прошлаго.

Что касается Нанжеса, то онъ только вопрошалъ настоящее и раздумывалъ надъ его уроками. Онъ передалъ Серва, въ качествѣ интереснаго и драгоцѣннаго указанія, отвѣты бригадира конной батареи своему капитану.

— Эти слова,—сказалъ онъ,—тѣ точки опоры, благодаря которымъ мы не собьемся съ дороги.

Весьма естественно онъ разсказалъ ему о Морисѣ Венсанъ, о склонности молодого человѣка къ профессіи, отъ которой все, казалось, должно бы было его удалять. Серва встрѣтился съ Нанжесомъ, когда сказалъ:

— Я не очень хочу, милый другъ, чтобы этотъ ребенокъ присоединился къ намъ. Ошибочно въ профессіи видѣть главную вещь въ жизни. Онъ и въ другое внесетъ тѣ качества, которыя въ вашихъ глазахъ придаютъ ему такое очарованіе. Я согласенъ съ вами, что армія—лучшая въ мірѣ школа, и особенно ваша армія, столь отличная отъ другой, ваша армія изъ профессіональныхъ солдатъ, воиновъ, для которыхъ бой дороже родины, та же армія, что армія Штейнкерка и Мальплакэ, тѣ же старики гренадеры, что гренадеры-севастопольцы. Это—единственная школа! Я вообще думаю, что армія занимаетъ въ нашемъ обществѣ все болѣе и болѣе высокое мѣсто. Въ ней, по крайней мѣрѣ, остались еще кое-какіе идеалы. Традиція чести, безкорыстіе, всѣ эти старыя бредни—въ концѣ-концовъ сама дѣйствительность. Это не слова, не пѣсни, а настоящая дѣйствительность. Онѣ становятся „научными“ истинами. Армія одна въ настоящее время, и невзирая на усилія, которыя дѣлались, обладаетъ традиціей. Въ этомъ—вся ея добродѣтель, ея, можно сказать, единственная добродѣтель... Да, я хотѣлъ бы, чтобы такой человѣкъ, какого вы мнѣ описали, попробовалъ въ арміи свои молодыя силы. Но въ концѣ-концовъ...

Серва умолкъ. Тимотэ понялъ. Онъ лишь добавилъ:

— Все это не важно, если этотъ юноша поможетъ намъ понять самихъ себя.

Было поздно, и пріятели разстались. Нанжесъ пѣшкомъ отправился въ Пасси, черезъ Куръ-ла-Ренъ; вдругъ, словно въ какомъ-то лихорадочномъ приступѣ, онъ пережилъ ощущенія, испытанныя имъ въ Африкѣ; всегда близкія сознанію, они ежеминутно готовы были пробудиться.

Сена катила тысячи дрожавшихъ въ ней огней. Вдоль пустынной улицы тянулись правильные, безконечные ряды деревьевъ... А ему грезилась безцвѣтная равнина, кое-гдѣ усѣянная тощими деревцами. Верблюды походной колонной вырисовываются на аломъ небѣ... Ему припоминаются мучительные дни, дни, когда онъ изнывалъ отъ жажды. И, входя уже въ свою дверь, онъ думаетъ о странномъ механизмѣ, который представляетъ собою человѣкъ, жалѣющій о тяжелыхъ минутахъ прошлаго въ благополучіи нынѣшняго дня.

V.

Непріятною могла показаться въ такомъ человѣкѣ, какъ Нанжесъ, та черта, что онъ не относился серьезно къ любви,—чувству, столь прекрасному, воспѣтому и поэтами и другими людьми, и, наконецъ, чувству столь важному. Любовница, выбранная имъ, была красивая женщина, не лишенная образованія. Но онъ скучалъ въ ея объятіяхъ. Такимъ образомъ, около трехъ лѣтъ длилась ихъ связь, которая, будучи лишена эксцессовъ, тѣмъ не менѣе не была лишена мирной прелести и привычки. У Тимотэ не было ни малѣйшаго желанія искать новой связи, и благодаря этому казалось, что онъ ничего не цѣнитъ. Новыя связи и приключенія доказываютъ уваженіе къ любви, а ихъ разнообразіе даже нѣкую цѣльность души. Онъ довольствовался своимъ гладкимъ, поверхностнымъ счастьемъ, безъ шероховатостей, но зато и безъ красоты.

Тѣмъ не менѣе, когда Тимотэ пріѣхалъ изъ Парижа и вернулся къ гарнизонной жизни, однообразной и скучной, онъ сталъ больше заботиться о любовницѣ и началъ снова интересоваться ею. Онъ игралъ также въ бриджъ, въ который игралъ мастерски. Много ѣздилъ верхомъ. Эти занятія пріятнымъ образомъ скрашивали его жизнь и усыпляли его, въ избыткѣ, если можно такъ выразиться, здоровья.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ нѣкоторую привязанность къ этой женщинѣ, въ общемъ довольно загадочной, какъ многія куртизанки. Каждый день, около четырехъ часовъ, Валери приходила пить чай въ уютномъ рабочемъ кабинетѣ капитана. Одно

время этому странному человѣку казалось, что онъ страстно любитъ золотистые волосы, голубовато-сѣрые, металлическаго оттѣнка глаза, ровные зубы и красивый, сладострастный ротъ своей любовницы. Онъ дошелъ даже до того, что ему стали нравиться ея умъ, ея забавныя выходки, ея поразительно невѣрныя, но очаровательныя мнѣнія.

Однажды она явилась, съ послѣднею книгой Эрвье подъ мышкой и принялась „говорить о литературѣ". Нанжесъ нашелъ эту выдумку крайне безвкусной и неделикатной.

— Фу! книги...—сказалъ онъ съ презрѣніемъ.

А она промолвила своимъ высокимъ сопрано:

— Вы—варваръ, милый Тимъ, настоящій варваръ...

Тимотэ вздыхаетъ и улыбается, равнодушный, усталый...

Словомъ, время шло, хотя никто не зналъ какъ, но въ общемъ оно шло. Что касается Серва, Мориса Венсана, двоюроднаго брата Грандье, то въ это время они были очень далеки отъ его мыслей. Нанжесъ не любилъ останавливаться на чемъ-либо подолгу, и если ничего не забывалъ, то у него была изумительная способность отодвигать на дальніе планы своего сознанія тѣ впечатлѣнія, которыя его задѣли.

У Нанжеса бывали и минуты грусти. Ихъ источникомъ былъ переживаемый имъ возвратъ любви. Хотя онъ и не былъ окованъ любовью, тѣмъ не менѣе чувствовалъ слишкомъ большую привязанность и словно потерю свободы. Если привычка дѣлаетъ насъ слегка рабами, то любовь быстро лишитъ насъ свободы всецѣло. Рабство, всегда казавшееся такому индивидуалисту, какъ Нанжесъ, отвратительнымъ, принималось имъ, къ его удивленію, сейчасъ гораздо легче, чѣмъ раньше.

Каждый вечеръ онъ совершалъ одинокую прогулку до конца мола стараго порта. То была минута, когда онъ могъ всего глубже заглянуть въ себя, спуститься внутрь себя. Онъ думалъ о томъ, что онъ старъ, что онъ вскорѣ можетъ выйти въ отставку, зарыться гдѣ-нибудь въ деревнѣ, посреди собакъ и лошадей.

И впервые въ жизни его охватило желаніе жениться, устроить свой собственный очагъ. Ему казалось, что онъ провидитъ конецъ господству солдатъ. Впрочемъ, онъ не жаловался. Онъ зналъ лучшія времена, времена военной славы. Во Франціи онъ помнилъ эпоху, когда весь народъ рукоплескалъ полководцу и желалъ, чтобы тотъ былъ его повелителемъ. Трудно повѣрить, что это было такъ недавно. Онъ зналъ такъ недавно еще Суданъ Аршинара, но послѣдній, наоборотъ, казался такимъ далекимъ въ его памяти. Въ итогѣ, теперь онъ хотѣлъ жениться.

Облокотясь о каменныя перила набережной, капитанъ слѣдилъ за приближеніемъ пузатыхъ, раздутыхъ рыбачьихъ лодокъ. Издали онѣ казались неподвижными. Но когда проходили мимо, то двигались быстро, накренясь на одинъ бортъ, и съ легкимъ журчаніемъ воды дѣлали быстрый поворотъ, входя въ узкій каналъ, ведшій къ доку. Вокругъ маяка бѣгали, забавляясь, дѣти.

— Имѣть возлѣ себя бѣлокурую головку, которую можно погладить,—говорилъ себѣ Нанжесъ.—Не быть одному!

Онъ напишетъ матери, и та найдетъ ему милую жену, отъ которой ему захочется имѣть красивыхъ дѣтей.

Такъ раздумывалъ Нанжесъ, стоя на Шербургскомъ молу, и сообщницей его была блѣдная ночь, полная неясныхъ шумовъ и жалобъ.

Но едва, въ часъ бриджа, онъ появлялся подъ тусклыми шарами Большой кофейни, онъ былъ уже другимъ человѣкомъ. Онъ приходилъ туда безпечный, развязной походкой, и вплоть до той минуты, когда были уже сданы карты, и онъ весь отдавался игрѣ, онъ былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, какого только можно было найти. Этотъ ловкій человѣкъ всегда умѣлъ вернуть себѣ душевное равновѣсіе путемъ полнаго приспособленія къ тысячѣ нуждъ, къ тысячѣ случайностей жизни. Онъ пользовался искусно малѣйшимъ обстоятельствомъ, чтобы вернуть себѣ душевный миръ, наиболѣе дорогой его сердцу, и чтобы вернуться къ порядку въ ту минуту, когда его воображеніе всего дальше увело его отъ него.

Въ этотъ залъ онъ не приносилъ ни капли той морской соли, которая въ теченіе цѣлаго часа пропитывала его; онъ не выдавалъ ни одной тайны, довѣренной ему моремъ. Онъ ничего не смѣшивалъ, ничего не переносилъ, а, наоборотъ, раздѣлялъ вопросы, различалъ роды. Духъ его порою носился ураганомъ; но для того, кто имѣлъ съ нимъ близкія сношенія, то былъ лишь пріятный вѣтерокъ, неспособный ни къ насилію, ни къ какой рѣзкой перемѣнѣ.

Ровность его была изумительна. Нанжесъ любилъ бесѣдовать съ молодыми людьми, и его вліяніе на нихъ было велико. Онъ казался имъ человѣкомъ счастливымъ, умѣвшимъ найти счастіе въ постоянной увѣренности въ себѣ самомъ. Такъ, онъ любилъ юнаго поручика С., который не раздѣлялъ ни одного изъ его вкусовъ, ни одной изъ его мыслей, но который за тусклымъ взглядомъ грустнаго философа умѣлъ сдерживать свой пылъ, не желая его обнаруживать.

Ежедневно, въ десять часовъ, что бы онъ ни дѣлалъ утромъ,

капитанъ Нанжесъ былъ уже въ канцеляріи своей батареи. Послѣ полудня онъ возвращался въ казарму, и его можно было видѣть въ манежѣ державшимъ въ поводу лошадь, разстегнутымъ, съ манежнымъ бичомъ въ рукѣ, или во дворѣ передъ конюшнями наблюдавшимъ за чисткой лошадей своей батареи.

Но онъ не могъ привыкнуть къ печали огромныхъ, пустынныхъ дворовъ. Сколько бы онъ ни ходилъ взадъ и впередъ, эти два параллельныя зданія, въ глубинѣ металлическія реи военныхъ кораблей, стоявшихъ на покоѣ, молчаніе этой отдаленной части арсенала,—все было окутано смертельною грустью. Иногда на этомъ дворѣ по утрамъ онъ видѣлъ пятерыхъ-шестерыхъ молодыхъ солдатъ, стоявшихъ вокругъ 75-миллиметровой пушки: то были добровольцы, проходившіе обученіе подъ суровымъ взглядомъ стараго служаки. Этимъ и ограничивалась вся военная дѣятельность, которую проявлялъ этотъ пустынный участокъ. Нѣсколько чернокожихъ артиллеристовъ съ Мартиники прогуливались лѣниво. Старики со свисавшими усами, съ жесткими волосами, огромные рыжіе парни съ четырехугольными лицами, въ которыхъ нетрудно было узнать старыхъ легіонеровъ, проходили медленно, съ торбами, въ которыхъ лежали принадлежности для чистки лошадей, и исчезали во дворѣ, куда выходили конюшни.

А межъ тѣмъ, всего болѣе успокаивали Нанжеса старики-солдаты съ суровыми бронзовыми лицами, загорѣлыми, въ морщинахъ. Эти старые солдаты съ нашивками, казалось, одни поддерживаютъ теперь традицію стараго французскаго солдата, солдата временъ имперіи. Нанжесъ любилъ ихъ за ихъ военныя доблести столько же, сколько и за ихъ недостатки. Они представляли въ его глазахъ традицію, и эту традицію профессіональнаго солдата онъ въ нихъ любилъ. Въ общемъ это были тѣ же люди, что солдаты Италіи и Мексики, тѣ же условія жизни, то же происхожденіе, тотъ же духъ. Это не были „сознательные избиратели“, умъ у нихъ былъ не очень гибкій. Быть можетъ, они жили слишкомъ вдали отъ города. Но какъ знать, въ минуту, когда уже не на что будетъ разсчитывать, не обрадуются ли люди тому, что найдутъ нетронутымъ это старое, мощное убѣжище, за которымъ можно будетъ очутиться въ безопасности.

Чтобы дойти до канцеляріи своей батареи, Тимотэ, поднимавшійся обычно по центральной лѣстницѣ, долженъ былъ проходить по комнатамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были почти пусты. Постели, сложенныя въ кубы, на которыхъ не лежало никакихъ вещей, огромныя пустыя пространства, свидѣтельствовали о томъ, что море, какъ при отливѣ, мало-по-малу покидало этотъ берегъ

„Жаль,—думалъ Нанжесъ.—Я вѣрю только въ профессіональныя арміи. Это—остатки послѣдней“.

Онъ думалъ о слабости наличныхъ силъ Франціи; обращаясь къ колоніямъ, къ флоту и къ колоніальной артиллеріи, онъ также не испытывалъ утѣшенія.

„Но остатки хороши,—продолжалъ онъ свою мысль.—Съ этимъ можно бы еще многое сдѣлать“.

Однажды въ февральское утро онъ былъ очень удивленъ, когда, возвращаясь съ прогулки верхомъ и сходя съ лошади передъ конюшней, увидѣлъ вдругъ знакомый силуэтъ.

То былъ Морисъ Венсанъ. Молодой человѣкъ былъ одѣтъ въ штатскіе брюки и въ полотняную блузу, новую и жесткую, которая уже выдавала его новую профессію. Онъ представился капитану, съ очаровательною неловкостью неуклюжаго молодого животнаго. Но эта неловкость только рѣзче оттѣнила то чудесное, что было въ юномъ солдатѣ: чистыя линіи молодости. Темноволосый, съ глубокимъ, широко разливавшимся взглядомъ, съ дѣтскимъ, но уже энергичнымъ выраженіемъ, съ бѣлыми зубами, со спутанными, вьющимися волосами, съ гибкимъ и стройнымъ тѣломъ, въ которомъ чувствовалась сила здоровой юности.

Тимотэ узналъ сына учителя Венсана.

— А,—сказалъ онъ,—ты поступилъ?

— Да, капитанъ, на пять лѣтъ.

— А... въ какую батарею ты назначенъ?

— Во вторую.

— Хорошо, ты попалъ ко мнѣ. Мы еще увидимся. Я займусь тобою. Старайся, чтобы изъ тебя вышелъ хорошій солдатъ.

Онъ удалился, межъ тѣмъ какъ Морисъ слѣдилъ глазами за его слегка сутуловатой спиной и медленной походкой въ раскачку.

...Въ этотъ день, благодаря случайному пріѣзду Мориса, Нанжесу снова пришлось думать о Вуланжи и о своихъ загадочныхъ встрѣчахъ съ этимъ краемъ. Сѣренькая погода Шербурга—превосходный возбудитель воспоминаній. Въ сѣверныхъ краяхъ живешь столько же настоящимъ, сколько и прошедшимъ. Благодаря тому, что во дворѣ казармы онъ встрѣтился съ этимъ юнымъ добровольцемъ, онъ вспомнилъ о женщинѣ, которую нѣкогда повезъ умирать въ Вуланжи и которая скончалась тамъ среди зеленой, сіяющей весны восемь лѣтъ тому назадъ. Въ дни своего траура капитанъ занимался охотою, или, лучше сказать, пробовалъ забыться за этимъ занятіемъ, такъ какъ охота для страждущаго сердца въ сущности—занятіе ужасное. Если что-нибудь его

въ то время утѣшало, то это было рѣдкое качество его впечатлѣній. Маленькая патріархальная колокольня, глыбы плодородной земли, по которой онъ ходилъ цѣлыми часами, межъ тѣмъ какъ грубые башмаки тяжелѣли отъ налипавшей на нихъ жирной земли; виды мѣстности, столь изумительно спокойные, старая земля, древняя колыбель, страна Меровинга, Клодіона, лѣнивыхъ королей, съ ихъ телѣгами, запряженными быками, древній ленъ, гармоническій край, гдѣ онъ снова ощущалъ свои корни, чувствуя, какъ сила его удесятерялась милліонами силъ праотцевъ, продолжавшихъ жить здѣсь; милые ручьи, журчавшіе ему братскіе привѣты, сады, большая дорога, съ двумя рядами деревьевъ въ видѣ метелокъ, домики, наполненные безхитростнымъ уютомъ— все создавало въ немъ такое сильное настроеніе, что почти заставляло забывать личное горе.

Въ тѣ времена Себастьенъ Венсанъ, отецъ Мориса, не былъ еще тѣмъ неистовымъ софистомъ, какимъ сталъ впослѣдствіи. То былъ добрый товарищъ по охотѣ, неутомимый ходокъ, мѣткій стрѣлокъ. Его умъ былъ наполненъ общими мѣстами той эпохи, но это было заучено и повторялось имъ неискусно. Онъ былъ изъ числа равнодушныхъ людей, чуждыхъ пыла и тайны. Морису въ это время было десять лѣтъ. Онъ уже сопровождалъ охотниковъ въ дальнія странствованія. Тимотэ нравился этотъ мальчуганъ. Не забралъ ли онъ себѣ въ голову, что мальчугана слѣдуетъ учить фехтованію, въ то время какъ его приходилось учить сморкать носъ? Такое маленькое очаровательное существо капитану хотѣлось бы имѣть, чтобы изъ него своими руками создать человѣка.

Себастьянъ часто спорилъ съ Нанжесомъ. Мысли его были элементарны, понятны, просты, доступны и въ силу этого такъ удалены отъ жизни. Онѣ сердили его спутника.

— Расширеніе колоній,—говаривалъ Венсанъ,—сколько милліоновъ уже было брошено въ эту бездну!

Онъ говорилъ нерѣдко въ повышенномъ тонѣ.

— И еще,—продолжалъ онъ,—если бы дѣло было правое! Но въ силу какого права тревожимъ мы на родинѣ безобидныя существа, которымъ ничего не можемъ принести, кромѣ нашихъ пороковъ?

Требованія чести, гордости для него не существовали.

— Вѣрьте,—отвѣчалъ ему Нанжесъ, подзывая сеттера,—что сила всегда на сторонѣ права.

Учитель возставалъ.

— Разумѣется,—объяснялъ Тимотэ.—Что такое сила? Это умъ,

упорство, терпѣніе, искусство, храбрость, воля. Вотъ элементы силы, Венсанъ. Вотъ нити ткани. Не думаете ли вы, что вмѣстѣ со всѣми добродѣтелями, которыя въ нея входятъ, сила имѣетъ огромные шансы имѣть постоянно на своей сторонѣ право?

Естественно, Венсанъ не понималъ. Колоніальная армія составляла для него предметъ ужаса.

— Но когда,—говорилъ онъ,—ваши солдаты приходятъ въ край на маневры, всѣ двери въ ужасѣ захлопываются передъ ними? Старушки становятся на молитву и, завидя солдатъ, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ?

Умъ Себастьена былъ отмѣченъ большою элементарностью. Нѣсколькими годами позже этотъ человѣкъ, сдѣлавшись сознательнѣе, превратился въ орудіе для политиковъ, сначала политиковъ правительственныхъ, а вскорѣ и политиковъ сверхправительственныхъ. Основывалъ ли онъ свое ученіе на „Декларацiи правъ человѣка", расклеенной по всѣмъ стѣнамъ школьнаго зданія, или на какомъ-либо изъ свѣтскихъ катехизисовъ, пытавшихся одну догму замѣнить другою, это было безразлично: зло было сдѣлано, ошибка допущена; изъ безкорыстнаго воспитателя Себастьенъ превратился въ яростнаго представителя партіи.

Вотъ обстановка, среди которой выросъ молодой доброволецъ, ушедшій въ военную службу на пять лѣтъ, котораго Нанжесъ встрѣтилъ во дворѣ артиллерійской казармы.

Пусть говорятъ послѣ этого о благахъ и о верховномъ вліяніи воспитанія. Безконечный предметъ для разсужденій. Да и какъ отрицать это вліяніе? Но Нанжесъ въ то время самъ не различалъ хорошенько, что ребенка воспитываетъ не столько отецъ, сколько, и преимущественно, отцы, силы прошлаго, неясные совѣты лѣсовъ и пастбищъ, вмѣстѣ съ безчисленными умами мыслителей и поэтовъ. Вотъ что спасаетъ отдѣльныхъ лицъ отъ уклоновъ. Дорога, потерянная на минуту, находится человѣкомъ вновь. Въ дѣлѣ Мориса на это нужно одно поколѣніе. Въ другихъ случаяхъ работа заканчивается въ предѣлахъ одного и того же поколѣнія, какъ въ случаѣ съ бригадиромъ военной школы, о которомъ часто вспоминалъ Нанжесъ.

Могучи зовы земли и прочитанныхъ книгъ, горячи призывы полей, гдѣ протекло дѣтство, когда ко всему этому примѣшивается сладость Виргилія!..

Отъ всего этого исходитъ божественная сила, которая зоветъ насъ и покоряетъ неодолимо. Въ этихъ случаяхъ умъ молчитъ, какъ молчитъ самый сильный умъ передъ вѣрою Паскаля. Тутъ мы унижены, пригнуты къ землѣ еще сильнѣе, чѣмъ молчали-

вый землепашецъ, согбенный надъ сохою, ибо сила, заставляющая насъ простираться ницъ, нисходитъ съ небесъ.

Всего этого не зналъ Нанжесъ. Но развѣ онъ не долженъ быть доволенъ тѣмъ, что къ нему пришелъ такой прекрасный образчикъ человѣческаго рода? И вообще, найдется ли капитанъ, который не испыталъ бы радости, когда наборъ посылалъ ему здоровыхъ парней и великолѣпныхъ жеребцовъ? Вначалѣ это почти физическая радость, чувство полноты, изобилія, а затѣмъ утилитарное чувство, простой практическій расчетъ, что трудъ работника зависитъ отчасти отъ тѣхъ орудій, которыя имѣются у него въ рукахъ, но, быть можетъ, этотъ взглядъ является уже впослѣдствіи. Быть можетъ, прежде всего это—удовольствіе любителя при видѣ того, что прекрасное преуспѣваетъ, радость „любителя тюльпановъ", который отнюдь не думаетъ объ утилизаціи своихъ тюльпановъ, ни о томъ, что сможетъ выгодно продать ихъ, или что будетъ гордиться ими, а просто, прежде всего, доволенъ тѣмъ, что у него прекрасные тюльпаны.

Въ этотъ вечеръ Тимотэ Нанжесъ не появлялся въ казармѣ. Сидя въ глубокомъ креслѣ, онъ перебиралъ золу прошлаго. Онъ испытывалъ сладострастіе Овидія въ изгнаніи, вглядываясь, сквозь клубы табачнаго дыма въ рощи Иль-де-Франса, въ его водяныя мельницы, его парки, умирающіе на берегахъ красивыхъ рѣкъ, въ тотъ край, который онъ выбралъ нѣкогда, чтобы пострадать здѣсь, и къ которому снова приковалъ его прихотливый ходъ его мысли, родину, избранную имъ послѣ долгихъ блужданій, далеко за предѣлами родныхъ морей, въ океанахъ неизвѣстнаго.

Въ четыре часа пришла красавица Валери. Ея хрупкая жеманность плохо вязалась съ суровымъ созерцаніемъ Тимотэ. Она принесла массу слуховъ, которые какимъ-то чудомъ умѣла собирать въ этомъ мертвомъ, потонувшемъ въ туманѣ, городѣ. Капитанъ слушалъ ее разсѣянно. Она нашла его „нелюбезнымъ", не обращавшимъ на нее вниманія. Но обидѣться на это не пришло ей и въ голову.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О духовной сущности Германіи.

Чѣмъ дольше длится бушеваніе міровой военной грозы, чѣмъ сильнѣе ея испытанія для насъ, тѣмъ неотвязнѣе встаетъ вопросъ, возникшій съ самаго начала войны: кто же такой—нашъ противникъ? Какъ создалась въ самомъ сердцѣ Европы та чудовищная и загадочная стихія, которая соединяетъ высокую культуру соціальнаго быта и личнаго духовнаго развитія съ первобытными, подлинно варварскими устремленіями и понятіями? Откуда взялся этотъ, предреченный Герценомъ, „Чингисханъ съ телеграфами"?

Вопросъ этотъ имѣетъ не только психологическое или историческое значеніе. Въ настоящую минуту для насъ этотъ вопросъ имѣетъ грозное значеніе загадки сфинкса. Въ началѣ войны русское сознаніе могло позволить себѣ роскошь чисто-теоретическаго, общеисторическаго или общенравственнато вопроса о смыслѣ нашей борьбы съ германскимъ міромъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ злой воли, явственно обнаруженной нашимъ противникомъ, какъ въ самомъ фактѣ зажженія мірового пожара, такъ и въ способахъ веденія войны, русская мысль, по самой своей природѣ неспособная успокоиться на относительномъ, историческомъ оправданіи войны, какъ экономической и политической, въ концѣ-концовъ, зоологической борьбы за существованіе націй или культуръ, нашла безусловное ея оправданіе въ усмотрѣніи ея необходимости, какъ борьбы русской или общеевропейской совѣсти съ зломъ германизма. Такая „конструкція", правда, легко возбуждаетъ къ себѣ скептическое отношеніе въ реалистически настроенныхъ умахъ; исторически и политически „искушенные" умы склонны видѣть въ ней болѣе или менѣе необходимую „офиціальную версію" смысла войны, а никакъ не трезвое пониманіе ея причины и цѣлей. И, къ сожалѣнію, это моральное оправданіе войны было скомпрометировано и опошлено уличными листками, использовавшими чистое нравственное негодованіе страны для совершенно безнравственной и хулиганской травли нѣмцевъ. Вопреки всему этому, мы считаемъ такое сверхнаціональное, общечеловѣчески-моральк-

ное объясненіе войны не только единственно правомѣрнымъ этически, но и чисто-теоретически вполнѣ правильнымъ. Какъ бы ни были глубоки и трагически безысходны историческія, независящія отъ воли отдѣльныхъ людей, причины борьбы народовъ, то обстоятельство, что эта борьба изъ формы мирнаго экономическаго и политическаго соперничества перешла въ форму міровой катастрофы, совсѣмъ не было исторически необходимо, поскольку въ составъ „исторической необходимости" мы не включимъ также мотивы и дѣйствія, за которые могутъ нести нравственную отвѣтственность и руководители политики, и цѣлыя поколѣнія науки. Дипломатическая исторія возникновенія войны это ясно показываетъ. Опасности мірового пожара сознавались всѣми такъ ясно, что война *могла* быть избѣгнута, *могъ* быть найденъ компромиссъ, всѣхъ удовлетворяющій, или, вѣрнѣе, *могъ бы* быть найденъ, если бы его желали всѣ участники столкновенія. И теперь уже можно съ полной достовѣрностью и безпристрастіемъ сказать, что не пожелала его Германія. Уже одно это обстоятельство дѣлаетъ войну морально оправданной борьбою съ злою волей. Столь же несомнѣнно, что бы ни говорили нѣмцы,—что безъ нравственнаго негодованія, возбужденнаго нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи, Англія не могла бы такъ легко вмѣшаться въ войну. И какъ бы сильны и естественны ни были національно-политическія соображенія, побудившія Италію присоединиться къ союзникамъ, намъ представляется несомнѣннымъ, что эти утилитарные мотивы были поддержаны непосредственнымъ, инстинктивнымъ сознаніемъ опасности такого могущественнаго хищника, какъ Германія. Вообще говоря, не слѣдуетъ, конечно, наивно, донкихотски, преувеличивать значеніе чисто моральныхъ побужденій въ политикѣ, въ особенности международной; но нельзя и преуменьшать его. Національная политика совсѣмъ не должна быть самоотверженной или безкорыстной, чтобы быть подчиненной нравственнымъ мотивамъ. Негодованіе на разбойника, вторгшагося въ мой домъ или угрожающаго ему, не перестаетъ быть нравственнымъ чувствомъ отъ того, что я защищаю при этомъ свою семью и свое имущество. Въ этомъ смыслѣ мы въ правѣ сказать, не впадая въ наивность политическаго „идеализма", что сознаніе необходимости защиты національной независимости и международнаго порядка отъ хищническаго національнаго эгоизма, не останавливающагося ни передъ какимъ насиліемъ и правонарушеніемъ, есть основное чисто-реальное и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное побужденіе, придающее особую остроту и исключительное упорство міровому столкновенію націй.

Но сколь бы необходимо и правильно ни было такое пониманіе причинъ и цѣлей войны, въ немъ есть одна опасная односторонность. Съ чисто-нравственной точки зрѣнія такое сознаніе правоты своего дѣла и изобличеніе своего противника правомѣрно лишь постольку, поскольку

оно безусловно безпристрастно и не связано съ самопревознесеніемъ и уничиженіемъ противника. Когда человѣкъ въ борьбѣ съ своимъ ближнимъ сознаетъ свою правоту и беззаконіе своего врага, когда онъ говоритъ: „въ моей рукѣ—карающій мечъ правды, въ его рукѣ—оружіе насильника“, это сознаніе лишь тогда основательно и подлинно нравственно, когда оно сопровождается смиренной оговоркой: „это такъ, несмотря на всѣ грѣхи, лежащіе на мнѣ, и на всѣ достоинства, присущія моему врагу“. Поскольку нѣтъ этого чувства отвѣтственности, требующаго внимательной самокритики и внимательно-справедливаго отношенія къ врагу, сознаніе своей правоты легко ведетъ къ гордынѣ и злобѣ. Такъ и въ борьбѣ націй. Благородное и укрѣпляющее сознаніе правоты національнаго дѣла при отсутствіи смиренія, чувства отвѣтственности и безпристрастія такъ легко, къ сожалѣнію, вырождается въ разнузданное, легкомысленное національное самомнѣніе и въ низменныя чувства злобы. Нѣтъ нужды приводить печальные примѣры этого вырожденія—они у всѣхъ передъ глазами.

Но еще гораздо опаснѣе другая, чисто-практическая односторонность этого пониманія. Сознаніе своей правоты и грѣховности противника есть вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своей силы и безсилія противника. Нравственное сознаніе человѣчества не можетъ отказаться отъ вѣры, что побѣда суждена правому дѣлу, что правда есть сила, одолѣвающая неправду. Поскольку эта вѣра есть не сантиментальная мечта, а подлинное убѣжденіе, она основана на признаніи, что зло есть въ личной и національной жизни начало разрушающее и ослабляющее, начало разложенія и упадка силъ, добро же — начало, которое одно лишь даетъ истинную силу и обезпечиваетъ успѣхъ. Въ началѣ войны это пониманіе было цѣльнымъ, навязывалось какъ бы само собой и не подтачивалось никакимъ сомнѣніемъ. Злыя черты самомнѣнія, эгоизма, нравственной тупости проступали такъ явственно на лицѣ нѣмецкой націи, что можно было говорить о нравственномъ и духовномъ упадкѣ Германіи, а совмѣстимъ ли такой упадокъ съ могуществомъ? И побѣда казалась намъ легкой и безспорной. Нѣтъ нужды напоминать, какъ измѣнилось съ того времени положеніе. За противникомъ мы должны признать огромную, почти невѣроятную мощь, и, съ другой стороны, намъ раскрылись глаза на наши собственныя слабости.

Поэтому вопросъ о смыслѣ и сущности нашей борьбы имѣетъ для насъ въ настоящее время не одно лишь значеніе нравственнаго оправданія войны. Онъ имѣетъ то насущное практическое значеніе, какое въ моментъ опасности имѣетъ вообще правильная оцѣнка положенія. При этомъ нужно, конечно, прежде всего понять причины силы противника; постигнуть существо германскаго духа значитъ для насъ уяснить источники не только его отрицательныхъ сторонъ, но и прежде всего его

неожиданной для насъ мощи. Но это требованіе практической оріентировки не уводитъ насъ отъ нравственной оцѣнки, а тѣсно связано съ послѣдней. Однако прежнюю точку зрѣнія приходится подвергнуть пересмотру. Ошибались ли мы въ томъ, что сила на сторонѣ правды, что безнравственность есть вмѣстѣ съ тѣмъ безсилье? Или мы ошибались въ самой нравственной оцѣнкѣ противника?

Нѣкоторой популярностью, кажется, пользуется теперь первое предположеніе. Дѣло, на первый взглядъ, объясняется просто: Въ рукахъ злой силы оказалось огромное техническое могущество, олицетворенное въ 16-дюймовой мортирѣ, и съ помощью этой мортиры зло если не побѣждаетъ, то наноситъ тяжкіе удары добру. Это объясненіе, конечно, правильно указываетъ *ближайшую* причину нашихъ неудачъ въ лицѣ технической подготовленности нѣмцевъ. Но въ качествѣ подлиннаго объясненія оно совершенно призрачно. Поставимъ прежде всего вопросъ: почему же у насъ не оказалось 16-дюймовыхъ мортиръ и всего остального, что сюда относится? Потому ли, что одни нѣмцы, а не мы, умышляли міровую войну? Но развѣ мысль о защитѣ не требовала такой же технической подготовки страны, какъ мысль о нападеніи? Или мы не знали агрессивныхъ замысловъ Германіи или степени ея подготовленности къ ихъ осуществленію? Но отчего же мы не знали того, что обязаны были знать? Спору здѣсь быть не можетъ: наша неподготовленность есть не случайный промахъ, а имѣетъ глубокіе психологическіе и моральные корни. Наша слабость есть плодъ моральныхъ грѣховъ всей нашей національно-политической жизни. Но въ такомъ случаѣ мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что и нѣмецкая мощь есть выраженіе нѣкоторой *моральной силы* націи. Вѣдь ни 16-дюймовая мортира, ни вся иная, вещественная и личная техническая сила нѣмцевъ не свалились къ нимъ съ неба, а есть плодъ ихъ долгихъ и напряженныхъ усилій, за которыми стоитъ духовная сила ума и нравственной энергіи. Вопросъ: „какъ народъ мечтателей и мыслителей сталъ народомъ 16-дюймовыхъ мортиръ?“, при всей своей загадочности, имѣетъ одну, вполнѣ ясную сторону, которую съ самодовольствомъ подчеркиваютъ сами нѣмцы и которую мы обязаны просто констатировать, какъ фактъ: вѣдь чудовищная техника нѣмецкаго милитаризма есть *сама* плодъ напряженной мечты и мысли цѣлаго народа. За столѣтіе, отдѣляющее нынѣшнюю Германію отъ эпохи „идеализма“, перемѣнился лишь, съ одной стороны, предметъ мечтаній и мыслей — вмѣсто царства духа и свободы, о которомъ мечтали Кантъ и Шиллеръ, конечной цѣлью стало теперь военное и хозяйственное могущество; и, съ другой стороны, вмѣстѣ съ этой перемѣной предмета стремленій измѣнился самый характеръ „мечтаній и мыслей“: нѣмцы стали *практичными*, развили въ себѣ энергію внѣшней, технической въ широкомъ смыслѣ слова дѣй-

ственности. Это, конечно, есть огромная, полная перемѣна всего личнаго духовно-нравственнаго *облика* нѣмецкой культуры, но въ этой новой формѣ дѣйствуютъ тѣ же силы ума и духа, что и въ „идеальномъ“ типѣ прошлаго. И—что особенно важно и часто упускается изъ виду—военное могущество нѣмцевъ не могло быть осуществлено безъ огромнаго напряженія *нравственной* воли націи. То, что прежде всего бросилось въ глаза не только противникамъ Германіи, но и всему міру съ самаго начала войны,—это изумительное хладнокровіе нѣмецкаго безстыдства и безнравственности. Это живое впечатлѣніе не ложно, и оно придаетъ нашей борьбѣ живое, будящее энергію сознаніе борьбы со зломъ. Стоитъ вспомнить нарушеніе нейтралитета Бельгіи и въ особенности его циничное оправданіе въ словахъ о „нуждѣ, не вѣдающей закона“ и въ приравненіи правового обязательства къ „клочку бумажки“, нѣмецкіе методы морского пиратства, разрушеніе Лувена и пр., чтобы почувствовать, что слова о нѣмецкой безнравственности—не полемическая фраза. Вполнѣ естественно, что сила этого впечатлѣнія мѣшаетъ разглядѣть другую сторону дѣла. Мы должны, однако, имѣть безпристрастіе правдиво признать ее. Мы должны признать,—какъ бы парадоксально это ни звучало,—что ураганъ ненависти, правонарушенія и человѣкоубійства, поднявшійся въ Германіи, осуществляетъ свою разрушительную силу *нравственной* энергіей творящихъ его личностей. Такое злое дѣло, напримѣръ, какъ потопленіе безъ предупрежденія коммерческихъ судовъ, требуетъ все же для своего осуществленія недюжинной нравственной воли—чувства долга, отваги, хладнокровія передъ лицомъ опасности, твердаго упорства въ достиженіи намѣченной цѣли—со стороны командъ подводныхъ лодокъ. И точно такъ же, вообще, развитіе вещественной техники, хотя бы въ лицѣ нѣмецкой артиллеріи, безспорная храбрость нѣмцевъ и ихъ презрѣніе къ смерти—стоитъ вспомнить хотя бы столько разъ описанныя нѣмецкія атаки, въ которыхъ люди лѣзутъ впередъ по грудѣ труповъ своихъ товарищей—и, наконецъ, что, быть можетъ, важнѣе всего—организація всей страны какъ бы въ единый гарнизонъ крѣпости, не вѣдающей иной цѣли, кромѣ побѣды надъ противникомъ,—возможно ли все это иначе, какъ при жесточайшемъ, аскетическомъ подчиненіи личной воли всей страны безпощадному требованію „категорическаго императива“: „ты долженъ, слѣдовательно, ты можешь!“? Ясно, что за нѣмецкой „техникой“, которая наноситъ намъ теперь жестокіе удары, стоитъ энергія нравственной воли. Нѣмецкіе успѣхи суть „успѣхи категорическаго императива“ Канта—живые образцы того, на что способна нація въ самомъ отчаянномъ, опасномъ положеніи, когда она дѣйствительно *хочетъ* осуществлять то, что она считаетъ своимъ *долгомъ*.

И тутъ именно мы стоимъ передъ изумительнымъ парадоксомъ нѣ-

мецкой нравственной психологіи—передъ старымъ, давно уже подмѣченнымъ парадоксомъ утилитаризма, какъ нравственнаго мотива, который здѣсь обнаруживается лишь съ особой явственностью и въ грандіозномъ масштабѣ. Національный идеалъ Германіи, та высшая цѣль, которой она служитъ, закрѣплена офиціально въ знаменитой исторической формулѣ Бетмана-Гольвега: Not kennt kein Gebot—нужда не вѣдаетъ закона. Интересы націи и ея могущества суть верховная, высшая инстанція, передъ которой долженъ склониться всякій „законъ“ — нравственный и правовой. Это есть обоготвореніе эгоизма, провозглашеніе его (лищь въ отношеніи національнаго цѣлаго) высшимъ началомъ человѣческой жизни. И однако эта безнравственная цѣль не могла бы быть осуществляема, болѣе того—самая постановка ея, образующая гордый замыселъ нѣмецкаго милитаризма, была бы невозможна, если бы поведеніе осуществляющихъ ее людей не подчинялось нравственнымъ побужденіямъ совершенно иного порядка. Очевидно, лишь потому, что нѣмецкій гражданинъ, вѣря Бетману-Гольвегу, *продолжаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрить Канту* и, признавая для государства правило „Not kennt kein Gebot“, *для себя самого* исповѣдуетъ обратное правило: „Gebot kennt keine Not“,—лишь потому нѣмецкій милитаризмъ можетъ вообще быть такой страшной силой.

Если мы присмотримся съ этой общей точки зрѣнія къ фактамъ, въ которыхъ явственно выразилась „злая воля“ нѣмецкой націи, то мы подмѣтимъ черты, подтверждающія изложенную морально-психологическую характеристику. Основная черта того, что зовется „нѣмецкими звѣрствами“, есть ихъ обдуманность и методичность. Безсмысленные, объяснимые лишь изъ чисто-стихійныхъ инстинктовъ и афектовъ эксцессы, конечно, встрѣчаются и въ нѣмецкой практикѣ войны, какъ во всякой войнѣ, но, думается, они встрѣчаются не чаще, если не рѣже, чѣмъ въ другихъ арміяхъ міра. Напротивъ, то, что характерно для нѣмецкой жестокости, есть ея планомѣрность. Дикія жестокости въ Калишѣ и Бельгіи составляютъ лишь осуществленіе опредѣленнаго стратегическаго плана: ученые стратеги установили теорію, что для обезпеченія покорности населенія завоеванныхъ мѣстъ необходимо запугать его, и теорія эта осуществляется неуклонно и систематически, съ такой же точностью, съ какою артиллерійскій прицѣлъ подчиняется установленнымъ законамъ механики. Плѣнные могутъ быть разстрѣляны не только по суду, за какіе-либо проступки, но и просто въ случаѣ „военной необходимости“. Все подчинено верховнымъ требованіямъ цѣлесообразности, все дѣлается „по-нѣмецки“, gründlich und systematisch. Человѣкъ—все равно, свой ли или врагъ—есть только средство для осуществленія цѣли; съ нимъ поступаютъ такъ, какъ нужно для успѣха дѣла. И съ такой же методичностью, съ какой люди истребляются,

когда это нужно, они и созидаются: нѣмецкая власть, озабоченная, въ интересахъ будущаго военнаго могущества, увеличеніемъ населенія Германіи, принимаетъ и въ этомъ отношеніи свои мѣры, похожія на мѣры предусмотрительнаго и энергичнаго коннозаводчика. [1]) Жизнь и смерть людей одинаково—только орудіе для осуществленія высшей цѣли—мощи государства. Чудовищная государственная машина, не вѣдающая добра и зла внѣ единой, предназначенной ей цѣли, спокойно и систематично переплавляетъ живой человѣческій матеріалъ въ цементъ и желѣзо государственнаго и военнаго могущества. Откровенное презрѣніе нѣмцевъ ко всякимъ абсолютнымъ требованіямъ права и нравственности есть стихійное равнодушіе машины ко всему, что лежитъ внѣ ея предназначенія, и стихійное истребленіе ею всѣхъ преградъ на пути ея дѣйствія.

Но эта машина работаетъ сама не паромъ и электричествомъ, а коллективной нравственной волей людей, дѣйствующихъ не за страхъ, а за совѣсть. Движущая сила этой машины есть чувство долга, „категорическій императивъ". Бываютъ случаи, когда налаженный государственный механизмъ въ обычныхъ условіяхъ болѣе или менѣе исправно работаетъ, хотя живая, духовная сила націи отъ него уже отошла и даже противодѣйствуетъ ему. Но при такихъ условіяхъ, какъ міровая война, уже заранѣе ясно, что это невозможно; а въ отношеніи современной Германіи всѣ факты свидѣтельствуютъ объ обратномъ. Единая воля, воля служенія именно государственному механизму, не только фактически управляетъ дѣйствіями людей, но и всецѣло овладѣла ихъ мыслями и нравственнымъ сознаніемъ. Ярче всего объ этомъ свидѣтельствуетъ позиція, занятая не только въ отношеніи этой войны вообще,—что было бы не удивительно,—но и въ отношеніи именно идеала всепоглощающаго военно-государственнаго утилитаризма нѣмецкой интеллигенціей и нѣмецкой соціалъ-демократіей. Но такіе и имъ подобные факты, обнаружившіеся уже въ теченіе войны, въ сущности, суть лишь бросающіеся въ глаза внѣшніе симптомы, а не внутренніе корни того національнаго умонастроенія, которое есть истинная причина нѣмецкаго военнаго могущества. Вся нѣмецкая духовная жизнь, по крайней мѣрѣ, со времени Бисмарка и франко-прусской войны, проходила основательную школу государственной дисциплины ума и воли и насквозь пропиталась соотвѣтствующимъ нравственнымъ міросозерцаніемъ.

Конечно, легко и соблазнительно для насъ объяснить эту дисциплину, какъ чисто-внѣшнюю, механическую *дрессуру* нѣмецкаго народа. Это пониманіе не только психологически естественно при нашей антипатіи къ

---

[1]) См. любопытнѣйшую корреспонденцію М. Лурье изъ Стокгольма (*Русск. Вѣд.*, 1915 г., № 184), основанную на данныхъ нѣмецкой печати.

нѣмцамъ; оно находитъ себѣ подтвержденіе во многихъ характерныхъ фактахъ. Внимательный наблюдатель давно уже могъ подмѣтить въ нѣмецкомъ сознаніи черты государственнаго *холопства*, рабьяго, духовно-несвободнаго отношенія нѣмцевъ къ государственной власти. Такія бытовыя мелочи, какъ, напримѣръ, то, что нѣмецкій ученый болѣе гордится чиномъ Geheimrat'a, чѣмъ своей ученой репутаціей, или какъ сантиментально-восторженное, рабски-безкорыстное монархическое чувство, характерное для нѣмецкаго народа, или, наконецъ, какъ комически-побѣдоносная сила мундира лейтенанта не только надъ женскими и дѣтскими, но и надъ мужскими сердцами,—всѣ эти мелочи, вызывавшія въ насъ раньше только улыбку, теперь раскрываются въ своемъ истинномъ значеніи, какъ частныя проявленія глубочайшей стихіи государственнаго и военнаго идолопоклонства, въѣвшейся въ нѣмецкую кровь и душу. [1]) Все это, конечно, такъ, и только этимъ идолопоклонствомъ, этой лакейской дрессированностью можно объяснить, что даже такіе, казалось бы, чуткіе къ нравственной сторонѣ жизни люди, какъ Гауптманъ, могли выступить защитниками нѣмецкихъ методовъ войны. И все-таки было бы ошибочно остановиться лишь на этой отрицательной, чисто „гетерономной" и потому безнравственной сторонѣ нѣмецкаго національнаго сознанія. Рабы и лакеи, люди, подчиняющіеся только чужому авторитету, а не голосу своей совѣсти, не имѣютъ подлинныхъ чувствъ вѣрности и отвѣтственности, и въ минуту опасности если и не всегда покидаютъ своихъ господъ, то во всякомъ случаѣ не оказываются на высотѣ положенія и обнаруживаютъ признаки трусости и эгоизма. И неизбѣжной развращенности рабовъ соотвѣтствуетъ всегда и развращенность господъ. Именно съ этой стороны обнаруживается яснѣе всего односторонность и карикатурность такого пониманія нѣмецкаго національнаго единомыслія. Пусть нѣмецкая государственная и военная власть являетъ воочію черты грубости, безчеловѣчности, наглости; но мы не можемъ отрицать, что и она проникнута насквозь чувствомъ долга и отвѣтственности и вмѣстѣ съ народомъ сама неутомимо и са-

---

[1]) Эта національная черта государственнаго холопства имѣетъ очень данній историческій источникъ. Стоитъ вспомнить теорію государства, какъ „земного божества", у Гегеля, или отношеніе олимпійца Гёте къ жалкимъ нѣмецкимъ коронованнымъ особамъ и принцамъ. Изъ жизни Гёте приведемъ лишь одинъ характерный анекдотъ. Престарѣлаго мудреца и поэта, находившагося на высшей вершинѣ авторитета и міровой славы, однажды невзначай посѣтилъ его коронованный другъ, старый герцогъ веймарскій, съ которымъ его связывала полувѣковая тѣсная дружба (въ интимномъ кругу они были на „ты"). Гёте сталъ торопливо переодѣваться, чтобы достойно встрѣтить своего высокаго посѣтителя, и при этомъ бросилъ своему лакею слѣдующую фразу: „Запомни, подлецъ, какъ долженъ вести себя слуга, когда приходитъ господинъ" („Merke dir, Schuft, wie der Diener sich benimmt, wenn der Herr kommt"). Олимпіецъ Гёте *гордился* званіемъ и добродѣтелями слуги!

моотверженно *служитъ* высшей для нѣмцевъ государственной цѣли, а не предаетъ страну своимъ личнымъ интересамъ.

Суть въ томъ, что эта глубочайшая внутренняя преданность государству и власти есть все же скорѣе *идолопоклонство*, чѣмъ простое *холопство*, т.-е. имѣетъ нѣкоторое абсолютное религіозно-нравственное ядро. Нѣмецкая общественно-нравственная психологія не совпадаетъ, конечно, съ идеаломъ чистой нравственной автономности, выставленнымъ Кантомъ, когда личность сама, своимъ свободнымъ признаніемъ, ставитъ передъ собой свой нравственный идеалъ; но она не есть и чистая гетерономность, слѣпое, рабье подчиненіе чужому велѣнію. Ибо „велѣніе", которому она подчиняется, не есть „*чужое* велѣніе" какихъ-либо людей, сословій, какой-либо внѣшней власти, а есть сверхличное велѣніе государства, воспринимаемое нравственнымъ сознаніемъ изнутри, какъ абсолютный, божественный авторитетъ. Мы не будемъ, конечно, преувеличивать степень чистоты и высоты нѣмецкаго нравственнаго сознанія; напротивъ, непосредственное впечатлѣніе отъ нѣмецкой жизни явственно говоритъ о томъ, что матеріалистическія устремленія и въ особенности ихъ успѣшность—хозяйственное благополучіе страны—наложили на нѣмецкое сознаніе печать мѣщанскаго самодовольства и мѣщанскаго эгоизма. И дѣйственная преданность государству есть все же не чистый религіозно-нравственный мотивъ, а именно *идолопоклонство*. А это означаетъ не только то, что нѣмцы вообще поклоняются ложному, а не истинному божеству, и не только то, что это поклоненіе въ значительной мѣрѣ подкрѣпляется эгоистическимъ чувствомъ утилитарно-хозяйственной цѣнности государственнаго могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что само поклоненіе это носитъ характеръ какого-то первобытнаго, варварскаго идолопоклонства, въ которомъ религіозное чувство ближе къ рабскому трепету передъ могучей и грозной силой, чѣмъ къ подлинному религіозному благоговѣнію, основанному на любви къ святынѣ. Если безспорно, что жертвоприношенія идолу государства совершаются нѣмцами „не за страхъ, а за совѣсть", то сама „совѣсть" эта есть здѣсь, какъ и при всякомъ человѣческомъ жертвоприношеніи идолу,—лишь болѣе глубоко, болѣе изнутри души переживаемый страхъ. Грубые эгоистическіе инстинкты личности сдерживаются столь же примитивнымъ инстинктивнымъ трепетомъ передъ коллективной стихійной силой, воплощенной въ идолѣ государственнаго могущества. Это есть типичная религіозно-нравственная психологія варварскаго, первобытнаго племени. Но именно поэтому эта психологія не только варварски груба, но и варварски сильна и здорова. Съ тою же непосредственностью и энергіей, съ какою въ мирное время варвары отдаются обезпеченію своихъ личныхъ первобытныхъ потребностей, они въ военное время отдаютъ себя на защиту племен-

ныхъ интересовъ. Тогда, не вѣдая пощады къ врагамъ, ставя силу и интересы племени выше права и нравственности, они не даютъ пощады и самимъ себѣ и поражаютъ враговъ своей сплоченностью, самоотверженностью и коллективной энергіей. Объективная безнравственность ихъ поведенія и міросозерцанія не есть личная развращенность, какъ это бываетъ въ болѣе утонченныхъ и просвѣщенныхъ культурахъ; напротивъ, она сочетается съ подлиннымъ нравственнымъ здоровьемъ. Въ государственномъ сознаніи нѣмецкаго народа живетъ, хотя и въ примитивной, идолопоклоннической формѣ, и со стихійной силой дѣйствуетъ та самая сверхлично-нравственная волевая энергія, которая выражена въ канто-шиллеровской формулѣ: „ты долженъ, слѣдовательно, ты можешь". Такимъ образомъ, называя нѣмцевъ „варварами", мы употребляемъ не бранное слово для обличенія ихъ грубости и жестокости, а точный терминъ, обозначающій опредѣленный духовный типъ, и не только въ его отрицательныхъ, но и въ его положительныхъ сторонахъ.

Возвращаясь къ исходному вопросу нашего размышленія, мы должны, такимъ образомъ, признать, что объясненіе нѣмецкаго могущества, какъ чисто-внѣшней силы, данной въ руки злого, безнравственнаго начала, не только поверхностно, но и прямо ложно. Нѣтъ, мы въ правѣ остаться при прежнемъ допущеніи: зло, какъ таковое, само по себѣ всегда безсильно, ибо оно есть начало разложенія, слабости, смерти. Даже шайка безсовѣстныхъ разбойниковъ сильна лишь дотолѣ, доколѣ въ душахъ разбойниковъ живы такія нравственныя чувства, какъ смѣлость, вѣрность товарищамъ, готовность къ жертвамъ и труду. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ царитъ одно лишь зло, тамъ распущенность, трусость, лѣнь и измѣна неизбѣжно ведутъ къ слабости и гибели. Зло, чтобы быть сильнымъ и побѣждать, всегда должно пользоваться средствами добра, заставлять ихъ служить себѣ и потому быть внутренне слитнымъ съ добромъ. Только такъ объяснима и сила современной Германіи. Психологически понятно, почему нѣмцы такъ гордятся собою и такъ презираютъ нравственныя порицанія всего міра. Не видя безнравственности своей цѣли, своего общаго міросозерцанія,—а они не могутъ ее видѣть, ибо ихъ ослѣпленіе въ томъ и состоитъ, что они идолопоклонники,—они ясно видятъ безспорную нравственную силу, обнаруживаемую въ самомъ процессѣ осуществленія этой цѣли, и приписываютъ лицемѣрію или пристрастію своихъ противниковъ то, что міръ не преклоняется передъ ними, а ужасается ихъ дѣлъ.

Но объясненіе своеобразнаго сочетанія добра и зла въ нѣмецкой психологіи, найденное нами въ понятіи „варварства", звучитъ слишкомъ парадоксально, чтобы не вызвать возраженій. Не имѣютъ ли нѣмцы за собою многовѣковой духовной и соціальной культуры? Не достигли ли именно они высочайшихъ вершинъ философской мысли, и

притомъ не только въ сравнительно недавнее время Канта и Гегеля, но и въ болѣе далекія эпохи, наприм., въ лицѣ Лейбница и еще раньше, при самомъ зарожденіи новаго времени, въ лицѣ такихъ геніевъ, какъ Мейстеръ Эккартъ въ XIII и Николай Кузанскій въ XV вѣкѣ? Не они ли сроднились во всей своей жизни съ научнымъ знаніемъ болѣе, чѣмъ какой-либо иной народъ Европы? И не признали ли мы сами, что источникомъ нѣмецкаго могущества является духовная сила „мечтаній и мыслей". Какъ совмѣстимо все это съ варварствомъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на эти недоумѣнія и тѣмъ дополнить дѣйствительную односторонность, присущую характеристикѣ нѣмцевъ, какъ „варваровъ", отмѣтимъ, что *фактически* это сочетаніе высокой духовной культуры съ духовной первобытностью—налицо. Мы не хотимъ отождествлять нынѣшнее поколѣніе нѣмцевъ съ германской націей въ ея исконномъ общемъ существѣ и ниже отмѣтимъ своеобразные черты именно современной Германіи. Но между этимъ частнымъ историческимъ типомъ и общимъ національно-племеннымъ лицомъ германства есть все же глубокая связь. Франко-Прусская война имѣла гораздо болѣе идейный смыслъ для Германіи и сопровождалась поэтому болѣе чистыми идеалистическими чувствами въ ней, чѣмъ нынѣшняя война. Между тѣмъ, и въ ней высказались тѣ же черты грубости, жестокости и циничнаго государственно-военнаго утилитаризма, которыя лишь съ еще бо́льшей силой выявляются теперь (вспомнимъ хотя бы правдивые типы „пруссаковъ" въ мопассановскихъ разсказахъ!). Тѣ же черты грубости, заносчивости и примитивнаго національнаго самомнѣнія отмѣчалъ еще Герценъ въ нѣмцахъ, и притомъ въ эпоху государственной слабости Германіи. И не звучитъ ли современностью характеристика нѣмцевъ, высказанная англичаниномъ еще въ концѣ XII вѣка, по поводу незаконнаго плѣненія Ричарда Львинаго Сердца: „О, дикій народъ! О, грубая страна! Ты всегда производила людей великанскаго роста и силы, но слабыхъ душевной доблестью, ловкихъ тѣломъ, но тупыхъ на пониманіе справедливости!" [1]) Кто близко присматривался къ нѣмцамъ, тотъ знаетъ, что, несмотря на всю ихъ культуру, они во всемъ своемъ органическомъ, душевно-тѣлесномъ обликѣ сохраняютъ характерныя, извѣстныя изъ историческихъ преданій, черты древнихъ „германцевъ". Есть какая-то несомнѣнная внутренняя связь между ихъ тѣлеснымъ сложеніемъ (особенно виднымъ на столь распространенномъ типѣ богатырскихъ женщинъ) и примитивностью ихъ жизненныхъ понятій. Вся утонченная и сложная умственная и духовная культура привита все же къ этому крѣпкому и грубому стволу основной физико-психической энтелехіи германской націи. Противъ насъ стоитъ сила новаго

---

[1]) *Эйкенъ.* Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія, стр. 195.

„Чингисхана“, вооруженнаго не только „телеграфами“, даже если подъ „телеграфами“ разумѣть всю нѣмецкую военную и промышленную технику, но и наукой, народнымъ просвѣщеніемъ, лучшимъ въ Европѣ соціальнымъ законодательствомъ, Чингисхана съ профессорами и высоко-образованными чиновниками, съ народомъ, прошедшимъ школу Канта и Фихте, Гельмгольца и Роберта Майера.

Кромѣ этого, все же чисто-внѣшняго, сочетанія духовной культуры съ варварской грубостью и силой, мы можемъ усмотрѣть и болѣе глубокое, органическое ихъ сліяніе. Не надо забывать, что то, что̀ мы разумѣемъ подъ „варварствомъ“, не только не исчерпывается однѣми отрицательными сторонами, а заключаетъ въ себѣ, какъ уже было указано, и извѣстную положительную цѣнность, но и вообще обозначаетъ не *уровень*, а *типъ* развитія. Именно поэтому такой типъ можетъ сохраняться и при высокомъ уровнѣ культуры. И „примитивность“, которая соединяется съ представленіемъ „варварства“, есть также категорія, выражающая *качество* духовнаго типа, а не *степень* его развитія. Съ этой точки зрѣнія становится возможнымъ внутреннее, органическое сродство даже самыхъ высокихъ достиженій нѣмецкой культуры съ непосредственной сердцевиной описаннаго національнаго типа. И такое сродство, дѣйствительно, есть. Такъ, вопреки господствующему предразсудку, приписывающему нѣмецкому умонастроенію склонность къ созерцательности въ мысли и искусствѣ, для всего нѣмецкаго умонастроенія, даже въ наивысшихъ его проявленіяхъ, характерна тенденція къ *дѣйственности*. Нѣмцы не всегда были *практичными*, но они всегда были дѣйственны. Творцомъ ученія о субстанціи, какъ *дѣйствующей силѣ*, былъ нѣмецъ Лейбницъ. Самый національный нѣмецкій философъ Кантъ *отрицалъ* возможность нечувственнаго созерцанія и провозгласилъ приматъ *практическаго* разума надъ *теоретическимъ;* и не нужно забывать, что именно этотъ національный философъ, при всемъ своемъ интеллектуализмѣ, впервые подлинно преодолѣлъ раціонализмъ XVIII вѣка. Глубокое сродство, давно уже подмѣченное, соединяетъ міровоззрѣніе этого національнаго философа съ грубовато-прямолинейнымъ и чисто-дѣйственнымъ религіознымъ типомъ Лютера и первоначальнаго протестантизма. Вся философія Фихте есть грандіозная, порою необузданная метафизика героической воли, точно такъ же, какъ философія Гегеля, несмотря на ея чудовищный интеллектуализмъ, вся насыщена чувствомъ коллективнаго, исторически-правового духовнаго творчества, презрѣніемъ къ абстрактной, только теоретической, конкретно не воплощенной мысли. Прагматически-жизненный характеръ умонастроенія Гёте, устами Фауста провозгласившаго: „въ началѣ было дѣло!“, хотѣвшаго и умѣвшаго усваивать всю культуру, не какъ теоретическое образованіе, а какъ дѣйственное воспитаніе личности, такъ

же выражаетъ эту національную черту, какъ героически-этическій обликъ поэзіи Шиллера. Лишь мало типичный въ національномъ смыслѣ Шопенгауэръ создалъ сходную съ буддизмомъ философію „отрицанія воли",—философію, которая все же опирается на метафизическую поэму о неукротимо-бурной, ненасытной волѣ. А два его величайшихъ ученика—Вагнеръ и Ницше—каждый по-своему преобразовали созерцательный аскетизмъ своего учителя въ прославленіе мятежной воли. Отъ Лютера черезъ Канта до Ницше въ разныхъ варіаціяхъ проходитъ одинъ мотивъ,—мотивъ *Зигфрида*. По сравненію съ этой основной темой музыки нѣмецкой души такъ называемая нѣмецкая „мечтательность", которая у нѣмецкихъ геніевъ выразилась, дѣйствительно, въ исключительно высокихъ формахъ, а въ народной толпѣ живетъ, какъ склонность къ сантиментальности и патетичности, есть все же второстепенная, болѣе поверхностная черта—необходимый психическій противовѣсъ дѣйственной энергіи, имѣющій значеніе лишь отдыха и разряда силъ. Характерно, что эта склонность къ мечтательному и возвышенному вмѣстѣ съ тѣмъ сочетается у нѣмцевъ съ презрѣніемъ ко всякимъ неразсудительнымъ, практически-безплоднымъ порывамъ „пустого чувства"; если вся нынѣшняя война ведется подъ единодушный крикъ нашіи: „долой сантиментальную гуманность" („мы разучились быть сантиментальными", сказалъ недавно глашатай современныхъ нѣмцевъ, Бетманъ-Гольвегъ), то это лишь искаженное и вульгарно-карикатурное выраженіе того суроваго нравственнаго презрѣнія, съ которымъ относились къ бездѣйственной романтикѣ чувствъ и настроеній Кантъ и Гегель, Гёте и Ницше. Несмотря на всю свою склонность къ мечтательности, нѣмцы—и не одни лишь нынѣшніе нѣмцы—болѣе всего цѣнятъ все же дѣловитость, трезвость, практическую годность, тотъ комплексъ моральныхъ качествъ, который обозначенъ непереводимымъ нѣмецкимъ терминомъ „Tüchtigkeit".

Но, конечно, современная Германія, съ которой мы имѣемъ дѣло, необъяснима сполна изъ однихъ лишь общихъ, какъ бы сверхъ-историческихъ національныхъ свойствъ германства; и намъ пора уже конкретизировать нашу слишкомъ общую характеристику. Выяснить полностью существо и происхожденіе современной Германіи—задача слишкомъ обширная; мы можемъ здѣсь лишь намѣтить въ общихъ чертахъ, какая комбинація и форма развитія общенаціональныхъ свойствъ лежитъ въ основѣ нынѣшней духовно-общественной культуры Германіи. Прежде всего слѣдуетъ указать на ту общеизвѣстную черту, что волевая дѣйственность сочеталась у нѣмцевъ всегда съ обдуманностью и планомѣрностью, т.-е. опиралась на теоретическую оріентировку, на добытыя трезвымъ постиженіемъ дѣйствительности знанія и умѣнія. Обычное представленіе о нѣмцѣ, какъ „чистомъ теоретикѣ", какъ мы уже указывали, само по себѣ невѣрно: поклоненіе „чистой теоріи", какъ самодовлѣющей цѣли,

характерное, напримѣръ, для древне-греческаго умозрѣнія, совсѣмъ не типично для германскаго духа. Но въ этомъ представленіи есть доля истины: для нѣмцевъ характерно *практическое довѣріе къ знанію,* непосредственное признаніе его нужности и годности для жизни. Въ противоположность типично-русскому недовѣрію къ знанію, склонности предполагать, что въ практикѣ жизни все бываетъ не такъ, какъ мы могли бы предвидѣть и разсчитывать, и что поэтому полезнѣе руководиться чутьемъ, инстинктомъ или просто отдаться волѣ обстоятельствъ, чѣмъ опираться на свои знанія (какъ это, напримѣръ, характерно сказалось въ ученіи Толстого о сущности военнаго дѣла), нѣмецъ хочетъ и умѣетъ использовать свои знанія. Эта національная черта лежитъ въ основѣ не только нѣмецкой способности къ техническому развитію, но и нѣмецкой умѣлости въ дѣлѣ государственной и военной организаціи народа. Еще важнѣе, быть можетъ, значеніе этой разсудочности для нравственнаго умонастроенія нѣмцевъ. Ибо внѣ ея былъ бы невозможенъ тотъ *государственно-общественный утилитаризмъ*, какъ непосредственно-практическій мотивъ поведенія, который столь характеренъ для современной Германіи. Только нѣмцы были способны на идею превентивной войны: въ *предвидѣніи* неизбѣжности будущей войны взять на себя отвѣтственность самимъ начать міровую войну въ моментъ, который, по теоретическимъ *расчетамъ* политики и стратегіи, казался наиболѣе благопріятнымъ. Этотъ государственный утилитаризмъ, сказавшійся какъ въ самой инициативѣ войны, такъ и въ способахъ ея веденія, есть самое крайнее, опасное и уже несущее признаки вырожденія проявленіе общенаціональной черты разумной дѣйственности. Въ своей безграничности и всемогуществѣ онъ характеренъ дѣйствительно лишь для *современной Германіи.* Должно было подрасти поколѣніе, уже не сотрудничавшее въ дѣлѣ національнаго объединенія, а выросшее лишь среди воспоминаній объ его удачѣ, въ атмосферѣ національной самоувѣренности и національнаго благополучія, чтобы воспиталось это сильное довѣріе къ всепоглощающему государственному утилитаризму.

Другая специфическая черта современной Германіи есть ея практическій матеріализмъ—также плодъ національнаго благополучія послѣ франко-прусской войны. Конечная цѣль современной Германіи есть хозяйственное обогащеніе; это ярко сказывается не только на общемъ характерѣ нѣмецкой политики, но и на личномъ обликѣ нѣмцевъ. Государственный утилитаризмъ на почвѣ практическаго матеріализма есть самое точное опредѣленіе современнаго нѣмецкаго умонастроенія. Безграничныя притязанія раціоналистическаго государственнаго утилитаризма и его матеріалистическая цѣль и основа придаютъ современной нѣмецкой культурѣ мрачныя черты преступной дерзновенности, безбожнаго строительства вавилонской башни. Какъ ни глубоко заложены эти черты въ общенаціональныхъ особенностяхъ нѣмецкаго духа, онѣ все

же суть лишь вырождающіяся, уродливыя его проявленія. Черты упадка, не только нравственнаго, но и умственнаго, какъ слѣдствія практическаго матеріализма и гордыни зазнавшагося національнаго утилитаризма, были явственны внимательному наблюдателю Германіи еще задолго до начала этой войны. Часто приходится слышать мнѣніе, что нынѣшніе нѣмцы—только послѣдовательные ученики Бисмарка. Это мнѣніе совершенно не улавливаетъ специфическаго отличія современныхъ нѣмцевъ отъ нѣмцевъ эпохи Бисмарка. Если они—ученики Бисмарка, то именно поэтому они отличаются отъ него такъ, какъ ученики, воспринявшіе извнѣ готовое ученіе, отличаются отъ учителя-творца. Во всемъ духовномъ типѣ Бисмарка, какъ это видно и изъ его политики, и изъ его личныхъ признаній, явственно выступаютъ еще черты старой Германіи, Германіи Канта и Гёте. Хотя онъ и былъ творцомъ государственнаго утилитаризма, но подлинная геніальность его реальной политики состояла именно въ сочетаніи умѣнія предвидѣть событія и управлять ими съ умѣніемъ смиряться передъ необходимымъ, съ истинно-религіознымъ сознаніемъ, что обдуманно дѣйствующая человѣческая воля только тогда успѣшна, когда она сознаетъ свою подчиненность высшимъ, сверхчеловѣческимъ силамъ исторіи. Этотъ реальный политикъ не только вообще умѣлъ проявлять дальновидную умѣренность, но, несмотря на свое презрѣніе къ „гуманности“ и „сантиментальности“, всегда считался не съ однѣми матеріальными, но и съ духовными и нравственными силами человѣческаго общества, и никогда онъ не бросилъ бы вызовъ всему міру. Гордыня и ненасытность современной нѣмецкой политики, ея безумное презрѣніе къ европейскому правосознанію и ослѣпленная спекуляція на одни лишь низменные, матеріалистическіе мотивы, сказавшаяся въ неудачныхъ надеждахъ на покорность Бельгіи, на эгоистическое равнодушіе Англіи, на внутренніе распри Россіи, есть лишь бездарно-карикатурное подражаніе глубокой реальной политикѣ Бисмарка. Что въ современной Германіи, несмотря на ея хозяйственный и политическій расцвѣтъ, несмотря на успѣхи техники и научнаго знанія, подлинное духовное творчество если не прекратилось, то ослабѣло, что истинно-оригинальные умы въ ней и рѣдки, и невліятельны, а вліяніе и популярность принадлежатъ способнымъ эпигонамъ, умамъ вульгарнымъ и отчасти просто людямъ, приспособляющимся къ грубому уровню толпы, и главное, что національное самомнѣніе уже стало дѣйствовать во всѣхъ областяхъ труда и знанія въ ущербъ традиціонной и прославленной нѣмецкой добросовѣстности и основательности,—это сужденіе есть не полемически-пристрастная оцѣнка, а результатъ объективнаго наблюденія, и отчасти сознается или, по крайней мѣрѣ, сознавалось до войны и болѣе чуткими людьми въ самой Германіи.

Эти признаки духовнаго упадка, какъ и обусловливающія ихъ нравственныя причины—матеріализмъ и дерзостное самомнѣніе всепогло-

щающаго и самодовлѣющаго государственнаго утилитаризма, давали право намъ, противникамъ Германіи, надѣяться, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Можетъ ли безбожная сила чистаго національнаго эгоизма противостоять поднявшейся противъ нея силѣ общеевропейскаго нравственнаго правосознанія? И можетъ ли вообще быть сильнымъ, несмотря на все свое внѣшнее могущество, народъ, отравленный матеріализмомъ, ослѣпленный самомнѣніемъ, вѣрующій только въ бронированный кулакъ? Что касается перваго вопроса, то мы и теперь имѣемъ право и основаніе вѣрить, что исторія великой войны дастъ на него отрицательный отвѣтъ. Мы не можемъ допустить, чтобы сила, поднявшаяся на защиту права, не оказалась въ концѣ-концовъ сильнѣе силы, защищающей идею голой силы. Но въ отвѣтѣ на второй вопросъ—мы должны теперь въ этомъ признаться—мы ошибались. Какъ бы ни были явственны явленія духовнаго упадка современной Германіи, *послѣ возникновенія войны* они были если не преодолѣны, то компенсированы пробужденіемъ стараго, здороваго нравственно-волевого начала германской націи. И здѣсь мы возвращаемся опять къ уже сказанному. Намъ бросаются въ глаза такіе факты безнравственной воли нашего противника, какъ ихъ изобрѣтательность въ жестокихъ методахъ войны, ихъ презрѣніе къ международному правосознанію, отсутствіе нравственной критики въ ихъ интеллигенціи. Но всѣ эти факты суть признаки и источники не нѣмецкой силы, а нѣмецкой слабости. Сила нѣмцевъ въ конечномъ итогѣ заключена въ томъ, что идеалъ Бетмана-Гольвега *осуществляется* ими все же съ помощью нравственнаго сознанія *Канта;* сила ихъ въ глубинѣ и интенсивности чувства отвѣтственности каждаго гражданина за судьбу родины, въ великой формулѣ: „ты долженъ, слѣдовательно, ты можешь“. Только это знамя, хотя и поднятое въ защиту неправаго дѣла и неправой вѣры, есть источникъ ихъ успѣховъ.

Въ началѣ этой войны одинъ славянофильствующій русскій философъ, извѣстный парадоксальностью и неумѣренностью своихъ утвержденій, отчеканилъ формулу: „отъ Канта къ Круппу“: въ философіи Канта онъ усматривалъ духовный первоисточникъ того зла, воплощеніемъ котораго явились нынѣ орудія Круппа. Въ этомъ утвержденіи есть малая доля тонкой, трудно уловимой истины: при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи можно *даже* въ философіи Канта усмотрѣть нѣкоторые признаки той же духовной ограниченности, которая въ рѣзкихъ и грубыхъ формахъ бросается въ глаза въ умонастроеніи современнаго нѣмецкаго милитаризма. Но эта малая доля истины не только была искажена тѣмъ, что была раздута до значенія общей философско-исторической перспективы, но, что важнѣе всего, заслонила собой гораздо болѣе существенную и практически своевременную истину о національномъ значеніи философіи Канта. Можно сколько угодно критиковать философію Канта, и мы лично не принадлежимъ къ ея по-

клонникамъ; можно находить недостаточной не только его теоретическую, но и его нравственную философію. Но необходимо признать, что само установленіе понятія „категорическаго императива", открытіе нравственности, какъ *свободно*, внутренней силой самой личности признаваемаго и осуществляемаго и вмѣстѣ съ тѣмъ *безусловнаго* велѣнія, есть одно изъ величайшихъ достиженій человѣческаго духа, для котораго, какъ и для всѣхъ живыхъ и подлинно-оригинальныхъ философскихъ истинъ, нужно было не одно лишь усиліе ума, но и глубокій жизненный, духовный опытъ. И національное значеніе этой истины для Германіи заключается въ томъ, что именно въ ней былъ выявленъ самый здоровый и сильный корень нѣмецкаго національнаго характера. Ибо волевая человѣческая энергія, столь характерная для нѣмецкаго типа, была здѣсь выражена въ самой чистой и духовной ея формѣ. Изъ-за естественной ненависти къ современнымъ нѣмцамъ мы не должны забывать этого высшаго и общечеловѣческаго достиженія германскаго духа, не должны уже потому, что *безусловное и глубочайшее его усвоеніе есть для насъ единственный залогъ побѣды надъ нѣмцами:* ибо подлинная сила Германіи, повторяемъ, заключается въ конечномъ итогѣ въ томъ, что въ крови ея народа живетъ, какъ могучій дѣйственный инстинктъ, категорическій императивъ Канта. Мы боремся съ новымъ варварствомъ, которое, несмотря на все зло своего идолопоклонства, сильно своимъ нравственнымъ здоровьемъ.

И здѣсь мы стоимъ передъ величайшимъ, грознымъ историческимъ вопросомъ, отъ отвѣта на который зависитъ наша національная судьба на многія десятилѣтія, быть можетъ, вѣка. Мы исходимъ изъ признаннаго нами положенія, что нынѣшняя великая война есть война не однихъ лишь интересовъ, но и идей и принциповъ. Быть можетъ, мы въ правѣ, не впадая въ самообманъ, сказать, что это есть борьба истинно-христіанской культуры противъ новаго язычества. Готовы ли силы, поднявшіяся на защиту правды, къ этой борьбѣ? Это значитъ для насъ: достаточно ли онѣ нравственно чисты и крѣпки, чтобы имѣть на своей сторонѣ всегда побѣдоносную силу Добра? Всякая военная подготовка, всякая мобилизація, есть въ концѣ-концовъ мобилизація духовно-нравственная, внутренній духовный подъемъ, приведеніе въ дѣйствіе скрытыхъ, потенціальныхъ источниковъ нравственной энергіи. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о нашихъ западныхъ союзникахъ. Но что можемъ мы, безъ самообольщенія, въ этомъ отношеніи сказать о насъ самихъ?

Всякій окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ настоящую минуту не только несвоевремененъ, но и былъ бы ложнымъ. Ибо нравственный характеръ націи не есть нѣчто готовое, разъ навсегда данное, природу чего можно было бы выразить въ какой-либо формулѣ: напро-

тивъ, подобно характеру личности, онъ зависитъ отъ *свободной воли* его носителя и можетъ стать всѣмъ, чѣмъ онъ твердо захочетъ стать. Но тѣмъ болѣе своевременна правильная постановка вопроса. Эта постановка была, впрочемъ, уже давно представлена Вл. Соловьевымъ. Если на борьбу съ западнымъ варварствомъ возстала не только истинная западная культура, но, въ лицѣ Россіи, и „востокъ", то есть ли это „востокъ Христа" или „востокъ Ксеркса"? То, что мы ведемъ борьбу съ новымъ язычествомъ, еще само по себѣ не дѣлаетъ насъ ратью Христа и не обезпечиваетъ побѣды, поскольку мы не проникнуты духомъ истиннаго христіанства: вѣдь погибла же при защитѣ христіанства „растлѣнная Византія", когда въ ней „остылъ божественный алтарь". Правда, Россія, давшая великихъ святыхъ, Россія Пушкина, Тютчева, Достоевскаго и Толстого, Россія, и нынѣ дающая многія тысячи безвѣстныхъ подвижниковъ, въ правѣ вѣрить о себѣ, что она соучаствуетъ востоку Христа, и безъ этой вѣры невозможно національное самосознаніе. Но мы слишкомъ хорошо знаемъ въ себѣ и „востокъ Ксеркса"—Россію темныхъ силъ произвола и злобы, распущенности и лѣни, нравственной безотвѣтственности господъ и нравственной безотвѣтственности рабовъ. Мы знаемъ, что соціально-политическія немощи Россіи—лишь проявленія ея религіозно-нравственныхъ грѣховъ, и что въ конечномъ итогѣ отвѣтственность за эти грѣхи лежитъ на всемъ народѣ, на самой душѣ Россіи. Отъ того, побѣдитъ ли Россія въ себѣ самой „востокъ Ксеркса" „востокомъ Христа", зависитъ теперь и ея побѣда надъ германскимъ язычествомъ, и слѣдовательно, и сама возможность для нея достойнаго національнаго существованія. Осуществится ли это, или Россіи долгими годами униженія и немощи суждено будетъ искупать свои грѣхи, какъ „востока Ксеркса"? Этотъ вопросъ теперь нельзя, недопустимо ставить въ такой теоретической формѣ, какъ вопросъ о необходимомъ фактѣ, имѣющемъ наступить независимо отъ нашей воли. Мы должны лишь сказать: это наше нравственное возрожденіе *должно* быть нами осуществлено, и потому *можетъ* быть осуществлено. Пока жива нація, жива и ея свободная воля. Вѣруя въ себя, мы должны вѣрить во всемогущество нашей свободной, сознающей себя нравственной воли. Нужно только твердо помнить, что всякое внѣшнее напряженіе дѣйственной воли предполагаетъ *внутреннее* ея напряженіе въ дѣлѣ самоочищенія и самоукрѣпленія, и что осуществленіе побѣдоносныхъ началъ добра и правды въ нашей жизни есть не дѣло какихъ-либо стихійныхъ, нравственно-безотвѣтственныхъ соціальныхъ или политическихъ силъ и зависитъ не отъ случайностей въ ходѣ политической игры партій, а лежитъ на личной отвѣтственности каждаго изъ насъ, какъ дѣло нашей личной совѣсти.

С. Франкъ.

Національное и міровое государство.

Въ дни когда въ ужасахъ войны и въ лихорадкѣ мірового потрясенія, рождается новый міръ, рѣшаются важнѣйшіе, давно наболѣвшіе вопросы и прежде всего вопросъ о будущемъ европейской культуры и государственности, вновь на первый планъ, какъ въ эпоху Карла Великаго, Карла V и Наполеона, выдвигается одинъ изъ основныхъ вопросовъ культурнаго и государственнаго развитія человѣчества—вопросъ о томъ, какому государству принадлежитъ будущее: національному или міровому, по натурѣ своей космополитическому. И одновременно мы спрашиваемъ себя съ тревогой: каковы будутъ новыя формы государственнаго, экономическаго, соціальнаго и культурнаго уклада жизни человѣчества, если дѣйствительно вновь, какъ когда-то въ эпоху античности, на развалинахъ національныхъ государствъ вырастетъ міровой, по необходимости анаціональный колоссъ.

Въ такія эпохи особенно важно оглянуться назадъ и спросить себя, какой путь въ прошломъ пройденъ. Историческая справка въ прошломъ, конечно, не предскажетъ будущаго, но она позволитъ яснѣе и трезвѣе посмотрѣть на настоящее и уяснить себѣ контуры совершающагося, можетъ быть, основныя линіи возможнаго будущаго.

На глазахъ человѣчества и исторіи культурный міръ завершилъ одинъ и только одинъ циклъ своего развитія въ такъ называемую эпоху античности. Нынѣ мы переживаемъ второй циклъ. Въ эпоху античности, какъ и нынѣ, вопросъ о національномъ и міровомъ государствѣ составлялъ ось государственнаго развитія и пережилъ рядъ стадій въ постепенной эволюціи мірового историческаго процесса. Основныя линіи этого развитія ясны, ясна и связь политической и культурной эволюціи. Болѣе чѣмъ когда-либо полезно вспомнить, каковы были тогда этапы этого развитія и къ какимъ результатамъ въ культурномъ, соціальномъ и экономическомъ отношеніи эта эволюція приводила и привела.

Античная государственность родилась не подъ знакомъ національнаго государства. Великія государственныя образованія *Востока* строились на принципѣ сплоченной національности только въ моменты своего ро-

жденія, неуклонно стремясь затѣмъ по пути созданія большого мірового многонаціональнаго и потому анаціональнаго государства.

Пестра и неустойчива была картина національнаго состава рождавшихся великихъ монархій въ бассейнахъ Тигра и Евфрата, одна господствующая національность смѣнялась другой, центръ государственности постоянно перемѣщался, и въ результатѣ создавалось всегда государство, гдѣ національная база быстро растворялась въ космополитическомъ, анаціональномъ строѣ крупныхъ государственныхъ образованій, всегда имѣвшихъ тенденцію вобрать въ свою государственность всѣхъ сосѣдей, независимо отъ ихъ національности.

То же въ еще большей мѣрѣ наблюдается и въ Египтѣ, гдѣ смѣна господствующей національности не измѣняла ни строя государства, ни основъ его политическаго развитія.

Вавилонъ, Ассирія, хетская держава, Египетъ и, наконецъ, Персія при всемъ разнообразіи ихъ индивидуальнаго развитія даютъ неизмѣнно одну и ту же картину апогея государственной и политической жизни: великое многонаціональное государство съ временнымъ господствомъ одной національности, съ сильной монархической властью, основывавшейся на тѣснѣйшей связи съ религіей и на ученіи божественности власти и опиравшейся на могущественное жречество съ одной стороны, на пестрое все болѣе денаціонализовавшееся войско—съ другой.

Повышенное національное самосознаніе, проявлявшееся и здѣсь отъ времени и до времени, особенно въ моменты смѣны одной господствующей національности другою, не входило глубоко въ сознаніе народа, не было той базой, на которой прочно покоилась государственность, не создавало постояннаго элемента, способнаго поддержать и укрѣпить государство въ моменты слабости и помѣшать господствующей національности раствориться въ другой, приходившей ей на смѣну.

Наиболѣе сильная изъ господствующихъ національностей, создавшая впервые міровое восточное государство,—Персія очень быстро превратилась въ обычное анаціональное государство, гдѣ господствующая нація, поставлявшая кадры чиновничества и часть войска, терялась въ массѣ покоренныхъ государствъ и народовъ и въ трудные моменты не проявляла ни опредѣленнаго національнаго самосознанія, ни яркаго чувства патріотизма.

Такая картина политическаго бытія и сознанія Востока не препятствовала большой культурной эволюціи, которую Востокъ продѣлалъ за многотысячелѣтнее свое существованіе, при чемъ особымъ подъемомъ отличались моменты формированія новыхъ государствъ, т.-е. моменты наибольшаго подъема національнаго самосознанія. Но культура Востока носитъ свой особый отпечатокъ. Въ политической жизни не видно ни слѣда подъема творческаго политическаго мышленія, созданія важнѣй-

шихъ идей политическаго бытія; дѣло политическаго строительства идетъ сверху и выливается въ формы выработки сложнаго административнаго организма, возглавляемаго неограниченнымъ божественнымъ монархомъ. Въ области изобразительныхъ искусствъ мы рѣдко, почти никогда не встрѣчаемся съ великими индивидуальными творцами, съ большими творческими личностями. Искусство въ цѣломъ живетъ массовою жизнью. Въ нѣкоторые моменты оно дѣлаетъ могучіе шаги впередъ, но затѣмъ столѣтіями повторяетъ уже разъ созданное. Стиль и манера убиваютъ личное творчество, цѣли декоративныя и практическія—цѣли чисто-художественныя. Но все же здѣсь въ области искусства изобразительнаго, также тѣсно связаннаго съ религіей и политическимъ строемъ, Востокъ достигъ, какъ и въ области созданія великихъ религіозныхъ идей, наивысшаго предѣла творчества, создавъ навѣки базу для будущаго мірового развитія.

Характерно однако, какъ я уже указалъ выше, что великое творчество Востока ковалось главнымъ образомъ въ моменты наибольшаго подъема національнаго самосознанія и было наиболѣе прочно и плодотворно въ наименѣе анаціональномъ изъ великихъ восточныхъ государствъ—Египтѣ. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ этого является большой подъемъ художественнаго творчества древняго Вавилона, только что рождавшейся хетской державы и возрожденной Ассиріи. И рядомъ съ этимъ—блѣднымъ и чужимъ, холоднымъ и великолѣпнымъ, пестрымъ и вялымъ предстаетъ передъ нами искусство міровой Персіи, въ созданіи которой Востокъ въ первой стадіи своего развитія сказалъ свое послѣднее слово.

Чѣмъ болѣе денаціонализировался Востокъ, тѣмъ болѣе слабѣлъ онъ и культурно, и политически. Если дружина сумерскаго, аккадскаго, вавилонскаго, ассирійскаго, скиѳскаго, индійскаго или персидскаго царя чувствовала себя въ моменты борьбы за господство однимъ цѣлымъ со своимъ вождемъ и этотъ подъемъ держался въ годы поступательнаго и завоевательнаго движенія, то въ моментъ созданія большой державы, когда составъ войска пестрѣлъ и изъ національнаго оно становилось наемнымъ и территоріальнымъ, всякій входившій въ составъ государства все болѣе и болѣе терялъ органическую связь съ нимъ, сознавая себя только подданнымъ царя, только частью административной машины или только объектомъ воздѣйствія этой машины, не чувствуя связи своей индивидуальной работы съ общей работой государства и не находя въ государствѣ примѣненія своему индивидуальному творчеству. Все творчество поэтому уходитъ въ религію и искусство, создается политическій и національный индиферентизмъ, и государство рушится подъ напоромъ новаго національнаго натиска извнѣ.

Какъ бы другой міръ открывается передъ нами, когда мы перене-

семся мыслью въ *эллинскій міръ*, долгое время сосуществовавшій, а затѣмъ слившійся съ Востокомъ. Съ первыхъ же моментовъ своего рожденія греческій городъ-государство, корнями своего культурнаго развитія тѣсно связанный съ великими культурами Востока, являетъ совершенно иную картину всего политическаго, соціальнаго и экономическаго бытія. Для грека его городъ, πόλις, его родина—πατρίς, его гражданство—πολιτεία были объектомъ страстной и глубокой привязанности, беззавѣтной, не останавливавшейся передъ жертвой всѣмъ имуществомъ, семьею и жизнью, любви. Грекъ гордился и жилъ своимъ городомъ, своими городскими богами, своими храмами, своей ἀγορά. Онъ сознательно закрывалъ глаза на преимущества другихъ, жилъ и дышалъ патріотизмомъ, любовью къ своей родинѣ. Недаромъ же самое понятіе повышенной любви къ родинѣ такъ тѣсно связано съ понятіемъ принадлежности къ городу, понятіе патріотизма съ понятіемъ гражданственности, государственное самосознаніе съ политикой, т.-е. тѣмъ, что является естественнымъ и главнымъ занятіемъ каждаго члена πόλις, πολίτης.

Конечно, на-ряду съ этими господствующими теченіями свободная и творческая греческая мысль вышла далеко за предѣлы города-государства, осознала какъ цѣлое все эллинство, признала права на существованіе и цѣнность не-эллинскихъ націй, поднялась до понятія о человѣчествѣ, какъ единомъ цѣломъ, но въ огромной массѣ эллинства, какъ это сказалось на всей политической жизни Эллады, все это было теоріей, практика же связывала грека главнымъ образомъ съ тѣмъ городомъ, гражданиномъ котораго онъ былъ. На-ряду съ чисто-политическимъ понятіемъ гражданина даннаго города—аѳинянина, спартанца, мегарца, регинца, сиракузца, массилійца или ольвійца — понятіе эллинъ всегда было понятіемъ не политическимъ, а культурнымъ, и связь эллинства между собою ощущалась не какъ политическая, а какъ культурная.

Вотъ почему защита Эллады отъ персовъ въ моменты высшей опасности всетаки не сдѣлалась обще-эллинскимъ дѣломъ, а позднѣе эллины охотно боролись вмѣстѣ съ персами противъ эллиновъ же; вотъ почему всѣ призывы къ борьбѣ всей Эллады съ Македоніей практически ни къ чему не привели; вотъ почему аѳинская держава всегда была аѳинской, а не обще-эллинской, и не имѣла даже тенденціи къ этому, равно какъ спартанская гегемонія всегда оставалась и спартанской, и гегемоніей, а позднѣйшіе союзы, при всей своей эластичности, всетаки не могли и не старались изъ беотійскаго, ахейскаго и этолійскаго превратиться въ обще-эллинскій.

Но чѣмъ уже были политическія рамки, тѣмъ сильнѣе было политическое чувство, наиболѣе ярко разгоравшееся и во внутренней, и во внѣшней борьбѣ. Свой городъ эллинъ уже считалъ своимъ до конца;

разъ создавъ свои политическія убѣжденія, онъ сживался съ ними и отдавалъ все на ихъ защиту, какъ и на защиту родины отъ внѣшняго врага. Для своей родины эллинъ жилъ и думалъ, творилъ и писалъ, строилъ и ваялъ; никогда въ міровой исторіи діапазонъ культурнаго творчества, поддерживаемаго политической самодѣятельностью и чувствомъ тѣснѣйшей связи со своей родиной, не принималъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ эпоху расцвѣта греческой политіи. Несомнѣнно, что эта высота культурныхъ достиженій тѣснѣйшимъ образомъ связана и со взаимной конкуренціей отдѣльныхъ греческихъ политій, и, особенно, съ высоко-развитымъ политическимъ самосознаніемъ гражданъ каждой эллинской политіи.

Но тѣмъ не менѣе національнаго государства эллинство не создало. Эллада и ея колоніи остались рядомъ городовъ-государствъ, соединявшихся въ сакральные и политическій союзы, городовъ-государствъ съ единой религіей, культурой, языкомъ и политическимъ строемъ, съ единымъ въ своемъ многообразіи политическимъ идеаломъ, основаннымъ на принципѣ свободной гражданственности, но безъ прочнаго политическаго объединенія всего эллинства, несмотря на проповѣдь такого объединенія, глашатаемъ котораго былъ, напримѣръ, Исократъ.

Идеалъ Исократа нашелъ себѣ какъ будто осуществленіе въ объединеніи Эллады, исходившемъ изъ *Македоніи* и ея царя Филиппа. Но съ первыхъ же моментовъ эта попытка объединенія встрѣтила въ эллинскомъ городѣ-государствѣ рѣзкое противодѣйствіе. Причиной этого противодѣйствія было не то, что греки не считали македонянъ эллинами, и даже не монархическая форма правленія Македоніи, а острое чувство любви къ своей городской родинѣ, къ ея самостоятельности и самодовлѣнію.

Поэтому Македоніи для образованія обще-эллинской державы пришлось прибѣгнуть къ силѣ и завоеванію. На этомъ, конечно, прочная государственность построена быть не могла. Еще болѣе ослабѣли устои новаго эллинскаго государства, когда въ рукахъ Александра Великаго оно исполнило ту задачу, которую ставили ему теоретики идеала обще-эллинскаго объединенія, т.-е. когда оно разрушило и подчинило себѣ великую міровую персидскую державу.

Разрушеніе это не только не способствовало упроченію обще-эллинскаго государства, но привело къ прямо противоположнымъ результатамъ. По идеѣ Александра, не только эллины должны были подчиниться македонцамъ, но обѣ націи должны были полюбовно раздѣлить господство съ прежними господами міра—персами. Это же въ моментъ завоеванія Персіи Александромъ привело къ созданію не національнаго, а мірового государства типа персидской монархіи съ переходомъ только роли господствующей націи отъ персовъ къ македонцамъ и грекамъ.

Новое міровое государство оказалось, какъ мы знаемъ, непрочнымъ. Монархія Александра немедленно послѣ его смерти распалась на нѣсколько державъ, количество которыхъ все увеличивалось. Основа этихъ державъ отнюдь не была національна. На-ряду съ многонаціональной Сиріей, прямой наслѣдницей ассиро-вавилонскаго царства, въ которой теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, существовала господствующая національность, на-ряду съ многоплеменнымъ все болѣе и болѣе эллинизовавшимся Египтомъ стояла сильная Македонія, рознь которой съ подчиненной ей Элладой ни на минуту не прекращалась. Сильнымъ національнымъ государствомъ поэтому нельзя считать и Македонію, которая болѣе, чѣмъ остальныя эллинистическія державы, могла бы претендовать на это имя.

Еще менѣе основаны были на базѣ опредѣленной національности остальныя болѣе мелкія эллинистическія державы—Пергамъ, наслѣдникъ старыхъ мало-азійскихъ царствъ лидійскаго и фригійскаго, Виѳинія съ ея по большей части ѳракійскимъ населеніемъ, Понтъ, Арменія и Парѳія съ ихъ въ основѣ иранской культурой, но національно неоднороднымъ составомъ населенія, синдско-скиѳскій Боспоръ и др. Вездѣ, какъ и въ большихъ эллинистическихъ державахъ, мы имѣемъ верхній эллинскій культурный лоскъ, эллино-восточный монархическій государственный строй, пестрый національный составъ. Вездѣ мы наблюдаемъ двойственность, вездѣ тотъ или иной компромиссъ между эллинскимъ городомъ-государствомъ и восточной анаціональной монархіей.

Кое-гдѣ, какъ въ Парѳіи и Арменіи, мы видимъ зародыши національной государственности, но опредѣляющимъ моментомъ является все-таки вездѣ стремленіе большихъ державъ къ возсозданію міровой много-національной и анаціональной державы и борьбу болѣе мелкихъ государственныхъ образованій, особенно борьбу греческаго города-государства, противъ этихъ тенденцій за политическую самостоятельность, основой которой было не осуществленіе національныхъ стремленій, а отстаиваніе отдѣльныхъ старыхъ и новыхъ, по большей части эллинскихъ, государственныхъ образованій.

И вездѣ на-ряду съ этой борьбой мы видимъ медленное, но вѣрное подчиненіе принциповъ греческаго свободнаго самоопредѣляющагося и самодовлѣющаго гражданскаго строя основамъ восточной абсолютической государственности, стремившейся низвести гражданскіе идеалы эллинства къ служебной роли по отношенію къ принципамъ монархическаго и бюрократическаго строя.

Эллинство, какъ цѣлое, и въ эллинистическую эпоху остается поэтому понятіемъ культурнымъ, самостоятельныхъ эллинскихъ государствъ почти не наблюдается или они играютъ все меньшую роль по сравненію съ эллинистическими державами, гдѣ эллины только покрываютъ ло-

скомъ своей культуры и распространеніемъ своего отнынѣ мірового языка не-эллинскую, обыкновенно разнородную національную основу и восточный строй большинства эллинистическихъ государствъ.

При этихъ условіяхъ понятно, что старый эллинскій городской патріотизмъ постепенно слабѣетъ, появляются эллины, стоящіе внѣ города,—военные наемники и чиновники, появляются граждане искусственно созданныхъ новыхъ греческихъ городовъ на не-греческой почвѣ, связь которыхъ съ городомъ далеко не такъ сильна, какъ въ старыхъ эллинскихъ городахъ, и великій эллинскій духъ творческой любви къ родинѣ постепенно вырождается въ муниципальное честолюбіе и тратится на мелкую, робкую, неувѣренную политику случайностей и приключеній.

Жизнь эллинизма есть сплошная война однихъ государствъ съ другими, серія дипломатическихъ комбинацій и политическихъ союзовъ, но нигдѣ мы не видимъ войны, одушевляющей все государство, войны, которую ведутъ народы. Борются отдѣльные цари и правительства, борются при посредствѣ наемныхъ армій, населеніе эллинистическаго міра въ большинствѣ случаетъ равнодушно и апатично несетъ на своихъ плечахъ тягость не очень кровопролитныхъ и не очень разорительныхъ войнъ.

Великій эллинскій духъ въ эпоху эллинизма, конечно, не умеръ, творческая сила эллинства не изсякла, но вся культурная работа пошла по иному пути, культурныя достиженія становились менѣе яркими и менѣе индивидуальными, менѣе греческими. Оторванный отъ города грекъ продолжалъ творить для міра, но это творчество не имѣло той захватывающей силы міровыхъ откровеній, какъ творчество греческихъ политій, въ свое время покорившее міръ. Эллинистическое творчество не неслось, какъ рядъ бурныхъ многоводныхъ потоковъ, захватывавшихъ человѣчество, а медленно расплывалось по міру, какъ спокойное озеро, кое-гдѣ грозившее превратиться въ мелкое стоячее болото.

Въ то время какъ описанный процессъ совершался на Востокѣ и въ Элладѣ, на Западѣ въ *Италіи* рождалось новое національное государство, сочетавшее въ себѣ и элементы греческой политіи, и элементы греческаго городского союза, и элементы національнаго племенного государства въ типѣ Македоніи и Персіи.

Путемъ упорной борьбы городу-государству Риму удалось сначала сплотить около себя, а затѣмъ и подчинить себѣ все то племя, къ которому принадлежало его населеніе, всѣхъ латинъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ объединяетъ около себя въ формѣ подчиненнаго союза всю націю италиковъ, вбирая въ нее и не-италійскія племена Италіи—этрусковъ, галловъ, лигуровъ, иллирійцевъ и грековъ. На италійской базѣ Риму удается создать обще-италійское государство, онъ сумѣлъ дать Италіи

одинъ языкъ и одну культуру, сумѣлъ создать изъ многоплеменной Италіи одну націю, сознававшую себя какъ одно недѣлимое цѣлое. И все это на базѣ свободнаго, хотя и дисциплинированнаго, гражданскаго строя, на основахъ творческаго города-государства, при посредствѣ національнаго гражданскаго войска.

То, что не подъ силу было греческому генію, казалось, осуществлено было выдержкой, практическимъ разумомъ, способностью къ воспріятію и переработкѣ чужихъ культурныхъ достиженій римлянъ, латинъ и италиковъ. Свою самостоятельность новому національному государству удалось отстоять и противъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей кельтовъ, и противъ своего западнаго конкурента—семитическаго Карѳагена, многонаціональная и разнородная держава котораго не имѣла сильнаго и многочисленнаго національнаго ядра, не имѣла и той силы обаянія національной творческой культуры, которой въ такой высокой мѣрѣ обладали эллины. Карѳагеняне не вбирали въ себя чуждую имъ эллинскую культуру, какъ это сдѣлали италики, не переработали ея въ себѣ и не создали ея продолженія, а только приспособили эллинское ко вкусамъ своей многочисленной торговой клієнтелы, оставаясь внутренно чуждыми и даже враждебными эллинскому творчеству.

Національное италійское государство послѣ борьбы съ сосѣдями, въ которой упрочилось или, лучше сказать, впервые начало складываться его національное единеніе, выступило на арену міровой борьбы какъ могучій, несоизмѣримый со всѣмъ остальнымъ политическій факторъ. Тогда, когда раздробленное городское эллинство разбило свои силы въ борьбѣ съ Македоніей и между собою, когда войска наемниковъ Египта, Сиріи, Пергама, Виѳиніи и т. д., пользуясь рознью эллиновъ между собою и съ Македоніей, рядомъ ударовъ то по тѣмъ, то по другимъ ослабляли и все еще національную Македонію, и національные греческіе союзы, въ то время когда на Востокѣ патріотическое чувство населенія государства не могло дать ростковъ, заглушенное восточной государственностью, а въ Элладѣ оно же все мельчало и падало,—на арену міровой политики выступилъ союзъ городовъ и племенъ Италіи, тѣсно сплоченный Римомъ и сознававшій себя однимъ цѣлымъ, одушевленный любовью къ своей ближайшей родинѣ и нарождавшимся сознаніемъ италійскаго единства, испытавшій только недавно то чувство подъема, которое пережила Греція послѣ нашествія персовъ.

Это новое государство еще болѣе сплотилось и слилось съ Римомъ, когда во главѣ съ Римомъ оно начало широкую завоевательную политику, ту же, которую вели и остальныя державы тогдашняго культурнаго міра.

Надо помнить, что національная сплоченность Италіи не только является условіемъ успѣха Италіи въ міровой борьбѣ, но этой міровой

борьбой обусловливается. Италія сдѣлалась латинской и римской не только потому, что Римъ побѣдилъ и подчинилъ отдѣльныя племена Италіи, не только потому, что италики вмѣстѣ съ Римомъ отразили нападеніе Карѳагена, но главнымъ образомъ потому, что объединенной Италіи Римъ открылъ перспективу мірового владычества и повелъ ее покорять міръ.

Италія охотно пошла за Римомъ въ этомъ колоссальномъ предпріятіи, наводнившемъ Италію богатствами всего міра,—предпріятіи, которое не только сулило, но и давало огромныя выгоды каждому его участнику. При этихъ условіяхъ поддержаніе и усиленіе единства было неизбѣжно, неизбѣжно было и сліяніе всей Италіи въ римскомъ гражданствѣ, когда вся Италія фактически и для внѣшняго міра стала областью одного города, столицы міра—Рима.

То, что гражданамъ Италіи пришлось съ оружіемъ въ рукахъ взять у Рима право гражданства, есть результатъ условій государственной жизни Рима, только эпизодъ, быстро, хотя и не безболѣзненно ликвидированный.

Характерно такимъ образомъ, что и въ Италіи рожденіе національнаго государства тѣсно связано съ переходомъ его къ міровой политикѣ и этимъ переходомъ обусловлено. Повторяется такимъ образомъ то же, что мы наблюдали въ Персіи и Македоніи, съ тою только разницей, что италійская держава построена была на греческомъ гражданскомъ принципѣ и одушевлена была тѣмъ духомъ гражданскаго патріотизма, который такъ характеренъ для греческаго города-государства.

Римскій имперіализмъ, родившійся вмѣстѣ съ національнымъ всеиталійскимъ государствомъ, въ моментъ своего рожденія сталъ на точку зрѣнія покоренія ради господства, подчиненія себѣ другихъ не на базѣ культуры, а путемъ голой силы. Культура Рима и даже техника его были во много разъ ниже культуры и техники эллинизма, побѣда Рима была обусловлена только болѣе сильною государственностью и могучимъ сплоченнымъ завоевательнымъ воодушевленіемъ націи, боровшейся съ разрозненнымъ, почти анаціональнымъ эллинизмомъ. Понятіе италикъ было чисто политическимъ, понятіе эллинъ было и оставалось понятіемъ культурнымъ, причемъ къ этому понятію не безъ права сопричисляли себя и италики.

Силой и насиліемъ въ ущербъ праву, системой жестокихъ расправъ и запугиванія, системой уничтоженія сопротивляющихся Римъ и Италія подчинили себѣ весь тогдашній культурный міръ и значительную часть еще не вполнѣ пріобщившихся къ эллинской міровой культурѣ племенъ средней и отчасти восточной Европы. Хозяевами въ этой міровой державѣ были cives Romani, все остальное должно было безпрекословно подчиняться. Міръ сдѣлался безправной и безвольной провинціей Рима.

Въ этомъ принципѣ господства и подчиненія властное и жестокое римское гражданство нашло пищу для поддержанія чувства сплоченности всѣхъ тѣхъ, кто властвовалъ надъ другими. Живое чувство одушевленія любовью къ родинѣ постепенно превращалось во взаимную охрану интересовъ господствующихъ, въ ревнивое обереганіе своего права гражданства отъ покушеній на него со стороны безправныхъ и полуправныхъ.

Этимъ вызвана была и кровавая союзническая война, значительно ослабившая Италію и италиковъ, и прекращеніе расширенія рамокъ римскаго гражданства въ смыслѣ пріобщенія къ нему и провинціаловъ, характеризующее послѣдніе два вѣка республики и создавшее ученіе о провинціяхъ, какъ о praedia populi Romani (имѣніяхъ римскаго народа).

Городской строй Рима, совершенно не приспособленный къ задачамъ міровой державы, но тѣмъ не менѣе ревниво оберегавшійся, естественно повлекъ за собою тѣ же явленія, которыя такъ ярко характеризуютъ и греческій городъ-государство, но которыя въ Римѣ сказались съ особо яркой силой и въ особо рѣзкихъ и грандіозныхъ формахъ. Какъ и въ греческихъ городахъ, и въ Римѣ политическая борьба отдѣльныхъ классовъ гражданства, вызванная и осложненная соціальными и экономическими причинами, привела къ рѣзкому столкновенію интересовъ отдѣльныхъ классовъ гражданскаго населенія и къ длительной кровавой борьбѣ ихъ между собою.

Параллельно превращенію Рима и Италіи въ господъ міра идетъ въ Римѣ и Италіи жестокая внутренняя распря правящей аристократіи, все болѣе богатѣющаго торговаго и предпринимательскаго класса и массы населенія, обладавшей de iure политическимъ суверенитетомъ и стремившейся подъ руководствомъ трибуната, а затѣмъ отдѣльныхъ военныхъ тиранновъ осуществить его и de facto.

Подъ громъ внѣшнихъ побѣдъ и въ бурѣ повторныхъ внутреннихъ революцій римское національное государство постепенно превращается въ міровую державу, многонаціональную по составу и все болѣе и болѣе приближающуюся по своему строю къ типу сначала эллинистическихъ, а затѣмъ и восточныхъ монархій. На основѣ военныхъ тираній рождается двойственный принципатъ, сочетающій греческую тираннію съ эллинистической монархіей, на развалинахъ гражданскаго италійскаго государства возникаетъ міровая монархія, управляемая бюрократической машиной съ абсолютнымъ господиномъ во главѣ.

Параллельно этому понятіе civis Romanus, какъ въ эллинистическихъ государствахъ понятіе эллина, становится все болѣе и болѣе не политическимъ, а скорѣе культурнымъ терминомъ, выдѣляющимъ изъ остальной массы населенія тѣхъ, кто усвоилъ себѣ греко-латинскую цивилизацію и одинъ изъ двухъ міровыхъ языковъ—греческій или латинскій.

Быстро идущее въ эпоху принципата и домината расширеніе правъ римскаго гражданства свидѣтельствуетъ не объ увеличеніи количества гражданъ свободнаго національнаго государства, а объ успѣхахъ романизаціи и эллинизаціи. Бывшіе господа міра—римскіе граждане, увеличиваясь въ числѣ, все болѣе и болѣе становятся одинаково безправными передъ лицомъ власти, политически безразличными объектами управленія, отличаясь отъ не-гражданъ не политическими, а чисто гражданско-правовыми привилегіями и преимуществами.

И Римъ, такимъ образомъ, какъ и остальныя государственныя образованія античности, изъ національнаго италійскаго государства превращается въ міровую державу, безконечно разнообразную по своему національному составу, управляемую абсолютнымъ монархомъ и защищаемую профессіональнымъ, въ основѣ своей наемнымъ, дорого оплачиваемымъ войскомъ.

Эволюція эта совершается медленно, медленнѣе, чѣмъ когда-либо; во внутреннемъ строѣ міровой державы болѣе чѣмъ гдѣ-либо осѣло пережитковъ стараго гражданскаго строя, крѣпче и цѣпче чѣмъ гдѣ-либо держится традиція римскаго гражданскаго патріотизма, но и здѣсь постепенно гражданинъ умираетъ и на его мѣсто становится равнодушный къ государству, аполитичный, живущій личными, а не гражданскими интересами подданный.

Соотвѣтственно этому пышный когда-то расцвѣтъ греко-римской культуры въ Италіи и провинціяхъ хирѣетъ и вянетъ, оплощается и мельчаетъ. Остаются однѣ основы, впитанныя населеніемъ, да внѣшній греко-римскій культурный обликъ.

Но на-ряду съ этимъ наблюдается въ міровой римской державѣ новый огромный по своему значенію процессъ. Въ нѣдрахъ римской провинціальной жизни: въ Галліи, Испаніи, Британніи, дунайскихъ провинціяхъ, рождаются новыя національности, смѣшанныя по своему племенному составу, но единыя по своимъ культурнымъ и государственнымъ традиціямъ.

Слабѣющій анаціональный римскій колоссъ не въ силахъ удержать процесса разложенія мірового государства на рядъ новыхъ національныхъ государствъ, выросшихъ на базѣ греко-римской культуры. Удары извнѣ—напоръ германскихъ, иранскихъ, тюркскихъ и славянскихъ племенъ—не создаетъ, а только ускоряетъ это разложеніе, способствуя созданію на развалинахъ римской имперіи ряда національныхъ государствъ, среди которыхъ наиболѣе жизненны тѣ, которыя совпадаютъ со старыми римскими провинціями, носителями великихъ государственныхъ, правовыхъ и культурныхъ традицій греко-римскаго міра.

Изъ нѣдръ римской имперіи рождается современная Европа, развитіе которой идетъ инымъ, обратнымъ путемъ по сравненію съ разви-

тіемъ античности. Нѣтъ болѣе пагубной тенденціи, какъ сравнивать на основаніи внѣшнихъ признаковъ эволюцію античности съ эволюціей современности, отдѣльныя государства современности и ихъ роль въ міровой исторіи съ государствами древняго міра и т. п. Особенно модно это стало теперь въ Германіи, причемъ, конечно, Германіи всегда выпадаетъ на долю быть современной не то Элладой, не то римской имперіей, Англія уподобляется Карѳагену, а Россіи приходится быть Персіей.

При этомъ забывается одно кардинальное различіе, дѣлающее исторію современной Европы несоизмѣримой съ исторіей античности. Исторія Европы есть продолженіе исторіи античности, міръ ничего не началъ съ начала, элементы античной культуры и государственности и помимо существованія Византіи никогда не умирали въ западной и даже восточной Европѣ, поскольку эволюція Европы есть въ ея наиболѣе цивилизованныхъ частяхъ продолженіе эволюціи отдѣльныхъ римскихъ провинцій.

Этимъ кардинальнымъ факторомъ, о которомъ такъ легко забываютъ, говоря, напримѣръ, о греческомъ средневѣковьѣ, объясняется то основное явленіе, которое ближайшимъ образомъ интересуетъ насъ въ данной связи.

Современность идетъ не отъ національнаго государства къ вѣчно возраждающемуся міровому, не отъ относительной и частью полной политической свободы и самоопредѣленія къ абсолютизму, рабству и подданству, причемъ соотвѣтственно этому зажигаются яркимъ огнемъ очаги культуры въ періоды яркаго національнаго самосознанія, а инымъ, глубоко отличнымъ отъ античности, своеобразнымъ и совсѣмъ непохожимъ на античный путемъ.

Родившись на развалинахъ мірового анаціональнаго, если хотите, космополитическаго государства, какимъ была римская имперія, современная Европа медленно, но вѣрно выковываетъ свои національныя государства, создающія каждое свою специфическую и глубокую культуру. Эти національныя государства чѣмъ дальше, чѣмъ больше они крѣпнутъ, тѣмъ успѣшнѣе борются съ временными и всегда неудачными попытками созданія міровой монархіи по образцу римской имперіи. Античность такимъ образомъ живетъ въ общемъ подъ знакомъ мірового государства, опредѣляющаго собою государственность древняго міра, современность—подъ знакомъ государства національнаго, котораго античность по существу и длительно не знаетъ, какъ не знаетъ по существу и длительно современность мірового государства.

Античность идетъ отъ свободнаго строя къ абсолютическому, современность, по мѣрѣ того какъ крѣпнутъ національности, ихъ самосознаніе, ихъ патріотизмъ, идетъ вездѣ и повсюду отъ абсолютизма,

пережитка античнаго мірового государства, къ свободѣ, отъ восточнаго подданства къ греческой гражданственности. Вожаками современной Европы на этомъ пути являются тѣ націи, которыя унаслѣдовали отъ древняго міра, частями котораго онѣ были, античный духъ гражданской культурной свободы,—Италія, Англія, Франція. Въ хвостѣ идетъ Германія, съ трудомъ прививающая себѣ основы античной гражданственности и культуры, врагомъ и разрушителемъ которой она всегда была, какъ была она всегда и носительницей идеала возобновленія мірового государства, идеала, всегда разбивавшагося о крѣпнущее національное самосознаніе народовъ Европы. Въ хвостѣ идемъ и мы, наслѣдники послѣдняго по идеѣ мірового государства—Византіи, съ трудомъ разставаясь съ традиціями византійской имперіи и мірового имперіализма.

Но нѣтъ сомнѣнія, вся исторія Европы идетъ по этому пути: въ европейскомъ политическомъ и культурномъ развитіи нѣтъ мѣста міровому государству, міровому господству какой-либо одной націи. Всякая попытка къ созданію таковаго неминуемо разобьется о крѣпнущее національное самосознаніе, культуру и политическую свободу всѣхъ остальныхъ народовъ, членовъ культурной и равноправной европейской семьи.

М. Ростовцевъ.

Шарль Пеги. [1])

Въ серединѣ сентября прошлаго года въ *Echo de Paris* появилась передовая статья М. Барреса, изъ которой широкая публика узнала о гибели на берегахъ Марны одного изъ выдающихся французовъ, публициста и поэта Шарля Пеги (Péguy). Кто такой былъ Шарль Пеги? Большая публика мало знала этого писателя. Какъ издатель „Cahiers de la Quinzaine", онъ сталъ немного извѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ въ этой серіи появился многотомный романъ Romain Rolland: „Jean Christophe". Его знали также немного послѣднее время какъ поэта, автора книги „Le mystère de la charité de Jeanne d'Arc". Въ ежедневной прессѣ его имя промелькнуло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда французская академія отказалась присудить ему премію за лучшее литературное произведеніе и, вмѣсто причитающихся въ такомъ случаѣ 10,000 франковъ, дала ему 8,000 фр.

Пеги былъ болѣе счастливъ въ тѣсномъ кругу своихъ почитателей; здѣсь къ нему относились съ большимъ уваженіемъ и видѣли въ немъ крупнаго человѣка. Вокругъ его Cahiers, абонентами которыхъ остались до послѣдняго времени нѣсколько бывшихъ и теперешнихъ министровъ, собрался небольшой кругъ читателей, которые оставались вѣрны поэту и писателю въ теченіе всей его, полной какъ будто бы рѣзкихъ измѣненій, литературной дѣятельности.

Задачей нижеслѣдующихъ страницъ не является дать біографію Пеги и очертить вполнѣ характеръ его литературной дѣятельности. Мы поставили себѣ цѣлью выясненіе нѣсколькихъ или, вѣрнѣе, одной проблемы, которая интересовала Пеги въ теченіе всей его жизни и отношеніе къ

---

[1]) Сочиненія Пеги, которыми мы пользуемся въ настоящей статьѣ, принадлежатъ къ послѣднему періоду литературной дѣятельности писателя, когда болѣе всего выяснилась его философская и религіозная физіономія. Полной характеристики этого писателя мы не пытаемся давать; для этого понадобилась бы цѣлая монографія, въ которой пришлось бы коснуться общественной жизни Франціи послѣднихъ двадцати лѣтъ.

которой характеризуетъ общественную и моральную физіономію этого замѣчательнаго человѣка.

Пеги былъ сначала рьянымъ дрейфусаромъ; будучи студентомъ Ecole Normale Supérieure, онъ принимаетъ участіе въ кампаніи за пересмотръ дѣла Дрейфуса; затѣмъ онъ былъ близокъ къ дѣятелямъ современнаго соціализма, съ которыми разошелся во время министерства Комба. Приблизившись впослѣдствіи къ католицизму и ставъ даже ревностнымъ католикомъ, онъ былъ одинаково далекъ какъ отъ представителей офиціальнаго католицизма, такъ и отъ современныхъ модернистовъ.

Если мы видимъ, такимъ образомъ, что Пеги въ своей общественной и литературной дѣятельности претерпѣлъ эволюцію, и что эту дѣятельность можно раздѣлить на періоды, мы однако въ правѣ себя спросить: не характеризуются ли всѣ эти періоды литературной и публицистической дѣятельности Пеги какой-нибудь общей чертой? Для выясненія этого вопроса обратимся прежде всего къ произведенію, въ которомъ Пеги въ связи съ воспоминаніями дѣтства говоритъ о своемъ отношеніи къ церкви и республикѣ и подвергаетъ суровой критикѣ нѣкоторыя явленія современной экономической жизни.

Въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія Пеги касается, между прочимъ, своего отношенія къ своимъ свѣтскимъ и духовнымъ воспитателямъ [1]).

„Это было,—говоритъ Пеги,—въ 1880 году. Это было, слѣдовательно, въ пору самаго расцвѣта движенія въ пользу свѣтскаго образованія (laïcisation). Но мы этого не замѣчали. Мы были однако какъ разъ на мѣстѣ для того, чтобы почувствовать это. Если только что открытыя учительскія семинаріи составляли душу и очагъ молодого движенія въ пользу свѣтскаго образованія, то наша орлеанская учительская семинарія была чистой изъ чистыхъ. Она представляла одну изъ головъ и душъ движенія въ пользу свѣтскаго образованія. Ноди [2]) лично былъ большимъ поборникомъ этого движенія. Счастливое дѣтство, счастливая невинность! Да будетъ благословенна здоровая раса. Все для насъ было хорошо. Все намъ удавалось. Мы брали изо всѣхъ рукъ, и все оказывалось здоровой пищей для насъ. Мы ходили на уроки катехизиса по четвергамъ, думаю, для того, чтобы это не мѣшало нашимъ занятіямъ...

---

[1]) Французскій философъ Бергсонъ въ разговорѣ съ пишущимъ эти строки, говоря о Пеги, выразился слѣдующимъ образомъ: „il était libre penseur dans la religion et religieux dans la libre pensée“ („Онъ былъ свободомыслящимъ въ религіи и религіознымъ въ свободомысліи“). Приводимый текстъ показываетъ, что эта черта характера Пеги имѣетъ глубокіе корни и какъ бы обнаруживается уже въ Пеги ребенкѣ-подросткѣ.

[2]) Naudy былъ директоромъ орлеанской учительской семинаріи (école normale), при которой находилась школа, въ которой Пеги получилъ начальное образованіе. Брошюра „L'argent“ является какъ бы введеніемъ къ произведенію Naudy о начальномъ образованіи во Франціи, напечатанному въ „Cahiers de la Quinzaine“ въ 1913 г.

„Наши молодые священники говорили намъ какъ разъ противоположное тому, что намъ говорили наши молодые учителя-семинаристы. Но мы этого не замѣчали. Республика и Церковь преподносили намъ въ своемъ преподаваніи діаметрально противоположныя вещи. Но не все ли это было равно, лишь бы насъ учили! Въ преподаваніи и въ дѣтствѣ есть нѣчто столь священное, въ этомъ первомъ открываніи глазъ ребенка на міръ, въ этомъ первомъ взглядѣ есть нѣчто столь религіозное, что эти два преподаванія сливались въ нашихъ сердцахъ, и мы хорошо знаемъ, что они останутся тамъ вѣчно связанными. Мы любили Церковь и Республику вмѣстѣ, мы ихъ любили однимъ и тѣмъ же сердцемъ, однимъ и тѣмъ же дѣтскимъ сердцемъ, для насъ онѣ составляли тотъ обширный міръ, въ которомъ находились оба предмета нашей любви, слава и вѣра, и этотъ міръ былъ для насъ новымъ міромъ. А теперь?... Теперь, очевидно, мы ихъ не любимъ той же любовью, потому что насъ научили тому, что есть степени любви. Церкви принадлежитъ наша вѣра и все, что связано съ послѣдней. Но Господь одинъ знаетъ, что для насъ значитъ Республика, съ которой насъ связываетъ и наша честь и наше сердце, и насколько мы будемъ ее отстаивать, потому что она была однимъ изъ двухъ чистыхъ воспріятій нашего дѣтства.

„Мы были маленькими серьезными подростками этого серьезнаго города, невинными и въ сущности уже полными заботъ. Мы принимали въ серьезъ все, что намъ говорили: и то, что намъ говорили наши свѣтскіе учителя, и то, что намъ говорили наши католическіе учителя. Мы все принимали буква въ букву. Мы вѣрили вполнѣ и въ равной мѣрѣ, одной и той же вѣрой, во все, что было въ грамматикѣ, и во все, что было въ катехизисѣ. Мы *учили* грамматику и мы *учили* также катехизисъ. Мы *знали* грамматику и мы *знали* также катехизисъ. Мы не забыли ни того, ни другого. Но здѣсь слѣдуетъ коснуться одного явленія, гораздо менѣе простого. Я хочу говорить о томъ, какія перемѣны произошли въ нашемъ отношеніи къ этимъ двумъ метафизикамъ, такъ какъ, само собой понятно, все должно имѣть свою метафизику...

„Всякій имѣетъ свою метафизику, явную или скрытую... Наши учителя также имѣли метафизику. И зачѣмъ это замалчивать? Они этого не замалчивали, никогда не замалчивали. Метафизикой нашихъ учителей была, во-первыхъ, школьная метафизика. Затѣмъ она была главнымъ образомъ метафизикой *науки*, это была матеріалистическая метафизика (эти существа, полныя души, имѣли матеріалистическую метафизику, но такъ всегда бываетъ, и въ то же время идеалистическую, глубоко моралистическую и, если хотите, кантіанскую); это была позитивистическая метафизика, это была извѣстная метафизика прогресса. Метафизику же кюре составляла теологія, метафизика, которая заключается въ катехизисѣ...

„Я сказалъ уже, что мы вѣрили всецѣло во все, что намъ говорили. Мы были маленькими человѣчками, принимавшими все въ серьезъ... Мы такимъ образомъ вѣрили всецѣло въ то, чему учили насъ наши учителя, и въ то, чему учили насъ наши кюре... Теперь я могу сказать, безъ боязни оскорбить кого бы то ни было, что метафизика нашихъ учителей не существуетъ болѣе ни въ какомъ видѣ ни для насъ, ни для кого бы то ни было, и что метафизика нашихъ кюре овладѣла нашими существами такъ глубоко, въ такой степени, какъ и не подозрѣвали наши кюре. Мы не вѣримъ болѣе ни слову изъ метафизики, которую преподавали намъ наши учителя. И мы вѣримъ всецѣло въ то, что находится въ катехизисѣ, это стало и осталось нашей плотью...

Однако наши свѣтскіе учителя сохранили всѣ наши привязанности, сохранили наше полное довѣріе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы наши старые кюре пользовались нашимъ полнымъ расположеніемъ, чтобы они когда-либо пользовались нашимъ довѣріемъ“ (L'argent, 1913, p. 35—39).

Что же такъ связывало Пеги съ его свѣтскими учителями? Это то, что эти „учителя были по существу своему и въ глубокой степени людьми старой Франціи. Человѣкъ не характеризуется тѣмъ, что онъ дѣлаетъ и еще менѣе тѣмъ, что онъ говоритъ. Въ самомъ глубокомъ смыслѣ человѣкъ характеризуется только тѣмъ, что онъ есть. Что намъ до того, что наши учителя исповѣдывали метафизику, которая имѣла цѣлью разрушить старую Францію. Наши учителя родились въ томъ домѣ, который они хотѣли разрушить. Они были настоящими сыновьями этого дома. На нихъ лежалъ отпечатокъ нашей расы, а это вѣдь самое главное. Мы хорошо знаемъ, что не ихъ метафизика повергла на землю наше старое жилище. Домъ погибаетъ только изнутри. Сами защитники трона и алтаря повергли на землю тронъ и, насколько было въ ихъ силахъ, также алтарь.

„Очень часто смѣшиваютъ человѣка, существо человѣка съ той несчастною личностью, роль которой мы играемъ въ жизни. Въ путаницѣ, въ спѣшкѣ современной жизни ничего не разсматриваютъ; достаточно, чтобы кто-нибудь что-либо сдѣлалъ (или дѣлалъ видъ, что дѣлаетъ), чтобы говорили (и даже вѣрили), что въ этомъ его сущность. Никакое заблужденіе не является, можетъ быть, столь ложнымъ и, можетъ быть, столь опаснымъ...

„Дѣятели французской революціи были представителями стараго режима. Они *произвели* французскую революцію. Но они *принадлежали* къ старому режиму. И едва ли дѣятели 48 года или мы представляемъ результатъ французской революціи, то-есть то, что они хотѣли сдѣлать изъ французской революціи. И, можетъ быть, этого никогда не будетъ.

Такъ и наши добрые свѣтскіе учителя вводили, *играли* новыя метафизическія теоріи. Но они *были* людьми старой Франціи.

„Напротивъ, всѣ великіе монополисты стараго режима между нами — такіе же современные люди, какъ всѣ мы. Они ни въ коемъ случаѣ не являются представителями старой Франціи, въ нихъ этой Франціи еще менѣе, чѣмъ въ другихъ. Они реакціонеры, но они менѣе консерваторы, чѣмъ мы. Они не разрушаютъ республики, но они дѣлаютъ все, чтобы подорвать почитаніе, уваженіе, которое составляло самую основу стараго режима. Можно сказать, что эти сторонники стараго режима имѣютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова только одну идею, которая состоитъ въ томъ, чтобы разрушить все то, что мы сохранили прекраснаго и здороваго отъ стараго режима и что еще такъ значительно. Они группируются въ лиги, они присвоили себѣ образъ мыслей сторонниковъ лиги, забывая, что *лига* ни въ коемъ случаѣ не была учрежденіемъ королевской власти, что она была, напротивъ, ея болѣзнью, возвѣщеніемъ новыхъ временъ, началомъ интриги, вмѣшательства толпы, значенія числа, голосованія и Богъ вѣсть какой парламентской демократіи“.

„Напротивъ, наши старые учителя были не только представителями старой Франціи. Въ своемъ преподаваніи они преподносили намъ мораль и сущность старой Франціи. Я ихъ очень удивлю, если скажу, что они учили насъ тому же, чему учили насъ наши кюре. И кюре преподавали намъ то же самое, что они. Всѣ противоположности ихъ метафизическихъ ученій совершенно сглаживались этой глубокой общностью, тѣмъ, что они были представителями одной и той же расы, одного и того же времени, одной и той же Франціи, одного и того же режима...

Тѣ и другіе и съ ними наши родители... учили насъ той нелѣпой морали, которая создала Францію и которая до сего дня мѣшаетъ ей распасться, той глупой морали, въ которую мы вѣрили, той морали, которую мы, глупые и малообразованные люди, несмотря на всякія разочарованія, которыя намъ приноситъ дѣйствительность, хранимъ въ глубинѣ нашего сердца. Всѣ втроемъ они учили насъ этой морали, они говорили, что человѣкъ, который трудится и который не сходитъ съ пути истины, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ будетъ болѣе или менѣе обезпеченъ въ жизни. Еще болѣе удивительно то, что они вѣрили въ это и что *это было* въ самомъ дѣлѣ вѣрно“ [1]).

Далѣе Пеги указываетъ, что по своему состоянію современное общество сильно отличается отъ недавняго прошлаго.

„Мы были воспитаны,—говоритъ Пеги,—въ совсѣмъ другомъ мірѣ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что ребенокъ, воспитанный между

---

[1]) Ib., p. 44.

1873 и 1880 годами въ такомъ городѣ, какъ Орлеанъ, приходилъ въ соприкосновеніе въ буквальномъ смыслѣ этого слова съ старой Франціей, съ старымъ народомъ, съ народомъ безъ кавычекъ, что онъ въ буквальномъ смыслѣ слова составлялъ часть старой Франціи, стараго народа. Тогда старая Франція была еще нетронутой. Разгромъ совершился вдругъ, въ промежутокъ, который продолжался всего нѣсколько лѣтъ.

„Мы же еще имѣли возможность чувствовать старую Францію, мы знали ее еще нетронутой. Мы были ея дѣтьми. Мы знали настоящій народъ, мы находились въ соприкосновеніи съ нимъ, мы были дѣтьми народа, когда народъ еще существовалъ. Послѣдній рабочій того времени былъ отпрыскомъ старой Франціи, между тѣмъ какъ теперь наиболѣе невоздержный ученикъ Морраса [1]) не имѣетъ въ себѣ ни атома человѣка старой Франціи.

„Одна очень умная женщина, которая съ легкостью несетъ возрастъ въ семьдесятъ съ лишкомъ лѣтъ, говорила недавно: міръ менѣе измѣнился въ теченіе моихъ первыхъ шестидесяти лѣтъ, чѣмъ въ послѣднія десять лѣтъ. По моему мнѣнію, слѣдуетъ итти далѣе и сказать: міръ менѣе измѣнился со времени рожденія Іисуса Христа, чѣмъ въ послѣднія тридцать лѣтъ. Существовала эпоха античная (и библейская), существовала эпоха христіанская. И существуетъ современная эпоха. Хуторъ въ департаментѣ Beauce сейчасъ же послѣ войны гораздо менѣе отличался своими нравами, своимъ статутомъ, своими устоями, своимъ достоинствомъ отъ галло-романскаго хутора, чѣмъ современный хуторъ отъ хутора предыдущей эпохи. Мы знали время, когда, если женщина произносила слово, въ ней говорила ея раса, ея существо, ея народъ. И это слово значило что-нибудь. И когда рабочій закуривалъ свою трубку и что-либо говорилъ, то это не было тѣмъ, что журналистъ писалъ въ сегодняшней утренней газетѣ. Свободомыслящіе того времени были болѣе христіанами, чѣмъ набожные нашего времени. Обыкновенный приходъ того времени былъ гораздо ближе къ приходу XV вѣка или IV в., или, скажемъ, V или VIII в., чѣмъ къ современному приходу“ („L'argent“, p. 12—13).

Въ то доброе старое время къ работѣ относились иначе, чѣмъ теперь: трудъ былъ молитвой, а мастерская—храмомъ.

Рабочіе работали, а не служили. У нихъ была своя честь. Стулъ долженъ былъ быть сдѣланъ хорошо не потому, что за это получали заработную плату, не потому, что нужно было хорошо сдѣлать для хозяина, для знатоковъ, для кліентовъ хозяина. Онъ долженъ былъ быть

---

[1]) Charles Maurras—вождь современныхъ французскихъ роялистовъ, органомъ которыхъ является „Action Française“.

сдѣланъ хорошо самъ по себѣ: традиція, честь этого требовали. Части стула, которыя не были видны, должны были быть такъ же хорошо сдѣланы, какъ части стула, которыя видны.

„Эти рабочіе были бы очень удивлены, несказанно велико было бы не ихъ отвращеніе, но ихъ недовѣріе (они думали бы, что надъ ними хотятъ пошутить), если бы имъ сказали, что нѣсколько лѣтъ спустя на постройкахъ рабочіе-компаньоны поставятъ себѣ офиціальной задачей успѣвать возможно менѣе и что рабочіе это будутъ считать большой побѣдой. Такая идея, если мы допустимъ, что они могли бы ее понять, была бы въ ихъ глазахъ чѣмъ то равносильнымъ тому, какъ если бы покушались на ихъ достоинство, потому что это значило бы сомнѣваться въ ихъ способности, потому что это значило бы предположить, что они не успѣютъ столько, сколько они могутъ. Это равносильно тому, что сказать заранѣе солдату, что онъ не выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы.

„Имъ далѣе были свойственны всѣ прекрасныя чувства, сопутствующія, связанныя съ этими чувствами: уваженіе къ старикамъ, родственникамъ и чувству родственной связи; уваженіе къ ребенку; конечно, уваженіе къ женщинѣ (и слѣдуетъ сказать, потому что въ настоящее время какъ разъ этого недостаетъ: уваженіе женщины самой женщиной); уваженіе къ семьѣ, уваженіе къ семейному очагу; и въ особенности чистый вкусъ, и уваженіе къ самому чувству уваженія; уваженіе къ инструменту, орудію, работѣ и рукѣ, этому наивысшему инструменту. Мысль о томъ, что можно было бы испортить инструменты, которыми пользуются при работѣ, имъ не казалась бы послѣднимъ изъ святотатствъ, имъ не казалась бы худшимъ изъ сумасшествій, имъ не казалась бы уродствомъ, это было бы въ ихъ глазахъ самымъ чудовищнымъ предположеніемъ; это было для нихъ равносильно тому, какъ сказать, чтобы отрѣзать себѣ руку. Потому что инструментъ, орудіе работы есть только болѣе длинная рука, или болѣе твердая (стальные ногти), или особымъ образомъ приспособленная,—рука, которую себѣ сдѣлали для опредѣленной цѣли. На рабочаго, который портитъ инструментъ, они смотрѣли бы въ этой войнѣ какъ на рекрута, который отрѣзываетъ себѣ большой палецъ.

„Замѣтьте, что въ сущности нынѣшнихъ рабочихъ мало занимаетъ ничегонедѣланье на постройкахъ, въ мастерскихъ. Они предпочли бы работать. Недаромъ они являются отпрысками этой трудолюбивой расы. Они слышатъ зовъ этой расы. Рука чешется, она хочетъ работать. Рукѣ скучно отъ ничегонедѣланья. Кровь играетъ въ ихъ жилахъ. Голова работаетъ и напередъ овладѣваетъ готовой работой. Какъ ихъ отцы, они слышатъ этотъ глухой призывъ работы, которая хочетъ быть сдѣланной. И въ сущности, они сами себѣ противны тѣмъ, что они пор-

тятъ инструменты. Но настоящіе господа, ученые, буржуа, объяснили имъ, что въ этомъ заключается соціализмъ, что это есть революція.

„Не слѣдуетъ переставать повторять это. Вся бѣда пришла отъ буржуазіи. Вся аберрація, все преступленіе исходитъ отъ нея. Капиталистическая буржуазія заразила народъ—заразила буржуазнымъ, капиталистическимъ духомъ.

„Я говорю нарочно капиталистическая буржуазія и крупная буржуазія. Буржуазія трудовая, наоборотъ, буржуазія мелкая стала самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ соціальныхъ классовъ; она осталась единственнымъ классомъ, который дѣйствительно работаетъ, единственнымъ классомъ, который сохранилъ нетронутыми всѣ добродѣтели трудового рабочаго класса и который въ награду за это живетъ въ настоящей нищетѣ... И если когда-нибудь послѣдуетъ какое-либо возрожденіе, то это потому, что она сохранила нетронутыми устои жизни“ („L'argent“, p. 19—21).

Пеги, такимъ образомъ, является противникомъ тактики современнаго французскаго соціализма въ его синдикалистской формѣ; мы увидимъ ниже, что онъ не менѣе нападалъ на этотъ соціализмъ въ его политической формѣ. Но Пеги самъ въ прежнее время былъ приверженцемъ соціализма. Каковъ же былъ его соціализмъ?

Онъ даетъ на это слѣдующій интересный отвѣтъ.

„Нужно ли мнѣ сказать, что самый соціализмъ нашъ, нашъ предшествующій соціализмъ ни въ коемъ случаѣ не былъ антифранцузскимъ, антипатріотическимъ, *анти*національнымъ. По существу своему онъ былъ *интер*національнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ не только не ослаблялъ, не стиралъ народнаго характера, онъ, наоборотъ, усиливалъ оздоровлялъ его. Мы придерживались, наоборотъ, положенія и мы придерживаемся его еще въ настоящее время, что буржуазія, буржуазный капитализмъ, саботажъ буржуазный и капиталистическій обезличиваютъ націю и народъ. Нечего говорить, что не было ничего общаго между нашимъ тогдашнимъ соціализмомъ и между тѣмъ, что въ настоящее время называется соціализмомъ. Здѣсь также политика сдѣлала свое дѣло, и нигдѣ политика такъ не разрушила, такъ не изуродовала мистику, какъ здѣсь. Когда я говорю политика, я подъ этимъ подразумѣваю политику профессіональныхъ политическихъ дѣятелей, политику политикановъ. Мистику еще сильнѣе изуродовали изобрѣтеніемъ, введеніемъ саботажа, который является политическимъ изобрѣтеніемъ въ той же мѣрѣ, какъ голосованіе, *хуже даже, чѣмъ голосованіе,* я хочу сказать—болѣе политическимъ. Въ этомъ состояла политика профессіональныхъ антиполитиковъ, антипарламентарныхъ синдикалистовъ. Мы думали тогда, мы продолжаемъ еще думать... что буржуа и капиталисты начали первыми. Я хочу сказать, что буржуа и

капиталисты еще ранѣе рабочихъ, гораздо ранѣе рабочихъ перестали исполнять свои соціальныя обязанности. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что саботажъ сверху задолго предшествовалъ саботажу снизу, что саботажъ буржуазный и капиталистическій задолго предшествовалъ саботажу рабочему; что буржуа и капиталисты перестали любить свое буржуазное и капиталистическое дѣло гораздо ранѣе, чѣмъ рабочіе перестали любить свое рабочее дѣло. Какъ разъ въ этомъ порядкѣ, начиная съ буржуа и капиталистовъ, началось это общее дезертированіе съ поприща труда, которое является самымъ глубокимъ порокомъ, можно сказать, центральнымъ порокомъ современнаго общества. Если таково было общее положеніе современнаго общества, то ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало, какъ это сдѣлали наши синдикалистскіе политики, изобрѣтать, *прибавлять* рабочій безпорядокъ къ безпорядку буржуазному, саботажъ рабочій къ саботажу буржуазному и капиталистическому. Надо было поступать какъ разъ наоборотъ. Нашъ соціализмъ и былъ, по сущности своей и также офиціально, общей теоріей, доктриной, общимъ методомъ, философіей организаціи и реорганизаціи труда, доктриной *реставраціи* труда...

„Выразимся яснѣе: для философа, для всякаго философствующаго нашъ соціализмъ былъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ религіей земного спасенія. И въ настоящее время онъ является не чѣмъ инымъ. Мы хотѣли попытаться добиться земного спасенія человѣчества посредствомъ оздоровленія рабочаго класса, посредствомъ оздоровленія труда и міра труда, посредствомъ реставраціи труда и достоинства труда, посредствомъ оздоровленія, перерожденія органическаго и молекулярнаго міра труда и черезъ его посредство всего хозяйственнаго и промышленнаго міра. Мы хотѣли оздоровить міръ промышленный, который мы противопоставляемъ міру интеллигентовъ и политиковъ, міру школьному и парламентскому.

„Посредствомъ возрожденія нравовъ въ промышленности, посредствомъ оздоровленія промышленной мастерской мы надѣялись достигнуть, пытались найти земное спасеніе человѣчества. Только тѣ будутъ смѣяться надъ этимъ, которые не видятъ, что даже христіанство, которое является религіей вѣчнаго спасенія, запуталось въ этой тинѣ дурныхъ нравовъ въ промышленности и въ хозяйствѣ, что даже и оно не выйдетъ изъ нея безъ экономической и хозяйственной революціи, что, наконецъ, нѣтъ болѣе подходящаго мѣста гибели, нѣтъ инструмента гибели лучше приспособленнаго, чѣмъ современная мастерская“ („Notre jeunesse“, 1910, p. 132—35).

На слѣдующихъ страницахъ Пеги снова уясняетъ отношеніе соціализма, который онъ исповѣдывалъ, къ національному вопросу.

„Если таковъ былъ нашъ соціализмъ—а это не составляло тогда

тайны ни для кого и никто въ этомъ не сомнѣвался,—то очевидно, что онъ не только не покушался и не могъ покушаться на законныя права націй, но, производя это оздоровленіе, онъ тѣмъ самымъ долженъ былъ произвести оздоровленіе націонализма и самой націи и служить интересамъ, защищать наиболѣе существенные интересы, спасти наиболѣе законные права народовъ, права и интересы наиболѣе священные. Только онъ одинъ могъ это дѣлать, только онъ одинъ это дѣлалъ. Мы ни въ коемъ случаѣ не хотѣли насиловать націи, народы, обезличить ихъ, стирать ихъ національный характеръ; мы хотѣли замѣстить анархическую конкуренцію участвующихъ въ бѣшеной скачкѣ народовъ, здоровымъ лѣсомъ, свободно растущимъ лѣсомъ народовъ, живущихъ въ благополучіи, народомъ цвѣтущихъ народовъ, могущихъ свободно развиваться, свободныхъ какъ отъ гнета экономическаго, такъ и отъ органической молекулярной порчи, являющейся слѣдствіемъ дурныхъ нравовъ въ промышленности и хозяйствѣ. Это не значило уничтожить націи и народы. Это значило, наоборотъ, основать ихъ, дать имъ почву подъ ногами, дать имъ родиться и свободно развиваться. Это значило *создать* ихъ. Мы были тогда увѣрены, что міръ страдаетъ безконечно болѣе отъ саботажа буржуазнаго и капиталистическаго, чѣмъ отъ саботажа рабочаго. Саботажъ, можно сказать, сталъ второй натурой буржуазнаго міра. Онъ, однако, далеко не такъ глубоко проникъ въ рабочій міръ. И онъ тамъ не играетъ той роли. Онъ не сталъ второй натурой. Въ противоположность тому, какъ думаютъ обыкновенно, саботажъ не врожденъ рабочему классу, не рожденъ въ рабочемъ классѣ. Рабочій классъ ему научается. Его этому научаютъ догматически, какъ чужому изобрѣтенію. Онъ является буржуазнымъ изобрѣтеніемъ, — изобрѣтеніемъ политическимъ, парламентскимъ, имѣющимъ чисто-интеллигентскій характеръ и проникающимъ сверху внизъ, благодаря постепенному зараженію, въ рабочую среду. Но это изобрѣтеніе встрѣчаетъ тамъ такое сопротивленіе, какого оно никогда не встрѣчало въ буржуазной средѣ. Оно тамъ наталкивается на непредвидѣнныя препятствія, на сопротивленія неизмѣримой глубины, на ту вѣковую любовь къ труду, которая испоконъ вѣковъ обогащала трудовое сердце. Міръ буржуазный и капиталистическій почти весь цѣликомъ, такъ сказать, цѣликомъ, преданъ удовольствію. А между тѣмъ можно найти еще большое число рабочихъ, и не только старыхъ, которые *любятъ* трудъ“ („Notre jeunesse“, p. 143—146).

Если, по мнѣнію Пеги, саботажъ является изобрѣтеніемъ буржуазнымъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это свойство лежало въ существѣ природы этого класса. Буржуазіи, если она исполняетъ свою миссію, если она любитъ то дѣло, которому она должна служить, будутъ свойственны тѣ же добродѣтели, которыя свойственны рабочему классу.

Это показываютъ тѣ буржуазныя семьи, которыя поддерживаютъ и расширяютъ доставшіяся имъ по наслѣдству предпріятія и которыя дѣлаютъ это не только изъ стремленія къ власти и изъ любви къ наживѣ, а изъ любви къ своему дѣлу, изъ пониманія, что ихъ предпріятіе является необходимымъ звеномъ въ народномъ хозяйствѣ.

Согласно Пеги, главное зло новѣйшаго времени происходитъ отъ излишняго господства интеллектуализма, который преувеличиваетъ свои силы и который сознательно или безсознательно превращается въ метафизическую доктрину. Интеллектуализмъ забылъ о корняхъ, которые его связываютъ съ жизнью. Оперируя постоянно надъ искусственными схемами, онъ хочетъ подчинить этимъ схемамъ, втиснуть въ рамки этихъ схемъ живую святую дѣйствительность. Забывъ, что эти схемы имѣютъ только служебный характеръ, что онѣ постольку освящены дыханіемъ вѣчности, поскольку онѣ сохранили въ себѣ источники своего происхожденія, поскольку онѣ согрѣты вѣрою и любовью, онъ этимъ схемамъ придаетъ характеръ чего-то абсолютнаго. Незамѣтнымъ образомъ все, что есть цѣннаго для насъ въ вѣчномъ, отодвигается на задній планъ; вѣчное какъ будто совсѣмъ исчезаетъ, и все отдается въ жертву временному, преходящему; временное начинаетъ надѣляться всѣми атрибутами вѣчнаго. Слѣдствіемъ этого процесса является то, что личный, эгоистическій, преходящій человѣческій интересъ, будетъ ли это интересъ человѣка въ отдѣльности или интересъ человѣческаго общества, интересъ націи, принимаетъ характеръ какого-то божества, которому все приносится въ жертву.

Если благодаря этому не создается новой религіи, то во всякомъ случаѣ возникаетъ цѣлый классъ людей, которые являются офиціальными служителями этой несознанной, несуществующей религіи. Приверженцы интеллектуализма, которые являются созидателями искусственныхъ схемъ и которые въ этихъ только схемахъ чувствуютъ себя, какъ дома, являются какъ разъ самыми подходящими священнослужителями этой несуществующей религіи. Такимъ образомъ, создается новая антиклерикальная клерикальная партія.

Конечно, сторонники современныхъ антиметафизическихъ философскихъ системъ будутъ открещиваться отъ всякой метафизики, но это не мѣшаетъ имъ имѣть свою метафизику и даже навязывать ее другимъ, когда они волею судебъ занимаютъ господствующее положеніе въ государствѣ.

Противъ навязыванія своей доктрины свѣтскимъ государствомъ и возставалъ Пеги, когда онъ боролся съ антиклерикализмомъ. Пеги не возстаетъ противъ права интеллектуальной партіи имѣть свою доктрину, свою метафизику, даже если эта послѣдняя и не въ состояніи выдержать самаго элементарнаго философскаго экзамена. „Современная ин-

теллектуальная партія, современные интеллигенты, [1])—говоритъ Пеги,—имѣютъ, конечно, право исповѣдывать какую угодно метафизику, какую угодно философію, какую угодно религію, они могутъ удовлетворяться какимъ угодно суевѣріемъ, какъ бы грубымъ намъ таковое ни казалось, это насъ не касается; здѣсь рѣчь идетъ о томъ, является ли обязанностью, функціей, долгомъ современнаго государства принятіе этой доктрины и навязываніе ея съ помощью тѣхъ огромныхъ средствъ, которыми располагаетъ современный государственный механизмъ („De la situation faite au parti intellectuel dans le monde moderne", 1906, p. 67).

Имѣя въ виду это обстоятельство, Пеги обращается къ народнымъ учителямъ съ слѣдующими трогательными страницами:

„Почему вы хотите представлять собой въ нѣкоромъ родѣ духовное правительство? Почему вы хотите имѣть политику и навязывать ее? Почему вы хотите имѣть метафизику и навязывать ее? Почему вы хотите имѣть какую-нибудь систему и навязывать ее?

„Обязанность ваша заключается въ томъ, чтобы научить читать, писать и считать. Учите же читать, писать и считать. Это не только полезно. Это не только очень почтенное занятіе. Это является основой всего. *Онъ знаетъ всѣ четыре дѣйствія*, говорили про кого-нибудь, когда я былъ маленькимъ. Пусть же учителя научаютъ четыремъ дѣйствіямъ. Я не желаю играть словами, но, не говоря о томъ, какъ хорошо было бы, если бы, дѣйствительно, научали писать, было бы большимъ прогрессомъ (разъ говорятъ, что существуетъ прогрессъ), если бы мы были народомъ, который умѣетъ читать и считать. И если бы, сверхъ того, наши учителя занялись бы тѣмъ, чтобы спасти нашу страну отъ двухъ бичей (политики и алкоголизма), которые постоянно угрожаютъ нашей странѣ, то хватило бы работы для жизни не одного человѣка".

Пеги не по себѣ среди общества, въ которомъ все изсушающій интеллектуализмъ царитъ надъ всѣмъ, гдѣ жизнь должна подчиняться навязаннымъ ей извнѣ цѣлямъ, гдѣ обо всемъ судятъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ человѣческихъ интересовъ и гдѣ въ концѣ-концовъ должны брать верхъ люди, для которыхъ выше всего личный человѣческій интересъ. Интересъ государства отождествляется въ такомъ случаѣ съ интересомъ извѣстнаго класса людей, а чтобы дать этому оправданіе, говорятъ, что этого требуетъ прогрессъ.

Все зло современной жизни заключается въ томъ, что современные интеллигенты, современные представители интеллектуализма, люди, дѣйствующіе подъ флагомъ этой доктрины, стараются использовать вѣчное

---

[1]) „Les intellectuels modernes, le parti intellectuel moderne".

въ интересахъ земного, въ интересахъ преходящаго. Мы предпочитаемъ, чтобы человѣкъ, который добивается чего-нибудь ради земныхъ цѣлей, не скрывалъ этого, а признавалъ это открыто. Мы предпочитаемъ человѣка, который не прикрывается высокимъ знаменемъ своей профессіи, когда онъ добивается земныхъ благъ, тому, кто говоритъ при этомъ громкія слова. Въ прошломъ мы судимъ иначе земныя вожделѣнія бароновъ, чѣмъ вожделѣнія епископовъ, земныя вожделѣнія свѣтскихъ людей иначе, чѣмъ вожделѣнія духовныхъ лицъ, земныя вожделѣнія представителей военной профессіи иначе, чѣмъ вожделѣнія священниковъ.

Наше нравственное чувство не можетъ остаться равнодушнымъ, когда мы видимъ, что люди, въ чьихъ рукахъ должна находиться защита нашихъ духовныхъ интересовъ, стремятся къ земнымъ благамъ, пользуются своимъ положеніемъ для того, чтобы достигнуть земныхъ цѣлей. Когда мы видимъ въ настоящее время, что человѣкъ, занимающій положеніе министра, депутата, журналиста, стремится разбогатѣть, занять видное въ матеріальномъ отношеніи и по вліянію положеніе, мы къ этому относимся равнодушно; это какъ бы связано съ профессіей даннаго человѣка; являясь свидѣтелями такихъ фактовъ, мы не страдаемъ ни за даннаго человѣка, ни за себя. Иное дѣло, „когда этимъ занимается интеллигентъ, лицо профессіи, имѣющей характеръ профессіи не временной, [1]) профессіи, имѣющей задачей защиту духовныхъ интересовъ, духовное руководство, когда къ этому стремится учитель или профессоръ...“

Чтобы понять, какъ произошло это незаконное вмѣшательство повсюду интеллигентовъ (intellectuels), къ которымъ перешло духовное руководство обществомъ, это смѣшеніе земныхъ цѣлей съ неземными, непреходящими, мы должны оглянуться назадъ и посмотрѣть, какъ рисуетъ Пеги политическое развитіе Франціи со времени французской революціи.

Революція, согласно Пеги, основала традицію, консервативную систему, новый порядокъ, начатки котораго показывались за много лѣтъ ранѣе. Пусть даже этотъ порядокъ, какъ многіе думаютъ въ настоящее время, не могъ сравниться съ старымъ порядкомъ, но это былъ во всякомъ случаѣ новый порядокъ, а не безпорядокъ, какъ утверждаютъ реакціонеры. Порядокъ этотъ выродился затѣмъ въ безпорядокъ, который достигъ своего кульминаціоннаго пункта во времена директоріи. Послѣ этого начинаются *реставраціи*, подъ именемъ которыхъ слѣдуетъ понимать реставраціи порядка, каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, и *пертурбаціи*, подъ именемъ которыхъ слѣдуетъ понимать введеніе безпорядка въ государственную жизнь. Восемнадцатое брю-

---

[1]) Intemporel.

мера было, конечно, реставраціей (республиканской и монархической въ одно и то же время), и его отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ государственнымъ переворотомъ 2 декабря. 1830 годъ былъ реставраціей республиканской; то же самое слѣдуетъ сказать о 1848 г., который является въ то же время взрывомъ республиканской мистики; іюньскіе дни представляли второй усиленный взрывъ этой мистики. Наоборотъ, переворотъ 2 декабря былъ пертурбаціей, введеніемъ безпорядка, наибольшей пертурбаціей, какую знаетъ исторія Франціи въ теченіе XIX в.; онъ не только поставилъ во главу націи, онъ сотворилъ, онъ ввелъ въ тѣло націи, въ ткани политическаго и соціальнаго тѣла націи новый элементъ не мистическій, но чисто политическій, демагогическій: вся сущность этого переворота заключается въ введеніи демагогіи. 4 сентября было реставраціей республиканской; 31 октября и 22 января были также республиканскими днями; даже 18 марта было республиканскимъ днемъ, республиканской реставраціей въ извѣстномъ смыслѣ, а не только припадкомъ лихорадки; оно представляло второе возмущеніе, второй взрывъ мистики республиканской и націоналистической въ одно и то же время, мистики патріотической; майскіе дни представляли, конечно, пертурбацію, а не реставрацію; республика была реставраціей приблизительно до 1881 года, съ какого времени тиранія интеллигентовъ и господство полуинтеллигентовъ [1]) начинаютъ превращать ее въ правительство безпорядка.

Слѣдуетъ остерегаться и не судить на основаніи внѣшняго сходства, сходства названій о внутреннемъ сходствѣ: такъ же какъ вторая имперія въ дѣйствительности, исторически не является продолженіемъ первой имперіи, такъ и третья республика не является своимъ собственнымъ продолженіемъ. Хотя въ 1881 году не произошло никакого особеннаго событія, но съ этого времени происходитъ разрывъ, изъ республики республиканской она превращается въ республику цезаристскую.

Какъ объяснить это превращеніе? Это, какъ и всякія другія подобныя превращенія, объясняется тѣмъ, что „мы недолжнымъ образомъ продолжаемъ въ политикѣ линію поведенія, должнымъ образомъ начатую въ мистикѣ. Дѣйствіе началось въ мистикѣ, имѣло тамъ свои корни, свое начало. Это дѣйствіе было хорошо направлено. Оно было не только естественнымъ, не только законнымъ, оно было должнымъ. Жизнь между тѣмъ идетъ своимъ путемъ. Дѣйствіе слѣдуетъ своему теченію. Человѣкъ довольствуется тѣмъ, что смотритъ черезъ дверцы: вѣдь имѣется машинистъ, который направляетъ машину, чего же заботиться о ея ходѣ? Жизнь продолжается. Дѣйствіе продолжается. Нить дѣйствія, линія

---

[1]) La tyrannie intellectuelle et la domination primaire (primaire отъ enseignement primaire).

дѣйствія продолжается, идетъ въ прежнемъ направленіи, линія поведенія остается той же, что и раньше. И такъ продолжается; приходится имѣть дѣло съ тѣми же лицами, тѣми же учрежденіями, той же окружающей обстановкой, тѣмъ же аппаратомъ, той же мебелью, тѣми же усвоенными привычками; неудивительно, что въ такомъ случаѣ не замѣчаютъ, какъ перескакиваютъ черезъ точку разрыва, какъ переходятъ черезъ точку, которая отдѣляетъ мистику отъ политики. Съ другой стороны, тамъ, внѣ насъ, событія также идутъ своимъ ходомъ. И такимъ образомъ не замѣчаютъ, какъ стрѣлка передвинулась. Благодаря игрѣ событій и исторіи, благодаря низости и грѣховности человѣка, мистика превратилась въ политику или скорѣе мистическое дѣйствіе стало политическимъ дѣйствіемъ, политика замѣнила мистику, политика поглотила мистику... И поведеніе, которое ранѣе было правильнымъ, становится, начиная съ пункта, когда мистика перевалила въ политику, неправильнымъ...

„Дѣйствіе, поведеніе, которое раньше было чистымъ, становится дѣйствіемъ, поведеніемъ грязнымъ.

„Такимъ образомъ, человѣкъ становится невиннымъ преступникомъ, преступникомъ, можетъ быть, самаго опаснаго вида.

„Дѣйствіе, начатое въ порывѣ мистики, продолжается въ политикѣ, и мы не чувствуемъ, что мы прошли точку перевала изъ мистики въ политику. Политика поглощаетъ мистику, и мы не прыгаемъ, когда мы проходимъ черезъ эту точку разрыва“ („Notre jeunesse“ 1910, p. 38—40).

Пеги ясно видитъ, что окружающіе его не замѣчаютъ, какъ мистика перевалила въ политику, выродилась въ политику въ современномъ французскомъ обществѣ. Старое поколѣніе живетъ прежними иллюзіями, и для него все окрашено въ республиканскій мистическій цвѣтъ; молодое же поколѣніе считаетъ себя слишкомъ умнымъ, чтобы нуждаться въ какой-либо мистикѣ. Понятна поэтому тревога, которая должна овладѣвать поколѣніемъ, къ которому принадлежитъ Пеги, понятенъ трагизмъ положенія этого поколѣнія; ему тяжело отъ того, что его никто не понимаетъ, не хочетъ понимать: ни поколѣніе болѣе старое, ни поколѣніе болѣе молодое.

„Зачѣмъ это отрицать? Все промежуточное поколѣніе (между нами и нашими дѣтьми) потеряло республиканское чувство, вкусъ къ Республикѣ, инстинктъ республиканской мистики, инстинктъ, который для насъ дороже всякаго знанія, который даетъ намъ больше достовѣрности, чѣмъ всякое знаніе. Это поколѣніе стало совершенно чуждымъ республиканской мистикѣ.

„Сейчасъ за нами начинается поколѣніе, которое мы не переставали называть современнымъ поколѣніемъ. Поколѣніе, которое считаетъ себя очень умнымъ, поколѣніе, которое хитритъ и съ собой и съ дру-

гими. Поколѣніе умныхъ, передовыхъ, которые все знаютъ, которымъ нечего показывать, которыхъ не заставишь повѣрить. Поколѣніе тѣхъ, которыхъ нечему болѣе учить. Поколѣніе тѣхъ, которые уже не будутъ дураками, глупцами, какъ мы бѣдные. Т.-е. поколѣніе тѣхъ, которые не вѣрятъ ни во что, даже въ атеизмъ; поколѣніе тѣхъ, которые не понимаютъ, какъ можно быть преданнымъ чему-нибудь, какъ можно жертвовать чѣмъ-нибудь для чего-нибудь. Точнѣе: поколѣніе тѣхъ, которые не имѣютъ никакой мистики. И они этимъ еще хвастаютъ. Не слѣдуетъ обманывать себя, и пусть никто этому не радуется ни съ той, ни съ другой стороны. Движеніе, благодаря которому Франція теряетъ *вѣру въ республику*, въ сущности есть вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе, благодаря которому Франція теряетъ *вѣру въ христіанство*. Оба эти движенія являются слѣдствіемъ того глубокаго движенія, которое ведетъ къ *исчезновенію мистики*. Слѣдствіемъ одного и того же глубокаго движенія является и то, что этотъ народъ перестаетъ вѣрить въ Республику, и то, что онъ перестаетъ вѣрить въ Бога, то, что онъ не хочетъ болѣе вести республиканскій образъ жизни, и то, что онъ не хочетъ болѣе вести христіанскій образъ жизни (что послѣдній ему успѣлъ надоѣсть); можно было бы почти утверждать то, что онъ не хочетъ болѣе вѣрить въ кумировъ, и то, что онъ не хочетъ болѣе вѣрить въ истиннаго Бога. *Одно и то же* безвѣріе простирается и на идоловъ и на Бога, на ложныхъ боговъ и на истиннаго Бога, на боговъ античныхъ и на новаго Бога, на боговъ древнихъ и на христіанскаго Бога. Одно и то же безплодіе изсушаетъ градъ и христіанство; градъ политическій и градъ христіанскій; градъ человѣческій и градъ Божій. Это, собственно говоря, и есть современное безплодіе. Пусть же никто не радуется, видя несчастіе, которое случается съ его недругомъ, противникомъ, сосѣдомъ; потому что *то же* несчастіе случится и у него, *то же* безплодіе постигнетъ и его. Споръ въ сущности идетъ не между республикой и монархіей, не между республикой и королевской властью, если ихъ разсматриваютъ какъ политическія формы, споръ идетъ не между старымъ французскимъ режимомъ и новымъ французскимъ режимомъ; современный строй [1]) идетъ противъ традицій не только стараго французскаго режима, но противъ традицій всѣхъ старыхъ режимовъ, всѣхъ старыхъ культуръ, всего, что есть культура, всего, что есть общественный строй. Мы видимъ въ данномъ случаѣ, можетъ быть, въ первый разъ, какъ цѣлое общество живетъ и благоденствуетъ, *какъ будто* благоденствуетъ, идя *противъ всякой культуры*" (Notre jeunesse p. 13—15).

Пеги съ печалью смотритъ на свое поколѣніе, на поколѣніе людей, которымъ сорокъ лѣтъ.

---

[1]) Monde moderne.

„Мы находимся между двумя рядами поколѣній. Никто не хочетъ намъ вѣрить. Мы неправы какъ въ глазахъ поколѣній, которыя намъ предшествуютъ, такъ и въ глазахъ поколѣній, которыя слѣдуютъ за нами. Когда мы говоримъ старымъ республиканцамъ: осмотритесь хорошо, послѣ насъ никого не остается, они поводятъ плечами. Они вѣрятъ, что людей ихъ вѣры еще хватитъ надолго, что этотъ родъ людей не переведется. И когда мы говоримъ молодежи: будьте осторожны, не говорите съ такимъ пренебреженіемъ о республикѣ; она не всегда представляла собой сборище политикановъ, она имѣетъ за собой мистику, она имѣетъ въ себѣ мистику; она имѣетъ за собой цѣлое прошлое славы, цѣлое прошлое чести и—что, можетъ быть, еще болѣе важно, болѣе близко къ сути—цѣлое прошлое расы, героизма, а можетъ быть, и святости, когда мы говоримъ это молодымъ людямъ, они насъ мягко презираютъ и готовы насъ обозвать старыми тряпками“ („Notre jeunesse“, p. 16).

Обращаясь къ этимъ молодымъ людямъ, Пеги говоритъ: „Будьте осторожны. Когда вы говорите съ легкостью, когда вы такъ презрительно относитесь къ республикѣ, вы рискуете не только быть несправедливыми, вы рискуете—а это вѣдь очень важно съ точки зрѣнія вашей системы, вашихъ идей—быть глупыми, вы рискуете остаться въ дуракахъ. Вы забываете, вы упускаете изъ виду, что существовала республиканская мистика, а тѣмъ, что вы ее забудете или не признаете, вы не изгладите ея существованія. Люди умирали за свободу, какъ люди умирали за вѣру. Эти выборы вамъ кажутся смѣшной формальностью, лживой и подтасованной. Вы имѣете право утверждать это. Но люди жили, люди безъ числа, герои, мученики, я скажу святые—и когда я говорю *святые,* я знаю, можетъ быть, что я говорю,—люди жили героически, подвижнически, люди страдали, люди умирали, цѣлый народъ жилъ для того, чтобы послѣдній изъ дураковъ имѣлъ право въ настоящее время исполнить эту подтасованную формальность. Это были ужасно болѣзненные роды. Это не всегда было такъ смѣшно. И вокругъ насъ цѣлые народы, цѣлыя расы борются и трудятся для того, чтобы получить эту пустую формальность. Эти выборы смѣшны. [1]) Но было время, мой дорогой Variot, было героическое время, когда больные и умирающіе заставляли носить себя на носилкахъ для того, чтобы имѣть возможность *опустить избирательный бюллетень.*

Эти выборы смѣшны. Но героизмъ и подвижничество, посредствомъ которыхъ добиваются этихъ смѣшныхъ результатовъ, смѣшныхъ во времени, это то, что есть наиболѣе великаго, наиболѣе святого на свѣтѣ. Это то, что есть наиболѣе красиваго. Вы насъ упрекаете въ

---

[1]) Пеги писалъ эти страницы во время выборовъ 1910 года.

деградаціи этихъ результатовъ, нашихъ результатовъ. Посмотрите же на себя. Посмотрите на ваши собственные результаты. Не представляетъ ли вырожденіе мистики въ политику—общаго закона?

Вы говорите намъ о вырожденіи республиканскомъ, т.-е., собственно говоря, о вырожденіи республиканской мистики въ республиканскую политику. Но свойственно ли это вырожденіе одной только республикѣ? Все начинается мистикой и кончается политикой. Интересъ вопроса не въ томъ, чтобы знать, какая изъ политикъ возьметъ верхъ надъ другой. Важно то, чтобы во *всякомъ порядкѣ, во всякой системѣ мистика не была бы поглощена политикой, которая беретъ въ ней начало*" („Notre jeunesse", p. 25—27).

Пеги возстаетъ одинаково какъ противъ тѣхъ, которые въ школахъ скрываютъ мистику старой Франціи, мистику стараго режима, такъ и противъ тѣхъ (современныхъ французскихъ роялистовъ), для которыхъ не существуетъ та мистика старой Франціи, которая проявилась въ республиканской мистикѣ, въ мистикѣ революціи. Что касается будущаго поколѣнія, то Пеги надѣется, что оно будетъ поколѣніемъ мистическимъ, и что при немъ во Франціи опять возродятся вмѣстѣ, сразу обѣ мистики: мистика республиканская и мистика христіанская („Notre jeunesse", p. 17).

Нельзя безъ волненія читать строки, въ которыхъ Пеги говоритъ о томъ, что современное общество все опошляетъ, что опошляется даже смерть. Послѣднее сказано по поводу церемоніи на похоронахъ извѣстнаго химика Бертло.

Сколько въ этомъ правды и глубокой правды! Паѳосъ, который чувствовался при разныхъ церемоніяхъ въ прежнее время и который проявлялся въ разныя торжественныя и неторжественныя минуты обыденной жизни, исчезъ куда-то и, что еще хуже, кажется даже смѣшнымъ современному поколѣнію.

Въ прежнее время все было основано на почитаніи, на уваженіи. Теперь же уваженіе къ чему бы то ни было исчезло. Уваженіе, которое состояло въ преклоненіи передъ духовной силой, исчезло; въ настоящее время уважаютъ только матеріальное могущество, преклоняются только передъ матеріальнымъ могуществомъ. Даже славѣ, которая раньше была только духовной силой, теперь пришлось стушеваться передъ матеріальными силами, или, скорѣе, передъ одной матеріальной силой, передъ силой денегъ.

Ставя одновременно вопросъ объ исчезновеніи любви къ труду и угасаніи вѣры съ вопросомъ о могуществѣ денегъ, Пеги подходитъ къ одному изъ самыхъ больныхъ вопросовъ нашего времени, къ вопросу, который, быть можетъ, играетъ не послѣднюю роль въ разыгрывающихся передъ нашими глазами грандіозныхъ событіяхъ и раз-

личное пониманіе котораго было, быть можетъ, одной изъ причинъ того столкновенія различныхъ культуръ, свидѣтелями котораго мы являемся.

Пусть не думаютъ, что къ денежному вопросу, къ деньгамъ слѣдуетъ относиться съ презрѣніемъ. „Деньги очень почтенная вещь; безъ нихъ вѣдь нельзя жить. Деньги очень почтенная вещь, когда ихъ зарабатываютъ“, и люди, роль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы реализовать цѣнности, также занимаются очень почтенною дѣятельностью, если послѣдняя не выходитъ за рамки дѣятельности арбитровъ продающихся цѣнностей. Но въ современной жизни дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ не такъ: власть денегъ надъ всѣмъ дѣлаетъ то, что и человѣческій трудъ становится цѣнностью, которой, какъ и всякой другой, спекулируютъ на биржѣ.

Съ другой стороны, если деньги даютъ власть въ современномъ обществѣ, то люди пользуются различными вліяніями, которыя по существу своему не должны имѣть ничего общаго съ денежнымъ вопросомъ, для того чтобы добыть себѣ денегъ, чтобы добиться матеріальныхъ благъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что измѣненіе нравовъ въ области промышленной, хозяйственной жизни имѣетъ своимъ откликомъ измѣненіе нравовъ въ сферѣ умственной и нравственной жизни человѣка; въ свою очередь, измѣнившіеся нравы въ сферѣ интеллектуальной оказываютъ вліяніе на нравы хозяйственной жизни.

Конечно, у Пеги мы не найдемъ всесторонняго изученія вопросовъ, связанныхъ съ проблемами любви къ труду и власти денегъ; [1]) онъ пророкъ и моралистъ, на экономическую необходимость, на нашу человѣческую необходимость, которой мы готовы многое оправдать, онъ не всегда смотритъ нашими глазами; онъ бичуетъ однихъ, врачуетъ другихъ и, видя во многомъ волю рока, все же не хочетъ мириться съ обстоятельствами, возстаетъ противъ нихъ.

Мы посвятили нашу статью почти одной только проблемѣ, одной сторонѣ міросозерцанія Пеги, именно мистическому, религіозному тол-

---

[1]) Какъ по своей конструкціи, такъ и по методу изложенія, сочиненія Пеги далеки отъ характера научныхъ трудовъ; это произведенія публициста, полемиста, моралиста; высказываемыя положенія не всегда доказываются; стиль въ нихъ особенный: онъ полонъ повтореній. Можетъ случиться, что читателю, которому впервые попадется какое-либо изъ сочиненій Пеги, нужно будетъ кой-что преодолѣть въ себѣ, чтобы внимательно слѣдить за мыслями Пеги; но зато, когда читатель освоится съ манерой писателя, онъ увидитъ, что между строками сквозитъ философъ, настоящій философъ. И историкъ, и философъ, и всякій любящій думать читатель найдетъ у Пеги много интересныхъ мыслей. Про Пеги говорили полушутя, полусерьезно, что онъ изъ лавочки, помѣщающейся въ домѣ № 8 rue de la Sorbonne (контора „Cahiers de la Quinzaine) конкурируетъ съ Сорбонной (Пеги прибавилъ бы: съ новой Сорбонной, а не со старой).

кованію общественности; мы совсѣмъ не коснулись религіозной мистики Пеги въ собственномъ смыслѣ этого слова, которой посвящены его поэтическія произведенія.

Сейчасъ же мы хотимъ вернуться къ вопросу, поставленному нами въ началѣ статьи. Пеги претерпѣлъ эволюцію въ теченіе своей не очень долгой, но полной бурь и тревогъ литературной дѣятельности: онъ разочаровался отчасти въ однихъ идеалахъ и перешелъ къ другимъ. Но нѣтъ ли чего-нибудь, что красной нитью проходитъ черезъ всю его литературную дѣятельность? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что Пеги всегда уважалъ всякую искреннюю мысль, что онъ болѣе всего цѣнилъ свободу искренней мысли; онъ не оплевывалъ чужихъ боговъ и своихъ боговъ не сжигалъ, а идоловъ оставленныхъ онъ продолжалъ хранить въ глубинѣ своего сердца.

Другъ Пеги, Daniel Halévy прекрасно выразилъ эту мысль въ слѣдующихъ страницахъ своего сочиненія о Пеги. [1])

„Революціонеръ ли онъ, христіанинъ ли онъ, онъ слышитъ голосъ все той же женщины, все той же святой. [2]) Будучи женщиной, она имѣетъ въ себѣ элементы святости; будучи святой, она все же остается женщиной. Благодать ее сопровождаетъ повсюду. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, гласитъ народная поговорка. Эта поговорка намъ вполнѣ объясняетъ работу, дѣло Пеги.

„Тайна, которая его влечетъ, христіанская; но какого христіанства? Его христіанство не протестантское: для него существуетъ множество святыхъ и ангеловъ; оно не модернистское: все чудесное дѣйствительно; оно католическое; это ревностный католицизмъ, но не клерикальный: его крестьяне не интересуются кюре, а только одна монахиня, которая проходитъ по сценѣ, олицетворяетъ всѣ учрежденія церкви. Это молодой католицизмъ и, какъ вѣрно замѣтилъ такой компетентный цѣнитель, какъ Морисъ Барресъ, это католицизмъ, „который таитъ въ себѣ большія опасности“; это католицизмъ временъ до Возрожденія и Реформаціи, изъ которыхъ Возрожденіе оспаривало у католицизма искусство, а Реформація свободную духовность. Всѣ чувства, выраженныя Пеги, не идутъ противъ правовѣрнаго католицизма, тождественны съ нимъ, но эта тождественность не навязанная. Эти чувства идутъ изъ глубины народнаго сердца, они недѣланныя, какъ недѣланно то, что выходитъ изъ устъ народа. Мы имѣемъ передъ собой не построенную искусственно ученымъ, но вновь созданную вдохновеніемъ поэта религію народа, который далъ Церкви больше, чѣмъ взялъ отъ нея,

---

[1]) „Quelques nouveaux maîtres“ (Les cahiers du centre 1914). Paris, Figuière.

[2]) Halévy имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду два поэтическихъ произведенія, которыя оба посвящены Jeanne d'Arc и изъ которыхъ одно написано до, а второе послѣ религіознаго перелома Пеги.

который далъ Церкви свой порывъ. Церковь родилась на поляхъ,—говоритъ Барресъ,—согласно Пеги, народъ рождаетъ Церковь, Церковь выходитъ изъ народа.

„Поэтому въ этомъ столь религіозномъ произведеніи нѣтъ ни слѣда ханжества, каждое слово въ немъ дышитъ свободой. Напрашивается поневолѣ сравненіе съ францисканской поэзіей: поэзія Пеги похожа на послѣднюю, хотя она вдохновлена другимъ народомъ. Когда крестьяне Умбріи слушаютъ св. Франциска, они оставляютъ орудія работы и даютъ обѣтъ никогда не вооружаться. Наоборотъ, если французскіе крестьяне, слушая Жанну, оставляютъ орудія работы, то они дѣлаютъ это для того, чтобы вооружаться. Святыя, которыхъ воспѣваетъ Пеги, человѣчны и трудолюбивы. Сперва это Жанна, затѣмъ Женевьева, покровительница Парижа, которая спасаетъ свой родной городъ и доставляетъ ему хлѣбъ. Шарль Пеги въ живыхъ и свѣжихъ краскахъ рисуетъ намъ природный героизмъ своей расы. Этотъ героизмъ, если къ нему прививаютъ христіанское растеніе, даетъ христіанскіе плоды. Если къ нему прививаютъ другое растеніе, то онъ даетъ плоды, другіе по формѣ и по вкусу, но не по существу. Тотъ же Пеги, авторъ „Mystère de la Charité“ является въ то же время послѣднимъ французскимъ писателемъ, который посмѣлъ и сумѣлъ воспѣть солдатъ революціи.

„Недостойно забывать“—такъ думаетъ Пеги. Будучи революціонеромъ, онъ никогда не бросилъ камня въ вѣрующаго христіанина. Будучи христіаниномъ, онъ никогда не бросилъ камня въ человѣка, который съ достоинствомъ живетъ внѣ Церкви и внѣ обрядности. Пеги не измѣняетъ ни въ чемъ своей старой любви къ человѣчески трудолюбивой жизни, жизни ясной и чистой, жизни правильной въ трудолюбіи; онъ ни въ чемъ не измѣняетъ своей прежней любви къ наукѣ; если онъ на что нападаетъ, то на отсутствіе скромности у ученыхъ. Онъ разрабатываетъ, углубляетъ *мистику спасенія;* но онъ не перестаетъ и интересоваться *мистикой общественности*, не клевещетъ на нее. Michelet, который является нечестивымъ для Claudel'я, остается старшимъ товарищемъ, если не учителемъ, для Пеги“ (p. 129—132).

Г. Селиберъ.

БИБЛІОТЕКА Лаборатоpіи Юридическаго Собранія.

Памяти Михаила Юльевича Гольдштейна

(1853—1905 гг.).

Десять лѣтъ назадъ, 18 октября 1905 г., трагически погибъ въ Архангельскѣ Мих. Юл. Гольдштейнъ, бывшій приватъ-доцентъ петроградскаго университета. Въ теченіе ряда лѣтъ я близко зналъ его, и мнѣ хочется, насколько смогу, возстановить въ памяти характерныя черты этого на рѣдкость даровитаго человѣка. [1])

Обстоятельства, при которыхъ произошло (въ 1877 г.) мое знакомство и сближеніе съ М. Ю., настолько важны для его характеристики, что я долженъ кое-что сказать о нихъ.

М. Ю. въ это время занимался при лабораторіи Александра Порфирьевича Бородина (проф. химіи въ Медико-хирургической академіи и извѣстнаго композитора), готовясь къ предстоящему докторскому экзамену въ Іенскомъ университетѣ; медицину онъ уже промѣнялъ на химію, но еще числился тогда студентомъ V курса. Осенью 1877 г. я случайно попалъ въ академію на студенческую спѣвку, которой съ большимъ подъемомъ руководилъ А. П. Бородинъ. Проходя мимо ассистентской лабораторіи, я увидѣлъ изъ коридора профиль черной фигуры, державшей какой-то приборъ и внимательно разсматривавшей что-то близорукими глазами. Знакомый, съ которымъ я шелъ, шепнулъ мнѣ, что вотъ это Гольдштейнъ (а о немъ я кое-что уже слышалъ раньше). Меня неодолимо потянуло въ ассистентскую, къ этой небольшой черной фигурѣ; я вошелъ и заговорилъ. И вотъ гдѣ я встрѣтилъ пріемъ, котораго никакъ не ожидалъ и который послужилъ могучимъ толчкомъ во всей моей дальнѣйшей жизни. Съ необыкновеннымъ вниманіемъ, смотря на меня въ упоръ и съ пріоткрытымъ ртомъ, выслушивалъ М. Ю. мои „изліянія“, касавшіяся неудачныхъ попытокъ попасть въ химическую лабораторію, куда меня влекло послѣ многолѣтнихъ домашнихъ занятій.

---

[1]) Краткія свѣдѣнія о немъ и его печатныхъ трудахъ можно найти въ „Новомъ энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрова, т. XIV.

Удивленію и восторгу моему не было границъ, когда онъ, наконецъ, сказалъ: „Нѣтъ ничего проще, я сегодня же скажу объ этомъ Александру Порфирьевичу, и вы будете въ лабораторіи“. И это было буквально выполнено. Дня черезъ два или три мнѣ было дано по распоряженію А. П. хорошее мѣсто въ студенческой лабораторіи со всѣмъ необходимымъ наборомъ для занятій качественнымъ анализомъ.

Послѣ этого я сталъ бывать у М. Ю., который жилъ тогда съ женою въ маленькой комнатѣ надъ воротами дома, очень похожей на желѣзно-дорожный вагонъ (такъ она и была прозвана). Нескончаемые разговоры вращались преимущественно около химическихъ и общенаучныхъ вопросовъ, но нерѣдко свертывали и въ сторону моихъ юношескихъ признаній (я былъ двумя годами моложе М. Ю.) о моихъ прошлыхъ занятіяхъ любимымъ предметомъ и связанныхъ съ ними душевныхъ переживаніяхъ. Послѣднія, надо замѣтить, очень усложнялись продолжительной болѣзнью, тяжело отразившейся на моей нервной системѣ. Съ рѣдкимъ вниманіемъ и тактомъ задавая мнѣ вопросы, М. Ю. скоро сумѣлъ влить бодрость и надежду въ душу чуждаго ему юноши. Въ неоплатномъ долгу остался я у него, столь рано отнятаго у жизни!...

Эта его черта—быстро привлекать къ себѣ своимъ умственнымъ превосходствомъ и поразительно разностороннею талантливостью—потомъ все болѣе и болѣе раскрывалась предо мною. Мы особенно сблизились съ М. Ю. нѣсколько лѣтъ спустя послѣ встрѣчи, когда ему удалось заполучить нѣкоторую сумму денегъ на устройство собственной маленькой домашней лабораторіи (которая была оборудована всѣмъ необходимымъ). Сколько мечтаній и надеждъ было у него связано съ этой лабораторіей! Сколько интересныхъ темъ для разработки было намѣчено!

Тутъ я подхожу къ центральной части своихъ воспоминаній. Нѣтъ, конечно, возможности припомнить неисчислимыхъ мимолетно высказывавшихся имъ мыслей по поводу текущихъ химическихъ темъ, затрогивавшихся въ научныхъ журналахъ и на засѣданіяхъ Химическаго общества. Перефразируя извѣстныя слова одного нѣмецкаго химика про другого, здѣсь можно было бы сказать: „Стóитъ поговорить съ Г. полчаса, и будешь имѣть работы на полгода“. Но у меня навсегда остались въ памяти нѣкоторыя его соображенія по части основныхъ понятій и опредѣленій химіи и два его „предвидѣнія“, глубоко хватающія въ корень физико-химическихъ вопросовъ.

Живо чувствуя неудовлетворительность нѣкоторыхъ основныхъ опредѣленій химіи и ставя себѣ образцомъ точность математическихъ формулировокъ (хотя М. Ю. и не прошелъ математической школы, но по складу ума онъ тяготѣлъ къ математикѣ, которой впослѣдствіи и сталъ усердно заниматься), М. Ю. настойчиво критиковалъ эти опредѣленія,

въ особенности закрѣпленныя давностью выраженія законовъ *постоянства состава* и *кратныхъ отношеній*. Для того времени это было большой смѣлостью. Возьмемъ за образецъ формулировку перваго въ „Основахъ химіи“ Менделѣева (4-е изд. 1881 г., стр. 27). „Какое бы мы ни получали опредѣленное химическое соединеніе, всегда въ немъ вѣсовое отношеніе частей будетъ постоянное“. Но такая формулировка примѣнима буквально и ко всякой „опредѣленной“ смѣси, т.-е. къ смѣси съ такими, а не иными физическими признаками. Что значитъ, напримѣръ, взять опредѣленную смѣсь воды и спирта? Это значитъ взять такую смѣсь жидкостей, которая имѣетъ опредѣленный уд. вѣсъ, опредѣленный коэфиціентъ расширенія, опредѣленную теплоемкость и т. д. Но всякій согласится, что для этого надо смѣшать воду и спиртъ не въ какомъ попало отношеніи, а въ нѣкоторомъ вполнѣ опредѣленномъ. Желая получить другой разъ *ту же* смѣсь, надо будетъ смѣшать жидкости въ *томъ же* вѣсовомъ отношеніи. Такимъ образомъ, всякая „опредѣленная“ смѣсь, т.-е. смѣсь съ данными физическими признаками, должна имѣть одинъ и тотъ же, т.-е. постоянный составъ, не иначе.

Законъ кратныхъ отношеній на стр. 128—129 „Основъ“ выраженъ слѣдующимъ образомъ: „Если два тѣла соединяются между собою въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ пропорціяхъ, то на данное количество одной составной части, во всѣхъ соединеніяхъ, будутъ заключаться такія количества другой составной части, которыя находятся между собою въ простомъ кратномъ отношеніи, т.-е. будутъ выражаться соизмѣримыми числами“ (см. также стр. 1076 того же изданія). Но вѣдь „простота“ отношеній и ихъ „соизмѣримость“, конечно, не одно и то же (соизмѣримы, можно сказать, всякія два цѣлыхъ числа, какъ бы велики они ни были, наприм., 1000000 и 1000001). Кромѣ того (и на это именно налегалъ М. Ю.), самая „простота“ наблюдается далеко не во всѣхъ извѣстныхъ химіи соединеніяхъ. Если взять, наприм., нѣкоторые ряды углеводородовъ, то отъ простоты отношеній исчезнетъ всякій слѣдъ. Наприм., въ гексанѣ C_6H_{14} и трифенилметанѣ $C_{19}H_{16}$ вѣс. количества водорода, разсчитанныя на одно и то же количество углерода, относятся какъ 133 : 48, и такихъ примѣровъ множество. [1]) Идя дальше, М. Ю., будучи, кстати сказать, въ то время рѣшительнымъ противникомъ атомистическаго ученія о строеніи вещества, склоненъ былъ даже

---

[1]) Несмотря на это, лишь позже стали встрѣчаться слабыя попытки критическаго отношенія къ формулировкѣ закона. Въ 6 изданіи „Основъ“, 1895 г. (относительно 5-го ничего не могу сказать), уже сдѣлана уступка въ этомъ смыслѣ (а формулировка закона постоянства состава, данная въ 4 изданіи, кстати сказать, опущена). Джемсъ Вокеръ, проф. Эдинбургскаго университета, въ своемъ „Введеніи въ физическую химію“ (стр. 10 русскаго изданія, 1915 г.) пишетъ, что „въ настоящее время мы едва ли можемъ говорить о существованіи закона простыхъ кратныхъ отношеній“.

отрицать важное значеніе закона Дальтона въ химіи. Но здѣсь, конечно, нельзя не видѣть его увлеченія въ противоположную крайность. Вѣдь и „простота законовъ Кеплера только кажущаяся; это не мѣшаетъ имъ съ значительною степенью точности быть примѣнимыми ко всѣмъ системамъ, подобнымъ солнечной, но это лишаетъ ихъ строгой вѣрности". (А. Пуанкаре: „Наука и гипотеза", перев. съ предисловіемъ Н. А. Умова. М., 1904 г., стр. 166).

Изъ числа „предвидѣній" М. Ю. мнѣ живо вспоминаются слѣдующія два, изъ которыхъ одно стало на твердую почву еще при его жизни.

Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, уже занимаясь въ собственной лабораторіи, М. Ю. съ полною увѣренностью высказывалъ мысль, что „состояніе растворенныхъ веществъ въ сильно разбавленныхъ растворахъ должно быть сходно съ газовымъ, и къ нему должны быть примѣнимы законы газовъ". Въ этомъ направленіи онъ даже налаживалъ нѣкоторые опыты. Это было за нѣсколько лѣтъ до 1885 г., въ концѣ котораго было впервые сдѣлано извѣстное сообщеніе о растворахъ Вантъ-Гоффомъ въ Шведской академіи наукъ.

Приблизительно въ то же время во многихъ разговорахъ М. Ю., развивая мысль о возможной измѣняемости химическихъ индивидуумовъ-элементовъ, высказывался въ томъ смыслѣ, что около многихъ изъ извѣстныхъ намъ элементовъ должны группироваться нѣсколько очень близкихъ имъ по свойствамъ, близкихъ настолько, что мы ихъ не умѣемъ отдѣлить и поэтому имѣемъ дѣло, такъ сказать, съ нѣкоторымъ „среднимъ" элементомъ; точно такъ же мы знаемъ лишь нѣкоторые „средніе" атомные вѣса. Это опять было высказано за нѣсколько лѣтъ до замѣчательнаго сообщенія В. Крукса „О происхожденіи химическихъ элементовъ" на 56 съѣздѣ Британской ассоціаціи (1886 г.). Извѣстно, какую близкую къ этому форму приняло въ новѣйшее время ученіе о „плеядахъ"—группахъ, открытыхъ лишь благодаря неизвѣстнымъ дотолѣ радіоактивнымъ явленіямъ.

Живи М. Ю. теперь, какой неистощимый матеріалъ доставилъ бы его теоретическому уму рядъ поразительныхъ открытій послѣдняго времени! И нѣтъ сомнѣнія, что его отношеніе къ атомистикѣ стало бы инымъ.

М. Ю. много лѣтъ подъ-рядъ преподавалъ физику въ нѣсколькихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (въ гимназіяхъ Гуревича, Стоюниной, кн. Оболенской, Смольномъ институтѣ) и химію на Педагогическихъ женскихъ и на Рождественскихъ курсахъ. Надо сказать, что, витая мыслью въ теоретическихъ вопросахъ химіи, онъ неохотно отдавалъ время школьной работѣ, считая ее горькою необходимостью. Велъ онъ уроки неровно, пропускалъ ихъ безбожно и способенъ былъ въ короткое время привести въ безпорядокъ хорошую коллекцію физическихъ

приборовъ... Но талантливость его сказывалась и на урокахъ. Нѣкоторыя части курса теоретическаго характера, въ особенности подбодряемый удачнымъ составомъ класса, онъ проводилъ съ необыкновеннымъ интересомъ и подъемомъ, оставляя въ учащихся (какъ я не разъ отъ нихъ слышалъ) неизгладимое впечатлѣніе. Личныя его отношенія къ ученикамъ и ученицамъ были всегда хороши.

Особенно увлекался М. Ю. нѣкоторыми частными занятіями со взрослыми, искавшими серьезныхъ знаній; здѣсь онъ встрѣчалъ бо̀льшій просторъ примѣненію своихъ способностей связывать, обобщать и предвидѣть явленія.

Принимая по временамъ дѣятельное участіе въ собраніяхъ отдѣла физики при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, М. Ю. вносилъ въ свои сообщенія много оригинальнаго, свѣжаго, смѣло критикуя все заѣзженное, рутинное, и всегда мастерски умѣлъ отстаивать свои взгляды (которые иногда могли казаться парадоксальными), когда они встрѣчали возраженія со стороны приверженцевъ принципа „такъ было, такъ будетъ“.

Способности М. Ю. не ограничивались областью точныхъ знаній. Онъ былъ замѣчательнымъ музыкантомъ: очень выразительно игралъ на роялѣ и хорошо могъ справиться чуть не со всякимъ музыкальнымъ инструментомъ (будучи, однако, самоучкой). Музыкальный слухъ у него былъ поразительный. А. П. Бородинъ (въ домѣ котораго М. Ю. былъ своимъ человѣкомъ) сознавался, что иногда избѣгалъ композировать что-либо на роялѣ, если это могъ слышать М. Ю.: „тотчасъ повторитъ и раззвонитъ!“ Труднѣйшія вещи, разъ прослушавъ ихъ, онъ игралъ на память. Никогда не забуду слѣдующей сцены, гдѣ М. Ю. неожиданно для всѣхъ оказался прекраснымъ скрипачомъ. Одно время у него собирались нѣсколько учениковъ консерваторіи для совмѣстнаго музицированія; бывалъ и его братъ Эдуардъ Юльевичъ, уже извѣстный въ то время піанистъ. На собраніи, куда я попалъ, одна скрипичная пьеса задѣла М. Ю. за живое; онъ рѣшительно взялъ скрипку, сказавъ: „Дайте-ка, я попробую“. Съ дѣтскимъ увлеченіемъ, въ какомъ-то полузабытьи, вспотѣвъ и растрепавшись, М. Ю. сыгралъ пьесу такъ, что всѣ застыли отъ изумленія, а братъ подошелъ къ нему, сжалъ его за плечи и съ нескрываемой завистью воскликнулъ: „Эхъ, Миша, если бы у меня была хоть десятая доля твоего таланта!...“

Не чуждъ былъ М. Ю. и живописи (онъ недурно рисовалъ акварелью и масляными красками), и беллетристики (имъ былъ напечатанъ очень живой этюдъ изъ его собственныхъ школьныхъ годовъ, сблизившій его съ литературными кругами).

Въ послѣдніе годы жизни обстоятельства забросили М. Ю., помимо воли, сперва въ Новгородъ, гдѣ онъ скоро сталъ очень замѣтной ве-

личиной въ кружкѣ мѣстной интеллигенціи, а потомъ въ Архангельскъ. Здѣсь, существуя уроками (между прочимъ и музыки), онъ не оставлялъ любимаго предмета и сумѣлъ привлечь средства на устройство химической лабораторіи, въ которой, совмѣстно съ нѣсколькими товарищами по судьбѣ, занимался химико-техническимъ изслѣдованіемъ главнымъ образомъ мѣстныхъ продуктовъ края.

Отчего этотъ талантливый человѣкъ оставилъ по себѣ такъ мало слѣдовъ въ научной литературѣ, отчего „не составилъ себѣ имени" ни на какомъ другомъ поприщѣ? Нѣсколько небольшихъ работъ, напечатанныхъ въ спеціальныхъ журналахъ, магистерская диссертація „Матеріалы по вопросу о поднятіи соляныхъ растворовъ въ капиллярныхъ трубкахъ" (П., 1890 г.) и „Основы философіи химіи", первый выпускъ труда, части котораго были излагаемы авторомъ на лекціяхъ теоретической химіи въ П. университетѣ съ 1891 по 1901 г.,—вотъ кажется и все, если не считать его немногихъ популярно-научныхъ журнальныхъ статей и газетнаго сотрудничества, которому онъ самъ придавалъ исключительно „хлѣбное" значеніе.

На поставленный выше вопросъ отвѣтить трудно. Но вѣдь М. Ю.— далеко не единственный примѣръ людей, которые „не оправдали надеждъ". Такъ какъ я зналъ его довольно близко съ разныхъ сторонъ, то я попытаюсь дать отвѣтъ, насколько самъ понимаю дѣло.

Въ школьные и студенческіе годы М. Ю. испыталъ всю тяжесть большой нищеты (о его дѣтствѣ я слышалъ кое-что отъ него самого; въ послѣдніе годы студенчества большое участіе въ немъ принималъ А. П. Бородинъ). Его еврейская національность, конечно, очень затрудняла ему стать на твердую почву: все доставалось путемъ упорнаго труда и борьбы. Къ этому надо присоединить довольно „неподатливый" характеръ, вообще свойственный людямъ съ богатой индивидуальностью, и всякое отсутствіе „искательства". Наконецъ, М. Ю., охотно дѣлившійся своими мыслями въ кругу близкихъ людей, всегда искавшій и увлекавшій собесѣдниковъ, былъ очень скроменъ и скупъ въ дѣлѣ сообщенія мыслей въ ученыхъ кругахъ (которые недолюбливалъ) или путемъ печати.

Вотъ отрывки изъ одного его письма ко мнѣ (въ январѣ 1899 г.), характеризующіе его настроеніе послѣ отошедшихъ въ прошлое 30 лѣтъ наиболѣе сознательной жизни.

„Мнѣ приходится вести тяжелую борьбу за существованіе, ...а это такъ трудно для человѣка, не умѣющаго добывать средства иначе, какъ трудомъ, и притомъ безъ помощи хамскихъ инструментовъ... Тутъ не то что съ друзьями нѣтъ времени повидаться, тутъ и себя не увидишь никогда. Достаточно сказать, что вотъ уже три мѣсяца, какъ у меня стоитъ рояль, а я игралъ за все время раза два по получасу".

„...становится страшно при мысли, что мы встрѣтимся и скажемъ другъ другу: такъ вотъ для чего мы жили! Для того, чтобы толочь воду въ ступѣ...“

Дальше онъ прибавляетъ, что, встрѣчаясь съ друзьями юности, не можетъ не сопоставлять „того, о чемъ когда-то думалъ, съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ осуществилось. А между тѣмъ и другимъ—цѣлая пропасть“.

Нельзя еще не упомянуть объ одной личной чертѣ (весьма, впрочемъ, обычной въ подобныхъ людяхъ), которая, конечно, тоже немало вредила успѣху М. Ю. въ чемъ бы то ни было: какое-то непостоянство, какая-то порывистость во всемъ, за что бы онъ ни брался... Онъ способенъ былъ вдругъ охладѣвать къ предмету, который его дотолѣ всего захватывалъ. Относясь къ М. Ю. (которому въ дѣлѣ умственнаго воспитанія я вообще многимъ обязанъ) съ горячимъ сочувствіемъ, я не разъ пытался въ разговорѣ выяснить, почему именно онъ бросилъ то или это, почему еще не попробуетъ такъ или этакъ? Въ отвѣтъ на это онъ чаще всего только морщился, усиленно потирая лобъ и глаза... Иногда М. Ю-ча, повидимому, останавливала самая многосложность все разраставшейся задачи—сознаніе, что она требуетъ несравненно бо̀льшихъ экспериментальныхъ средствъ, чѣмъ тѣ, какими онъ располагалъ. Но многое для меня такъ и осталось загадкой... Мнѣ кажется, что онъ былъ изъ тѣхъ людей, главная роль которыхъ „разбрасывать сѣмена“; дальнѣйшая судьба ихъ уже зависитъ отъ почвы, на которую они случайно упадутъ.

Заканчиваю свою замѣтку слѣдующими словами покойнаго Н. А. Умова (изъ его статьи „О значеніи опытныхъ наукъ“ въ № 1 *Научнаго Слова* за 1903 г., стр. 24):

„Людей, которые обладаютъ драгоцѣннымъ свойствомъ открывать неизвѣстное, незамѣтное, немного: это исключительные люди. Исключительные люди представляютъ національное богатство. Проф. Дьюаръ, знаменитый экспериментаторъ въ области сгущенія газовъ и крайнихъ предѣловъ стужи, въ своей президентской рѣчи на собраніи Британской ассоціаціи наукъ въ Бельфастѣ въ сентябрѣ 1902 года указывалъ, какъ на національную обязанность, разыскивать исключительныхъ людей и предоставлять имъ всѣ средства для развитія“.

Не былъ ли М. Ю. однимъ изъ такихъ исключительныхъ людей, очень нуждавшимся въ поддержкѣ, но не нашедшимъ ея во̀-время?

Н. Дрентельнъ.

Религія на войнѣ.

По впечатлѣніямъ.

Судьба послала меня на войну, и, живя уже второй годъ среди военныхъ, я не могъ, конечно, не вникать въ жизнь этой новой для меня среды во всѣхъ ея проявленіяхъ. О многомъ теперь еще не своевременно говорить,—придется отложить до будущаго, можетъ быть, даже отдаленнаго будущаго: вѣдь если ужъ говорить, то говорить настоящую правду, безъ прикрасъ, безъ недомолвокъ.

Весьма интересовало меня проявленіе религіознаго чувства на войнѣ, удовлетвореніе религіозныхъ потребностей среди солдатъ и въ офицерскомъ составѣ.

Религіозенъ ли нашъ солдатъ, нашъ офицеръ? Въ подавляющемъ большинствѣ наше войско—православное; говорить, слѣдовательно, будемъ главнымъ образомъ о культѣ православномъ.

Армія, да еще такая небывало-гигантская армія, какая призвана теперь на фронтъ, есть, конечно, какъ бы самъ народъ, часть народа; поэтому, можетъ быть, излишне трудиться надъ вопросомъ объ ея религіозности, достаточно перенести готовые выводы на этотъ счетъ отъ цѣлаго къ части? Но, во-первыхъ, существуютъ ли и относительно цѣлаго народа выводы непреложные для всѣхъ его частей? Вѣдь столкнулись же именно въ этой области мнѣнія о русскомъ народѣ такихъ сильныхъ и правдолюбивыхъ людей, какъ Гоголь и Бѣлинскій, а вѣдь это было три четверти столѣтія назадъ, въ эпоху болѣе цѣльныхъ, не усложненныхъ переживаній народной массы, когда все было такъ примитивно и монолитно. А, во-вторыхъ, и тезисъ: армія—часть народа, подлежитъ все же ограниченію. Да, это часть народа, но часть квалифицированная—по возрасту и по полу. Народъ можетъ по справедливости слыть очень религіознымъ; но главные устои вѣры могутъ обрѣтаться въ старшемъ поколѣніи его или въ женской его половинѣ, какъ это утверждаютъ о нѣкоторыхъ католическихъ странахъ. Было бы довольно легкомысленно судить о благочестіи того или другого народа, напримѣръ, по его сту-

денческому контингенту. Молодежь—вездѣ молодежь, а въ частности современная далеко не всегда блюдетъ нравы отцовъ.

Я не беру на себя, впрочемъ, вообще никакихъ претензій рѣшать что-либо ни о народѣ, ни о войскахъ въ цѣломъ,—для этого у меня не было достаточно широкаго поля наблюденія: я самъ былъ все время связанъ съ одной опредѣленной частью, и рѣчь можетъ лишь итти объ ограниченномъ кругѣ личныхъ впечатлѣній, на первый взглядъ даже довольно противорѣчивыхъ.

I.

Помню, это было еще въ началѣ войны. Послѣ долгихъ тяжелыхъ переходовъ намъ выпалъ роздыхъ подъ г. А. Въ городѣ и прилегающемъ къ нему дивномъ сосновомъ лѣсу было биткомъ набито всякихъ воинскихъ частей. Стояли теплые солнечные дни; улицы представляли собою муравейникъ; все двигалось, галдѣло, какъ на ярмаркѣ; торговали еще лавки, изъ немногихъ хлѣбопекаренъ съ бою брались булки и калачи... Въ центрѣ городка среди площади—небольшой православный храмъ; двери открыты: служили обѣдню по случаю памяти усѣкновенія главы Іоанна Крестителя 29 августа. Съ какимъ-то особымъ ощущеніемъ вошелъ я въ церковь—въ первый разъ на театрѣ войны, въ такое тяжелое время. Служилъ священникъ съ дьякономъ, пѣлъ какой-то скромный хоръ пѣвчихъ. Было что-то неуловимо-грустное въ этомъ богослуженіи: точно отражалась на немъ злополучная судьба этого города и этого храма, нѣсколько разъ переходившаго изъ рукъ въ руки. Сегодня мы еще здѣсь молимся съ вами, казалось, говорили между молитвенныхъ словъ священнослужители, а завтра—какъ Богъ дастъ! Грустны были и серьезны и фигуры молящихся—исключительно почти военныхъ (въ А. нѣтъ коренного православнаго населенія). Но что меня удивило, такъ это малочисленность ихъ; церковь едва ли была заполнена на треть своей небольшой вмѣстимости. Я выросъ въ русскомъ селѣ и хорошо знаю, что „Иванъ-постный"—большой народный, хотя и траурный, праздникъ, почитаемый почти наравнѣ съ двунадесятыми; во всякомъ случаѣ, больше простого воскресенья. И, можетъ быть, молитва предъ усѣкновеннымъ отъ меча великимъ праведникомъ особенно подходила къ моменту...

Но фактъ остается фактомъ: площадь и улицы полны военнымъ людомъ, а въ храмѣ свободно. Зато могу удостовѣрить, что тѣ, кто былъ, молились усердно: для нихъ это было не формальное привычное посѣщеніе церкви. Какая-то особенная молитвенная покорность видѣлась въ наклоненіи этихъ коротко-стриженыхъ солдатскихъ русскихъ головъ; иные молились на колѣняхъ... Гдѣ они теперь, эти тогдашніе богомоль-

цы, и сколько этихъ милыхъ сѣрыхъ стриженыхъ головъ уцѣлѣло отъ нѣмецкихъ гранатъ?...

Помню другой моментъ. Мы пришли въ деревню днемъ, а утромъ, въ 6 часовъ, назначено было выступленіе. Было извѣстно, что мы наканунѣ боя, перваго еще для нашей части боя. Генералъ, подъ командой котораго мы шли, остановился у мѣстнаго священника, въ этой деревнѣ была тоже православная церковка, совсѣмъ крошечная. Священникъ по усердію своему и, можетъ быть, желая сдѣлать пріятное своему гостю, предложилъ совершить раннюю литургію, такую раннюю, чтобы она за часъ до похода была уже закончена. Предложеніе было съ благодарностью принято и чрезъ командировъ оглашено по стоявшимъ въ деревнѣ и вокругъ нея частямъ.

Меня привлекала необычайность такого ночного богослуженія, я заставилъ себя подняться съ своей походной кровати часа въ 4, когда еще было совершенно темно, и при свѣтѣ электрическаго фонарика по густой грязи почти наугадъ пробрался на площадь къ церкви. Священникъ старательно, безъ помощи дьякона, съ однимъ псаломщикомъ отслужилъ обѣдню, потомъ напутственный молебенъ въ своей утлой церквушкѣ, освѣщенной мерцающимъ мистическимъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей, столь немногихъ что въ заднихъ углахъ ея было совсѣмъ почти темно, и сталъ подпускать къ кресту. Недологъ былъ—увы!—этотъ послѣдній трудъ деревенскаго батюшки: подошелъ поцѣловать св. крестъ генералъ, подошелъ его адъютантъ, который не могъ не быть тамъ, гдѣ присутствуетъ его превосходительство, подошелъ одинъ полковникъ, человѣкъ не только религіозный, но даже суевѣрный, боящійся трехъ свѣчей и тринадцатаго числа, подошелъ еще штабъ-офицеръ, формально вѣрующій и даже у себя дома бывшій церковнымъ старостой, но въ жизни ничѣмъ не проявляющій богобоязненности и даже „совсѣмъ напротивъ“, подошло еще двое-трое офицеровъ и буквально не болѣе десятка солдатиковъ...

Конечно, часъ богослуженія былъ слишкомъ необычный; конечно, солдату надо дать отдыхъ между двумя нелегкими переходами, и нельзя требовать, чтобы человѣкъ средней религіозности, если такъ можно выразиться, принудилъ себя подняться на два часа раньше, простоять эти два часа на ногахъ, а затѣмъ пѣшему итти, можетъ быть, верстъ 20; но вѣдь сила религіознаго чувства, его напряженность не считается съ житейскими удобствами, она именно и заключается въ подъемѣ, въ бореніи духа съ плотью, въ жертвенномъ экстазѣ. И вѣдь это было наканунѣ перваго боя.

Да не подумаетъ никто, что въ моихъ словахъ сокрыта хоть тѣнь осужденія нашимъ воинамъ. И Христовы воины, ближайшіе къ Іисусу апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, не могли побороть сна въ саду Гео-

симанскомъ, когда ихъ Учителю въ ту же ночь предстояло быть взятымъ на страданія и смерть... Здѣсь не осужденіе, а только повѣствованіе дѣйствительности.

II.

Но передо мною проходили и другія картины.

Въ каждой части есть свой годовой праздникъ, если даже и не имѣется своей особой церкви и своего священника. Нашъ праздникъ приходится глубокой осенью. Часть только что пережила самые трудные боевые дни и, усталая, изнуренная походами, остановилась бивуакомъ возлѣ польской деревушки. Начальство думало, чѣмъ бы ознаменовать праздникъ, въ мирное время проводимый съ подобающей торжественностью и даже довольно шумно, но придумать что-нибудь было дѣйствительно трудно: мы стояли въ глуши и благодарили Бога, если былъ обыкновенный черный хлѣбъ и положенный горячій приварокъ: города далеко, да и въ нихъ тогда уже нельзя почти ничего было достать. Единственно возможное при такихъ условіяхъ невещественное ознаменованіе—молебствіе, парадъ. Но и это не совсѣмъ легко было устроить при той невылазной грязи, какая окружала всю деревню. Все-таки выбрали полянку посуше, выстроили нижнихъ чиновъ буквою „п", въ центрѣ поставили столикъ, приглашенный изъ сосѣдняго полка священникъ накрылъ его парчевой скатертью, поставилъ образокъ въ рамѣ, положилъ Евангеліе, крестъ, затеплилъ свѣчку, облачился самъ. Отдѣльной группой стали офицеры. Начался молебенъ.

Никто бы со стороны не сказалъ, что тутъ люди справляютъ свой годовой праздникъ: такъ потертъ и потрепанъ былъ видъ у всѣхъ, и столько наворочено было густой грязи у каждаго на сапогахъ; амуниція пообносилась, головные уборы не одинаковаго образца. И лица у всѣхъ сѣрыя и суровыя, ничего праздничнаго въ ихъ чертахъ...

Священникъ служилъ хорошо, тепло. Это былъ не заурядный полковой батюшка, компанейскій человѣкъ въ закусочной и картежной компаніи, а дѣйствительно человѣкъ христіанскаго подвига. Офицерство въ мирное время его очень недолюбливало: онъ держался какъ-то нервно, порою задирчиво, вмѣшивался, куда его не просили, находилъ, что не слѣдуетъ устраивать танцовальныхъ вечеровъ по субботамъ, хотя канунъ праздника для офицеровъ самое свободное время—не надо назавтра рано вставать,—воевалъ противъ алкоголизма... „Съ нимъ вѣчно бывали какія-нибудь непріятныя исторіи, — разсказывалъ мнѣ одинъ добродушнѣйшій капитанъ того полка,—и мы ужъ думали, неужели намъ и на войну придется брать этого несноснаго батьку? Но, представьте,—продолжалъ капитанъ,—на войнѣ онъ сразу точно переродился: какая-то примиренность въ немъ теперь, ни къ кому не придирается, охотно

участвуетъ въ нашихъ бесѣдахъ и даже не отказывается отъ коньяку, хотя только чуть пригубитъ. Мы всѣ его страшно полюбили. а ужъ о солдатахъ и говорить нечего: молились бы на него, да ужъ больно онъ свой человѣкъ, простой. Вы ужъ знаете, конечно, что онъ во всѣхъ бояхъ идетъ на поле сраженія—не только причащать раненыхъ, но и подбирать ихъ, перевязывать и уносить вмѣстѣ съ санитарами. Удивительно долго хранила его судьба, но вотъ раненъ-таки и два раза даже, хотя, слава Богу, не опасно. Въ первый разъ онъ стоялъ, наклонившись надъ тяжело раненымъ, и вдругъ почувствовалъ боль, упалъ, думали, что кости бедряныя переломаны, но нѣтъ ничего, всталъ и не только добрался самъ до перевязочнаго пункта, но еще успѣлъ до этого причастить одного. Когда приплелся къ пункту, держась рукою ниже спины, солдаты, бывшіе тамъ, переполошились:

— Батюшка, что съ вами? Вы ранены?

— Раненъ, братцы, раненъ...

— Куда ранены-то?

— А вотъ куда, братцы, вотъ куда.

Солдаты, несмотря на искреннее соболѣзнованіе, не могли удержаться отъ смѣха: больно ужъ просто, по-русски назвалъ онъ свою раненую часть тѣла (пуля пробила ему навылетъ обѣ ягодицы)...“

Вылѣчившись отъ этой раны, онъ снова принялся за свое дѣло и второй разъ былъ раненъ въ лобъ, но пуля какъ-то счастливо для него скользнула, а то ударъ былъ бы, конечно, смертельнымъ. И теперь еще служитъ на поляхъ брани этотъ воистину пастырь добрый,—душу свою полагающій за овцы.

Вотъ онъ-то и правилъ молебенъ у насъ на праздникѣ. Въ зеленой ризѣ на всегдашнемъ его верблюжьемъ подрясникѣ, подпоясанномъ кожанымъ поясомъ, — вспоминается евангельское описаніе одежды Предтечи: поясъ кожаный поверхъ верблюжьей шкуры,—и черная шапочка-скуфейка на головѣ, изъ-подъ которой выбивались мочальнаго цвѣта пряди волосъ; такая же желтоватая борода и удивительно стильный, даже красивый профиль лица. Обратившись къ выстроеннымъ рядамъ, онъ сперва говорилъ поученіе. Праздникъ былъ „богородичный“, и онъ, связывая его съ войною, вспоминаетъ извѣстный историческій эпизодъ изъ борьбы Руси съ татарами, когда принесена была изъ Москвы къ полямъ сраженія чудотворная икона Божіей Матери. Рѣчь простая, нелитературная; даже вмѣсто „Тохтамышъ“ слышится „Тохматышъ“, и это не случайная оговорка, потому что ошибка въ имени повторяется нѣсколько разъ, но важно ли это? И не рѣчь тутъ важна и убѣдительна, убѣдителенъ самъ говорившій, самъ этотъ „Тохматышъ“, какъ я про себя его окрестилъ.

Не легко угадать степень религіознаго усердія, когда солдатъ даже

и молится въ строю, по наряду, но можно было всетаки замѣтить, что между незатѣйливымъ ораторомъ и слушателями есть какія-то незримыя нити, связывавшія ихъ въ одно цѣлое, хотя священникъ и былъ чужой, чужого полка. И потомъ за молебномъ солдаты молились и стоя, и „преклоньша колѣна“ на сырую землю, чтобы не сказать— прямо въ грязь...

Но особенный порывъ, особое какое-то дуновеніе сердечнаго, не офиціальнаго, не строевого благочестія прошло по всей командѣ, когда священникъ, принявъ отъ нашего писаря бумажку, сталъ поминать за эктеніею рабовъ Божіихъ новопреставленныхъ воиновъ Алексія, Евѳимія, Андрея... на брани животъ свой положившихъ... Это былъ списокъ первыхъ нашихъ убитыхъ, которые были еще на-дняхъ среди товарищей, шутили, обѣдали вмѣстѣ, закуривали отъ одного огонька.

„...Вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами. И внезапу найде на мя страшный часъ смертный...“

Всѣ въ рядахъ вдругъ закрестились часто-часто; по застывшимъ лицамъ пробѣжало что-то теплое, трогательно-братское. Если бы смерть за родину не была сама по себѣ святою, казалось, одного этого движенія простыхъ лицъ и сердецъ было довольно для того, чтобы Петръ-апостолъ трепетной десницей тотчасъ же отомкнулъ райскія двери предъ новопреставленными и Господь Богъ отпустилъ имъ всякія прегрѣшенія, вольныя и невольныя.

III.

Никогда не забуду я и еще одной картины, потрясшей меня буквально до слезъ. Въ центрѣ ея былъ опять тотъ же самый священникъ, тотъ же милый „Тохматышъ“. Но онъ былъ теперь верхомъ на конѣ, точно Пересвѣтъ или Ослябя, только вмѣсто меча держалъ поблескивающій золоченый крестъ въ рукѣ. Позади него на лошади же верхомъ стоялъ его дьячокъ-солдатъ. Это было возлѣ деревни, изъ которой полкъ, рота за ротой, выступалъ на позиціи, въ окопы, гдѣ завязывался страшный бой. Каждую роту священникъ встрѣчалъ широкимъ осѣненіемъ креста и пропускалъ мимо себя, крестя все время, пока она проходила, потомъ засовывалъ крестъ за пазуху своего верблюжьяго подрясника и ждалъ слѣдующей роты. Черезъ нѣсколько минутъ подоспѣвала другая рота, священникъ доставалъ изъ-за пазухи крестъ и встрѣчалъ новыхъ солдатъ тѣмъ же. Далѣе, чрезъ интервалы, шла слѣдующая рота, за нею еще и еще слѣдующая. Попъ неустанно благословлялъ, что-то отрывочно говорилъ, выкрикивалъ шедшимъ, солдаты на-ходу быстро снимали шапки, быстро бросали взглядъ на св. крестъ, на батюшку и быстро крестились... О, здѣсь уже можно было

смѣло поручиться, что это не былъ только обрядовый жестъ! Завтра, можетъ быть, еще сегодня къ вечеру, предстояло принять смертельный бой съ безпощаднымъ противникомъ, и крестное благословеніе тутъ казалось единственнымъ, съ чѣмъ связана еще надежда. Издали я не столько видѣлъ, сколько угадывалъ выраженіе этихъ кроткихъ, покорныхъ и любящихъ глазъ, на нѣсколько секундъ обращенныхъ ко кресту и къ скорбному, но ободряющему лицу любимаго пастыря.

Но что это? Одинъ солдатъ оторвался отъ шеренги, подбѣжалъ мгновенно къ стремени священника и протянулся весь вверхъ; священникъ такъ же поспѣшно, угадавъ его движеніе, подалъ ему крестъ для поцѣлуя, и тотъ, приложившись къ нему, стремглавъ бросился снова на свое мѣсто. Немного спустя изъ слѣдующихъ рядовъ выскочилъ другой и также бросился въ сторону къ священнику. Черезъ минуту третій, четвертый, наконецъ, экстазъ передается на десятки, на всѣхъ. Крестоноснаго всадника облѣпляетъ кучка, потомъ толпа, и онъ едва успѣваетъ давать каждому поцѣловать крестъ. Издали казалось, точно эти спѣшащіе люди тянулись не только къ кресту, но и къ рукѣ, къ поламъ его одежды... Не всѣмъ удавалось сдѣлать то, что они хотѣли, такъ проворно, какъ это вышло у перваго, у второго: одинъ уронилъ въ суетѣ шапку, у другого разсыпалось что-то по землѣ, видимо, изъ сумки, и онъ, нагнувшись, подбиралъ оброненныя вещи, рискуя быть сшибленнымъ все подбѣгавшими новыми людьми. Не легко было, не нарушая въ конецъ марша, продѣлать все это въ толпѣ и занять опять свое мѣсто въ строю,—порядокъ, конечно, немного страдалъ,—но какой это былъ даже вчужѣ захватывающій моментъ! Пожилой, съ выдержанными нервами мужчина, я стоялъ, прислонясь къ забору ближайшей хаты, и рыданья, непреоборимыя рыданья душили мнѣ горло!... Вотъ это—настоящій, не театральный, не оперный паѳосъ, паѳосъ жизни, на который, пожалуй, трудно сочинить музыку, сидя въ кабинетѣ!

IV.

Но и музыка связана съ однимъ торжественнымъ моментомъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Это было послѣ упорнаго лѣсного боя. Высокія сосны во многихъ мѣстахъ были расщеплены, въ другихъ пронизаны пулями, ободраны гранатными осколками; въ красивомъ лѣсномъ озерѣ, на высокомъ берегу котораго лѣпилась польская деревушка, уснула вся рыба,—такъ силенъ былъ грохотъ орудій, продолжавшійся цѣлый день; по дорогѣ тянулись въ тыловые пункты раненые—въ одиночку, попарно, группами—съ забинтованными головами, руками, иногда даже ногами; тяжело раненыхъ везли на обывательскихъ телѣгахъ. Ближайшія придорожныя деревни были къ ночи переполнены ранеными.

размѣщенными и въ летучихъ лазаретахъ, и просто по хатамъ. Въ хатѣ, гдѣ я ночевалъ эту ночь, было 18 человѣкъ раненыхъ на полу, на соломѣ, и меня, тогда еще новичка на войнѣ, поразило, что никто изъ нихъ не жаловался на боль, не охалъ, не стоналъ; одинъ только чуть слышно иногда какъ-то будто кряхтѣлъ, видимо, сдерживаясь и стыдясь своей слабости, но совершенно уже не въ силахъ будучи преодолѣть адской боли. Рано утромъ я вышелъ со двора и тутъ же черезъ улицу на пустырѣ увидѣлъ могилу, возлѣ которой прямо на землѣ лежалъ бокомъ, скрючившись, трупъ, накрытый солдатской старой и грязной шинелишкой. Грустенъ и жалокъ былъ его видъ: худое, темное, морщинистое лицо, бритыя когда-то щеки, неподвижно торчащіе жесткіе, мертвые усы какого-то бураго цвѣта и эта смиренно свернувшаяся фигура, точно и на землѣ-то онъ стѣснялся занять много мѣста и прикорнулъ тутъ скромно, на краю ямы. Но яма была просторная, большая, такъ что я подивился даже тогда усердію товарищей-могильщиковъ.

Отлучившись куда-то, я черезъ полчаса снова подошелъ къ этому мѣсту. Какъ и въ первый разъ, тутъ стояло человѣка три-четыре солдатиковъ, но покойника уже не было. Я заглянулъ въ глубину могилы: онъ лежалъ тамъ, немного расправленный, навзничь, прикрытый уже съ головою, но почему-то не посрединѣ, а подъ самой стѣнкой.

— Почему же его не закапываютъ, — спросилъ я у стоявшихъ, — батюшку, что ли, ожидаютъ?

— Нѣтъ, ваше скородіе, священника-то тутъ нѣту, а ждемъ другихъ, могилка-то не на одного вырыта.

— А... стало быть, есть еще умершіе отъ ранъ?

— Никакъ нѣтъ, покамѣстъ нѣту, но, между прочимъ, навѣрно будутъ, многіе маятся по деревнѣ-то.

Я понялъ... Такъ вотъ она—грань между жизнью и смертью: онъ, мертвый, уже окоченѣвшій, лежитъ у стѣнъ ямы, а они тамъ—еще живые, можетъ быть, въ полномъ сознаніи, но раскрытая сѣрая яма и ея первый жилецъ уже настойчиво ждутъ ихъ. Вы еще на теплой соломѣ или на лазаретномъ матрацѣ, согрѣтомъ теплотою вашего живого тѣла, но холодное ложе на днѣ могилы уже готово для васъ, и сосѣдъ вашъ, недвижимый, васъ ожидаетъ...

Фигура и лицо этого отстрадавшаго страдальца надолго врѣзались въ мою память, и каждый разъ, когда я размышлялъ послѣ объ европейскомъ катаклизмѣ, я вспоминалъ и эту незарытую яму и на краю ея смиренно, въ униженіи лежащее тѣло невѣдомаго бѣднаго сына народа, оторваннаго отъ сохи, отъ дома, отъ семьи и на далекой, чужой сторонѣ „безъ церковнаго пѣнья, безъ ладана“, даже безъ гроба, а просто на сырой землицѣ ожидающаго, когда его вмѣстѣ съ такими же бѣдняками забросаютъ комьями глины и грязи...

Скоро насъ потребовали впередъ, ближе къ позиціямъ, и мы стали на дорогѣ въ лѣсу въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Былъ солнечный, хотя и прохладный осенній день. Я слѣзъ съ лошади и переминался на мѣстѣ, иногда подходя къ той или другой группѣ нашихъ солдатъ. Томительная неопредѣленность. Томительное ожиданіе.

Вдругъ—не греза ли это?—музыка... Величавые торжественные звуки доносятся откуда-то изъ лѣсу. Оркестръ. „Коль славенъ". Не понимая еще, въ чемъ дѣло, я сорвался съ мѣста, пошелъ, почти побѣжалъ по направленію раздававшихся звуковъ, боялся, что они смолкнутъ, какъ я дойду. Но они не умолкали и становились все красивѣе, все полнѣе по мѣрѣ моего приближенія. И вотъ, наконецъ, среди высокаго лѣса возлѣ дороги видны люди: солдаты въ строю, музыканты, а впереди что-то дѣлаютъ, какая-то идетъ работа. Оказалось, что тутъ закапывали большую братскую могилу въ 60 человѣкъ убитыхъ наканунѣ нашихъ воиновъ. Рядомъ была другая, уже засыпанная такая же могила, а подальше, въ сторонѣ, третья, гдѣ зарыты германскіе убитые; на обѣихъ водружены были деревянные кресты.

Оркестръ все время съ небольшими лишь паузами игралъ медленнымъ темпомъ все ту же грустно-торжественную пѣснь, если можно тутъ употребить неподходящее слово „игра". Кучкой сбоку стояло начальство: генералъ, полковники, офицеры, съ серьезными лицами. Надъ могилой толпились солдаты; тѣ, на кого хватало лопатъ, торопливо загребали песчаный грунтъ и забрасывали широкую яму...

А это кто? Никакъ и онъ среди нихъ—Лихолѣтовъ, нашъ ветеринарный фельдшеръ?... Да какъ махаетъ лопатой, какую полновѣсную пирамидку забираетъ на нее! Лицо въ поту, ноги чуть не по колѣни въ песокъ ушли отъ упора... Какъ онъ попалъ сюда? Потребовать его по наряду не могли, вѣдь онъ квалифицированный чинъ. Да и хоронятъ не нашей части людей... Эхъ, какъ старается-то!—не вѣрилъ я своимъ глазамъ, глядя на сухопарую высокую фигуру фельдшера, всегда немножко лодыря, съ сладковатой, будто фальшивой рѣчью. Въ другое время и отъ прямого своего дѣла не дуракъ отвильнуть, а тутъ-то какъ усердствуетъ! Прямо сквозь сердце пронзилъ меня тогда этотъ малый: стало быть, душа есть, стало быть, крѣпко ощущеніе чего-то общаго, братскаго, возвышающаго!

И не это ли и есть настоящее религіозное настроеніе, настоящая религія? Не въ томъ ли она, чтобы вотъ такъ покорно, безъ стона страдать не за свое личное дѣло, какъ страдали тѣ мои сосѣди-раненые въ хатѣ, такъ умереть, какъ умеръ тотъ—съ бурыми усами, прикорнувшій на краю могилы, надъ которымъ не носились торжественные звуки военнаго хора, не покадилъ священникъ, возгласивъ вѣчную память, не стояли въ строю товарищи, или вотъ такъ добровольно, по

зову сердца прійти, взяться за лопату и любовно, съ усердіемъ устроить послѣднее жилище своимъ невѣдомымъ погибшимъ братьямъ?

Можетъ быть, иного такого Лихолѣтова въ церковь, какъ говорится, и палкой не загонишь, а тутъ вотъ самъ прибѣжалъ и въ потѣ лица работаетъ и для души работаетъ. Вотъ и разрѣшайте вопросъ о религіозности русскаго солдата!

Подъ величавые аккорды „Коль славенъ“, выровнялась большая братская могила, и какъ аккуратно, какъ тщательно вывели надъ нею правильный четыреугольный песчаный холмъ! Водрузили товарищескія руки сосновый крестъ съ надписью, сплели простые изъ древесныхъ вѣтвей вѣнки, одни повѣсили на крестъ, другіе возложили поверхъ холма.

Этотъ упорный двухдневный лѣсной бой и это необычное погребеніе павшихъ въ мощномъ лѣсу, среди гигантскихъ сосенъ и елей, подъ звуки мѣдныхъ трубъ воскрешали въ воображеніи какую-то сагу, какую-то битву титановъ, что-то вагнеровское, смягченное лишь въ финальномъ актѣ настолько, насколько торжественно-піэтическая музыка нашего похороннаго гимна мягче стихійно потрясающихъ громовъ погребальнаго марша „Гибели боговъ“...

V.

Я не предлагаю никакихъ готовыхъ своихъ выводовъ относительно религіозности нашихъ солдатъ, нашего войска. Моею цѣлью было просто и правдиво передать нѣсколько запечатлѣвшихся глубоко въ моей памяти живыхъ сценъ. Это—только „матеріалъ къ вопросу“.

Да вѣдь и вопросъ о сущности религіи и объ истинной религіозности въ наше время трактуется далеко не одинаково.

Предостерегалъ бы я только отъ традиціоннаго казеннаго приписыванія нашему массовому солдату того елейнаго благочестія, по чину котораго обязательно полагается, что онъ ничего не начнетъ безъ молитвы, безъ упоминанія имени Божьяго, безъ крестнаго знаменія, что онъ любитъ душеспасительныя бесѣды, въ сумкѣ носитъ образокъ—благословеніе родительское, никогда не забываетъ помолиться утромъ и на сонъ грядущій и т. д., дѣлаетъ все, что требуется ортодоксальнымъ ритуаломъ. Не всегда это такъ, да и „не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! внидетъ въ царствіе небесное!“

Въ нашемъ солдатѣ много отъ Платона Каратаева, есть и отъ Митрича изъ „Власти тьмы“ и очень много уже совершенно новыхъ чертъ, выработанныхъ позднѣйшимъ временемъ.

Но что сказать объ офицерскомъ составѣ? Кругъ моихъ наблюденій не широкъ сравнительно, но я вынужденъ откровенно признаться, что

искать въ этой средѣ проблесковъ религіознаго мышленія или настроенія—задача не легкая.

Повторяю: въ моемъ распоряженіи только личныя наблюденія въ кругу, какой былъ мнѣ доступенъ.

Однажды мы стояли въ галиційской деревнѣ, гдѣ сохранилась старенькая-престаренькая деревянная церковка, до такой степени стильная и оригинальная, что мнѣ потомъ пришлось даже снимокъ съ нея встрѣтить въ одной книгѣ, посвященной Галиціи. Нельзя было достаточно налюбоваться этимъ чуднымъ памятникомъ старины—и снаружи, и во внутренности его. Весь изъ тяжелыхъ дубовыхъ брусьевъ, покрытый дранью (деревянными дощечками), обсыпавшеюся во многихъ мѣстахъ и расцвѣченною бархатистымъ мхомъ, съ типичнымъ для того вѣка увѣнчаніемъ тремя пирамидальными главками, съ какими-то наивными галлерейками, храмикъ этотъ такъ и просился цѣликомъ въ какой-нибудь музей исторической архитектуры. Отдѣльно стоящая звонница не менѣе замѣчательна. Внутренность этого храма-крошки, хотя и подновленная мѣстами, хранила тоже преинтересный общій ансамбль. Мѣсто для иконостаса такъ тѣсно, что для того, чтобы вырѣзать хоть одну—вмѣсто обычныхъ двухъ—боковую дверь, пришлось царскія двери устроить не въ центрѣ, а сдвинуть въ противоположную сторону, отъ чего получалась невиданная мною никогда асимметрія всего иконостаса, и это придавало такой наивный видъ всему interieur'у. И что это были за царскія „врата"—въ нихъ съ трудомъ можно было пройти, не оборачиваясь бокомъ! Въ алтарикѣ тѣснился маленькій престолъ и треугольный жертвенничекъ. Все такъ миніатюрно, утло и ветхо, но все еще обвѣяно духомъ жизни, ибо храмъ еще существуетъ какъ храмъ, въ немъ еще совершаютъ службы, молятся, и какъ должно быть хорошо тутъ молиться, какое особое настроеніе должно охватывать сельчанина въ этой старинѣ, гдѣ крестили, вѣнчали, отпѣвали столько поколѣній его предковъ! Въ оградѣ уже приготовленъ кирпичъ для постройки новой церкви, война только задержала, но жители не желаютъ сносить старой и выбрали для новой другое мѣсто.

Какую поэтическую, душу возвышающую картину представляли въ тихіе майскіе вечера группы дѣвочекъ, собирающихся подъ звонъ мелодическаго колокольчика у дверей замкнутой церкви на молитву и сивоусыхъ стариковъ въ старинныхъ бѣлыхъ жупанахъ, расшитыхъ краснымъ, припавшихъ на колѣни у наружныхъ стѣнъ алтаря и застывавшихъ въ этой позѣ, прислоняясь иногда головою или правой рукой къ дубовому брусу, еще болѣе старому, чѣмъ ихъ старая морщинистая темная кожа. Въ этой именно общей гармоніи и храма и людей, къ нему притекающихъ, заключалось какое-то особое тихое обаяніе.

Конечно, я не преминулъ подѣлиться впечатлѣніями съ офицерствомъ

своей части. Приходили. Посмотрѣли. Отчего не посмотрѣть? Внутрь заглядывалъ мало кто. Двое любителей сфотографировали, какъ фотографируютъ все, что попало, что привлекло вниманіе: усадьбу, хату, конюшню. Одинъ усадилъ при этомъ подъ звонницей двухъ офицеровъ и меня, и мы въ нашихъ прозаическихъ гимнастеркахъ и фуражкахъ съ кокардами—ни къ селу, ни къ городу—увѣковѣчились подъ сѣнью стариннаго стильнаго сооруженія. Заѣзжалъ какъ-то изъ сосѣдней части офицеръ-художникъ, этотъ, конечно, лучше оцѣнилъ красоту храма, зарисовалъ его, но внутрь, кажется, тоже не заглянулъ, и вообще интересъ проявилъ чисто-эстетическій, а не религіозной и даже не культурно-историческій.

Я ждалъ пріѣзда одного чина, котораго считалъ религіознымъ человѣкомъ; къ тому же онъ носилъ значокъ археологическаго института. Вотъ кого мнѣ удастся заинтересовать моею церковкой, вотъ съ кѣмъ пріятно будетъ пройтись туда, осмотрѣть вмѣстѣ, подѣлиться настроеніемъ, а можетъ быть и поучиться у него кое-чему какъ у археолога! Увы, я раскаялся въ своемъ легковѣріи.

Пока мы смотрѣли, обходя церковь снаружи, все шло по-хорошему, но надо было зайти внутрь. Для этого слѣдовало прибѣгнуть къ услугамъ сторожихи, очень доброй и обязательной крестьянки-солдатки, у которой были ключи и которая раньше впускала меня туда. Обязательность, разумѣется,—не синонимъ обязанности, а между тѣмъ мой полковникъ, не давая себѣ труда разбираться въ такихъ тонкостяхъ, сразу же повелъ себя совершеннымъ хозяиномъ въ чужой церкви. И добро бы еще только хозяиномъ, а то какимъ-то ревизоромъ, судебнымъ слѣдователемъ.

Всѣ интересы—религіозный, историческій, археологическій—поглотились сыскомъ латинизаціи. Храмъ былъ когда-то православнымъ, а теперь въ немъ служилъ уніатскій священникъ, котораго къ тому же простодушная сторожиха имѣла неосторожность назвать ксендзомъ.

— Какъ, какъ ты сказала? А, ксендзъ, такъ у васъ ксендзъ? Вотъ видите, вотъ видите,—обращался онъ ко мнѣ.—Такъ какой же ты вѣры-то?—допрашивалъ оробѣвшую бабу полковникъ.

— Мы... вашей вѣры,—несмѣло отвѣтила сторожиха.

— Нашей вѣры! Очень хорошо! Какой же это нашей?

— Руськой,—пролепетала баба блѣдными губами.

— Русской! Слышите? Вѣры русской, а ксендзъ!

И т. д.

Баба, вначалѣ такая разговорчивая, съ открытымъ сердцемъ и лаской въ голосѣ, постепенно какъ-то замирала, рѣшительно не понимая, чѣмъ собственно она провинилась и за что ее такъ строго тянутъ къ отвѣту, и, наконецъ, совсѣмъ умолкла, превратилась въ статую, стоя босыми ногами на каменномъ полу у дверей.

А полковникъ ходилъ по всѣмъ угламъ церкви, рылся въ богослужебныхъ книгахъ и, найдя и тамъ что-то криминальное, тыкалъ пальцемъ въ страницы и, поворачиваясь ко мнѣ, бурчалъ:

— Вотъ видите, вотъ видите! И тутъ...

Потомъ пошелъ въ алтарь,—только что не въ царскія двери,—перебиралъ тамъ руками священныя облаченія, разсматривалъ зоркимъ окомъ утварь и всѣ предметы, былъ тамъ что-то ужасно долго, такъ что я усталъ ждать, да и тяжело было со стороны присутствовать при всемъ этомъ, я вышелъ вонъ изъ церкви, рѣшивъ подождать немилостиваго своего спутника въ церковной оградѣ.

Онъ, наконецъ, вышелъ, не только, разумѣется, не поблагодаривъ ни однимъ словомъ сторожиху, но и не кивнулъ въ ея сторону на прощанье.

Я проклиналъ свою наивность; я думалъ, что этотъ дѣйствительно вѣрующій, каждый день молящійся передъ своею иконой человѣкъ, войдя въ древній храмъ съ сердцемъ христіанина и съ чуткостью какого ни на есть любителя исторической старины, ощутитъ прежде всего благоговѣйное настроеніе, союзъ Бога съ людьми на землѣ, а онъ—распекаетъ оторвавшуюся ради него же отъ своего дѣла женщину, повинную только въ томъ, что она слѣдуетъ вѣрѣ своихъ отцовъ и дѣдовъ, вламывается безъ приглашенія въ св. алтарь, въ чемъ-то тамъ копается, ищетъ, къ чему придраться, и, обревизовавъ неизвѣстно по чьему уполномочію домъ Божій, точно канцелярію или солдатскую швальню, выходитъ оттуда съ видомъ оберъ-полицеймейстера, исполнившаго служебную обязанность.

И этотъ человѣкъ еще считаетъ себя не только религіознымъ, но и воспитаннымъ!

Не знаю, стоитъ ли приводить для характеристики религіозности того же чина еще одинъ эпизодъ. Слишкомъ ужъ онъ можетъ показаться анекдотическимъ. Какъ-то зимой, къ концу февраля этого года, у него довольно серьезно разстроился кишечникъ, и докторъ предписалъ ему строжайшую діэту. Бѣднякъ принужденъ былъ питаться какою-то одной не то овсянкой, не то рисовой кашицей.

— Вотъ какъ у васъ вышло,—замѣтилъ я,—вашъ постъ пришелся какъ разъ на крестопоклонную недѣлю.

— Ахъ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! А я и забылъ, что уже четвертая недѣля поста сейчасъ. Какъ я радъ! Какъ я радъ!

Старичокъ совсѣмъ не замѣтилъ моей шутки и искренно радовался счастливому совпаденію.

Ну, развѣ это не прелесть? Такъ радоваться, что врачебная діэта оказалась на пользу не только толстымъ кишкамъ, но и душѣ.

Какъ не вспомнить дѣтей изъ „Мужиковъ“ Чехова, которыя въ

постный день потихоньку плеснули капельку молока въ чашку злой бабкѣ и были вполнѣ увѣрены, что теперь, оскоромившись, она ужъ непремѣнно попадетъ въ адъ?

VI.

Нѣсколько словъ еще объ инославныхъ культахъ и религіозности.

Мы много ходили по мѣстностямъ съ католическимъ населеніемъ, и я, любя съ дѣтства церковную музыку и храмовое настроеніе, часто слушалъ воскресныя мессы въ костелахъ. Среди молящихся обыкновенно въ заднихъ рядахъ, гдѣ нѣтъ скамей, всегда можно было видѣть нашихъ солдатиковъ-поляковъ и не мало. Принимая въ расчетъ, что сравнительно съ православными процентъ католиковъ въ арміи не великъ, надо думать, что влеченіе ихъ къ костелу нѣсколько выше нашего влеченія къ церкви.

Впрочемъ, я не поручусь, что часть посѣтителей костела не состояла изъ православныхъ. Солдаты наши—не одержимы духомъ нетерпимой ортодоксіи, и если еще о католическихъ костелахъ я не могу утверждать съ полной увѣренностью, то о храмахъ уніатскихъ говорю съ ручательствомъ: несмотря на тягучую монотонность уніатскаго (греко-католическаго) богослуженія и значительныя всетаки отличія его отъ привычнаго русскаго служенія въ церкви, православные солдаты ходятъ туда, какъ въ свою церковь, прикладываются къ образамъ, къ Евангелію и кресту и молятся, какъ у себя.

Припоминаю еще храмъ въ одномъ селеніи Восточной Пруссіи, когда-то польской Мазовіи: по сохранившемуся надпрестольному иконостасу и по скульптурѣ святыхъ это, несомнѣнно, былъ когда-то католическій костелъ, превращенный затѣмъ въ лютеранскую кирку; а когда я былъ тамъ, во время занятія нашими войсками этой территоріи, въ немъ поставленъ былъ квадратный православный престолъ, и русскій полковой священникъ совершалъ предъ нимъ литургію Іоанна Златоуста. Характерно и трогательно какъ-то особенно то, что протестанты не разрушили, а только приспособили католическую декоративность алтаря для своего культа, а православные вовсе ничего не тронули въ этомъ храмѣ, установивъ свой переносный походный престолъ ближе къ серединѣ, подъ алтарнымъ возвышеніемъ. И Распятіе надъ алтаремъ, и образъ Пресвятой Дѣвы, и статуи апостоловъ внимали молитвамъ разноплеменныхъ и разнославныхъ толпъ, склонявшихся передъ ними.

Этотъ гостепріимный сельскій храмъ у одного изъ Мазурскихъ озеръ сохранился у меня въ памяти, какъ нѣкій символъ. Остается еще добавить, что въ оградѣ его на-ряду со старыми могилами лютеранъ и, вѣроятно, католиковъ нашли мѣсто упокоенія и наши павшіе воины.

Возвращаюсь къ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Галиціи. Можно доказывать, что уніатство занимаетъ какое-то промежуточное, не самостоятельное положеніе, что историческіе корни его ближе къ православію, чѣмъ къ латинству, но кто бывалъ на уніатскомъ богослуженіи, не можетъ не признать одного, что оно проходитъ при дѣйствительно религіозномъ настроеніи, какое дай Богъ всякой другой церкви, и поддерживается это главнымъ образомъ непосредственнымъ участіемъ въ немъ самихъ молящихся: они все время поютъ сами (оттого, можетъ быть, съ чисто-музыкальной точки зрѣнія напѣвы и поражаютъ однообразіемъ, монотонностью, нельзя справиться со сложнымъ мотивомъ въ толпѣ); дѣвушки выходятъ на средину храма съ хоругвями-знаменами; юноши въ извѣстные моменты становятся предъ алтаремъ со свѣчами и т. д. Есть много нѣжности и изящества въ приношеніи цвѣтовъ на алтарь. Даже простыя деревенскія дѣвушки, часто босоногія (въ Галиціи не стыдятся босыхъ ногъ, какъ у насъ, гдѣ въ церковь ходятъ босыми развѣ только нищіе), приносятъ простенькіе букетики съ своихъ огородовъ или съ полей и—о, ужасъ!—сами кладутъ ихъ на край престола, а понамарь, выбравъ изъ нихъ лучшіе, ставитъ въ сосудахъ съ водою въ рядъ съ напрестольными свѣчами у дарохранительницы.

Особенно запомнился мнѣ одинъ молодой еще совсѣмъ уніатскій священникъ, котораго я видѣлъ за пасхальной службой въ г. Сокалѣ: съ какой вдумчиво-серьезной простотою онъ стоялъ у алтаря, какъ любовно наклонялся къ каждому ребенку, давая ему поцѣловать крестъ, не спѣша, не выражая никакого нетерпѣнія, хотя это было послѣ долгой, утомительной вечерни (у уніатовъ и пасхальное богослуженіе тягуче, съ долгимъ стояніемъ на колѣняхъ).

Во Львовѣ православное духовенство сразу заняло одинъ изъ большихъ центральныхъ уніатскихъ храмовъ. Я былъ тамъ въ Духовъ день. Наканунѣ, на Троицу, въ немъ служилъ самъ арх. Евлогій. Я не слышалъ на службѣ арх. Евлогія, а былъ за обѣдней, которую совершалъ какой-то молодой, высокій, стильно носившій глубоко-сидящую на головѣ митру архимандритъ. Послѣ обѣдни въ сослуженіи четырехъ священниковъ онъ вышелъ на средину церкви. И вотъ во время молебна св. Меѳодію и Кириллу, я къ удивленію своему увидѣлъ выходящаго изъ алтаря уніатскаго священника, несшаго въ рукахъ св. дары. Онъ скромно, какъ будто стараясь быть незамѣченнымъ, сторонкой шелъ въ одинъ изъ боковыхъ заднихъ придѣловъ-алтарей; но такъ какъ средина церкви была пустовата, то онъ всетаки оказался на виду; архимандритъ не счелъ удобнымъ игнорировать это шествіе и, осѣнивъ себя крестомъ, сдѣлалъ легкій поклонъ въ сторону несомой святыни, а уніатъ-священникъ, освободивъ одну руку, приподнялъ въ знакъ почтенія архимандриту свою шапочку.

Эта мимическая сцена, эта одноминутная мимодрама, какъ молніей, освѣтила мнѣ всю суть, всю психику взаимоотношеній. Въ центрѣ храма предъ главнымъ алтаремъ громко воспѣвали; высоко заносился подъ куполъ рѣзкій тенорокъ дьякона, подхватывали чеканно пѣвчіе: „Святіи равноапостольные Меѳодіе и Кирилле, молите Бога о насъ“.

А въ заднемъ углу вполголоса, почти шопотомъ у маленькаго престола отправлялъ свою службу священникъ-уніатъ, и одно лишь могло быть ему утѣшеніемъ: толпа молящихся вокругъ него была и гуще и благоговѣйнѣе.

VII.

Нѣсколько дополнительныхъ штриховъ изъ моихъ наблюденій и воспоминаній. Невдалекѣ отъ насъ, когда мы были на Карпатахъ, были ранены одинъ за другимъ два полковыхъ священника, въ условіяхъ героическихъ: одинъ шелъ со св. дарами отъ окоповъ къ окопамъ причастить больного и тяжело раненъ при этомъ; другой, замѣстившій его, передъ боемъ заявилъ, что будетъ работать съ санитарами, но, когда началась атака, оказался впереди вмѣстѣ съ однимъ юнымъ прапорщикомъ, командовавшимъ ротой; прапорщикъ тотчасъ былъ убитъ, священника вынесли раненаго. Мнѣ лично принятіе на себя священниками боевой роли, роли командира, влекущаго за собою воинскую часть, кажется неправильнымъ пониманіемъ пастырскаго долга, и такіе случаи меня не приводятъ въ восторгъ,—священникъ все же не поручикъ и не капитанъ,—но само собою разумѣется, что въ самоотверженіи, въ личномъ героизмѣ тутъ отказать нельзя...

Мнѣ однажды непосредственно послѣ боя въ занятыхъ нами германскихъ окопахъ среди обезображенныхъ труповъ германцевъ пришлось поднять новенькую еще порядочнаго размѣра олеографію съ изображеніемъ, повидимому, св. великомученицы Варвары. Тогда у меня какъ-то содрогнулось сердце, и невольно зашевелилось: вотъ и врагъ нашъ, можетъ быть, и тевтонъ, и что хотите, а донесъ за сотни верстъ до послѣдняго окопа—и какъ бережно, въ какомъ аккуратномъ видѣ—чтимую святую. Еще сегодня за часъ, быть можетъ, до смерти взиралъ на нее умиленными, полными надежды глазами, вонъ тѣмъ вывороченнымъ теперь наружу изъ расколотаго черепа огромнымъ глазомъ...

Олеографію эту я взялъ и сохраняю у себя на память.

VIII.

Я исчерпалъ почти свой небольшой запасъ наблюденій въ заинтересовавшей меня области. Были болѣе мелкія, но о нихъ говорить уже не стоитъ. Въ заключеніе—одна только еще картинка.

Было сыро и дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Мы совершали тяжелый долгій переходъ по холмистой мѣстности. Дороги раскисли отъ дождей. Колеса лафетовъ нашихъ тяжелыхъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ вязли и густо накатывались грязью. Шли медленно, часто останавливались. Особенно трудны были переправы черезъ рѣчки по шаткимъ деревяннымъ мостамъ, которые тутъ же надо было и укрѣплять, класть новый настилъ, задерживая всю кишку артиллерійскаго обоза. Ѣздовые подхлестывали выносныхъ лошадей и кричали на нихъ; командиры кричали на ѣздовыхъ, ругались, какъ только могли, и, случалось, тоже подхлестывали. Люди устали и, безъ обѣденнаго приварка, были голодны. На одной, особенно долгой переправѣ я въ ожиданіи слѣзъ съ лошади и стоялъ возлѣ дороги на плантаціи, съ которой недавно сняли кормовые бураки (свеклу); поднявъ валявшуюся забытую кочерыжку, я обчистилъ ее карманнымъ ножикомъ и жевалъ мелкими кусочками, наслаждаясь сочностью древесины. Оглянулся и вижу: возлѣ меня стоитъ нашъ докторъ и смотритъ мнѣ въ ротъ жадными, голодными глазами.

— Хотите?

— Дайте, пожалуй!

Онъ съѣлъ отрѣзанный мною кусочекъ, посмотрѣлъ на меня все тѣмъ же взглядомъ, выражавшимъ животный голодъ, и говоритъ:

— Можетъ быть, еще дадите?

Если ужъ мы были доведены до такого состоянія, что съ алчностью ѣли кормовой скотскій корнеплодъ, можно себѣ представить, какъ не легко было въ ту пору солдатамъ, которые не всѣ ѣхали, но и шли и еще работали, помогали движенію обоза, помогали лошадямъ.

И вотъ въ такой обстановкѣ, въ такой трудный день, мое вниманіе привлекъ на себя одинъ смуглый молодой солдатъ: онъ былъ при орудіи и шелъ вплотную, между переднимъ и задвимъ колесомъ съ правой стороны. Очевидно, это былъ „номеръ“ (орудійная прислуга, какъ извѣстно, называется „номерами“—№ 1-й, № 2-й и т. д., при чемъ каждый знаетъ свою опредѣленную функцію при стрѣльбѣ). Двигались мы въ тотъ моментъ тихо. Не было бы ничего удивительнаго, ничего особеннаго въ этой фигурѣ, если бы, присмотрѣвшись, я не замѣтилъ въ одной его рукѣ маленькой, совсѣмъ крошечной книжечки, которую онъ на-ходу читалъ. Видъ у солдата былъ очень сосредоточенный, серьезный. Меня это такъ заинтересовало, что я не могъ сдержать любопытства и, какъ бы случайно пропустивъ свою лошадь мимо орудія, заглянулъ поближе съ сѣдла; книжечка была написана древне-еврейскимъ шрифтомъ, видимо, еврейскій молитвенникъ.

Итакъ, этотъ солдатъ-еврей молился. Дѣло было въ осеннемъ мѣсяцѣ и, быть можетъ, въ тотъ день былъ одинъ изъ большихъ годовыхъ еврейскихъ праздниковъ.

Что-то сверкнуло у меня въ мозгу, какое-то воспоминаніе, какое-то сопоставленіе, издавна запечатлѣвшееся въ душѣ:

Да вѣдь это—„Свѣчка“.

Та самая толстовская свѣчка, которую въ его маленькомъ, но геніальномъ разсказѣ этого имени зажегъ крѣпостной мужикъ Петръ, выѣзжая на барщину въ пасхальный день: прилѣпилъ ее къ сохѣ, шелъ за сохой, пахалъ и пѣлъ стихи воскресные.

Не то ли же самое тутъ? годовой праздникъ, неизбѣжная, обязательная работа, молитва на-ходу, не отступая шагу отъ орудія. Только орудіе здѣсь другое, не земледѣльческое, не соха, а страшная, убійственная гаубица.

И самъ онъ не сельскій пахарь, а артиллерійскій номеръ.

Артиллерія то двигалась, то останавливалась; вмѣстѣ съ нею и молодой солдатъ-еврей, инстинктивно лавируя между переднимъ и заднимъ колесомъ, между заряднымъ ящикомъ на передкѣ и орудіемъ сзади, то шелъ, мѣся сапогами липкую грязь, то задерживался. Иногда лишь вскидывалъ онъ отъ страницъ молитвенника свои черные южные глаза, чтобы оглянуться, все ли въ порядкѣ вокругъ него и можно ли продолжать молитву, ничего не нарушая.

Никто, къ счастью, не мѣшалъ ему, никто не придрался, а вѣдь могло и нагорѣть отъ какого-нибудь взводнаго подъ сердитую руку: всѣ были заняты собою и своимъ дѣломъ. И, можетъ быть, никто не замѣтилъ даже, кромѣ меня, въ его рукѣ маленькой, чуть не въ спичечную коробку, священной книжечки.

Приметъ Адонаи, Богъ Израиля, эту молитву.

А. Н.

Къ организаціи деревни.

Выдача въ деревнѣ продовольственнаго пайка семьямъ воиновъ. [1])

Экономически освободивъ народъ, уничтоживъ крѣпостное право, мы не сочли нужнымъ перестроить государственно-правовыя отношенія деревни.

Она продолжаетъ до сего дня жить подъ началами, созданными для крѣпостныхъ отношеній.

Такое противорѣчіе дезорганизовало деревню, что̀ чувствуется повседневно, но становится особенно ощутительнымъ для посторонняго наблюдателя тогда, когда государственное начало или государственная помощь проявляются не въ отдѣльныхъ случаяхъ, а имѣютъ характеръ массовый.

Такъ, народное продовольствіе—старая, существующая у насъ столѣтія, форма государственной помощи населенію выродилась у насъ послѣ паденія крѣпостного права по общему признанію въ безпорядочное разбрасываніе хлѣба и денегъ.

Вслѣдъ за паденіемъ крѣпостного права, какъ одно изъ послѣдствій этого событія, въ 1874 году была установлена всеобщая воинская повинность. И другой, новый видъ массовой помощи народу, вызванный этой повинностью,—выдача продовольственнаго пайка семьямъ призванныхъ на войну запасныхъ и ополченцевъ,—также до сихъ поръ не можетъ наладиться.

Разсматривая въ 1877 г. первыя законодательныя правила о семъ призрѣніи, старый Государственный Совѣтъ нашелъ ихъ неудовлетворительными, утвердилъ ихъ лишь на время и поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ сообразовать эти правила съ примѣненіемъ ихъ на практикѣ и внести послѣ того свои окончательныя предположенія.

Однако, несмотря на русско-турецкую войну, потребовавшую при-

---

[1]) Статья эта, принадлежащая лицу, имѣющему опытъ земской дѣятельности, ставитъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ организаціи тыла. *Ред.*

мѣненія этихъ правилъ тотчасъ же по ихъ изданіи, наше законодательство, тугое въ усвоеніи результатовъ практики, не воспользовалось этой войной, и правила остались не пересмотрѣнными.

Въ такомъ первоначальномъ видѣ встрѣтила правила черезъ 30 лѣтъ японская война.

Отсутствіе въ дезорганизованномъ населеніи живыхъ органовъ опредѣленія нужды породило тогда несправедливости въ выдачахъ и вызвало ропотъ и неудовольствіе въ народѣ, произошли бабьи бунты,—разгромъ женами запасныхъ волостныхъ правленій, земскихъ и городскихъ управъ—прелюдія къ приближавшейся революціи.

Мужья, вернувшись домой, прониклись ложнымъ убѣжденіемъ, что мѣстныя власти обкрадывали ихъ семьи, пока они воевали. Эта мысль засѣла въ ихъ головы еще во время самой войны, благодаря широкимъ обнадеживаніямъ со стороны начальства, что, пока они сражаются, дома ихъ семьи во всемъ будутъ обезпечены правительствомъ. Такія преувеличенія—обычное явленіе; они объясняются запутанностью и противорѣчіемъ законодательства, толкуемаго каждымъ вѣдомствомъ по-своему, и широкими обѣщаніями помощи на бумагѣ, которыя на практикѣ не исполняются.

Въ другой области, близкой къ этой, въ законодательствѣ о пособіяхъ семьямъ умершихъ отъ ранъ и болѣзней воиновъ и въ пособіяхъ самимъ нетрудоспособнымъ и нуждающимся воинамъ сепаратные, несогласованные законы, слѣдуя въ теченіе 40 лѣтъ одинъ за другимъ, совершенно запутали эту область законодательства и сдѣлали приложеніе ея къ жизни весьма затруднительнымъ. Изъ тысячи лицъ, имѣвшихъ право на такое пособіе, добивались его послѣ долголѣтнихъ мытарствъ лишь нѣкоторые. [1])

Такое положеніе вызвало обращеніе третьей Думы къ правительству [2])—немедленно же переработать все это трехчленное законодательство (пенсіи воинамъ, пенсіи ихъ семьямъ, выдача пайка). Дума особенно настаивала на установленіи достаточныхъ пенсій воинамъ на началахъ государственной обязанности, вмѣсто прежнихъ небольшихъ пособій на началахъ благотворительности.

Вѣроятно, безъ этихъ настояній Думы труды еще новой комиссіи, учрежденной послѣ японской войны, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Лыкошина, для пересмотра правилъ о выдачѣ пайка, не дали бы никакихъ результатовъ, подобно трудамъ прежнихъ комиссій. Теперь пожеланія Думы заставили правительство рас-

---

[1]) Въ думскомъ докладѣ закона 25 іюня указаны разительные такіе примѣры.

[2]) Формула перехода Государственной Думы отъ 8 декабря 1908 г. и законодательное предположеніе 96 членовъ Государственной Думы отъ 20 февраля 1909 г.

ширить занятія комиссіи о пайкѣ вопросомъ о пенсіяхъ и внести наконецъ проектъ „Положенія о призрѣніи нижнихъ чиновъ и ихъ семей“ въ законодательныя учрежденія.

Географическое положеніе и исторія сдѣлали Россію военной державой, и потому прежде другихъ видовъ страхованія народа отъ бѣдствій, случайностей и смерти получилъ въ ней осуществленіе законъ о страхованіи населенія на случай войны.

Такимъ страховымъ закономъ было Положеніе по предположенію Думы и въ виду всеобщей воинской повинности и условія веденія современныхъ войнъ. Осуществленіе одного только отдѣла этого Положенія—выдача пайка—стоило въ первый годъ войны государству полмилліарда, седьмую часть всего нашего обыкновеннаго бюджета. Осуществленіе обоихъ видовъ пенсій еще впереди.

Во всякомъ другомъ парламентѣ обсужденіе такихъ законопроектовъ составило бы событіе; къ нему подготовились бы общество и печать. У насъ наканунѣ войны общественное мнѣніе, занятое соціальными и экономическими вопросами, не предугадывало наступленія страшнаго военнаго кризиса и не интересовалось предположеніемъ обезпечить воиновъ, считая этотъ вопросъ, поднятый націоналистически-октябристской Думой, второстепеннымъ.

Законъ о пенсіяхъ и пособіяхъ былъ единственнымъ важнымъ законопроектомъ, возникшимъ по иниціативѣ Думы, и она гордилась имъ, какъ своимъ дѣтищемъ. Но только на иниціативу, только на порывъ хватило Думы.

Прежде всего она сдѣлала ошибку, исключивъ оппозицію изъ состава думской комиссіи государственной обороны, куда проектъ поступилъ для предварительнаго разсмотрѣнія. При жалкомъ положеніи русскаго законодателя, не освѣдомленнаго о нуждахъ и потребностяхъ народа, нельзя пренебрегать никакой лишней силою. Оттого богатый матеріалъ японской войны, когда призрѣвались 1.200.000 семей и призрѣніе было распространено на всѣ мѣстности имперіи, не былъ надлежащимъ образомъ использованъ думской комиссіей; конечно, онъ не былъ использованъ и правительственной комиссіей изъ представителей бюрократическихъ вѣдомствъ, составлявшей проектъ.

Обсужденіе въ самой Думѣ законопроекта происходило въ порядкѣ законодательной вермишели. Передъ тѣмъ Дума потеряла много времени и силъ на тѣ законы, въ которыхъ суммировалась вся дѣятельность третьей Думы и которые теперь отчасти повержены въ прахъ текущими событіями. Утомившись отъ этой дѣятельности, Дума спѣшила покончить со страхованіемъ народа на случай войны.

Въ такомъ отношеніи членовъ Думы къ дѣлу правительство получало возмездіе за неразумное вмѣшательство въ выборы. Если бы не

было въ Думѣ А. И. Шингарева, то и преній въ Думѣ не было бы; онъ одинъ, статья за статьей, тщетно старался остановить вниманіе Думы на неразработанныхъ подробностяхъ сложнаго дѣла.

Вотъ эпизодъ, характеризующій обсужденіе законопроекта. Правительственный проектъ и думская комиссія предлагали выдавать пайки однимъ нуждающимся. Но 32 крестьянина, въ виду того, что во время японской войны власти не въ состояніи были отдѣлять нуждающихся отъ ненуждающихся, предложили распространить призрѣніе на всѣ семьи независимо отъ нихъ „нуждаемости". Эта поправка принята была Думой и правительствомъ, безъ преній и возраженій послѣ краткой перебранки правыхъ съ крестьянами, хотя увеличивала на сотни милліоновъ рублей (во время японской войны призрѣвались лишь 50% призванныхъ) расходы на призрѣніе. Очевидно, Дума раздѣляла своеобразную мотивировку крестьянъ, вскрывающую вкоренившееся въ насъ мнѣніе о невозможности организовать дезорганизованную деревню.

Министры молчали; ни одинъ изъ нихъ во время прохожденія въ Думѣ законопроекта не проронилъ ни слова.

Представители бюрократіи интересовались по преимуществу тѣми треніями, какія новый законъ можетъ произвести въ старой бюрократической машинѣ. Такъ, думская комиссія въ виду будущаго огромнаго наплыва новыхъ пенсіонеровъ, чтобы не загромождать сенатъ, предлагала направлять туда лишь тѣ жалобы по назначенію пенсій, въ которыхъ будетъ отказано въ особомъ совѣщаніи, учреждаемомъ при министерствѣ. Главный авторъ правительственнаго законопроекта Лыкошинъ потребовалъ при обсужденіи закона всего одинъ разъ слова и только для того, чтобы сказать, что предлагаемый комиссіей порядокъ противорѣчитъ отношеніямъ сената къ губернскимъ учрежденіямъ. Представителя финансоваго вѣдомства заботилъ лишь вопросъ, какъ бы уложить новыя выдачи воинамъ изъ казначейства въ Прокрустово ложе стараго пенсіоннаго устава, обезпечивающаго однихъ чиновниковъ. Оба они не понимали, что влитое новое вино уже прорвало старые мѣхи.

Въ два съ половиной засѣданія было покончено въ Думѣ и съ пенсіями, и съ призрѣніемъ. Обсужденія законопроектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ прошло еще быстрѣй. Государственные мудрецы прошли мимо всѣхъ недостатковъ закона. 25 іюня 1912 г. Положеніе было утверждено.

Одновременно съ Положеніемъ о пенсіяхъ и пособіяхъ проходилъ черезъ законодательныя учрежденія проектъ о всесословной волости; и въ предположеніи этой реформы обслѣдованія наличности состава семей призванныхъ, трудоспособности оставшихся и ближайшія мѣры призрѣнія были возложены на учреждаемыя на время войны волостныя попе-

чительства, т.-е. на тѣ учрежденія, которыя въ земскихъ губерніяхъ постепенно создавала жизнь вопреки закону и которыя одни въ состояніи были индивидуализировать общія мѣры помощи, подходя на мѣстахъ къ отдѣльнымъ случаямъ нужды.

По 68 ст. Положенія попечители избираются волостнымъ сходомъ въ числѣ по усмотрѣнію схода, но не менѣе 3-хъ лицъ изъ жителей волости обоего пола, имѣющихъ постоянное въ ней пребываніе, пользующихся довѣріемъ населенія и изъявившихъ согласіе безвозмездно исполнять обязанности попечителей. Общественная самодѣятельность воспитывается, конечно, постоянными учрежденіями, постепенно пріобрѣтающими навыкъ къ дѣятельности, а не учрежденіями ad hoc на время одной лишь войны, тѣмъ не менѣе при народномъ подъемѣ новыя условія должности волостныхъ попечителей могли и во временныхъ учрежденіяхъ разбудить въ нашихъ медвѣжьихъ углахъ дремлющія силы на совмѣстную общую работу.

Но когда реформа волости не прошла, а текстъ 68 ст. соотвѣтственно тому не былъ измѣненъ, то оказалось, что односословному крестьянскому волостному сходу было предоставлено выбирать лицъ всѣхъ сословій на необычныхъ для него условіяхъ добровольной, а не обязательной службы и завѣдывать семьями призванныхъ всѣхъ сословій.

Изъ этихъ двухъ юридическихъ ересей существенной для дѣла оказалась первая. Выборы крестьянской волости, потерявшей давно самостоятельность и независимость, не могли остановиться на людяхъ, преданныхъ идеѣ общественности. Къ тому же крестьяне не могли знать новаго закона; не могли догадываться, что ихъ сходу предоставлено впервые выбирать лицъ всѣхъ сословій и даже женщинъ. Министерство же, обязанное по 70 ст. указать въ инструкціи порядокъ выбора попечителей и выполненія ими ихъ обязанностей, [1]) не сочувствуя расширенію полномочій волостныхъ сходовъ, не знакомило крестьянъ съ этими полномочіями.

Выборы прошли необычайно спѣшно, такъ какъ по 71 ст. черезъ 2 недѣли со дня объявленія мобилизаціи все обслѣдованіе попечительствами должно быть закончено и представлено въ уѣздный съѣздъ. Къ тому же въ эти смутные дни, когда населеніе провожало своихъ близкихъ, поставляло лошадей въ армію и было занято уборкой урожая, совпавшаго съ объявленіемъ войны, ему было не до выборовъ и не до обслѣдованія.

Въ выборахъ крестьяне увидѣли обычную формальность, обычныя необходимыя ширмы для дѣятельности начальства, а потому они спѣш-

---

[1]) По невѣдѣнію того, что приходилось нормировать, развитія закона въ инструкціонномъ порядкѣ не произошло, инструкція, изданная въ 1912 г. по соглашенію двухъ министровъ, только кратко переписала краткія статьи краткаго закона.

но останавливались на рядовыхъ крестьянахъ или на завсегдатаяхъ волостныхъ правленій. Во многихъ же мѣстностяхъ за несостоявшимися выборами, по 67 ст. въ должность попечителей вступили волостные старшины. Такимъ образомъ, вопреки намѣреніямъ закона, призрѣніе семей призванныхъ оказалось попрежнему въ рукахъ волостныхъ правленій.

Среди всѣхъ другихъ государственныхъ учрежденій на долю этой низшей сельской канцеляріи всѣхъ властей въ уѣздѣ выпала по обыкновенію труднѣйшая задача—гранить не выработанную глыбу закона и сдѣлать ее пригодной для жизни.

Краткій и неудобопонятный законъ не былъ восполненъ толкованіями сената и министерства, на мѣстахъ приходилось въ немъ самому разбираться. Такъ, субъекты призрѣнія указывались единственно въ 61 ст. Вотъ ея лапидарный текстъ: „пользуются призрѣніемъ: 1) жена и дѣти нижняго чина и 2) отецъ и мать, дѣдъ, бабка, братья, сестры означеннаго чина, если они содержались трудомъ послѣдняго". Экономя слова въ законѣ, предназначенномъ для крестьянъ, пропустили даже выраженіе, что женѣ и дѣтямъ оказывается призрѣніе *во всякомъ случаѣ, независимо отъ нуждаемости.* Объ этомъ предоставлялось догадываться.

Два различныхъ основанія призрѣнія, одно для тѣсной семьи, другое для болѣе широкой, запутывали и затрудняли его. Затѣмъ перечисленіе родственниковъ не обнимало всей бытовой крестьянской семьи, основанной не столько на родствѣ, сколько на совмѣстномъ трудѣ. Почему-то перечисленіе боковой родни останавливалось на братьяхъ и сестрахъ, тогда какъ сироты-племянники требовали такого же призрѣнія. Ничего не говорилось о пріемышахъ, о зятьяхъ, вошедшихъ въ домъ жены, о пасынкахъ и падчерицахъ. Самый признакъ содержанія трудомъ былъ признакъ не достаточно опредѣленный и трудно уловимый. О случаѣ призрѣнія внѣбрачныхъ жены и дѣтей законъ умалчивалъ. Какъ поступать, если мужъ протестуетъ противъ выдачъ женѣ, съ нимъ не жившей и имѣющей дѣтей не отъ него, не было указано.

За разъясненіями волостная канцелярія обращалась, конечно, къ начальству, тѣмъ болѣе, что волостныя попечительства дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ земскаго начальника. Но и его усмотрѣніе не помогало.

Массовая бѣда деревни потребовала и отъ земскихъ начальниковъ усиленнаго труда, но министерство забыло освободить своихъ Веньяминовъ отъ военной службы; тогда какъ всѣ другіе уѣздные чиновники—не призывались въ войска. Министръ даже забылъ, что по его же статистическимъ свѣдѣніямъ большинство земскихъ начальниковъ состоитъ изъ чиновъ запаса.

Оставшись въ большинствѣ безъ обычныхъ руководителей, волостные старшины и писаря занялись толкованіемъ закона.

По объявленіи войны, Дума, собранная на одинъ день въ торжественное засѣданіе, выразила пожеланіе, „чтобы въ дополненіе предусмотрѣнныхъ закономъ 25 іюля мѣръ были привлечены къ призрѣнію семей воиновъ земскія и городскія учрежденія и общественныя силы въ тѣсномъ единеніи съ административными органами“.

Это общее мѣсто правительству слѣдовало бы воплотить въ жизнь, исторгнувъ попечительства изъ канцелярской тины, которая ихъ засасываетъ, осуществивъ въ нихъ всесословность, какъ этого и требуетъ законъ. У насъ, гдѣ общественность понимается лишь въ формѣ существующихъ земствъ и городовъ, мысль Думы была понята узко и буквально.

Новеллою, изданной 29 августа на основаніи 87 ст., надзоръ за попечительствами и разсмотрѣніе на нихъ жалобъ были отняты у съѣздовъ и переданы въ новосозданныя учрежденія—уѣздныя попечительства. Въ нихъ были смѣшаны въ одну кучу рѣшительно всѣ уѣздные чиновники всѣхъ вѣдомствъ (не забыто было и духовное вѣдомство) со всѣми общественными дѣятелями. Кромѣ того, земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ было вмѣнено выбрать отъ себя по два гласныхъ въ попечительство, и по дѣламъ отдѣльныхъ приходовъ и волостей въ него введены волостные старшины и предсѣдатели приходскихъ попечительныхъ совѣтовъ о семьяхъ лицъ призванныхъ. Послѣднія учрежденія были созданы по объявленіи войны указомъ Синода, пожелавшемъ имѣть свои отдѣльныя попечительства. Въ большинствѣ случаевъ въ виду упадка приходской жизни это были лишь учрежденія на бумагѣ; кромѣ того, они не имѣли матеріальныхъ средствъ, и на двѣ организаціи, дѣйствующія параллельно и отдѣльно, нехватало въ деревнѣ и личныхъ силъ.

Такимъ образомъ, число всѣхъ членовъ попечительства, завися отъ величины уѣзда, колеблется отъ 50 до 200 и болѣе. Если отбросить волостныхъ старшинъ, предсѣдателей приходскихъ совѣтовъ, а также городскихъ дѣятелей, такъ какъ въ большинствѣ городовъ по ихъ желанію образовались отдѣльныя городскія попечительства, число основныхъ членовъ уѣзднаго попечительства составитъ отъ 14 до 30. Эти колебанія зависятъ отъ числа участковъ земскихъ начальниковъ (3—15) и числа членовъ земской управы (2—6) въ отдѣльныхъ уѣздахъ.

Пріемъ создавать присутствія изъ должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ и общественныхъ дѣятелей, занятыхъ каждый своимъ дѣломъ, давно уже осужденъ у насъ жизнью, тѣмъ не менѣе онъ всегда практикуется. Въ данномъ случаѣ онъ достигъ грандіозно смѣшныхъ раз-

мѣровъ, и былъ особенно непригоденъ въ виду контрольныхъ обязанностей попечительствъ. Рѣшенія о мелкихъ жалобахъ, о составѣ семьи Маріи, о трудоспособности Ивана не могутъ быть постановляемы въ составѣ многолюдныхъ собраній. Такія рѣшенія требуютъ постоянно дѣйствующаго присутствія, выработавшаго извѣстные пріемы разбора подробностей, а не собирающагося рѣдко многолюднаго собранія съ перемѣннымъ составомъ.

Въ этомъ отношеніи отмѣненный органъ надзора за попечительствами—административное отдѣленіе съѣзда, въ которомъ рядомъ съ земскими начальниками участвовали предводитель, предсѣдатель управы и податные инспектора,—былъ болѣе естественъ и простъ. Разъ земскіе начальники-администраторы вѣдаютъ крестьянское дѣло, а деньги казенныя, то противъ такой организаціи контроля возражать трудно.

Недоразумѣнія съ новыми законами начались тотчасъ же по примѣненіи ихъ на практикѣ и обнаружились ранѣе всего въ толкованіи понятія трудоспособности. 2 сентября совѣтъ министровъ уже опубликовываетъ свой особый журналъ; вотъ его подлинныя слова:

„По поступающимъ свѣдѣніямъ примѣненіе закона 25 іюня принимаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ сожалѣнію, совершенно неправильный и нежелательный характеръ. Волостныя попечительства излишне широко толкуютъ понятіе о лицахъ, содержимыхъ трудомъ призваннаго; въ списки членовъ семьи, имѣющихъ право на казенное пособіе, нерѣдко включаются лица трудоспособныя, кои вовсе не содержались трудомъ призваннаго на войну. Извѣстны случаи, когда за одного призваннаго семьѣ его назначалось изъ казенныхъ средствъ пособіе до 30 руб. въ мѣсяцъ, превышавшее значительно сумму, которую онъ не только когда-либо давалъ своимъ близкимъ, но и самъ зарабатывалъ. Такимъ образомъ, создается недопустимое положеніе, при которомъ бѣдствія войны служатъ для нѣкоторыхъ источникомъ наживы“...

Далѣе журналъ выражалъ надежду, что усиленіе полномочій надзора и привлеченіе къ нему общественныхъ дѣятелей совмѣстно съ административными органами устранитъ замѣчаемыя уклоненія, несогласныя съ истинными намѣреніями закона. „Въ трудныхъ условіяхъ всенародной страды,—вѣщалъ въ заключеніе совѣтъ министровъ,—каждая казенная копейка на счету, и патріотическій долгъ повелѣваетъ, не за страхъ, а за совѣсть, чтобы она шла къ прямому своему назначенію“.

Тщетна была, однако, надежда на общественныя силы и на усиленіе надзора за попечительствами. Неудачная организація внизу волостныхъ попечительствъ, оставшаяся нетронутой, не могла быть исправлена реформою надзора.

Разнообразіе въ распредѣленіи пособій, не объединяясь земскими начальниками, пошло въ глубь по волостямъ. Широкое толкованіе закона въ одной волости, переплетаясь съ узкимъ его толкованіемъ въ рядомъ лежащей волости, порождаетъ недоразумѣнія, недовольство, зависть, оскорбляетъ народное чувство справедливости, порождаетъ справедливыя и несправедливыя обиды. Въ то время какъ одни получаютъ незаконно и безъ нужды, другіе вовсе не получаютъ, имѣя на то право и нуждаясь.

Обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ множество жалобъ какъ отъ самихъ призванныхъ съ театра войны, такъ и отъ оставшихся ихъ семей, поступающихъ во всевозможныя учрежденія—уѣзднымъ властямъ, въ попечительства, воинскимъ начальникамъ, губернаторамъ, въ разныя войсковыя части, въ которыхъ служатъ призванные, и въ центральныя учрежденія.

Подтвержденіемъ такого положенія служитъ телеграмма министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ (см. *Русское Слово* отъ 18 декабря). Вотъ дословный текстъ этой телеграммы: „Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго довелъ до свѣдѣнія моего, что Его Высочествомъ получается много жалобъ на неудовлетвореніе казеннымъ пайкомъ семей призванныхъ въ войска или на несвоевременную выдачу пособій. Великій Князь призналъ желательнымъ обратить вниманіе губернаторовъ на необходимость неослабнаго съ ихъ стороны наблюденія за этимъ дѣломъ съ исчерпаніемъ всѣхъ доступныхъ имъ мѣръ для обезпеченія денежнымъ пособіемъ имѣющихъ на него право. Считаю долгомъ сообщить вамъ объ этомъ“.

Въ дѣйствительности губернаторы были главными виновниками недочетовъ дѣла. Въ каждомъ дѣлѣ рядомъ съ учрежденіями стоятъ и люди-исполнители, приводящіе въ движеніе эти учрежденія; хорошіе исполнители направляютъ къ цѣли и плохое учрежденіе, плохіе портятъ и хорошее. Обращая вниманіе на составъ уѣздной администраціи и крестьянскихъ властей, относясь къ дѣлу участливо и вдумчиво, направляя его въ губернское присутствіе—послѣднюю инстанцію для жалобъ, давая оттуда руководящія указанія для исполненія новаго закона, губернаторы могли бы исправить недостатки организаціи. Но въ общемъ и цѣломъ они этого не сдѣлали.

Неуравнительность получаемаго пайка усугубляетъ тяготы военной службы, но въ значительно большей степени также дѣйствуютъ и недостатки системы нашей воинской повинности.

По объявленіи войны министръ внутреннихъ дѣлъ экстренно собралъ все наше губернское и уѣздное представительство, нѣсколько сотъ собраній для организаціи помощи семьямъ призванныхъ въ уборкѣ ихъ урожая и обсѣмененія ихъ полей. Какъ могли такія крупныя еди-

ницы, какъ уѣзды и особенно губерніи, такъ какъ и къ нимъ министръ одновременно обращался съ такимъ же предложеніемъ, подойти къ такой мелкой, поспѣшной, но и сложной мѣрѣ, не имѣя къ тому же, по милости самого же министра, способствовавшаго провалу волостной реформы, органовъ на мѣстахъ?! Такая помощь была по силамъ однимъ волостнымъ и сельскимъ общинамъ, руководимымъ не земствами, а администраціей и крестьянскими властями, и кооперативамъ.

Это шумливое обращеніе не по адресу стоило дорого земствамъ, но оказало мало помощи дѣйствительно нуждающимся. Оно могло быть сдѣлано только вѣдомствомъ, совершенно не вѣдающимъ ни компетенцій, ни возможностей подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Тѣмъ не менѣе это обращеніе было повторено весной и имѣло тотъ же результатъ.

Дѣлаются попытки влить сверху въ народъ пособія отъ разныхъ источниковъ—казначейства, разныхъ правительственныхъ комитетовъ, земства, выдачи натурою топлива отъ вѣдомства земледѣлія. Но такъ какъ всѣ эти учрежденія дѣйствуютъ несогласованно, черезъ разныхъ мѣстныхъ агентовъ—полицію, земскихъ начальниковъ, волостныя правленія, чиновниковъ и частныхъ лицъ, то дѣло помощи народу не можетъ планомѣрно и широко развиться, оно имѣетъ характеръ случайныхъ подачекъ, причемъ не всегда ихъ получаютъ нуждающіеся, одни добиваются пособій отъ двухъ источниковъ, другіе не получаютъ ни отъ одного.

Таковыми оказались новые законы для деревни, но не для городовъ. Въ этой болѣе знакомой Петрограду области, въ которой не приходится бороться съ необъятными разстояніями, новый законъ значительно улучшилъ дѣло. Попечительства во многихъ городахъ существовали и прежде, а не были вызваны къ жизни внезапно на случай войны, какъ въ деревнѣ, а потому привыкли къ дѣятельности. Они были живыми органами со свободнымъ выборомъ членовъ, а не приниженными канцеляріями. Участковая децентрализація большихъ городовъ дѣлала попечительства зачатками будущихъ мелкихъ муниципальныхъ единицъ. Контрольный надъ ними органъ оказался не столь многочисленнымъ и болѣе однороднымъ, чѣмъ въ уѣздахъ; онъ не оторвался отъ городской управы, а почти съ ней слился.

Чтобы выйти на лучшій путь въ разбираемомъ вопросѣ, не надо коверкать законъ 25 іюня, какъ это было сдѣлано новеллою, а слѣдуетъ осуществить его намѣреніе, спрыснувъ живой водой попечительства.

Переизбраніе волостныхъ попечителей послѣ года войны дало бы другіе результаты, чѣмъ ихъ первоначальные выборы на другой день по объявленіи войны. Народъ теперь познакомился съ новымъ закономъ и понялъ важныя обязанности попечителя. Слѣдуетъ, кромѣ того,

дополнить пассивное право лицъ всѣхъ сословій избираться въ попечители активнымъ правомъ—избирать ихъ вмѣстѣ съ волостными уполномоченными. Нужно широкое и открытое оповѣщеніе народа о задачахъ новыхъ выборовъ и доброжелательное отношеніе къ такой всесословной волости, учреждаемой ad hoc въ одномъ дѣлѣ призрѣнія семей призванныхъ на войну.

Но на этомъ нельзя остановиться. Слѣдуетъ прекратить пустословіе, что война—не время заботъ о внутренней жизни Россіи. Такая огромная страна не можетъ прекратить своей жизни на время войны.

За такими рѣчами скрывается невѣдѣніе того, что дѣйствительно нужно Россіи; говорящіе такъ всегда готовы отложить внутренніе вопросы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, вчера—революціи (столыпинское „прежде успокоеніе, затѣмъ реформы"), сегодня—войны. Для нашихъ мало освѣдомленныхъ законодательныхъ учрежденій разработка внутреннихъ реформъ не легкое и не скорое дѣло; результаты реформъ не скоро могутъ и обнаружиться, и нельзя все терять и терять время.

Деревня находится въ глубокомъ тылу, и война не только не мѣшаетъ ея организаціи, а, наоборотъ, настоятельно ея требуетъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о пріютѣ беженцамъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно только въ организованной деревнѣ.

Л. Дашкевичъ.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Къ воспоминаніямъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣсковѣ.

Въ архивѣ писемъ, накопившихся у меня за 43-лѣтнюю дѣятельность, не мало принадлежащихъ перу нашихъ писателей, съ которыми меня часто сталкивала и нерѣдко сближала моя профессія. Большинство такихъ писемъ имѣетъ, конечно, лишь узко-личное значеніе, но нѣкоторыя представляютъ, кромѣ того, и извѣстный литературно-общественный интересъ. Въ числѣ послѣднихъ—нѣсколько *писемъ Николая Семеновича Лѣскова,* которыя, въ качествѣ матеріала для воспоминаній о писателѣ, по своей самобытности и оригинальности, заслуживаютъ, я полагаю, быть напечатанными, а потому я ихъ предоставилъ въ распоряженіе редакціи *Русской Мысли.*

Кромѣ помѣщенныхъ ниже писемъ, относящихся къ послѣднимъ 8 годамъ жизни Николая Семеновича, когда меня съ нимъ сблизили его недуги, я напоминаю о случившемся съ Н. С. въ 1871 году *эпизодѣ,* который имѣетъ близкое отношеніе къ нынѣшней злобѣ дня—къ вопросу о „нѣмецкомъ засильѣ въ Остзейскомъ краѣ“.

Наконецъ, я привожу выписку изъ моего альбома автографовъ, въ которомъ, въ собственномъ изложеніи Н. С. Лѣскова, заключается любопытное изреченіе о его книгѣ „Мелочи архіерейской жизни“, сдѣланное покойнымъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода гр. *Д. А. Толстымъ.*

Письма Н. С. Лѣскова къ Л. Б. Бертенсону.

5 Мая 1887 г.

Благодѣтель мой Левъ Бернардовичъ. На Москвѣ смачно ѣдятъ и обильно спятъ, а дѣлами неборзяся орудуютъ, и есть у нихъ на то присноровка, — называется — московская волокита. И отъ той волокиты я, богомолецъ твой и сирота, присмирѣлъ и разслабъ и насилу живъ ко своимъ животамъ въ еретицкій градъ повернулся, и тебѣ, Государю моему, челомъ бью и плачуся: повели мнѣ, Государь, на твой смотръ придти и разсмотри отъ своей дохтурской хитрости, что мнѣ отъ той волокиты прикинулось на нутрѣ, или въ печеняхъ, или на сердцѣ, или— утинъ, али задуха, или сглазъ, или отъ обжорства, или отъ фрязскаго сладкаго вина, съ горестію испитаго съ охранителями *Русской Мысли!*

А казнѣ твоей, Государь, черезъ тое твое обо мнѣ дохтурство прибытка не будетъ никакого, и ты бы, Государь, на насъ за то не гнѣвался, а мнѣ явите свое милосердіе, — пришлите номерокъ [1]), — когда докучать позволите. Преданный и благодарный Вамъ *Николай Лѣсковъ.*

5 окт. 1889 г.

Досточтимый Левъ Бернардовичъ. Вы меня посѣщаете, а я гуляю... За это меня надо не похвалить, но Вы меня простите и обычною милостію своею покройте. — Здоровье немножечко лучше, но всякій день бываетъ напоминаніе. Продолжаю облатки, пилюли и Гуніади по стаканчику. Діэту соблюдаю.—*Михайло Ивановичъ Пыляевъ* [2]) живетъ по Фонтанкѣ, между Цѣпнымъ и Симеоновскимъ мостами, № 22, кв. 8 (во дворѣ). Онъ сейчасъ у меня и крайне смущенъ тѣмъ, что Вы запросили о его адресѣ. Онъ живетъ „въ келейкѣ", съ „птичками" и съ „колбочками", и боится, что Вы ему захотите оказать вниманіе, а его дома не случится. Онъ прислуги не держитъ,—не по скупости и не по недостатку, а потому, что она ему „мѣшаетъ заниматься". Онъ Васъ проситъ „не безпокоиться", а впрочемъ „какъ Вамъ угодно"! И я скажу то-же. Самъ Михайло Пыляичъ къ Вамъ явится на сихъ дняхъ и принесетъ „другую книжечку". (У него все вѣдь въ уменьшительно-ласкательномъ родѣ). Проситъ Васъ (если можно) при случаѣ молвить словечко Н. К. Зейфарту [3]) въ защиту дѣтей его умершаго друга Асташева: нельзя ли имъ дать опекуна не „профессіональнаго", а честнаго, воспитаннаго и добраго. Мальчика-то, кажется, въ самомъ дѣлѣ обидѣли и вывели изъ терпѣнія.

„Попы толстопузые" поусердствовали и весь VI-й томъ мой измазали. Изчеркали даже романъ „Захудалый родъ", печатавшійся у Каткова... Вотъ каково „мужененистовство"! Это то, что Мицкевичъ удачно называлъ „kaskady tyraństwa"... Какіе отъ этого облатки и пилюли принимать надо?... Что за подлое самочинство и самовластіе со стороны всякаго прохвоста!

Не отрывайте себя для меня. Пришлите мнѣ лучше номерочекъ,—я приду къ Вамъ. Будетъ съ меня, что я Васъ безпокою въ крайнихъ случаяхъ.—Экземпляръ сочиненій принесу Вамъ, когда будутъ въ переплетѣ. VI-й т. постараюсь добыть. [4]) Преданный Вамъ *Н. Лѣсковъ.*

---

[1]) „Номерокъ" обозначаетъ очередной билетъ на пріемъ больныхъ. *Л. Б.*

[2]) Авторъ сочиненій „Старый Петербургъ", „Старая Москва" и друг. *Л. Б.*

[3]) Предводитель дворянства С.-Петербургского уѣзда. *Л. Б.*

[4]) Здѣсь идетъ рѣчь о томъ томѣ сочиненій *Н. С. Лѣскова,* который, вслѣдствіе содержанія „Мелочей архіерейской жизни", по повелѣнію *Побѣдоносцева,* былъ конфискованъ и изъятъ изъ употребленія. Эта книга была для меня добыта Н. С. и доставлена со слѣдующей надписью: „Божіимъ попущеніемъ книга сія сочтена вредною и уничтожена мстивостью чревонеистоваго Ѳеоктистова подлаго ради угожденія Ламнадоносцеву". *Л. Б.*

31 декабря 1891 г.

Завтра, 1-го генваря 1892 г.—великое дѣло: завтра исполнится тысячелѣтіе *Петербургской Газеты*, о чемъ седмь разъ объявлено въ печати!... Можно ли не знать объ этомъ! Третьяго дня ко мнѣ пріѣзжалъ Худековъ на парѣ орловскихъ чистокровокъ и самъ привезъ мнѣ билетъ съ тѣмъ, чтобы я далъ ему слово „хоть на минуту взойдти" къ нему въ сей день священнаго торжества. И я по малодушеству своему не устоялъ и далъ обѣщаніе пріѣхать на малое время, въ 2 часа дня. Назадъ спятиться не могу, а боюсь, что Вы, добрый другъ мой, тутъ-то и можете ко мнѣ заѣхать, и это будетъ мнѣ большимъ огорченіемъ! А потому,—думаю,—не лучше ли будетъ, если Вы назначите мнѣ другой день, наприм., четвергъ (2-го ч.), или завернете ко мнѣ завтра (т. е. въ среду), позже 4-хъ часовъ. — Въ положеніи моемъ ничего „жизнерадостнаго" нѣтъ: тотъ же голодъ и тѣ же припадки, непремѣнно ежедневные и утромъ. Сегодняшній былъ легче прочихъ, но въ моихъ глазахъ—это все равно angina fara da se. Надо, чтобы и духъ шелъ самъ по себѣ,—о чемъ и забочусь. Искренно Вамъ благодарный *Н. Лѣсковъ*.

20 февр. 1892 г.

Достоуважаемый Левъ Бернардовичъ. Ваши визитныя карточки пронзаютъ мое бѣдное сердце... Что мнѣ дѣлать, чтобы не придти въ совершенное отчаяніе?! Вы хотѣли быть въ воскресенье „къ 6-ти ч.".— Погода была превосходная, и я вышелъ погулять въ 2 ч. и вернулся въ 4, и уже нашелъ у себя Вашу карточку... Огорченъ и смущенъ. Укрѣпляю духъ мой терпѣніемъ и думаю: „вотъ самъ схожу и попрошу извиненія"... Сегодня по неотложной надобности выхожу въ 2 ч., чтобы видѣть *Ге*, и возвращаясь къ 4-мъ ч.—опять нахожу Вашу карточку! Ну что же я съ этимъ подѣлаю?!

Здоровье мое таково, какъ и было: 1 разъ въ недѣлю бываетъ приступъ, но не тяжелый. Ѣмъ одинъ разъ мясо (и только одно блюдо), а два раза въ день пью молоко съ вегетаріанскимъ хлѣбомъ. Читалъ, какъ *Левъ Николаевичъ Толстой* ходилъ въ Тулѣ на бойню рогатаго скота, и вспомнилъ, что я самъ видѣлъ въ этомъ родѣ... Какъ жутко и какъ жаль, что дѣтямъ этого не показываютъ,—особенно барышнямъ, которыя будутъ матерями!... Вы мнѣ кажется говорили, что я могъ бы перейти на вегетаріанскую пищу? Такъ это, или нѣтъ?

Но какъ же быть, чтобы я не потрафилъ уйдти на долго, когда Вы заѣдете? А въ 3-ій этажъ я взойти не въ состояніи. Искренно Васъ любящій *Н. Лѣсковъ*.

3 апр. 1892 г.

Вы, пожалуйста, не подумайте, что я равнодушно отношусь къ вызову вниманія бѣдствіямъ, раскрываемымъ Вашею книгою! [1]) Это будетъ не-

---

[1]) О положеніи горнорабочихъ на Уралѣ. *Л. Б.*

справедливо,—я не равнодушествую, но въ *Нов. Вр.* ни меня, ни Васъ „не обожаютъ“... А съ этимъ ничего не подѣлаешь! Что-же касается *Пб. Г.*, то я туда самъ написалъ замѣтку и послалъ ее туда уже 6 дней, но она не появляется... „Коллега“ думаетъ, что „они-съ боятся-съ“... Съ цѣлію разсѣять страхъ, онъ же былъ туда посылаемъ сегодня и принесъ извѣстіе, что „отзывъ-съ поставятъ-съ на Святой-съ его сторонникъ-съ“... Страхъ преодолѣвденъ, но „интересныя-съ убійства мѣшаютъ-съ“...

Когда увидимся? Здоровье все по старому: ни хорошо, ни худо; но припадковъ нѣтъ, а такъ все „на нутрѣ не крѣпко“. Искренно Васъ любящій *Н. Лѣсковъ.*

Объ упомянутомъ мною выше *эпизодѣ* сообщилъ мнѣ *Н. С. Лѣсковъ* при первомъ нашемъ знакомствѣ. Перечисляя событія жизни, которыя могли имѣть вліяніе на здоровье, Н. С. упомянулъ, съ чувствомъ досады и горечи, объ уголовномъ дѣлѣ, въ которое въ 1871 году онъ былъ вовлеченъ эстляндскимъ оберъ-ландгерихтомъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, онъ замѣтилъ только, что если я желаю, то могу поговорить объ этомъ дѣлѣ съ бывшимъ его, Лѣскова, защитникомъ, извѣстнымъ адвокатомъ К. Ф. Хартулари, въ то время моимъ паціентомъ.

Уже послѣ кончины Николая Семеновича (въ декабрѣ 1899 г.) отвѣчая К. Ф. Хартулари на письмо, касавшееся одного его больного пріятеля, я воспользовался случаемъ спросить о дѣлѣ Лѣскова, и вотъ что сообщилъ мнѣ Хартулари:

„Вы желали ознакомиться съ инцидентомъ, который произошелъ въ жизни нашего общаго съ Вами пріятеля, покойнаго *Н. С. Лѣскова,* когда онъ явился протестантомъ противъ порядковъ Остзейскаго края и когда по этому, именно, поводу мнѣ пришлось съ нимъ, выражаясь словами покойнаго Горбунова, „сѣчься“ и вызвать на себя нападки всѣхъ Остзейскихъ бароновъ, предавшихъ меня *анаѳемѣ,* за возбужденіе народныхъ страстей... (sic!)... Упомянутый инцидентъ помѣщенъ въ прилагаемомъ при семъ Сборникѣ [1]), который подношу Вамъ въ полную собственность“. *К. Хартулари.*

Заимствую изъ этого Сборника существенное:

„22-го февраля 1871 г. Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ, при отношеніи къ приставу 4-го участка Литейной части, сообщилъ г. *Лѣскову* исковое прошеніе эстляндскаго коммисаріуса Фисци, на нѣмецкомъ языкѣ, безъ перевода, и при этомъ поручилъ приставу 4-го участка обязать г. Лѣскова подпискою явиться въ судъ къ 11-му марта, а также избрать себѣ защитника изъ числа присяжныхъ адвокатовъ Оберъ-Ландгерихта.

„По полученіи объявленія, г. Лѣсковъ счелъ себя вправѣ подать Оберъ-Ландгерихту объясненіе, въ которомъ доводитъ до свѣдѣнія суда о болѣзненномъ своемъ состояніи, извѣстномъ начальнику Эстляндской губерніи, вслѣдствіе по-

---

[1]) *К. Ф. Хартулари:* „Итоги прошлаго (1866—1891). Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи. Спб., 1891“.

сланнаго имъ начальнику губерніи по сему же предмету заявленія, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства, въ то же время заявляя, что бумага, препровожденная Оберъ-Ландгерихтомъ при отношеніи къ приставу 4-го участка Литейной части, не могла быть имъ прочтена, какъ написанная на нѣмецкомъ языкѣ, безъ перевода, и посему, не имѣя возможности ознакомиться съ ея содержаніемъ, онъ, Лѣсковъ, не можетъ исполнить требованія Оберъ-Ландгерихта избрать и „наставить" одного изъ мѣстныхъ адвокатовъ... Въ заключеніе своего объясненія Лѣсковъ ходатайствуетъ передъ означеннымъ судомъ о переводѣ ему обвинительнаго акта на русскій языкъ и о дозволеніи избрать защитника не изъ присяжныхъ адвокатовъ Оберъ-Ландгерихта, а изъ постороннихъ лицъ.

„Такое объясненіе Лѣскова, не смотря на всю законность выраженнаго въ немъ ходатайства, было, однако-же, возвращено ему обратно Эстляндскимъ Оберъ-Ландгерихтомъ при отношеніи къ приставу 4-го участка Литейной части, отъ 19-го марта 1871 г., причемъ упомянутый судъ, не препровождая уже вовсе искового прошенія Эстляндскаго коммисаріуса Фисци, но доводя лишь до свѣдѣнія обвиняемаго, что объясненіе его возвращается, какъ не заслуживающее уваженія ни по формѣ, ни по содержанію, предписываетъ полицейскому управленію взять подписку съ Лѣскова о явкѣ въ судъ на 29-ое апрѣля и вмѣнить ему въ обязанность избрать себѣ защитника изъ присяжныхъ адвокатовъ Оберъ-Ландгерихта, фамиліи которыхъ сообщаются. Въ заключеніе упомянутаго отношенія судъ запрещаетъ приставу 4-го участка Литейной части принимать отъ Лѣскова всякаго рода объясненія, за исключеніемъ подписки, на томъ будто-бы основаніи, что Оберъ-Ландгерихтъ, какъ судебное мѣсто, въ силу дѣйствующихъ мѣстныхъ узаконеній, не обязанъ вступать съ частными лицами въ переписку, и что если Лѣсковъ не доволенъ распоряженіями суда, то можетъ обжаловать ихъ въ установленномъ закономъ порядкѣ.

„Между тѣмъ Лѣсковъ, опасаясь заочнаго судебнаго приговора, которымъ ему угрожалъ Оберъ-Ландгерихтъ, послалъ сему суду, одновременно, новое объясненіе и частную жалобу на всѣ его дѣйствія. Но какъ объясненіе, такъ и частная жалоба были возвращены обвиняемому обратно, причемъ со стороны Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта было послано С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру отношеніе отъ 5 мая 1871 г., въ которомъ судъ жалуется на дѣйствія пристава 4-го участка Литейной части, принимающаго отъ Лѣскова помянутыя объясненія, „по всей вѣроятности, по ошибкѣ". Что же касается до частной жалобы, то она возвращается Лѣскову на томъ будто бы основаніи, что подлежитъ подачѣ непосредственно въ Правительствующій Сенатъ.

Этимъ оканчивается переписка Эстляндскаго Суда съ обвиняемымъ, которая была прервана указомъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшимъ вслѣдствіе поданной защитникомъ Лѣскова Правительствующему Сенату частной жалобы.

Пропускаю разсужденія и доводы защиты и привожу изъ напечатаннаго *Хартулари* тѣ объясненія, которыя были представлены лично Лѣсковымъ въ засѣданіи Правительствующаго Сената.

Лѣсковъ: „Прежде всего, не знаю, по какому дѣлу я призываюсь къ отвѣту. Г. оберъ-секретарь въ докладѣ своемъ упустилъ сказать о томъ, что я призываюсь по разнымъ дѣламъ: одинъ разъ меня приглашаютъ дать отвѣтъ за оскорбленіе квартальнаго надзирателя; другой разъ—за оскорбленіе разныхъ лицъ, и, наконецъ, третій разъ—за ослушаніе. Есть ли это три разныя дѣла, или же одно дѣло? Я не понимаю такого совмѣстнаго обвиненія. Я не получилъ сути обвиненія, хотя получить ее желаю и даже прошу объ этомъ, дабы дать мои почти-

тельнѣйшіе отвѣты; но мнѣ отказываютъ! Я знаю только одно дѣло и желаю, чтобы оно было разобрано. Дѣло это вотъ какое: Нѣкто, кандидатъ правъ Московскаго Университета Добровъ, рекомендованный губернатору Галкину ректоромъ Московскаго Университета Баршевымъ, прибилъ при мнѣ исключеннаго за демонстрацію студента Виклера, канцелярскаго писаря Мейера и гимназиста Гешнера, которые, пивши вино въ ревельскомъ купальномъ курзалѣ, вели задорныя и оскорбительныя для чести русскихъ рѣчи. Именно, говоря по поводу романа „Дымъ", они сказали, что „въ Россіи все должно разлетѣться, какъ дымъ", а потомъ, заспоривъ съ Добровымъ, что „у русскихъ нѣтъ чести"...

„Затѣмъ я сказалъ, въ чемъ заключается дѣло, которое я знаю; но какъ изъ него вытекаетъ рядъ проступковъ, я не могу понять. Я никакого квартальнаго надзирателя не оскорблялъ; но есть въ Ревелѣ такой квартальный, который меня оскорбилъ. Это было такъ, что, когда Добровъ поучивъ дерзкихъ нѣмцевъ палкою и переломивъ ее на спинѣ одного изъ нихъ, ушелъ въ сторону, меня тотчасъ-же окружили побитые Добровымъ и дѣлали мнѣ дерзости, а явившійся нѣмецкій квартальный надзиратель, къ которому я обратился съ просьбой отвести меня домой, или къ губернатору Галкину, или, наконецъ, въ полицію, отказалъ во всемъ этомъ и сознался въ томъ г. Галкину. Затѣмъ, въ чемъ заключается „ослушаніе", я уже совсѣмъ не знаю и именно хочу это знать, и прошу дать мнѣ въ этомъ обвинительный актъ, и считаю себя на это въ правѣ. Въ подкрѣпленіе этого права я, не зная законовъ Остзейскаго края, могу, однако, сослаться на дѣла, соотвѣтствующія настоящему. У меня, напримѣръ, есть интересные документы по Вейсенштейнскому дѣлу объ оскорбленіи русскаго знамени Островскаго пѣхотнаго полка. При производствѣ этого дѣла, какъ мнѣ извѣстно, давали обвинительные пункты и притомъ составленные съ такою подробностью, что священника, совершавшаго въ это время молебствіе о здравіи Государя Императора, спрашивали: „былъ ли маіоръ, командовавшій церемоніей, достаточно трезвъ?" Имѣя это въ виду, я полагаю, что и я имѣю право получить вопросы не менѣе подробные. Потомъ я знаю второй случай, касающійся литератора *Милюкова*, который провинился передъ ревельцами какою-то корреспонденціею, за которую отъ него потребовали столь подробныхъ объясненій, что онъ вынужденъ былъ писать и о ревельскихъ мостовыхъ и о ревельскихъ кильках. Слѣдовательно, только одному мнѣ отказывается въ присылкѣ обвинительныхъ пунктовъ, на которые я желаю отвѣчать, а мнѣ прямо угрожаютъ причинить „законные вреды".

„Затѣмъ есть вопросъ о защитникѣ-юристѣ. Такой юристъ мнѣ совершенно необходимъ, потому что, хотя я только однажды имѣлъ случай объясниться съ прибалтійскими властями, но при этомъ объясненіи видѣлъ такое нарушеніе моихъ правъ: мнѣ не только не дали написать объясненія моей рукою, но даже не предложили подписать его. Я обращаю на это особое вниманіе Сената и удостовѣряю, что во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни одной моей подписи, касающейся существа дѣла. Не зная, подписано, или не подписано кѣмъ нибудь мое объясненіе, я его не знаю и не признаю. Если же оно подписано кѣмъ либо вмѣсто меня, неграмотнаго, по рукоданной просьбѣ, то это будетъ очень удивительно, потому что я грамотенъ и даже литераторъ, а руки своей я никакому ревельскому нѣмцу съ довѣріемъ не подавалъ и не подамъ.

„Поэтому я желаю и прошу утвердить за мною право выставить вмѣсто себя для сношеній съ Эстляндскимъ Оберъ-Ландгерихтомъ русскаго присяжнаго повѣреннаго. Г. Хартулари, кажется, достаточно доказалъ, что я имѣю на это право".

„Въ заключеніе скажу: здѣсь, въ этомъ засѣданіи, было употреблено кѣмъ то слово „преступленіе"; слово это не должно и не можетъ имѣть мѣста, когда рѣчь идетъ о проступкахъ, составляющихъ не что иное, какъ полицейское правонарушеніе. Но какъ законъ русскій не отнимаетъ права свободной защиты даже у государственныхъ преступниковъ, то я всепокорнѣйше прошу Сенатъ сравнять меня въ правѣ защиты хоть съ ними".

По обсужденіи настоящаго дѣла, „Правительствующій Сенатъ 4-го января 1873 года постановилъ: „предписать Эстляндскому Оберъ-Ландгерихту сообщить губернскому секретарю Лѣскову предъявленный противъ него коммисаріусомъ Фисци уголовный искъ въ русскомъ переводѣ".

---

28 апр. 1889 г.

Я пишу въ альбомѣ Льва Бернардовича Бертенсона 28 апрѣля 1889 года,—въ день погребенія министра вн. д. *Д. А. Толстого,* и заношу сюда на память случай, который легко можетъ остаться неизвѣстнымъ, межъ тѣмъ какъ онъ достоинъ вниманія.—Въ бытность *Толстого* оберъ-прокуроромъ Синода и министромъ народнаго просвѣщенія, я служилъ членомъ ученаго комитета м. н. пр., и въ это-же время написалъ этюды, извѣстные подъ заглавіемъ „Мелочи архіерейской жизни". Они сначала были напечатаны въ газетѣ *Новости.* Редакторъ *Нотовичъ* однажды извѣстилъ меня, что гр. *Д. А. Толстой* присылалъ купить для него отборъ всѣхъ номеровъ, гдѣ напечатаны мои „Мелочи". Ожидали непріятностей, а на другой день я встрѣтилъ бывшаго предсѣдателя учебнаго комитета при Синодѣ, извѣстнаго въ свое время протоіерея *Іосифа Васильева,* который сказалъ мнѣ:

— „Я сейчасъ отъ графа... Онъ говоритъ, что вы ему не дали всю ночь спать,—онъ все читалъ объ архіереяхъ и очень на Васъ сердится.

— За что же именно онъ мною недоволенъ? — спросилъ я, и добавилъ, что я кажется все писалъ объ архіереяхъ правду.

— „Да, отвѣтилъ *Васильевъ,* но графъ находитъ, что *вы о нихъ черезъ чуръ хорошаго мнѣнія*". *Николай Лѣсковъ.*

Левъ Бертенсонъ.

Петроградъ, 22 августа 1915 г.

Московскіе розенкрейцеры XVIII столѣтія.

Я. Л. Барсковъ. Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Петроградъ, 1915 г.

За немногими исключеніями матеріалы, вошедшіе въ названный выше сборникъ, либо полностью, либо частями были уже извѣстны въ печати. Такъ, мы находимъ здѣсь прежде всего переписку московскихъ мартинистовъ за 1790—1792 гг., въ свое время подвергшуюся перлюстраціи на московскомъ почтамтѣ и благодаря этому сохранившуюся въ копіяхъ до нашего времени. Въ составъ этой переписки вошли главнымъ образомъ письма, которыми обмѣнивались между собою московскіе мартинисты и членъ ихъ братства А. М. Кутузовъ, поселившійся въ Берлинѣ съ цѣлью проникновенія въ высшія тайны масонства. Но къ той же коллекціи принадлежатъ и нѣкоторыя письма, не относящіяся къ перепискѣ Кутузова, хотя и тѣсно связанныя съ нею по содержанію. Часть этой корреспонденціи была уже напечатана въ *Русской Старинѣ.* Въ настоящемъ сборникѣ она издана полностью по копіямъ, хранящимся въ петроградскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. За упомянутой перепиской въ сборникѣ слѣдуетъ написанный на нѣмецкомъ языкѣ дневникъ барона Шредера,—мартиниста-авантюриста, сыгравшаго не малую роль въ исторіи новиковскаго кружка. Дневникъ этотъ хранится въ Государственномъ архивѣ, въ бумагахъ Елагина. Пекарскій въ своемъ трудѣ: „Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII в.“, частью перевелъ, частью изложилъ дневникъ Шредера, не зная еще имени автора дневника. Теперь въ сборникѣ напечатанъ полный нѣмецкій оригиналъ этого дневника. Послѣ дневника Шредера въ сборникѣ помѣщены письма кн. Трубецкого, Новикова и Ржевскаго, относящіяся къ 80-мъ годамъ XVIII столѣтія и рисующія возникновеніе въ Москвѣ розенкрейцерства. Эти письма, хранящіяся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, были обнародованы еще Ешевскимъ, но нѣкоторыя изъ нихъ Ешевскій далъ лишь въ изложе-

ніи. Теперь всѣ они напечатаны цѣликомъ, въ подлинномъ ихъ видѣ. Полной новостью въ печати являются два письма Новикова и одно письмо кн. Трубецкаго къ И. П. Тургеневу, также изъ Румянцевскаго музея. Наконецъ, изъ очень рѣдкаго изданія „Signatstern" перепечатаны документы, касающіеся барона Шредера. Сборнику предпослано обширное введеніе, написанное Я. Л. Барсковымъ. Оно богато интересными фактическими сопоставленіями и любопытными соображеніями, съ которыми, впрочемъ, не всегда можно согласиться.

Таково содержаніе сборника. Для интересующихся исторіей русскаго масонства, но не имѣющихъ возможности работать въ архивахъ сборникъ сослужитъ важную службу. Здѣсь впервые въ полномъ объемѣ и въ точной редакціи обнародованъ рядъ документовъ первостепеннаго значенія, безъ которыхъ никакъ нельзя обойтись при изученіи московскаго розенкрейцерства.

Мы намѣрены остановить вниманіе читателей на этихъ документахъ. Въ тонкія подробности, интересныя для спеціалистовъ, мы не будемъ вдаваться. Но мы постараемся изложить нѣкоторыя общія заключенія о судьбѣ того розенкрейцерскаго кружка, съ которымъ связаны имена лучшихъ представителей московской интеллигенціи времени Екатерины II: Новикова, Лопухина, Гамалѣи, Кутузова. Этотъ кружокъ представляетъ глубокій интересъ не только для спеціальной исторіи русскаго масонства, но и для общей исторіи русской культуры. Съ этой общей точки зрѣнія онъ именно и займетъ насъ въ послѣдующемъ изложеніи.

I.

„Мартинистами" или „розенкрейцерами" называли въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII столѣтія немногочисленную и очень замкнутую группу лицъ, выдѣлившуюся изъ среды тогдашнихъ русскихъ масоновъ въ особый кружокъ, основанный профессоромъ московскаго университета Шварцемъ. Внѣшняя исторія возникновенія, развитія и уничтоженія этого кружка много разъ была разсказана различными авторами. Я лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ напомню главнѣйшіе моменты этой исторіи.

Уже въ царствованіе Анны въ Россіи появляются зачатки масонства. Въ царствованіе Елизаветы распространеніе масонства въ русскомъ обществѣ становится еще замѣтнѣе. Но интересъ къ масонству носилъ тогда совершенно поверхностный, суетно-легкомысленный характеръ. То была просто-напросто барская игра, въ которой люди, не знающіе, чѣмъ заполнить избытокъ досуга, забавлялись побрякушками масонскаго ритуала, соединяя масонскіе обряды съ веселыми пирами въ такъ называемыхъ „столовыхъ ложахъ". Совершенно иное направленіе при-

няли масонскія увлеченія въ вѣкъ Екатерины II. Конечно, и въ это время было не мало людей, привлекаемыхъ къ масонскимъ ложамъ жаждой развлеченій, смотрѣвшихъ на масонскія собранія, какъ на своего рода замысловатый маскарадъ, или наивно заинтересованныхъ таинственностью масонскихъ установленій. Любое общественное движеніе, какъ бы оно ни было глубоко или возвышенно, обрекается на необходимость нести на своемъ хвостѣ прилипающихъ къ нему паразитовъ. Но во главѣ и въ центрѣ масонскаго движенія въ царствованіе Екатерины II мы находимъ людей, томящихся по идеалу, одушевленныхъ искреннимъ стремленіемъ познать истину, людей, „взыскующихъ града" и не способныхъ удовлетвориться пошлостью обыденнаго существованія. Передъ нами Елагинъ, уже участвовавшій въ масонскихъ ложахъ во времена Елизаветы, бросившій ихъ, какъ пустую забаву, и теперь вновь вступающій въ масонство только потому, что изъ бесѣды съ однимъ англичаниномъ онъ узналъ о серьезной сторонѣ масонскихъ исканій и стремленій. Передъ нами—Новиковъ, со слезами допрашивающій Рейхеля о томъ, какъ искать истиннаго масонства. Передъ нами—Кутузовъ, не желающій разстаться со своими масонскими книгами даже для того, чтобы продажею ихъ откупиться отъ кредиторовъ и тѣмъ спасти себя отъ берлинской тюрьмы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что люди, привязанные къ масонству такими узами, видѣли въ увлеченіи масонствомъ смыслъ своей жизни и присоединялись къ масонству лишь потому, что оно было родственно глубочайшимъ запросамъ ихъ духовной природы.

Во времена Екатерины II русское масонство переживало эпоху усиленной борьбы разнообразныхъ направленій. То была чисто-идейная борьба, проистекавшая изъ настойчиваго исканія истины. Первоначально въ расположенныхъ къ масонству кругахъ русскаго общества распространилось такъ называемое англійское масонство, усиленно пропагандировавшееся Елагинымъ. То было масонство трехъ первыхъ „іоанновскихъ" степеней, сводившееся къ проповѣди личной нравственности на основѣ самопознанія и самоусовершенствованія. Это была своего рода этическая система, первоначальные принципы которой были изложены еще въ „Конституціяхъ" Андерсена. Затѣмъ на-ряду съ ложами елагинской системы въ Россіи появляются ложи, основанныя Рейхелемъ. То былъ первый шагъ нѣмецкаго масонства на русской почвѣ въ эпоху Екатерины. Сущность нѣмецкаго масонства состояла въ превращеніи масонскаго ученія изъ системы личной нравственности въ систему мистическаго познанія Бога, человѣка и природы. Три степени англійскаго масонства объявлялись низшими, подготовительными степенями. Истинное содержаніе масонскаго ученія полагалось въ исканіи „высшихъ" степеней, которыя должны были дать человѣку возможность проникнуть

въ тайну божественной сущности, въ тайну истиннаго предназначенія человѣка, въ тайну мірозданія и силъ природы. Открытіе этихъ тайнъ должно было предоставить человѣку власть надъ силами природы. Мистика, каббалистика, алхимія,—вотъ что ожидало масона на „высшихъ ступеняхъ“ масонской мудрости. Эти мистическія исканія получали однако различные оттѣнки и различныя формы выраженія въ отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ континентальнаго масонства. Ученіе, принесенное въ Россію Рейхелемъ, представляло собой умѣренную форму континентальнаго масонства, такъ называемую „циннендорфскую систему“ или „систему слабаго наблюденія“. Здѣсь отвергались тѣ крайности „высшихъ степеней“, которыя приводили къ уродливымъ насиліямъ надъ здравымъ смысломъ, а съ другой стороны, порождали суетную борьбу честолюбій, принимавшую форму политическихъ происковъ, интригъ и авантюръ. Но все же, при всей этой умѣренности, циннендорфство рѣзко отличалось отъ добраго стараго англійскаго масонства, не знавшаго никакихъ мистическихъ тумановъ и сосредоточеннаго на проповѣди здравой душевной гигіены. Направленія Елагина и Рейхеля оказались противоположными. Между ними началась борьба. Въ сущности въ этой идейной борьбѣ рѣшался одинъ основной вопросъ: въ чемъ должна состоять коренная цѣль масонскихъ исканій: въ нравственномъ самоусовершенствованіи человѣка или въ мистическомъ проникновеніи въ тайны божества, мірозданія и природы? Борьба кончилась тѣмъ, что Елагинъ капитулировалъ передъ Рейхелемъ. Обѣ системы соединились. Русскіе масоны сдѣлали рѣшительный шагъ отъ англійскаго масонства къ масонству континентальному.

Но этотъ шагъ не вносилъ еще успокоенія во взволнованныя души руководителей русскаго масонства. Побѣда Рейхеля надъ Елагинымъ представляется вполнѣ естественной. Общество, почувствовавшее сладость умственной пытливости и тоскующее по возвышеннымъ идеаламъ, но въ то же время лишенное настоящей умственной культуры и въ сущности невѣжественное, всегда предпочтетъ манящіе призраки непонятныхъ тайнъ яснымъ и точно формулированнымъ положеніямъ. Именно такихъ наивно преклоняющихся передъ непонятной премудростью полуневѣждъ въ сущности и представляли собою тогдашніе русскіе неофиты масонства. Обаятельность такихъ людей, какъ Елагинъ, Новиковъ, Кутузовъ, Лопухинъ, заключалась въ глубокой искренности ихъ душевныхъ порывовъ къ свѣту истины, въ неподдѣльной мучительности ихъ исканій, въ неспособности ихъ успокоиться на безыдейномъ существованіи. Эти черты придаютъ особую трогательность ихъ безпомощному преклоненію передъ непонятнымъ, ихъ наивной увѣренности въ томъ, что истина добывается не изъ ясности мысли, а изъ таинственной запутанности непроницаемыхъ въ своей загадочности формулъ и

символовъ. Этой-то потребности преклоненія передъ непонятнымъ континентальное масонство удовлетворяло въ гораздо большей степени, нежели англійское, и вотъ почему соперничество Елагина и Рейхеля кончилось въ пользу послѣдняго.

Но вѣдь это былъ лишь первый шагъ. Онъ предрѣшалъ лишь то общее направленіе, въ которомъ наиболѣе пытливые русскіе масоны отправятся въ поиски за истиной. Но вѣренъ ли данный именно путь въ избранномъ направленіи или возможенъ и другой, вѣрнѣйшій—вотъ вопросъ, не перестававшій волновать вождей русскаго масонства. Гдѣ искать истиннаго масонства? Надъ этимъ вопросомъ, мучительно страдая и обливаясь слезами, бились лучшіе люди русскаго общества Екатерининской эпохи. Новиковъ, не будучи въ силахъ сдержать слезы, проситъ Рейхеля указать ему признаки, по которымъ можно было бы отличать истинное масонство отъ ложнаго. Рейхель, самъ волнуясь и плача, говоритъ, что вѣрнѣйшимъ признакомъ ложнаго масонства является наличность какихъ-либо политическихъ стремленій. Итакъ, истинный философъ долженъ быть чуждъ политикѣ. Указаніе, какъ нельзя болѣе опредѣленное, но могло ли оно удовлетворить тѣхъ, кто искалъ не только отрицательныхъ, но и положительныхъ признаковъ, кому важно было знать не только то, чѣмъ философія не должна быть, но и то, чѣмъ она быть должна?

Въ самый годъ объединенія елагинскихъ и рейхелевыхъ ложъ (1776 г.) Екатерина II послала въ Стокгольмъ кн. Куракина съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича. Кн. Куракинъ былъ близокъ къ масонскимъ кругамъ, и вотъ русскіе масоны тотчасъ рѣшили воспользоваться его поѣздкой въ Швецію для того, чтобы при его посредствѣ добыть шведскіе масонскіе акты. Не въ Швеціи ли скрывается истинное масонство?—спрашивали они себя, мучимые сомнѣніями и жаждой познанія истины. Какъ трогательна эта рѣшимость искать истину во что бы ни стало, по всѣмъ странамъ и государствамъ, и какъ характерно-наивна эта увѣренность въ томъ, что предѣлы распространенія истины обусловливаются государственными границами, что на истину можно „наѣхать“, странствуя по различнымъ землямъ, словно на какой-то кладъ, зарытый въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ!

Расчеты на Швецію не оправдались. Къ тому времени, какъ русскіе масоны обратили на Швецію свои взоры, шведское масонство подпало подъ власть одного изъ уродливѣйшихъ развѣтвленій нѣмецкаго масонства, такъ называемой системы „строгаго наблюденія“. Благодаря поѣздкѣ кн. Куракина, въ Россіи подъ главенствомъ кн. Гагарина возникли ложи, связанныя съ шведскимъ масонствомъ и принявшія систему „строгаго наблюденія“, а вскорѣ Россія была включена въ IX провин-

цію ордена, во главѣ которой стоялъ шведскій гроссмейстеръ герцогъ Зюдерманландскій, и, такимъ образомъ, русскіе масоны попали въ формальную зависимость отъ Швеціи. Это вызвало глубокое недовольство среди лучшихъ русскихъ масоновъ, которые не находили никакого удовлетворенія въ системѣ „строгаго наблюденія". Объясненіе этому недовольству находимъ въ письмѣ Новикова къ Ржевскому отъ 14 февраля 1783 г.

Въ этомъ письмѣ Новиковъ, разсказывая о томъ, какъ русскіе масоны порвали зависимость отъ Швеціи, даетъ слѣдующую характеристику особенностей шведскаго масонства: „щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитуляхъ, о иллюминованныхъ капитуляхъ, о братьяхъ фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч. и проч., всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частью только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей, играющихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ, почему и показались они сказаннымъ московскимъ братьямъ не только что страшными, но и чуждыми истиннаго ордена, а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ блистательныхъ капитуляхъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались имъ совершенно ложными и поддѣльными (не взирая ни на благовонное куреніе, которое не заглушало, однако жъ, нечистаго запаха и который имѣющіе тонкое обоняніе чувствовать могли, ни на священныя молитвы, которыми дерзали прикрывать пагубныя намѣренія), ибо думали они (какъ то и дѣйствительно послѣ того удостовѣрилось самымъ дѣломъ), что орденскія обязательства, не взирая на долженствующую быть въ орденѣ подчиненность въ разсужденіи познаній, всегда однако жъ долженствуютъ оставаться братской зависимостью, а не рабскою, что капитель малой или великой, иллюминованной или совсѣмъ просвѣщенной, долженствуетъ быть великимъ или просвѣщеннымъ не по числу 81 брата и не по великолѣпнымъ обрядамъ, но по архивѣ, какую онъ имѣетъ, по искусству въ орденскихъ познаніяхъ членовъ, которые его составляютъ, и по связямъ, съ кѣмъ оныя имѣютъ; что фіолетовая лента можетъ служить только знакомъ отличныхъ познаній, а не существомъ оныхъ; что магистры храма, кажется, долженствовали бы лучше сидѣть при гробѣ I., нежели при М.; что призываніе духовъ не что иное есть, какъ мерзость Ваалова или такъ называемая како-магія, проклинаемая на многихъ мѣстахъ Св. Писанія и пр. пр."

По этой выразительной и ѣдкой характеристикѣ можно заключить, что утвердившаяся въ Швеціи система „строгаго наблюденія" отталкивала отъ себя серьезныхъ послѣдователей масонства своей безсодержательностью, исключительной приверженностью къ пустой внѣшней обрядности и символикѣ и суетнымъ стремленіемъ замѣнить братскій

характеръ масонскихъ отношеній деспотической властностью. На основаніи отзывовъ Рейхеля, къ этому можно добавить еще и то, что руководители ложъ „строгаго наблюденія“ обнаруживали большую склонность къ политическимъ проискамъ.

Мы не знаемъ, у всѣхъ ли недовольныхъ подчиненіемъ русскаго масонства Швеціи недовольство это обусловливалось тѣми же мотивами, что и у Новикова. Но не подлежитъ сомнѣнію, что желаніе отложиться отъ Швеціи и сдѣлать Россію самостоятельной орденской провинціей стало всеобщимъ среди русскихъ масоновъ.

Въ это время Новиковъ переселился изъ Петербурга въ Москву, снялъ тамъ въ аренду университетскую типографію и близко сошелся съ профессоромъ московскаго университета Шварцемъ. Около Новикова и Шварца сплотился тѣсный кружокъ людей, серьезно преданныхъ масонской идеѣ и жаждавшихъ познанія истиннаго масонства. То были Лопухинъ, кн. Трубецкой, Гамалѣя, Кутузовъ, И. П. Тургеневъ, Херасковъ, Ключаревъ и др. Позднѣе къ этому кружку на краткое время примкнулъ и Карамзинъ. Этотъ-то кружокъ и проявилъ энергичную дѣятельность съ цѣлью превращенія Россіи въ самостоятельную провинцію масонскаго ордена.

Въ 1781 г. въ Вильгельмсбадѣ собрался генеральный конвентъ масонскаго ордена. Москвичи отправили на этотъ конгрессъ въ качествѣ представителя отъ русскихъ масоновъ профессора Шварца. Шварцъ повезъ на конгрессъ прошеніе московскихъ масоновъ о признаніи Россіи самостоятельной провинціей ордена. Конгрессъ удовлетворилъ это прошеніе, и, такимъ образомъ, мечта русскихъ масоновъ была осуществлена: зависимость ихъ отъ Швеціи прекратилась. Но Шварцъ сдѣлалъ больше. Въ Берлинѣ онъ вступилъ въ составъ ордена „Златорозоваго креста“ (розенкрейцеровъ) и, пріѣхавъ въ Москву, сообщилъ избранному кружку, сгруппировавшемуся около Новикова, эту важную тайну. Новиковъ отнесся съ большой осмотрительностью къ предложенію Шварца примкнуть къ розенкрейцерству и настойчиво выспрашивалъ, не заключается ли въ этомъ орденѣ чего-либо предосудительнаго и въ особенности не кроется ли въ немъ какихъ-нибудь политическихъ замысловъ. Повидимому, увѣренія Шварца Новиковъ нашелъ достаточно успокоительными, и вопросъ о присоединеніи къ розенкрейцерству избраннаго кружка московскихъ масоновъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Москвичи ликовали вдвойнѣ: они сбросили съ себя иго Швеціи и обрѣли истинное масонство, ставъ розенкрейцерами!

Почему же розенкрейцерство показалось имъ истиннымъ масонствомъ?

Розенкрейцерство не останавливалось на трехъ первоначальныхъ

степеняхъ, оно не ограничивалось нравственнымъ ученіемъ и сулило своимъ послѣдователямъ восхожденіе на высшія степени, то-есть проникновеніе въ тайны Бога и природы, господство надъ природными стихіями и всѣми духами. Превращеніе металловъ въ золото, изготовленіе универсальныхъ лѣкарствъ, непосредственныя сношенія съ Богомъ, какія были у Моисея на Синаѣ, лично и черезъ ангеловъ, даже власть измѣнять порядокъ мірозданія,—все это входило въ кругъ могущества розенкрейцеровъ при достиженіи высшихъ степеней. Словомъ, розенкрейцерскій орденъ объявлялъ себя обладателемъ ключей ко всѣмъ тайнамъ міра, къ совершеннѣйшему познанію истины. А вѣдь желаніе познать истину и убѣжденіе въ томъ, что это можно сдѣлать путемъ непосредственнаго откровенія, какъ разъ и составляло самое существо мечтательныхъ стремленій масоновъ. Отчего же было и не признать розенкрейцерство истиннымъ масонствомъ, разъ вожди розенкрейцерства такъ смѣло и рѣшительно обѣщали своимъ послѣдователямъ раскрытіе всѣхъ тайнъ бытія?

По дошедшимъ до насъ, правда, отрывочнымъ и довольно глухимъ намекамъ можно предполагать, что въ тѣсномъ кружкѣ московскихъ розенкрейцеровъ не было полнаго идейнаго единенія. Повидимому, спорнымъ пунктомъ среди нихъ служилъ какъ разъ вопросъ о томъ, какъ относиться къ мистической магіи розенкрейцерства. Какія-то недоразумѣнія на этой почвѣ возникали между Новиковымъ и Шварцемъ. Мы уже знаемъ, что Новиковъ вообще относился скептически къ магическимъ кунстштюкамъ, и замѣчательно, что въ своей типографіи Новиковъ не печаталъ магическихъ и алхимическихъ трактатовъ, предпочитая книги религіозно-нравственнаго содержанія. Алхимическіе трактаты печатались въ типографіи Лопухина и въ тайной типографіи Шварца. Есть намеки на то, что и самъ Шварцъ передъ смертью разочаровался въ розенкрейцерствѣ. Впрочемъ, это извѣстіе исходитъ изъ ненадежнаго источника. По смерти Шварца различія стремленій въ средѣ московскихъ розенкрейцеровъ, кажется, обозначились еще опредѣленнѣе. Новиковъ уходилъ съ головой въ просвѣтительно-книгоиздательскую и филантропическую дѣятельность и раскидывалъ эту дѣятельность съ такой для своего времени широтой и смѣлостью, что она начинала пріобрѣтать характеръ выдающагося общественнаго движенія. Среди этихъ кипучихъ общественныхъ начинаній ему было не до алхиміи и магіи, которую онъ предпочиталъ называть „како-магіей“. Уединеннымъ опытамъ въ алхимическихъ лабораторіяхъ онъ предпочиталъ широкую работу по религіозному просвѣщенію общественныхъ массъ. Между тѣмъ, Лопухинъ, Трубецкой и Кутузовъ живо интересовались алхимической „наукой“ розенкрейцеровъ, мечтали о достиженіи пресловутыхъ „высшихъ степеней“ и съ этою цѣлью на средства Лопу-

хина и Трубецкого Кутузовъ былъ отправленъ въ Берлинъ для алхимическихъ работъ у самаго источника розенкрейцерской премудрости.

Трудно сказать, такимъ образомъ, какъ сложилась бы дальнѣйшая внутренняя жизнь московскаго розенкрейцерскаго кружка, если бы она была предоставлена свободному и безпрепятственному своему теченію. Очень можетъ быть, что кружокъ этотъ либо раздѣлился бы и члены его разошлись бы по разнымъ дорогамъ, либо во всемъ своемъ составѣ онъ пережилъ бы новую идейную эволюцію и, преодолѣвъ увлеченіе розенкрейцерствомъ, пустился бы въ новые поиски за „истиннымъ масонствомъ".

Во всякомъ случаѣ важно отмѣтить, что всѣ члены московскаго розенкрейцерскаго кружка производятъ впечатлѣніе не фанатиковъ опредѣленной застывшей догмы, но тревожныхъ искателей истины, всегда одушевленныхъ искренними порывами къ усовершенствованію своихъ познаній и своихъ нравственныхъ идеаловъ. Эта искренность стремленій располагаетъ въ ихъ пользу, въ какія бы грубыя и жалкія заблужденія ни впадали они на пути своихъ исканій.

Однако, прежде чѣмъ московскій розенкрейцерскій кружокъ успѣлъ разобраться въ своихъ исканіяхъ и какъ слѣдуетъ присмотрѣться къ своимъ берлинскимъ руководителямъ,—что̀ это были за руководители, объ этомъ мы скажемъ ниже,—онъ подвергся полному разгрому по повелѣнію Екатерины II, давно уже точившей оружіе противъ ненавистныхъ ей мартинистовъ. Какими соображеніями руководилась при этомъ Екатерина—пугало ли ее развитіе общественной инціативы, такъ ярко сказывавшейся въ просвѣтительныхъ и филантропическихъ начинаніяхъ Новикова, страшилась ли она связей русскихъ масоновъ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ, опасалась ли она нѣмецкой политической интриги за спиной московскихъ розенкрейцеровъ, какъ, повидимому, склоненъ думать авторъ предисловія къ академическому сборнику Я. Л. Барсковъ,—мы здѣсь этого вопроса разбирать не будемъ. Для насъ важно лишь подчеркнуть, что розенкрейцерскій кружокъ былъ разоренъ и уничтоженъ Екатериной въ такой моментъ его существованія, когда члены его находились лишь въ началѣ своихъ идейныхъ исканій. Кутузовъ былъ отправленъ въ Берлинъ на рекогносцировку для личнаго ознакомленія съ „тайнами" берлинскихъ розенкрейцеровъ; чѣмъ кончилась бы эта рокогносцировка, мы такъ и не знаемъ; что же касается Новикова, то онъ, и безъ всякой рекогносцировки, довольно холодно относился къ алхимическимъ фокусамъ и мистическимъ прорицаніямъ. Конечно, и Новиковъ былъ мистикомъ, но его мистицизмъ носилъ своеобразный характеръ: его манило къ себѣ не столько проникновеніе въ тайны вещества посредствомъ истолкованія іероглифическихъ формулъ и алхимическихъ опытовъ, сколько проникновеніе въ тайны

народной души посредствомъ религіозно-нравственныхъ размышленій и бодрой всенародной духовной работы.

Таковы были обстоятельства возникновенія и гибели московскаго розенкрейцерскаго кружка. Посмотримъ теперь, при какихъ условіяхъ—внѣшнихъ и внутреннихъ—протекала его дѣятельность.

II.

Исторія московскаго розенкрейцерскаго кружка преисполнена трагизма. Говоря такъ, я разумѣю не только страданія, перенесенныя Новиковымъ, и тяжелыя непріятности, испытанныя его друзьями, отъ обрушившихся на нихъ правительственныхъ каръ. Я разумѣю также и нѣчто иное.

Исторію московскихъ розенкрейцеровъ по справедливости можно назвать *трагедіей роковыхъ недоразумѣній*. Недоразумѣніе лежало въ основѣ отношенія къ нимъ ихъ враговъ; недоразумѣніе лежало въ основѣ отношенія ихъ самихъ къ ихъ вождямъ; недоразумѣніе составляло сущность ихъ собственныхъ идейныхъ стремленій. Трагично терпѣть преслѣдованіе за свои благородныя убѣжденія и лишиться возможности свободно осуществлять дѣло своей жизни. Но есть нѣчто и еще болѣе трагичное. Когда васъ винятъ именно въ томъ, противъ чего вы сами всѣми силами души ведете борьбу; когда въ одушевленныхъ поискахъ за истиной вы, не подозрѣвая того, все время гоняетесь за ея обманчивыми призраками; наконецъ, когда ваши духовные руководители толкаютъ васъ въ ту самую бездну, отъ которой вы хотите спастись подъ ихъ руководствомъ,—вотъ тогда развертывается настоящая трагедія, наполовину безсознательная, но тѣмъ въ большей степени жестокая по своимъ послѣдствіямъ и результатамъ.

Такова именно была участь московскихъ розенкрейцеровъ. Переберемъ поочередно каждое изъ отмѣченныхъ выше трехъ недоразумѣній, сплетеніе которыхъ предопредѣлило судьбу московскихъ „братьевъ злато-розоваго креста“.

Еще раньше того, какъ Екатерина разгромила московское масонское гнѣздо, надъ масонствомъ произвела свой судъ широкая общественная молва. Каковъ же былъ этотъ приговоръ толпы?

Деревенскіе сосѣди Евгенія Онѣгина обзывали его „франмазономъ“ за то, что онъ не признаетъ разнообразныхъ напитковъ и „пьетъ одно стаканомъ красное вино“ и „къ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ“. Пушкинъ указалъ здѣсь съ необычайной мѣткостью на основную черту отношенія къ масонамъ обывательской массы. Для обывателя масонъ былъ просто-напросто человѣкъ, дерзко нарушающій тѣ общепринятыя правила жизни, изъ которыхъ слагается обывательская пошлость. Насколько близокъ къ правдѣ былъ Пушкинъ, показываетъ масонская переписка.

Лопухинъ въ письмѣ къ Кутузову отъ 7 ноября 1790 г., жалуясь на враждебность общества къ масонамъ, говоритъ: „какая же вывѣска, что не мартинистъ? Это я собою испыталъ. Прошлаго года случилось мнѣ въ одной веселыхъ пріятелей бесѣдѣ много пить и нѣсколько подпить; такъ одинъ изъ нихъ (люди же были не безъ знати въ публикѣ) говоритъ съ великою радостію, какъ бы городъ взялъ: „какой ты мартинистъ, ты нашъ!“ Я согласился. „Правда, говорю, вздохнувъ про сѐбя, особливо на сейчасъ“. Въ письмѣ Кутузова къ кн. Трубецкому отъ 1 марта 1791 г. читаемъ: „отрицай Бога, обманывай искусно, шути остроумно, разоряй своего ближняго, клевещи и злословь, совращай юныхъ безопытныхъ дѣвицъ—и будешь въ глазахъ ихъ добрымъ и безопаснымъ гражданиномъ; но воздерживайся отъ всѣхъ сихъ модныхъ качествъ, и неотмѣнно заслужишь имя мартиниста или преопаснѣйшаго человѣка въ обществѣ“. Какъ не вспомнить при этомъ то мѣсто изъ Салтыкова-Щедрина, гдѣ сатирикъ утверждаетъ, что у насъ всего лучше можно закрѣпить за собой репутацію благонадежнаго человѣка, совершивъ три вещи: поддѣлавъ документъ, растливъ дѣвицу и похитивъ общественныя деньги. Законы пошлости одинаковы во всѣ времена!

Достаточно хоть въ чемъ-нибудь возвыситься надъ уровнемъ этой пошлости, чтобы сидящіе въ ней по уши благодушествующіе коптители неба осыпали такого смѣльчака всевозможными обвиненіями, какъ отверженца общества. Масоны полагали, что для того, чтобы вести жизнь порядочнаго человѣка, недостаточно выполнять изо дня въ день весь положенный житейскій ритуалъ, но необходимо давать волю высшимъ запросамъ души, доискиваться смысла жизни, строить свое существованіе согласно опредѣленнымъ нравственнымъ идеаламъ. Вотъ и готова почва для обвиненій въ дерзкомъ чудачествѣ, нарушающемъ правила свѣта и, слѣдовательно, свойственномъ однимъ только врагамъ общественнаго порядка.

Масоновъ обзывали развратниками, безбожниками, преступниками, совершенно независимо отъ содержанія ихъ взглядовъ и стремленій, до которыхъ обывательской массѣ не было никакого дѣла, а просто по тому, что масоны жили не такъ, какъ всѣ, и осмѣливались предъявлять къ жизни какіе-то выспренніе запросы. Въ этомъ отношеніи обывательская толпа ставила за одну скобку и масоновъ и злѣйшихъ ихъ идейныхъ противниковъ—волтерьянцевъ. Общая вина тѣхъ и другихъ передъ заурядной толпой состояла въ томъ, что и масоны, и волтерьянцы позволяли себѣ критически относиться къ накопленной вѣками обыденной житейской мудрости. Потому тѣхъ и другихъ одинаково провозгласили бунтовщиками противъ религіи, нравственности и общественнаго порядка. Такимъ образомъ, масоны попадали на судѣ общественнаго мнѣнія въ истинно-трагическое положеніе. Масоны метали громы на волтерьян-

цевъ, обвиняя ихъ въ безбожіи и безнравственности. Волтерьянцы вышучивали масоновъ за ихъ туманныя мистическія бредни, за ихъ вѣру въ магію и алхимію. [1]) А толпа не хотѣла ничего знать объ этихъ взаимныхъ пререканіяхъ масоновъ и волтерьянцевъ. Для толпы ясно было одно: что и масоны и волтерьянцы умничаютъ и заносятся, не желая жить, не мудрствуя лукаво, какъ жили отцы и дѣды; значитъ, все это—одна шайка, которую всего лучше истребить ради собственнаго спокойствія. Доморощенный рецептъ скораго и безошибочнаго суда гласилъ: „обоихъ выслушай, да обоихъ и накажи". По отношенію къ масонамъ и волтерьянцамъ толпа готова была наказать обоихъ, даже и не выслушивая никого изъ нихъ. И вотъ, въ представленіи тѣхъ, чьи уста изрекаютъ приговоры общественнаго мнѣнія, понятія „масонъ" и „волтерьянецъ", оказывались синонимическими. Блудова, тетка Державина, предостерегала племянника отъ масоновъ, появившихся въ Москвѣ, называя ихъ: „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу", и утверждала, что они съ помощью нечистой силы „за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ". Въ ходившемъ тогда по рукамъ стихотвореніи, называвшемся: „Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ", говорилось:

„Проявились недавно въ Руссіи франкъ-масоны
И творятъ почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтобъ къ антихристу привесть отъ Христовы вѣры".

Борьбу съ атеизмомъ масоны считали одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ. Говоря о французской революціи, Кутузовъ восклицалъ: „дай Боже, чтобы сей плачевный примѣръ открылъ глаза монархамъ и показалъ бы имъ ясно, что христіанская религія есть единственное основаніе народнаго благосостоянія и ихъ собственной законной власти". Считая просвѣтительную философію источникомъ нечестія и атеизма, масоны ставили за одну скобку „и Вольтера, и Гельвеція и имъ подобныхъ" (письма Кутузова Плещееву, 1792 г., мартъ и 7 апрѣля). А обывательская масса ихъ самихъ ставила за одну скобку съ волтерьянцами и безбожниками, считая, что они творятъ „демонски законы" и подготовляютъ царство антихриста.

---

[1]) Мартинистъ Лопухинъ писалъ: „я думаю, что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіанскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему юродствованію Франціи". Мартинистъ Кутузовъ называлъ „произведенія Вольтера, Гельвеція и имъ подобныхъ" „истиннымъ ядомъ, пожирающимъ жизненные соки всякаго порядка и подчиненности". А Вольтеръ писалъ про книгу Сенъ-Мартена: „не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо болѣе абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чѣмъ эта книга".

Если непросвѣщенная толпа взваливала на масоновъ обвиненіе въ безбожіи, то просвѣщенная Екатерина II предъявила имъ обвиненіе въ „иллюминатствѣ“, т.-е. въ стремленіи къ ниспроверженію государственнаго порядка. Смѣшать „мартинистовъ“ и „розенкрейцеровъ“ съ иллюминатами было такой же грубой ошибкой, какъ и называть ихъ безбожниками.

Разница была лишь въ томъ, что толпа въ своей оцѣнкѣ масоновъ являлась жертвой добросовѣстнаго заблужденія, тогда какъ Екатерина, прекрасно освѣдомленная посредствомъ перлюстраціи о содержаніи масонской переписки, явно вступала въ данномъ случаѣ на путь злостной клеветы. Екатерина не могла не знать, что московскіе розенкрейцеры получили отъ своихъ берлинскихъ начальниковъ спеціальное предписаніе остерегаться сношеній съ иллюминатами и избѣгать ихъ, какъ опаснѣйшихъ политическихъ возмутителей. Екатерина видѣла перехваченныя полиціею письма московскихъ розенкрейцеровъ, въ которыхъ московскіе масоны совершенно опредѣленно выражали свое отвращеніе отъ иллюминатства. Такъ, напримѣръ, Кутузовъ писалъ кн. Трубецкому: (письмо отъ 5 апрѣля 1792 г.): „по многимъ обстоятельствамъ заключаю я и весьма вѣроятно, что въ семъ заговорѣ противу святости и порядка (рѣчь идетъ о французской революціи) не послѣднюю роль играютъ господа иллюминаты, которыхъ, какъ я знаю, и въ нашемъ отечествѣ есть не мало. Блюдитесь друзья мои отъ сихъ изверговъ и употребите всѣ ваши способности къ обнаруженію ихъ... убѣгайте ихъ, какъ язвы“.

Въ той же перепискѣ московскихъ розенкрейцеровъ многократно и чрезвычайно энергично выражалось отвращеніе ихъ не только спеціально отъ иллюминатства, но и вообще отъ всякихъ нападокъ на существующія государственныя учрежденія. Розенкрейцеры послѣдовательно заявляли себя противниками какой бы то ни было политической борьбы. „Истинный свободный каменщикъ, истинный христіанинъ,—писалъ тотъ же Кутузовъ, — долженъ быть непримиримымъ врагомъ всякаго возмущенія противу законныя власти и общественнаго блага“. И эта мысль повторяется на всѣ лады въ письмахъ всѣхъ розенкрейцеровъ, служитъ однимъ изъ лейтмотивовъ ихъ переписки. „Смѣло можно сказать,—говоритъ Кутузовъ въ другомъ письмѣ,—что изъ среды насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища; христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе!“

Въ 1790 г. произошло событіе, подавшее московскимъ розенкрейцерамъ особенный поводъ опредѣленно выразить свое отношеніе къ политическому вольномыслію. Въ іюнѣ 1790 г. стряслась катастрофа надъ Радищевымъ и его книгой „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Радищевъ находился въ тѣсной дружбѣ съ Кутузовымъ. По своимъ убѣжденіямъ эти два друга разошлись въ совершенно противоположныя стороны, и въ идейномъ расхожденіи этихъ двухъ связанныхъ узами дружбы русскихъ интеллигентовъ XVIII ст. можно видѣть какъ бы олицетворенный прообразъ всего послѣдующаго раздвоенія русской интеллигентской культурной традиціи: Радищевъ сталъ провозвѣстникомъ русскаго политическаго радикализма; Кутузовъ явился глашатаемъ мистическаго аполитизма. Тѣмъ не менѣе Радищевъ, отдавая дань дружбѣ, посвятилъ свою книгу именно Кутузову и въ посвященіи написалъ: „хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно и ты—мой другъ!“ [1])

Этотъ идейный конфликтъ тѣмъ именно и получалъ особую остроту въ глазахъ его участниковъ, что разыгрывался онъ въ средѣ людей, первоначально выступившихъ рука объ руку на поприще духовныхъ исканій. Естественно, что у розенкрейцеровъ явилась потребность опредѣлить свое отношеніе къ разномыслію ихъ съ Радищевымъ, и въ своей перепискѣ они постоянно возвращались къ этому вопросу. И вотъ, всѣ ихъ разсужденія въ этомъ случаѣ неизмѣнно сводились къ самому рѣшительному осужденію политическаго вольнодумства.

1 августа 1790 г. кн. Трубецкой писалъ Кутузову: „посвятившій нѣкогда тебѣ книгу и учившійся съ тобою въ Лейпцигѣ находится подъ судомъ за дерзновенное сочиненіе, которое, сказываютъ, такого рода, что стоитъ публичнаго и самаго строгаго наказанія. Вотъ мой другъ, вѣтренная его и гордая голова куда завела, и вотъ слѣдствіе обыкновенное быстраго разума, не основаннаго на христіанскихъ правилахъ... по всему, мною слышанному, онъ точно достоинъ участи, ему угрожающей, почему и огорчаться о немъ ты не долженъ, но вздохнуть только къ Управляющему всѣмъ, да содѣлаетъ Онъ наказаніе, ему угрожающее, средствомъ ко обращенію его на познаніе его мерзостей и на покаяніе объ оныхъ“. 26 августа Трубецкой въ письмѣ къ тому же Кутузову выражается еще рѣшительнѣе: „хотя я не читалъ его (т.-е. Радищева) книги, но слышалъ объ ней отъ такихъ людей, которымъ я вѣрю, что она такого рода, что во всякомъ бы мѣстѣ Европы авторъ подвергся публичному наказанію и что она имѣетъ основаніемъ своимъ проклятый нынѣшній духъ французовъ и въ ней изблеваны всякія мерзости... я увѣренъ, что и ты, бывъ его судьею, не поколебался бы его осудить достойному наказанію за его мерзкое и дерзкое дѣло“. Лопухинъ, высказывая такую же точку зрѣнія на произведеніе Радищева, прибавлялъ: „я думаю не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ

[1]) Нельзя воздержаться отъ искушенія сопоставить признаніе Радищева съ извѣстными словами Герцена о западникахъ и славянофилахъ: „мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, но сердце въ насъ билось одно“.

тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ". Также отрицательно отнесся къ политическому радикализму Радищева и другъ его Кутузовъ: „вы знаете мои правила,—писалъ Кутузовъ кн. Трубецкому,—извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я никогда не престану твердить, что критика настоящаго правленія есть не дозволительное дѣло и ни мало не принадлежитъ къ литературѣ". Въ другомъ письмѣ Кутузовъ заявлялъ: „бо̀льшую часть его положеній касательно религіи и государственнаго правленія нашелъ я совершенно противоположною моей системѣ. Наипаче не нравилось мнѣ, что коснулся онъ нѣкоторыхъ пунктовъ, которые, по моему мнѣнію, не подлежатъ литературѣ".

Конечно, Екатерина могла съ достаточнымъ основаніемъ предполагать, что лояльныя политическія заявленія дѣлались розенкрейцерами въ расчетѣ именно на перлюстрацію ихъ писемъ. Розенкрейцеры дѣйствительно знали, что ихъ письма перехватываются и служатъ предметомъ полицейскаго наблюденія. Кутузовъ въ одномъ письмѣ говоритъ прямо: „я не смѣю говорить откровенно, ибо письмы подвержены любопытству подлецовъ, жаждущихъ читать оныя; нѣтъ еще у насъ святаго закона, установленнаго нынѣ во Франціи: министръ, обличенный, что онъ повелѣлъ распечатывать письмы, наказывается сосланіемъ на галеры, а исполняющіе его приказаніе осуждаются къ столбу" (письмо отъ 12 апрѣля 1791 г.). Кн. Трубецкой отвѣчалъ на это (письмо отъ 26 мая 1791 г.): „боюсь, чтобъ и болѣе писемъ не пропало и сіе меня чрезвычайно тревожитъ, не для того, чтобы я боялся чтенія нашей переписки, нѣтъ, чистота оной насъ охраняетъ отъ всякой опасности, но я боюсь, чтобы читающіе, поправъ ногами находящіяся иногда въ нихъ истины, не погрѣшили вновь противъ той истины, которая по законамъ вѣчныя правды наказуетъ попирающихъ ее. А впрочемъ, пусть нашу переписку читаютъ. Мы съ тобою, мой другъ, въ политическія дѣла государей и государствъ не входимъ и, вѣдая, что всякая власть есть отъ Бога, мы повинуемся оной безъ топтанія".

Памятуя о перлюстраціи, розенкрейцеры, вѣроятно, именно „ради страха полицейска" учащали въ своихъ письмахъ заявленія о своей политической лояльности и, можетъ быть, съ тѣмъ же умысломъ нѣсколько усиливали выраженія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ своихъ писемъ. Но по существу дѣла они при этомъ нисколько душой не кривили, ибо ихъ убѣжденія и дѣйствительно были далеки отъ политическаго вольномыслія. И Екатерина не могла этого не знать. Она не могла не знать, что покорность существующему государственному порядку провозглашалась обязательной въ основныхъ статутахъ и руководящихъ трактатахъ московскаго розенкрейцерства. Въ „Теоретическомъ градусѣ", привезенномъ Шварцемъ изъ Берлина для московскихъ розенкрей-

церовъ, прямо говорилось: „каждый сочленъ сего собранія долженъ быть вѣрнымъ подданнымъ своему государю, охотно покоряющимся своему начальству, миролюбивымъ гражданиномъ, или обывателемъ въ мѣстѣ пребыванія своего, миротворцемъ въ спорахъ и учредителемъ (основателемъ) спокойствія и единогласія; онъ долженъ крайне блюстися, дабы ни въ какія государству вредныя возмущенія вмѣшанъ не былъ и, сего ради, такъ какъ и вообще соблюдаемое, всегда безпорочное поведеніе, сіе сообщество во всякое время отъ царей, князей и государствъ защиту получало". Въ „Духовномъ рыцарѣ" Лопухина читаемъ: „непоколебимая вѣрность и покорность къ своему государю, съ особливою обязанностію сохранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрноподданнымъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ"—вотъ одна изъ обязанностей духовнаго рыцаря; далѣе къ его обязанностямъ отнесены: „совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ". Духовные рыцари должны также „совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми". [1])

Эти цитаты болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы убѣдиться, насколько произвольно было приписывать московскимъ розенкрейцерамъ вольнолюбивыя политическія стремленія. Изъ этихъ цитатъ совершенно ясно, что между розенкрейцерами и такими политическими радикалами, какъ Радищевъ, дѣйствительно лежала цѣлая пропасть. И если Екатерина старалась во что бы ни стало изобразить розенкрейцеровъ политическими заговорщиками, то дѣлалось это лишь для того, чтобы общественной массѣ стали понятны тяжкія правительственныя кары, обрушенныя на Новикова и его друзей. Чѣмъ были вызваны въ дѣйствительности эти кары со стороны Екатерины, еще не выяснено съ полной отчетливостью. Тутъ могли играть свою роль и желаніе пресѣчь развитіе общественной самодѣятельности, сказавшейся въ предпріятіяхъ Новикова, и въ еще большей мѣрѣ подозрѣнія, возбужденныя въ Екатеринѣ сношеніями новиковскаго кружка съ Павломъ Петровичемъ,—сношеніями, которыя при свѣтѣ обнародованныхъ теперь документовъ оказываются совершенно невинными.

---

[1]) Цитирую по Ешевскому: „Сочиненія по русской исторіи". М., 1900 г., стр. 176, 241.

Но одно несомнѣнно: для обвиненія московскихъ розенкрейцеровъ въ желаніи подкопаться подъ существующій государственный строй не было и не могло быть никакихъ основаній. Екатерина въ этомъ случаѣ поступила съ Новиковымъ и его друзьями по тому же рецепту, которому пытался слѣдовать Ростопчинъ въ 1812 г. по отношенію къ остаткамъ новиковскаго кружка: лояльнѣйшіе подданные умышленно были объявлены измѣнниками и мятежниками ради оправданія въ глазахъ толпы репрессивной дѣятельности правительства.

Таковъ былъ одинъ изъ элементовъ трагедіи московскихъ розенкрейцеровъ. Они попали подъ перекрестный огонь одинаково не обоснованныхъ и несправедливыхъ обвиненій. Толпа обвиняла этихъ религіозныхъ мистиковъ въ безбожіи. Императрица осудила этихъ принципіальныхъ отрицателей политическихъ возмущеній въ бунтовщическихъ стремленіяхъ. Но этимъ еще не исчерпывался весь трагизмъ ихъ положенія.

III.

Отшатнувшись отъ „системы строгаго наблюденія“, которую они нашли въ Швеціи, московскіе масоны попали въ объятія розенкрейцерства. Въ этомъ и состоялъ другой элементъ трагичности ихъ положенія. И эта трагедія была въ сущности тяжелѣе той, о которой мы говорили выше. Тамъ все сводилось къ роковому для московскихъ розенкрейцеровъ стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ; здѣсь безвыходность положенія создавалась самымъ существомъ ихъ собственной природы, основнымъ характеромъ всего строя ихъ мышленія. Какъ видно изъ письма Новикова къ Ржевскому и изъ бесѣды Новикова съ Рейхелемъ, московскіе масоны отвернулись отъ системы строгаго наблюденія по двумъ причинамъ: имъ не нравилось: 1) увлеченіе политическими цѣлями, свойственное этой системѣ, и 2) „какомагія“, процвѣтавшая въ ней, т.-е. разные магическіе кунстштюки вродѣ вызыванія духовъ и проч. То и другое представлялось московскимъ масонамъ отклоненіемъ отъ чистаго пути къ познанію истины. Они рѣшили порвать связи съ системой страгаго наблюденія и продолжать исканіе истиннаго масонства. И вотъ, они попадаютъ изъ огня да въ полымя. Въ розенкрейцерствѣ скрывалось самое беззастѣнчивое политиканство и самое безудержное увлеченіе алхимическими и магическими фокусами.

Почему же такъ случилось? Была ли это случайная ошибка со стороны московскихъ масоновъ? Или москвичи попались на удочку ложныхъ увѣреній со стороны берлинскихъ проповѣдниковъ розенкрейцерства? Нерѣдко такъ именно и объясняютъ ходъ этого дѣла. Я склоненъ думать иначе. Мнѣ представляется, что всѣмъ строемъ своего міропониманія масоны были обречены на безвыходное вращеніе въ кругѣ

тѣхъ самыхъ искаженій здраваго смысла, которыхъ они сами старались избѣгнуть. Отшатываясь отъ этихъ искаженій въ одной ихъ формѣ, масоны неизбѣжно опять наталкивались на нихъ же въ какой-либо иной, иногда еще худшей формѣ. „Строгое наблюденіе“ замѣнялось розенкрейцерствомъ, и это было роковымъ, неотвратимымъ послѣдствіемъ коренного порока всей ихъ философіи. Стремясь со всей искренностью къ истинѣ, они были обречены на то, чтобы гоняться лишь за ея тѣнью. Вотъ настоящая, не внѣшняя, а внутренняя трагедія!

О политикѣ буду говорить послѣ, сначала остановимся на магіи. Въ „строгомъ наблюденіи“ москвичей коробила „како-магія“, состоявшая въ вызываніи духовъ и т. п. Но берлинскіе розенкрейцеры какъ разъ доходили до геркулесовыхъ столбовъ въ магическихъ фокусахъ. Они утверждали, что обладаютъ возможностью любой металлъ превращать въ золото и на-лету ловить ядро послѣ выстрѣла изъ пушки. Завладѣвъ довѣріемъ прусскаго кронпринца, берлинскіе розенкрейцеры вызывали передъ нимъ духовъ Марка Аврелія, Лейбница и великаго курфирста. Розенкрейцеры утверждали, что ихъ маги на высшихъ ступеняхъ обладаютъ всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ.

Иногда высказывается мнѣніе, что весь этотъ алхимическій и магическій вздоръ прошелъ мимо московскихъ розенкрейцеровъ, которые имъ не интересовались и были привлечены къ розенкрейцерству совсѣмъ другими элементами этого ученія. Однако факты говорятъ иное. Москвичи переводили и издавали такія книги, какъ „Хризомандеръ“, „Химическая псалтырь“ и др., которыя были наполнены алхимическими бреднями. Изъ черновыхъ бумагъ И. П. Тургенева видно, что онъ увлекался алхиміей. [1])

Розенкрейцеры распредѣлялись по девяти степенямъ, или „градусамъ“. Къ первой степени принадлежали „ученики“, получавшіе свѣдѣнія о четырехъ элементахъ и алхимическіе знаки; ко второй степени принадлежали „теоретики“, которые узнавали теорію алхиміи и ея основные принципы, получали свѣдѣнія объ „огненныхъ духахъ воды, земли, воздуха и небесныхъ тѣлъ“, о болѣзняхъ человѣка и о свойствахъ металловъ. Посвященные въ третью степень—„практики“—узнавали способы приготовленія минеральнаго, растительнаго и животнаго Radical-Menstrui. Къ четвертой степени принадлежали „философусы“, работавшіе надъ серебромъ и узнававшіе каббалистическій смыслъ числа 4. Въ пятомъ градусѣ получали даръ радикальнаго излѣченія болѣзней; въ шестомъ—дѣлали золото; въ седьмомъ—знакомились съ камнемъ мудрости, каббалой и натуральной магіей; восьмой градусъ давалъ

---

[1]) *Тарасовъ*. Масонъ И. П. Тургеневъ, *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1914 г., ноябрь.

знаніе трехъ главныхъ наукъ; посвященный въ девятый градусъ зналъ все и являлся господиномъ надо всѣмъ, подобно Моисею, Аарону, Гермесу и т. п. [1])

Правда, московскіе розенкрейцеры не были посвящены выше четвертаго градуса, но это не значитъ, чтобы высшая алхимическая премудрость не манила ихъ къ себѣ, чтобы они не вѣрили въ ея возможность и не придавали ей значенія. Напротивъ, они мечтали проникнуть въ тайны высшихъ степеней, и вѣдь какъ разъ съ этой именно цѣлью Кутузовъ былъ отправленъ въ Берлинъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что онъ достигъ посвященія въ пятый градусъ. Его письма къ друзьямъ изъ Берлина содержатъ рядъ намековъ на его алхимическія работы, требовавшія матеріальныхъ затратъ.

Правда, Новиковъ относился скептически къ алхимическимъ и магическимъ бреднямъ. Масонство привлекало его къ себѣ возвышенностью своего идейнаго содержанія. Начало уваженія къ человѣческому достоинству, призывы къ нравственному совершенствованію, начало религіозной, національной и сословной терпимости, идея нравственнаго равноправія всѣхъ людей, космополитическое чувство связи съ цѣлымъ человѣчествомъ—такъ формулируетъ Пыпинъ тѣ масонскія идеи, которыя сдѣлали Новикова ревностнымъ масономъ. Все это совершенно вѣрно, но этимъ еще не исчерпывается сущность вопроса. За всѣмъ тѣмъ Новиковъ былъ убѣжденнымъ *мистикомъ*, а какими бы привходящими настроеніями и идейными стремленіями ни осложнялся мистицизмъ, — въ своемъ основаніи и въ своемъ коренномъ существѣ мистицизмъ представляетъ собою прежде всего извѣстную теорію познанія, притомъ такую теорію, которая открываетъ широкій просторъ безграничной фантастикѣ. Въ этомъ отношеніи между послѣдователями мистическихъ ученій можетъ существовать лишь количественное, отнюдь не качественное различіе. И только такое количественное различіе отдѣляло Новикова отъ его ближайшихъ друзей. Отъ излишествъ магическихъ бредней Новикова спасала его дѣятельная натура, его неизсякаемое стремленіе къ служенію общественному благу. Но по исходнымъ точкамъ своихъ философскихъ „воззрѣній“ и онъ стоялъ на той самой почвѣ, на которой остается одинъ только шагъ до „златодѣланія“, вызыванія духовъ и другихъ хитростей „какомагіи“.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни были притягательны сами по себѣ перечисленныя выше идейные элементы масонства, направленные на осуществленіе всечеловѣческаго братства и утвержденіе достоинства человѣческой личности, все же этими элементами русскіе масоны не удовлетворялись, ихъ манили къ себѣ болѣе всего вопросы гносеоло-

---

[1]) Ibid.; Шустеръ, т. II.

гическаго порядка, какъ принято выражаться на современномъ намъ философскомъ жаргонѣ. Какъ постичь пути къ познанію истины, къ познанію существа Бога, человѣка и природы? Вотъ основной вопросъ, волновавшій масонскую мысль. И на какіе бы оттѣнки ни разбивалась эта мысль въ своихъ отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ, она всегда и неизмѣнно тяготѣла, какъ къ своему средоточію, къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) истина есть тайна, доступная немногимъ, 2) познавательный процессъ состоитъ не въ логической работѣ ума, а въ мистическомъ озареніи свыше и 3) это озареніе можетъ быть доступно лишь нравственно совершенному человѣку. Такимъ образомъ, добродѣтель признавалась единственнымъ путемъ къ познанію истины и нравственное ученіе масонства оказывалось неразрывно связаннымъ съ масонскимъ мистицизмомъ.

На исторіи русскаго масонства особенно наглядно видно то подчиненное значеніе, какое придавалось масонами задачамъ личнаго нравственнаго совершенствованія. Нерѣдко утверждаютъ, что въ проповѣди личнаго самоусовершенствованія состояло все существо русскаго масонства, этого „толстовства“ XVIII столѣтія. Мы думаемъ, что такое утвержденіе совершенно неправильно. Личная нравственность и работа надъ ея развитіемъ цѣнились масонами болѣе всего, какъ служебное средство, при помощи котораго можно было надѣяться проникнуть въ міровыя тайны. Мораль оказывалась лишь служанкой познанія.

Вотъ почему англійское масонство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было формулировано въ „Конституціяхъ“ Андерсена, не удовлетворило русскихъ масоновъ. А вѣдь тамъ уже провозглашались и идея нравственнаго самоусовершенствованія и идея всечеловѣческаго братства и равенства. Но сами по себѣ эти идеи не властны были приковать къ себѣ русскихъ масоновъ. Онѣ получили въ глазахъ русскихъ масоновъ настоящую притягательную силу лишь съ того момента, когда ихъ оказалось возможнымъ связать съ вопросами о путяхъ познанія. Уже Елагинъ, ревностный изслѣдователь англійскаго масонства, тѣмъ не менѣе чувствовалъ склонность къ мистицизму. Сильное впечатлѣніе произвело на него знакомство съ нѣкимъ Эли, повидимому, розенкрейцеромъ. [1]) Въ концѣ 70-хъ годовъ въ обрядѣ принятія мастера по Елагинской системѣ прямо говорилось: „вступать въ масоны надо не для пріобрѣтенія добродѣтелей, которыя можно найти черезъ вѣру и гражданскія узаконенія, не для снисканія премудростей, которыя можно найти въ школахъ, но для открытія и переданія потомству нѣкоего важнаго *таинства*“. [2]) Вотъ разительное доказательство тому, что русскіе ма-

---

[1]) *Пыпинъ*. Русское масонство въ XVIII в.

[2]) *Тукалевскій*. Изъ исторіи философскихъ направленій въ русскомъ обществѣ XVIII ст. *Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.*, 1911 г., май.

соны всѣхъ направленій въ послѣднемъ счетѣ тяготѣли къ проникновенію въ тайны бытія и представляли себѣ процессъ этого проникновенія не иначе, какъ въ формѣ мистическаго озаренія.

Этотъ мистическій элементъ обезпечилъ успѣхъ и много нашумѣвшей въ тѣ времена книгѣ Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ". Пыпинъ мѣтко назвалъ эту книгу „мистическимъ фельетономъ", желая указать этимъ на поверхностную разбросанность изложенія Сенъ-Мартена. Дѣйствительно, перо Сенъ-Мартена весьма развязно скользитъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ. Но все же въ его книгѣ имѣется и нѣкоторый центръ, въ которомъ пересѣкаются расходящіеся во всѣ стороны радіусы его мысли. И этотъ центръ опять-таки имѣетъ ближайшее отношеніе къ мистической теоріи познанія. „Познаніе міра возможно,—говоритъ Сенъ-Мартенъ,—но истина доступна лишь *избраннымъ*". Кто же эти избранные? Это тѣ, кто способенъ къ непосредственному сліянію съ высшими „силами" вселенной, сообщающими знаніе высочайшихъ тайнъ Божества и его созданія. Подъ этими „силами" Сенъ-Мартенъ разумѣетъ не физическіе законы природы, а цѣлую іерархію спиритуальныхъ существъ, являющихся „истеченіями" основного верховнаго начала всего существующаго. Человѣкъ можетъ достигать сліянія съ этими силами, и въ стремленіи къ этому состоитъ предлежащее человѣчеству „великое дѣло" (grand oeuvre). Такое сліяніе и приведетъ къ тому, что въ глазахъ людей будутъ сдернуты покровы съ тайнъ бытія. Но для этого человѣку нужно оторваться отъ земной ограниченности. Вотъ это-то и доступно лишь избраннымъ, способнымъ на магическія манипуляціи, о которыхъ Сенъ-Мартенъ не говоритъ прямо, но на которыя явственнно намекаетъ. Тѣ же самыя идеи проводились и въ философскихъ лекціяхъ вождя московскихъ розенкрейцеровъ Шварца. Шварцъ училъ, что разумъ познаетъ лишь „внѣшній міръ" и безсиленъ проникнуть въ „міръ духовный". Это проникновеніе въ тайны духовнаго міра возможно лишь путемъ мистическаго соединенія съ Божествомъ. Такое проникновеніе доступно лишь избраннымъ духоносцамъ. Обычный человѣкъ есть лишь высшая стадія развитія видимаго міра. Но путемъ нравственнаго совершенствованія можно подняться еще выше и развить въ себѣ такія духовныя силы, полное раскрытіе которыхъ дѣлаетъ человѣка низшимъ состояніемъ міра духовъ-ангеловъ. Достигшіе этого и есть „духоносцы". Имъ открываются всѣ тайны бытія. Къ числу такихъ „духоносцевъ" принадлежалъ, напримѣръ, Яковъ Беме. [1])

Такъ училъ Шварцъ, основатель розенкрейцерскаго кружка въ Москвѣ. Здѣсь опять мы находимъ все тѣ же основныя положенія масонской теоріи познанія. Истина есть тайна, открывающаяся не усилія-

---

[1]) *Тукалевскій*, ibid.

ями ума, а нравственными подвигами воли. Добродѣтель имѣетъ цѣну болѣе всего какъ ключъ къ тайнамъ бытія. Все познать можно только путемъ побѣды надъ грѣховностью человѣческой природы. Совершеннымъ знаніемъ обладалъ Адамъ до грѣхопаденія, ибо онъ „былъ“ вмѣстѣ съ Богомъ и непосредственно созерцалъ misterium magnum вселенной. Появленіе грѣха убило это знаніе. Значитъ, для познанія истины возможенъ только одинъ путь: борьба съ грѣхомъ и приближеніе къ духовному состоянію Адама до грѣхопаденія. Потому-то, согласно масонскому катехизису Лопухина истиннымъ масономъ признавался тотъ, кому „извѣстна та невидимая и неустроенная земля и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго строителя вселенной при ея сотвореніи“.

Такъ, въ масонскомъ ученіи нельзя отдѣлять, какъ два независимые другъ отъ друга элемента, проповѣдь личнаго нравственнаго совершенствованія и мистическія увлеченія. То и другое органически связывалось въ масонской теоріи познанія, сводившейся къ тому, что знаніе не вырабатывается дѣятельностью ума, а дается, какъ откровеніе, тѣмъ, кто по своимъ нравственнымъ совершенствамъ достоинъ воспріять его.

Представляя себѣ процессъ познаванія истины, какъ сліяніе человѣческаго духа съ высшими духовными существами, розенкрейцеры логически заключали отсюда, что обладаніе знаніемъ истины нераздѣльно соединяется съ полученіемъ той же власти надъ міропорядкомъ, которая свойственна высшимъ духовнымъ существамъ. Пріобрѣтая знаніе міровыхъ тайнъ, человѣкъ тѣмъ самымъ становится высшимъ духовнымъ существомъ, т.-е. дѣлается властелиномъ надъ міропорядкомъ или магомъ. Вѣра въ магію являлась, такимъ образомъ, не случайнымъ наростомъ на масонской философіи, а органическимъ составнымъ элементомъ той разновидности мистицизма, которая была усвоена масонской мыслью. Потому и въ лекціяхъ Шварца магіи и каббалистикѣ приписывалось важное значеніе.

Полагаю, что послѣ предложенныхъ выше соображеній насъ уже не удивитъ то обстоятельство, что московскіе искатели истиннаго масонства, отшатнувшись отъ системы строгаго наблюденія, попались въ сѣти розенкрейцерства. Тамъ они испугались како-магіи. Но и здѣсь они опять на нее же натолкнулись. Одни на этотъ разъ увлеклись ею, какъ Трубецкой и Кутузовъ. Другіе продолжали сердито отворачиваться отъ нея, какъ Новиковъ. Но первые были послѣдовательнѣе вторыхъ. Сказавшимъ А нужно уже говорить и Б. Нерѣдко люди, принявъ извѣстныя посылки, съ неудовольствіемъ отворачиваются отъ вытекающихъ изъ нихъ заключеній. Но неудовольствіе въ такихъ случаяхъ все же нисколько не уменьшаетъ неизбѣжности этихъ заключеній, разъ только люди не догадываются, что начать надо съ борьбы съ предпосылками.

Такіе люди, какъ Новиковъ, были искренними и честными искателями истины. Ихъ невольно коробили нелѣпости масонскихъ увлеченій. Они отбивались, какъ могли, отъ этихъ нелѣпостей. Но отбиться отъ нихъ оказывалось невозможнымъ. Причины этой невозможности оставались, однако, непонятными для Новикова и людей его склада, такъ какъ они принимали за злоупотребленіе ихъ системой то, что неизбѣжно вытекало изъ ея сущности. Что можетъ быть трагичнѣе для искренняго мыслителя?

IV.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Новиковъ и его друзья были убѣжденными противниками внесенія политическихъ тенденцій въ кругъ дѣятельности масонскаго ордена. Въ своихъ исканіяхъ истиннаго масонства москвичи особенно остерегались того, какъ бы не попасть въ сѣти какой-либо политической организаціи. Они имѣли основаніе быть настороже въ этомъ отношеніи. Политика усиленно льнула къ масонству и вопреки многимъ утвержденіямъ, основаннымъ на смѣшеніи масонства съ иллюминатствомъ, къ масонству прилипали политическія группировки не революціонной, а реакціонной окраски.

Въ первой половинѣ XVIII ст. подъ флагомъ масонства составлялись различныя организаціи, направленныя на возстановленіе Стюартовъ. Около половины XVIII ст. англійскій претендентъ Карлъ-Эдуардъ совмѣстно съ нѣмецкимъ масономъ барономъ Гундомъ основали „систему строгаго наблюденія". Эта организація имѣла чисто политическую подкладку. При помощи ея предполагалось превратить масонство въ настоящій рыцарскій союзъ дворянства всей Германіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ.

Мы уже знаемъ, что эти политическіе происки отбили у московскихъ масоновъ вкусъ къ системѣ строгаго наблюденія. Но и въ этомъ отношеніи имъ предстояло сдѣлаться жертвой рокового недоразумѣнія. Розенкрейцерство, какъ разъ въ то время, когда москвичи пристали къ нему, само превратилось въ чисто-политическій комплотъ наихудшаго качества. Въ Берлинѣ во главѣ розенкрейцеровъ появился кружокъ самыхъ беззастѣнчивыхъ интригановъ и политикановъ. Спекулируя на вошедшія въ моду увлеченія мистикой и магіей, эти ловкіе шарлатаны и мошенники поставили себѣ весьма смѣлыя цѣли и дѣйствительно достигли ихъ. Вождемъ этого комплота былъ Вёльльнеръ. Желая во что бы ни стало пробиться къ вершинѣ власти, Вёльльнеръ пытался втереться въ довѣріе Фридриха II, но прозорливый король быстро распозналъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. „Der Wöllner,—сказалъ Фридрихъ,—ist ein betriegerischer und intriganter Pfafe". Отвергнутый королемъ, Вёльльнеръ принялся за кронпринца. Въ союзѣ съ Бишофсвердеромъ онъ совсѣмъ вскружилъ слабую голову кронпринца всякими магическими фо-

кусами. Въ концѣ-концовъ кронпринцъ былъ принятъ въ члены розенкрейцерскаго ордена. Конечно, все это дѣлалось не спроста и лишь только Фридрихъ II умеръ, Вёльльнеръ и Бишофсвердеръ оказались при новомъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ II во главѣ управленія государствомъ. Вёльльнеръ занялъ министерскій постъ и не замедлилъ заполнить многія высшія государственныя должности подручными себѣ темными проходимцами изъ компаніи подозрительныхъ духовидцевъ. На цѣлый рядъ лѣтъ надъ Пруссіей нависло господство безудержной и безсовѣстной реакціи.

Поѣздка Шварца въ Берлинъ и присоединеніе новиковскаго кружка къ розенкрейцерству пало какъ разъ на то время, когда Вёльльнеръ находился въ разгарѣ осуществленія своихъ замысловъ при дворѣ кронпринца. Какъ же могло случиться, что Новиковъ и его друзья—принципіальные отрицатели политическихъ предпріятій—признали духовное надъ собою руководительство отъявленныхъ политическихъ интригановъ?

Кажется, по этому вопросу и въ настоящее время надлежитъ признать полную силу за сужденіемъ, высказаннымъ нѣкогда Пыпинымъ: „московскимъ масонамъ, — говоритъ Пыпинъ, — осталась неизвѣстной гнусная закулисная интрига, надъ которой работали берлинскіе розенкрейцеры. Нѣтъ никакихъ данныхъ о томъ, чтобы московскіе масоны были посвящены въ эти политическіе интриги, и нѣтъ основаній не довѣрять показаніямъ всѣхъ нашихъ розенкрейцеровъ, единогласно отрицающихъ въ московскомъ своемъ орденѣ какія-либо политическія тенденціи“.

Это мнѣніе Пыпина, думается намъ, не только не поколеблено въ наши дни, но даже получило дальнѣйшее подтвержденіе. Изслѣдователей долго смущали глухія извѣстія о томъ, что новиковскій кружокъ входилъ въ какія-то сношенія съ русскимъ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ. А такъ какъ во время слѣдствія надъ Новиковымъ Екатерина придавала особенное значеніе вопросу объ этихъ сношеніяхъ—объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ Лопухинъ,—то и получалась возможность предполагать, что попытки русскихъ масоновъ сблизиться съ Павломъ Петровичемъ преслѣдовали какую-то политическую цѣль. Въ настоящее время исторія этихъ сношеній освѣщена документами съ полною подробностью и уже не остается никакой возможности сомнѣваться въ совершенно невинномъ характерѣ ихъ. Въ сущности, эти сношенія ограничились поднесеніемъ Павлу Петровичу чрезъ Баженова нѣсколькихъ книгъ. Книги цесаревичъ принималъ благосклонно, но что касается возможности какого-то особеннаго расположенія Павла къ московскому кружку мартинистовъ, то всякія предположенія на этотъ счетъ рушатся въ виду сообщенія Баженова о сло-

вахъ, сказанныхъ ему Павломъ: „я тебя люблю,—говорилъ цесаревичъ,—и принимаю, какъ художника, а не какъ мартиниста; объ нихъ же и слышать не хочу и ты рта не разѣвай объ нихъ говорить“. [1])

Авторъ предисловія къ академическому изданію переписки московскихъ масоновъ, Я. Л. Барсковъ, склоненъ, повидимому, придавать болѣе серьезное значеніе и связямъ московскихъ розенкрейцеровъ съ Павломъ и пріобщенности москвичей къ политическимъ планамъ берлинскихъ розенкрейцеровъ. Въ одномъ мѣстѣ своего предисловія онъ говоритъ: „вѣдь и русскіе розенкрейцеры, подобно нѣмецкимъ, надѣялись, что современемъ ихъ поддержитъ верховная власть. Это не значитъ, что было полное сходство въ мистикѣ и политикѣ тѣхъ и другихъ; есть основаніе думать, что въ политикѣ русскихъ братьевъ было больше искренности и безкорыстія, нежели у прусскихъ; общимъ было то, что въ Москвѣ и Берлинѣ мистика тѣсно сплелась съ политикой“.

Мнѣ кажется, что даже и съ такими смягчающими оговорками нельзя поддерживать это положеніе. Что Шварцъ и другіе московскіе мартинисты лелѣяли мечту о томъ, чтобы Павелъ сталъ во главѣ ихъ организаціи, это не подлежитъ сомнѣнію и доказывается прямыми документальными свидѣтельствами. Но вѣдь такое желаніе еще не есть непремѣнно „политика“. Ни изъ чего не видно, чтобы московскіе мартинисты подобно берлинскимъ ставили себѣ цѣлью рано или поздно сосредоточить въ своихъ рукахъ вліяніе на государственное управленіе; ни изъ чего не видно, чтобы они имѣли въ виду сближаться съ наслѣдникомъ престола для проложенія себѣ пути къ власти. Я. Л. Барсковъ вслѣдъ за Тихонравовымъ обращаетъ вниманіе на то, что Панинъ, другъ и покровитель московскихъ масоновъ, представлялъ Павлу какіе-то государственные проекты. Однако связь этихъ проектовъ съ намѣреніями новиковскаго кружка ничѣмъ не подтверждается кромѣ того, что о такой связи подозрѣвала Екатерина. Но вѣдь мало ли въ чемъ Екатерина либо искренно, либо неискренно подозрѣвала московскихъ мартинистовъ? Она подозрѣвала ихъ и въ тождествѣ съ иллюминатами, а мы знаемъ, какъ далеко было это отъ истины!

Между тѣмъ, мы могли бы приписывать политическое значеніе желанію московскихъ масоновъ сблизиться съ Павломъ лишь въ томъ случаѣ, если бы это желаніе было внушаемо именно планами участія масонскаго кружка въ государственной власти. Но разъ такихъ плановъ ни въ чемъ не обнаруживается, само по себѣ тяготѣніе новиковскаго кружка къ Павлу Петровичу не даетъ основаній проводить даже и отдаленную параллель между образомъ дѣйствій московскихъ и берлинскихъ розенкрейцеровъ въ этомъ отношеніи. Московскіе розенкрейцеры

---

[1]) „Сборникъ русск. историч. общ.“, II, стр. 120.

могли желать привлеченія въ свою среду наслѣдника престола, во-первыхъ, въ цѣляхъ пропаганды своихъ религіозно-мистическихъ и филантропическихъ воззрѣній, во-вторыхъ, въ цѣляхъ самосохраненія, для обезпеченія своему дѣлу твердой опоры на будущія времена. Все это было бы совершенно естественно, помимо какихъ бы то ни было политическихъ происковъ.

Другое дѣло—берлинскіе „братья", искушенные въ политическихъ интригахъ. Они тоже весьма заботились о привлеченіи Павла къ ордену, и вотъ съ ихъ стороны такія заботы не могутъ не внушать опредѣленныхъ подозрѣній. Я. Л. Барсковъ собралъ въ своемъ предисловіи къ письмамъ масоновъ любопытныя указанія на то, что берлинцы, насаждая свое вліяніе въ Россіи, не упускали изъ виду и чисто политическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ дневникъ Шредера, выѣхавшаго изъ Германіи въ Москву авантюриста, по смерти Шварца, захватившаго на время въ свои руки завѣдываніе сношеніями московскихъ розенкрейцеровъ съ Берлиномъ. Шредеръ записывалъ въ дневникѣ бесѣды, которыя онъ велъ въ Берлинѣ съ Бишофсвердеромъ. Среди записей о чудесахъ и привидѣніяхъ мы наталкиваемся здѣсь время отъ времени и на такія замѣтки: „сдѣлано было много замѣчаній о присоединеніи Крыма" или „Лифляндію слѣдуетъ присоединить къ Пруссіи" или „Бишофсвердеръ видѣлъ планы къ укрѣпленіямъ противъ Россіи" и на-ряду съ этимъ: „принцъ Евгеній Вюртембергскій и Вёльнеръ говорятъ, что великій князь былъ бы навѣрное очень хорошъ въ хорошихъ рукахъ".

Для этихъ людей, видѣвшихъ въ политической интригѣ свое призваніе, вопросъ о привлеченіи Павла къ масонскимъ кругамъ, несомнѣнно, соединялся съ мечтами о включеніи Россіи въ орбиту прусской политики ради лучшаго обезпеченія прусскихъ интересовъ. Что же касается москвичей, то они не только не имѣли ничего общаго съ этими замыслами, но и вообще не желали ничего знать о какихъ бы то ни было политическихъ вопросахъ и задачахъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени важно показаніе Новикова о тѣхъ наставленіяхъ, которыя были даны въ Москвѣ Кутузову передъ отправленіемъ его въ Берлинъ. По словамъ Новикова, Кутузову передъ отъѣздомъ было сказано, „что онъ, ежели хотя малѣйше примѣтитъ, что связь нашу орденскую захотятъ употребить къ политическимъ видамъ, то чтобы тотчасъ изъ Берлина выѣхалъ".

Я. Л. Барсковъ, повидимому, склоняется къ тому предположенію, что основатель московскаго розенкрейцерскаго кружка Шварцъ имѣлъ какія-то особыя, тайныя отъ своихъ московскихъ „братьевъ", соглашенія съ берлинцами. Упомянувъ о восторженномъ отношеніи къ Шварцу его московскихъ друзей и приведя затѣмъ отрицательныя мнѣнія о

Шварцѣ Елагина, Виганда и анонимнаго ритора „Трехъ знаменъ“, рисующія Шварца грубо-властнымъ человѣкомъ и приписывающія Шварцу тайную цѣль ниспроверженія въ Россіи православія, Я. Л. Барсковъ замѣчаетъ: „многое въ этихъ извѣстіяхъ нельзя согласовать ни съ восторженными отзывами о Шварцѣ его „братьевъ“ по ордену, ни съ его собственными писаніями; однако, эти отзывы и писанія даютъ лишь блѣдную тѣнь идеалиста-мистика, запутавшагося въ худшей изъ всѣхъ масонскихъ системъ, а извѣстія Виганда, Елагина и ритора Трехъ знаменъ изображаютъ Шварца яркими чертами, какъ человѣка, одареннаго желѣзной волей и мощной энергіей, самостоятельно и упорно стремившагося къ достиженію ему одному извѣстной цѣли, ради которой онъ считалъ возможнымъ вступить и въ „дьявольскій орденъ“. Допустить, что этотъ „дикій геній“ былъ искренно увлеченъ „тайнами“ розенкрейцерства и вѣрилъ въ могущество „неизвѣстныхъ начальниковъ“, способныхъ по своей волѣ измѣнять міровой порядокъ, значило бы отказаться отъ всякой надежды разсѣять тотъ мистическій туманъ, которымъ окутана вся дѣятельность новиковскаго кружка“.

Намъ кажется, что пока нѣтъ основаній отказываться отъ того представленія о личности Шварца, какое слагается на основаніи отзывовъ о немъ его московскихъ друзей. Врядъ ли указанія Елагина, Виганда и анонимнаго ритора могутъ взять надъ ними перевѣсъ въ нашихъ глазахъ. Оцѣнить степень достовѣрности показаній ритора мѣшаетъ анонимность этого свидѣтеля: мы не знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Елагинъ, какъ-ни-какъ, былъ представителемъ направленія, соперничествовавшаго съ розенкрейцерствомъ, онъ могъ даже невольно сгущать краски. Показаніе Виганда также требуетъ провѣрки. Мы не знаемъ, правильно ли Вигандъ понималъ значеніе того, что слышалъ отъ Шварца. Что же касается разсказа Виганда о томъ, что Шварцъ передъ смертью сказалъ про розенкрейцерскій орденъ: „это—дьявольскій орденъ; если Господь пошлетъ мнѣ исцѣленіе, то я поступлю въ общину гернгутеровъ“, то разсказъ этотъ, если онъ достовѣренъ (замѣтимъ, что Вигандъ самъ былъ гернгутеромъ), свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что Шварцъ при концѣ жизни разочаровался въ берлинскихъ братьяхъ, понявъ, что̀ они изъ себя представляютъ. Между тѣмъ, восторженные отзывы о Шварцѣ его московскихъ „братьевъ“ тоже что-нибудь вѣдь значатъ. Въ особенности важно отношеніе къ Шварцу Новикова. Новиковъ вовсе не былъ довѣрчивой овцой, послушной любому пастуху. Шредера Новиковъ раскусилъ отлично. Важно и то, что Новиковъ не во всемъ былъ согласенъ съ Шварцемъ; напротивъ, между ними бывали существенныя разногласія; значитъ, здѣсь не было со стороны Новикова безотчетнаго ослѣпленія. И если, несмотря на это, Новиковъ чтилъ память Шварца и покоилъ у себя въ деревнѣ его семью послѣ его

смерти, то, значитъ, восторженное отношеніе къ Шварцу его друзей имѣло-таки за собой реальныя основанія. Чтилъ память Шварца и Карамзинъ, а Карамзинъ вовсе не былъ ослѣпленъ масонствомъ и скоро совсѣмъ порвалъ съ нимъ. Все это побуждаетъ предполагать, что высокая оцѣнка личности Шварца его друзьями вытекала не изъ духовнаго ихъ порабощенія его сильной натурой, а изъ сознательнаго признанія его высокихъ достоинствъ; все это побуждаетъ также отнестись съ крайней осторожностью къ отрицательнымъ отзывамъ о Шварцѣ, дошедшимъ до насъ отъ людей, которые стояли сравнительно дальше отъ розенкрейцерскаго кружка.

Итакъ, мы полагаемъ, что московскіе розенкрейцеры, включая и Шварца, не были посвящены въ политическіе замыслы берлинскихъ братьевъ и сами не питали какихъ-либо заднихъ мыслей и сокровенныхъ плановъ, помимо тѣхъ религіозно-философскихъ и филантропическихъ задачъ, которыхъ они ни отъ кого не думали скрывать.

Тѣмъ не менѣе остается очень характернымъ то обстоятельство, что московскіе розенкрейцеры вообще могли поддерживать довѣрчивыя отношенія съ людьми такого калибра, какими были берлинскіе политиканствующіе интриганы. Какъ-ни-какъ, явный проходимецъ Шредеръ игралъ видную роль въ московскомъ розенкрейцерскомъ кружкѣ и только Новиковъ разгадалъ эту темную личность. Кутузовъ же, напримѣръ, умилялся передъ Шредеромъ. Тотъ же Кутузовъ въ Берлинѣ избралъ своимъ наставникомъ въ масонской наукѣ Дюбоска и ставилъ высоко его руководительство, и не подозрѣвая, что это—не болѣе какъ аферистъ и спекулянтъ. Наконецъ, передъ глазами Кутузова и его московскихъ коллегъ была вся напитанная мракобѣсіемъ реакціонная дѣятельность берлинскихъ розенкрейцеровъ, дорвавшихся до власти. Это не мѣшало имъ съ довѣріемъ относиться къ своимъ берлинскимъ учителямъ и руководителямъ. Нѣтъ надобности заключать отсюда, что московскіе масоны раздѣляли реакціонную политическую программу Вёльлнера и компаніи. Изъ показанія Новикова, цитированнаго выше вытекаетъ другое: московскіе розенкрейцеры просто не обращали вниманія на политическую сторону дѣятельности берлинцевъ, замыкаясь исключительно въ кругъ отвлеченно-философскихъ вопросовъ. Политика для нихъ какъ будто не существовала и они сознательно не вводили разбора политическихъ дѣйствій своихъ берлинскихъ братьевъ въ оцѣнку ихъ личностей. Вотъ въ этомъ-то, думается мнѣ, и кроется объясненіе тому, почему наши религіозные мечтатели такъ легко попали въ столь предосудительную въ политическомъ отношеніи компанію. Ихъ привелъ къ тому какъ разъ ихъ принципіальный аполитизмъ. Если бы они не отвертывались отъ обсужденія чисто политическихъ вопросовъ, имъ пришлось бы распространить свою оцѣнку и на такія дѣйствія сво-

ихъ берлинскихъ друзей, разсмотрѣніе которыхъ могло бы подорвать и моральный авторитетъ этихъ послѣднихъ. Новиковъ и его друзья не понимали того, что принципіальное отрицаніе политики само по себѣ есть уже политика и притомъ наихудшая, ибо подъ ея покровомъ всего легче раскидываетъ свои сѣти надъ простодушными людьми самое беззастѣнчивое политиканство.

Мы разсмотрѣли тѣ роковыя недоразумѣнія, которыми была преисполнена судьба московскихъ розенкрейцеровъ. Заблужденія и ошибки этихъ людей для насъ очевидны. Но почему же, несмотря на ихъ заблужденія и ошибки, мы не можемъ отказать имъ въ нашей симпатіи? Не только потому, что ихъ преслѣдовали и гнали незаслуженно и несправедливо. А также и потому, что ихъ ошибки были не ошибками старчества, а ошибками молодости только что нарождавшейся тогда русской интеллигенціи. Въ основѣ ихъ ошибокъ лежалъ искренній порывъ къ исканію идеала, искренняя неудовлетворенность обывательскою пошлостью. Въ своихъ исканіяхъ они попадали на невѣрные пути. Ихъ попытки проникнуть въ тайны бытія напоминаютъ полетъ Дедала, кончившійся паденіемъ. Но вѣдь, несмотря на неудачу перваго аэронавта, самое стремленіе его взлетѣть въ небесную высь вызываетъ невольный восторгъ именно потому, что его опытъ предшествовалъ появленію научно поставленной аэронавтики. Въ наши дни Дедаловъ полетъ былъ бы только смѣшонъ и жалокъ. Смѣшна и жалка была бы въ наши дни и розенкрейцерская премудрость, тогда какъ для эпохи первыхъ шаговъ младенчествующей русской интеллигенціи идейная трагедія московскихъ розенкрейцеровъ носила на себѣ всѣ черты духовнаго подвига.

А. Кизеветтеръ.

Рубежъ.

Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи экстреннаго орловскаго губернскаго земскаго собранія 18 сентября 1915 г. [1])

Гг. гласные!

Въ этотъ поздній часъ я вижу и раздѣляю ваше утомленіе. Я не склоненъ имъ злоупотреблять. Еще сегодня утромъ я хвалился одному изъ васъ, что за все время войны я не произнесъ ни одной рѣчи. И сейчасъ я ограничусь краткимъ, опредѣленнымъ и сухимъ отчетомъ и такимъ же опредѣленнымъ заявленіемъ.

Въ истекшее трехлѣтіе я слѣдовалъ тому же прогрессивному направленію, котораго держался вотъ уже 32 года моей общественной дѣятельности въ Орловской губерніи. Я предпочитаю правовой порядокъ полицейскому и при самыхъ слабыхъ проявленіяхъ его въ законодательныхъ предположеніяхъ я поддерживалъ его и въ комиссіяхъ и при голосованіи Государственнаго Совѣта. Я стоялъ за утвержденіе, развитіе и примѣненіе незыблемыхъ началъ государственныхъ основъ, дарованныхъ 17 октября 1905 года. Я стоялъ за территоріальное распространеніе самоуправленія. Я отстаивалъ развитіе круга дѣйствій мѣстныхъ учрежденій.

Вотъ мой краткій, сухой, опредѣленный отчетъ. Но эти два года законодательной дѣятельности, конечно, блѣднѣютъ передъ третьимъ и еще болѣе передъ рубежомъ, на который насъ ставятъ сегодняшніе выборы.

Я думалъ, что сумѣю высказаться по одному изъ вопросовъ сегодняшней программы. Этотъ пунктъ былъ снятъ администраціей. Я подчиняюсь и не коснусь ни существа вопроса, ни его исхода, а ограничусь необходимымъ объясненіемъ. Мы переживаемъ слишкомъ отвѣтственное время, чтобы затушевывать жуткое, обходить острое, избѣгать опаснаго. И не намъ, старикамъ, давать молодежи такой примѣръ мелкодушія,

---

[1]) Послѣ этой рѣчи были выборы, въ результатѣ которыхъ М. А. Стаховичъ снова вошелъ въ Государственный Совѣтъ избранникомъ орловскаго земства.—*Ред.*

этого губительнаго чувства среди титанической борьбы, которую ведетъ Россія съ небывалымъ даже на нее нашествіемъ.

Вы помните, гг. гласные, что при первыхъ раскатахъ этой далеко еще не отшумѣвшей бури родной и властный голосъ позвалъ всѣхъ подданныхъ къ объединенію противъ общаго врага.

Вы знаете, что засѣданіе 26 іюля 1914 года явилось передо всей Европой блестящимъ аттестатомъ зрѣлости русской Государственной Думы.

Я послушался преподаннаго указанія и въ скромныхъ условіяхъ моихъ малыхъ силъ и крупныхъ лѣтъ принялъ руководство довѣренныхъ мнѣ учрежденій Краснаго Креста, чтобы посильно помогать воюющимъ, подбирать раненыхъ и больныхъ.

Пока мы бились въ приблизительно равныхъ условіяхъ, я слѣдовалъ за неизмѣнно побѣдоноснымъ нашимъ войскомъ черезъ Злочувъ и Львовъ, Раву Русскую и Любачувъ, въ тылу его, и подъ защитой мы форсировали Санъ, взяли Любачувъ, Ржешувъ и Тарновъ, докатились до Кракова, который изъ Велички мы видѣли невооруженнымъ глазомъ, какъ на ладонкѣ.

И вотъ въ это-то время, въ ноябрѣ—декабрѣ 1914 г., явились первыя недоумѣнія, вызванныя неожиданными и страшными слухами. Я упоминаю о нихъ не ради критики и обличенія, а потому, что неожиданно участвовалъ въ нихъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, т.-е. вашъ ставленникъ. Командующимъ одной изъ армій я былъ посланъ для выясненія нѣкоторыхъ подробностей будущаго снабженія къ тогдашнему распорядителю боевого и глубокаго тыла, къ лицу, обезпечивающему всю армію всѣмъ необходимымъ ей оборудованіемъ.

Я получилъ исчерпывающія завѣренія, просилъ и получилъ копіи расчетовъ, таблицъ и схемъ самаго достовѣрнаго назначенія, обезпечивавшихъ ихъ исполненіе. Невѣрность являлась слишкомъ чудовищной по послѣдствіямъ, чтобы ее можно было допустить. Я привезъ ихъ въ армію и явился невольнымъ участникомъ ужаснаго 7-мѣсячнаго бездѣйствія, которое наши союзники, а еще больше наши враги, использовали для спѣшныхъ и мощныхъ заготовленій.

И вотъ ровно 5 мѣсяцевъ тому назадъ, въ такой же ясный, какъ сегодня, вечеръ 18 апрѣля у Горлицы и Тарнова загрохоталъ еще неслыханный огонь, и началось невиданное въ исторіи отступленіе: та Via dolorosa, тотъ крестный путь отъ Кракова почти до Двинска, по которому численно превосходная армія съ еще невиданнымъ совершенствомъ оборудованія билась на смерть со слабѣйшей и борющейся голыми руками, неслыханная дуэль дальнобойныхъ орудій, сметающихъ все на разстояніи 20, даже 22 верстъ, со штыковымъ ударомъ и рукопашнымъ боемъ,—крестный путь на многія сотни верстъ, которыя Россія усѣяла „дѣтями своихъ деревень“ и полила благородной кровью тѣхъ малыхъ,

что любили свою Россію паче своей жизни и душу свою за нее положили! Мы всѣ, читавшіе, слышавшіе, видѣвшіе это,—мы всѣ не въ правѣ забыть этотъ скорбный путь чисто-литургическаго искупленія: то было самое тѣло народа русскаго, ломимое въ страстяхъ; то была кровь его, изливаемая во оставленіе грѣховъ... Не его грѣховъ!

Но когда мы отступили уже черезъ границу, когда вражеское нашествіе заполнило русскую землю на пространствѣ 600 верстъ, недоумѣніе перешло въ ужасъ, русское общество спросило себя: не становится ли этотъ самообманъ—просто обманомъ? Гдѣ правда? Довольно губительной лжи... Попытаемся установить правду, чтобы помочь и спасти.

Вотъ когда наступилъ критическій моментъ. Мы ровнялись на зовъ къ единенію. Но единеніе—въ спасительномъ дѣйствѣ, а не соучастіи въ преступномъ непредвидѣніи, пассивномъ бездѣйствіи и малодушномъ его сокрытіи... Мы должны встать объединенной страной, а не кучкой—я чуть не сказалъ шайкой—сговорившихся все скрывать, готовыхъ использовать бѣду родины, какъ покрышку своимъ грѣхамъ. Нуженъ былъ подъемъ духа, но духа организованнаго и непремѣнно на единую непреложную цѣль направленнаго. Для этого нужно было пробудить въ обществѣ энтузіазмъ, но энтузіазмъ самоограниченія и даже самопожертвованія. Для всего этого нужна была величайшая дѣйственность при условіи величайшаго спокойствія.

Ради осуществленія этой трудной и отвѣтственной задачи общественные дѣятели указали двѣ мѣры: одну матеріальнаго характера—мобилизацію промышленности, другую духовнаго значенія—созывъ Государственной Думы. И если она, какъ я сказалъ раньше, заслужила 26 іюля 1914 года „аттестатъ зрѣлости“, то черезъ годъ, въ послѣднюю іюльскую сессію русская Дума блестяще выдержала свой государственный экзаменъ... Cum maxima laude.

Передъ нею стояли три опасности для крѣпости и стойкости имперіи среди борьбы на жизнь и на смерть. По ихъ грозной важности я ставлю ихъ въ слѣдующей постепенности: первая опасность—демагогія, вторая—малодушіе, и только на третьемъ мѣстѣ — Германія и ея страшная силища.

Въ критическіе моменты исторіи демагогія и малодушіе всегда союзничаютъ. Они дѣти одной матери—отчаянія. Всякая демагогія опасна тѣмъ, что впереди борьбы съ исключительнымъ и общимъ врагомъ она ставитъ обычныхъ и личныхъ своихъ враговъ.

Взвѣсьте лозунги того и другого демагогическаго крыла, крайней правой и крайней лѣвой политической боевой фаланги, и попробуйте выбрать: одни безсмысленно взываютъ къ защитѣ Верховной власти отъ собственной страны; другіе выставляютъ кощунственный лозунгъ защиты страны отъ ею же установленной Верховной власти.

Малодушіе граничитъ съ безнадежностью. Подъ рокотъ негодующаго слова: измѣна! съ лукавымъ коварствомъ просачивается слово: миръ. Сквозь отчаяніе къ безнадежности пытаются пристегнуть позоръ!

Разъяснять вамъ третью опасность—силу Германіи—я не стану.

Вотъ передъ чѣмъ стала созванная Дума, вотъ на какой почвѣ возникло и образовалось то спасительное единеніе, которое иногда съ пренебреженіемъ, иногда съ предубѣжденіемъ называютъ блокомъ. Старательно подчеркиваю передъ вами, что являюсь не только его участникомъ, но былъ въ числѣ его иниціаторовъ. Добавляю, что если получу отъ васъ полномочія на дальнѣйшую политическую дѣятельность, я не сойду съ его программы.

Гг. гласные! Помните, что задача и заслуга политики—въ достиженіи необходимыхъ цѣлей наличными средствами. Не традиціонными, не излюбленными или кратчайшими, а наличными, т.-е. возможными. И я не могу представить себѣ единенія безъ уговора и уступокъ, безъ одолѣнія этихъ двухъ величайшихъ трудностей въ политическомъ обиходѣ. Только лучшіе слуги страны способны на это самоотверженіе и только въ отвѣтственныя минуты переживаемой государствомъ великой опасности. Только энтузіазмъ патріотизма приводитъ въ одну армію, ставитъ подъ одно знамя Гучкова и Милюкова, твердаго и умнаго Шульгина, Шидловскаго, Крупенскаго съ такими сильными и талантливыми противниками, какъ Вас. Маклаковъ и Львовы; усаживаетъ Шингарева и Родичева за одинъ столъ съ такими завѣдомыми носителями довѣрія Верховной власти, какъ недавніе министры Манухинъ, Оболенскій, Немѣшаевъ, Кауфманъ.

Надо удивляться, что неполныхъ 10 лѣтъ очень неважной, по откровенному моему мнѣнію, Думы взрастили въ народѣ такое государственное сознаніе, такой государственный смыслъ и способность его слушаться. Подумайте, что нашли въ себѣ рѣшимость и силу объединенія десятки молодыхъ еще и потому обыкновенно непримиримыхъ политическихъ партій, сотни и тысячи политическихъ дѣятелей, всѣ города, всѣ земства Россіи, наконецъ, рѣшительное большинство огромной и бурной арміи рабочихъ... А вотъ 12 министровъ никакъ не могутъ объединиться, какъ ихъ ни пересаживаютъ... Судите же, господа, гдѣ бо́льшая зрѣлость? На чьей сторонѣ больше искренняго патріотизма и способности самопожертвованія?

Твердую власть можно обезпечить только сильнымъ и сознательнымъ большинствомъ. Тогда она спокойна за порядокъ и за внутренній миръ. А развѣ исторія не поставила передъ нами, отвѣтственными не только за современную, но и за будущую Россію, роковой угрозы,—будетъ ли наша родина имперіей, какъ Испанія, на пространствѣ которой тоже когда-то не заходило солнце, или энергичная и крѣпкая, какъ наша

союзница Англія? Внесетъ ли въ сокровищницу человѣчества русскій народъ свою культуру, свои вѣрованія и душу? Развѣ исторія не ставитъ передъ нами категорическаго императива:

или внутренній миръ во что бы то ни стало;

или миръ внѣшній, на условіяхъ, какія предпишетъ злобный и безпощадный врагъ.

Гг., я высказалъ вамъ открыто, что я думаю и какъ намѣренъ дѣйствовать. Но для того, чтобы знать навѣрное, могу ли я при этомъ считать себя вашимъ ставленникомъ въ Верхней палатѣ, раздѣляете ли вы мои взгляды и поддерживаете мою программу, я прошу г. предсѣдателя подвергнуть меня баллотировкѣ.

Михаилъ Стаховичъ.

Экономическія проблемы, вызванныя войной.

За время войны мнѣ часто приходилось вспоминать одинъ свой незначительный разговоръ съ экономистомъ, профессоромъ берлинскаго университета, Ястровымъ, имѣвшій мѣсто за полгода до европейской катастрофы.

Бесѣда касалась разныхъ теоретическихъ вопросовъ политической экономіи и ничего особеннаго, что могло бы врѣзаться въ память, не было въ ней, но одинъ моментъ бесѣды заслуживаетъ вниманія и воспоминанія.

Во время разговора профессоръ быстро и неожиданно всталъ, взялъ съ полки только что вышедшую брошюру, протянулъ ее мнѣ и весьма выразительно и дѣловито-озабоченно сказалъ: „Вотъ тема нашего сегодняшняго дня, вотъ что должно насъ наиболѣе интересовать!“

Заглавіе свѣже отпечатанной брошюры гласило: „Deutschlands wirtschaftliche Kriegsbereitschaft“.

Значительность, съ которой профессоръ отрекомендовалъ тему названной книжки, побудила меня немедленно прочитать ее. Содержаніе книжки (авторъ Arthur Blaustein), насколько мнѣ помнится, не давало почти ничего новаго и оригинальнаго по сравненію съ тѣмъ, что къ тому времени было уже написано на эту тему другими авторами: Riesser'омъ, Biermer, Neubürger, Völcker, генераломъ Blume и др. Но по схемѣ своей работа претендовала на нѣкую систему военно-хозяйственной науки, какъ самостоятельной дисциплины, съ самой дробной классификаціей отдѣловъ и подотдѣловъ. Отдѣлы эти въ значительной части совпадали съ общепринятыми отдѣлами „мирной“ политической экономіи, но къ ея обычной терминологіи добавлялась неизмѣнная приставка Kriegs... Kriegsfinanzwissenschaft, Kriegsgewerbepolitik, Kriegshandelspolitik, Kriegssozialpolitik, Kriegsverkehrwesen, Kriegswirtschaftsrecht и т. п.

Такая попытка научно раціонализировать экономическую подготовку войны казалась мнѣ въ то время чудовищной въ своемъ педантичномъ предвидѣніи всѣхъ деталей военно-хозяйственнаго дѣла. Но надо при-

знать, что запросы, которые предъявила война ко всѣмъ воюющимъ государствамъ, такъ велики, такъ неожиданно сложны, что никакая самая детально выработанная до войны система хозяйственной раціонализаціи не могла предвидѣть того, что совершается на нашихъ глазахъ.

Война лишній разъ подтвердила, насколько трудно и рискованно экономическое предвидѣніе, и можно привести немало примѣровъ предсказаній, уже запечатлѣнныхъ ошибкою. Источникъ подобныхъ ошибокъ и заблужденій, мнѣ думается, въ слѣдующемъ.

Экономическая наука до самаго послѣдняго времени не придавала большого значенія хозяйствующему субъекту, какъ творческому началу, въ экономической жизни.

Если въ области производства еще удѣлялось нѣкоторое вниманіе предпринимателю и рабочему, анализу ихъ психологіи и вліянія на производственный процессъ, а также зависимости рынка отъ спекулятивной дѣятельности предпринимательскихъ организацій, то въ области потребленія экономисты не шли далѣе изученія природы отдѣльнаго потребленія, строили скалы потребностей и выводили степень полезности тѣхъ или иныхъ благъ.

Потребленіе, какъ хозяйственное явленіе, не пользовалось правомъ гражданства въ политической экономіи, и если обратиться къ мотивировкѣ изгнанія этого отдѣла экономистами изъ сферы своего изученія, то не трудно убѣдиться, какъ мало продумана эта проблема.

Точно такъ же статистика обнаружила свои пробѣлы въ учетѣ потребленія. Въ Англіи, во Франціи, даже въ Германіи, гдѣ статистическій матеріалъ разработанъ наиболѣе полно по многимъ отраслямъ хозяйственной жизни, съ началомъ войны стали передъ неизвѣстностью величинъ необходимаго снабженія, нормъ распредѣленія, движенія запасовъ и т. п. Когда Германія приступила къ государственной регламентаціи потребленія хлѣба, никто не представлялъ себѣ, что̀ можетъ сдѣлать для народнаго хозяйства, вопреки его объективнымъ возможностямъ и ресурсамъ, творческая воля и дисциплина людей.

Точно такъ же у насъ никто не могъ точно учесть, въ чемъ выразится сдвигъ, совершившійся въ потребленіи, благодаря отмѣнѣ продажи спиртныхъ напитковъ.

Война выдвинула не только практическія задачи снабженія населенія продуктами первой необходимости, но и поставила во всей своей значительности передъ экономической наукой *проблему потребленія*, какъ область явленій, гдѣ творческая дѣятельность человѣка можетъ оказать существенное вліяніе на народное хозяйство.

Мы знаемъ, что предѣлы этого творчества въ сферѣ производства дошли до границы чудеснаго. Мобилизація промышленности въ воюющихъ государствахъ, подводящая подъ единое руководство разрознен-

ныя и разнокалиберныя предпріятія и отрасли; переходъ, приспособленіе и замѣна однихъ матеріаловъ другими (мѣди—кованнымъ никелемъ, бензина—спиртомъ, тканей—бумагой и т. д.), перекройка и перетасовка предпріятій въ связи съ властными заданіями государственной обороны,—развѣ все это не неожиданныя для насъ явленія, порождающія все новые и новые вопросы: о предѣлахъ раціонализаціи народнаго хозяйства, о государственномъ предпринимательствѣ, о *государственномъ саціализмѣ*?

Въ Германіи процессъ проникновенія государственной власти въ хозяйство зашелъ такъ далеко, [1]) государство такъ спаяло производство, такъ регламентировало обмѣнъ, организовало распредѣленіе и потребленіе, что это не можетъ пройти безслѣдно для структуры германскаго народнаго хозяйства. Поэтому тамъ, можетъ быть, острѣе, чѣмъ глѣ бы то ни было, дадутъ себя знать послѣ войны внутренніе соціально-политическіе вопросы.

Мы видимъ, какъ самая свободная страна въ смыслѣ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь—Англія—постепенно втягивается въ этотъ процессъ огосударствленія народнаго хозяйства.

Запрещенія ввоза и вывоза разныхъ товаровъ, попытки созданія полугосударственныхъ отраслей промышленности (производство красокъ); финансовыя мѣропріятія, диктующія нѣкоторыя таможенныя ограниченія вопреки традиціонному фритрэдерству Великобританіи... Цѣлый рядъ новыхъ положеній, видоизмѣняющихъ хозяйственную физіономію страны.

Проявленія „этатизма“, наблюдаемыя во всѣхъ странахъ, выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ видѣ организаціи ввозной и вывозной торговли, въ мобилизаціи промышленности для цѣлей обороны, въ регламентаціи цѣнъ посредствомъ таксъ, въ проведеніи финансовыхъ мѣропріятій, связанныхъ съ монополизаціей нѣкоторыхъ отраслей народнаго хозяйства и т. д., и т. д.

У насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало развита идея государственности, гдѣ такъ огромны разстоянія между различными по своей хозяйственной природѣ районами, гдѣ такъ чувствительна зависимость нѣкоторыхъ отраслей промышленности отъ полученія сырья изъ-за границы, эти процессы государственной раціонализаціи хозяйственной жизни протекаютъ съ особливо большими трудностями.

Съ углубленіемъ театра военныхъ дѣйствій внутрь Россіи прежде всего получила яркое выраженіе *проблема географическаго распредѣленія русской промышленности*. Обнаружились всѣ тѣ слабости нашей

---

[1]) Для изученія хозяйственной политики германскаго правительства за время войны очень полезно обратиться къ офиціальной запискѣ „объ экономическихъ мѣропріятіяхъ, вызванныхъ войной“ („Denkschrift über wirtschaftliche Massnahmen aus Anlass des Krieges“).

хозяйственной политики, которыя способствовали возникновенію и сгущенію промышленности въ западной половинѣ Европейской Россіи, и потому властно диктуемая задача усиленія производительныхъ силъ страны должна впредь осуществляться въ ясномъ направленіи созидательнаго процесса въ центръ и на востокъ. Торговая и внутренняя экономическая политика могутъ оказать значительное поощреніе этому перераспредѣленію промышленныхъ центровъ, а связь мобилизованной промышленности съ государственной обороной облегчитъ дальнѣйшее проникновеніе государства въ хозяйственную жизнь и усиленіе казеннаго предпринимательства.

Уже сейчасъ, въ виду необходимости увеличить финансовые ресурсы казны и заполнить брешь, образованную въ бюджетѣ выпаденіемъ питейнаго дохода, намѣчается нѣсколько государственныхъ монополій (чайная, сахаро-рафинадная, кофейная, спичечная), которыя потребуютъ отъ государства значительной коммерціализаціи подлежащихъ вѣдомствъ, а въ торгово-промышленную жизнь внесутъ нѣкоторый духъ казеннаго хозяйствованія, стѣсняющій частную инициативу, и безъ того у насъ мало выраженную.

Вопреки всякой аргументаціи о желательности и нежелательности монополій эти проекты вырабатываются подъ давленіемъ фискальной необходимости, и всякая критика, кромѣ самой конкретной, расчетно-финансовой, умолкаетъ передъ властными требованіями государственной необходимости.

Вопросъ о государственномъ предпринимательствѣ, о предѣлахъ и возможностяхъ созданія казенныхъ монополій не изученъ достаточно въ финансовой литературѣ. Война даетъ и еще дастъ богатый матеріалъ для углубленія этой проблемы.

Въ этомъ процессѣ государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь интересно отмѣтить, что въ сферу вліянія власти входитъ не только производство, не только монополизируемые казною торговые рынки (пока лишь въ проектѣ, что для существа явленія безразлично), но и вольный рынокъ, на который государство пытается воздѣйствовать своимъ принудительнымъ аппаратомъ (таксы, реквизиціи). Въ политикѣ таксъ и „максимальныхъ цѣнъ“ (Германія, Австрія) проявляется интереснѣйшая борьба раціонализирующаго начала государственной власти съ ирраціональной природой вольнаго рынка. Любопытно, что въ этой борьбѣ не только „указная“ цѣна не побѣждаетъ „вольную“, но первая даетъ основаніе для спекуляціи, привлекая и отталкивая рыночный товаръ сравнительной выгодой разномѣстныхъ цѣнъ и таксъ.

И еще любопытнѣе, что эта борьба ведетъ свой путь къ упраздненію вольнаго рынка посредствомъ реквизиціи и монополіи. Таковъ былъ

путь борьбы германскаго государства съ вольнымъ рынкомъ, такой путь намѣчается и у насъ.

Въ этомъ процессѣ борьбы „указной“ цѣны съ „вольной“ интересна не столько природа цѣны, какъ экономической категоріи, сколько природа государственнаго вмѣшательства, какъ соціальнаго явленія.

Анализъ цѣнъ за время войны, какъ это ни странно, не представляетъ никакого теоретическаго интереса. То, что наблюдалось до войны въ области цѣнъ, неуклонно повышавшихся, то, что трактовалось тогда на тему о дороговизнѣ, способствовало уясненію и анализу тенденцій міроваго хозяйства, какъ сложнаго взаимодѣйствія народо-хозяйственныхъ организмовъ. Цѣны „до военныя“ были выраженіемъ закономѣрнаго процесса.

Цѣны военныя, которыя установились въ результатѣ оторванности и разрозненности государствъ, разстройства вексельныхъ курсовъ, видоизмѣненія всей міроховяйственной конъюнктуры, эти цѣны, занимающія насъ своей вопіющей высотой и создавшія явленіе повсемѣстной дороговизны, не поддаются никакому планомѣрному научному изученію. Въ каждой странѣ, по каждому товару, въ каждый данный моментъ повышенія онѣ имѣютъ свои конкретныя причины, вызванныя разстройствомъ хозяйственнаго организма. Все, что пишется сейчасъ о дороговизнѣ у насъ и за границей, сводится поэтому къ регистраціи этихъ фактовъ и къ выработкѣ средствъ для устраненія неоправдываемыхъ вздорожаній. Никакихъ обобщенныхъ выводовъ, кромѣ констатированія хозяйственной разрухи, нельзя сдѣлать изъ этого изученія. (Это не значитъ, конечно, что явленіе не заслуживаетъ научнаго вниманія, равно какъ это утвержденіе не касается практическаго изученія дороговизны, въ цѣляхъ борьбы съ нею.)

Въ этой области намѣчаются для изученія двѣ проблемы, одна изъ нихъ—сейчасъ, другая въ будущемъ.

Какъ извѣстно, вздорожаніе цѣнъ происходитъ нынче на-ряду съ ростомъ доходовъ, съ увеличеніемъ количества обращающихся денежныхъ знаковъ, съ накопленіемъ свободныхъ средствъ и капиталовъ.

Выяснить вліяніе умноженнаго количества денегъ на цѣну товаровъ можно будетъ только въ будущемъ, когда они разсосутся по артеріямъ народнаго хозяйства, сейчасъ это эмпирически уловить нельзя.

Но выяснить степень соотношенія между увеличеніемъ цѣнъ и доходовъ (хотя бы по отношенію къ наиболѣе поддающейся анализу заработной платѣ) представляется и сейчасъ довольно осуществимымъ.

Мы не задаемся цѣлью перечислить или даже намѣтить всѣ тѣ вопросы, которые встаютъ передъ каждымъ наблюдателемъ экономической дѣйствительности. Если обратиться къ любому изъ государствъ— а всѣ страны задѣты въ своей хозяйственной жизни войной, — то въ

формулировкѣ экономическихъ задачъ намъ прежде всего бросается въ глаза ихъ *національный характеръ*.

Каждое государство, естественно, исходитъ въ своей хозяйственной политикѣ изъ національно-государственныхъ соображеній, стараясь извлекать изъ своихъ экономическихъ преимуществъ не только обычныя рыночныя выгоды, но и стремясь къ политическимъ компенсаціямъ за свои товары и деньги. Международный обмѣнъ принялъ характеръ не простого рыночнаго распредѣленія продуктовъ мірового производства, а характеръ снабженія, связаннаго, помимо выгодъ экономическихъ, и съ политическими расчетами. Въ результатѣ структура торговаго баланса разныхъ странъ совершенно видоизмѣнилась, рынки сбыта и снабженія перегруппировались, и, надо полагать, послѣ войны это не можетъ остаться безрезультатнымъ для мірового хозяйства.

Въ этомъ сдвигѣ видную роль играетъ вырастающая на нашихъ глазахъ міровая держава—Соединенные Штаты Америки, ликвидирующіе свою задолженность Европѣ, накопляющіе колоссальныя средства, увеличивающіе свой флотъ военный и торговый, захватывающіе въ сферу своего имперіалистическаго расширенія Южную Америку и острова Великаго океана.

Соединенные Штаты Америки, занимая исключительно выгодное территоріальное положеніе, обладая богатыми хозяйственными и природными ресурсами, имѣютъ всѣ шансы сдѣлаться современемъ самодовлѣющимъ народо-хозяйственнымъ организмомъ. Изученіе экономическаго развитія Америки, покуда мало у насъ практикуемое, должно быть очень поучительно для уясненія нашихъ собственныхъ экономическихъ путей и перспективъ.

Внутреннее потребленіе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ у насъ возрастаетъ, размѣры экспортныхъ остатковъ и у насъ современемъ будутъ уменьшаться. Не мы будемъ искать рынковъ сбыта, а потребительскія страны будутъ нуждаться въ нашемъ хлѣбѣ. Но промышленность наша еще слаба, она не можетъ обойтись безъ иностранныхъ машинъ, полуфабрикатовъ и нѣкоторыхъ продуктовъ сырья. Ввозя необходимые намъ товары, мы должны многое и вывозить; этого требуетъ наша финансовая задолженность, давящая на расчетный балансъ. Для Россіи *проблема самодовлѣющаго хозяйства* есть лишь отдаленная перспектива, прообразъ которой вырисовывается нѣкоторымъ образомъ сейчасъ во время войны, когда мы въ силу необходимости почти изолированы отъ мірового рынка, поскольку вообще можно говорить сейчасъ о таковомъ.

Ближайшія десятилѣтія неизбѣжно потребуютъ самаго оживленнаго внѣшняго товарообмѣна. Пока еще трудно предвидѣть, какіе торговые договоры мы заключимъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что мы и впредь

будемъ вести торгово-договорную политику. Для выясненія ея матеріальнаго содержанія на очереди стоитъ критическое изученіе и *выработка таможеннаго тарифа,* какъ основы торговой политики.

Экономическая наука переживаетъ сейчасъ періодъ необычайнаго накопленія фактовъ и удивительнаго многообразія явленій. Властныя задачи нашего тяжелаго времени не даютъ возможности сосредоточиться на вдумчивомъ уясненіи всего нарастающаго матеріала. Для экономистовъ открывается сейчасъ богатое поприще практической дѣятельности, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ такая нужда въ научно подготовленныхъ силахъ. Но въ то же время наша нынѣшняя грубо-эмпирическая жизнь такъ остро и ощутительно ставитъ экономическія задачи, такъ бьетъ въ глаза своими нуждами, что размышлять надъ экономическими явленіями стало совершенно неизбѣжно для всякаго человѣка, даже совершенно неприкосновеннаго къ наукѣ о народномъ хозяйствѣ. Всякій потребитель входитъ нынче въ суть вещей, невольно интересуется происхожденіемъ товаровъ, составомъ, цѣной—производственной, рыночной, таксированной; пути сообщенія, фрахты, организаціи правительственныя и хозяйственныя, регулирующія хозяйственную жизнь,—все это находится въ кругу его наблюденій.

Въ результатѣ осаждается въ головахъ пытливая мысль, которая, когда создастся благопріятная для того атмосфера, воплотится въ людяхъ, способныхъ посвятить свои силы наукѣ, либо практической дѣятельности въ области народнаго хозяйства, въ ясной и глубокой теоретической работѣ и въ продуманной въ нормальныхъ условіяхъ практикѣ.

Я. Букшпанъ.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Задачи нашей торговой политики. **І. М. Кулишера.**—2. Анна Павловна Философова. **А. С. Изгоева.**—3. Изъ германскихъ „программъ войны". **И. О. Левина.**—4. Изъ исторіи балканскаго союза. **С. Лозинскаго.**

II. Литература и искусство.

1. С. М. Соловьевъ. **Петра Струве.** — 2. Культура рѣчи. **Н. В. Недоброво.**—3. † К. Е. Маковскій. **А. А. Ростиславова.**

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Задачи нашей торговой политики. [1])

Во имя чего мы сражаемся? — спрашиваетъ Н. П. Ланговой въ своей брошюрѣ (Петроградъ, 1915 г.), выпущенной подъ этимъ названіемъ. И отвѣчаетъ на это: ради того, чтобы „сохранить за собой полную свободу въ дѣлѣ огражденія интересовъ національнаго нашего труда". „Великое дѣло національзаціи рынка", „эмансипація отъ иностранной промышленности", — таковы современные лозунги, очередныя задачи въ области торговой политики.

Но какъ достигнуть ихъ осуществленія? Однимъ изъ средствъ являются выгодные торговые договоры, соглашенія съ другими государствами, соотвѣтствующія интересамъ русскаго народнаго хозяйства. Англія это знала уже двѣсти и триста лѣтъ тому назадъ. Осуществляя принципъ: національный фабрикатъ, выдѣланный изъ національнаго же сырья,—то, о чемъ у насъ мечтаютъ въ настоящее время,—она запретила въ 1565 г., въ интересахъ своей наиболѣе важной отрасли промышленности, на которой зиждилось богатство Англіи, шерстяного производства, вывозъ за границу живыхъ барановъ, ягнятъ и овецъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества и потери лѣвой руки. И въ память этого закона, положившаго начало развитію шерстяной промышленности, было установлено, что лордъ-канцлеръ и верховный судья должны сидѣть въ верхней палатѣ на шерстяномъ мѣшкѣ. А сто лѣтъ спустя было предписано подъ угрозой наказанія хоронить покойниковъ въ шерстяныхъ саванахъ, въ гробахъ, обитыхъ сукномъ. Эти законы просуществовали до 1814 г. Но главнымъ средствомъ

---

[1]) Печатая настоящую замѣтку, мы открываемъ въ нашемъ журналѣ разностороннее обсужденіе тѣхъ торгово-политическихъ проблемъ, которыя тотчасъ станутъ на очередь послѣ окончанія войны. *Ред.*

покровительства національной шерстяной промышленности было заключеніе торговыхъ договоровъ съ другими странами, которые обезпечивали экспортъ „славныхъ аглинскихъ етаминовъ, саржей, перпетуэлей, баекъ и другихъ шерстяныхъ матерій“ въ Испанію и Португалію, въ испанскія Нидерланды, въ Россійское государство.

Такъ, въ 1703 г. былъ заключенъ договоръ между „свѣтлѣйшей и могущественнѣйшей государыней Анной, королевой Великобританіи, и свѣтлѣйшимъ и могущественнѣйшимъ Петромъ, королемъ Португаліи“,—знаменитый метуэнскій договоръ, который обезсмертилъ имя „превосходительнаго Джона Метуэна, эсквайра, члена англійскаго парламента и чрезвычайнаго посланника въ Португаліи“. Современники Метуэна утверждали, что ему нужно поставить памятникъ въ каждомъ торговомъ городѣ Англіи за то, что онъ сумѣлъ убѣдить португальцевъ въ томъ, что имъ, живущимъ подъ яснымъ небомъ, нѣтъ надобности итти противъ природы и заниматься приготовленіемъ шерстяныхъ матерій; это они должны предоставить англичанамъ, которыхъ сырой и холодный климатъ заставляетъ большую часть года проводить подъ крышей и работать въ спертомъ воздухѣ. Этимъ договоромъ отмѣнялось въ пользу Англіи существовавшее въ Португаліи общее запрещеніе привоза иностранныхъ шерстяныхъ матерій. Взамѣнъ этого Англія предоставляла льготы для португальскихъ винъ, привозимыхъ въ Англію, хотя привозъ послѣднихъ едва ли значительно повысился „для особливой сихъ винъ природной кислоты и остроты, которая по объявленію докторовъ и лекарей англинскому народу весьма вредительна“,—какъ говорится въ русскомъ извлеченіи 1748 г. „Саваріева лексикона о коммерціи“.

Точно такъ же на основаніи „трактата между россійскимъ и англійскимъ дворами о дружбѣ и взаимной между обѣихъ державъ коммерціи“ 1734 года Англіи удалось добиться пониженія пошлинъ приблизительно на одну треть для привозимыхъ ею шерстяныхъ тканей, „англинскихъ солдатскихъ суконъ, толстыхъ суконъ Іоркской провинціи, широкихъ фланелевъ и узкихъ фланелевъ“. (См. Остроуховъ. „Англо-русскій торговый договоръ 1734 года“. Спб. 1914 г.) Съ этихъ поръ и у насъ, гдѣ и раньше „аглинское сукно доброе“ или „аглинка“ часто служило предметомъ пожалованія служилымъ людямъ за ихъ „службу“, „раны“, „полонное терпѣніе“, Англія стала „одѣвать“ болѣе состоятельные классы населенія своимъ сукномъ.

Но Англія не удовольствовалась однимъ разрѣшеніемъ привозить свои шерстяныя матеріи въ Португалію или пониженіемъ пошлинъ на англійское сукно у насъ или въ испанскихъ Нидерландахъ. Она понимала, что и другія страны могутъ добиться не только такой же отмѣны запрещенія для своихъ матерій, но и болѣе низкихъ пошлинъ. Ей нужно было имѣть гарантію, что въ будущемъ другія государства, напримѣръ, ея конкуренты—Франція, Голландія, не будутъ пользоваться бо́льшими льготами, чѣмъ англійскія сукна, что въ случаѣ предоставленія какихъ-либо выгодъ другой странѣ, эти выгоды немедленно и безъ какихъ-либо особыхъ соглашеній будутъ распространены и на нее, на Англію. Эта гарантія и дается Англіи въ заключаемыхъ ею въ XVII и XVIII ст. съ Испаніей, Швеціей, Даніей, Россіей договорахъ, дается ей признаніемъ, что англичане пользуются правами наиболѣе благопріятствуемой державы.

Въ англо-русскомъ трактатѣ 1734 г. говорится, что „обоихъ странъ подданные въ ихъ областяхъ всегда яко наилучше фаворизованной народъ трактованы и почитаны быть имѣютъ“. А въ другихъ мѣстахъ трактата это поясняется точнѣе: „подданнымъ имѣетъ быть позволена совершенно свободная навигація и купечество во всѣхъ ихъ, въ Европѣ лежащихъ областяхъ, гдѣ нынѣ навигація и купечество другому кото-

рому народу позволено или впредь позволено быть можетъ". Русскіе купцы въ Великобританіи и англійскіе въ Россіи имѣютъ право торговать и „домы строить, покупать и наймовать и оные паки продавать" въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ „которому нибудь другому народу позволено есть", и имъ „надлежитъ не болѣе пошлинъ платить, почему другихъ народовъ подданные тамо платятъ".

Съ этого времени оговорка наибольшаго благопріятствованія (la clause de la nation la plus favorisée, most-favored-nation clause, Meistbegünstigungsklausel) постепенно становится необходимой составной частью торговыхъ договоровъ, входитъ въ желѣзный инвентарь международныхъ трактатовъ. Въ однихъ случаяхъ государства, заключая договоръ, не требуютъ для своихъ подданныхъ какихъ-либо льготъ, для своихъ товаровъ и судовъ пониженія пошлинъ, а довольствуются однимъ наибольшимъ благопріятствованіемъ, обезпеченіемъ ихъ подданнымъ и ихъ товарамъ и судамъ равноправности съ подданными, судами и товарами другихъ странъ. Чаще, однако, они настаиваютъ на пониженіи пошлинъ, взимаемыхъ съ опредѣленныхъ товаровъ, составляющихъ важный объектъ ихъ экспорта, требуютъ далѣе закрѣпленія (фиксаціи) нѣкоторыхъ другихъ пошлинъ, т.-е. обязательства не повышать ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ остальномъ они выговариваютъ себѣ most-favored treatment, т.-е. пользованіе правами, предоставленными подданнымъ наиболѣе благопріятствуемой державы.

Этотъ принципъ равноправія, пользованія всѣми льготами, которыя даны какому-либо другому государству, особенно широко примѣняется въ періодъ торжества идеаловъ свободной торговли 1860 и 1870 годовъ, когда Европа покрылась сѣтью торговыхъ договоровъ. Каждая страна заключала договоръ со всѣми другими государствами: Франція съ 19 державами, Италія съ 24; Австрія заключила 14 договоровъ, германскій таможенный союзъ—18, Бельгія—19 договоровъ. Въ каждомъ договорѣ выговаривалось пониженіе тѣхъ или другихъ ставокъ въ пользу даннаго государства-контрагента; но оно немедленно распространялось каждый разъ, подобно электрическому току, и на всѣ прочія страны, ибо во всѣхъ трактатахъ предусматривалось наибольшее благопріятствованіе, безусловное и безвозмездное пользованіе всѣми льготами, привилегіями и выгодами, предоставленными какому-либо иному государству.

Но прошелъ медовый мѣсяцъ свободной торговли. Съ 80-хъ годовъ, протекціонизму вновь были широко открыты двери, и онъ началъ свое побѣдоносное шествіе по всѣмъ странамъ Европы и Америки, а принципъ наибольшаго благопріятствованія продолжалъ попрежнему примѣняться. Франція, Италія, Германія, Австро-Венгрія, Соединенные Штаты, Россія (кромѣ лишь Англіи и Бельгіи) — всѣ они наперерывъ повышали свои таможенные тарифы и весьма неохотно шли на уступки въ смыслѣ закрѣпленія или пониженія ставокъ при заключеніи договоровъ. Но всѣ они понимали отлично, что имъ необходимо добиться того, чтобы ихъ суда и товары не подлежали менѣе благопріятнымъ условіямъ, чѣмъ суда и товары другихъ странъ, а, слѣдовательно, и они въ свою очередь должны поставить подданныхъ данной державы, съ которой они заключаютъ договоръ, на равную ногу съ подданными всѣхъ прочихъ державъ. Поэтому и въ эру протекціонизма всегда прибавлялась и прибавляется оговорка наибольшаго благопріятствованія, „наилучше фаворизованнаго народа".

Заключенный, наприм., нами съ Германіей торговый договоръ въ 1904 г. (онъ былъ у насъ отмѣненъ 28 іюля 1914 г., вслѣдствіе открытія военныхъ дѣйствій Германіей), т.-е. въ періодъ наибольшаго расцвѣта протекціонизма какъ у насъ, такъ и въ Германіи,—устанавливаетъ, что „произведенія почвы и промышленности Россіи, ввозимыя въ Гер-

манію, и произведенія почвы и промышленности Германіи, ввозимыя въ Россію, ...ни въ какомъ случаѣ ни подъ какимъ предлогомъ не будутъ подвергаемы болѣе высокимъ или инымъ пошлинамъ, сборамъ, прямымъ или косвеннымъ налогамъ, а равно подлежать дополнительнымъ пошлинамъ или запрещенію къ привозу, кои не распространялись бы на однородныя произведенія всякой другой страны". Къ этой формулировкѣ принципа наибольшаго благопріятствованія, извѣстной подъ именемъ „отрицательной формы", прибавлена и „положительная форма": „соотвѣтственно сему, всякая льгота и преимущество, всякое пониженіе ввозныхъ пошлинъ, значащихся въ общемъ или въ договорномъ тарифахъ, предоставленныхъ одной изъ договаривающихся сторонъ третьей державѣ безъ срока или на время, распространяются немедленно, безусловно, безъ ограниченій и безвозмездно на произведенія почвы и промышленности другой стороны". Здѣсь имѣется, такимъ образомъ, благопріятствованіе, выраженное въ двоякой формѣ—отрицательной и положительной, и притомъ благопріятствованіе безусловное, безъ всякихъ ограниченій.

Лишь въ самое послѣднее время появились противники этой, казалось бы, прочно установившейся „оговорки". Стали утверждать, что она несправедлива, ибо ставитъ всѣхъ въ равное положеніе, независимо отъ того, что они предоставляютъ съ своей стороны другому государству; при ней всякій договоръ въ моментъ заключенія его представляетъ собою бѣлый листъ бумаги, содержаніе же его опредѣляется впослѣдствіи и не волей договаривающихся сторонъ, а волей третьихъ государствъ. Соглашаясь на уступки по отношенію къ данной странѣ, мы вынуждены всегда считаться съ тѣмъ, что „вдругъ непрошенный гость, пользуясь длинной ложкой наибольшаго благопріятствованія, влѣзетъ въ нашу миску и начнетъ ѣсть супъ, который мы въ сущности сварили для другихъ". И у насъ теперь появляются голоса, заявляющіе, что при заключеніи будущихъ договоровъ слѣдуетъ обойтись безъ наибольшаго благопріятствованія. Если же мы, не предоставляя его другимъ, и сами очутимся въ такомъ положеніи, что товары другихъ странъ будутъ облагаться болѣе низкими пошлинами, чѣмъ наши, то и съ этимъ можно мириться: „отсутствіе равенства въ условіяхъ сбыта нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ сравнительно съ продуктами другихъ странъ и неблагопріятное вліяніе на размѣръ нашего экспорта отсутствія оговорки наибольшаго благопріятствованія представляются преувеличеннымъ опасеніемъ".

Но правильно ли это? Дѣйствительно ли слѣдуетъ отказаться отъ системы наибольшаго благопріятствованія, отъ системы равенства въ таможенномъ обложеніи, независимо отъ происхожденія товара изъ той или другой страны, отъ системы обезпеченности и устойчивости торговыхъ отношеній, при которой каждому государству дается гарантія, что оно не будетъ внезапно вытѣснено изъ міроваго рынка, вслѣдствіе предоставленія бо́льшихъ льготъ его конкуренту, наконецъ, отъ системы, примѣнимой равнымъ образомъ и къ тарифамъ, проникнутымъ духомъ свободной конкуренціи, и къ тарифамъ, построеннымъ на началахъ крайняго протекціонизма. Какую иную систему слѣдуетъ ей предпочесть?

Старой европейской системѣ противополагаетъ свой принципъ Новый Свѣтъ. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, молодая заокеанская республика заявила Европѣ: наибольшее благопріятствованіе—это есть система „подарковъ", при которой уступками пользуется не только тотъ, кто за это заплатитъ, но и тотъ, кто ничего не далъ. Ее надо замѣнить системой „коммерческой", системой равноцѣнности услугъ, господствующей во всей хозяйственной жи-

зни. Уже въ одномъ изъ первыхъ договоровъ, заключенныхъ Соединенными Штатами,—договоръ съ Франціей 1778 г.,—вмѣсто немедленнаго, безусловнаго и безвозмезднаго предоставленія—въ данномъ случаѣ Франціи—всѣхъ льготъ, которыя будутъ установлены въ пользу какого-либо иного государства, говорится слѣдующее. Каждая изъ договаривающихся сторонъ получаетъ выгоды, предоставленныя третьей державѣ, безвозмездно, если и третья держава получаетъ ихъ безвозмездно; если же—въ этомъ центръ тяжести—третья держава получаетъ ихъ только возмездно (за уступки съ своей стороны), то и Франція (или Соединенные Штаты) можетъ ими воспользоваться лишь возмездно, за извѣстный эквивалентъ. Иными словами, если Америка заключитъ впослѣдствіи договоръ съ Нидерландами (какъ это было спустя нѣсколько лѣтъ), то Франція вовсе не воспользуется немедленно льготами, предоставляемыми Нидерландамъ, какъ это было бы при оговоркѣ наибольшаго благопріятствованія. Нѣтъ, она должна каждую такую льготу купить, вымѣнять на соотвѣтствующую уступку въ пользу Соединенныхъ Штатовъ. Франція, слѣдовательно, не имѣетъ никакой гарантіи въ томъ, что всѣ выговоренныя ею льготы, за которыя она сдѣлала съ своей стороны уступки Америкѣ, не станутъ иллюзорными, и весь договоръ не потеряетъ всякій смыслъ и всякую цѣнность для нея, вслѣдствіе того, что Нидерланды или какая-либо иная страна получатъ еще бо́льшія льготы, будутъ имѣть возможность уплачивать въ Америкѣ болѣе низкія пошлины. Она не имѣетъ гарантіи въ томъ, что, несмотря на заключенный договоръ, другія страны не вытѣснятъ ея съ американскаго рынка.

Эту новую „торгашескую“ систему американцы примѣняютъ и до сихъ поръ, именуя ее системой условнаго или ограниченнаго наибольшаго благопріятствованія, хотя американскій принципъ такъ же далекъ отъ европейской „оговорки“, „какъ рабство отъ свободы“, и долженъ привести къ тому, что то или другое государство оказывается въ положеніи не наиболѣе, а „наименѣе благопріятствуемой державы“.

Черезъ океанъ зараза перебросилась въ Европу, и хотя здѣсь традиціи не позволили столь же быстро покончить съ „устарѣлымъ“ принципомъ равенства въ области торговыхъ сношеній, но отрицательное отношеніе къ нему выразилось въ стремленіи такъ или иначе обойти постановленіе о наибольшемъ благопріятствованіи, содержащееся въ договорахъ. Попытки такого рода дѣлались въ особенности Франціей и Германіей. Въ то время какъ „обыкновеніе есть трактатамъ коммерціи назначить время“ (какъ говорится въ англо-русскомъ торговомъ договорѣ 1734 г.), эти страны оказались, на основаніи франкфуртскаго мира 1871 г., скованными на вѣчныя времена обязательствомъ предоставлять другъ другу льготы, которыя они дадутъ инымъ державамъ; только нынѣшняя война насильственно разорвала эту цѣпь.

Но та же Германія, которая особенно настаивала на внесеніи этого постановленія въ договоръ 1871 г., старается обойти его путемъ такъ называемой спеціализаціи таможеннаго тарифа. Такъ, наприм., желая установить льготу для привоза швейцарскихъ быковъ и не имѣя возможности лишить этой льготы французскій скотъ, она вноситъ въ тарифъ двѣ ставки — одну, повышенную, для быковъ вообще, а вторую, болѣе низкую, для тѣхъ быковъ, „которые паслись не менѣе трехъ мѣсяцевъ на высотѣ 300 метровъ и выше и которые имѣютъ морду съ черными пятнами и конецъ хвоста краснаго цвѣта“. Можно ли точнѣе и детальнѣе описать швейцарскій скотъ? Или другой примѣръ: вѣера облагаются ставкой въ 250 фр. со 100 килогр.; но за тѣ изъ нихъ, которые цѣликомъ или частью сдѣланы изъ страусовыхъ перьевъ, пла-

тятъ втрое дороже—они-то преимущественно привозятся изъ Франціи. Такимъ-то способомъ, устанавливая во многихъ случаяхъ различныя пошлины на совершенно одинаковые по существу товары, отличающіеся другъ отъ друга лишь упаковкой, цвѣтомъ и т. д., нѣмцы имѣютъ возможность въ дѣйствительности обходить правило наибольшаго благопріятствованія, формально признавая его.

Конечно, такой обходъ подрываетъ довѣріе къ этой системѣ торговой политики. Но тѣмъ болѣе слѣдуетъ принципіально настаивать на необходимости ея сохраненія. Правда, противники заявляютъ, что это не есть система равенства, что она создаетъ, напротивъ, неравенство, несправедливость, ибо выгоду получаетъ совершенно даромъ посторонняя держава. Да и вообще — говорятъ они — въ этомъ случаѣ невозможно заранѣе опредѣлить, кому, какому третьему государству, наибольшую выгоду доставитъ уступка, дѣлаемая данной странѣ. Конечно, нельзя отрицать того, что, наприм., уступка, сдѣланная Германіей Италіи по договору 1891 г. въ видѣ пониженія пошлины на прессованный виноградъ съ 15 мар. до 4 мар., доставила гораздо большую выгоду Испаніи, получившей эту льготу автоматически. Но развѣ въ другихъ случаяхъ, примѣняя другія мѣры торговой политики, мы въ состояніи заранѣе опредѣлить, кто извлечетъ изъ нихъ наибольшую пользу?

Когда, напримѣръ, та же Италія вела таможенную войну съ Франціей, то она имѣла въ виду лишь нанести ей ущербъ, но вовсе не облагодѣтельствовать другія государства. А между тѣмъ отъ этого выиграла Испанія, которая въ Италіи стала вытѣснять французскія вина, а во Франціи замѣнила своими апельсинами, лимонами и т. д. итальянскіе „agrumi"; выиграли Германія и Австрія, которыя наводнили Италію своими комми-вояжерами и обезпечили рынокъ своимъ шелковымъ, шерстянымъ и т. п. матеріямъ, воспользовавшись отсутствіемъ французскихъ издѣлій.

Но сторонники „американской" системы заявляютъ, что принципъ взаимности способенъ устранить такого рода несправедливости; здѣсь господствуетъ начало do ut des, за каждую уступку нужно дать соотвѣтствующую льготу, эквивалентъ. Вопросъ только въ томъ, какая льгота является „соотвѣтствующей", кто опредѣлитъ это соотвѣтствіе, мыслима ли вообще такая „коммерческая" точность въ международныхъ отношеніяхъ, такое взвѣшиваніе и измѣреніе выгодъ и уступокъ". Можно ли и при этой системѣ заранѣе опредѣлить результаты? Вѣдь только впослѣдствіи, на основаніи данныхъ торговой статистики, свѣдѣній о развитіи тѣхъ или другихъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности можно будетъ установить, какое вліяніе оказала та или иная мѣра торговой политики. И когда государство, желая добиться тѣхъ же льготъ, которыя предоставлены иному государству, вынуждено ихъ „купить" пониженіемъ пошлинъ съ своей стороны, приноситъ ли оно дѣйствительно всегда „жертву", подобно покупателю, отдающему извѣстную сумму денегъ за купленный товаръ? Если бы намъ пришлось, напримѣръ, въ качествѣ такого эквивалента понизить хотя бы пошлины на чугунъ, то отъ этого, быть можетъ, только выиграло бы наше народное хозяйство, прекратился бы чугунный голодъ, развилась бы металлургическая, машиностроительная, кораблестроительная индустрія. Тогда мы не только даромъ получили бы уступку со стороны другого государства, но еще извлекли бы добавочную выгоду; а тому государству, по требованію котораго мы понизили пошлину, мы, быть можетъ, еще нанесли бы ущербъ пониженіемъ ея, если бы развитіе нашей индустріи вытѣснило иностранные рельсы, вагоны, машины и т. д. Словомъ, система взаимности еще вовсе не гарантируетъ взаимныхъ выгодъ и равенства жертвъ съ обѣихъ сторонъ.

Но зато она приводитъ къ одновременному существованію многихъ договорныхъ тарифовъ, дѣйствующихъ въ отношеніи различныхъ государствъ, ибо нѣтъ нивеллирующей силы въ видѣ принципа наибольшаго благопріятствованія. Она создаетъ огромныя техническія затрудненія при взиманіи таможенныхъ пошлинъ, такъ какъ необходимо каждый разъ опредѣлять страну происхожденія даннаго товара, а это заставляетъ импортера прилагать къ грузу спеціальные документы и удостовѣренія, которые чрезвычайно тормозятъ торговый оборотъ, но вовсе не предупреждаютъ обмана. Поэтому совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли высказался противъ проекта введенія у насъ правилъ по удостовѣренію происхожденія товаровъ, какъ вносящаго большія затрудненія въ ходъ нашей внѣшней торговли.

Подробно разбирая огромныя неудобства отказа отъ системы наибольшаго благопріятствованія, проф. М. Н. Соболевъ предлагаетъ однако же („Перестройка принциповъ торговой политики Россіи", 1915 г.) принять условное или ограниченное благопріятствованіе. Подъ этимъ онъ разумѣетъ, однако, не американскую систему предоставленія эквивалента за каждую льготу, даваемую другому государству, а дѣйствительно оговорку наибольшаго благопріятствованія, гарантирующую равное отношеніе ко всѣмъ товарамъ и подданнымъ всѣхъ государствъ. Но только онъ желалъ бы примѣненіе этой оговорки нѣсколько ограничить, внося, наприм., въ договоръ прибавленіе, что льготъ, предоставленныхъ такому-то государству или для такихъ-то товаровъ, страны, пользующіяся наибольшимъ благопріятствованіемъ, не могутъ требовать для себя. Такъ, наприм., по упомянутому нами франкфуртскому миру 1871 года Германія и Франція взаимно предоставляютъ другъ другу всякую льготу, устанавливаемую ими въ пользу Англіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Австріи и Россіи. Льготъ же, которыя какая-либо изъ сторонъ предоставляла инымъ государствамъ, кромѣ перечисленныхъ, стороны безвозмездно не получали.

Но здѣсь ограниченіе принципа наибольшаго благопріятствованія носитъ въ сущности чисто-формальный характеръ, ибо всѣ тѣ страны, равноправіе съ которыми на міровомъ рынкѣ для Германіи и Франціи существенно, перечислены въ договорѣ; не упомянутыя же страны имѣютъ для нихъ мало значенія, въ особенности если имѣть въ виду, что въ отношеніи Америки существуетъ все равно иная система. Иное дѣло, если то или иное государство не получаетъ равныхъ правъ съ важными конкурентами, если бы въ этомъ договорѣ, напримѣръ, не указаны были Бельгія, Австрія и т. п., если бы Германія отказалась немедленно предоставить Франціи тѣ льготы, которыя она дастъ Россіи или Швейцаріи, или если бы она не распространяла этой оговорки на какіе-либо существенные для французскаго экспорта товары— шелковыя издѣлія, шипучія вина, дамскіе наряды и т. д. Тогда получилось бы не формальное, а дѣйствительное ограниченіе принципа наибольшаго благопріятствованія; тогда принципъ равноправія привозимыхъ въ страну товаровъ, независимо отъ ихъ происхожденія, былъ бы нарушенъ, и тогда наступили бы тѣ именно существенные пороки, которые являются послѣдствіемъ его нарушенія. Контрагентъ, въ данномъ случаѣ Франція, не былъ бы гарантированъ, что въ любой моментъ другая сторона (въ данномъ случаѣ Швейцарія или Россія) не получитъ большихъ уступокъ и не вытѣснитъ ея съ германскаго рынка. А съ другой стороны получилась бы та необходимость доказывать происхожденіе товара, которая такъ сильно усложняетъ таможенныя формальности и такъ легко внѣдряетъ товары одной страны подъ видомъ товаровъ, привозимыхъ изъ другой и обложенныхъ меньшей ставкой.

И тотъ и другой результатъ получается какъ при полномъ отказѣ отъ принципа наибольшаго благопріятствованія, такъ и при внесеніи въ него дѣйствительныхъ (а не только формальныхъ) ограниченій. Но хуже всего, конечно, то, что тотъ, кто самъ устанавливаетъ такія ограниченія, долженъ будетъ терпѣть ихъ въ свою очередь. А мы уже разъ сильно страдали отъ нихъ, когда Германія въ 1892 г. установила на хлѣбъ пошлину въ 5 мар. съ 100 килогр., а затѣмъ по договору съ Австріей и съ другими государствами понизила ее до $3^1/_2$ мар., но отказалась распространить ее на русскій хлѣбъ, ибо Россія не пользовалась правами наиболѣе благопріятствуемой державы. Въ виду того, что русскій хлѣбъ облагался пошлиной на 7,6 коп. зол. или на 12 коп. кред. съ пуда болѣе, чѣмъ хлѣбъ другихъ странъ, государства, которымъ былъ предоставленъ конвенціонный тарифъ, успѣли за короткое время въ значительной мѣрѣ замѣстить Россію на германскомъ рынкѣ даже въ снабженіи рожью, составлявшей до того времени предметъ спеціально русскаго экспорта. (См. Соболевъ. Исторія русско-германскаго торговаго договора. 1915 г.). Всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы обезпечить себѣ во что бы то ни стало равныя съ прочими государствами права. Государственный Совѣтъ при заключеніи договора съ Германіей придавалъ особенное значеніе „обезпеченію русскимъ товарамъ равноправности съ товарами другихъ странъ, въ особенности въ виду той роли, которую имѣетъ европейскій рынокъ для нашихъ сельскохозяйственныхъ произведеній“. Ради этого онъ готовъ былъ пойти на значительныя уступки. Равноправіе и было достигнуто по договору 1894 г.

Если исторія чему-нибудь учитъ, то этотъ печальный опытъ долженъ намъ подсказать, что намъ слѣдуетъ строго держаться принципа безусловнаго наибольшаго благопріятствованія, безъ всякихъ ограниченій, ибо только онъ гарантируетъ намъ возможность конкурировать съ другими странами на міровомъ рынкѣ.

І. Кулишеръ.

2. Анна Павловна Философова.[1])

Она любила людей, и люди ее любили. Такъ, въ двухъ словахъ я опредѣлилъ бы жизненный путь Анны Павловны. И тому, что люди ее любили, есть прочное свидѣтельство. Два тома сборника „Памяти А. П. Философовой“ останутся въ нашей литературѣ. Они составлены любящей рукой. Прекрасные портреты и рисунки подобраны съ большимъ художественнымъ вкусомъ. Издана книга роскошно. Налетъ трогательной нѣжности ощущается на всѣхъ страницахъ. Къ памяти Анны Павловны прикасались осторожно, съ піэтетомъ, дружескія руки.

Весь огромный первый томъ занятъ романомъ А. В. Тырковой: „Анна Павловна Философова и ея время“. У А. В. Тырковой были въ рукахъ интереснѣйшіе не опубликованные матеріалы изъ семейной хроники Дягилевыхъ и Философовыхъ. На обработку матеріала А. В. Тыркова потратила болѣе года и вложила въ это дѣло свой талантъ, свою женскую чуткость къ чужимъ переживаніямъ. Изъ-подъ ея пера вышелъ яркій романъ изъ подлинной жизни, мѣстами прямо увлекательный. Такой трудъ достоинъ уваженія. Я думаю, что уваженіе къ книгѣ и состоитъ въ серьезномъ къ ней отношеніи, не только въ подчеркиваніи ея достоинствъ, но и въ указаніи на ея недостатки.

Главнымъ изъ нихъ и основнымъ мнѣ представляется ошибка перспективы.

---

[1]) Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Т. I. *А. В. Тыркова.* А. П. Философова и ея время. XVI + 478 стр. Т. II. Статьи и матеріалы. 94+182 стр. Цѣна за 2 т. 10 р.

Не случайно А. В. Тыркова озаглавила свой трудъ: „А. П. Философова *и ея время*“. Почти на послѣднихъ страницахъ книги, говоря о благодарственномъ письмѣ А. П. послѣ ея юбилея, А. В. Тыркова пишетъ: „Въ этомъ письмѣ звучитъ прощальный привѣтъ уходящаго *вождя*“. Съ этимъ согласиться нельзя. Анна Павловна не была „вождемъ“, и время, въ которое она жила, не было „ея временемъ“. Анна Павловна не вела. Она сама шла за временемъ.

Защитница женской эмансипаціи въ 60-хъ годахъ, помѣщица, сочувствующая народничеству въ началѣ 70-хъ, переносящая въ концѣ этой эпохи свои симпатіи и на рѣзкую оппозиціонно-политическую борьбу народовольцевъ, остановившаяся въ горестномъ недоумѣніи передъ событіемъ 1 марта,— вотъ идейная физіономія Анны Павловны въ первую половину ея жизни. Реакція 80-хъ годовъ, несомнѣнно, наложила на А. П. тяжелую печать: обликъ ея посѣрѣлъ. Но „неистощимая чуткость“, какъ прекрасно характеризуетъ Анну Павловну г-жа Тыркова, спасла ее отъ обывательскаго болота. Уйдя въ культурничество, А. П. уберегла свою живую душу. И впослѣдствіи она нашла въ себѣ силы пережить вмѣстѣ съ молодымъ русскимъ обществомъ политическую весну 1904 г. Естественно, что она примкнула къ конституціонно-демократической партіи, воспринявшей политическія традиціи 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ. Конечно, А. П. приняла участіе и въ политическомъ движеніи женщинъ. Если вдуматься въ ея душевный обликъ, не удивишься, что въ послѣдніе годы жизни она сдѣлалась теософкой. Розоватыя, очищенныя деистическія мечтанія такъ шли къ ея душѣ...

Смѣна всѣхъ этихъ настроеній, мыслей и чувствъ въ душѣ незаурядной женщины представляетъ большой психологическій интересъ. Но я не вижу, гдѣ, когда, на какой изъ этихъ стадій А. П. Философова была бы вождемъ и кого она вела. Этого не было. А между тѣмъ ошибочный исходный пунктъ заставилъ А. В. Тыркову удѣлить слишкомъ много мѣста несуществовавшему въ дѣйствительности „времени“ А. П. Философовой. Дать въ связи съ біографіей выдающейся русской женщины, но не вождя, характеристику 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ—задача чрезвычайно трудная, едва ли выполнимая. Рискуешь тѣмъ, что очеркъ „эпохи“ останется въ сущности внѣ связи съ біографіей героя или героини.

Лучше было бы заняться просто А. П. Философовой, касаясь времени, въ которое она жила, но не „ея“ времени, лишь въ мѣру дѣйствительной необходимости. Въ концѣ концовъ интересны не мысли А. П. Философовой, а ея образъ, прекрасный образъ. Мысли быстро мѣнялись, противорѣчили одна другой, подчасъ вытѣсняя одна другую съ капризнымъ своеволіемъ. Но сквозь всѣ эти разнообразныя мысли, сидѣвшія то глубоко, то поверхностно, всю жизнь свѣтила одна и та же прекрасная душа. Съ „неистощимой чуткостью“ эта душа подмѣчала все чистое, красивое, высокое у смѣнявшихъ другъ друга поколѣній, умѣла понимать и сочувственно отзываться на молодые ростки жизни. Поэтому-то Анна Павловна до самой могилы чувствовала себя свободно въ кругу молодежи, любила людей и была ими любима. Я лично видѣлъ ее не болѣе двухъ-трехъ разъ, но воспоминаніе объ ея мягкомъ, ласковомъ взглядѣ живо во мнѣ и до сихъ поръ. Не умомъ, а сердцемъ своимъ она понимала людей и за разнообразными ихъ теоріями умѣла видѣть ихъ душу. Въ книгѣ, написанной А. В. Тырковой, наиболѣе интересными являются страницы, талантливо рисующія тотъ опытъ жизни, который далъ Аннѣ Павловнѣ силы сберечь свое полное любви къ людямъ сердце.

Пушкинъ въ 30 лѣтъ молилъ свое вдохновеніе:

Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть
Въ мертвящемъ упоеньѣ свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ...
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей...
Среди кокетокъ богомольныхъ...
Среди холоньевъ добровольныхъ...

А Философова почти 60 лѣтъ своей сознательной жизни „купалась“ въ этомъ „омутѣ“, и душа ея не остыла, не ожесточилась, не очерствѣла...

Не сладка и не легка была обстановка ея родительскаго дома Дягилевыхъ. Тамъ царилъ разладъ между практичной матерью-хозяйкой и отцомъ, замаливавшимъ какіе-то свои грѣхи, ставшимъ жертвой монаховъ и проходимцевъ, эксплоатировавшихъ религіозные порывы кающагося грѣшника, утратившаго душевное равновѣсіе. Религіозность отца грозила разореніемъ семьѣ. Дягилевой пришлось рѣшать очень трудную задачу: поддерживая традиціонное благочестіе, оградить состояніе семьи отъ жадныхъ рукъ монаховъ, тянувшихся не столько къ душѣ, сколько къ карману ея мужа.

Анна Павловна, несомнѣнно, тяготилась своей домашней обстановкой... Этимъ, конечно, въ значительной степени и надо объяснить ту легкость, съ которой она вышла замужъ за человѣка на 17 лѣтъ ея старше. Бракъ оказался счастливымъ. Подъ конецъ своихъ дней А. П. съ благодарностью и радостью вспоминала о сорока годахъ своей счастливой семейной жизни. Но экспериментъ былъ рискованный...

Обстановка, въ которую попала молодая дѣвушка, почти ребенокъ, была ужасная. Страницы, на которыхъ А. В. Тыркова описываетъ семью Философовыхъ, принадлежатъ безспорно къ лучшимъ, самымъ интереснымъ во всей книгѣ. А. В. Тыркова правильно сравниваетъ семью владѣльца Богдановскаго съ Карамазовскою. Необходимо сдѣлать только одну оговорку. Свекоръ Анны Павловны, Д. Н. Философовъ, былъ богатымъ бариномъ, получившимъ извѣстное европейское образованіе, тогда какъ Карамазовъ-отецъ ничѣмъ не могъ скрасить ни своей мелкопомѣстности, ни своей некультурности. Въ Д. Н. Философовѣ черты самодура-крѣпостника преобладали надъ карамазовщиной.

Своему взрослому, перешагнувшему за 30 лѣтъ, сыну, занимавшему уже постъ герольдмейстера въ Сенатѣ, старикъ, наприм., писалъ въ 1852 г.: „Насчетъ желѣзной дороги ни теперь, ни обратно и никогда впредь до моего разрѣшенія и не помышляй. И Александру такъ скажи... Имѣйте въ виду, что по сему пункту, паническій ли страхъ на меня дѣйствуетъ или благоразумная осторожность, но опасеніе мое такъ сильно, что я не предлагаю мое мнѣніе совершеннолѣтнимъ сыновьямъ на преніе, но, чтобы совершенно себя успокоить, прибѣгаю къ власти родительской, приказываю, чтобы было исполненіе буквальное. За исключеніемъ именного (то-есть царскаго) повелѣнія, чего, слава Богу, ожидать не могу“.

Надо сказать, что такое преклоненіе передъ царскимъ указомъ длилось у стараго крѣпостника, только пока существовало крѣпостное право, позволявшее Д. Н. Философову окружать себя гаремомъ изъ дѣвицъ въ прозрачныхъ костюмахъ. Немало слезъ изъ-за этого гарема пролила Анна Павловна! Когда же въ 1861 году пало рабство, старый помѣщикъ началъ позволять себѣ очень непочтительные отзывы о Царѣ-Освободителѣ. Ребяческая злоба выразилась въ томъ, что онъ распорядился повѣсить портретъ государя внизъ головой, демонстративно отказывался класть деньги въ Государственный банкъ, говоря: „Не могу же я отдать деньги...“ (слѣдовало крѣпкое слово).

Гарема, — разсказываетъ А. П. въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ,—старикъ не распускалъ. Но эта затѣя кончилась для него скверно. Почувствовавъ себя свободными, дѣвицы,

передъ тѣмъ какъ выйти замужъ, сами стали издѣваться надъ старикомъ: „раскачаютъ на простыняхъ да и бухъ объ полъ“. Д. Н. Философовъ написалъ тогда отчаянное письмо своему сыну, мужу Анны Павловны, чтобы тотъ пріѣхалъ его спасать. Онъ пріѣхалъ. „Что тутъ было!...“ лаконически-краснорѣчиво записываетъ А. П.

Своего старшаго сына, Владиміра, старикъ Философовъ, хотя и не разрѣшалъ ему ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, все же нѣсколько уважалъ. Съ другимъ сыномъ, Николаемъ, отношенія сложились совсѣмъ чудовищныя. „Безпримѣрно опасное насѣкомое, пресмыкающееся на земномъ шарѣ“, такъ отзывался старикъ о Николаѣ. Николай женился безъ согласія отца. Тогда тотъ предписалъ сыну немедленно покинуть столицу. Это требованіе мало-по-малу перешло у него въ навязчивую идею. „Если ты,—писалъ отецъ сыну,—не исполнишь моей родительской непремѣнной воли, ты погибъ, и я передъ Богомъ, передъ людьми, передъ совѣстью оправданъ за послѣдствія. Мнѣ несравненно легче умереть отъ руки моего созданія, чѣмъ допустить мое созданіе мнѣ не повиноваться. Или повинуйся, бѣги изъ столицы, или не оставляй меня на землѣ. Иначе я уже приступлю къ положительному твоему уничтоженію“. „Вызываю тебя на отцеубійство“, пишетъ неоднократно Д. Н. Философовъ своему сыну. Эта нелѣпая, отдающая сумасшедшимъ домомъ, ссора не привела, къ счастью, ни къ отцеубійству, ни къ сыноубійству. Аннѣ Павловнѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вступленія ея въ Философовскую семью удалось, правда, съ великимъ трудомъ и претерпѣвши немало, вплоть до физическихъ, оскорбленій, совершить чудо: примирить отца съ сыномъ. Но легко себѣ представить, что за жизнь ждала ее въ новой семьѣ, пока мужъ, отчасти подъ ея вліяніемъ, не занялъ болѣе независимаго отъ отца положенія, а главное—пока отмѣна крѣпостного права не подсѣкла подъ самый корень самодурства вскормленнаго рабствомъ барина.

Въ этомъ моментѣ паденія крѣпостного права, мнѣ кажется, и лежитъ психологическій центръ тяжести личности Анны Павловны. Это событіе было рѣшающимъ, опредѣляющимъ для нея. Оно освободило не только дѣвицъ изъ гарема, отравившихъ ей первыя радости ея семейной жизни. Оно освободило ее самое отъ давившаго кошмара. Освобожденіе крестьянъ Анна Павловна воспринята не какъ политическое только событіе, но и лично, какъ сильнѣйшее душевное переживаніе.

Въ своихъ замѣткахъ она говоритъ: „У моихъ родителей, къ чести ихъ будь сказано, никогда не служили крѣпостные люди, а вся прислуга была наемная, съ жалованьемъ. У нихъ было имѣніе, но они изъ принципа не желали имѣть въ домѣ крѣпостныхъ, вотъ почему я и понятія не имѣла о томъ, что переживали всѣ другія семьи. Мой мужъ имѣлъ отвращеніе отъ этого быта. 19 февраля мы съ нимъ встрѣтили зарю для Россіи, она зажгла неугасимымъ пламенемъ наши сердца. Благословенна память того Царя-Освободителя, который далъ жизнь народу и далъ запретъ рождаться такимъ продуктамъ, какъ папенька, и разсѣялъ нравственный мракъ той среды, которая творила тирановъ... Для меня день 19 февраля—день священный, день нравственнаго обновленія, день, который вложилъ въ меня „душу живу“, день, въ который проснулись всѣ лучшіе инстинкты моего существа“.

Намъ, не пережившимъ крѣпостного права, быть можетъ, даже невозможно вполнѣ оцѣнить смыслъ этихъ словъ Анны Павловны. Но ясно, что всѣ ея воззрѣнія, эта причудливая, иногда противорѣчивая, смѣсь любви и преклоненія передъ Царемъ-Освободителемъ и сочувствія къ радикальнымъ стремленіямъ молодежи, приведшимъ къ народовольчеству, родились въ день 19 февраля.

Подъ вліяніемъ М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой Анна Павловна становится одной изъ дѣятельницъ женскаго движенія 60-хъ гг. Говоря объ этомъ періодѣ ея жизни, г-жа Тыркова напрасно старается сгладить довольно остро проявлявшуюся тогда рознь между „аристократками“ и „нигилистками“. Анна Павловна—дворянка. Она—лучшій продуктъ дворянской культуры, въ своемъ нравственномъ ростѣ дошедшей до отрицанія лежавшаго въ ея основѣ крѣпостного права. Этого нельзя упускать изъ виду, говоря объ А. П. Философовой. Работы для заработка, изсушающаго труда ради куска хлѣба она не знала. Нелѣпо было бы упрекать ее за это. Быть можетъ, именно свобода отъ подневольной работы и помогла Аннѣ Павловнѣ въ ея общественномъ дѣлѣ на пользу русскихъ женщинъ. Быть можетъ, свобода и достатокъ и помогли ей сохранить до конца жизни душевную ясность. Такъ или иначе, но странно было бы отрицать, что соціальное положеніе Анны Павловны тоже наложило свою печать на ея образъ.

Много неяснаго въ разсказѣ А. В. Тырковой о семейной жизни А. П. Философовой. Въ сущности, въ ея замужествѣ и въ ея семейной жизни есть элементы большого драматическаго переживанія. И то, что эта семейная жизнь протекла и закончилась счастливо, не исключаетъ всетаки драмы, которая въ ней заключалась, но чѣмъ-то, какими-то свойствами дѣйствующихъ лицъ была преодолѣна. Я понимаю всю трудность глубокой разработки этой темы, когда говоришь о человѣкѣ, недавно умершемъ, дѣти котораго еще живы. Но тогда, быть можетъ, было бы лучше совсѣмъ не касаться этой стороны жизни Анны Павловны, чѣмъ показывать ее въ какомъ-то полумракѣ.

Въ молодости мужъ Анны Павловны былъ юношей-идеалистомъ въ духѣ Ленскаго: писалъ стихи, таилъ вольнолюбивыя мечты, преклонялся передъ декабристами, по-рылѣевски негодовалъ противъ нѣмецко-петербургскаго деспотизма. Но, человѣкъ мягкаго характера, онъ скоро вплотную вошелъ въ колею бюрократическаго либерализма. Милютинская канцелярія, эта мастерская уже исчезнувшаго типа честнаго русскаго либеральнаго бюрократа, въ 70-хъ годахъ отлила изъ В. Д. Философова законченный образъ устоявшагося, опредѣлившагося чиновника. А жена его въ это самое время, какъ и въ позднѣйшіе годы почти до самой смерти, все куда-то стремилась, искала, металась. Положеніе создавалось такое, что въ то время, какъ мужъ стоялъ во главѣ военной юстиціи, каравшей соціалистовъ, жена благоговѣла передъ Крапоткинымъ, держала у себя склады нелегальныхъ изданій, помогала политическимъ... Тутъ скрывались, несомнѣнно, элементы драмы. Какъ она разрѣшилась, изъ романа, написаннаго А. В. Тырковой, мы не видимъ... Можно ловить намеки, дополнять недосказанное предположеніями... Повторяю, я отлично понимаю всѣ трудности, которыя предстояло преодолѣть біографу. Но вѣдь опубликовала же А. В. Тыркова письмо, въ которомъ жена послѣ 16 лѣтъ супружества пишетъ своему мужу: „Пойми ты, что я тебя люблю, и вдругъ ты меня не одобряешь... Прежде у меня вслѣдствіе этого руки опускались, теперь же твой авторитетъ сильно поколебленъ въ моемъ міросозерцаніи, потому что я ясно вижу, что иду по вѣрному пути. Пойми же, какъ мнѣ хотѣлось наставить тебя на этотъ путь, чтобы идти вмѣстѣ, не оглядываясь. И наоборотъ. Ежели мнѣ это не удастся, ты понимаешь, что мы должны будемъ разойтись во всемъ и не идти вмѣстѣ. Уступить тебѣ я не въ силахъ, меня влечетъ невѣдомая сила, вездѣ я ее вижу“...

Она не смогла „наставить его на этотъ путь“, но они и не „разошлись“, и не уступили другъ другу. Что же было? Мимолетное, несерьезное столк-

новеніе или преодолѣнная драма? Интересная, легко и красиво написанная книга А. В. Тырковой на этотъ вопросъ отвѣта не даетъ...

Я даже не упомянулъ о плодотворной дѣятельности А. П. Философовой въ области средняго и высшаго женскаго образованія, о такихъ ея созданіяхъ, какъ общество дешевыхъ квартиръ или организаціи трудящихся женщинъ, объ ея участіи въ помощи голодающимъ, въ женскихъ съѣздахъ. Замѣтка моя и безъ того разрослась. Обо всемъ этомъ читатели найдутъ много важнаго и поучительнаго и въ работѣ А. В. Тырковой и во второмъ томѣ, въ матеріалахъ, рѣчахъ, статьяхъ и воспоминаніяхъ разныхъ лицъ. Личность А. П. Философовой, этой чуткой, прекрасной русской женщины, возбуждаетъ большой и многосторонній интересъ.

Сборникъ въ ея память не только слѣдовало издать, но его надлежитъ и читать. Онъ того заслуживаетъ и по богатству содержанія, и по изяществу выполненія.

А. С. Изгоевъ.

3. Изъ германскихъ „программъ войны".

Съ начала войны въ Германіи и Австріи много говорятъ о томъ, что результатомъ борьбы міровыхъ державъ должно быть таможенное или даже политическое объединеніе средне-европейскихъ государствъ. По этому вопросу появилась уже довольно значительная брошюрная и газетная литература. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, соціалъ-демократъ Леншъ, считаютъ даже возможнымъ [1]), что въ такой союзъ захочетъ вступить послѣ войны и разбитая Германіей Франція. До очень смѣлыхъ логическихъ выводовъ доведена мысль о федераціи средне-европейскихъ государствъ въ интересахъ германской міровой политики въ брошюрѣ Карла фонъ-Винтерштеттена, вышедшей еще въ концѣ прошлаго года, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, подъ заглавіемъ „Нордкапъ-Багдадъ, политическая программа войны" [2]). Авторъ обратилъ на себя вниманіе напечатанной имъ незадолго до войны брошюрой „Berlin—Bagdad", въ которой уже развивалъ аналогичные взгляды. Мы излагаемъ этюдъ Винтерштеттена въ качествѣ матеріала для характеристики настроенія германскихъ имперіалистовъ, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было комментаріевъ.

Если нынѣшняя конфигурація державъ, говоритъ фонъ-Винтерштеттенъ, сохранится и послѣ войны, опредѣленно установленный порядокъ можетъ быть результатомъ войны только при побѣдѣ Россіи и Франціи надъ Германіей, но не при побѣдѣ центральныхъ имперій. Въ случаѣ пораженія Германіи и Австріи лучшая граница на западѣ, на которую Германія могла бы разсчитывать, была бы линія Рейна, а на востокѣ и на сѣверѣ она потеряетъ цѣлыя области. Австрія же исчезнетъ, и ея мѣсто займутъ, въ качествѣ аванпостовъ Россіи, Богемія и Сербія, и все, что находится на востокѣ отъ нихъ, будетъ подвластно Россіи. Только альпійскія нѣмецкія земли Австріи, т.-е. приблизительно населеніе въ 5—6 милліоновъ человѣкъ, были бы присоединены къ Германіи. Для того, чтобы обезпечить себѣ свои завоеванія, Франція вынуждена будетъ остаться въ союзѣ съ Россіей. Такимъ образомъ въ случаѣ пораженія Германіи въ Европѣ создастся очень опредѣленное положеніе: германскій элементъ сдѣлается

---

[1]) См. *Русскую Мысль*, августъ: „Соціалъ-демократъ его величества", стр. 7.

[2]) Nordkap-Bagdad. Das politische Programm des Krieges von *Karl von Winterstetten* (Dr. Albert Bitter), Frankfurt a. M., 1914.

окончательно безсильнымъ, и въ Европѣ будетъ господствовать славянство.

Гораздо менѣе опредѣленнымъ будетъ состояніе Европы въ случаѣ побѣды центральныхъ имперій. Россія непобѣдима и неуязвима въ своей сердцевинѣ. Германія не можетъ взять у Россіи Остзейскаго края, она не будетъ въ состояніи его удержать, ибо Россія всегда будетъ добиваться его возвращенія. Возстановленіе польскаго королевства вызвало бы безконечныя затрудненія для центральной Европы и доставило бы много непріятностей благожелательнымъ авторамъ такого плана. На восточной границѣ Германіи Польша сыграла бы роль не умиротворяющаго элемента, а, наоборотъ, постоянно вносила бы хаосъ въ международныя отношенія. (Всетаки Винтерштеттенъ въ концѣ своей брошюры высказывается за учрежденіе автономнаго польскаго государства съ габсбургскимъ эрцгерцогомъ въ качествѣ короля и въ таможенномъ союзѣ съ средней Европой.) Организовать самостоятельную Украину по всей вѣроятности, совершенно невозможно, а къ тому же она Россіи такъ же нужна, какъ и Прибалтійскій край и Россія, слѣдовательно, съ такой утратой никогда не примирится. Если даже у Россіи будутъ отняты 20—40 милліоновъ людей, у нея все же останутся 130—150 милліоновъ, Германія же не получила бы въ оторванныхъ отъ Россіи милліонахъ жителей, чужихъ ей по расѣ, надежныхъ гражданъ. Глубоко ошибочно поэтому,—говоритъ авторъ, — стремленіе ослабить русскую опасность путемъ присоединенія принадлежащихъ Россіи польскихъ или малорусскихъ областей или путемъ раздробленія русскаго государства. Масса русской земли является географической, политической и экономической единицей, которая въ дѣйствительности должна быть единой. Отторженіе отъ этой массы значительнаго куска создало бы невозможное состояніе, такъ какъ Россія по необходимости попытается взять его обратно. Разложеніе имперіи привело бы лишь къ тому, что послѣ ужасныхъ потрясеній разрозненныя части въ какомъ-нибудь видѣ соединились бы вновь. Вмѣсто ряда республикъ, управляемыхъ авантюристами, которыя могли бы возникнуть въ случаѣ побѣды средне-европейскихъ имперій надъ Россіей, для центральной Европы гораздо лучше сохраненіе нынѣшняго состоянія. Включеніе въ центральную Европу большаго количества славянъ лишь ослабитъ ее, учрежденіе же славянскихъ буферныхъ государствъ создастъ состояніе постоянной тревоги. Гораздо полезнѣе для центральной Европы, чтобы западъ Россіи не распался на отдѣльныя части, такъ какъ единый колоссъ, сознающій силу своихъ противниковъ, будетъ гораздо менѣе склоненъ къ авантюрамъ, чѣмъ сравнительно мелкія единицы. Слѣдовательно, и въ случаѣ своей побѣды средне-европейскія имперіи должны оставить Россіи ея нынѣшнія границы, за исключеніемъ, пожалуй, Бессарабіи, которую фонъ-Винтерштеттенъ предлагаетъ отдать Румыніи, и Кавказа. Центральныя имперіи не должны стремиться къ невозможной цѣли уничтоженія Россіи, а къ тому, чтобы противопоставить ей силу, достаточную для удержанія ея отъ натиска на Европу.

Такую силу можетъ дать союзъ государствъ, членами котораго состояли бы скандинавскія государства, Германія, Австро-Венгрія, Румынія, Болгарія и Турція, т.-е. земли, лежащія между самымъ сѣвернымъ пунктомъ Европы,—Нордкапомъ, и Персидскимъ заливомъ. Каждое изъ государствъ, лежащихъ въ этой полосѣ, само по себѣ недостаточно сильно для того, чтобы бороться съ Россіей. По подсчету автора населеніе всѣхъ этихъ государствъ между Нордкапомъ и Багдадомъ достигало бы 161,7 милліона, т.-е. было бы приблизительно равно населенію Россіи. Подобно тому какъ Пруссія использовала войну 1870 г. для объединенія отдѣльныхъ частей Германіи, центральныя имперіи теперь

должны при побѣдѣ образовать союзъ только что перечисленныхъ государствъ.

Такой союзъ безусловно необходимъ, продолжаетъ фонъ - Винтерштеттенъ, Германіи въ интересахъ ея развитія въ качествѣ міровой державы. Онъ приводитъ мнѣніе американскаго профессора Кулиджа [1]), доказывающаго, что Германія находится въ весьма неблагопріятныхъ для міровой державы условіяхъ. Ея колоніи, незначительныя сами по себѣ, непригодны для поселенія бѣлыхъ эмигрантовъ. Въ торговлѣ съ Дальнимъ Востокомъ Германіи трудно конкурировать съ Соединенными Штатами, занимающими гораздо болѣе выгодное географическое положеніе. Въ Китаѣ къ тому же японская конкуренція становится все болѣе опасной. Если состоится таможенное объединеніе британскихъ колоній съ метрополіей, торговля Германіи съ этими колоніями, достигавшая до войны значительныхъ размѣровъ, должна будетъ потерпѣть огромный ущербъ. Въ Южной Америкѣ, гдѣ нѣмцы уже заняли прочное положеніе, они все же не могутъ господствовать, такъ какъ имъ приходится сталкиваться опять-таки съ тѣми же Сединенными Штатами.

Такимъ образомъ Германія, нуждающаяся въ рынкахъ для сбыта издѣлій своей промышленности, встрѣчаетъ повсюду на своемъ пути опаснѣйшихъ соперниковъ. Въ то же время она зависитъ въ полученіи сырья отъ другихъ государствъ. Она ввозитъ, напримѣръ, на 600 милліоновъ хлопка, въ то время какъ ея африканскія колоніи давали ей хлопка всего на 3 милліона. Германія также вынуждена получать руду для своей металлургической промышленности изъ Испаніи, Швеціи, Россіи, Марокко и др. Каждое изъ этихъ государствъ можетъ запретить вывозъ этихъ рудъ. И этому нисколько не поможетъ то обстоятельство, что германскіе капиталисты становятся хозяевами иностранныхъ рудниковъ, такъ какъ иностранныя государства могутъ заставить ихъ обрабатывать руды на мѣстѣ, а не вывозить ихъ въ сыромъ видѣ въ Германію, въ случаѣ же войны ввозъ сырой или обработанной руды въ Германію можетъ быть совсѣмъ прекращенъ.

Будучи такимъ образомъ зависима отъ иностранныхъ государствъ какъ въ полученіи сырья, такъ и въ вывозѣ готовыхъ продуктовъ, Германія въ то же время не обезпечена и землями, годными для поселенія избытка ея населенія. Если народонаселеніе Германіи будетъ увеличиваться въ такихъ же размѣрахъ, какъ до сихъ поръ, можно думать, что скоро наступитъ такой моментъ, когда германскія сельское хозяйство и промышленность не въ состояніи будутъ прокормить всего ея населенія. Внутренняя колонизація тоже не въ состояніи будетъ дать занятіе избытку населенія, такъ какъ, по расчетамъ многихъ изслѣдователей этого вопроса, она въ лучшемъ случаѣ можетъ обезпечить лишь 6—7 милліоновъ людей. Положеніе, въ которомъ оказалась Германія, а также въ извѣстной степени и Австрія, явилось, по мнѣнію фонъ-Винтерштеттена, результатомъ того, что тройственный союзъ былъ основанъ Бисмаркомъ не для цѣлей міровой политики, а для защиты status quo въ Европѣ. Между тѣмъ, если бы Германія въ моментъ заключенія союза съ Австріей приступила къ планомѣрному участію въ міровой политикѣ, она не оказалась бы впослѣдствіи въ положеніи державы, прозѣвавшей лучшія возможности колоніальныхъ пріобрѣтеній. Южная Африка, Персія, Марокко, Суданъ, Индокитай, Корея, остатокъ испанскихъ колоній, которыя Испанія потеряла въ войнѣ съ Соединенными Штатами, и т. д., попали къ своимъ нынѣшнимъ владѣльцамъ лишь послѣ 1882 г. Точно также колоніальная политика такихъ государствъ, какъ Япо-

[1]) *A. Coolidge.* The United States as a world power, New-Iork, 1910.

нія и Соединенные Штаты, началась лишь въ послѣднія десятилѣтія. Германія, доказываетъ фонъ-Винтерштеттенъ, сама виновата въ томъ, что дала себя опередить.

Теперь Германія должна наверстать упущенное ею раньше. Созданіе союза государствъ, вполнѣ сохраняющихъ свою внутреннюю политическую самостоятельность, отъ Скандинавіи до Багдада дастъ Германіи и всей Средней Европѣ все то, чего она до сихъ поръ не имѣетъ. Она тогда будетъ располагать въ достаточномъ количествѣ хлопкомъ, маслами и рудами. Въ Передней Азіи, въ которой теперь живетъ всего 12 милліон. человѣкъ, отчасти кочевниковъ, прекрасно могло бы существовать населеніе въ 70—80 милліоновъ людей. Въ рукахъ культурнаго населенія при проведеніи необходимыхъ оросительныхъ работъ эта страна снова станетъ раемъ и житницей всего міра, какимъ она была въ древности.

Исторія будущаго должна происходить на берегахъ Индійскаго и Тихаго океановъ. Тамъ столкнутся величайшія имперіи міра: міровая Британская имперія, Россія, Соединенные Штаты и восточно-азіатскія державы. Если средне-европейскія государства хотятъ быть міровыми державами, они тоже, слѣдовательно, должны дойти до Индійскаго океана. И когда они достигнутъ его черезъ Багдадъ, они будутъ въ состояніи оказать защиту драгоцѣннымъ колоніямъ Голландіи въ Индійскомъ океанѣ противъ аггрессивныхъ замысловъ государствъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ Голландія. Въ нашъ вѣкъ созданія огромныхъ колоніальныхъ имперій маленькая Голландія можетъ сохранить свою независимость и свои колоніи только при вступленіи въ союзъ средне-европейскихъ государствъ, иначе она рискуетъ потерять колоніи и исчезнуть какъ независимое государство.

Даже иностранцы признаютъ, что Германія должна стремиться къ созданію такого союза государствъ. Фонъ-Винтерштеттенъ приводитъ мнѣніе англійскаго колоніальнаго политика Джонстона, который писалъ въ 1903 г.: „Если-бъ я былъ нѣмцемъ, я бы мечталъ о великой германско-австрійско-турецкой имперіи съ двумя главными торговыми гаванями: Гамбургомъ и Константинополемъ; затѣмъ съ гаванями въ Балтійскомъ, Сѣверномъ, Адріатическомъ и Эгейскомъ моряхъ; объ имперіи, вліяніе которой простиралось бы черезъ Малую Азію и Мессопотамію далеко за Багдадъ. Такая безпрерывная имперія, которая простиралась бы отъ устья Эльбы до устья Эвфрата и Тигра, была бы высокой цѣлью, къ которой можетъ стремиться только великая нація“.

Если нашъ авторъ относится сравнительно снисходительно къ Россіи и не мечтаетъ объ окончательномъ ея разрушеніи, то онъ, въ соотвѣтствіи съ общимъ отношеніемъ къ Англіи въ Германіи, собирается нанести Англіи смертельный ударъ. Онъ полагаетъ, что мира нельзя будетъ заключить, пока нѣмцы не займутъ Лондона (!). Безъ высадки германской арміи въ Англіи война должна будетъ продолжаться годы. А если высадка удастся, и нѣмцы будутъ въ Лондонѣ, они могутъ продиктовать Англіи тѣ условія, которыя признаютъ для себя удобными. Германія должна занять навсегда Дувръ. Тогда въ военномъ отношеніи Англія всегда будетъ въ рукахъ Германіи, а кромѣ того вся Британская имперія съ ея колоніями должны будутъ быть открытыми для безпошлинной торговли съ Германіей. Англіи должна быть оставлена только небольшая часть ея флота, большая же его часть должна быть передана Германіи. При такихъ условіяхъ фонъ-Винтерштеттенъ готовъ великодушно оставить Англіи ея колоніи, такъ какъ все равно Германія еще не готова къ тому, чтобы занять повсюду мѣсто Англіи.

Въ связи съ этимъ находится и его проектъ мирныхъ условій съ Франціей. Онъ воздерживается отъ мнѣнія отно-

сительно судьбы французскихъ колоній, такъ какъ ясно, говоритъ онъ, что занятіе германцами французскихъ колоній можетъ произойти только послѣ окончательнаго уничтоженія англійскаго флота. Что же касается до европейской Франціи, то фонъ-Винтерштеттенъ полагаетъ, что едва ли „даже при самыхъ скромныхъ требованіяхъ возможно будетъ не взять" рудниковъ Лотарингіи, Бельфора и полосы вдоль бельгійской границы отъ Вердена до Булони. Эта полоса, съ одной стороны, дала бы Германіи открытую дверь во Францію, затѣмъ служила бы лучшимъ „трамплиномъ для прыжка" въ Англію. Обладаніе Дувромъ на противоположномъ берегу было бы естественнымъ продолженіемъ этой полосы отъ Гравелотъ-Вердена до Дюнкирхена-Булони...

И. О. Левинъ.

4. Изъ исторіи балканскаго союза.

Аннексія Босніи и Герцеговины, произведенная гр. Эренталемъ въ 1908 г., является исходнымъ пунктомъ тѣхъ событій, которыя нынѣ переживаетъ вся Европа. Смѣлый шагъ бывшаго австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ вызвалъ сильное возмущеніе во многихъ государствахъ, между прочимъ, и въ Италіи, которая, будучи союзницей Австро-Венгріи, обязывала ее къ сохраненію status quo на Балканскомъ полуостровѣ и не допускала предпринимать тамъ какіе-либо самостоятельные шаги. Отчасти и изъ вниманія къ этому обязательству Эренталь отказался отъ Новобазарскаго санджака и старался увѣрить итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ Титтони, что „перемѣна фирмы" въ Босніи и Герцеговинѣ не является нарушеніемъ status quo на Балканахъ и не представляетъ собою такого шага, который требовалъ бы предварительнаго обсужденія совмѣстно съ Италіей. Послѣдняя, однако, не соглашалась съ Эренталемъ, и въ отвѣтъ на нарушеніе цѣлости Оттоманской имперіи объявила войну... Турціи. Началась триполитанская война.

Итальянско-турецкая война поставила въ тяжелое положеніе младотурецкую имперію, и балканскія государства рѣшили использовать благопріятный моментъ, чтобы сосчитаться съ своимъ вѣковымъ врагомъ. Завязались переговоры между отдѣльными государствами Балканъ, и будущіе союзники стали дѣлить между собою европейскія владѣнія Турціи. Дѣленіе это дѣлалось второпяхъ: нужно было сговориться до окончанія итальянской кампаніи, предупредить возможное вмѣшательство Австро-Венгріи, интриги Румыніи и т. д. Этимъ, по всей вѣроятности, объясняются нѣкоторые пробѣлы того договора, который долженъ былъ лечь въ основу наступательнаго союза Болгаріи, Сербіи, Греціи и Черногоріи противъ Турціи. Если съ Сербіей Болгарія заключила 29 февраля 1912 г. болѣе или менѣе обстоятельный договоръ, то съ Греціей она не успѣла совершенно сговориться относительно дѣлежа будущей добычи, а съ Черногоріей вообще не было заключено письменнаго соглашенія, и Болгарія ограничилась обмѣномъ словесныхъ обѣщаній о взаимной поддержкѣ. Эта поспѣшность въ дѣлѣ заключенія не договора, котораго собственно не было, а отдѣльныхъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью наступательныя дѣйствія противъ Турціи, крайне печально отразилась на судьбѣ балканскаго союза. Впрочемъ, внутреннія тренія начались не со стороны тѣхъ, которые не успѣли опредѣленно связать себя письменными договорами, а со стороны государства, которое заключило съ Болгаріей наиболѣе полное соглашеніе и, казалось, наименѣе подверженное различнымъ толкованіямъ, столь часто искажающимъ смыслъ того или иного договора. Сербія раньше другихъ стала чувствовать на себѣ тяжесть насѣхъ заключеннаго союза и первая

начала выражать недовольство договоромъ 29 февраля. Эта печальная роль иниціатора расторженія союза была навязана Сербіи извнѣ, силами, противъ которыхъ не только она одна не могла бороться, но ничего не могъ сдѣлать и весь балканскій союзъ.

Дѣло въ томъ, что счастливый исходъ балканско-турецкой войны естественно сулилъ Сербіи выходъ къ Адріатическому морю, о которомъ она мечтала въ теченіе многихъ лѣтъ, ведя борьбу за экономическую независимость отъ Австро-Венгріи. Объ Адріатическомъ морѣ заговорила она, какъ только ей улыбнулось военное счастье, но тутъ-то она услышала окрикъ: noli me tangere. Къ морю не пускала ея Австрія, которая готова была даже воевать, лишь бы не дать Сербіи возможности выхода къ Адріатикѣ. Такъ какъ великія державы старались локализовать войну 1912 г., то онѣ и поддерживали стремленіе тройственнаго союза къ недопущенію Сербіи къ морю, что фактически вылилось въ отстаиваніи самостоятельности Албаніи, такъ какъ Сербія могла получить выходъ къ Адріатикѣ лишь въ предѣлахъ Албаніи. Для Сербіи это было равносильно лишенію лучшей части своихъ возможныхъ пріобрѣтеній. Но она должна была покориться судьбѣ, такъ какъ даже русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ предупредилъ 27 октября (9 ноября) болгаръ, „ставшихъ во главѣ балканскаго союза“, о необходимости обратить вниманіе сербовъ на очень важное обстоятельство, а именно: они должны отказаться отъ всякой мысли о пріобрѣтеніи какой-либо территоріи на берегу Адріатическаго моря. Болгары взяли на себя эту неблагодарную миссію и передали требованіе Сазонова сербамъ, хотя, какъ утверждаетъ Гешовъ, „мы (болгары) подчеркнули при этомъ нашу готовность исполнять по мѣрѣ силъ всѣ вытекающія изъ союзническаго договора обязательства“. Тяжело было сербамъ мириться съ этимъ ударомъ, и ихъ недовольство приняло характеръ, какъ телеграфировалъ Гешову болгарскій представитель въ Аѳинахъ, какой-то вражды къ болгарамъ, и въ Бѣлградѣ стали мечтать если не о двойственномъ союзѣ въ лонѣ четверного, то во всякомъ случаѣ о какомъ-то соглашеніи, направленномъ противъ Болгаріи. Съ этого момента начинаются обостренныя отношенія между Болгаріей и Сербіей; къ послѣдней примкнули Греція и Черногорія. Болгарія осталась изолированной, и Гешовъ въ своей „L'Alliance Balkanique“ [1]) подробно излагаетъ, какъ онъ, въ качествѣ премьера и министра иностранныхъ дѣлъ, старался уладить недоразумѣнія съ Сербіей, отстаивая букву и духъ договора 29 февраля 1912 г. Онъ противопоставляетъ своей примирительной политикѣ воинственность Сербіи, которую и обвиняетъ въ чрезмѣрномъ обостреніи спора изъ-за дѣлежа турецкой территоріи; но тутъ же Гешовъ впадаетъ въ страшное противорѣчіе, говоря исключительно о винѣ Сербіи. Вѣдь если бы дѣло было дѣйствительно такъ, то совершенно непонятно, почему Гешовъ подалъ 17 мая 1913 г. въ отставку, вызванную, по его же словамъ, тѣмъ, что его миролюбивая политика не получила одобренія. Это ясно говоритъ за то, что въ Болгаріи, рядомъ съ мирнымъ теченіемъ, представленнымъ Гешовымъ, существовало другое теченіе, враждебное первому и оказавшееся сильнѣе его. Однако, замѣнившее Гешова министерство не было составлено изъ сторонниковъ исключительно второго теченія; въ немъ даже преобладали приверженцы Гешова, и недаромъ кабинетъ Данева постановилъ отправить его 9 іюня въ Петроградъ для того, чтобы тамъ подвергнуть третейскому суду споръ между Сербіей и Греціей, съ одной стороны, и Болгаріей—съ другой. Но это

[1]) Книга Гешова теперь вышла въ русскомъ переводѣ; см. ниже въ „Критическомъ Обозрѣніи“ рецензію И. О. Левина.

благоразумное рѣшеніе, повидимому, встрѣтило сильнаго противника въ лицѣ царя Фердинанда, который съ самаго начала не сочувствовалъ мирному улаженію спора между Болгаріей и Сербіей. Черезъ недѣлю послѣ министерскаго рѣшенія объ отправленіи Данева въ Петроградъ, въ роковой день 16 іюня, по распоряженію высшаго военнаго совѣта, 2-я и 4-я болгарскія арміи атаковали союзниковъ, и началась столь трагически кончившаяся для Болгаріи вторая балканская война.

Гешовъ сумѣлъ въ своей книгѣ выставить себя апологетомъ собственной политики, которую онъ упорно и часто убѣдительно рисуетъ, какъ миролюбивую, стремящуюся сохранить балканскій союзъ, несмотря на вражду Сербіи и Греціи; съ другой стороны, однако, онъ совершенно недостаточно обрисовываетъ то теченіе, которое въ самой Болгаріи боролось съ пасифистскими тенденціями Гешова, и читатель приходитъ въ недоумѣніе отъ неожиданной для него отставки миролюбиваго министра, у котораго, какъ оказывается, обнаруживаются сильные внутренніе враги, а также конфликтъ съ царемъ Фердинандомъ. Это недостаточное освѣщеніе воинственнаго теченія въ Болгаріи превращаетъ книгу бывшаго премьера въ рядъ противорѣчій: первая половина ея представляетъ цѣликомъ обвинительный актъ противъ Сербіи: на скамьѣ подсудимыхъ находится Пашичъ, который за спиною Болгаріи ведетъ противъ нея страшныя козни, не останавливаясь передъ умышленнымъ крахомъ въ Лондонѣ мирныхъ переговоровъ и предложеніемъ Турціи какихъ-то компенсацій за счетъ Болгаріи, вѣрнѣе, отвоеванной ею турецкой территоріи. Послѣ отставки Гешова со сцены окончательно исчезаетъ коварный Пашичъ, и мы имѣемъ дѣло съ безотвѣтственнымъ, но сильнымъ теченіемъ въ Болгаріи, бросившимъ вызовъ не только бывшимъ союзникамъ, но и конституціонному болгарскому правительству, не поставленному даже въ извѣстность о рѣшеніи высшаго командного совѣта начать военныя дѣйствія противъ Сербіи и Греціи. Вся вина кровавой и братоубійственной войны 1913 г. лежитъ, судя по второй половинѣ книги Гешова, на царѣ Фердинандѣ и его безотвѣтственныхъ совѣтникахъ, и этотъ новый виновникъ заставляетъ забыть о старомъ, о сербскомъ премьерѣ Пашичѣ, котораго Гешовъ столь безжалостно порицаетъ на протяженіи всей первой части своей книги. Но неужели до отставки Гешова фердинандовская камарилья совершенно бездѣйствовала, и правильно ли нѣкимъ магическимъ жезломъ—уходомъ въ отставку Гешова—разбить на двѣ части сложное историческое событіе и заявить: тутъ вина Сербіи, а тутъ Болгаріи? Разумѣется, Фердинандъ въ маѣ 1913 г. не явился на сцену, подобно deus ex machina, и дѣйствовалъ, безъ сомнѣнія, и до отставки Гешова, какъ, впрочемъ, не исчезъ и послѣ отказа отъ власти Гешова „коварный“ сербскій премьеръ. Это рѣзкое дѣленіе на двѣ части книги Гешова лишаетъ ее того значенія, какое она могла бы имѣть въ качествѣ не только воспоминаній одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей балканскаго союза, но и собранія историческихъ документовъ, которыя до сихъ поръ были лишь отчасти опубликованы. Съ другой стороны оставленіе Гешовымъ безъ вниманія воинственнаго теченія внутри Болгаріи является тѣмъ болѣе ошибочнымъ, что это именно теченіе играло роковую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Болгаріи и направляло ея политику въ опредѣленную сторону, приведши въ концѣ концовъ Болгарію къ активному вмѣшательству въ европейскую войну на сторонѣ центральныхъ имперій и къ совмѣстному съ Турціей нападенію на Сербію и ея великодержавныхъ союзниковъ.

С. Лозинскій.

II. Литература и искусство.

1. С. М. Соловьевъ.

По поводу отдѣльнаго изданія его записокъ.

Историкъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій русской культуры XIX вѣка—такъ мнѣ всегда казалось. Явленіе замѣчательное прежде всего тѣмъ, что Соловьевъ непосредственно и въ высшей степени выразительно опровергаетъ ходячее мнѣніе о славянской непроизводительности, о якобы присущемъ русскимъ отсутствіи выдержки и трудолюбія. Я не знаю въ исторіи научной литературы примѣра большей выдержки, большей систематической производительности, чѣмъ та, которую явилъ русскій поповскій сынъ Соловьевъ, съ 1851 по 1879 г. каждый годъ выпускавшій по тому „Исторіи Россіи" и самостоятельно обработавшій огромную область, которой до него научная работа коснулась лишь слабо. „Исторія Россіи" С. М. Соловьева есть памятникъ исключительнаго значенія въ исторіи русской науки, воистину—монументъ русскаго трудолюбія.

Для Соловьева недаромъ прошло и то соприкосновеніе съ наукой всеобщей исторіи, которое ему дало первое заграничное путешествіе. При этомъ совершенно нельзя отрицать въ Соловьевѣ очень крупнаго дарованія историка. Онъ не былъ ни только фактическимъ изслѣдователемъ, анналистомъ событій, ни просто аналитикомъ учрежденій и ихъ исторіи. Не будучи геніемъ историческаго прозрѣнія, что можно сказать о Ключевскомъ, Соловьевъ всетаки обладалъ совершенно недюжиннымъ даромъ историческаго видѣнія и способностью художественно оформлять историческое прошлое. Это дарованіе обнаруживается и въ его „Запискахъ", [1]) которыя представляютъ очень цѣнный и по содержанію и по литературнымъ достоинствамъ образчикъ новѣйшей русской мемуарной литературы. Значительность и значеніе Соловьева ощущаются вполнѣ въ его „Запискахъ".

Какъ это ни странно, несмотря на чисто русское происхожденіе, въ Сергѣѣ Соловьевѣ поразительна какая-то „нѣмецкая" складка не только ума, но и всего духа. Не въ трудолюбіи и въ выдержкѣ это сказывается, а въ гораздо болѣе глубокихъ и основныхъ чертахъ его духа, въ присущемъ ему „филистерствѣ", мѣщанствѣ, назовите это какъ угодно. Въ „Запискахъ" эта черта сказывается въ отдѣльныхъ признаніяхъ и выраженіяхъ. Таково признаніе, что изъ гигіены духа Соловьевъ избѣгалъ посѣщать въ Парижѣ драматическій театръ (стр. 72: „причина заключалась въ моей слабонервности; воскресенье должно было быть для меня recreatio animi et corporis, я хотѣлъ избѣжать въ этотъ день всего тяжелаго, а трагедія была тяжела для моихъ нервовъ". Это говорилъ о себѣ юноша 22—23 лѣтъ!). Не случайно и такое выраженіе: „...въ концѣ 1847 и началѣ 1848 года я имѣлъ сильное развлеченіе: 11 февраля 1848 года я женился" (стр. 114). При всемъ этомъ „мѣщанствѣ" историкъ Соловьевъ представлялъ крупную личность — „Записки" носятъ на себѣ чрезвычайно яркую печать этой личности. Въ нихъ обнаруживается очень явственно присущій Соловьеву даръ характеристики, возвышающійся до художественности. Цѣлый рядъ лицъ охарактеризованъ жизненно и красочно

[1]) Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. Петроградъ, 1914 г. Кн—во „Прометей" Н. Н. Михайлова. Стр. 174 (съ портретами). Текстъ изданъ весьма неряшливо, съ большимъ количествомъ опечатокъ. Такъ, на стр. напечатано Бенки вмѣсто Бека (August Boeckh, знаменитый эллинистъ).

(гр. С. Г. Строгановъ, Погодинъ, Грановскій, Катковъ, Кудрявцевъ, Леонтьевъ и др.), и эти характеристики прямо-таки врѣзываются въ память, какъ художественные образы. Но въ то же время нельзя не признать, что нѣкоторые портреты людей, съ которыми сталкивался Соловьевъ, весьма субъективны—до тенденціозности. Къ ряду лицъ Соловьевъ относился несправедливо и поверхностно судилъ о нихъ. Это слѣдуетъ сказать о славянофилахъ: ихъ онъ не то что не понималъ, но вовсе и не ощущалъ. Сужденія Соловьева о славянофилахъ поражаютъ наивной тенденціозностью. Такъ, объ Юріи Самаринѣ Соловьевъ замѣчалъ, что онъ „сдѣлался сначала славянофиломъ по недостатку ученаго образованія“ (стр. 106)! Несправедливо и поверхностно охарактеризованъ и А. И. Кошелевъ (стр. 108, кстати его фамилію не только можно, но и должно было бы напечатать полностью). Вообще сужденія Соловьева о современникахъ подчасъ блестяще-художественны, но это вовсе не сплошь сужденія объективно разсуждающаго и оцѣнивающаго историка: въ нихъ есть много личнаго и даже боевого. Ибо, при всей „умѣренности“ своей натуры и своихъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ, Соловьевъ былъ чрезвычайно активной, почти боевой натурой. Онъ самъ отмѣчаетъ въ себѣ эту черту какъ „торопливость“ (стр. 135), но это было нѣчто болѣе значительное, чѣмъ простая торопливость. Это была дѣйственность, укрощенная желѣзной волей и поставленная подъ контроль взвѣшивающаго все, холоднаго ума.

Въ смыслѣ политическаго темперамента и міровоззрѣнія Соловьевъ былъ рѣдкимъ и цѣннымъ въ русской духовной исторіи примѣромъ органическаго сочетанія и примиренія либерализма и консерватизма. Въ этомъ отношеніи онъ, будучи идеологически-отвлеченно чуждъ славянофильству, всетаки психологически приближался къ славянофиламъ по ихъ основному тону. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ былъ Юрій Самаринъ, какъ не русскимъ тори,—въ чемъ онъ впрочемъ однажды вполнѣ категорически и признался? И такимъ же русскимъ либеральнымъ консерваторомъ былъ Сергѣй Соловьевъ. Любопытно въ немъ соединеніе отрицательнаго, доходящаго до ненависти, отношенія къ Николаю I и его режиму, съ весьма скептической оцѣнкой эпохи 60-хъ годовъ и всей дѣятельности самого Александра II: послѣдняго онъ характеризуетъ чертами тоже отрицательными, но уже не какъ либералъ, а какъ консерваторъ. „Преобразованія производятся успѣшно Петрами Великими; но бѣда, если за нихъ принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е. Преобразователь, вродѣ Петра Великаго, при самомъ крутомъ спускѣ держитъ лошадей въ сильной рукѣ—и экипажъ безопасенъ; но преобразователи второго рода пустятъ лошадей во всю прыть съ горы, а силы сдерживать ихъ не имѣютъ, и потому экипажу предстоитъ гибель“ (стр. 168). Эти слова написаны, повидимому, въ 1878—1879 годахъ, хотя повѣствовательно „Записки“ обрываются на началѣ царствованія Александра II. Онѣ проливаютъ свѣтъ на эпоху Александра III, реакція котораго родилась изъ настроеній, недоумѣнія и испуга, охватившихъ широкіе круги русскаго общества подъ впечатлѣніемъ революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Этихъ настроеній не былъ отнюдь чуждъ и Соловьевъ-отецъ. И въ этомъ такъ же ярко сказалась консервативная стихія его природы, какъ въ безпощадно-суровомъ осужденіи Николая I сказалась ея либеральная стихія. Какъ бы то ни было, будущій историкъ въ оцѣнкѣ Александра II и его царствованія, данной въ „Запискахъ“ Соловьева, найдетъ ключъ къ психологическому объясненію общественной подпочвы политической реакціи эпохи Александра III. Съ этой точки зрѣнія послѣднія главы „Записокъ“ Соловьева для историка, быть можетъ, наиболѣе

значительная и поучительная часть этихъ мемуаровъ одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ ученыхъ XIX вѣка. Въ этой части настроенія Соловьева сближаются съ „реакціонными“ настроеніями Каткова той же эпохи и съ „полуреакціонными“ настроеніями нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ славянофиловъ, хотя Соловьевъ вовсе въ это время не сталъ ни катковцемъ, ни славянофиломъ, а оставался попрежнему западникомъ и либераломъ. То, что я говорю, вовсе не означаетъ, чтобы Соловьевъ былъ исторически правъ въ своей характеристикѣ и оцѣнкѣ царствованія Александра II. Совсѣмъ наоборотъ: ошибки Александра II состояли не въ поспѣшныхъ преобразованіяхъ, а въ близорукой податливости на реакцію. Но сужденія Соловьева мнѣ представляются поучительными не какъ сужденія историка, не по ихъ научному содержанію, а какъ мысли современника, по ихъ психологическому значенію и интересу.

Петръ Струве.

2. Культура рѣчи.

Князь Сергѣй Волконскій. Выразительное слово. Опытъ изслѣдованія и руководства въ области механики, психологіи, философіи и эстетики рѣчи въ жизни и на сценѣ. Спб., 1913, стр. 215. Ц. 1 р. 50 к.

„Платонъ Каратаевъ ничего не зналъ наизусть, кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончитъ. Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказанное, Платонъ не могъ вспомнить того, что онъ сказалъ минуту тому назадъ, такъ же какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню... Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ, отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи“.

Великій художникъ слова думалъ не только надъ праведнымъ житіемъ, но и надъ словомъ, и въ вышеприведенномъ онъ сумѣлъ дать законодательно точное опредѣленіе тому, что только и можетъ быть названо *естественной рѣчью*. Тѣ, кто обучены грамотѣ и, читая порванную на слова рѣчь, и подчасъ, со сказовой точки зрѣнія, порванную неосновательно, умѣютъ понимать значеніе словъ, взятыхъ въ отдѣльности; тѣ, кто обучены *русской* грамотѣ, и, въ заблужденіи, полагаютъ, что въ русскомъ языкѣ начертаніе словъ совпадаетъ съ ихъ произношеніемъ; тѣ, кто знаютъ склоненіе, спряженіе и зависимость предложеній,—тѣ не могутъ говорить *естественной рѣчью*.

Съ ранняго дѣтства языковое развитіе каждаго изъ насъ подвергается воздѣйствію искусственности, и, если мы не примемъ мѣръ къ обращенію ея въ искусство, наша рѣчь захирѣетъ. Первозданная самопроизвольность Каратаевской рѣчи можетъ быть и выше знающаго искусства Демосѳеновой однако, разъ съ Каратаевымъ мы безвозвратно разстались, разъ сознаніе и намѣреніе проникли въ наше слово, то не лучше ли, чтобы не случайное знахарство учебника, но просвѣтленная наукою воля опредѣляла намъ правила рѣчи? Гдѣ не можетъ быть наивности, тамъ знаніе предпочтительнѣе предразсудка.

Думающіе такъ должны привѣтствовать появленіе книги кн. Волконскаго „Выразительное слово“. Она построена на тѣхъ же основахъ, что и замѣчательная книга того же автора „Выразительный человѣкъ“ [1]), но въ отличіе отъ нея „Выразительное слово“ не являетъ собою сооруженія завершеннаго и во всѣхъ частяхъ уравновѣшеннаго. Конечно, отсутствіе такого предшественника, какъ Дельсартъ, и необходимость приспособленія новаго предмета (слова) къ ученію, выработанному

[1]) См. мою статью: „Искусство выразительнаго тѣлодвиженія“ (*Р. М.* 1913, № 11).

хотя и на подобномъ, но все же другомъ предметѣ (тѣлодвиженіи), должны были обусловить меньшее совершенство второй работы кн. Волконскаго. Но главная тому причина, по-моему, въ другомъ.

По всему видно, что, составляя „Выразительное слово“, кн. Волконскій былъ отвлекаемъ отъ спокойнаго и медленнаго мудрствованія тревожащими представленіями о непрестанно происходящемъ въ театрѣ, на эстрадѣ и на трибунѣ, да и въ обществѣ, рушеніи дорогого ему искусства рѣчи и, поставивъ себѣ прежде всего жизненную задачу посильно воспрепятствовать этому рушенію, спѣшилъ выступить со своею книгою какъ можно скорѣе, чтобы не опоздать помощью. Да и намъ нельзя не взволноваться, видя, какъ человѣкъ, имѣющій всѣ данныя судить о состояніи театра, бросается ему на помощь почти съ отчаяніемъ и съ такою во всякомъ случаѣ тревогою, что изъ-за нея онъ идетъ даже на нарушеніе единства темы и въ книгѣ о выразительномъ словѣ оказывается вынужденнымъ давать такіе, напримѣръ, совѣты (стр. 194): „Не ѣшьте съ ножа, никогда не ѣшьте съ ножа. Не жестикулируйте вилкой или ножомъ. Вилка, ножикъ служатъ для потребностей питанія и только, но нельзя вилкой *доказывать*, ножикомъ *убѣждать*, ложкою *угрожать*. Говорю это потому, что видѣлъ часто и на сценѣ, и въ жизни“.

И вотъ въ этомъ желаніи помочь во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ кн. Волконскій даетъ очень много весьма полезныхъ совѣтовъ какъ по предмету книги, такъ и по смежнымъ вопросамъ и высказываетъ рядъ заслуживающихъ исключительнаго вниманія соображеній. И тѣмъ не менѣе приходится признать, что, вслѣдствіе дѣйствія описанныхъ выше причинъ, въ книгѣ не чувствуется станового хребта, который бы обезпечивалъ увѣренное сотрудничество всѣхъ частныхъ мыслей, записанныхъ въ книгу. Въ „Выразительномъ словѣ“ не разъ излагаются тѣ, по существу, мысли, которыми я началъ эту статью; но изъ нихъ не сдѣлано необходимаго и послѣдняго вывода, который—и одинъ онъ—могъ бы стать для разбираемой книги тѣмъ хребтомъ.

Дѣло въ томъ, что желающіе внести въ жизнь языка (понятія: „языкъ“, „слово“ и „рѣчь“, конечно, объемлютъ не только грамматику и фонетику, но и интонацію, то-есть все, чего касается разбираемая книга) дѣйствіе видящей воли должны считаться съ тѣмъ отъ того послѣдствіемъ, которое въ незапамятныя времена проявилось отъ вмѣшательства видящей воли въ жизнь человѣческихъ обществъ: съ неизбѣжностью возникновенія въ подлежащей области *политики*. Уже существуютъ политики государственная, хозяйственная, уголовная и т. п.; подлежитъ построенію *политика слова*.

Это отталкивающая мысль—о такой политикѣ. По мнѣнію современнаго человѣка, духовно взросшаго на недѣланіи XIX вѣка, языкъ эволюціонируетъ подъ воздѣйствіемъ непреднамѣренныхъ интеллектуальныхъ процессовъ массовой жизни, и всякое образованное ими измѣненіе естественно и законно и потому правильно; всякое же препятствованіе ему—злостная косность; изобрѣтеніе же въ области языка—оказательство смѣшного и претенціознаго невѣжества: языкъ развивается естественно!

Время первичной естественности (Каратаевъ) для языка грамотныхъ людей уже прошло; а, съ точки зрѣнія вторичной естественности, естественно все, у чего есть причина. А чѣмъ, какъ причина, разумная воля хуже, скажемъ, дурныхъ пріемовъ обученія, вслѣдствіе которыхъ, подчиняясь начертанію, мы начинаемъ говорить хотя бы „часъ“ вмѣсто „чясъ“, „жизнь“ вмѣсто „жызнь“ и даже (такъ читаетъ—увы!—всякій крестьянскій мальчикъ въ сельскомъ училищѣ) „другого“ вмѣсто „другова“?

А государственную исторію человѣчества развѣ можно назвать неестествен-

нымъ процессомъ изъ-за того, что каждое ея новообразованіе возникаетъ по равнодѣйствующей къ цѣлямъ стремящихся воль? Ежели бы предложить изгнать дѣйствіе видящей воли изъ круга общественно-хозяйственныхъ отношеній? Послѣдствія принятія такого предложенія, вродѣ рабства или чего-либо подобнаго, до такой степени человѣковредительны, что эстетика недѣланія (названіе эстетики XIX вѣка) заикнуться объ этомъ, конечно, не смѣетъ. Однако тѣмъ сильнѣй онъ требуетъ обращенія всей области слова и всей области искусства въ заповѣдникъ, гдѣ могло бы выродиться все созданное предыдущими вѣками, какъ въ лѣсахъ-заповѣдникахъ домашнія животныя, подъ вліяніемъ естественныхъ процессовъ, въ нѣсколько поколѣній обратились бы въ дикихъ прародителей или вымерли бы вовсе. Иногда жаль, что уродства искусства и рѣчи не приносятъ непосредственно вещественнаго вреда и денежныхъ убытковъ. И не потому ли зодчество за послѣднее время становится такъ притягательнымъ для художественныхъ душъ, что глумленіе надъ нимъ бываетъ иногда сопряжено съ человѣческими жертвами?

Кромѣ того, въ исторіи языковъ уже были примѣры сознательныхъ созиданій, и мы, русскіе, могли бы помнить, что нашъ литературный языкъ образовался въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ обдуманной политики различныхъ кружковъ словесниковъ второй половины XVIII и начала XIX вѣка.

Однако, разъ мысль о желательности введенія видящей воли въ развитіе слова въ полномъ своемъ раскрытіи обнажаетъ необходимость построенія политики слова, то человѣку, ту, первую, мысль пріемлющему, необходимо въ своихъ сужденіяхъ о рѣчи исходить изъ положеній опредѣленной политики, дабы отдѣльныя усилія его мысли не шли вразрѣзъ другъ другу. Для этого надобно дать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ бы, въ идеалѣ, представлялось слово и какія тяготѣнія слѣдуетъ сообщить ему въ современномъ его состояніи, чтобы развитіе по направленію этихъ тяготѣній привело слово къ состоянію, намѣченному какъ цѣль. Затѣмъ слѣдуетъ обсудить выразившіяся за послѣднее время тяготѣнія въ аполитическомъ развитіи языка и содѣйствующимъ — содѣйствовать, противодѣйствующимъ—противодѣйствовать, а желательныя, но отсутствующія—возбудить.

Пріемы указанныхъ дѣйствій составляютъ предметъ практической части словесной политики.

Примѣнительно къ этому сочиненія, подобныя книгѣ кн. Волконскаго, должны бы содержать прежде всего доказательства тому, что поставленныя сочинителемъ языку цѣли желательны, а предлагаемыя для достиженія ихъ средства цѣлесообразны и сподручны.

Самыя цѣли въ зависимости отъ многихъ условій у каждаго могутъ быть различными, и въ политикѣ слова, какъ и во всякой другой, мыслима ожесточенная борьба партій. Возможны простыя рѣшенія: возведеніе въ норму литературнаго языка какой-нибудь эпохи, даже какой-нибудь опредѣленной плеяды писателей; мыслима проповѣдь безусловнаго слѣдованія простонародному или интеллигентскому говору опредѣленной мѣстности и т. п. Возможны, съ другой стороны, чрезвычайно сложныя построенія политики.

Но воля вовсе не получаетъ точки приложенія силы, если въ одномъ случаѣ, какъ это дѣлаетъ кн. Волконскій (стр. 206 — 207), требуютъ возможнаго ограниченія въ пользованіи иностранными словами (подразумѣніе: да не теряетъ языкъ самобытности), а въ другомъ возстаютъ противъ фонетическаго обрусѣнія уже вошедшихъ въ обиходъ русскаго языка иностранныхъ словъ. Такъ, на стр. 55 доказывается, что въ словѣ „апелляціонный“ *отвратительна* послѣ *ц* замѣна звука *и* звукомъ *ы*. Такимъ образомъ кн. Волкон-

скій требуетъ введенія въ русскій языкъ иностранной фонемы—*ц* мягкаго, которой необученный чужимъ языкамъ великороссъ такъ же не сможетъ артикулировать, какъ итальянецъ звука *ы*, а что, съ точки зрѣнія самобытности языка, всѣ „ангары“ и „куверты“ по сравненію съ бѣдствіемъ фонетическихъ варваризмовъ? Ихъ вѣдь не выноситъ въ своемъ составѣ ни одинъ здоровый языкъ.

Это въ книгѣ кн. Волконскаго не единственный примѣръ взаимоуничтоженія волевыхъ усилій мысли.

Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много больныхъ вопросовъ — хотя бы появленіе все большаго и большаго количества ошибокъ въ синтактическихъ зависимостяхъ, тяготѣющихъ къ упрощенію падежныхъ отношеній. То и дѣло встрѣчается замѣна, скажемъ, творительнаго либо дательнаго падежа родительнымъ, замѣна родительнаго винительнымъ (особенно при отрицаніяхъ) и, наконецъ, даже винительнаго именительнымъ (разносчики говорятъ въ Петроградѣ: „Я продаю такіе рябчики по 1 р. пара). Ясно: тянетъ къ отмиранію склоненія. Что же, содѣйствовать или противодѣйствовать этому? И въ каждомъ случаѣ—какъ?

Очень остроумно замѣчаетъ кн. Волконскій: „Наша рѣчь есть одно непротивленіе“ (стр. 9). Это свойство рѣчи съ особенной силой—въ области чисто-фонетической, слѣдовательно какъ нельзя ближе къ задачѣ книги, проявляется въ такъ называемой „редукціи“, то-есть замѣнѣ въ неударяемыхъ мѣстахъ однихъ качественныхъ гласныхъ другими качественными, а то и вовсе безразличными гласными, для которыхъ нѣтъ и знака начертанія. У редукціи много степеней. Въ какихъ предѣлахъ ей покровительствовать? Или гнать ее? Это все важнѣйшіе (есть и другіе, не менѣе важные) вопросы политики языка, но на нихъ разсматриваемая книга опредѣленныхъ отвѣтовъ не даетъ, а разные частные совѣты, соотвѣтствующія области затрогивающіе, иногда, по отношенію къ этимъ областямъ, находятся въ противорѣчіи.

Построеніе политики слова — основная и очередная задача культуры рѣчи. Построить такую политику кн. Волконскому съ перваго раза не удалось. Но справедливость велитъ признать, что духъ такой политики уже живетъ въ „Выразительномъ словѣ“: вѣра въ волю, благородное негодованіе противъ распущенности и тонкое пониманіе трепещущихъ частностей то и дѣло разрѣшаются изреченіями мѣткими и съ силою разящими. Все изложеніе книги—это чувствуется—слѣдствіе патетическаго вниманія къ предмету и чтеніе книги подъемлетъ его значеніе въ глазахъ читателя. А что другое нужно искреннему проповѣднику? Очень хороши призывы къ самоограниченію, къ борьбѣ съ чрезмѣрнымъ произволомъ личности. Въ однихъ этихъ призывахъ такъ много политическаго! Развѣ не прекрасенъ совѣтъ (стр. 87): „Не мыслите быть выше того произведенія, которое читаете. Будьте ниже его; не его себѣ подчиняйте, а начните съ того, что сами ему подчинитесь. *Въ подчиненіи свобода художника*“ (курсивъ мой). На послѣднее изреченіе хочется откликнуться началомъ одного сонета Вячеслава Иванова:

Въ наукѣ царственной, крѣпящей духъ державный,
Въ повиновеніи—сей доблести владыкъ,
Ты музами поэтъ поставленъ и привыкъ
Ихъ мѣрѣ подчинять свой голосъ своеправный.

Н. В. Недоброво.

3. † Константинъ Егоровичъ Маковскій.

Въ лицѣ К. Е. Маковскаго сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ и притомъ крупнѣйшихъ могиканъ „старой“ живописи. Въ свое время, а можетъ быть, отчасти и до послѣднихъ дней,

покойный былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ, извѣстнѣйшихъ художниковъ въ Россіи, извѣстныхъ и за границей, гдѣ его произведенія не разъ выставлялись и покупались преимущественно „американскими дядюшками“.

Въ какомъ великосвѣтскомъ салонѣ нельзя встрѣтить портреты и головки его работы? А провинціальныя гостиныя и даже комнатки трехоконныхъ домиковъ до сихъ поръ украшены извѣстными олеографіями съ „Боярскаго пира“, „Поцѣлуйнаго обряда“ и пр. Наконецъ, слишкомъ извѣстны музейныя картины покойнаго, вродѣ „Русалокъ“, „Возвращенія священнаго ковра изъ Мекки въ Каиръ“.

К. Е. скончался на 76 году, давно уже опредѣленно сложившимся художникомъ съ, казалось бы, давно уже опредѣленной репутаціей. Совершенно исключительный успѣхъ его, особенно въ 70 и 80 гг., объяснялся и объясняется уровнемъ пониманія и вкуса извѣстной среды. Типичный яркій салонный художникъ приводилъ въ восторгъ своихъ заказчиковъ блескомъ и красивостью своей палитры. Но былъ ли онъ только дѣтищемъ этой среды, даровитымъ эклектикомъ, совмѣщавшимъ съ наслѣдіемъ брюлловскаго академизма передвижническія тенденціи и внѣшній блескъ модныхъ тогда извѣстныхъ европейскихъ художниковъ, вродѣ Макарта? Недаромъ почти еще въ началѣ карьеры, будучи въ числѣ „13“ основателей передвижныхъ выставокъ, покойный скоро оставилъ товарищество, хотя могъ бы быть однимъ изъ самыхъ видныхъ жанристовъ-передвижниковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ такія его картины, какъ „Балаганы на Адмиралтейской площади“, „Похороны ребенка въ деревнѣ“, „Алексѣичъ“ и др. Правда, уже въ „Похоронахъ“ дѣтскія головки легкомысленно слащавы, но „Балаганы“, несомнѣнно, одна изъ самыхъ сильныхъ и искреннихъ передвижническихъ картинъ. Въ періодъ и разгаръ чрезвычайно популярнаго направленія въ живописи художника уже влекли иныя задачи, благодаря которымъ онъ и сталъ авторомъ огромныхъ костюмно-историческихъ картинъ, безчисленныхъ „слащавыхъ“ головокъ и портретовъ, пріобрѣтшихъ многочисленныхъ подражателей.

Если стать на чисто историческую точку зрѣнія, нельзя не признать въ кажущемся эклектикѣ художника очень нужнаго и новаго во всемъ, что касалось красокъ, живописи, внѣшняго вкуса, въ то время, когда въ русскомъ живописномъ искусствѣ живопись играла второстепенную роль, подчиняясь литературнымъ тенденціямъ. Подкупая доступной красивостью, работы покойнаго несомнѣнно радовали глазъ явнымъ стремленіемъ къ виртуозности, къ веселой красочности рядомъ съ обычными тогдашними картинами, гдѣ требовался протоколизмъ, а не живописная жизненность въ передачѣ подробностей. Даже приторность и слащавость красокъ, особенно пожалуй замѣтныя въ портретахъ, среди которыхъ есть тѣмъ не менѣе (пѣвца Петрова, Даргомыжскаго) нисколько не уступающіе работамъ извѣстнѣйшихъ нашихъ портретистовъ, носили свой отпечатокъ. Думается, что и извѣстное легкомысліе живописи, доходившее до кривыхъ по рисунку и совсѣмъ уже бонбоньерочныхъ по живописи головокъ, было искреннимъ, не объяснялось только громаднымъ успѣхомъ моднаго художника. Едва ли вообще можно здѣсь говорить о загубленномъ или мелко израсходовавшемъ себя талантѣ, ибо художникъ совершенно опредѣленно шелъ навстрѣчу склонностямъ, стремленіямъ своей натуры. Взявъ въ своихъ картинахъ отъ Брюллова феерическую историчность, отъ Шварца бутафорскую точность, отъ Макарта декоративный шикъ, не углубляясь ни въ подлинную историчность, ни въ строгія требованія натурализма, Константинъ Маковскій „съ легкимъ и веселымъ духомъ“ предался привлекательнымъ для него и уже своимъ

собственнымъ виртуозно-живописнымъ задачамъ. Изображая парчу, бархатъ и шелкъ, блескъ драгоцѣнностей, кукольно-красивыя лица, онъ повидимому искренно упивался своими навыками въ этихъ изображеніяхъ, по своему пѣлъ, какъ птица, легко и свободно. Конечно, огромная продуктивность объяснялась легкостью такой работы. Но легкость вообще характерная черта натуры самого художника, отнюдь не объясняемая только поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу. К. Маковскому невозможно отказать въ оригинальной и даже характерной виртуозности, которая далась ему повидимому не упорнымъ трудомъ, а всѣмъ складомъ бойкаго дарованія. Доживъ до глубокой старости, покойный отнюдь не утратилъ ни своихъ навыковъ, ни художественной жизнерадостности и бодрости. Нѣкоторыя его послѣднія работы ничуть не уступаютъ первымъ и давшимъ ему наибольшій успѣхъ. Другой вопросъ, который рѣшать еще преждевременно,—ихъ абсолютная художественная цѣнность, другими словами, степень даровитости и общей значительности автора. Историко-бытовое значеніе его, какъ извѣстнаго зеркала великосвѣтской стороны русской жизни и великосвѣтскихъ вкусовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, отмѣчено еще въ „Исторіи русской живописи“ Александра Бенуа.

Во всякомъ случаѣ стоитъ только сравнить работы покойнаго знаменитаго художника съ тѣми, которыя окружали ихъ въ послѣдніе годы на выставкахъ общества, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, чтобы убѣдиться, насколько онъ выдавался и въ наше время среди ординарныхъ эклектиковъ и насколько имѣлъ свою опредѣленную художественную физіономію. Если ему были чужды прекрасныя, утонченныя и сложныя задачи, къ которымъ стремилось, и тѣ пути, по которымъ шло искусство живописи въ послѣднія десятилѣтія, то ему далеко не было чуждо то непосредственное стремленіе къ чистой живописи, которое разно проявляется въ разныя эпохи у подлинно даровитыхъ художниковъ.

А. Ростиславовъ.

Нужна помощь!

Минувшею зимою Россійскимъ Обществомъ Кролиководства было организовано изготовленіе теплыхъ вещей, какъ-то: рукавицъ, шарфовъ и т. п., для нашихъ доблестныхъ воиновъ.

Благодаря пожертвованіямъ кролиководовъ и безплатному труду лицъ, изготовлявшихъ вещи, удалось черезъ посредство ряда учрежденій отослать въ армію значительное количество такихъ вещей.

Упорный врагъ еще не сломленъ, а потому необходимо заблаговременно готовиться къ зимней кампаніи.

Во избѣжаніе напрасной траты времени Россійское Общество Кролиководства сочло своимъ долгомъ теперь же возобновить свою дѣятельность по изготовленію теплыхъ вещей.

Пожертвованія съ этою цѣлью деньгами, на которыя будутъ пріобрѣтены продукты кролиководства, шкурками и ангорскимъ пухомъ принимаются:

Предсѣдателемъ О-ва В. К. Скворцовымъ. Петроградъ, 6-я Рождественская, д. 10.

Предсѣдателемъ Хозяйственнаго Комитета Б. А. Звонниковымъ. Петроградъ, Мойка, 96.

Въ удостовѣреніе поступленія пожертвованій будутъ высылаться безъ замедленія установленныя квитанціи, подписанныя казначеемъ Общества К. Г. Чубаковымъ.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь 1915 года.

Содержаніе: I. Книги: Исторія литературы и литературная критика.— Исторія. — Философія. — Правовѣдѣніе. — Политика и публицистика.— Педагогика и народное образованіе. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1915 года.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Полное собраніе сочиненій *Е. А. Боратынскаго.* Т. II. Подъ ред. и съ прим. М. Л. Гофмана.—М. Ю. Лермонтовъ въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній подъ редакціей В. В. Каллаша.

Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго. Томъ II. Подъ ред. и съ примѣчаніями М. Л. Гофмана. Академическая библіотека русскихъ писателей. Изд. разряда изящной словесности И. А. Н. Петроградъ, 1915. Стр. VI+360. Ц. 1 руб. 25 коп.

Во второй томъ сочиненій Боратынскаго, заканчивающій академическое изданіе, вошли „поэмы“ и проза. I томъ этого изданія вызвалъ справедливыя нареканія критики по тому поводу, что редакторъ принципіально помѣщалъ въ текстѣ первоначальныя обработки стихотвореній, отнеся почти всѣ позднѣйшія передѣлки ихъ,—у Боратынскаго, какъ извѣстно, весьма существенныя,—въ примѣчанія, въ формѣ варіантовъ къ отдѣльнымъ стихамъ. Черезъ это изъ академическаго изданія какъ бы исчезли многія стихотворенія Боратынскаго въ той формѣ, какую имъ придалъ самъ поэтъ въ послѣдніе годы жизни и въ какой они издавна были знакомы его читателямъ. Во II томѣ этотъ недостатокъ гораздо менѣе чувствителенъ, благодаря тому, что три поэмы: „Пиры“, „Эда“ и „Наложница“ („Цыганка“), помѣщены дважды: въ первоначальной и въ послѣдней редакціи; разночтенія же другихъ поэмъ и прозы менѣе значительны. Новинками, не входившими въ прежнія собранія, являются въ изданіи: два стихотворенія, приписываемыя Боратынскому, „Эпилогъ“ къ „Эдѣ“ (былъ напечатанъ въ арестованномъ въ свое время альманахѣ „Звѣздочка“ 1826 г. и перепечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1883 г.) и три прозаическихъ статьи—„Антикритика“ на „Наложницу“ и два предисловія—къ „Эдѣ“ и къ „Пирамъ“ (были перепечатаны нами въ *Русскомъ Архивѣ* 1900 г.). При этомъ, однако, только предисловіе къ „Эдѣ“ помѣщено въ текстѣ, а предисловіе къ „Пирамъ“, безъ достаточныхъ основаній, отнесено въ примѣчанія. Редакторскій коммен-

тарій весьма обстоятеленъ, даже, пожалуй, излишне подробенъ (свыше 130 стр. мелкой печати!). Врядъ ли было нужно отмѣчать опечатки разныхъ изданій, приводить совершенно ничтожные отзывы о Боратынскомъ и т. п. Два разслѣдованія редактора разрослись въ самостоятельныя статьи: „Работа Боратынскаго надъ своими произведеніями“ и „Отзывы о Боратынскомъ“: въ собраніи сочиненій поэта это—лишняя роскошь, и, можетъ быть, умѣстнѣе былъ бы библіографическій списокъ всего, написаннаго о Боратынскомъ. Во всякомъ случаѣ, законченное теперь изданіе исполнено съ любовью къ дѣлу, весьма тщательно и представляетъ собою первое собраніе сочиненій, достойное Боратынскаго.

Валерій Брюсовъ.

М. Ю. Лермонтовъ въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній подъ редакціей В. В. Каллаша. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М., 1914. Ц. 40 коп.

Среди разныхъ изданій, выпущенныхъ къ поминкамъ Лермонтова, названная книга является своеобразно полезной. Она подстрекаетъ къ болѣе тщательному собиранію и изученію матеріаловъ, прямо или косвенно освѣщающихъ творчество поэта. Въ первомъ отдѣлѣ сборника даны „иноязычныя стихотворенія М. Ю. Лермонтова въ переводѣ русскихъ писателей“. Далѣе идутъ „стихотворенія, приписываемыя М. Ю. Лермонтову“. Эти страницы не увеличиваютъ никакими лишними цѣнностями сокровищницу, оставленную намъ крупнымъ художникомъ.

„Иноязычныя стихотворенія“ Лермонтова подчасъ грѣшатъ столь необычною для автора банальностью. А про другія пьесы и самъ г. Каллашъ замѣчаетъ, что онѣ, „повидимому, принадлежатъ другимъ поэтамъ“. Третій и послѣдній отдѣлъ книги—„стихотворенія русскихъ поэтовъ о М. Ю. Лермонтовѣ“. Г. Каллашъ добросовѣстно сознается, что ему „удалось собрать, несмотря на всѣ розыски, немногое, можетъ быть, случайное“.

Быть можетъ, наиболѣе красочно, содержательно, искренно сказываются лермонтовскіе отзвуки у ближайшихъ къ поэту современниковъ—у Ростопчиной (мало вообще у насъ оцѣненной), у Красова и др. Кое-что живо здѣсь у покойнаго Л. Пальмина, у отнюдь не мятежнаго г. Круглова. А у позднѣйшихъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ (попавшихъ въ сборникъ) подчасъ и очень нарядный стихъ звенитъ какъ-то бездушно и безцвѣтно.

А. Налимовъ.

ИСТОРІЯ.

G. P. Googh. History and Historians in the XIX century.

G. P. Googh. **History and Historians in the XIX century. Лондонъ, 1914 г.**

Книга эта заслуживаетъ вниманія, какъ попытка дать исторію исторической науки въ XIX вѣкѣ. Сложность и трудность такой задачи, кажется, не достаточно сознавалась авторомъ; охватить въ одномъ томѣ изслѣдованія всѣхъ выдавшихся на поприщѣ исторіографіи ученыхъ, дать хотя бы и краткое описаніе всѣхъ главныхъ работъ, изучающихъ всѣ историческія страны и эпохи,—съ этой задачей врядъ ли

возможно было удовлетворительно справиться одному лицу. Впрочемъ, если бы авторъ только охарактеризовалъ главныя историческія школы и ихъ работу въ различныхъ областяхъ, прослѣдивъ, такъ сказать, тѣ главныя русла, по которымъ растекалась историческая мысль въ XIX вѣкѣ, то такое изслѣдованіе „en gros“ могло бы имѣть большую цѣнность. Но онъ задался менѣе опредѣленной и болѣе сложной задачей, и планъ его нельзя признать удачнымъ. Книга его въ первыхъ 20 главахъ даетъ обзоръ работъ выдающихся историковъ: нѣмцевъ, французовъ и англичанъ; глава 21 посвящена американцамъ, глава 22—„маленькимъ странамъ“; нельзя не отмѣтить въ видѣ курьеза, что въ число послѣднихъ безъ всякой оговорки включена и Россія. Въ послѣднихъ же шести главахъ классификація по странамъ замѣнена классификаціей по предметамъ изученія; онѣ посвящены исторіи Рима, Греціи, Востока, исторіи церкви (двѣ главы) и исторіи цивилизаціи. Въ планѣ такимъ образомъ нѣтъ единства; работы по исторіи революціи разсмотрѣны раньше работъ по древней исторіи, въ одномъ случаѣ изслѣдованія историковъ раздѣлены по ихъ національностямъ, въ другомъ нѣтъ. Безусловно было бы интереснѣе для читателя, если бы вся книга была написана по плану послѣднихъ шести главъ. Исторіографія среднихъ вѣковъ, напримѣръ, очень пострадала оттого, что искусственно разбита авторомъ и помѣщена въ нѣсколько главъ; вѣроятно, именно поэтому она является въ книгѣ самой безцвѣтной, обиженной частью исторіи. Неясно также, почему экономическая исторія или исторія права не выдѣлены въ отдѣльныя главы, разъ это сдѣлано для исторія церкви и исторіи культуры.

Съ разборами отдѣльныхъ книгъ тоже не всегда можно согласиться; положительная сторона ихъ—объективность и безпристрастіе, отрицательная—отсутствіе настоящей критической оцѣнки, вслѣдствіе чего всѣ работы производятъ впечатлѣніе равноцѣнныхъ. Особенно мало критическаго отношенія къ нѣмецкимъ работамъ; здѣсь безусловно чувствуется пристрастіе автора, граничащее съ слѣпымъ преклоненіемъ передъ германской эрудиціей. А между тѣмъ глава его объ историкахъ „прусской школы“, кстати сказать, одна изъ наиболѣе удачныхъ, незамѣтно для самого автора, быть можетъ, будитъ критическую мысль въ безпристрастномъ читателѣ.

Несмотря на все сказанное, книга эта можетъ быть очень полезной для тѣхъ, кто пожелаетъ освѣжить въ памяти и охватить въ не черезчуръ громоздкомъ объемѣ исторіографію XIX вѣка. Подчасъ она можетъ служить и прекраснымъ справочнымъ изданіемъ. Языкъ у автора простой и ясный, пересыпанный блестками остроумія, изложеніе легко понятное для всякаго; разборы многихъ работъ составлены живо и удачно, попутно высказано немало цѣнныхъ мыслей. Съ захватывающимъ интересомъ прочтетъ мало освѣдомленный читатель главу XXV, посвященную изслѣдованіямъ по исторіи Востока; правда, въ данномъ случаѣ поразительныя, такъ сказать, бьющія въ глаза, достиженія ученыхъ немало помогаютъ автору въ осуществленіи его задачи.

Жаль, что авторъ не попытался суммировать въ той или иной формѣ своего матеріала, не рѣшился дать никакихъ выводовъ: дѣло нелегкое въ такой работѣ, но весьма заманчивое. Опытный историкъ-читатель, вѣроятно, самъ справится съ этой задачей, но въ виду того

что книга эта скорѣе разсчитана на любителя или учащуюся молодежь, „заключеніе“ было бы въ ней вполнѣ у мѣста. Къ тому же при чтеніи тома въ 600 страницъ, обнимающаго такой обширный матеріалъ и страдающаго двойственностью плана, мысли самаго внимательнаго и подготовленнаго читателя легко разбѣгаются и теряются въ деталяхъ, подчасъ весьма интересныхъ.

Думаемъ, что если книгѣ этой предстоитъ быть выпущенной 2-мъ изданіемъ, а это вполнѣ вѣроятно, такъ какъ у нея въ данное время нѣтъ конкурентовъ, то, переработанная систематически и снабженная заключительной главой, она могла бы удостоиться переводовъ на другіе языки и имѣть заслуженный успѣхъ у читателя. Этимъ былъ бы отчасти снятъ съ нея главный упрекъ, который въ настоящемъ ея видѣ нельзя не сдѣлать автору, а именно, что въ изслѣдованіи, озаглавленномъ „Исторія и историки въ XIX вѣкѣ“, за подробнымъ изученіемъ историковъ какъ бы затерялась сама исторія.

Инна Любименко.

ФИЛОСОФІЯ.

Эд. Карпентеръ. Любовь и смерть.

Эдуардъ Карпентеръ. **Любовь и смерть. Съ 3-мя портретами Э. Карпентера и вступительной статьей П. Д. Успенскаго. Перев. съ англ. „Литературная книжная лавка“. Петроградъ, 1915 г. Стр. XIV + 200. Ц. 1 р. 50 к.**

Эдуардъ Карпентеръ—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и оригинальныхъ писателей современной Англіи, и притомъ писатель необыкновенно симпатичный, непосредственно привлекающій къ себѣ самымъ стилемъ своего мышленія и языка. Будучи по складу ума и, что еще важнѣе, по своему темпераменту, по живому отношенію къ жизни, истиннымъ и глубокимъ философомъ, онъ не создалъ законченной философской „системы“, но и своими произведеніями, и своею жизнью запечатлѣлъ опредѣленное, весьма широкое и богатое міровоззрѣніе. Какъ всѣ истинно-творческія натуры, онъ глубоко національнъ въ своей индивидуальности. Умѣніе писать простымъ, живымъ языкомъ о самыхъ трудныхъ вопросахъ, характерный практическій, почти дѣловой подходъ къ научнымъ и метафизическимъ вопросамъ, сочетаніе глубины и тонкости мыслей и чувствъ съ трезвостью и простотой—все это необыкновенно типично для мыслителя англійской расы. Мы не колеблемся признать въ Карпентерѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ *геніевъ* современности. Подъ „геніальностью“ мы разумѣемъ при этомъ не какую-либо количественную, а *качественную* мѣру человѣческаго дарованія—подлинную, врожденную оригинальность міросозерцанія и мироощущенія, проникающую всю личность и опредѣляющую не только образъ мысли, но и стиль жизни человѣка. Въ Карпентерѣ привлекаетъ то, что свое новое міровоззрѣніе онъ не только логически развиваетъ и проповѣдуетъ, но и съ непосредственностью инстинкта воплощаетъ въ личной жизни. Формально, по внѣшнему облику и образу жизни мыслителя-проповѣдника, онъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ Толстого; ибо, подобно Толстому, онъ не одними лишь словами, а именно осу-

ществляемой имъ гармоніей между словомъ и жизнью внушаетъ убѣжденіе о возможности новыхъ, лучшихъ путей человѣческой жизни. Но по своему міровоззрѣнію онъ далеко не совпадаетъ съ Толстымъ.

Излагать это міровоззрѣніе въ краткой рецензіи мы не имѣетъ возможности. Мы можемъ лишь рекомендовать читателю непосредственно погрузиться въ міръ идей Карпентера, прочитавъ хотя бы обсуждаемую книгу „Любовь и смерть", хорошо переведенную на русскій языкъ. Передъ нимъ откроются широкіе метафизическіе и религіозные горизонты, и притомъ въ освѣщеніи, которое не придаетъ имъ характера шаткаго миража, а, напротивъ, обнаруживая ихъ связь съ самыми простыми, общеизвѣстными, трезвыми вещами, начинаетъ даже противъ воли читателя внушать къ нимъ довѣріе. Такова, напримѣръ, связь, которую устанавливаетъ Карпентеръ между тончайшими духовными переживаніями любви и фактами біологіи. Размышленія Карпентера о сущности и космическомъ значеніи любви, объ отношеніи между любовью и смертью могутъ быть поставлены въ одинъ рядъ съ самыми глубокими идеями, когда-либо высказанными на эту тему. Есть у Карпентера и слабость—его увлеченіе спиритическими, телепатическими и т. п. явленіями (русское изданіе рекомендуетъ его именно какъ теософа); нѣтъ надобности раздѣлять предвзятое огульное отрицаніе фактовъ этой области, чтобы видѣть, что религіозно-метафизическія проблемы человѣческой жизни рѣшаются все же не ими, а лишь внутреннимъ религіознымъ опытомъ; несмотря на обильныя ссылки Карпентера на такого рода внѣшнія инстанціи, онъ въ цѣломъ и въ основномъ все же опирается не на нихъ, а на свои непосредственныя и потому внутренно-убѣдительныя интуиціи въ области человѣческой и космической жизни.

„Любовь и смерть" (какъ и нѣкоторыя другія книги Карпентера) есть книга, которая дѣйствительно *нужна* всякому человѣку, задумывающемуся надъ вопросомъ о смыслѣ жизни,—книга не для „легкаго" чтенія, но и не для „учености", а для самопровѣрки и опредѣленія жизненнаго пути.

С. Франкъ.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Алфавитный указатель къ Своду Законовъ Россійской имперіи. Состав. *С. С. Войтъ.*

Алфавитный указатель къ Своду Законовъ Россійской имперіи. Составилъ С. С. Войтъ. Изд. т-ва „Дѣятель". Стр. X+1029. Цѣна въ переплетѣ 7 руб. 50 коп.

Съ выходомъ въ свѣтъ алфавитнаго указателя завершилось предпринятое товариществомъ „Дѣятель" изданіе Свода Законовъ, которое, вмѣстѣ съ указателемъ, составляетъ шесть томовъ. Достоинства изданія, какъ внѣшнія (четкій шрифтъ, хорошая бумага, изящные переплеты), такъ и внутреннія (полнота матеріаловъ, добросовѣстный и тщательный пересмотръ дѣйствующихъ и отмѣненныхъ законовъ), уже неоднократно отмѣчались. Несмотря на выходъ въ свѣтъ сводного продолженія 1912 г. и очередного 1913 г., несмотря даже на новыя изданія уст. промышлен. 1913 г., законовъ гражданскихъ 1914 г., уст. нак. 1914 г. и судебныхъ уставовъ 1914 г., все же Сводъ Законовъ въ изданіи т-ва „Дѣятель"

утратилъ свою свѣжесть лишь отчасти, такъ какъ почти всѣ важнѣйшіе законы послѣднихъ лѣтъ помѣщены въ немъ либо въ видѣ особыхъ приложеній, либо въ подстрочныхъ редакторскихъ примѣчаніяхъ, не всегда, но часто совпадающихъ по расположенію новаго законодательнаго матеріала съ офиціальнымъ текстомъ новыхъ изданій.

Все это заставляло думать, что алфавитный указатель къ Своду Законовъ будетъ отличаться почти неувядаемою свѣжестью, тѣмъ болѣе, что онъ вышелъ только во второй половинѣ 1914 г. Указатель составленъ такъ, что имъ можно пользоваться при всякомъ изданіи Свода, какъ офиціальномъ, такъ и неофиціальномъ: ссылки дѣлаются только на статьи кодифицированнаго закона. Но составитель едва ли поступилъ правильно, слишкомъ раболѣпно слѣдуя принятому имъ методу: иногда не мѣшало ссылаться и на отдѣльные законы, хотя бы не указывая мѣста ихъ помѣщенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда результаты кодификаціи еще не могли быть извѣстны. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли найти въ указателѣ *верхній крестьянскій судъ* (губерній прибалтійскихъ) и не найти *верхній сельскій судъ* (по новому закону о мѣстномъ судѣ); подъ словомъ *застройка* найти ссылки на правила расцѣнки имуществъ, предназначенныхъ подъ застройку (Гор. Положеніе, 63 п. 11), и на правила о застройкѣ мѣстностей въ чертѣ Варшавской крѣпости и не найти закона 23 іюня 1912 г.? Такіе пробѣлы въ отношеніи новыхъ законовъ не единичны. 28 іюня 1912 г. вышелъ законъ о порядкѣ заселенія Муганской степи, но нигдѣ въ указателѣ ссылки на этотъ законъ нѣтъ, нѣтъ даже слова *Мугань*. И если пересмотрѣть всѣ новые законы съ цѣлью провѣрки указателя, то едва ли эта провѣрка дастъ благопріятные для него результаты.

Другимъ недостаткомъ указателя, также вытекающимъ изъ принятаго метода составленія, является отсутствіе въ немъ техническихъ терминовъ. Указатель составлялся примѣнительно къ языку закона, а между тѣмъ существуетъ еще языкъ науки и языкъ жизни. Составляя указатель, нельзя не считаться съ обычнымъ, наиболѣе укоренившимся словоупотребленіемъ: указатель больше всего нуженъ юристамъ малоопытнымъ, мало начитаннымъ въ законѣ, наконецъ, и вовсе профанамъ.

Надо отдать справедливость указателю: обнаружить въ немъ пропуски въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о словахъ и терминахъ закона, все же довольно трудно. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на высотѣ. Не менѣе трудно наткнуться на опечатки.

Г. Гинсъ.

ПОЛИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

И. Е. Гешовъ. Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы.

И. Е. Гешовъ. **Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы. Петроградъ, 1915 г. Стр. 110.**

Авторъ, занимавшій постъ предсѣдателя совѣта министровъ въ Болгаріи отъ 11—24 марта 1911 г. до мая 1913 г., т.-е. отъ начала переговоровъ о балканскомъ союзѣ противъ Турціи до того момента, когда столкновеніе между балканскими союзниками изъ-за раздѣла турецкой добычи стало неизбѣжнымъ, старается въ своей книгѣ доказать,

что отвѣтственность за междусоюзническую войну и крахъ балканскаго союза падаетъ главнымъ образомъ на Сербію и Грецію, такъ какъ у нихъ къ войнѣ противъ Болгаріи стремились отвѣтственные факторы власти, въ Болгаріи же нападеніе на прежнихъ союзниковъ было произведено по приказанію безотвѣтственныхъ сферъ, будто бы помимо вѣдома министерства.

Теперь, пожалуй, не время заниматься разслѣдованіемъ вопроса о винѣ отдѣльныхъ балканскихъ государствъ. Къ тому же документы, собранные Гешовымъ, отнюдь не доказываютъ его тезиса въ такой мѣрѣ, въ какой это было бы желательно бывшему болгарскому премьеру. Книгу Гешова, содержащую тексты договоровъ между балканскими государствами и много другихъ, относящихся къ исторіи балканскаго союза документовъ, всетаки никоимъ образомъ нельзя назвать объективной. Но тѣмъ не менѣе ее слѣдуетъ читать именно теперь, когда такъ важно правильно оріентироваться въ настроеніи Болгаріи. Гешовъ, какъ извѣстно, руссофилъ и еще недавно участвовалъ въ исторической депутаціи лидеровъ болгарскихъ оппозиціонныхъ партій, которая пыталась въ послѣдній моментъ удержать Болгарію отъ присоединенія къ средне-европейскимъ имперіямъ. Тѣмъ не менѣе и его книга проникнута мыслью о незабываемой обидѣ, нанесенной Болгаріи въ Бухарестѣ въ 1913 г. „Болгарія была,—пишетъ г. Гешовъ,—ограблена, погублена, унижена, обезславлена". Вся болгарская политика послѣднихъ двухъ лѣтъ, въ частности политика ея въ теченіе міровой войны, понятна прежде всего какъ реакція противъ Бухарестскаго мира.

И. О. Левинъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

А. Серафимовичъ. Морской волкъ и другіе разсказы. Народно-школьная библіотека.

А. Серафимовичъ. **Морской волкъ и другіе разсказы. Народно-школьная библіотека. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Ц. 60 коп.**

Среди книгъ, поставляемыхъ для „народно-школьнаго" продовольствія, доселѣ преобладаютъ, въ общемъ, тусклыя, неуклюжія, чисто-ремесленной стройки. А г. Серафимовичъ въ состояніи давать вещи, обличающія у автора воображеніе, наблюдательность и благомысліе.

Въ названномъ сборникѣ, напримѣръ, г. Серафимовичъ очень четко и колоритно набрасываетъ контуры стараго угрюмаго рыбака. Освѣдомленно и выразительно выписываетъ авторъ черты и краски сѣверной „лѣсной жизни".

Но зачастую и у него вмѣсто истинно-художественнаго творчества (оно всегда цѣнно вѣдь и въ книгѣ для „народа" и школы) замѣчается усиленное фотографированіе, какъ бы погоня за „правдою", за „реализмомъ", которые на дѣлѣ размѣниваются не то на узкую тенденцію, не то на прямую скуку. Господствующій и здѣсь „психологизмъ" выливается въ образы больше отвлеченные, дѣланные, непреодолѣнные эстетически и даже этически.

А. Налимовъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 15-е сентября 1915 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Аверченко, А.** Записки театральной крысы. Самое большое предпріятіе. Актеры. Давныя для успѣха. Въ лѣтнихъ садахъ. Народный домъ. Чемпіонатъ борьбы. „1812 годъ". Музыка въ Петергофѣ. (Дешевая юмористическая б-ка журнала „Новый Сатириконъ".) Петроградъ, 1915. 62 стр. Ц. 10 к.

— Разсказы. (Юмористическіе.) Книга первая. Петроградъ, 1915. Изд. 10-е, „Шиповникъ". 203 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Чудеса въ рѣшетѣ. Разсказы. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Новый Сатириконъ". 182 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Агнивцевъ, Н. Подъ звонъ мечей. Петроградъ, 1915. 112 стр. Ц. 75 к.

Амфитеатровъ, А. В. Свѣтъ и сила. Собраніе сочиненій. Т. XXXV. Петроградъ, 1915. Изд. книгоизд. тов. „Просвѣщеніе". 361 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Аничкова, И. За что? Разсказъ изъ современной русской жизни. Петроградъ, 1915. 100 стр. Ц. 75 к.

Басанинъ, М. Будни. Первая книжка разсказовъ. Петроградъ, 1915. 222 стр. Ц. 1 р.

Васильева-Адуевская, Л. Первый шагъ. Стихотворенія. М., 1915. Изд. М. П. Сорокоумовой. 18 стр. Ц. 10 к.

Вермель, С. Танки. Лирика. М., 1915. Изд. „Студіи". 48 стр. Ц. 60 к.

Водарскій, В. А. Частушки. Владиміръ, 1915. 112 стр.

Воронова, Е. А. Люди—братья. Очерки и разсказы изъ жизни заключенныхъ въ тюрьмахъ. Божья искорка. Пелена спала. Крестъ спасъ. Пути Божьяго промысла. Подвигъ добраго самарянина. Высшая радость. Жизнь. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е. 128 стр. Ц. 40 к.

Гиляровскій, В. А. Годъ войны. Думы и пѣсни. М., 1915. Изд. изд-ва „Улей". 48 стр. Ц. 20 к.

Гриневская, И. Поклонъ героямъ. Стихи. Петроградъ, 1915. Изд. Скобелевскаго комитета. 70+1 нен. стр. Ц. 60 к.

Д. С. Сборникъ стихотвореній. Миргородъ, 1915. 31 стр. Ц. 25 к.

Дворяшинъ, В. Копьемъ въ Германію! Стихи. Гимнъ войнѣ. Россія. Бельгія. Туда, гдѣ трещатъ пулеметы. Казаки проѣзжали. Прозрѣніе. Объявленія. Кашинъ, 1915. 8 стр. Ц. 10 к.

Елпатьевскій, С. Томъ третій. Разсказы о прошломъ. М., 1916. Изд. 2-е, кн-ва „Писателей". 269+7 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ждановъ, Левъ. Новая Русь. Романъ-хроника конца XVII вѣка. Собраніе сочиненій. Историческіе романы. Т. XV. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Прометей". 314 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Жуковскій, В. А. Проза. Со вступительной статьей и примѣчаніями П. Н. Сакулина. (Историко-литературная библіотека подъ ред. Иванова-Разумника.) Петроградъ, 1915. XLII+194 стр. Ц. 35 к.

Зархи, С. Разсказы. Гимназистка. Роковой шагъ. Проза жизни. Молчалинъ. Сила любви. Неудача. Петроградъ, 1915. 32 стр. Ц. 35 к.

Касаткина, Е. Частушки собранныя во Владимірской и Костромской губерніяхъ. Владиміръ, 1915. 16 стр.

Колчинъ, М. Пѣсни войны. Стихи. По-

свящается доблестнымъ сибирскимъ стрѣлкамъ. Омскъ, 1915. Изд. автора. 22 нен. стр. Ц. 20 к.

Коноровъ, А. Осколки жизни. Сборникъ разсказовъ. М., 1916. Изд. Московск. суриковскаго литерат.-музык. кружка. 86+1 нен. стр. Ц. 75 к.

Криницкій, Маркъ. Вамп казненный. Романъ. М., 1915. Изд. 2-е, Современная б-ка. 211 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кузюкинъ, Д. Л. Сѣверный откликъ. Стихотворенія. Бѣлый, 1915. 109 стр. Ц. 1 р.

Липецкій, А. Воля къ жизни. Разсказы. Петроградъ, 1915. 266 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лѣсная, Л. Аллен причудъ. Стихи. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Прометей". 109 стр. Ц. 1 р.

Маровскій, М. Маленькая синьора. Романъ. Петроградъ, 1915. 328 стр.

Мыльникова, К. Волны. Разсказы изъ пароходной жизни. Книжка 3-я. Н.-Новгородъ, 1915. 92 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Набокъ-Васильковa, Н. Силуэты войны. Сборникъ разсказовъ и очерковъ изъ военной жизни. 1915 годъ. Одесса, 1915. 42 стр. Ц. 85 к.

Поливановъ, С. Зеленое. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 63 стр.

Рославлевъ, А. Сквозь цвѣтныя стекла. М.—Петроградъ, 1915. Изд. из-ва „Лукоморье". 247 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Руссатъ, Е. Зарницы войны. Петроградъ, 1915. Изд. Скобелевскаго комитета. 244 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Савватій. Исторія маленькой дѣвочки. Петроградъ, 1915. 128 стр. Ц. 1 р.

Савицкій, Д. Пѣсни любви и страданій. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. 148 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Слезкинъ, Ю. Повѣсти и разсказы. Святая радость. Чужіе. Денщикъ. Признаніе. Мать-командирша. Прошлое. Литовскій медъ. Левкой. Тарелка супа. Воистину воскресъ. Золотая табакерка. Петроградъ, 1915. Изд. издат. „Лукоморье". 255 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Соколова, А. А. За родину! Патріотическіе стихи о войнѣ. Подъ ред. и съ предисловіемъ Д. В. Коломійцева. Петроградъ, 1915. 16 стр. Ц. 10 к.

Соловьевъ, В. Стихотворенія. Съ варіантами, библіографическими примѣчаніями и біографіей. М., 1915. Изд. 6-е, С. Соловьева. X+359 стр.+2 портр. Ц. 2 р. 50 коп.

Строевъ, В. Надрывъ. Романъ. Ч. I. М., 1915. Изд. Универс. кн-ва А. А. Столяръ. 292 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Тацієвскій, В. Н. Слава борцамъ за родину. Стихотворенія. Евпаторія, 1915. 16 стр. Ц. 15 к.

Ф. С. (Левъ Левенсонъ). Просвѣты вѣчности. Книга стиховъ. (1902—1914). Александровскъ-Грушевскій, 1915. Изд. изд-ва „Сампо". 94 стр. Ц. 50 к.

Ходасевичъ, В. Война въ русской лирикѣ. Сборникъ. М., 1915. Изд. 2-е, акц. об-ва Унив. б-ка. 112 стр. Ц. 10 к.

Чарская, Л. Ея величество любовь. Романъ. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва „Вѣнокъ". 206 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Чижевскій, А. Стихотворенія. Калуга, 1915. 93+2 нен. стр.

Шенгели, Георгій. Зеркала потускнѣвшія. Поэзы. Кн. II. Харьковъ, 1915. Изд. L'oiseau bleu. 8 стр. Ц. 40 к.

Шмелевъ, Ив. За семью печатями. (Въ деревнѣ.) Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Освобожденіе", Ж. Тихтель. 41+4 стр. Ц. 10 к.

Юшкевичъ, С. Очерки дѣтства. Т. VIII. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Жизнь и знаніе". 252+64 стр. Ц. 1 р.

§ 16. **Бекфордъ.** Ватекъ. Арабская сказка. Перев. Б. Зайцева. Вступительная статья П. Муратова. М., 1915. Изд. 2-е, К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ. 181 стр. Съ рис. и портр. Ц. 80 к.

Де-Виньи, Альфредъ. Неволя и величіе солдата. Лоретта или красная печать. Ночь въ Венсенѣ. Жизнь и смерть капитана Рено. Перев. съ франц. Н. Н. Русова. Унив. б-ка, № 1059—1060. М., 1915. Изд. акц. об-ва Универсальная б-ка. 209 стр.+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Джекобсонъ, Д. Д. Трагедія въ зарослях. Разсказъ. Киплингъ, Реддіардъ. Откуда взялся страхъ. Разсказъ. Петроградъ, 1915. Изд. В. И. Губинскаго. 40 стр. Съ 19 рис. Ц. 20 к.

Джеромъ К. Джеромъ. Новая Утопія и другіе юмористическіе разсказы. Пер. съ англ. С. Г. Займовскаго. М., 1915. Изд. 4-е, акц. об-ва Унив. б-ка. 88+6 нен. стр. Ц. 10 к.

Диккенсъ, Ч. Личная исторія и испытанія Давида Копперфильда. Романъ въ 3-хъ томахъ. Т. I. Пер. съ англ. И. Введенскаго. М., 1915. Изд. 2-е, акц. об-ва Унив. б-ка. 504+8 нен. стр. Ц. 40 к.

Инскуль, В. Я., баронъ. Полное собраніе сочиненій. Т. XIV. Имамъ Гамзатъ. Историческая драма въ IV дѣйств. и 8 карт. Пер. Вл. Волынцева. Ревель, 1915. 77 стр. Ц. 1 р.

Корелли, М. Варавва. Повѣсть временъ Христа. Пер. съ англ. княгини Е. Ф. Кропоткиной. Въ двухъ частяхъ. Петроградъ, 1916. Изд. 4-е, И. Л. Тузова. 363+12 стр. Ц. 1 р.

Лагерлёфъ, С. Королевы въ Кунгахэллѣ. Пер. со шведскаго Л. Б. Хавкиной. М., 1915. Изд. 2-е, акц. общ. Универсальная б-ка. 90 стр. Ц. 10 к.

— Легенда одной усадьбы. Повѣсть.

Пер. со шведскаго М. П. Благовѣщенской. М., 1915. Изд. 2-е, акц. об-ва Унив. б-ка. 127 стр. Ц. 10 к.

Лондонъ, Д. Дѣти снѣговъ. Разсказы. Пер. съ англ. А. Тарасовой. М., 1915. Изд. 2-е, акц. об-ва Унив. б-ка. 170 стр. Ц. 20 к.

Маннъ, Т. Смерть въ Венеціи. Съ критическимъ очеркомъ Э. Бертрама. Перев. М. К. Полное собраніе сочиненій. Т. V. М., 1915. Изд. кн-ва „Современныя проблемы". 163 стр. Ц. 80 к.

Прево, М. Осень женщины. Романъ. Пер. съ франц. Л. Кустаревской. М., 1915. Изд. акц. об-ва Унив. б-ка. 381+3 нен. стр. Ц. 40 к.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Король темнаго покоя. Почтовая контора. Пер. Зин. Венгеровой и В. Спасской. Съ предисл. Зин. Венгеровой. Собраніе сочиненій. Кн. VI. М., 1915. Изд. кн-ва „Современныя проблемы". 240+16 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 5. **Бобровъ, С.** Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія. М., 1915. Изд. из-ва „Мусагетъ". 38 стр. Ц. 50 к.

Шляпкинъ, И. А., проф. Исторія русской словесности. Программа университетскаго курса съ подробной библіографіей. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, кн. маг. И. Я. Оглоблина. 72 стр.

— Лекціи по исторіи русской литературы. Ч. I. Вып. I. (Введеніе. Народная словесность.) Вып. II. (Съ начала письменности до XVI в.) Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, Студенч. издател. комит. при историко-филологич. факул. петрогр. унив. 350+392 стр.

§ 6. **Нуссбаумъ, И.** Избранныя страницы русской литературной критики. Вып. II. Главнѣйшія направленія въ художественной литературѣ: Ложноклассицизмъ. Сентиментализмъ. Романтизмъ. Байронизмъ. Реализмъ. Русскіе классики: Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, А. Толстой, Островскій. Кіевъ, 1915. Изд. 2-е, доп., И. И. Самоненко. 94 стр. Ц. 75 к.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Бёккъ, Р. М.** Космическое сознаніе. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Новый Человѣкъ". 373 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Карпентеръ, Э. Любовь и смерть. Пер. съ англ. Съ вступительной статьей П. Д. Успенскаго. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва М. В. Пирожкова. 200 стр. Съ 3 портр. Ц. 1 р. 50 к.

Маковельскій, А. Введеніе въ философію. Ч. I. 1) Понятіе о философіи. 2) Проблема познанія. Казань, 1915. Изд. 2-е, кн. маг. М. А. Голубева. II+79 стр. Ц. 75 к.

Рессель, Б. Проблемы философіи. Пер. съ англійск. С. И. Штейна. Петроградъ, 1915. Изд. П. Г. Сойкина. 118 стр.

Страховъ, П., проф. Наука и религія. М., 1915. 213 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Франкъ, С. Л. Предметъ знанія. Объ основахъ и предѣлахъ отвлеченнаго знанія. (Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго петроградскаго университета. Ч. CXXVI.) Петроградъ, 1915. XII+504 стр.

§ 2. **Ягодинскій, Ив. Ив.**, проф. Неизданное сочиненіе Лейбница. Исповѣдь философа. Казань, 1915. Изд. автора. 15+93 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 4. **Нечаевъ, А. П.**, проф. Учебникъ психологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е. 150 стр. Съ 37 рис., съ 60 зад. Ц. 1 р.

§ 5. **Вентцель, К. Н.** Теорія свободнаго воспитанія и идеальный дѣтскій садъ. (Общедоступные курсы по дошкольному воспитанію.) М., 1915. Изд. кн-ва „Практическія Знанія". 107 стр.

Зачиняевъ, А. (Психологическая система воспитанія). Орѳографическая прописъ. Вып. II. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, журн. „Обновленіе Школы". XV + 175 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Кей, Э. Мать и дитя. Пер. Мих. Кадишъ. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Современныя Проблемы". 47 стр. Ц. 30 к.

Куплетскій, М. А. Замѣтки по теоріи религіознаго воспитанія. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е. 136 стр. Ц. 50 к.

Пупаревъ, А. Педагогическое рисованіе. Пособіе для учащихъ. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 89+3 нен. стр. Съ рис. и табл. Ц. 40 к.

Скворцовъ, И. В. Записки по педагогикѣ. Ч. II. Общая дидактика. Петроградъ, 1915. Изд. 11-е, Я. Башмакова и К°. 106 стр. Ц. 80 к.

Смирновъ, К. Курсъ педагогики. Ч. I. Педагогическая психологія и общая дидактика. М., 1916. Изд. 7-е, т/д. К. И. Тихомирова и-ки. VIII+252 стр. Ц. 1 р.

Трошинъ, Гр. Антропологическія основы воспитанія. Сравнительная психологія нормальныхъ и ненормальныхъ дѣтей. Т. I.

Процессы умственной жизни. Петроградъ, 1915. Изд. школы-лѣчебницы д-ра мед. Г. Я. Трошина. XVI+403 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Флеровъ, Вс. Новый способъ обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. Двѣ лекціи, читанныя на Всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ. М., 1915. Изд. 11-е, автора. 36 стр. Ц. 25 к.

— Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ, съ указаніемъ пріемовъ обученія. М., 1915. Изд. 10-е, автора. 79 стр. Ц. 35 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 1. **Бротвинъ, Н.** Изъ области древней сибирской керамики. Петроградъ, 1915. 18 стр. Съ рис. съ 5 табл.

§ 2. **Бартъ, А.** Царьградъ и его окрестности. Историко-художественное описаніе. Съ франц. перев. Н. М. Лаговъ. Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва А. С. Суворина. 248 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Виллари, Пасквале. Николо Маккіавелли и его время. Т. I. Со вступит. статьею проф. М. М. Коваленскаго. Перев. съ итальянск. И. М. Кригеля. Петроградъ, 1914. Изд. издательства „Грядущій день". XXXII+427+4 нен. стр. Ц. 3 р. 50 к.

Виноградовъ, П. Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. II. Средніе вѣка. М., 1915. Изд. 12-е, А. А. Карцева. 197 стр.+XIII табл.

Лаговъ, Н. М. Арменія. Очерки прошлаго, природы, культуры и пр. Петроградъ, 1915. Изд. Н. П. Карбасникова. VII+134 стр. съ 28 рис. план. и карт. Ц. 1 р.

Петровъ, Д. К. Ликвидація синьеріальнаго режима во Франціи по документамъ, изданнымъ Саньякомъ и Корономъ. Кіевъ, 1915. Изд. Л. Идзиковскаго. 215 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, А. О хронологіи аѳинской исторіи VI столѣтія до Р. Хр. Кіевъ, 1915. 139 стр.

Стасюлевичъ, М. Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. II. Періодъ второй. Отъ Карла Великаго до Крестовыхъ походовъ 768—1096 г. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е. 910 стр.+1 табл.+1 карта. Ц. 3 р.

Шестаковъ, С. П. Лекціи по исторіи Византіи. Т. I. Казань, 1915. Изд. кн. маг. М. А. Голубева, 2-е. 437 стр. Ц. 3 р.

§ 3. **Алексѣевъ, В.** Земскіе соборы древней Руси. М., 1915. Изд. 3-е, к-ва „Школа". 60 стр. Ц. 15 к.

Божерянов, И. Н. Дѣтство, воспитаніе и лѣта юности русскихъ императоровъ. Петроградъ, 1915. Изд. Об-ва попеч. о безпріютн. дѣтяхъ призрен. III+128 стр. Съ рис. и портр.

Веретенниковъ, В. И. Очерки исторіи генералъ-прокуратуры въ Россіи до-екатерининскаго времени. Харьковъ, 1915. VI+405 стр. Ц. 3 р.

Кащенко, П. П. Судъ въ Московскомъ государствѣ. (Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ подъ ред. В. Я. Уланова.) М., 1915. Изд. К. Ф. Некрасова, въ Ярославлѣ. 77 стр. съ рис. Ц. 30 к.

Любавскій, М. К., проф. Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до люблинской уніи включительно. Съ приложеніемъ текста хартій выданныхъ великому княжеству литовскому и его областямъ. М., 1915. Изд. 2-е. 401+III стр. Ц. 2 р. 50 к.

Покровскій, С. П. Демидовскій лицей въ гор. Ярославлѣ въ его прошломъ и настоящемъ. Ярославль, 1914. Изд. П. А. Демидова. VIII+264+XV+стр. съ рис. 18 лист. рис.

Шишко. Исторія Россіи. Вып. I. Бунтъ Стеньки Разина. Петроградъ, 1915. 763—837 стр.

— Исторія Россіи. Вып. II. Великая разруха Московскаго государства. Петроградъ, 1915. 839—893 стр.

§ 4. **Ровинскій, П.** Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Государственная жизнь (1851—1907 гг.) Т. III. (Сборникъ отд. русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ). Петроградъ, 1915. VIII+II+510 стр. Ц. 3 р.

Руминъ, С. Двѣ сестры Россія и Польша. Отклики. Вып. III. Петроградъ, 1915. 15 стр. Ц. 15 к.

Рыхлинъ, Е. А. Жизнь славянъ. Популярные очерки. Вып. II. Поэзія славянскаго горя и славянскихъ надеждъ (Колларъ и Сладковичъ). Кіевъ, 1915. Изд. автора. 32 стр. Ц. 30 к.

Фридрихъ, Н. Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа до войны 1914 года. М., 1915. 53 стр.+1 карта.

§ 6. **Шишко.** Исторія Россіи. Вып. III. Расколъ въ русской церкви. Петроградъ, 1915. 894—957 стр.

Христіанское ученіе о нравственности

въ изложеніи Г. Мартенсена, доктора богословія, епископа Зеландскаго, въ Даніи. Въ двухъ томахъ. Перев. съ англійскаго проф. А. П. Лопухина. Томъ первый и второй. Петроградъ, 1915. Изд. И. Л. Тузова. 1300 стр. Ц. 5 р.

§ 5. **Афанасьевъ, Г. Е.** Происхожденіе теперешней войны. Лекція, прочитанная въ Педагогическомъ музеѣ цесаревича Алексѣя воспитанникамъ и воспитанницамъ кіевскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 1915. 37 стр.

Баранцевичъ, Е. М. Отношеніе поляковъ къ войнѣ. Составлено по провѣреннымъ свѣдѣніямъ и пережитымъ чувствамъ. Томскъ, 1915. 20+XI стр. Ц. 20 к.

Вилліамъ, Г. Англія и англичане. (Б-ка для школъ и народа.) М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думновъ. 109 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Восторговъ, І., прот. Во дни войны. Голосъ пастыря-патріота. Вып. II. М., 1915. 150 стр.

Германскія звѣрства. Офиціальный отчетъ французской комиссіи для обслѣдованія дѣйствій непріятеля, нарушающихъ постановленія международнаго права. Перев. съ франц., съ предисл. В. Саблера. Петроградъ, 1915. XIV+25 стр. Ц. 25 к.

Дубенскій. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ дѣйствующей арміи. Ноябрь 1914 г.—май 1915 г. Вып. II. Петроградъ, 1915. Изд. Штаба Верховнаго Главнокомандующ. 15 стр. съ рис.

Дурылинъ, С. Градъ Софіи. Царьградъ и святая Софія въ русскомъ народномъ религіозномъ сознаніи. (Война и культура.) М., 1915. 84 стр. Ц. 35 к.

Исторія нашего времени (Современная культура и ея проблемы). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. XXVIII. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. 81—160 стр.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы.) Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. XXIX. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. 161—254 стр.

Кречетовъ, С. Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. Записки офицера. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Прометей". 156 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крюковъ, Н. А. Галиція. Сельское хозяйство въ Галиціи въ связи съ общимъ развитіемъ страны. (Славянскія земли. Т. II, ч. I.) Петроградъ, 1915. Изд. Г. У. З. и З. IX+211 стр. съ 47 рис. и 3 карт.

Н—евъ, П. Какъ живется нашимъ плѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгріи. Петроградъ, 1915. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

О войнѣ и мирѣ. Главныя причины войны. М., 1915. 31 стр. Ц. 10 к.

Платонова, А. Ѳ. Подъ небесной защитой (изъ событій великой войны). Очерки и статьи. Петроградъ, 1915. Изд. Учил. совѣта при св. Синодѣ. 79 стр. съ рис. Ц. 25 к.

Резановъ, А. С. Нѣмецкое шпіонство. (Книга составлена по даннымъ судебной практики и другимъ источникамъ.) Петроградъ, 1915. Изд. 3-е. VIII—336 стр.

Тасинъ, Н. По воюющей Франціи. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва М. В. Попова. 173+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Топлица, М. Война Австро-Венгріи противъ собственныхъ подданныхъ. (Южные славяне и великая война.) Петроградъ, 1915. 84 стр. Ц. 50 к.

Тырнова, А. В. Анна Павловна Философова и ея время. Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Т. I и II. Петроградъ, 1915. XV+488+181 стр. Съ рис. Ц. 10 р. за оба тома.

Черчъ, Г. С. Америка о виновникахъ войны. Отвѣтъ на „Воззваніе къ цивилизованному міру 93 германскихъ профессоровъ". Перев. съ англ. Д. Н. Димитріева. Петроградъ, 1915. Изд. „Лукоморье". 43 стр. Ц. 50 к.

Шумскій, К. Очерки міровой войны на сушѣ и на морѣ. Обзоръ военныхъ дѣйствій на главныхъ театрахъ. Петроградъ, 1915 г. Изд. т-ва А. Ф. Маркса. 252 стр. съ чертеж. и рис. Ц. 1 р. 50 к.

§ 8. **Сингалевичъ, С. П.** Страница изъ методики исторіи (Какъ вести пробные уроки въ VIII кл. ж. г.). Съ приложеніемъ программы по методикѣ преподаванія исторіи. Казань, 1915. 27 стр.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Марголинъ, С. О.** Матеріалы и изслѣдованія о еврейской ремесленной промышлен. Т. II. Портняжное производство. Петроградъ, 1915. VIII+152 стр. Ц. 75 к.

§ 2. Донесенія Императорскихъ россійскихъ консульскихъ представителей за границей по торгово-промышленнымъ вопросамъ. Монголія. № 52. Донесеніе вице-консула въ Хайларѣ. Петроградъ, 1915. 206 стр. Ц. 20 к.

Матеріалы по исторіи и современному состоянію стекольной промышленности въ Россіи. Вып. I. Петроградъ, 1915. Изд. Пост. бюро съѣздовъ стеклоз. 30 стр.+3 табл. Ц. 75 к.

§ 3. **Б—скій, М.** Краткій курсъ финансоваго права. Кіевъ, 1915. Изд. К. К. Семинскаго. IV+217+VII стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кауфманъ, И. И. Неразмѣнныя банкноты въ Англіи 1797—1819. Докторская диссертація. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. XXX+245 стр.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ, анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; коопераціи. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 3. **Кенуатовъ, К.**, кн. Объяснительная записка къ проекту положенія о кооперативныхъ товариществахъ и ихъ союзахъ. Петроградъ 1915. 46+2 нен. стр.

— Сравнительный текстъ русскихъ проектовъ закона о кооперативныхъ товариществахъ. Съ объяснительною запискою. Петроградъ, 1915. Изд. Петроградск. отд. комит. о сельск. ссудо-сберег. т-вахъ. 13 стр. Ц. 40 к.

Сапожниковъ, И. З. Какъ утвердить уставъ или договоръ ремесленно-кустарной трудовой артели? М., 1915. Изд. Комит. о сельск. ссудо-сберег. т-вахъ. 8 стр. Ц. 3 к.

Хейсинъ, М. Л. 50 лѣтъ потребительской коопераціи въ Россіи. Историческій очеркъ и современное состояніе. Петрогр., 1915. Изд. Отдѣл. ком. о сельск.-сбер. и пром. тов. 55 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

Гервагенъ, Л. Л. На чемъ основано раздѣленіе права на публичное и частное, гражданское? Петроградъ, 1915. 23 стр. Ц. 30 к.

§ 1. **Ильинъ, И. А., Устиновъ, В. М., Новицкій, И. Б. и Геркетъ, М. Н.** Основы законовѣдѣнія. Общее ученіе о правѣ и государствѣ и основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. Общедоступные очерки. М., 1915. Изд. 4-е, испр. и доп., т-ва В. В. Думнова. 3 нен.+416 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Тарановскій, Ѳ. В. Новый опытъ построенія философіи права въ русской литературѣ. (I. В. Михаловскій, очерки философіи права. Т. I. Томскъ, 1914.) Юрьевъ, 1915. 66 стр. Ц. 50 к.

§ 3. **Никоновъ, С. П.**, проф. Государственное страхованіе лицъ сельскаго состоянія на случаи инвалидности и старости. Записки юридическаго факультета Императорскаго петроградскаго университета. Вып. II. Петроградъ, 1915. VI+133 стр.

§ 4. **Ануфріевъ, К. И.** Воспитательно-исправительныя заведенія и учрежденія трудовой помощи и принудительнаго труда въ западной Европѣ. (Германія, Бельгія, Англія, Франція и Швейцарія.) Описаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній. Петроградъ, 1915. Изд. Петроградскаго городского обществ. управленія. XVII+280 стр. Съ рис.+20 лист. рис. Ц. 3 р. 50 к.

§ 6. **Гольдфайнъ, Г. М.** Что долженъ знать каждый ратникъ ополченія 2-го разряда. Отдѣлы: О государственномъ ополченіи. Кто по закону освобожденъ отъ призыва. Наставленіе присутствіямъ для руководства при освидѣтельствованіи призываемыхъ. Болѣзни и тѣлесные недостатки. Членовредительство. Кіевъ, 1915. Изд. М. Х. Гольдфайна. 31 стр. Ц. 50 к.

Добровольскій, А. Уставъ о векселяхъ 27 мая 1902 г., введенный въ дѣйствіе съ 1 января 1903 г. съ законодательными мотивами и разъясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассаціоннаго и судебнаго департаментовъ, а также 2-го общаго собранія правительствующаго сената. Петроградъ, 1916. Изд. 3-е, дополн., II. И. Зубкова. VI+349 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Ивановъ, Н. И. Высочайше утвержденный 27 мая 1902 г. уставъ о векселяхъ (св. зак., т. XI, ч. 2, изд. 1903 г.). Понудительное исполненіе по актамъ. Алфавитный предметный указатель. Одесса, 1915. 96 стр. Ц. 50 к.

— Законъ о военномъ налогѣ и инструк-

ція о его примѣненіи. Одесса, 1915. 48 стр. Ц. 30 к.

Конвенція о наслѣдствахъ между Россіей и Греціей. Вступившая въ силу 8 сентября 1914 г. (Собран. узакон. и распор. правит., издаваемое при правительст. сенатѣ, 1 сентября 1914 г., отд. 1, № 244, ст. 2334.) Одесса, 1915. Изд. Е. И. Антипа. 24 стр. Ц. 40 к.

Конвенція о наслѣдствахъ между Россіей и Даніей. Вступившая въ силу 8 февраля 1914 г. (Собран. узак. и распоряж. правит., издаваемое при правительств. Сенатѣ, 7 февраля 1914 г., отд. 1, № 98, ст. 42.) Одесса, 1915. Изд. Е. И. Антипа. 24 стр. Ц. 40 к.

Мобилизація ратниковъ ополченія 2-го разряда. Законы, правила и т. д., съ приложеніемъ списка болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ, освобождающихъ и не освобождающихъ отъ принятія въ войска. Одесса, 1915. 16 стр. Ц. 5 к.

О пенсіяхъ, пособіяхъ и льготахъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ. (Тверское губернское земство.) Тверь, 1915. VIII+147+5 пен. стр. Ц. 14 к.

Швейцарское гражданское уложеніе 10 декабря 1907 г. Пер. К. М. Варшавскаго. Петроградъ, 1915. VII+335 стр. Ц. 2 р. 50 к.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **Арсеньевъ, К. К.** За четверть вѣка. (1871—94.) Сборникъ статей. Петроградъ, 1915. VIII+615 стр. Ц. 3 р.

Введенскій, И. Н. Опытъ принудительной трезвости. М., 1915. Изд. Моск. столичн. попеч. о народн. трезвости. 44 стр.

Гольдштейнъ, І. М. Война, германскіе синдикаты, русскій экспортъ и экономическое изолированіе Германіи. М., 1916. Изд. 3-е, испр. и доп. 79 стр. Ц. 60 к.

Гучковъ, А. И. Къ вопросу о государственной оборонѣ. Рѣчи въ Государственной Думѣ третьяго созыва 1908—12 г. Петроградъ, 1915. 105 стр. Ц. 60 к.

Емельяновъ, Н. Б. Корни дороговизны и „организація побѣды". Петроградъ, 1915. Изд. автора. 101 стр. Ц. 1 р.

З. Г. А. Международное положеніе славянства и смыслъ нынѣшней войны. (Рѣчь на славянскомъ вечерѣ 1 марта 1915 г.) Дубно, 1915. 24 стр. Ц. 25 к.

Ивневъ, Р. Какъ побѣдить Германію? Петроградъ, 1915. Изд. б-ки б. Пестовской. 16 стр. Ц. 10 к.

Каблуковъ, Н. О повышеніи производительности труда въ русской промышленности. (Къ вопросу объ иноземномъ засиліи.) М., 1915. 63 стр. Ц. 40 к.

Крымовъ, Вл. О прочемъ. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е. 322 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Линдеманъ, К. Э. Законы 2 февраля 1915 г. (Объ ограниченіи нѣмецкаго землевладѣнія въ Россіи) и ихъ вліяніе на экономическое состояніе южной Россіи. (Критическій разборъ.) М., 1915. 113 стр.

Локоть, Т., проф. Къ русско-германскому торговому договору. Петроградъ, 1915. 37 стр.

Мансыревъ, С. П., князь. Нѣмецкое землевладѣніе и правила 2 февраля 1915 г. Петроградъ, 1915. Изд. Общества 1914 г. 24 стр. Ц. 25 к.

Новикова, О. Нѣсколько словъ. Вып. III. Петроградъ, 1915. 53 стр. Ц 10 к.

Новожиловъ, В. В. Значеніе внѣшняго рынка для Германіи. Кіевъ, 1915. 24 стр.

Справка къ докладу по еврейскому вопросу. Ч. XI. Торговля. Кредитъ. Подряды, поставки и торги. Фабрики и заводы. Ремесла. Шинки и постоялые дворы. Ростовщичество. Факторство. Евреи въ силахъ. Петроградъ, 1915. 446 стр.

Чего ждетъ Россія отъ войны. Сборникъ статей: Туганъ-Барановскаго, М. Н. Фридмана, М. Н. Милюкова, П. Н. Вернадскаго, В. Н. Карѣева, Н. Н. Гиппіусъ, З. Н. Славинскаго, М. А. Курбатова, В. Я. Знаменскаго, С. Ф. Бехтерева, В. М. Шимгарева, А. Н. Шишкиной-Явейнъ, П. Н. Стрѣльцова, Р. Е. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Прометей". 227 стр.+4 карты. Ц. 1 р. 25 к.

Хвостовъ, А. Н. Борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Рѣчь члена Государственной Думы въ засѣданіи 3 августа 1915 г. Петроградъ, 1915. 32 стр.

§ 2. **Мусинъ-Пушкинъ, А.,** графъ. Среднеобразовательная школа въ Россіи и ея значеніе. Петроградъ, 1915. 163 стр.

Обуховъ, М. И. (М. Шоринъ). На разныя темы. Статьи по вопросамъ народнаго образованія и учительскаго быта. Уфа, 1915. 194 стр. Ц. 50 к.

§ 3. **Ильигорскій, С. І.** Истинны ли духовныя основы въ сектантствѣ? Петроградъ, 1915. Изд. В. М. Скворцова. 26 стр.

§ 4. **Аничъ, М.** Отмѣна черты еврейской осѣдлости. (Съ приложеніемъ текста циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ

15 августа 1915 г.) (Національная библіотека). М., 1915. Изд. журн. „Евреи и Россія". 16 стр. Ц. 15 к.

Валейтокъ, Е. Къ расширенію черты осѣдлости. Кіевъ, 1915. Изд. книжн. маг. М. Х. Гольдфайна. 16 стр. Ц. 10 к.

Здѣховскій, М. О польскомъ религіозномъ сознаніи. Публичный докладъ. (Война и культура.) М., 1915. 35 стр. Ц. 20 к.

Кельберинъ, И. П. Черта осѣдлости. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва М. В. Попова. 89 стр. Ц. 75 к.

Настроеніе сектантовъ кіевской епархіи и поведеніе ихъ во время войны. Кіевъ, 1915. Изд. кіевск. епарх. миссіонерск. совѣта. 16 стр.

§ 5. **Лапинскій, М. Н.**, проф. О развитіи личности у женщины. Кіевъ, 1915. 159 стр. Ц. 2 р.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. **Проданъ, И. С.** Что такое искусство? (Разсужденія съ толстовцемъ.) Харьковъ, 1915. 33 стр. Ц. 20 к.

§ 6. **Бертенсонъ, С.** Дѣдъ русской сцены. О жизни и дѣятельности Ивана Ивановича Сосницкаго. Петроградъ, 1916. 175+XXI стр. Съ портр. и рис.

Худековъ, С. Н. Исторія танцевъ. Ч. III. Петроградъ, 1915. 400 стр. Съ рис. Ц. 10 р.

§ 7. Школа рисованія, живописи, прикладного искусства. Искусство для всѣхъ. Подъ ред. А. В. Маковскаго и Вадима Лѣсового. Петроградъ, 1915. Изд. „Благо". 114 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Лавровъ, В. М.** Сферическая тригонометрія. М., 1915. Изд. маг. студенч. из-ва. 134 стр. Съ чертеж. Ц. 1 р. 25 к.

§ 2. **Худенко, А. Т.** Новая теорія мірозданія. I. Образованіе и движеніе магнитныхъ и діамагнитныхъ тѣлъ. Одесса, 1915. 3 нен.+84 стр. Ц. 75 к.

§ 3. **Абергъ, В. Я.** Атмосферная акустика. Обзоръ. Петроградъ, 1915. 69+IV стр. Съ черт. и рис.

Арнольдовъ, Н. Міровой эѳиръ и возможность утилизаціи энергіи его атомовъ. Екатеринбургъ, 1915. 39 стр.+1 табл.

§ 4. **Ласпаревъ, В. Д.** Къ вопросу о формѣ и строеніи склоновъ рѣчныхъ долинъ въ Южной Россіи. Одесса, 1915. 11 стр. Съ рис.

Липенскій, С. Н. Рѣки. (Физико-географич. очеркъ.) 1915. 24 стр. Ц. 25 к.

Чернышевъ, Ѳ. Н., акад. Историческая геологія. (Каменноугольная и Пермская системы.) Курсъ лекцій, читанныхъ въ Горномъ институтѣ императрицы Екатерины II. Петроградъ, 1915. Изд. Ѳ. Коняева. 287 стр. Съ VI табл.

§ 5. **Вагнеръ, Ю. Н.**, проф. Учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 1916. Изд. 2-е, испр. и дополн., Пироговскаго товарищества. VIII+344 стр. Съ рис.

Капелькинъ, В. и Флеровъ, А. Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. II (споровыя растенія.) М., 1915. Изд. 5-е, М. и С. Сабашниковыхъ. VI+63 стр. Съ рис.+2 табл. Ц. 60 к.

Максимовъ, А., проф. Основы гистологіи. Ч. II. Ученіе о тканяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. К. Л. Риккера. XI+614 стр. Съ 252 рис. и 1 табл. Ц. 5 р.

Саноцкій, А. С., проф. Основы анатоміи домашнихъ млекопитающихъ. Богучары, 1915. Изд. 2-е. 214 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Трояновскій, И. И. Курсъ природовѣдѣнія. Ч. III. Человѣкъ и животныя. М., 1916. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. 195 стр. Съ рис. и 4 табл. Ц. 95 к.

Федоровичъ-Шенецъ, А. Что думаютъ и говорятъ животныя о человѣкѣ. Петроградъ, 1915. 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

X. Книги для дѣтей.

Амичисъ, Э. де. Дѣвочка, спасшая поѣздъ и кораблекрушеніе. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа.) М., 1915. Изд. 9-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Ц. 5 к.

Благовѣщенскій, А. Степанычъ - старичокъ. Біографическій очеркъ сельскаго дьячка 40—60 годовъ. М., 1916. Изд. 6-е, А. Д. Ступина. 72 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Васильевъ, М. Исторія одного волчонка. Разсказъ. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа.) М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Войнсъ, Д. В Слонъ Раджа. Разсказъ. Чальперсъ Митчель. Моя любимица. Очеркъ. Петроградъ, 1915. Изд. В. И. Губинскаго. 29 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Джэмисонъ, С. В. Лэди Джэнъ. Повѣсть для юношества. Пер. съ англ. Е. А. Сысоевой. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е, А. Ф. Девріева. 257 стр. Съ рис.

Ермолова, Н. Рабство и освобожденіе негровъ. (Историческіе разсказы для народныхъ чтеній и школъ.) М., 1915. Изд. кн-ва „Школа". 32 стр. Ц. 7 к.

Львовъ, Вл. Жаркія страны. Разсказы о растеніяхъ, животныхъ и дикаряхъ тропическихъ странъ. М., 1915. Изд. 5-е. 96 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Льдовъ, К. Н. Мяу, мяушки, мяу! Веселые разсказы про котовъ, кошекъ и котятъ, въ стихахъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. Съ 50 рис.

Никольскій, А. М., проф. Собака. Очеркъ. М., 1916. Изд. 3-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 6 к.

Онрудъ, Г. Сидсель, длинная рубаха. Повѣсть. Пер. съ норвежск. Р. Тирасполь ской. М., 1915. Изд. 2-е, ред. журн. „Семья и Школа". 103 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Опочининъ, Е. Н. Въ деревнѣ и на охотѣ. Разсказы. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 3-е, ред. журн. „Юная Россія". 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Перро. Волшебныя сказки въ переводѣ Е. В. Лавровой. Рикэ-Хохолокъ. Петроградъ, 1915. Изд. 6-е, т-ва О. П. Поповой. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Робертсъ, Ч. Въ заводи. Разсказъ. Адамсъ, Э. К. Муша, одинокій волкъ. Разсказъ. Петроградъ, 1915. Изд. В. И. Губинскаго. 28 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Станюковичъ, К. М. Въ штормъ. Разсказъ. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и народа.) Изд. 3-е, М. В. Клюкина. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Харкевичъ, Н. и Новичъ, Н. Юрко. Пьеса для юношества съ пѣніемъ и танцами въ III дѣйствіяхъ и IV картинахъ. Дѣтскій театръ, № 4, издаваемый подъ ред. Н. Новича. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, перераб. 30+10 стр. Ц. 60 к.

Черскій, Л. Ф. О вѣрѣ нашихъ предковъ. (Въ школѣ и дома.) М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Подвигъ. (За родину.) Грузинское преданіе. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и народа.) М., 1915. Изд. 4-е, М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Шмидтъ, О. И. Галя. Разсказъ для дѣтей. Рисунки барона Клодта и В. Спасскаго. М., 1915. Изд. 6-е, А. Д. Ступина. 62 стр. Ц. 50 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 3. **Владиславлевъ, И. В.** Что читать? Указатель систематическаго домашняго чтенія. Съ предисл. Н. А. Рубакина. Вып. II. Художественная литература. Критика. Исторія литературы. М., 1915. Изд. 2-е, перераб. и доп., кн-ва „Наука". 130 стр. Ц. 50 к.

Нуссбаумъ, Е. І. Содержаніе главныхъ произведеній русской и всеобщей литературы по лучшимъ историко-литературнымъ источникамъ. Вып. I. Русская литература. Вып. II. Всеобщая литература. Кіевъ, 1915. Изд. 2-е, значит. доп., кн-ва И. И. Самоненко. III+154 стр. Ц. 1 р.

Радченко, В. Г. Указатель систематическаго чтенія книгъ по литературѣ для учащихся. Томикъ I для I, II, III и IV кл. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Обновленіе школы". 48 стр. Ц. 10 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1915 г.

Авто въ облакахъ. 1915 г. Ц. 1 р.

Алмазовъ, К. В. Великая война. Петрозаводскъ, 1915 г. Ц. 35 к.

Алтаевъ, А. Л. Пѣвецъ страданья и свободы. Ц. 1 р. Юноша-поэтъ. Ц. 50 к. Кн-во „Жизнь и Знаніе". Петроградъ, 1915 г.

Америка о виновникахъ войны. Изд. „Лукоморье". Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Ардашевъ, П. Н. Курсъ новой исторіи. Кіевъ, 1915 г Ц. 1 р.

Аржановъ, С. П. Методика начальнаго курса географіи. Кн-во „Жизнь и Знаніе". Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Арсеньевъ, К. К. За четверть вѣка (1871—94 гг.). Петроградъ, 1915 г. Ц. 3 р.

Баладыженко, К. Буковина и ея прошлое. Петроградъ, 1915 г. Ц. 30 к.

Безантъ, А. Теософія и новая психологія. Ц. 65 к. Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ. Ц. 55 к. Ученіе сердца. Ц. 45 к. Петроградъ, 1915 г.

Бёккъ, Р. М., д-ръ. Космическое сознаніе. Кн-во „Новый человѣкъ". Петроградъ, Ц. 2 р. 50 к.

Бенешевичъ. Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Петроградъ, 1915 г.

Бертенсонъ, Сергѣй. Дѣдъ русской сцены. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Боргманъ, А. И. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. Изд. Суворина. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Брусянинъ, В. В. Въ рабочихъ кварталахъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Булгаковъ, Сергѣй. Война и русское самосознаніе. М., 1915 г. Ц. 25 к.

Буховъ, Аркадій. Жуки на булавкахъ. Изд. „Новаго Сатирикона". 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлоцвѣтовъ, Николай. Религія творческой воли. Изд. Тума. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ, Германъ. Разсказы о замѣчательныхъ растеніяхъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе". Петроградъ, 1915 г. Ц. 65 к.

Вахтерова, Э. О. М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и избранныя произведенія. Изд. Сытина. Ц. 80 к.

Вермель, Сам. Танки. М., 1915 г. Ц. 60 к.

Виллари, Пасквале. Никколо Макіавелли и его время. Т. I. Изд. „Грядущій День". 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Виноградовъ, С. П. Краткій курсъ аналитической геометріи и дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Изд. Сытина. Ц. 1 р. 75 к.

Война и культура. *Содомовъ, А. И.* Сербія. № 36. Ц. 18 к. Черногорія. № 37. Ц. 10 к. Болгарія. № 38. Ц. 15 к. Славяне, ихъ прошлое и настоящее. № 39. Ц. 18 к. *Елеонская, Е.* Соединенные Штаты. № 40. Ц. 10 к. *Орловъ, А. С.* Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны. № 41. Ц. 20 к. *Содомовъ, А. И.* Чехія. № 42. Ц. 15 к. Изд. Кушнерева. М., 1915 г.

Волжинъ, Вл., Динзе, В. Ф. и **Смирновъ, С. Д.** О національной школѣ. Изд. О. В. Богдановой. Ц. 50 к.

Вундъ, М. Греческое міровоззрѣніе. Изд. „Огни". 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гернетъ, С. П. Миніатюры скальда. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герцовскій, Ив. Каскадъ любви. Ростовъ-на-Дону, 1915 г. Ц. 35 к.

Гнѣдичъ, П. А. Матеріалы по народной словесности Полт. губ. Полтава, 1915 г. Ц. 1 р. 30 к.

Гринъ. Загадочныя исторіи. Изд. журн. „Отечество". Ц. 1 р. 25 к.

Грузооборотъ въ Уфимск. губ. Изд. стат. отд. губ земства. 1915 г.

Гурвичъ, Георгій. „Правда воли

монаршей“ Ѳеофана Прокоповича. Юрьевъ, 1915 г. Ц. 70 к.

Депере, Ш. Превращенія животнаго міра. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Дмитріевъ, С. Н. и Насимовичъ, А. Ф. Русская Хрестоматія. Ч. II. Изд. Сытина. Ц. 2 р.

Дневникъ второго всероссійскаго съѣзда преподавателей математики. №№ 1—10.

Доклады второго всероссійскаго съѣзда препод. математики въ Москвѣ. 1915 г. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, С. Разсказы о прошломъ. Кн-во „Писателей въ Москвѣ“. Ц. 1 р. 25 к.

— Гекторъ. Кн-во „Писателей въ Москвѣ“. Ц. 50 к.

Жатва. Книга VI—VII. Москва. Ц. 2 р. 25 к.

Звягинцевъ, Е. Кому и зачѣмъ нужны народные дома? М., 1915 г. Ц. 20 к.

Зуммеръ, В. С. Система библейскихъ композицій А. А. Иванова.

Историческое Обозрѣніе. Подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. XX. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Историко-статистическія таблицы дѣятельности уфимск. земствъ. Изд. стат. отд. уфимск. губ. земск. управы. 1915 г.

Каблуковъ, Н. О повышеніи производительности труда въ русской промышленности. М., 1915 г. Ц. 40 к.

Calvert. Cinderella. Серія I. Англійскія книжки для русскихъ читателей. Ц. 25 к.

Кельберинъ, И. П. Черта осѣдлости. Кн-во Попова. Ц. 75 к.

Коганъ, П. С. Прологъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Кондратьевъ, Н. Д. Развитіе хозяйства кинешемскаго земства Костр. губ. Изд. кинешемск. земства. Ц. 1 р. 50 к.

Крымовъ, Вл. О прочемъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Левбергъ, Марія. Лукавый странникъ. Ц. 60 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Три пальмы. Изд. Сытина. Ц. 50 к.

Лесевичъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. II. Кн-во „Писателей въ Москвѣ“. Ц. 3 р.

Липецкій, А. Воля къ жизни. Кн-во „Лукоморье“. Петроградъ, 1915 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Лисовскій, С. С. Польская литература, исторія и древности въ 1912—13 гг. Петроградъ, 1915 г.

Манасеина, Н. Царевны. Кн-во „Тропинка“. Петроградъ, 1915 г.

Масловскій, В. Внѣ жизни. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Матеріалы и изслѣдованія о еврейской ремесленной промышленности. Т. II. С. О. Марголинъ. Портняжное производство. Петроградъ, 1915 г. Ц. 75 к.

Маяковскій, В. В. Облако въ штанахъ. Ц. 1 р.

Минорскій, В Ф. Курды. Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Мицкевичъ, Адамъ. Конрадъ Валленродъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Могилянскій, Мих. Художникъ слова. Памяти М. М. Коцюбинскаго. Петроградъ. 1915 г. Ц. 10 к.

Нижегородскій Альманахъ. Изданіе т-ва „Нижегор. Литер.“. 1916 г. Ц. 1 р.

Никандровъ, Н. Береговой вѣтеръ. Кн-во „Писателей въ Москвѣ“. Ц. 1 р. 25 к.

Новожиловъ, В. В. Значеніе внѣшняго рынка для Германіи. Кіевъ, 1915 г.

Новомбергскій, Н. Вымученныя кабалы въ Моск. Руси XVII ст. Петроградъ, 1915 г.

Оболенскій, Николай. Тризны. Новочеркасскъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Обуховъ, М. И. Мектебы Уфимск. губ. 1912—13 гг. Изд. уфимск. губ. упр.

— Школьная статистика. 1913—14 учебн. годъ. Изд. уфимск. губ. земск. управы. 1915 г.

Отчетныя свѣдѣнія о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій. Изд. главн. управл. землеустройства и земледѣлія. Петроградъ, 1915 г.

Оцѣночно-статистическое отд. тульск. губ. управы. Бюллетень № 2 за 1915 г.

Очерки естественно-истор. условій по волостямъ Актоб. уѣзда. Оренбургъ, 1915 г.

Погодинъ, А. Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Изд. Лемана и Сахарова. 1915 г. Ц. 2 р. 25 к.

Райковъ, Б. Методика практическихъ занятій по природовѣдѣнію. Изд. Карбасникова. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Религія М. Ю. Лермонтова. Воронежъ, 1915 г.

Розенбергъ, В. В. Современныя правоотношенія къ непріятельскимъ подданнымъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Романовская, Н. В. Грузинская царица Тамара и ея время. Труды груз. о-ва науки, искусства и литературы. Вып. I. М., 1915 г. Ц. 35 к.

Савицкій, Дмитрій. Пѣсни любви и страданій. Петроградъ, 1915 годъ. Ц. 2 р.

Салтыковъ, А. А., графъ. По старымъ слѣдамъ. Петроградъ, 1915 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Сельско-хозяйственныя данныя за 1914 г. Тургайско-уральскаго пересел. района. Оренбургъ, 1915 г.

Серафимовичъ, А. На рѣкѣ. Кн-во „Писателей въ Москвѣ“. Ц. 1 р. 25 к.

Систематическій указатель книгъ для дѣтей и юношества. Ч. I. Сказки. Петроградъ, 1915 г.

Справочная книжка тенишевскаго училища. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Статьи по сельско-хозяйственной статистикѣ за 1914 г. Саратовъ.

Сухановъ, Ник. Наши лѣвыя группы и война. Изд. Попова. Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Тотсъ, Георгій. На зеленой землѣ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Тимковскій, Н. Сергѣй Шумовъ. Кн-во „Писателей въ Москвѣ". 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Алексѣй Н., графъ. Приключенія Растегина. Т. VII. Кн-во „Писателей въ Москвѣ". Ц. 1 р. 25 к.

Тропфке, I. Исторія элементарной математики въ систематическомъ изложеніи. М., 1914 г. Ц. 1 р. 20 к.

Український Науковий Збірник. М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Украинскій вопросъ. Кн-во „Задруга". М., 1915 г. Ц. 1 р.

Франкъ, С. Л. Предметъ знанія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 3 р. 50 к.

Хинтонъ, С. Х. Четвертое измѣреніе и новая эра мысли. Кн-во „Новый Человѣкъ". Петроградъ. Ц. 1 р. 75 к.

Цыбульскій, С. О. Основы латинскаго языка. Изд. т-ва Вольфъ. 1915 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шмелевъ, Ив. Распадъ. Кн-во „Писателей въ Москвѣ". Ц. 1 р. 25 к.

Эйнгорнъ, С. Я., д-ръ. Массажъ и врачебная гимнастика. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Ягодовскій, К. П. Лѣтнія работы по естествознанію. Изд. тенишевскаго училища. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Литература, исторія литературы и литературная критика: Полное собраніе сочиненій *Е. А. Боратынскаго*. Т. II. Подъ ред. и съ прим. М. Л. Гофмана.—М. Ю. Лермонтовъ въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній подъ редакціей В. В. Каллаша 1

Исторія: *G. P. Googh.* History and Historians in the XIX century . . 2

Философія: *Эд. Карпентеръ.* Любовь и смерть 4

Правовѣдѣніе: Алфавитный указатель къ Своду Законовъ Россійской имперіи. Состав. *С. С. Войтъ* 5

Политика и публицистика: *И. Е. Гешовъ.* Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы 6

Педагогика и народное образованіе: *А. Серафимовичъ.* Морской волкъ и другіе разсказы. Народно-школьная библіотека 7

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1915 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Главная контора: Петроградъ, Лѣсной просп. (бывш. Нюстадская), 6. Телеф. 206-32.

Московское отдѣленіе конторы: Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 3 (С. В. Лысцовой).

Цѣна объявленій:

Передъ текстомъ:		Послѣ текста:	
1 страница	65 руб.	1 страница	45 руб.
1/2 страницы	35 „	1/2 страницы	25 „
1/4 „	20 „	1/4 „	14 „
1/8	10 „	1/8 „	7 „

На обложкѣ:

4-я (наружная) стр.	100 руб.	3-я стр. обложки и 1-я передъ титуломъ	80 руб.
1/2 стр.	60 „	1/2 стр.	45 „
		1/4 „	25 „

Построчно: 1 строка нонпарели въ 1 столбецъ (въ страницѣ 2 столбца):

На обложкѣ	1 руб.
Передъ текстомъ	70 коп.
Послѣ текста	40 „

За каждую тысячу вкладныхъ приложеній:

До 1 лота	9 руб.
„ 2 лотъ	12 „
„ 3 „	16 „
„ 4 „	20 „

Пріемъ объявленій: въ МОСКВѢ у М. Д. Турубинера: 4-ая Тверская-Ямская, д. 29, кв. 45. Тел 112-25.

Въ ПЕТРОГРАДѢ у Д. И. Марковскаго: Невскій, 46. Тел. 89-65.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ

на новый ежемѣсячный журналъ

ЛѢТОПИСЬ.

Издаваемый при ближайшемъ участіи

М. ГОРЬКАГО.

Первая книга выйдетъ въ началѣ декабря 1915 года.

Съ январьской книги въ журналѣ начнетъ печататься повѣсть **М. Горькаго: „Въ людяхъ“** (продолженіе **„Дѣтства“**).

Въ ближайшихъ книгахъ будутъ помѣщены произведенія: **Ив. Бунина, Ив. Вольнаго, М. Горькаго, Г. Гребенщикова, Л. Добронравова, Евг. Замятина, К. Тренева, В. Шишкова, И. Шмелева** и др.

ЖУРНАЛЪ ИМѢЕТЪ СЛѢДУЮЩІЕ ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденціи изъ главнѣйшихъ странъ Европы и изъ Соед. Штатовъ.

Внутреннее обозрѣніе. Политическая жизнь. Экономика и финансы. Самоуправленіе. Окраины. Школа. Церковь.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библіографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Журналъ будетъ выходить въ Петроградѣ, въ размѣрѣ 20—25 печ. листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (съ 1 января 1916 г.) — 12 руб., на полгода — 6 руб., на 3 мѣс. — 3 руб. Отдѣльный № высылается за 1 руб.

Лица, желающія получить и декабрьскую книгу за 1915 г., прилагаютъ къ подписной платѣ еще одинъ рубль.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 руб. 25 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала и, кромѣ того, въ Петроградѣ: въ отдѣленіи конторы въ кн. маг. Яснаго, Невскій, 66 и въ книжныхъ магазинахъ Сытина (Невскій, 68), Вольфа (Гост. Дворъ, 18) и Карбасникова (Гост. Дворъ, 19). Въ Москвѣ: въ отдѣл. конт. въ кн. магаз. „Наука“ (Б. Никитская, 10) и въ конторѣ Печковской. Во всѣхъ большихъ провинціальныхъ городахъ въ книжн. магаз. Сытина и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Б. Монетная улица, 18, тел. 108—91.

Издатель А. Н. Тихоновъ. Редакторъ Б. Ѳ. Радзишевскій.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

1) Контора редакціи **не отвѣчаетъ** за аккуратную доставку **по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.**

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины со своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно **въ главную контору редакціи—Петроградъ, Лѣсной пр., 6.**

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ главную контору редакціи **не позже,** какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо** прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) О **каждой** перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 1-го числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) За перемѣну адреса взимается **25** коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **50** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Петроградъ, Лѣсной пр., 6.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (переводчица).

Объ Окассенѣ и Николетъ.

Старофранцузская сказка-пѣснь.

Цѣна **50** коп.

Частныя лица, выписывающія изъ книгоиздательства (Петроградъ, Лѣсной пр. (бывш. Нюстадская), 6) непосредственно, за пересылку не платятъ.

Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., собств. домъ.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ПОСТАВЩИКА

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, БИБЛІОТЕКЪ, ЗЕМСТВЪ И ГОРОДСК. УПРАВЛЕНІЙ

И. Ф. КОСЦОВА.

Петроградъ, Литейный проспектъ, 28—10.

АККУРАТНО И НА ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ПОПОЛНЯЮ БИБЛІОТЕКИ: школьныя, ученическія и учительскія, общественныя публичныя, городскія, земскія, полковыя, для общественныхъ собраній, клубовъ, обществъ трезвости и проч.

Полный каталогъ 14.000 книгъ и условія высылаются безплатно (только учрежденіямъ и библіотекамъ).

Высылаю всѣ вышедшія и вновь выходящія книги.

ЦѢННЫЯ И ХОРОШІЯ КНИГИ УДЕШЕВЛЕННО

высыл. наложен. платеж. Цѣны назнач. безъ пересылки казен учрежден. высыл. безъ налож. плат.

Полныя собранія сочиненій.

Вересаева 10 т.—2 р., Г. Сенкевича 7 т.—6 р., Ѳ. М. Достоевскаго 24 т.—16 р., въ перепл.—19 р., Вернера 36 кн.—4 р., М. Прево 14 кн. за 2 р., В. Тихонова 16 кн.—2 р., Стан. Пшибышевскаго 9 т.—14 р., К. Тетмайера 10 т. за 9 р., Кл. Фибихъ 9 т. за 9 р., А. Шницлера 9 т. за 8 р. 50 к., Б. Шоу 10 т. за 8 р. 75 к., Г. Банга 10 т.—9 р., А. Гарборга 7 т.—5 р. 50 к., Іенсена 9 т.—7 р., С. Лагерлефъ 12 т.—10 р., Ав. Стриндберга 12 т. за 10 р. 50 к., Г. Аннунціо 12 т. за 10 р., въ перепл.—15 р., Пьера Лоти 12 т.—10 р., въ перепл.—15 р., М. Метерлинка 6 т.—6 р., Ж. Роденбаха 5 т.—4 р., въ перепл.—6 р., Ан. Франса 12 т.—10 р., А Н. Майнова 8 кн.—2 р., В. Г. Короленко 27 кн.—4 р. 50 к., Г. Стивенсона 20 кн.—3 р., Д. Л. Мордовцева 50 т.—7 р. 50 к., Л. Жаколь 18 кн.—3 р. 50 к., Эдм. Ростана 5 т.—1 р., Козьмы Прутнова 1 т.—1 р. 80 к., А. Пушкина 1 т. съ рис.—1 р. 30 к., Э. Ожешко 8 т. съ рис.—7 р., И. Тургенева 10 т.—9 р., И. Гончарова 12 т.—7 р., Салтыкова-Щедрина 40 т.—5 р., Г. Успенскаго 28 т.—3 р. 50 к., А. Толстого 12 т.—4 р.. Вс. Гаршина 4 т.—1 р. 50 к., С. Надсона 1 т.—1 р. 80 к., В. Г. Бѣлинскаго 4 т.—2 р. 50 к., М. Лермонтова 1 т. съ рис.—90 к., Ф. Шпильгагена 16 т.—6 р. 50 к., М. Загоскина 2 т.—2 р. 50 к., А. Апухтина 1 т.—3 р. 60 к., К. Станюковича 40 т.—4 р., Г. Ибсена 18 т.—2 р. 50 к., К. Гамсуна 18 т.—2 р. 50 к., А. Мея 8 т.—1 р., Л Андреева 17 т.—3 р. 50 к., А. Фета 5 т.—1 р. 25 к., О. Уайльда 8 т.—1 р. 35 к.. Всев. Соловьева (истор. ром.). 10 т.—7 р. 50 к., Гюи де-Мопасана 15 т.—3 р.. въ коленк. золоч. перепл.—5 р., Всев. Крестовскаго 8 т.—9 р., Всев. Крестовскаго (псевдонимъ Хвощинскій). 38 т.—4 р., Н. Помяловскаго 5 т.—1 р., В. Шекспира 4 т. съ рис.—4 р. 25 к., А. Писемскаго 38 т.—4 р., Н. В. Гоголя 12 т.—2 р. 50 к., Кап. Маріэта 24 т.—4 р., А. Дюма 86 т. съ рис.—12 р., Г. Гейне 16 т.—1 р. 50 к., Мольера 10 т.—1 р. 50 к., Ф. Тютчева 3 т.—80 к., Михайлова Шеллера 50 т.—3 р. 50 к., А. Чехова 16 т.—7 р. и 12 дополн. т.—4 р., всѣ 28 т.—10 р., Мельникова-Печерскаго 22 т.—4 р., Н. Лѣскова 36 т.—3 р., Горбунова 4 т.—80 к., В. Жуковскаго 12 т.—1 р 50 к., Г. Гауптмана 10 т.—1 р. 50 к., П. Боборыкина 12 т.—3 р., Данилевскаго 24 т.—4 р.

Полное собраніе сочиненій Гюи де-Мопасана.

15 томовъ, 4,070 стр., въ перев. лучшихъ русскихъ переводчиковъ, съ портр. и біограф. за 3 руб., въ роскошн. коленкор. тиснен. перепл. за 5 руб.

Собранія сочиненій, раскошныя изданія Брокгауза—Ефрона съ гравюрами и рисунками въ роскошн. полукож. перепл., экз. совершенно новые А. Пушкина. 5 т., вм. 40 р. за 28 р., Байрона. 3 т., вм. 24 р. за 16 р., В. Шекспира. 5 т., вм. 40 р. за 25 р., Шиллера. 5 т., вм. 32 р. за 20 р., Мольера. 2 т., вм. 16 р. за 12 р.

Разныя книги:

Исторія всеобщей литературы подъ ред. Корша и проф. Кирпичникова. 4 т. за 50 р. **Плоссъ, проф. Женщина** въ естествовѣд. и народовѣдѣніи. 2 т. 800 стр. съ рис. за 2 р. 50 к. **Исторія Россіи XIX вѣка** Коллективн. трудъ проф. Н. Карѣева, Покровскаго, Кизеветтера и др., изд. т-ва Гранатъ. 9 т. въ 35 вып. со множ. портр., вм. 42 р. за 27 р. **Чтецъ-декламаторъ** Собр. художеств. стихотв. и прозы въ изящн. перепл. за 1 р. 50 к. **Проф. А. Форель. Половой вопросъ.** 2 т. 500 стр. съ рис. за 1 р. **Книга для женщинъ.** Анатом., физіол. и гигіена и жизнь организма женщины д-ра Адамсъ. 840 стр. съ 696 рис., вм. 4 р. за 2 р. 50 к. **Спутникъ практической жизни.** Иллюстрир. сборникъ всевозможн. свѣдѣній изъ городской и сельской жизни. Подъ ред. Броперсона. 2217 стр. съ 523 рис., вм. 4 р. за 2 р. 25 к. **Очеркъ литературы древнихъ и новыхъ народовъ** И. Гарусова. 2 т. 756 стр. съ рис., вм. 3 р. за 1 р. 75 к. **Сводъ законовъ Россійской Имперіи.** 16 т. въ 5 большихъ книгахъ. Подъ ред. Мордухай Болтовскаго 1914 г., въ полукож. перепл., вм. 32 р. за 24 р. **Гюрихъ, Г. Минеральное царство.** 723 стр. съ раскрашен. и черными рисунками, изд. Брокгауза, въ полукож. перепл., вм. 7 р 50 к. за 5 р 50 к. **Розенбоомъ и Грунмахъ.** Силы природы и пользованіе имн. 660 стр. съ раскрашен. и черн. рис. въ полукож. перепл., изд. Брокгауза, вм. 7 р. 50 к. за 4 р. 75 к. **Вармингъ.** Распредѣленіе растеній, экологич., географ. растеній. 474 стр. съ рис., въ полукож. перепл., вм. 6 р. за 4 р **Млекопитающія.** Проф. Бихнера. 860 стр съ раскрашен. и черн. рис., въ полукож. перепл., изд. Брокгауза, вм. 9 р. за 6 р. 50 к. **Насѣкомыя.** Проф. Шарпъ. 1058 стр. съ раскрашен. и черн. рис. и табл., изд. Брокгауза, въ полукож. перепл., вм. 10 р. за 7 р. 50 к. **Проф. Ратцель.** Земля и жизнь, сравнит. землевѣдѣніе. 2 т. около 2000 стр. со множ. раскрашен. и черныхъ таблицъ и рис., въ полукож. перепл., изд. т-ва „Просвѣщеніе", вм. 15 р. за 8 р. **Классическое искусство.** Монографія проф. Вельфлина, роскошн изд. со множеств. раскрашен. и черныхъ снимковъ съ картинъ въ роскошн. перепл., больш. томъ, изд. Брокгауза, вм. 10 р. за 7 р. **Судебная медицина растленія** Атласъ рисун. Беллина съ текстомъ Никитина, вм. 3 р. за 1 р. 50 к. Жизнь животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры. Проф. Корнишa, перев. проф. Мензбира. 2 т. роскошн. изд. съ рис. въ краскахъ, въ роскошномъ перепл., вм. 18 р. за 13 р.

Краткій каталогъ высылается безплатно.

Санаторій „СОКОЛЬНИКИ“

Д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА.

Москва, Сокольники, Поперечный проспектъ. Телефонъ № 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней **нервныхъ, внутреннихъ, обмѣна** и т. п. По роскошнымъ удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ. Проспекты по требованію.

Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., собств. домъ. Телефонъ № 102-77.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

А. Бергсонъ.

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.

Единственный авторизованный перев. съ франц. В. А. Флеровой. Съ портретомъ автора. Стр. IX+332.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Баронъ Б. Э. Нольде,

профессоръ международнаго права Политехн. Инст. Императора Петра Великаго.

НАЧАЛО ВОИНЫ.

Опытъ дипломатической исторіи.

Стр. 40.

Цѣна 60 коп.

Частныя лица, выписывающія книги изъ издательства (Петроградъ, Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., соб. д.

Петръ Струве.

Гр. С. Ю. ВИТТЕ.

Опытъ исторической характеристики.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русской Мысли“. Мартъ, 1915 г.

Цѣна 25 коп.

Напечатано ограниченное количество экземпляровъ.

А. Н. Мандельштамъ.

МЛАДОТУРЕЦКАЯ ДЕРЖАВА.

Историко-политическій очеркъ.

Стр. 68.

Цѣна 75 коп.

Частныя лица, выписывающія книги изъ издательства (Петроградъ, Лѣсной просп., бывш. Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., соб. д.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И СКЛАДЪ
ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ
А. Н. ПОЛЯКОВА,

Петроградъ, Вознесенскій просп., № 153 (Зданіе Ново-Александровскаго рынка),

ПРЕДЛАГАЕТЪ УДЕШЕВЛЕННО СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Боборыкинъ. 12 т.—2 р. 50 к., въ пер.—5 р.
Гамсунъ, Кнутъ. 18 т.—2 р. 50 к., въ пер.—4 р. 50 к.
Гауптманъ. 10 т.—1 р. 50 к., въ пер.—2 р. 75 к.
Гейне. 16 т.—1 р. 25 к., въ пер.—3 р.
Гоголь. 12 т.—2 р. 50 к., въ пер.—4 р. 50 к.
Гончаровъ. 12 т.—6 р. 50 к., въ пер.—9 р.
Горбуновъ. 4 т.—1 р., въ пер.—1 р 50 к.
Грибоѣдовъ. 1 т.—50 к., въ пер.—75 к.
Григоровичъ. 12 т.—6 р., въ пер.—8 р. 50 к.
Данилевскій.—3 р. 50 к., въ пер.—6 р.
Достоевскій. 24 т.—15 р., въ пер.—19 р.
Екатерина II. 1 т.—50 к., въ пер.—75 к.
Жуковскій. 12 т.—1 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50 к.
Ибсенъ. 18 т.—2 р. 50 к., въ пер.—4 р. 50 к.
Козловъ. 1 т.—50 к., въ пер.—75 к.
Кольцовъ. 1 т.—50 к., въ пер.—75 к.
Куприпъ. 21 т.—4 р. 50 к., въ пер.—7 р.
Лермонтовъ. 1 т., съ рис.—90 к., въ пер.—1 р. 40 к.
Ломоносовъ. 1 т.—50 к., въ пер.—75 к.
Лѣсковъ. 36 т.—3 р., въ пер.—6 р. 50 к.
Мей, Л. 8 т.—1 р., въ пер.—2 р.
М.-Печерскій. 22 т.—4 р., въ пер.—7 р.
Михайловъ-Шеллеръ. 50 т.—3 р., въ пер.—8 р.
Писемскій. 38 т.—4 р., въ пер.—8 р.
Полежаевъ. 1 т.—50 к., въ пер.—75 к.
Помяловскій. 5 т.—1 р., въ пер.—1 р. 50 к.
Салтыковъ-Щедринъ. 40 т.—5 р., въ пер.—9 р.
Станюковичъ. 40 т.—4 р., въ пер.—9 р.
Толстой, А. 12 т.—4 р., въ пер.—6 р.
Тургеневъ, И. С. 12 т.—9 р., въ пер.—12 р.
Уайльдъ, О. 8 т.—1 р. 50 к., въ пер.—2 р. 50 к.
Успенскій, Гл. 28 т.—3 р., въ пер.—6 р.
Фетъ. 6 т.—1 р. 25 к., въ пер.—2 р. 25 к.
Фонвизинъ. 1 т.—50 к., въ пер.—75 к.
Отечественная война. 7 т. (роскошн. изд.) въ пер. за 17 р. Изд. Сытина.
Чеховъ. 16 т. 1903 г.—6 р., въ пер.—9 р.
Чеховъ. 12 т. 1911 годъ—4 р., въ пер.—6 р. Оба года вм. 9 р., въ пер.—14 р.
Сенкевичъ. 7 т.—6 р. 25 к.
Баратынскій. 2 т.—75 к., въ пер.—1 р. 25 к.
Ганъ. 6 т.—1 р., въ пер.—1 р. 50 к.
Гнѣдичъ. 10 т.—1 р. 50 к., въ пер.—2 р.
Грановскій. 6 т.—1 р. 50 к., въ пер.—2 р.
Давыдовъ, Д. 3 т.—1 р., въ пер.—1 р. 50 к.
Державинъ. 4 т.—1 р. 25 к., въ пер.—2 р.
Дмитріевъ. 2 т.—50 к., въ пер.—1 р.
Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. 12 т. въ пер.—6 р.
Соловьевъ, Всев. (романистъ). 10 т.—7 р.
Буссенаръ, Л. 40 т.—5 р.
Диккенсъ, Ч. 46 т.—7 р.
Дюма (отецъ), первые 40 т.—5 р.
Дюма (отецъ), вторые 44 т.—5 р.
Жаколіо. 18 т.—3 р.
Караванъ. 20 т., въ пер.—8 р.
Конанъ-Дойль. 20 т.—3 р. 50 к.
Куперъ. 36 т.—5 р.
Майнъ-Ридъ. 40 т. (съ альбомомъ) въ пер.—13 р.
Маркъ Твенъ. 28 т.—5 р., въ пер.—8 р.
Марріетъ Капитанъ. 24 т.—3 р. 50 к. въ пер.—6 р.
Немировичъ-Данченко. 30 т.—7 р. 50 к.
Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, 12 вып.—1 р. 50 к., въ пер.—2 р.
Шекспиръ. Соч., 5 т., роскошн. изд., въ пер., ц. 40 р. за 22 р.
Энциклоп. словарь. Брокгаузъ—Ефронъ. 86 полут. въ перепл., ц. 258 р. за 125 р.
Гельвальдъ. Земля и ея народы, въ пер. 4 т.—8 р.
Реклю. Человѣкъ и земля. 6 кн., въ пер.—2 р. 50 к.
Вальтеръ. Земля до появленія человѣка. 5 кн. за 1 р., въ пер.—1 р. 50 к.
Рюминъ. Чудеса техники. 6 кн.—1 р. 25 к.
Фламмаріонъ. Атмосфера. 5 кн.—1 р.
Его же. Популярная астрономія. 7 кн.—1 р. 25 к.
Пушкинъ. 1 т. съ рис.—1 р. 30 к., въ пер.—2 р.
Великая реформа. Роскошн. изд. 6 т. редакц. Дживелегова и друг. въ пер., ц. 25 р. за 15 р.
Гоголь. 1 т. съ рис.—1 р. 30 к., въ пер.—2 р.
Жуковскій. 1 т.—1 р. 30 к., въ пер.—2 р.
Никитинъ. 1 т. безъ рис.—75 к., въ пер.—1 р. 25 к.
Некрасовъ. 2 т.—4 р. 50 к., въ пер.—6 р.
Надсонъ. 1 т.—1 р. 80 к., въ пер.—2 р. 45 к.
Апухтинъ. 1 т.—3 р. 60 к., въ пер.—4 р. 30 к.
Мольеръ. 10 т.—1 р. 50 к.
Вересаевъ. 10 т.—2 р.
Андреевъ, Л. 17 т.—3 р.
Тютчевъ. 3 т.—1 р.
Жунъ. Мать и дитя.—2 р. 70 к., въ пер.—3 р. 35 к.
Малаховецъ, Елена. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ.—3 р. 60 к., въ пер.—4 р. 30 к.
Форель. Половой вопросъ. 2 т.—вм. 2 р. 50 к. за 90 к.
Вейнингеръ. Полъ и характеръ. 1 т.—вм. 2 р. за 85 к.
Боккачіо. Декамеронъ съ рис.—1 р. 80 к., въ пер.—2 р. 40 к.
Бѣлинскій. 4 т.—2 р. 70 к.
Мопасанъ. Полное собраніе соч. 15 т. за 3 р.
Брэмъ. Жизнь животныхъ. 3 т. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", въ пер.—24 р. за 14 р.
Ранке. Человѣкъ. 2 т., ц. 14 р. за 6 р. въ пер.
Кернеръ. Жизнь растеній, 2 т., ц. 15 р. за 7 р. 50 к.
Мейеръ. Мірозданіе. 1 т., ц. 8 р. 50 к. за 4 р. 50 к.
Большая энциклопедія, подъ ред. Южакова, изд. т-ва „Просвѣщеніе". 22 т. вм. 132 р. за 45 р. въ роскошн. пер.
Гюнтеръ. Происхожденіе и развитіе человѣка. 2 т. и 1 атласъ въ пер., ц. 24 р. за 15 р.
Нашествіе Наполеона. Отеч. война 1812 г. Роскошн. изд., подъ ред. Божерянова, въ папкѣ, ц. 18 р. за 10 р.
Три вѣка. Роскошн. изд. 6 т. въ пер. за 16 р. (изд. Сытина).

Всѣ вышеозначенныя книги высылаются налож. платежомъ немедленно по полученіи заказа, казеннымъ учрежденіямъ безъ налож. платежа. Пересылка за счетъ заказчика, упаковка за счетъ магазина. Цѣны безъ пересылки.

Высылаю книги по всѣмъ рекламамъ и объявленіямъ по ихъ цѣнамъ и дешевле.

Добросовѣстное исполненіе заказовъ, быстрое и аккуратное. Интересы заказчиковъ строго соблюдаются, пополненіе и составленіе библіотекъ всякаго рода.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.
1915 г.

BINDING SECT. NOV 11 1975

AP
50
R8
g.36
kn.10

Russkaia mysl'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 17 14 02 004 4